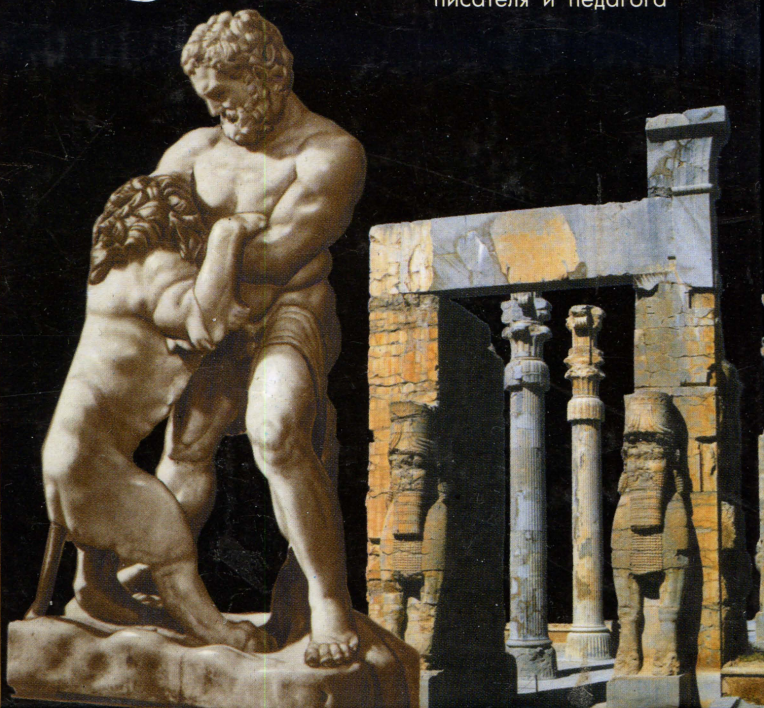

Карл Фридрих Беккер

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА
ВОСТОК
ГРЕЦИЯ

Всеобщая история
в изложении
знаменитого
немецкого историка,
писателя и педагога

ОЛМА-ПРЕСС

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

**ВОСТОК
ГРЕЦИЯ**

Карл Фридрих Беккер

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

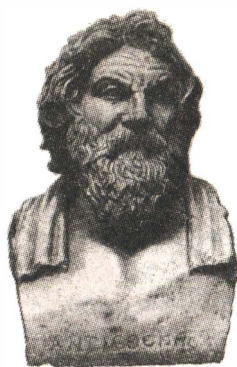

**МОСКВА
2001**

Карл Фридрих Беккер

ВОСТОК ГРЕЦИЯ

**МОСКВА
ОЛМА-ПРЕСС
2001**

ББК 63.3(0)3
Б 423

Беккер К. Ф.

Б 423 История Древнего мира: Восток. Греция. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 448 с.: ил.

ISBN 5-224-02115-4

Книга знаменитого немецкого историка, писателя и педагога XIX века Карла Фридриха Беккера представляет собой классический учебник, по которому изучали историю Древнего мира несколько поколений гимназистов в Германии, России и других странах Европы.

Книга содержит богатый иллюстративный материал по истории Древнего Востока и Древней Греции.

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-224-02115-4

© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2001

ПРЕДАНИЯ О ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЕНАХ

---

1. Еврейские предания

Самые древние предания о происхождении рода человеческого принадлежат иудеям. Соединившись в отдельное государство, они жили в Западной Азии и гораздо ранее греков обладали вполне сложившимся государственным устройством. В числе священных книг иудеи имели собрание преданий о первобытных временах и об истории народа израильского со времени поселения его в Ханаане.

По свидетельству этих преданий, мир и все, в нем существующее, были сотворены волею и всемогущим словом Божиим в шесть дней. В седь-

мой день Бог почил от трудов своих, и иудеям было предписано праздновать седьмой, священный день — «саббат» (суббота).

В шестой день Бог создал по образу и подобию своему первого человека — Адама (Адам значит «красноватый», так он был назван по цвету земли, из которой сотворено было его тело). Потом сказал Господь: «Нехорошо человеку быть одному» и дал ему в помощницы Еву, что означает «мать живущих». Первой человеческой чете Бог дал для жительства сад Эдем, или рай, где росли прекраснейшие плоды и цветы. Здесь Адам и Ева вели блаженную жизнь. Этому описанию соответствует имеющееся в ми-

фах почти всех древних народов представление о «золотом веке», о котором не перестают мечтать последующие поколения как о давно минувших и невозвратных временах ничем не возмутимого блаженства.

После грехопадения первых людей Бог изгнал их из рая, и они стали вести жизнь, полную скорби и труда. В мире появились несчастья, влечение ко злу и всеустрашающая смерть.

Сыновья Адама дали людям пример двоякого образа жизни: Авель был пастух (номад), а Каин — земледелец. Третьего сына Адама звали Сиф.

Каким образом первые люди отделились друг от друга и постепенно расселились по всей земле, объясняется в предании о том, как Каин убил брата Авеля. Осужденный на скитальческую жизнь, Каин оставил отечество и пошел на восток; Сиф же остался дома. Таким образом первая человеческая семья разделилась на две, и с течением времени образовались два небольших народа — кайниты и сифиты.

С размножением человеческого рода возросла и нравственная его порча, за что Бог, по словам предания, решил истребить потопом весь род человеческий, кроме одного из потомков Сифа — Ноя. Вместе с Ноем спаслись три его сына: Сим, Хам и Иафет, которые и стали прародителями расселившегося затем по всему земному шару человеческого рода.

Предание о большом потопе, совершенно изменившем поверхность земного шара, встречается почти у всех народов. Что весь земной шар

был когда-то затоплен водой, вполне подтверждается и геологическими исследованиями. До сих пор всюду встречаются остатки уничтоженного наводнением животного и растительного мира, большей частью в окаменевшем состоянии.

Происхождение разных языков на земном шаре в еврейском предании объясняется следующим образом.

Многочисленное общество людей собралось на равнине страны Сеннаарской, между Тигром и Евфратом, и решило построить башню, вершина которой достигла бы самого неба. Это прогневало Бога, и, чтобы положить конец пагубному предприятию, он смешал языки строителей, и они перестали понимать друг друга. От этого начатая постройка получила название Вавилонская башня, то есть башня смешения. Раздосадованные неудачей, люди разошлись в разные стороны, и, переселившись в новую местность, каждый из них передал своим потомкам свой новый язык.

2. Греческие предания

По представлениям евреев, происхождение мира, как мы видели, является действием творческой силы Бога. Иначе представляется оно у греков, изображающих его скорее как событие случайное, независимое от воли всемогущего божества. Греческий поэт Гомер (живший в VIII в. до н.э.) говорит, что мир возник из Океана, то есть вселенского моря. По рассказу же поэта Гесиода (около 700 г. до н.э.), мир произошел из Хаоса, грубой и бесформенной массы, в ко-

торой боролись и бушевали смешанные между собой стихии. Единственными в этом мире живыми существами были тогда богиня земли Гея и бог неба Уран. Они сочетались между собой браком и произвели на свет различного рода божества-чудовища: гекатонхейров, имевших по 100 рук и по 50 голов; циклопов — с одним большим глазом посреди лба; титанов и гигантов — исполинов необычайной силы. Вскоре Уран прогневался на циклопов и низверг их в глубины Тартара (ада). Тогда Гея подговорила других своих детей отомстить за смерть их братьев, и они напали на отца. Кронос, младший из титанов, изувечил его и воссел на престол. После этого он взял в жены свою сестру Рею. Так как Уран и Гея предсказали ему, что он в свою очередь также будет свергнут с престола одним из своих сыновей, Кронос стал проглатывать каждое рождавшееся у Реи дитя. Последним родился Зевс. Рея отдала Кроносу вместо него камень, завернутый в пеленки, а Зевса скрyla в пещере на острове Крит. Там его воспитывали две нимфы. Чтобы Кронос не мог слышать с Олимпа криков мальчика, у входа в пещеру стояли на страже воинственные мужи Куреты и ударяли копьями в щиты.

Когда Зевс вырос, он сочетался браком с дочерью Океана, которую звали Метис (мудрость). Метис поднесла Кроносу напиток, от которого он извергнул из себя камень вместе со всеми проглоченными прежде детьми. Это были: Гестия, богиня огня и домашнего очага; Гера, покровительница браков; Деметра, богиня земледе-

лия и плодородия; Аид, бог подземного царства; Посейдон, бог морей и источников. Затем Зевс объявил отцу открытую войну, но в продолжение десяти лет не мог победить его. Тогда Гея предредила ему победу, если он призовет к себе на помощь низвергнутых в Тартар. Освобожденные циклопы немедленно сковали Зевсу молнии, Аиду — шлем, а Посейдону — трезубец. Пришли и могучие гекатонхейры и тоже встали в ряды Зевса. Борьба была ужасна. Чтобы взобраться на Олимп, титаны взгромодили в Фессалии друг на друга горы Пелиос и Осу. Зевс свергнул своего отца Кроноса с неба, потом поразил молниями титанов и сбросил их в Тартар, а циклопам назначил для жительства остров Сицилия. После этого он разделил с братьями господство над миром: самому Зевсу досталось небо, Посейдону — море, Аиду — преисподняя.

Символическое значение битв богов, происходивших в Фессалии, совершенно ясно: если Зевс победил наконец своего жестокого отца Кроноса и его братьев титанов, то смысл этого в том, что сильные перевороты, произведенные на земле водой и огнем, предшествовавшие образованию нынешней земной поверхности, кончились. Примером многих областей, где производились перевороты, приведена Фессалия.

Под конец Гея родила еще сына Тифона, ужаснейшего из всех чудовищ. На его плечах двигалась сотня змеиных голов, переплетавшихся между собой длинными шеями, лизавших все окружающее ядовитыми языками и извергавших пламя из бесчисленных

глаз. Страшные звуки, похожие то на львиное рыканье, то на собачий вой, то на змеиное шипенье, вылетали из множества разинутых пастей. Сам Аид и обитатели Тартара трепетали перед ужасным чудовищем. Наконец Зевс молниеносными стрелами низверг его в самую глубь земли и навалил на него остров Этна. С тех пор Тифон старается освободиться, пытая и издавая стоны, и от этого происходят ветры и завывания бури.

Сыну одного из титанов, Прометею, удалось спастись в великой борьбе с Зевсом. После этого он стал забавляться лепкой фигур из смеси земли с водой и вдыхал в них жизнь. Так произошли первые люди, существа жалкие, беспомощные, похожие на животных и не обладавшие никаким знанием, так как они были еще лишены божественного света — разума. Тогда Прометей тайком взошел на небо, похитил немного небесного огня, спрятал в тростник и дал его людям, у которых вследствие этого появились разум и искусство. Но ревнивый к своей власти Зевс воспламенился страшной завистью. Он послал своих ужасных вестников — Силу и Могущество — и велел им приковать дерзкого титана к утесу Кавказских гор, где коршун каждый день раздирает ему грудь и пожирал его печень, которая за ночь вновь нарастала. Только после долгих веков мучений, по велению Рока, знаменитый Геракл убил коршуна и освободил прикованного Прометея. Созданные

Прометеем люди были истреблены страшным наводнением, залившим по воле Зевса горы и равнины Фессалии. Удалось спастись только родному сыну Прометея Девкалиону и его жене Пирре. Подобно Нюю, они девять дней носились по волнам в деревянном ящике и после того, как спали воды, остановились на горе Парнас. Здесь они принесли Зевсу благодарственную жертву, и в награду за их детскую чистоту и благочестие он позволил им попросить его о какой-либо милости. Они попросили о возобновлении человеческого рода. Тогда Зевс приказал им бросать камни назад через плечо, и камни Девкалиона превратились в мужчин, а камни Пирры — в женщин. Сыновья и внуки Девкалиона были первыми царями новосозданного человеческого рода, и их имена сохранились в названиях греческих народов. Вот родословная таблица Девкалионова семейства: у Девкалиона был сын Эллин, сыновей Эллина звали Дор и Эол, а внуков — Ион и Ахей.

От имени Эллина произошедший от него народ назвался эллинами, а четыре племени его — доряне, эолийцы, ионийцы и ахейцы — своими родоначальниками считали сыновей и внуков Эллина.

Олимпийские боги со временем полюбили созданных Прометеем людей, часто сходили к ним на землю и вступали с ними в общение. Это способствовало развитию искусств и культуры.

ЕГИПТЯНЕ

---

1. Общие сведения

Одной из стран, выступающей перед нами из мрака истории, является Египет. Хотя мы очень мало знаем о его древнейшей истории, но все то, что дошло до нас о его устройстве и образе правления, говорит нам, сколько было странного и своеобразного в общественном строе и обычаях этого государства. Уже одни природные свойства самой страны способны были придать всему египетскому народу особый характер. Будучи в Северной Африке единственной страной, орошаемой большой рекой, Египет связан этой реке — Нилу — своим плодородием и культурой, так как без него страна была бы бесплодной, песчаной пустыней. Нил выходит из двух больших озер Внутренней Африки — Виктория-Ньяса и Альберт-Ньяса и, после соединения двух своих рукавов — Белого и Голубого Нила, течет почти в прямом направлении с юга на север. Огромное значение его для

Египта лучше всего объясняется в живом описании французского ученого и путешественника Масперо:

«Египет есть не что иное, как плодородная, переброшенная через пустыню полоса земли, оазис, простирающийся по берегам реки и непрерывно снабжаемый из нее необходимою для своей растительности влагою. Надо видеть Египет во время самого низкого уровня воды, за месяц до летнего поворота солнца, чтобы понять, что случилось бы с этою страню, если бы по какому-либо случаю она лишилась своей оплодотворяющей реки. Нил в эту пору до того отступает в глубь своего русла, что имеет лишь половину своей обыкновенной ширины, и его мутные, глинистые, медленно текущие воды как будто вовсе не движутся. Оба берега реки состоят из песчаных мелей или обрывистых черноватых куч ила, постоянно прожигаемых солнцем. За ними нет ничего, кроме песков и бесплодной пустыни, потому что в особенности господствующий в продолжение двух недель иносящий массу песку южный ветер —

хамсин дует в это время почти беспрерывно. Там и сям в пыльном, ослепляющем глаза раскаленном воздухе виднеются стволы и ветви деревьев; но листья их до того покрыты пылью, что издали их невозможно отличить от окружающих песков пустыни. Только с помощью тщательного орошения удается сохранить нечто вроде зелени в садах египетских пашей. Но вот поднимается северный ветер, первый признак приближения конца этого страшного времени года, и начинает дуть по целым дням с необыкновенною силой, нередко даже с бешеной яростью. Быстро освобождает он от пыли листву кустарников, тянущихся по всему Нижнему Египту, и возвращает ей прежний зеленый цвет. Ветер этот, дующий по всей египетской стране в течение четырех месяцев, сильно смягчает зной солнца, в эту пору выше всего стоящего на небе.

Вскоре с рекой происходит перемена. Находящийся в Каире водоизмеритель Нила показывает, что уровень воды поднялся на один или два дюйма и что вода начинает терять чистоту и свежесть, делавшие ее еще накануне приятной для питья. Она принимает мутно-зеленый цвет стоячей воды в заводях, и в ней появляются вредные для здоровья вещества. Утверждают, что зеленая вода в Ниле есть явление природы, происходящее от больших масс стоячей воды, остающихся после ежегодных наводнений в южной Нубии на обширных песчаных равнинах Дарфура. Вода эта по шести и более месяцев стоит под тропическим солнцем и загнивает; потом она уносится наводнением и возвращается в русло

реки. Затем вода в реке начинает прибывать очень быстро. Но проходит еще от десяти до двенадцати дней, прежде чем наступает время последнего и самого необычайного из представляемых Нилом явлений. Я постараюсь описать здесь произведенное им на меня первое впечатление. Это было под конец длинной и, как мне по крайней мере показалось, томительной ночи. Наша барка была застигнута затишьем на ширине города Бени-Гассана, в Верхнем Египте. Тщетно стараясь заснуть, я вдруг увидел верхний край солнечного диска, поднимавшегося над цепью аравийских гор. Я был изумлен, заметив, что как только солнечные лучи падали на воду, она тотчас принимала темно-красный цвет. Эта окраска становилась тем гуще, чем ярче делался свет, и, прежде чем солнце совершенно вышло из-за холмов, Нил принял вид кровавой реки. Я подумал, что все это было простой обман зрения, наскоро оделся, нагнулся через борт, но то, что мне представилось, только подтвердило справедливость моего первого наблюдения. Вся масса воды была непрозрачна, мутна, красного цвета и похожа на кровь более, чем на что-либо другое. При этом я заметил, что за ночь вода в реке прибыла на несколько дюймов. Степень красноты и мутности беспрерывно меняется. В те дни, когда прибыль воды в Ниле бывает не более одного или двух дюймов, вода становится опять полупрозрачною, но все-таки не теряет своего темно-красного цвета. Вредных частиц, как во время зеленого Нила, она в себе не содержит, и вообще никог-

да вода Нила не бывает здоровее, приятнее на вкус и освежительнее, как во время наводнений.

Может быть, во всем царстве природы не найдется более привлекательного зрелища, чем Нил во время прибыли воды. День и ночь бегут его волны, величественно катится он по печальной песчаной глади беспредельных пустынь. Пока мы медленно поднимаемся вверх по реке, напутствуемые северным ветром, нам почти ежечасно слышался шум от падения какой-нибудь запруды из ила, и, судя по тому, что все живое спешило туда, откуда слышался грохот, мы убеждались, что Нил одолел еще одну преграду и что его пенистые волны возвратили жизнь и радость еще какой-нибудь новой пустыне. Об очень немногом вспоминаю я с таким удовольствием, как о впечатлении, производимом Нилом, когда он во время своего ежегодного разлива в первый раз вторгается в какой-нибудь канал. Вся природа ликует от восторга. Мужчины, дети и буйволы бродят в его освежающих водах; стаи рыб, сверкающих серебристой чешуей, снуют взад и вперед в широком водном просторе; над ними в воздухе носятся тучи птиц с ярким и пестрым оперением. И этот праздник природы не для одних только высших ее созданий. Лишь только песок приходит в соприкосновение с оплодотворяющими водами, он буквально оживает — в нем кишат миллионы насекомых. За несколько дней до летнего поворота солнца наводнение достигает Мемфиса. Около той поры, когда у нас бывает осеннее равноденствие, вода в

Ниле стоит выше всего и затем начинает спадать. Ко времени же нашего зимнего солнцестояния Нил опять входит в свои берега и снова принимает светло-голубой цвет. В этот промежуток времени производится посев; когда же вода стечет, он обычно бывает уже окончен. За весною непосредственно следует время жатвы и, прежде чем задует песчаный ветер хамсин, урожай уже убран. Таким образом египетский год, сообразно свойствам местной природы, разделяется на три времени: четыре месяца посева и восхода хлебов, соответствующие приблизительно нашим ноябрю, декабрю, январю и февралю; четыре месяца жатвы, которые можно приравнять к месяцам нашего календаря от марта до июня включительно; наконец, четыре месяца наводнения заключают собой египетский год.

Вся местность, известная теперь под именем Дельты, находилась некогда под водой. Волны Средиземного моря омывали подножье песчаного плоскогорья, над которым высится теперь великая пирамида, а Нил оканчивается несколько севернее того места, на котором впоследствии возник Мемфис. С веками частицы земли, уносимые Нилом с Абиссинских гор, осаждались на береговых низменностях в виде наносов ила и наполняли собою залив, отчего образовались обширные, прерываемые прудами равнины, по которым воды должны были пролагать себе путь. Морские наносы сделали эти отмели более твердыми, и из них образовалась впоследствии первая дельта, начинавшаяся несколько к югу от Мемфиса и

оканчивавшаяся милях в пятнадцать далее к северу. Из всего сказанного понятно, почему Геродот, первый из путешественников оставивший нам описание Египта, выразил произведенное на него этой страной чудес впечатление следующими немногими словами: «Египет есть дар Нила».

Что касается происхождения древних египтян, то, как полагают, они пришли из Азии через Суэцкий перешеек. На берегах Нила им встретилось другое, вероятно черное, туземное племя, принужденное отступить перед ним внутрь страны. Судя по дошедшим до нас сведениям, на северном берегу Африки, также как и в долине Нила, вплоть до болотистой страны у подножья Абиссинских гор, жили народы, резко отличавшиеся от негров цветом кожи, языком и нравами. Эти племена принадлежали к белой расе, и их языки находились в ближайшем родстве с семитической группой языков».

Вначале египтяне разделялись на множество племен, составлявших во многих местах небольшие независимые государства и имевших каждое свои законы и богослужение. С течением времени эти государства слились между собою, так что образовалось два больших царства: Нижний Египет, или Северное царство, вместе с Дельтой и городами Мемфисом и Саисом, и Верхний Египет, или Южное царство, с городом Фивами, простиравшийся от верховья Дельты до первого из четырех порогов Нила. Соединившись под одним скипетром, они составили наследственную монархию фараонов. Первоначальное разделение не уничтожилось совершенно: из

маленьких государств образовались провинции, а из провинций — правительственные округа, называвшиеся номами. Эти округа состояли из одного или нескольких городов с прилегающими к ним небольшими участками земли.

2. Древнейшая история египтян

Во всех преданиях и сказаниях, в особенности в «Росписи египетских царей» жреца Манефы, бывшего около 250 года до н. э. храмовым писцом в Фивах, первым царем называется уроженец города Фени в Верхнем Египте, по имени Мена (или Менес), царствовавший за 3200 лет до н. э. Он положил конец господству жрецов и основал египетскую монархию. Эта монархия существовала около четырех тысяч лет под правлением тридцати династий до Нектанеба (Нахт-Небефа), царствовавшего за 350 лет до н. э. Соответственно последовательному возвышению городов Мемфиса, Фив и Саиса вся древняя история Египта может быть разделена на три периода:

1. Мемфисский: I — X династии;
2. Фиванский: XI — XX династии;
3. Саисский: XXI — XXX династии.

Кроме Саиса, в этот период возвышались в Дельте и другие города, как, например, Бубастис и Танаис, имевшие нечто вроде местных династий (например, при XXII и XXIII династиях).

Последний период прерывается в первый раз при XXIII династии вторжением эфиопов. Они господствовали до 672 года и были побеждены ас-

сирийцами. Псамметих около 650 года прогнал ассирийцев и восстановил Саисскую династию. Второй перерыв был произведен вторжением персов при Камбизе в 625 году.

Об основателе египетской монархии Менесе греческий историк Геродот (около 450 г. до н. э.), путешествовавший по Египту и лично собиравший сведения от тамошних жрецов, рассказывает, что этот царь устроил на Ниле плотину в ста стадиях выше Мемфиса и тем принудил реку, протекавшую вдоль песчаных гор Ливии, покинуть старое русло и положить себе новое, между двумя горными цепями. Когда отделенная плотиною земля окрепла и старое русло реки было засыпано и осушено, Менес построил здесь город Мемфис.

С этих пор Мемфис сделался средоточием египетской культуры, и здесь литература, науки и искусства египтян достигли своего высшего процветания. Менес начал постройку большого храма богу Фта и установил богослужение. После более чем шестидесятилетнего царствования он умер, по преданию, от укуса бегемота. О ближайших преемниках Менеса, царях двух первых династий из Фени, до нас не дошло почти никаких сколько-нибудь достоверных сведений, и нам едва известны лишь имена их. Но уже и в эти древнейшие времена у египтян было в обычае с возможным тщанием предохранять от порчи мертвые тела людей и животных. Грек Диодор (около 40 г. до н.э.) говорит об этом обычае так:

египтяне называют жилища живых людей гостиницами, а могилы мертвых вечными домами, потому что мертвые пребывают безграничное время в подземном мире. Поэтому мертвые тела для предохранения от разложения превращали в мумии. Сперва вынимали внутренности, которые сохранялись в особых сосудах; затем тело погружали в противогнилостные жидкости, а потом завертывали, смотря по общественному положению и состоянию умершего, в дорогие или дешевые ткани и клали в соответствующее формам тела вместилище, украшенное надписями и изображениями; лицо же умершего закрывали маской. Это вместилище вставляли в несколько гробовых ящиков. Люди же богатые сооружали для этой цели каменные саркофаги из гранита, известняка или базальта.

В нескольких милях к западу от Мемфиса возвышается обширное плоскогорье, тянущееся на протяжении многих миль в одном направлении с рекою. Там находился мемфисский некрополь (кладбище). Здесь тела умерших хоронили на высоте почти ста футов* над уровнем Нильской долины. Могильные склепы высекались в каменной стене или выкапывались в рыхлом грунте и выкладывались плитами. Бедных людей зарывали большей частью наги и без гробов, просто в песок, на глубину одного метра; других хоронили в небольших прямоугольных усыпальницах, грубо устроенных из желтого кирпича; людям же зажиточным и богатым воздвигали монументальные гробницы. Те, которые сохранились до наших дней полностью, состоят из трех частей: на-

* 1 фут = 0,3048 м.

ружной часовни, колодца и подземелья. Часовня всегда четырехугольная и издали имеет вид усеченной пирамиды, а внутри обычно состоит из одной только комнаты. Вход в нее почти всегда с восточной стороны, так как запад, где заходит солнце, принадлежит богам мрака и смерти. Стены часовни покрыты барельефами, подробно изображающими всю жизнь покойного. В одном углу представлены сцены из домашней жизни: повара, раздувающие огонь и приготовляющие обед, женщины, танцующие и играющие на флейтах и арфах; в другом — случаи на охоте и рыбной ловле, происшествия во время наводнения. Там вы видите всякого рода ремесленников, занятых своими работами: сапожников, стекольщиков, литейщиков, столяров; все они следуют в порядке друг за другом. Глава дома стоит на корме большого судна и отдает приказания матросам; море, по которому он плывет, — море запада, а гавань, в которую он держит путь, не что иное, как сама могила. Чтобы найти отверстие колодца, надо подняться на плоскую кровлю часовни. Колодец этот четырехугольный и выложен большими красивыми камнями до того места, где он входит в скалу. Средняя глубина его бывает от 12 до 15 метров. На дне его, на южной стене, открывается проход, которым можно идти только согнувшись; он ведет в самую усыпальницу. Усыпальница высекается в самой скале и не имеет никаких украшений. Посреди ее стоит большой саркофаг из красного известняка, розового гранита или черного базальта; на нем начертаны имена и титулы умершего. После того как саркофаг с телом запечатывался,

рабочие клали около него четверть только что убитого в верхней комнате быка и ставили несколько наполненных пеплом больших кружек из красной горшечной глины; затем они тщательно заделывали вход в коридор и заполняли все углубление до самых краев щебнем, смешанным с песком и землей.

На этом защищенном от наводнений Нила плоскогорье выбирали себе места упокоения и цари. Их гробницы отличались от других уже своей величиной. Сначала на устроенные в утесах царские могилы в знак почета наваливались, вероятно, каменные глыбы или насыпались земляные холмы. Для защиты от дувших из пустыни сильных ветров эти земляные холмы приходилось укреплять и обкладывать камнями. Таким образом они постепенно приняли известную определенную форму: то были четырехугольные каменные сооружения, широкие в основании, а сверху все более и более сужающиеся и получившие вследствие этого пирамидальную форму. Впоследствии эти сооружения ради большей прочности и твердости стали делать сплошными и снаружи и внутри из отесанных под прямым углом и расположенных правильными рядами камней, и, таким образом, над гробницами царей нагромождались искусственные каменные горы. «Подобно горам, — говорит римский историк Тацит, — возвышаются среди зыбучих песков пирамиды, воздвигнутые соревнованием и волею могущественных царей».

Цари III династии (из Мемфиса), хотя изображения их не встречаются на открытых до сих пор памятниках,

известны нам по именам. Наиболее замечательными из них были Гуни и Снефу. Но их далеко превосходят известностью три знаменитых царя IV династии: Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен) и Менкара (Микерин), строители громаднейших царских могил, трех величайших пирамид в окрестностях Гизеха и Нила, напротив Каира, в области древнего Мемфиса. Самая огромная из них — пирамида Хуфу, имеющая 137 метров вышины; каждая сторона ее основания имеет 200 метров. По свидетельству Геродота, 100 000 человек в продолжение 20 лет были заняты доставкой материала (известняка и гранита) для этой пирамиды и ее постройкой. «На пирамидах, — пишет Геродот, — обозначено также египетскими буквами, сколько было израсходовано на покупку рабочим редьки, луку и чесноку, эта сумма составляла около 1600 талантов серебра». Если это так, то сколько же пришлось употребить железа для рабочих орудий и сколько пошло всего на содержание и одежду рабочих? Посредине северной стороны начинается постепенно понижающийся проход менее одного метра в ширину и более одного метра в высоту, ведущий к могильному покою, находящемуся на 25 метров ниже основания пирамиды. Здесь когда-то находился саркофаг.

В могильном покое третьей по величине пирамиды найден прекрасно сделанный из голубого базальта саркофаг царя Менкары с его мумией. На нем надпись: «О, Осирис, царь Менкара, вечно живущий! Рожденный небом, выношенный во чреве Нуты, по-

томок Себа (это были духи земли и небесного свода. — К.Б.), твоя мать Нута распростирает над тобой свои объятия во имя твое, сокровеннейший на небесах. Да сделает она тебя богом и да уничтожит врагов твоих, Менкара, вечно живущий!»

Хуфу за жестокое угнетение народа непосильными работами был ненавидим своими подданными, и еще во времена Геродота о нем отзывались как о тиране. По словам Диодора, тела Хуфу и его сына Хафры были вытасканы озлобленным народом из саркофагов и разорваны на мелкие части.

В правление VI династии город Мемфис начинает утрачивать свое значение. Со вступлением на престол XI династии столицей становятся «стовратные» Фивы, а господствующей страной — Верхний Египет. Из царей XII династии, кроме Уэртозена III, окончившего начатое его предшественниками завоевание Нубии, заслуживает особого внимания Аменемхат III (около 2200 г. до н. э.), умевший с большим искусством осуществлять грандиозные планы. Так, например, он приказал устроить громадный водный резервуар, в котором собранный в годы сильных разливов Нила запас воды хранился на тот случай, если бы слабое разлитие реки стало угрожать стране засухой. Этот резервуар носил название Мери, то есть «озеро», поэтому греки строителем его называли царя Мерида, тогда как настоящим строителем был Аменемхат III. Два связанных шлюзами канала соединяли этот резервуар с Нилом и регулировали в нем приток и исток воды. Неподалеку от этого Меридова озера Аменемхат III постро-

ил лабиринт, служивший одновременно дворцом и усыпальницей. «Лабиринт, — говорит Геродот, — своею величиною превосходит даже пирамиды». Это было громадное четырехугольное здание, имевшее около 200 метров длины и 170 метров ширины, построенное частью из белого известняка, частью из гранита. В нем насчитывалось 1500 покоев над поверхностью земли и столько же под землей. «Египетские смотрители, — рассказывает Геродот, — ни за что не соглашались показать мне подземные покои, потому что там стояли гробы царей, построивших лабиринт, и гробы священных крокодилов». Очень может быть, что в этих темных покаях хранились священные одежды и другие ценные предметы для предохранения их от насекомых, пыли и солнца.

В правление XIV династии случилось чрезвычайно важное событие: вторжение в Египет около 2100 года до н. э. так называемых гиксов. По всей вероятности, это были сирийские кочевые племена, на языке египтян «гиксхус» означало «цари пастухов». Без сомнения, эти «пастухи», привлеченные в Египет изобилием плодов и пастбищ для скота, вторглись в него с востока и распространились по всему Верхнему и Среднему Египту. Это вторжение можно сравнить с налетевшей тучей всепожирающей саранчи: города и храмы — все было разрушено, разграблено, сожжено. Однако неистовства разрушения, по-видимому, были непродолжительны и, во всяком случае, не во все время господства гиксов, продолжавшегося 511 лет. В противном случае от египетского народа, его языка, обычаев и нравов, от

его искусства и цивилизации не осталось бы никаких следов.

Постепенно снова окрепла власть египетских царей в Фивах. Сначала удалось оттеснить гиксов к Мемфису, а затем после целого ряда продолжительных и тяжелых войн фиванских царей, особенно Амосиса (1680 г.), Тутмосиса (1625—1591) и Аменофиса III (1524—1488), освободить страну от чужеземного ига. В правление XIX династии Египет достигает апогея своего могущества и материального и духовного развития. Ярko блестят имена завоевателя Сета I (1439—1388), победившего пастушеские племена на восточной границе Египта и простершего свое оружие до Ханаана, Сирии и Месопотамии, и его сына Рамсеса II (1388—1322), укрепившего завоевания отца и присоединившего к Египту новые земли, находящиеся вверх по течению Нила. Наравне с ними может быть поставлен Рамсес III (1269—1244), за которым следовали еще одиннадцать царей из того же рода. Каждый из них не упускал случая украсить новую столицу государства, Фивы, новыми постройками. Подобно утесам, вырастали из земли эти здания своими плотными массами по обоим берегам Нила, а над всеми ними возвышался целый лес колоссов и обелисков. Больше всех способствовал украшению Фив Рамсес II. В Египте и Нубии не найдется почти ни одной развалины, на которой не попадалось бы его имя. До сих пор еще свидетельствуют о нем величественные остатки храмов и портиков близ деревень Канака, Луксора и Мединет-Абу. Еще и теперь там можно видеть полузанесенные песком, изображающие его самого два ко-

лосса в сидячем положении и обелиск из красного гранита, который, величественно поднимаясь к голубому небу, выказывает на ярком блеске неповрежденной полировки длинные ряды глубоко вырезанных иероглифов. В Нубии, близ Абу-Симбела, сохранились до сих пор от времен Рамсеса два храма из буро-желтого песчаника, посвященные один самим Рамсесом богу Ра, а другой — супругой его Нефруари богине Гафор. Перед вторым из этих храмов находятся шесть колоссов в сидячем положении, по три с каждой стороны от входа; средний из каждых трех изображает царицу, а два другие — царя. Перед первым храмом находятся четыре колосса, также в сидячем положении, с приложенными к бедрам руками; они высечены из одного куска и все изображают Рамсеса II.

Как близ Мемфиса, так и близ Фив находятся большие кладбища. Могилы жителей Фив тянутся непрерывной линией на расстоянии двух часов пути, занимая ливийский горный кряж, возвышающийся на 300 футов над равниною. Катакомбы и ведущие к ним проходы высечены в скалах. Могильные склепы расположены в несколько ярусов, соединенных между собой лестницами и шахтами. В нижних рядах похоронены богатые, а в верхних — бедные люди. Бесчисленные мумии последних нередко употребляются арабами на топливо. В катакомбах богатых людей встречается множество свитков папируса, а на стенах и потолках надписи и фресковая живопись, объясняющие сословие и занятие каждого умершего и передающие черты из его жизни. Во втором кряже гор находятся каменные

усыпальницы фиванских царей. Открыты усыпальницы Аменофиса III, Сета I, Рамсеса I и Рамсеса III. Четырехугольная дверь ведет внутрь скалы, через несколько шагов проход начинает спускаться в глубину. Стены его покрыты живописью, яркие краски которой сохранились довольно хорошо, но скульптурные изображения повреждены. Высеченная в скале усыпальница Сета I больше и великолепнее других. Она состоит из целого ряда проходов, покоев и часовен. Прежде всего коридор ведет к лестнице, по которой поднимаются в один из покоев; отсюда другая лестница ведет к галерее, смежной с большим залом, потолок которого подперт четырьмя колоннами. Из этого зала третья лестница ведет налево почти в такой же зал с неоконченными изваяниями, а направо — в широкую галерею, подпертую шестью колоннами и вдающуюся в глубину скалы более чем на 300 футов. Здесь покоилось тело царя в алебастровом саркофаге, покрытом скульптурными изображениями. Саркофаг этот был найден пустым и находится теперь в Британском музее.

Последним великим государем Египта был Рамсес III, второй царь из XX династии. Геродот называет его Рампсинитом и сообщает о нем следующее сказание. Рампсинит был богатый египетский царь. Он приказал пристроить к своему дворцу каменное казнохранилище без окон и дверей так, чтобы войти в него можно было только из его собственных комнат во дворе. Но архитектор был плут; он вставил одну большую плиту так искусно, что человеку, знакомому с этим секретом постройки, было легко вынуть плиту. Ему, однако,

ПРАВИТЕЛИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

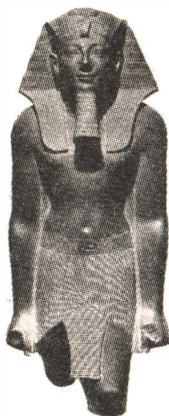
1

2

3

4

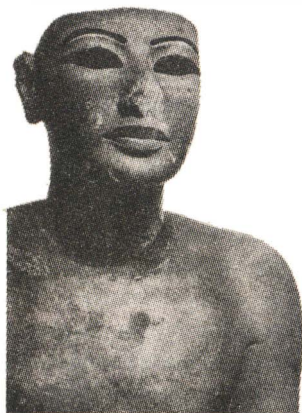
7

5

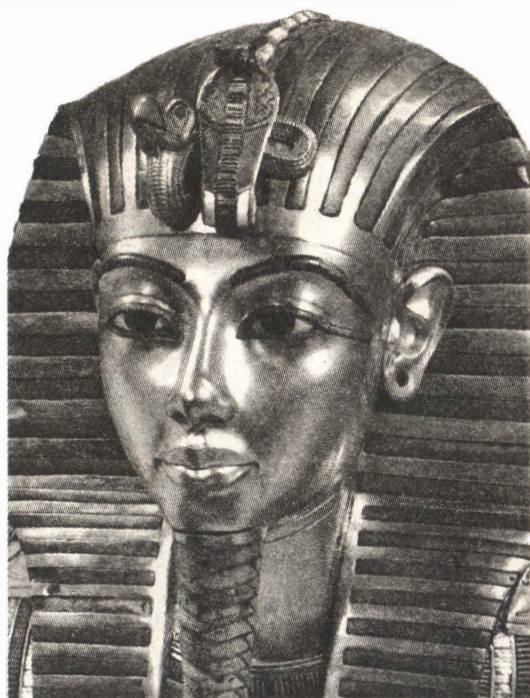

6

8

ПРАВИТЕЛИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

9

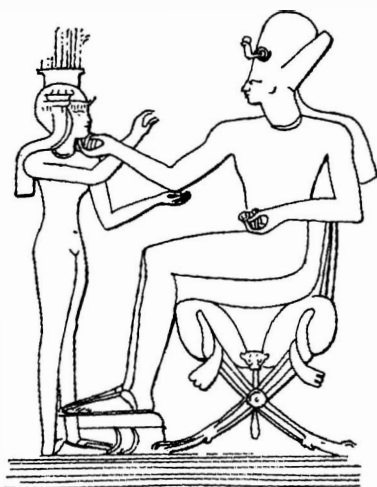
1. Фараон Хефрен.
Древнеегипетская статуя.
XXVIII в. до н. э.
2. Фараон Микерин II
с супругой Хамерернеbti II.
Древнеегипетская статуя.
XXV в. до н. э.
3. Фараон Джосер.
Древнеегипетская статуя.
Фрагмент. XXVIII в. до н. э.
4. Фараон Тутмос III.
Древнеегипетская статуя.
XV в. до н. э.
5. Царица Хатшепсут.
Древнеегипетская статуя.
Фрагмент. XV в. до н. э.
6. Нефертити. Бюст.
XIV в. до н. э.
7. Фараон Эхнатон.
Древнеегипетская статуя.
Фрагмент. XIV в. до н. э.
8. Фараон Сети I.
Древнеегипетская статуя.
Фрагмент. XIII в. до н. э.
9. Тутанхамон. Золотая погребальная маска.
XIV в. до н. э.
10. Царица Тия.
Древнеегипетская статуя.
XIII в. до н. э.
11. Фараон Рамсес II.
Древнеегипетская статуя.
Фрагмент. XIII в. до н. э.
12. Рамсес III с девушкой
из гарема. Рельеф из
дворца в Мединет-Абу.
XII в. до н. э.

10

11

12

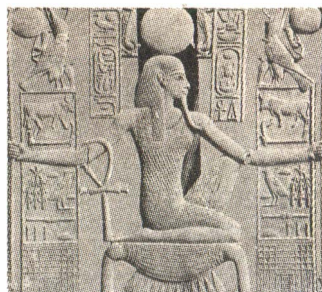
БОГИ. РЕЛИГИЯ

1

2

3

4

6

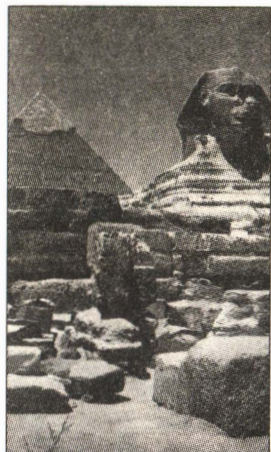
7

5

1. Мерит, певица бога Амона. Древнеегипетская статуя. Фрагмент. XIV в. до н. э.
2. Богиня Исида и царица Нефертити. XIII в. до н. э.
3. Астарта (богиня луны и плодородия). XII в. до н. э.
4. Крышка саркофага жреца Хор-са-Исета. VI в. до н. э.
5. Голова жреца из Мемфиса. V в. до н. э.
6. Бюст тетрарха. III в. до н. э.
7. Мемфисский жрец Раннофер. Древнеегипетская статуя.

АРХИТЕКТУРА

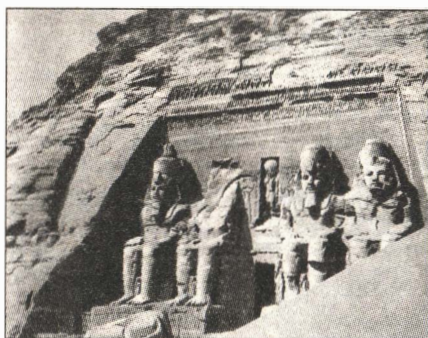
1

2

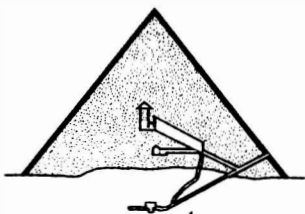
3

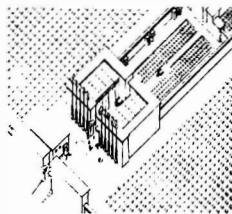
4

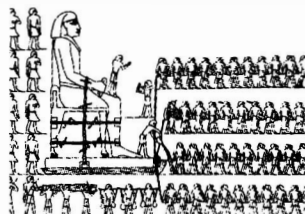
5

6

7

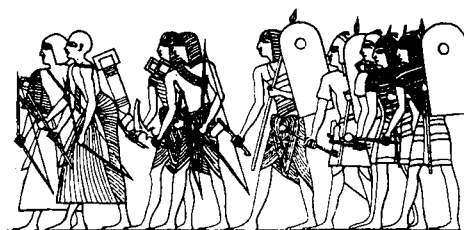

8

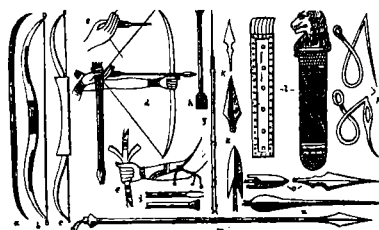
1. Большой сфинкс и пирамида фараона Хефрена в Гизе. XXVIII в. до н. э.
2. Колонны храма в Луксоре. XV в. до н. э.
3. Храм Амона в Луксоре. XV в. до н. э.
4. Храм Рамсеса II в Абу-Симбеле. XIII в. до н. э.
5. Ступенчатая пирамида фараона Джосера в Саккаре. III в. до н. э.
6. Пирамида Хеопса. Поперечный разрез.
7. Реконструкция входа в большой Солнечный храм в Амарне.
8. Перевозка гигантской статуи. Прорисовка с рельефа в гробнице.

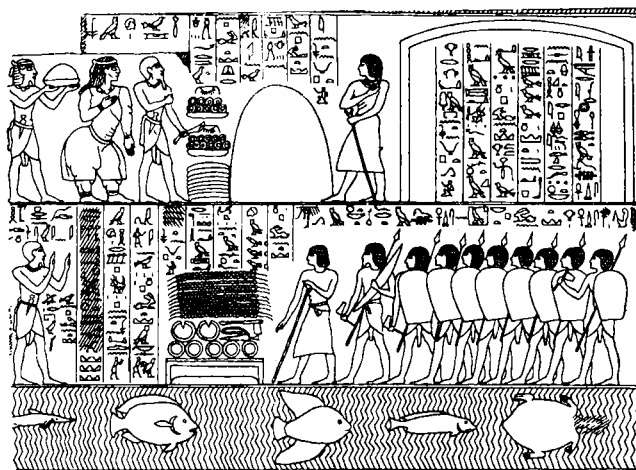
ВОЕННОЕ ДЕЛО

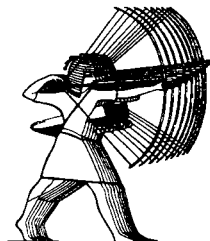
1

2

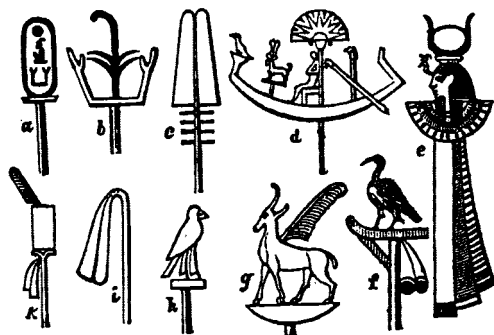
3

4

5

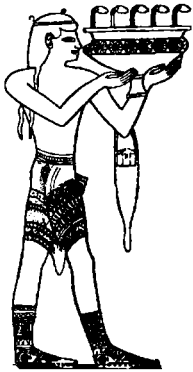
6

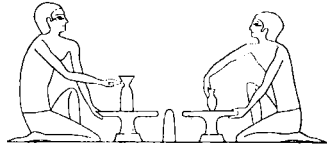
7

1. Отряд египетских воинов. Древнеегипетское изображение.
2. Оружие египетских воинов. Древнеегипетское изображение.
3. Военно-торговая экспедиция в Пунт. Древнеегипетское изображение.
4. Египетские стрелки. Древнеегипетское изображение.
5. Египетские воины. Древнеегипетское изображение.
6. Египетские знамена. Древнеегипетское изображение.
7. Египетская колесница. Древнеегипетское изображение.

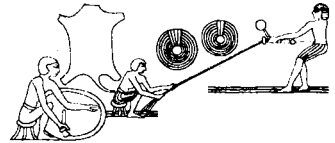
БЫТ

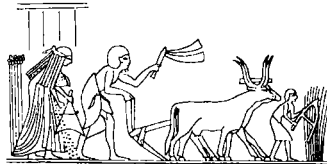
1

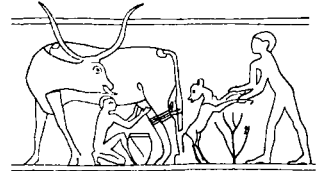
2

4

3

5

6

7

8

1. Дары криптян египетскому фараону Тутмосу III. Роспись гробницы в Фивах. II в. до н. э.
2. Гончары за гончарным кругом с ручным приводом. Древнеегипетское изображение.
3. Соха. Древнеегипетское изображение.
4. Изготовление ремней из кожи в Древнем Египте. Древнеегипетское изображение.
5. Доеие спутанной коровы. Древнеегипетское изображение.
6. Одно из первых изображений осла.
7. Постройка лодки. Древнеегипетское изображение.
8. Дом знатного египтянина. Древнеегипетское изображение.

не удалось воспользоваться плодами своей хитрости, потому что вскоре после окончания постройки он опасно заболел и умер. Но перед смертью он успел сообщить тайну двум своим сыновьям, которые в следующую же ночь отправились ко дворцу, вынули из наружной стены казнохранилища указанный им камень и взяли оттуда столько сокровищ, сколько могли унести. С изумлением заметил царь эту пропажу при отсутствии всяких следов повреждения здания. Убедившись при следующих посещениях казнохранилища, что пропажа продолжала возрастать, он пожелал узнать как самого вора, так и употребленный им способ, для чего и приказал расставить между сосудами, в которых хранились сокровища, сети и капканы. Хитрость удалась. В одну ночь, когда братья снова пришли к казнохранилищу и один из них пролез сквозь отверстие, в темноте он до такой степени запутался в сетях и был стиснут капканами, что уже не мог освободиться и принужден был отказываться от всякой мысли о спасении. «Брат, — воскликнул он в отчаянии, — для меня уже все кончено; но чтобы ты мог избавиться от гибели, отрежь мне голову и унеси ее с собой; тогда меня не узнают». Брат так и сделал. Царь был крайне удивлен, найдя в своем запретном казнохранилище труп без головы. Однако он не отказался от надежды узнать вора и в этом отношении рассчитывал на религиозный дух своего народа, необыкновенно дорожившего погребением умерших с подобающими почестями. Поэтому он приказал повесить тело на дворцовую стену и приставить к нему стражу с тем, чтобы она задерживала и представляла ему всякого, кто бу-

дет плакать над этим трупом. Эта вторая хитрость чуть было также не удалась царю. Мать двух братьев безутешно горевала о погибшем и стала грозить его брату, если он не доставит труп, обо всем донести царю. Тогда оставшийся в живых придумал новую хитрость. Он наполнил вином мехи, нагрузил ими несколько ослов и повел их мимо дворцовой стены, у которой стояли стражи. Подойдя к ним на близкое расстояние, он незаметно открыл один мех и стал выпускать из него вино на землю. Стражи бросились со своими сосудами, чтобы наполнить их вытекавшим вином. Погонщик ослов сначала прикинулся рассерженным, но, когда стражи стали шутить с ним, показал вид, что не сердится более, подсел к ним и позволил пить вино и из других мехов, так что все они опьянели и заснули. Между тем смеркалось и хитрецу нетрудно уже было снять со стены труп брата и взвалить его на осла. В насмешку над стражами он, прежде чем удалиться, отрезал у каждого из них по половине бороды. Изумление и гнев царя возросли еще больше, а желание узнать того, кто проделывает с ним все эти шутки, было так велико, что он приказал своей дочери объявить о готовности ее сделаться невестой и женой того, кто расскажет самое хитрое и самое постыдное дело своей жизни. Смелый вор, решившись снова перехитрить царя, явился во дворец и, когда царская дочь предложила ему условленный вопрос, отвечал, что самым постыдным его делом было убийство брата, а самым хитрым то, что он напоил допьяна царскую стражу. Услышав это, царевна схватила его за руку, но в ту же минуту увидела, как он выскочил от нее в двери, и с ужа-

сом заметила, что у нее осталась рука мертвеца, которую хитрец выставил ей из-под плаща вместо своей собственной. Тут царь принужден был окончательно отказаться от надежды перехитрить такого мастера обманывать других и приказал объявить, что тот, кто все это сделал, освобождается от всякого наказания и получит еще большую награду, если явится к нему добровольно. Виновный пришел во дворец; царь не мог ему удивиться и выдал за него свою дочь.

3. Общественная жизнь египтян

Если принять во внимание массу религиозных изображений на памятниках, бесчисленное множество встречаемых на них фигур богов и священных животных и рассуждения о религиозных предметах, постоянно попадающиеся в древних египетских рукописях, то можно смело заключить, что древние египтяне были народ благочестивый, который, следуя внутреннему влечению, старался при всяком случае выражать свою благодарность и свое благоговение к богу как высшей неземной силе и творческому началу всего существующего, как «отцу отцов и матери матерей».

«Хотя бог этот непостижим в своем существе, един и неизменяем, однако он, — говорится в одной египетской книге мертвых (т. е. в собрании молитв, составляющем непреходящую принадлежность каждой мумии при ее погребении), — создает свои собственные члены, которые сами суть боги». Таких второстепенных богов было множество. Но все божества,

переходя попеременно друг в друга, сливались в высшем божестве. Одним из главных был Фта в Мемфисе. В его храме находился священный бык Апис. Этот бык должен был быть черного цвета, иметь на лбу белое треугольное пятно, белые пятна на спине, изображающие летящего коршуна или орла (что, впрочем, нередко существовало лишь в воображении жрецов), нарост под языком в виде священного жука бога Фта и двуцветные волосы на хвосте. Жрецы Аписа воздавали ему божеские почести. В Оне (Гелиополис) поклонялись преимущественно богу солнца Ра, в Фивах и оазисе Сиве — Амону с бараньей головой, в Саисе — богине Нейфе и т.д. Среди высших богов любимейшими были Осирис и супруга его Исида. У них был сын Гор. Бог зла Тифон убил Осириса и рассек его на части. Исида отыскала их, соединила и похоронила. Гор, мстя за отца, убил Тифона. А Осирис был воскрешен Исидой.

Символическое значение этого мифа объясняют следующим образом: когда уровень Нила начинал понижаться и знойные ветры, дувшие с юга, вытесняли прохладный северный ветер, а дневной жар палил землю — вот время, когда Тифон убивал Осириса. В эту пору египтяне оплакивали исчезновение плодов и воссылали к богам мольбы о том, чтобы вместо исчезнувших плодов вырастали новые. Затем, когда оканчивался посев, египтяне погребали Осириса. Когда же Египет снова оплодотворялся наводнением Нила, когда солнце сияло в новом блеске, когда начинали вырастать новые

плоды, то рожденный около зимнего поворота солнца Гор вырастал и побеждал Тифона. Сын Осириса, мстящий за отца, изображал собой обновленную силу солнца, возродившуюся жизнь природы и новые благодеяния года.

В этом мифе поэтически изображена вечная борьба между добром и злом. Доброе начало — это для египтян Нил, приносящий им благодать и пищу, а злое — знойный ветер пустыни. Таким образом Осирис является мужской силой природы, распространяющей жизнь и развивающей растительность, богом солнца и Нила. Исида же олицетворяет силу женскую, рождающую из себя все живое, оплодотворяемую и плодоносную землю.

Некоторые боги, по понятиям египтян, являлись в образе известных животных, сообщая их телам частицу своей божественности, то есть воплощаясь в них. Так, например, бык Апис назывался душой Осириса; другими священными животными были цапля, ежегодно возвещавшая своим возвращением новое оплодотворение земли и потому посвященная в Гелиополисе Осирису, затем кобчик, кошка, крокодил и прочие. Вера в бессмертие души у египтян была всеобщая, и они полагали, что человек, умирая телесно, тем самым преображался в божественное существо. Но и тело, по верованию их, эту земную оболочку человека, необходимо было искусственно предохранить от тления и разрушения. Вот почему они так заботились о том, чтобы тела умерших были недоступны разложению и находили вечное успокоение в безопасных, неразрушимых усыпальницах.

Подобно животным и люди являлись воплощениями божества. Понятное дело, что это в особенности относилось к царям, в которых египтяне видели божественные существа. Фараоны считались представителями богов на земле, даже самими богами, поэтому им воздавались божеские почести. Так, например, надпись на одной колонне в честь царя Хафры называет его добрым богом и господином. Царская власть в Египте была деспотическая, неограниченная. До какой степени египетские цари позволяли себе истощать силы своих подданных, показывает один взгляд на гигантские памятники, о которых мы говорили выше. Даже жрецы должны были преклоняться перед царем. Он мог, не обращаясь к жрецам, взывать к богам, приносить им жертвы, посвящать храмы. Короче говоря, царь не только стоял во главе государства, но в качестве высшего духовного руководителя являлся и верховным жрецом своего народа. Единственным стеснением для него были церковные законы жрецов, содержавшие в себе «для царя, как для первого лица страны», самые точные и подробные постановления относительно его частной жизни: пищи, питья, одежды, прогулок, омовений и т. д. После смерти царя по нем, как по Апису, назначался семидесятидневный национальный траур, пока на престол не вступал сын умершего государя. Впрочем, порядок престолонаследия нередко нарушался узурпацией (насильственным захватом власти). В Египте были два главных сословия (касты): жрецов и воинов, и три второстепенных: земле-

дельцев, ремесленников и пастухов (Геродот упоминает еще о кастах торговцев, толмачей и корабельщиков). Так как браки между членами второстепенных сословий и рабочими классами народа не были запрещены, то наименование трех последних сословий кастами не может иметь места.

Члены военной касты со своими семействами владели земельными участками, пользование которыми предоставлялось им взамен жалованья; оружие же они получали из казенных складов. Число воинов при общем призыве доходило при Рамсесе II до 500 000 человек, составлявших обученное войско.

Каста жрецов была самой уважаемой. Для того чтобы жрецы могли вполне посвящать себя своему священнослужительскому призванию и святой жизни, для которой существовали строгие постановления относительно чистоты и пищи, им назначались богатые доходы хлебом, вином и жертвенными животными. Кроме своего религиозного назначения, они являлись исключительными представителями образования. Египет обязан жрецам устройством и развитием своего богослужения и религиозных понятий, составлением и изданием законов, письменностью, науками и искусствами. В качестве людей образованных и искусных в письме они предпочтительно перед другими занимали при царях разные должности, как по административной, так и по судебной части. Кроме того, жрецы занимались астрономией, так как египтянам больше, чем какому-либо другому народу, необходимо было наблюдать за ходом небес-

ных светил, которые, смотря по своему положению на небе, по своему появлению и исчезновению, служили верными указателями для главного занятия египтян — земледелия. По этим наблюдениям жрецы рассчитывали время приближения разлива Нила, наивысшего уровня его вод и начала их убыли. Нельзя также не обратить внимания на участие жрецов в качестве руководителей в создании произведений искусства, в особенности зодчества. Можно полагать, что проекты и рисунки зданий, служивших преимущественно религиозным целям, то есть храмов, усыпальниц, пирамид и обелисков, и скульптурные изображения и живопись на них принадлежали жрецам, которые одни обладали необходимыми познаниями. При этом следует заметить, что в двух последних искусствах египтяне оставили лишь грубые произведения, лишенные гармонии и изящества. Меньше всего удавались им изображения человеческих фигур, имевшие у них неподвижный и лишенный всякой приятности вид. Что в особенности поражает своими исполинскими размерами, так это так называемые сфинксы. Они представляют львиные фигуры с человеческими, бараньими или ястребиными головами и являются символическими изображениями царей и богов, в особенности бога Ра. Заслуживают также внимания и упомянутые уже обелиски — четырехугольные, остроконечные колонны, состоявшие из одной цельной гранитной массы и воздвигавшиеся у входов в храмы в память их строителей или жертвователей на их украшения.

На всех этих зданиях находятся изображения и надписи, объясняющие всю жизнь египтян. Письмо у них было иероглифическое или изобразительное: например, четырехугольник в этом письме означает дом, две волнистые черты — воду, четырехугольник с изображением божества — храм. Образно обозначались также разные виды деятельности или состояния: например, открывание чего-либо — дверью, путешествие — шагающею птицей, битва — вооруженною копьем и щитом рукой, жажда — знаком воды и бегущим по ней теленком, голод — рукой, направленной в рот. Понятия обозначались символическими изображениями: например, могущество — поднятым бичом, истина — страусовым пером, защита — летающим коршуном и т.д. Большим шагом вперед в этой системе писмен было присоединение к ней звуковых изображений, так называемых фонетических иероглифов. Звук «а» обозначался изображением орла (по-египетски аспе) или тростника (по-египетски ак). Таким образом, произошло смешанное письмо, состоявшее из настоящих иероглифов и простых звуковых изображений. Оно постепенно совершенствовалось, и в нем были допущены сокращения. В сокращенном виде эта письменная система носит название иератической. Иератическая система для ежедневного обихода также была сокращена и в таком виде носила название демотической.

Несмотря на все свои усовершенствования и сокращения, письмо это долго оставалось трудным и непонятным для чтения и до начала XIX ве-

ка противилось всем попыткам найти ключ к нему. Только англичанину Юнгу и французу Шампольону удалось в 1812 году разобрать найденную французским артиллерийским офицером Буссаром надпись, состоящую из тройного письма (иероглифического, демотического и греческого). Немецкий ученый Лепсиус продолжал их изыскания, и с этих пор изучение этих писмен сделало такие успехи, что в настоящее время надписи на египетских памятниках и остатки литературы на папирусах (книги мертвых, священные книги жрецов, рассуждения о геометрии, медицине и астрономии) разбираются учеными с такою же точностью, как произведения, например, Цицерона и Тита Ливия.

В заключение скажем еще несколько слов об общественной жизни египтян. Само собой разумеется, что они с особенным усердием занимались земледелием и скотоводством; но и охота не была у них в пренебрежении. Была развита у египтян и промышленность, памятники свидетельствуют о существовании у них всех родов ремесленной деятельности, преимущественно ткачества.

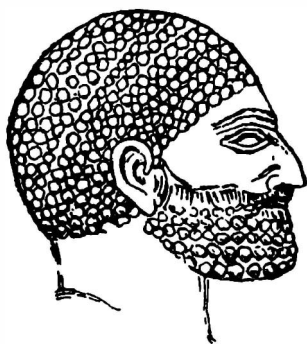
В древности египетские льняные и шерстяные ткани пользовались громкой известностью. Равным образом египтяне славились производством стекла и выделкой кожи, а также строительными работами. Жилища богатых людей украшались роскошной мебелью, галереями и террасами и окружались тенистыми аллеями и прекрасными цветниками. Их одежда отличалась простотой, но вместе с тем и вкусом. Простой народ носил только

льняную рубаху и поверх нее шерстяной плащ. Женщины не вели, как вообще на Востоке, затворнической жизни, а могли являться свободно везде и даже торговать на рынках. Была значительно развита общественная жизнь. Вмогильных склепах встречаются изображения мужчин, которых вносят на носилках в общество, а также изображения женщин и мужчин, находящихся в одном зале. Умеренность в пище и питье не принадлежала, по-видимому, к числу их добродетелей. На этих изображениях не только мужчины, но и женщины извергают назад излишне съеденное и выпитое, а других слуги несут на руках домой.

Главным основанием правосудия было пресечение преступнику способов вторичного преступления. Так, например, фальшивомонетки наказывались лишением обеих рук, а виновные в выдаче государственных тайн — лишением языка. Подделывателю документов или мер и весов отрубали одну руку. Решению дел обычно предшествовало письменное производство: жалоба и ответ на нее,

возражение на этот ответ и новое опровержение жалобы подавались письменно. Договоры и условия о купле-продаже, залоговые обязательства и т.п. излагались необыкновенно точно и подробно и скреплялись подписями многих свидетелей. Проценты не должны были превышать сумму капитала. Рабства за долги, как у древних римлян, не существовало. Умерщвление раба наказывалось смертью наравне с убийством египтянина. То же наказание угрожало и клятвопреступнику. Тот, кто не запятнал себя ни одним из этих тяжких преступлений, после смерти мог спокойно ожидать приговора 32 судей мертвых, среди которых восседал на троне Осирис. Соединившись с Осирисом, душа умершего быстро пролетала через небесные обитатели и на полях Аалу присутствовала при таинственном возделывании священной нивы. После этого для нее занималась заря вечного блаженства, она присоединялась к сонму богов и вместе с ними славословила всеосвященное существо.

СЕМИТСКИЕ НАРОДЫ

---

1. Моисей

Подробно древнейшая история евреев описана в Библии, мы же представим здесь лишь краткий ее очерк.

От одного из сыновей Ноя, а именно Сима, произошел Ферах — отец родоначальника евреев Авраама. Авраам переселился из земли Ур в Халдею, а потом в Ханаан. За ним, тщательно соблюдая чистоту рода, следовали в звании патриархов Исаак и его сын Иаков, называвшийся также Израилем — Богоборцем. Один из двенадцати сыновей его — Иосиф был продан своими братьями в рабство в Египет, где по неисповедимому предопределению Божию сделался первым сановником фараона. Достигнув столь высокого общественного положения, он переселил в Египет своего отца со всем его семейством. Здесь от этой семьи мало-помалу произошел многочисленный народ, живший в области Гозен, в нильской Дельте. После вступления

на престол нового фараона израильтяне были обременены тяжкими работами при государственных постройках. События эти следует отнести ко временам Сета I и Рамсеса II, создавших вдоль северо-восточной границы Египта сильные укрепления, каналы и новые города. Может быть, фараоны под впечатлением недавних опасностей, происходивших от пастушеских племен, желали только отучить израильтян от их прежнего кочевого образа жизни и закрепить их на своей земле.

Избавителем от этого бедственного положения Бог послал Моисея. Он вместе со своим братом Аароном около 1320 года до н. э. в царствование слабого сына Рамсеса II — Менепты устроил исход израильтян из Египта, несмотря на то, что египтяне всячески препятствовали этому и преследовали их. Евреям удалось уйти от гнавшихся за ними египетских полчищ, погибших при переходе через Красное море. Евреи между тем вступили на

Синайский полуостров. Здесь, на горе Синае, последовало торжественное заключение союза (завета) с Богом, послужившее для них основой нового законодательства.

Но беспокойному народу сорокадневное пребывание Моисея на горе Синай показалось слишком продолжительным. «Мы не знаем, что случилось с человеком, выведшим нас из земли египетской, — говорили они Аарону и потребовали, чтобы он сделал им видимых богов. Аарон, обладавший необыкновенной энергией своего брата, после некоторого колебания согласился, но потребовал у них все золотые вещи для изготовления идола. Он рассчитывал, что они скорее откажутся от идола, чем от своего золота, но ошибся. Они сложили в одну кучу большое количество золота; Аарон растопил его и облил им вырезанное из дерева изображение тельца, подобного тому, которому египтяне поклонялись под именем Аписа. Едва был поставлен телец, как народ воздвиг алтари, зажег огни и начал с радостными криками плясать вокруг нового бога, которому Аарон напрасно старался дать имя Иеговы.

В самый разгар праздничного ликования Моисей и Иисус Навин сошли с горы Синай. Вне себя от гнева Моисей бросил на землю обе скрижали законов с такой силой, что они разбились, и страшно наказал непослушных. Осыпав своего испуганного брата самыми жестокими упреками, он бросил золотого тельца в огонь, а весь пепел и золото — в протекавший мимо ручей. Затем он громко воскликнул:

«Кто принадлежит Господу, тот да выступит вперед!» Многие упрямо остались на месте, но большая часть вышла вперед и в том числе все колена Левия, к которому принадлежал и сам Моисей. «Хорошо, — сказал он им, — возьмите мечи, идите через весь стан и разите всех, отречшихся от Иеговы, даже если это будут ваши сыновья и братья. Сегодня Иегова посвящает вас этою жертвою в священнический сан и ниспосылает на вас свое благословение». И эти слова вождя, обладавшего необыкновенным даром повелевать, имели такую силу, что страшное приказание было немедленно исполнено. Три тысячи непокорных были изрублены. Произведенное впечатление было так сильно, что когда после этого Моисей снова вззошел на гору, чтобы вымолить у Господа прощение народу за грехи и снова пробыл там сорок дней, но на этот раз в стане никто уже не посмел выказать неповиновение.

Закон, данный Богом через Моисея, разделяется на три главные части. Первая, основная часть содержит в себе нравственный закон, изложенный с особой точностью в десяти заповедях. Вторая часть состоит из систематически изложенных постановлений о священстве и представляет собой собрание законоположений о жертвоприношениях, о местах богослужения, о соблюдении праздников, об одежде священников, о их положении, достоинстве, правах и обетах; короче говоря — это есть церковный устав. Наконец, третья часть содержит в себе постановления об устройстве образа жизни отдельных колен на будущих местах их житель-

ства, а также предписания, относящиеся к частной жизни и собственности, а затем — постановления о соблюдении безопасности, порядка и чистоты, о воздержании от некоторых родов пищи и т.п. Главным принципом в этих законах было установлено право возмездия, и это выражено в суровых словах: «Ты должен воздать жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, ногу за ногу, рану за рану». Но вместе с тем в Моисеевом законе высказывается и гуманная черта: он особенно заботится о защите бедных, вдов, сирот, о милостивом обращении с должниками, с рабами и с животными. «Ты не должен закрывать рта волю, когда он молотит».

Основная идея Моисеева законодательства заключалась в том, что Иегова, Бог, создавший небо и землю и освободивший своею мощью из плена народ Израиля, остается и на будущее время его богом, царем и правителем. Следовательно, над израильтянами будет властвовать не кто-либо из людей, а единственно закон — само слово Божие. Поэтому Израиль сделался теократическим государством, то есть Божиим владением, и выделялся между другими народами, как священники среди низших сословий. Таким образом и народ израильский, и подлежавшая завоеванию Ханаанская земля составляли собственность самого Бога.

В силу этой основной идеи идолопоклонство считалось высшим государственным преступлением, а изгнание из захваченной страны всех других народов, имевших своих собственных богов, — неперенным дол-

гом, потому что единство всего народа основывалось на сохранении единого и чистого поклонения Иегове. По этой же причине и земля, подлежавшая завоеванию, а затем разделению поровну между всеми израильтянами, не составляла безусловной собственности отдельных лиц; никто из израильтян не имел права продавать своего владения или самовольно передавать его кому-либо в наследство, ибо земля считалась Божией. Хотя вследствие такого отношения к Богу все израильтяне считались равными между собой и у них не существовало различий между сословиями, однако посвященные непосредственному служению Иегове составляли особую, образованную часть общества, служившую связующим звеном для всего государства. Для исполнения священнических обязанностей было избрано, как сказано выше, исключительно колено Левия — левиты.

По своему происхождению от десяти сыновей Иакова и двух сыновей Иосифа народ израильский разделялся на двенадцать колен, составлявших каждое особое независимое целое и имевших своих вождей и старейшин. Эти начальники родов и главы принадлежавших к ним семейств составляли совет, решениям которого все обязаны были повиноваться. Так как вся завоеванная Ханаанская страна должна была быть разделена на двенадцать частей, то все левиты были устранены от участия в этом поземельном разделе. Взамен этого им отведено было 48 родов, а вместо надела полями они получили от всех израильтян десятую часть дохода от их земель.

Устраненные от всякой гражданской деятельности, левиты посвящали себя только служению Иегове при празднествах и жертвоприношениях и исполнению лежавших на них обязанностей законодателей, судей, врачей и генеалогистов, то есть составителей родословных списков для всего народа, а также заботам об исполнении законов, как нравственных, так и церковных, и поддержании сознания единства между отдельными коленами.

Их верховный глава или первосвященник должен был происходить из рода Аарона; звание это было пожизненное и передавалось от отца к сыну. Он представлял собою как бы верховное лицо в среде Божиего народа и действительно был первым сановником в этом теократическом государстве. Одной из принадлежностей его официальной одежды была головная повязка наподобие чалмы из белоснежного полотна, на которой спереди была прикреплена тонкая золотая пластинка с надписью: «Свят Иегова». На груди он носил наперсник, на котором были имена двенадцати колен Израилевых, начертанные на двенадцати драгоценных камнях, а также «урим» и «туммим», символы света и правды, которые должны были жить в его груди. Раз в году в великий день примирения он вступал в святая святых скинии, чтобы принести примирительную жертву за грехи народа. Священная палатка скинии была устроена Моисеем немедленно после получения им закона на горе Синайской, согласно данному ему повелению и с помощью искусных мастеров, которые научились еще в Егип-

те подобным работам. Эта палатка отличалась от всех других своей красотой, великолепием и изяществом.

В скинии было место длиной в 30 футов, огороженное досками на серебряных подставках и разделенное на два отделения, из которых одно называлось «Святое», а другое — «Святая Святых». В последнем отделении стоял ковчег из дерева акации, так называемый «киот завета», выложенный снаружи и изнутри золотом и снабженный золотыми кольцами для того, чтобы можно было переносить его с места на место. На золотой крышке были изображены два золотых херувима для обозначения места, где Богу было угодно явиться перед Израилем. В самом ковчеге были положены скрижали закона. Кроме ковчега, там же находилось множество изготовленных еврейскими мастерами чаш, блюд, семисвечный светильник и щипцы с подносом для него. Все это было сделано из золота, для чего евреи отдали все свои золотые вещи, принесенные ими из Египта. Точно так же были принесены оттуда и другие произведения египетского искусства, например прекрасные бумажные ковры с изображением херувимов, составлявшие верх палатки и ниспадавшие по боковым ее сторонам. С верха палатки спускалось покрывало из тонкого верблюжьего сукна, над ним другое — из сафьяна, и, наконец, сверх всего этого третье покрывало — из тонкой кожи.

В этой национальной святыне первосвященник, в звание которого был посвящен Аарон со своими потомками, получал откровения непосред-

венно от Бога. В то же время скиния, превращенная впоследствии Соломоном в храм, была местом, в котором все колена иудеев сознавали единство своей народности. С этой последней целью Моисеем были установлены три главнейших празднества, во время которых все израильские мужи должны были собираться на месте, предназначенном для этой святыни: праздник Пасхи, Пятидесятницы и Праздник кущей. В эти праздничные дни они обязаны были пред Святой Святых возлагать на алтарь, на котором горел священный огонь, жертвоприношения от своих плодов и первородных животных. Но так как на алтаре могло поместиться лишь незначительное количество этих приношений, то вся остальная часть жертвенного мяса шла на устраиваемые в эти праздничные дни пиршества, на которые евреи приглашали и своих друзей.

Последнее из этих постановлений показывает, что Моисей со свойственным всему его законодательству духом милосердия позаботился не только об устройстве праздничных собраний, служивших для установления между евреями разнообразных связей, но также и о чужеземцах, бедных и рабах, которых также предписывалось приглашать в качестве гостей. Кроме того, празднества служили большим сборным пунктом для внутренней торговли и разных сделок, неизбежно возникавших при таком многочисленном стечении народа.

Постановление это вообще было установлено Моисеем с тем, чтобы будущее государство, подобно Египту,

основывалось преимущественно на земледелии, а не на торговле (что подтверждается также и воспрещением роста в денежных делах). Торговля, без сомнения, повредила бы замкнутости еврейского народа, к чему Моисей стремился, чтобы сохранить чистоту монотеизма (веры в единого Бога).

Целям обособления от прочих народов служили и другие, основанные отчасти на гигиенических соображениях, постановления относительно пищи и прочие обрядовые законы, касавшиеся самых мелких подробностей частной и общественной жизни.

Моисеевым законом было также установлено через каждые семь лет отмечать субботний год, а через каждые пятьдесят — трубный, или юбилейный, год, в продолжение которых вся пахотная земля оставалась под паром.

Этот закон способствовал ограничению прав собственности. В юбилейный год всякое поле, отчужденное другому лицу, возвращалось без выкупа своему прежнему владельцу. Так что, собственно говоря, настоящей продажи земельной собственности не существовало, а существовала лишь продажа пользования землею, то есть пользования ее урожаями со времени покупки до юбилейного года. Точно так же всякий израильтянин, не только обедневший или сделавшийся несостоятельным должником, но даже продавший себя в рабство своему кредитору, в юбилейный год снова получал личную свободу и ему возвращалось его наследственное имущество. Этим мудрым постановлением Моисей

сей обеспечил два основных положения, на которых зиждется благосостояние государства и народа и нарушение которых так часто вело в древние и новые времена к кровавым переворотам: право собственности и право личной свободы. Он поставил преграду обеднению целых масс народа в противоположность чрезмерному скоплению богатства в немногих руках и бесправию целых сословий наряду с надменным господством привилегированных классов. При теократическом образе правления израильтян эта мера была вдвойне необходима, ибо таким образом возможно было поддерживать между ними сознание, что они составляют народ братьев, принадлежат Иегове, следовательно, могут быть рабами только Бога, а не людей, и, наконец, что свое наследственное имущество они получили как неотчуждаемое наследство от самого Бога. Конечно, относительно того, в какой степени эти требования Моисея и еврейского духовенства проводились или могли проводиться в жизнь, нельзя сказать ничего определенного, так как преграды строгому исполнению этих идеальных постановлений в действительности были весьма значительны. Несмотря на такое гуманное начало, бросается в глаза, до какой степени был жесток у евреев закон о долгах. Кредитор мог продать в рабство своего должника, его жену или детей или мог держать их рабами в своем собственном услужении.

Но это обособление от других народов евреи должны были еще заводить, так как им приходилось овла-

деть земель, уже находившейся во владении других племен — хананеян, у которых были довольно значительно развиты и культура, и торговые отношения.

2. Ханаан и его соседи

Ханаанские племена разделялись на две главные группы. Одни из них занимали береговую полосу и были мореплаватели и торговцы; в классической древности они назывались финикийцами и во время Иисуса Навина находились под властью Египта. Вторая группа занимала внутренние области страны от Амана до южного берега Мертвого моря и распадалась на многие племена: аморитяне, гергезеняне, гифитяне, иевусеи и т.д. Столь часто упоминаемые в Библии филистимляне переселились с острова Крит и с дозволения Рамсеса III избрали себе местом жительства юго-западный берег Сирии.

Ханаан (Палестина), изобиловавший хлебом, вином и маслом, а потому стоивший борьбы, должен был, по мысли Моисея, при соблюдении его естественных границ составлять одну округленную и безопасную от вторжения территорию. На западе он граничил со Средиземным морем; поэтому Моисей приказал овладеть всем берегом от Ако до маленькой полосы, занятой филистимлянами. На юге границей им был назначен неизвестный в наше время «Египетский ручей», дальше которого евреи не должны были заходить. Но в особенности Моисей воспретил им делать попытки к завоеванию лежавшей недалеко

оттуда страны Гозен, принадлежавшей им в прежнее время и годной только, чтобы пасти там скот. Так как Моисей не предназначал еврейского народа для торговли, то он и не придвинул южной границы к Аравийскому заливу, а предоставил лежавшую в промежутке степь кочевавшим в ней народам. На севере границу нового государства должен был составлять Иордан; с моавитянами и аммонитянами, как с потомками Лота, предполагалось жить в мире. Но так как эти народы напали на приближавшихся израильтян, то после проигранного ими сражения у них были отняты все их земли.

Земля, находившаяся по ту сторону Иордана, к востоку, считалась менее священной. Она простиралась до Евфрата, который должен был оставаться ее самой отдаленной границей. Лежавшие к востоку земли состояли преимущественно из бесплодных и были пригодны только для скотоводства. Вполне плодородными и удобными для постоянного жительства были только местности, непосредственно прилегавшие к Иордану. Они принадлежали коленам Рувимову и Гадову и полуколену Манассину, занявшим эти земли после своей победы над аммонитянами и моавитянами. Таким образом, эта страна благодаря распоряжениям Моисея была совершенно замкнута, опасные соседи были от нее удалены, а с полезными она находилась в дружбе.

К числу последних в особенности принадлежали финикийцы. Хотя этот народ был также из числа племен ханаанских, однако Моисей никогда не

вменял в обязанность евреям его истреблять, как это он с намерением сделал по отношению к другим хананеям. Оба народа в продолжение всей своей истории жили в мирных отношениях между собой. Это объясняется тем, что хотя евреи были народом воинственным, но при этом исключительно земледельческим; финикийцы же никогда не были народом воинственным и занимались одною торговлей, вследствие чего никогда не могли вредить евреям, которым их законы не позволяли вести торговлю. Напротив, финикийцы были им полезны, так как евреи продавали им запасы хлеба, вина, масла и меда. Благодаря взаимному обмену необходимых предметов потребления между двумя народами установилась прочная, дружественная связь.

Краткое описание финикийцев еще лучше объяснит эти отношения. Этот замечательный народ естественными условиями своей страны был предназначен для деятельности на море. Он занимал узкую полосу земли в пятьдесят миль длины и не более пяти миль ширины, с хорошими гаванями и безопасными от ветров бухтами. Позади этой полосы земли тянулся Ливан, доставлявший финикийцам богатства своих кедровых и кипарисовых лесов и превосходных рудников. Поэтому еще в самые древние времена они стали заниматься судостроением и мореплаванием и, начав с рыбной ловли у своих берегов, перешли к морской торговле и распространили свою деятельность до Индии, до Атлантического океана и даже до Британских островов. Они не составляли, подобно боль-

шинству азиатских народов, одного общего государства под управлением одного главы, а разделялись на многие независимые общины, имевшие каждая своего государя, власть которого ограничивалась советом из членов старейших родов, а впоследствии главами богатых торговых домов. К самым значительным городам принадлежали: Арад, Триполи, Библ, Берит (Бейрут), Сидон, Сарепта и Тир. С 1600 до 1100 года главным городом был Сидон, «первенец Ханаана»; в следующие 5 — 6 столетий первое место занимал Тир, которому принадлежала верховная власть над другими финикийскими городами. Из числа изобретений, приписываемых финикийцам, изготовление стекла принадлежит не им, а египтянам, в древнейших могилах которых были найдены стеклянные сосуды и кубки. Но после того, как это искусство перешло из Египта к финикийцам, заводы Сидона и Сарепты стали выделывать из стекла разные украшения, сосуды и кубки, далеко превосходившие своею красотой египетские произведения. Зато финикийцы были изобретателями пурпурной краски, приготавливавшейся с особенным совершенством в городе Тире. Об этих двух изобретениях предания рассказывают следующее:

«Финикийские моряки, выйдя однажды на берег, захотели приготовить себе обед и развели огонь на месте, покрытом прекрасным, чистым, крупным песком. За неимением треножника они взяли два куса селитры, лежавшие тут же поблизости, поставили на них свой котел и развели под ним огонь. Когда вода начала кипеть, то

под котлом тоже закипело; куски селитры расплавились, смешались с золой и песком и, когда огонь потух, кипевшая масса отвердела и превратилась в прекрасные, белые, прозрачные камни — сделалась стеклом. Другого употребления стекла, кроме изготовления упомянутых предметов, финикийцы не знали; им неизвестно было употребление оконных стекол и стекол для изготовления оптики. Лишнее стекло они обменивали на другие, более ценные товары.

В другой раз один финикийский пастух пас свое стадо неподалеку от морского берега. Его собака, бегавшая взад и вперед и все вокруг себя обнюхивающая, вернулась к нему с окровавленной мордой. Пастух захотел посмотреть окровавленное место, но, к удивлению, заметил, что крови не было, а что морда собаки вымазана соком багрянки, раковину которой она раскусила на морском берегу. Такой прекрасной краски пастух еще никогда не видывал и рассказал другим о своем открытии. Попробовали красить этим соком материи для одежды, попытка удалась, и финикийцы усовершенствовали это искусство, тем более что на их берегу было очень много таких раковин, причем превосходного качества».

Кроме того, финикийцы славились своим искусством в горнозаводском и литейном деле, умели шлифовать и обдирать драгоценные камни, занимались резьбой по дереву и слоновой кости и изготовляли изящные ткани и превосходные благовонные мази.

Их торговля была и сухопутная, и морская. Они посылали караваны в

Аравию и Египет, к берегам Евфрата и Тигра, вступали в торговые сношения с Вавилоном и Ниневией и обменивали на вино и масло вавилонские ткани и благовония.

Первым толчком к большим мореходным предприятиям и к основанию значительных колоний послужило вторжение евреев в Ханаан в XIII веке. Северные и западные обитатели Ханаана были оттеснены к береговой линии, где жили соплеменные им финикийцы. Будучи не в состоянии содержать такое множество пришельцев в своей небольшой области, сидоняне перевозили их на плодородный остров Кипр, оттуда они распространились на Крит и Родос и завладели островами Эгейского моря вплоть до Гелеспонта. Равным образом и на берегах греческого материка они основали свои поселения. Сказание о Кадме истолковывается в том смысле, что финикийцы высадились на берегу Беотии и научили местных жителей употреблению медного вооружения, постройке стен, горнозаводскому делу и буквенному письму. Из Греции финикийцы перешли далее на запад, заняли острова Мелита и Гоулос (Мальту и Гоццо), основали поселения в Сицилии (Панормос, ныне Палермо) и в Сардинии (Каларис, ныне Кальяри), высаживались на берегах Средней Италии, вели торговлю с этрусками и основали в Северной Африке города: Гиппо, Великий Лептис, Малый Лептис, Тапс, Гадрумент и Утику. Город Утика, в отличие от других колоний, основанных сидонянами, был колонией Тира, с течением времени возвысившегося над Сидоном.

Несколько знатных семейств переселилось из Сидона на скалистый остров, лежащий напротив Старого Тира, и основало там Новый Тир. Когда в XI веке это новое поселение слилось в одну общину со старым городом, жители Тира почувствовали себя настолько сильными, что стали вести независимо от Сидона свою собственную торговлю. Они превзошли сидонян, плавали на дальний запад, заняли группы Балеарских и Питиузских островов, высаживались на берегах Испании, завладели местностью Тарсис и орошаемой Гвадалquivиром богатой Андалусией и в продолжении многих веков разрабатывали естественные богатства этой страны. Они основали там города Еиспалис (Севилья), Малаку (Малага), Гадес (Кадикс), последний из этих городов сделался средоточием их колоний и торговли в Испании. Точно так же и в противоположащей Мавритании (Марокко) они основали торговые поселения, переплывали на своих судах восточную часть Атлантического океана, достигали Оловянных островов (Касситериды, ныне острова Сцилли) и высаживались на южном берегу Британии и на северном берегу Галлии. В Галлии они, вероятно, покупали янтарь, называвшийся у греков электроном и привозимый жителями побережий Балтийского моря сухим путем. Сильно развита была и торговля в противоположном направлении, а именно с Индией, с которой они сначала находились в торговых связях только через посредство других народов. При царе Хираме, бывшем в торговых сношениях с царями соседней

Иудеи — Давидом и Соломоном, тиряне предприняли путешествие в Офир. Офиром они, вероятно, называли Малабарский берег или же страну, лежащую при устьях Инда. Из этого путешествия тиряне привезли много золота, драгоценных камней, слоновой кости, сандалового дерева, обезьян и павлинов. Большую долю прибыли получил и царь Соломон, участвовавший в этом предприятии. Громадной торговой деятельности финикийцев был нанесен жестокий удар подчинением их страны власти персов; но еще более сильным ударом для них стало возвышение греческого могущества на море. Греки вытеснили финикийскую морскую торговлю со всех островов и берегов Эгейского моря, усеяли всю Малую Азию своими торговыми городами и сделали соперниками финикийцев в Египте, Северной Африке, Сицилии, Нижней Италии, южной Галлии и Тарсисе. Но между тем, как в последние столетия до нашей эры значение финикийских городов начинало падать, главнейшая из их колоний, Карфаген, основанный тирянами в 850 году до н. э. в Африке, явился обновленным Тиром и занял его место, так что финикийцы еще раз в течение четырех столетий господствовали со своими флотами на Средиземном море, от берегов Сицилии до Гибралтарского пролива.

Услуги таких опытных моряков везде ценились очень высоко. Поэтому мы встречаем финикийских моряков на службе у египтян, ассирийцев, вавилонян и персов. Чрезвычайно замечательно сообщаемое Геродотом известие о том, что по приказанию фараона

Нехао (617—595 гг. до н. э.) финикийские мореплаватели объехали вокруг Африки. «Они плыли, — говорит он, — из Красного моря по направлению к югу, вдоль африканских берегов и вступили в южное море. Когда наступила осень, они выходили на берег и сеяли хлеб в тех местах Ливии (Африки), где это было возможно, а собрав жатву, снова садились на суда и отправлялись в дальнейший путь. На третий год они прошли через Геркулесовы столбы (Гибралтарский пролив) и возвратились в Египет. Они рассказывали также — верить чему я предоставляю другим, — что будто бы, огибая берега Ливии, они вдруг увидели солнце с правой от себя стороны». Геродот совершенно безосновательно подверг сомнению правдивость этого рассказа, потому что финикийцы должны были переходить через экватор и, чем далее плыли они к югу, тем севернее должно было им казаться положение солнца.

Религия финикийцев, как и религия всех восточных народов, была основана на поклонении природе. Ваал, бог солнца, считался благодетельной, а Молох, бог огня и войны, разрушительной силой природы. Богиня луны, девственная Астарта, была предана одинаково и любви, и войне. Молох требовал человеческих жертв, и ему особенно приятно было, когда в честь его сжигали детей. Так как Ваал считался также и покровителем Тира, то в этом качестве носил название Мелькарта, то есть царя города, у древних греков «тирского Геркуlesa».

Цветущей эпохой Финикии было время правления царя Хирама (1001—967 гг. до н. э.). Затем могущество финикийцев начало клониться к упадку из-за внутреннего раздора партий, и Финикия сделалась добычей чужеземных завоевателей.

Итак, это государство с давних времен находилось в мирных и дружественных отношениях с израильянами, и эти отношения сохранились навсегда. Зато между израильянами и их восточными соседями: сирийцами, ассирийцами и халдеями (вавилонянами) существовали большею частью неприязненные отношения, и Иудея в конце концов пала под ударами этих народов.

3. Вавилоняне и ассирийцы

Примерно в то время, когда жрец Манефа составлял «Роспись египетских царей» (280—270 гг. до н. э.), в Вавилоне один из жрецов Ваала — Бероз писал на греческом языке историю своего народа. К сожалению, до нас дошли только отрывки этого сочинения, состоявшего из трех книг.

Древнейшими обитателями Вавилонии, то есть речной области в низовьях Тигра и Евфрата, Бероз называет халдеев; у греков же это название носят преимущественно вавилонские жрецы. Надписи дают всей этой стране название «Калди», а ее обитателям — «калдиев». Народ этот принадлежал к семитической расе, а именно к восточной ее ветви. Гораздо ранее египтян, достигших своего цветущего положения лишь при Аменофисе III, обита-

тели этих равнин успели уже выработать своеобразную культуру.

Подобно тому, как было на берегах Нила, и здесь природные свойства страны принудили ее жителей к неутомимой творческой деятельности. Страна, сама по себе плодородная, страдала от разливов обеих рек. Разливы эти вместе с необыкновенно быстрым течением Тигра и Евфрата, приносившим с собой множество мелких камней и тины, вместо того, чтобы оплодотворять землю, действовали бы разрушительно, если бы не каналы, шлюзы и плотины, разделявшие и задерживавшие течение и дававшие ему тем самым надлежащее направление. Эти искусственные гидравлические сооружения существовали еще в незапамятные времена и возбуждали изумление чужеземных путешественников.

Первобытная история халдеев полна самых невероятных преданий. То, что рассказывается о временах правления десяти халдейских царей до потопа, не может войти в рамки истории, если только не придавать этим царям, как делали некоторые историки, астрономического значения, то есть считать их олицетворением десяти знаков зодиака, разделив время правления их (в совокупности 432 000 лет) на десять отделов одного большого астрономического периода, составляющих каждый 43 200 лет.

Всемирный потоп наступил при последнем из этих царей Ксизутре (на клинообразных надписях он носит имя Хазизадры). Халдейское сказание о потоке, о спасении Ксизутры и о вавилонском смещении

языков почти слово в слово согласуется с еврейским повествованием в Книге Бытия.

Вскоре после потопа на севере Халдеи царствовал, по преданию, Нимврод. Еще до сих пор имя его сохранилось на местах больших развалин в верхней и нижней Халдее. О нем и его преемниках не известно ничего достоверного. Одним из древнейших вавилонских царей был, по-видимому, Урух, имя которого встречается на лежащих глубоко в земле кирпичях, сохранившихся от развалин, находимых в Халдее. Его столицей был Ур, власть его простиралась на страны, лежащие на Верхнем Тигре, следовательно, и на Ассирию. Только впоследствии был построен Вавель (Вавилон), ставший столицей Вавилонского царства. В числе преемников Уруха упоминаются Исмидагон, Саррукин и Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), называвший себя царем Бабеля, Навуходоносор I и Меродахнадинах (1100 г. до н. э.).

К середине второго тысячелетия до н. э. Ассирия сделалась, по-видимому, независимой и начала управляться своими собственными государями. Эти цари, обладавшие неограниченной властью, являлись в одно и то же время и верховными судьями, и главными военачальниками, и верховными жрецами. Уверяя, что получают непосредственно от богов их повеления, они умели побудить свой народ, несмотря на незначительные средства, к совершению замечательных подвигов и довести свою страну до необыкновенного могущества. Из них в особенности прославился своими завоеваниями Тиглатпаласар I (в над-

писях Туклат-Хабал-Азар), царствовавший в Ассирии с 1130 по 1100 год до н. э. и простерший свое победоносное оружие на север, может быть, даже до самого Черного моря и на запад до берегов Сирии. В воспоминание своих военных подвигов он приказал начертать на одной скале близ Каркара, у одного из притоков Тигра, свое изображение, а под ним следующие слова:

«По воле Ассур, Самоса и Бина, великих богов, моих повелителей, я, Туклат-Хабал-Азар, царь страны Ассур, сын Ассур-рис-изи, царя страны Ассур, сына Муттакиль-Небо, в третий раз покорил страну Наири» (вероятно, Армению).

В течение IX века Ассирия после продолжительных войн приобрела даже политический перевес над Вавилонией. При всем том в культуре, религии и искусствах халдеи остались учителями ассирийцев, но ассирийцы всегда превосходили их своими воинскими способностями и несокрушимой энергией. (О позднейших ассирийцах, их завоевательных походах и столкновениях с царством Израильским смотри ниже в разделе о царствах Израильском и Иудейском.)

4. Культура халдеев и ассирийцев

Можно с уверенностью сказать, что халдейская культура не была заимствована у египтян, а являлась совершенно самостоятельной и очень своеобразной. Откуда произошли первые, основные элементы этой культуры, можно догадываться по со-

общаемому в книге Бероза преданию о семи человеках-рыбах, вышедших из вавилонского моря, то есть из Персидского залива. Бероз рассказывает следующее:

«Сначала в Вавилоне было великое множество людей из разных племен, населявших Халдею. Они жили в беспорядке, как животные. Но вот однажды из прилегающего к Вавилону моря поднялось одаренное разумом существо по имени Оаннес. У него было тело рыбы, но под рыбьей головой оно имело еще человеческую голову, а на рыбьем хвосте его выросли человеческие ноги. Это существо оставалось среди людей в течение одного дня, не принимая никакой пищи. Оно познакомило людей с буквенным письмом, науками и разными искусствами, учило, как следует селиться в городах и строить храмы, сообщило основные понятия о законах, о межевании земель, показало, как сеять и собирать плоды — короче говоря, дало людям все, что требуется для правильной жизни. После заката солнца Оаннес снова погрузился в море. За ним следовали шесть еще таких же людей-рыб. Эти чудесные существа развивали то, что Оаннес объяснил лишь в общих чертах».

Отсюда можно, по-видимому, заключить, что первые начала правильной жизни, образованности и письменности были занесены халдеями с юга, с Персидского залива. Халдеи поклонялись верховному богу, называвшемуся у них Элом (у ассирийцев Ассур) и в честь его дали своей столице название Вавель, то есть «врата Эла». Вторым богом был Анул, тре-

тым Бел, то есть господин. Бог луны назывался Син, бог солнца — Самас; кроме того, у них было пять планетных богов: Адар — бог самой отдаленной планеты Сатурн, Небо — бог Меркурия, Нергал — бог Марса, Меридах — бог Юпитера, наконец, женское божество Билит — богиня Венеры; в надписях она называется царицей богов, матерью богов, владычицею отпрысков, то есть богиней плодородия. Противоположным ей началом была богиня войны, разрушения и смерти — Исрар, которая в надписях называется царицей Вавилона. Таким образом, религия халдеев, в сущности, была не что иное, как поклонение небесным светилам. Они наблюдали, каким образом, смотря по положению солнца или другой небесной звезды, происходили важные перемены в природе, будь то пробуждение в ней растительности или увядание ее, наводнение, или засуха, или другое какое-либо явление. Этим путем они пришли к выводу, что вся жизнь природы и людей находится в зависимости от небесных тел, движущихся в чистой лазури неба по своим непреложным путям, то исчезая, то снова появляясь. Учение о небесных телах было развито преимущественно жрецами, составлявшими замкнутую касту и называвшимися магами (греки звали их халдеями). Со временем это учение превратилось в грубое суеверие, состоявшее в гадании по звездам (астрология). Сатурн считался зловещим светилом, Марс тоже, и его красный, огненный блеск был предвестником сильного, иссушающего землю зноя. Юпитер и Венера предвеща-

ли счастье, а Меркурий, Луна и Солнце занимали середину между зловещными и счастливыми светилами. По положению звезд жрецы, как они утверждали, узнавали волю богов, могли определить время, благоприятное для начала какого-либо дела; по расположению же небесных светил в час рождения человека они предсказывали будущую участь его, то есть составляли гороскоп.

У халдеев, как и у египтян, только жрецы, которые владели ключом к таинственному, похожему на иероглифы, клинообразному письму, имели право заниматься науками и искусством. Клинопись была весьма распространена в Вавилоне и Ассирии, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на памятниках, в особенности сообщения царей о военных деяниях. Но в то время, как египтяне вырезали свои иероглифы на каменных досках, халдеи, в стране которых не было плитняка, употребляли для своего письма кирпичи в сыром и обожженном виде. Клинопись состоит из разнообразного сочетания одних и тех же стреловидных, горизонтальных, вертикальных и загнутых крючками знаков. Подобно иероглифам, она представляет собой смесь знаков, изображающих понятия (идеограммы) и звуки (фонетические знаки), и допускает очень много сокращений. Впервые прочтение клинописи удалось сделать в 1802 году ученому Гротезенду, которому проложили дорогу Нибур (1765 г.), Тихсен (1798 г.) и Мюнхер (1800 г.). С тех пор эта наука сделала большие успехи.

Ни один народ, даже египтяне с их каменными громадами и храмами на Ниле, не мог сравниться с халдеями в колоссальности размеров их построек. И действительно, в Халдее и Ассирии встречаются кирпичные постройки, которые, не производя глубокого впечатления красотой форм, тем не менее поражают своей массивностью. Они строились частью из высушенного на солнце, частью из обожженного кирпича; связующим раствором служил превосходный цемент из асфальта, то есть горной смолы. Внутренние стены обычно отделывались изразцами. Снаружи храмы и дворцы покрывались гипсовыми и известковыми плитами и украшались скульптурными изображениями. Эти кирпичные постройки не могли, конечно, оказывать всепоглощающей силе времени того сопротивления, какое оказали египетские каменные сооружения, и от них сохранились в основном лишь нижние этажи. Почти на всех кирпичах есть оттиск имени царя, в правление которого они были употреблены для построек. Остатки таких сооружений находятся на месте городов Ура и Урука, древних столиц Халдеи, и вблизи Вавилона. Вавилон арабы называют «Бирс-Нимруд», то есть город Нимврода. Здесь на фундаменте из кирпича возвышается четырехугольное здание, имеющее 77,7 метра длины с каждой стороны и 7,4 метра высоты; над ним поднимаются еще три этажа, все уменьшающихся размеров, общая высота всей развалины достигает 43 метров. Полагают, что на этом месте был древний город Борзиппа, а описанные раз-

валины — остатки большого храма бога Небо.

Гораздо замечательнее развалин являются кладбища Ура и Урука. В Уре вдоль наружных городских стен тянутся широкой полосой ряды усыпальниц, выстроенных из кирпича и имеющих каждая около 2 метров длины, 1 метра ширины и 1,5 — высоты. Тела в этих усыпальницах клались на пол, покрытый циновкой из тростника; под голову покойника подкладывали кирпич; правая рука покоится на груди поверх левой и концами пальцев придерживает медную чашу. По стенам стоят сосуды, предназначенные для кушанья и питья. В Уруке тела или ставились в глиняные, овальной формы, усыпальницы, или плотно заделывались в глиняные же вместилища. Они находятся обычно не в земле, а в возвышающихся над нею кирпичных зданиях, плотно прижимаясь друг к другу и часто в несколько рядов одно над другим. В усыпальницах находят остатки оружия, браслеты, ожерелья, золотые и серебряные кольца для пальцев рук и ног и другие украшения.

Выше уже было сказано об искусной системе каналов у вавилонян. Это те самые оросительные и осушительные каналы, на которых, как свидетельствует 137-й псалом, раздавались жалобные стенания евреев во время их вавилонского пленения: «На реках вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе».

Необыкновенных успехов достигли халдеи и в промышленности. Всемирной известностью пользовались их льняные и шерстяные ткани. Из Ва-

вилона вывозилась глиняная посуда, благовонные воды и мази, шлифованные камни — сперва в ближайшую Сирию, в обмен на масло и вино, а затем в Иудею и Египет. Сырье вавилоняне получали из Армении, Аравии и Индии. Торговля достигла своего высшего развития тогда, когда на море стали господствовать финикийцы.

Творческий дух в произведениях искусств проявился у ассирийцев с большей жизненностью и свободой, чем у египтян. Многочисленные фигуры отличаются у них законченностью и энергией, но в то же время и чрезмерной грубостью форм. Размеры быков и львов не столь колоссальны, как размеры египетских сфинксов. По ниневийским развалинам можно судить о колоссальности дворцов и храмов с их залами и галереями. Ассирийцам были уже известны стропильчатые и круглые системы сводов, которые они строили из кирпича. С необыкновенным искусством изготавливали они домашнюю утварь, столы, стулья, чаши, вазы, посуду и предметы украшения. Высшего развития достигла у них выделка перевязей и оружия.

5. Исус Навин и судии

Прошло сорок лет со времени исхода евреев из Египта, когда народ, в котором уже успело народиться и возмужать новое, более послушное воле Божией поколение, получил позволение Бога вступить в землю обетованную. Но бывшему до сего времени предводителю народа Моисею не только не было дано самому вступить

в нее, но и присутствовать при этом. Предчувствуя свою близкую кончину, он при торжественном собрании всего народа передал свою власть и управление в руки Иисуса Навина.

При Иисусе Навине началось энергичное завоевание Ханаана. Евреи овладели укрепленными городами Иерихоном, Гаем, Вефилем и Сихемом. В Сихеме, как в центральном пункте всей страны, Иисус Навин основал свою резиденцию. Ковчег же завета поставил в Силоме. Согласно воле Божией, все местные жители должны были быть изгнаны или истреблены, что и было исполнено Иисусом Навином.

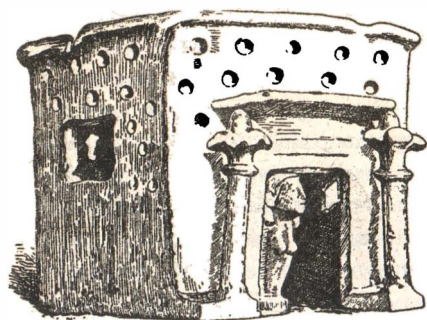
Когда значительная часть страны была завоевана, то, согласно приказанию Моисея, приступили к ее разделу. Иисус Навин распределил всю землю между девятью коленами: Иудиным, Вениаминовым, Симеоновым, Дановым, Иссахаровым, Ассировым, Завулоновым, Невфалимовым, Ефремовым и полуколеном Манассиным. Колена же Рувимово, Гадово и остальное полуколено Манассино были поселены по другую сторону Иордана. Иудино и Вениаминово колена после раздела заняли юго-западную часть, а остальные — юго-восточную. Само собой разумеется, что не обошлось без некоторых жалоб на не вполне равномерный раздел. При этом многие колена не хотели тотчас же приняться за правильное земледелие и поселиться в укрепленных городах и селениях.

Но главная беда заключалась в том, что после умершего в скором времени Иисуса Навина, вследствие отсутствия

общего вождя и недостатка рвения колена к дальнейшей борьбе с некоторыми непобежденными ханаанскими племенами, борьба эта уже велась не так деятельно, как прежде. Во многих местах израильтяне, вместо того чтобы совершенно изгнать ханаанитян, ограничились лишь тем, что принудили их платить себе дань. Таким образом, на юго-западной границе остались филистимляне, в Иерусалиме крепко засели иевусеи; другие враждебные племена владели горными странами Ливана. Между тем умер Иисус Навин; за ним последовали его современники, а народившееся новое поколение не знало ни своего Господа, ни чудес, совершенных им для Израиля. Народ начал уклоняться от чистого поклонения Иегове, которое, собственно, и составляло действительную основу народного единства, и стал сворачивать к идолопоклонству.

Оставшиеся в стране враждебные племена вместе с соседними государствами, пользуясь раздорами иудеев, покоряли то одно, то другое колено, то сразу несколько колен. Теократическое республиканское устройство государства не допускало верховного вождя. Моисей и Иисус Навин были облечены таким исключительным саном только по случаю предстоявшего вступления в Ханаан. И впоследствии, когда государство находилось в исключительных обстоятельствах, являлись отдельные люди в качестве верховных вождей или высших сановников: их называли софетимами, то есть судиями. Судии редко пользовались всеобщим при-

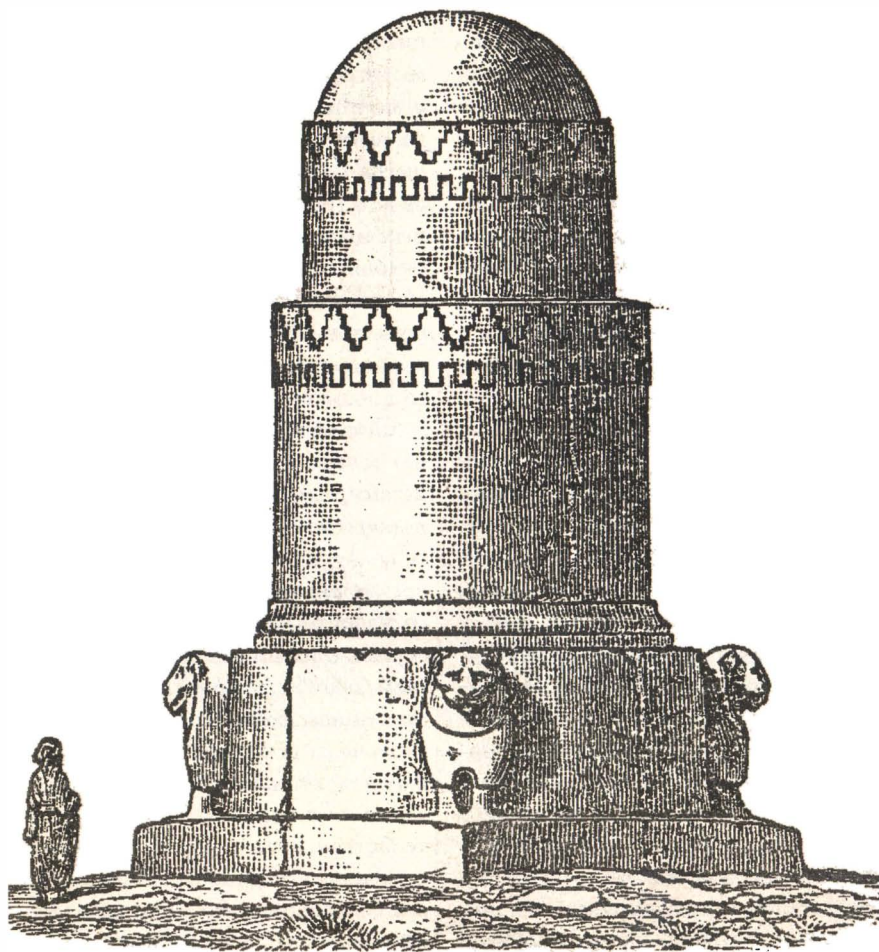
ФИНИКИЯ

1

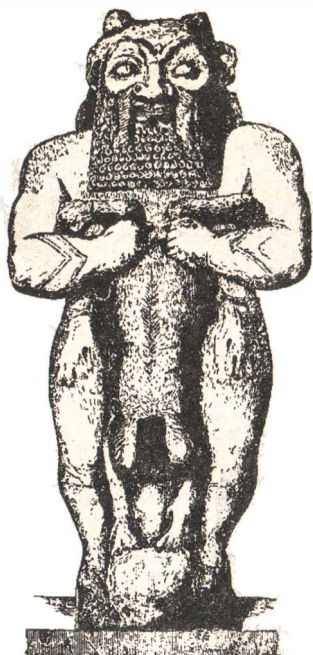
2

3

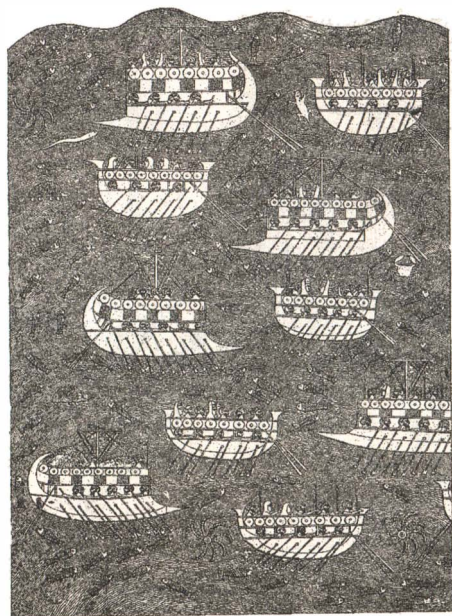
ФИНИКИЯ

4

5

6

1. Глиняная модель финикийского храма. 1-е тыс. до н. э.
2. Библосская монета.
3. Финикийская надгробная башня.
4. Финикийский идол.
5. Финикийская алебастровая плита.
6. Флот, построенный финикийцами для ассирийского царя Сеннахериба. Древнеассирийское изображение.

БАВИЛОН

1

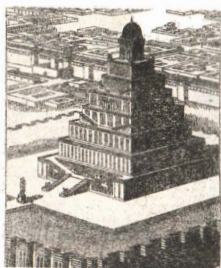
2

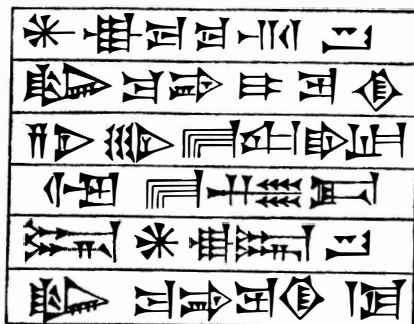
3

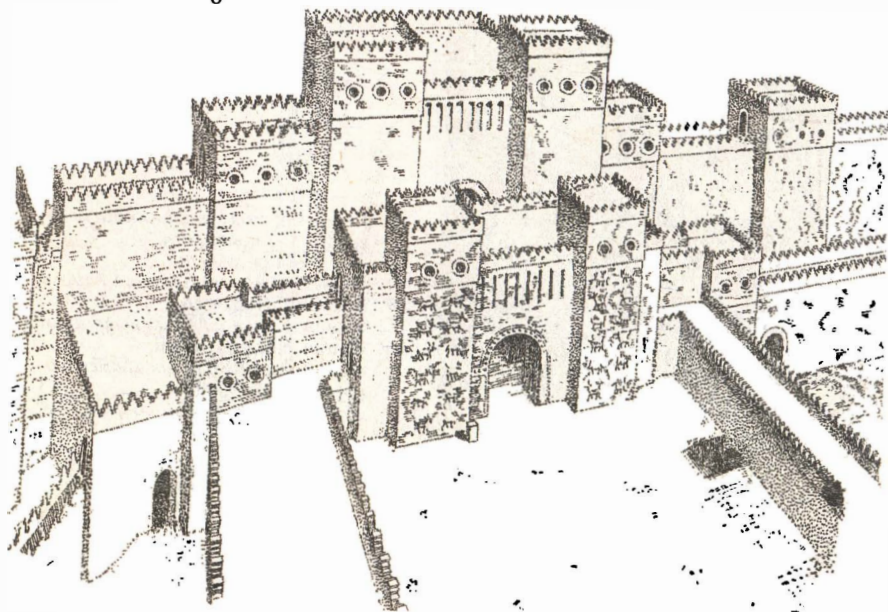
4

6

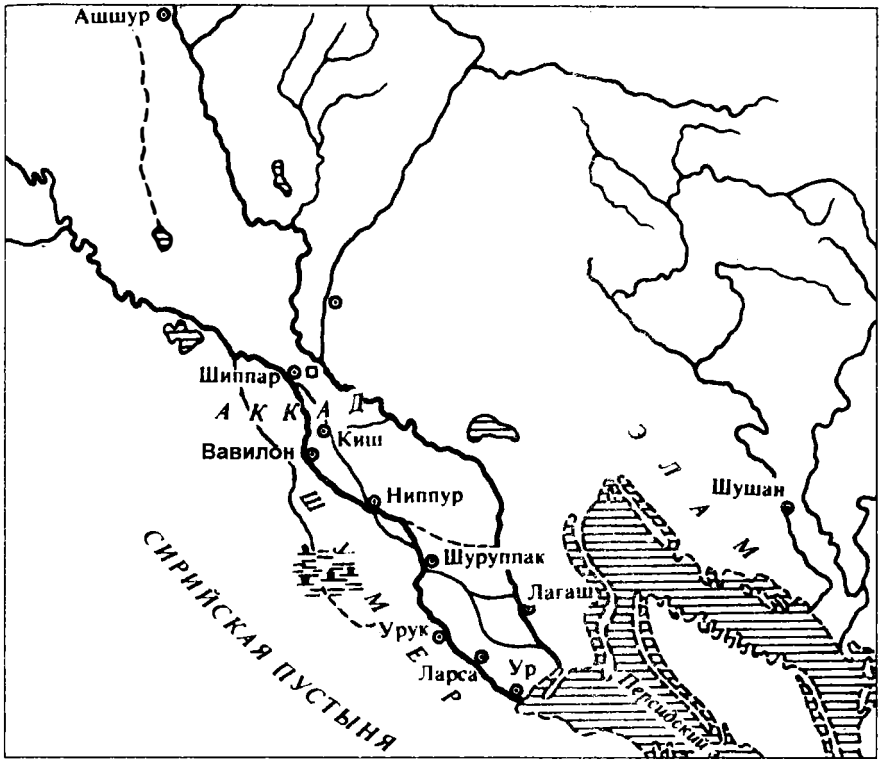

5

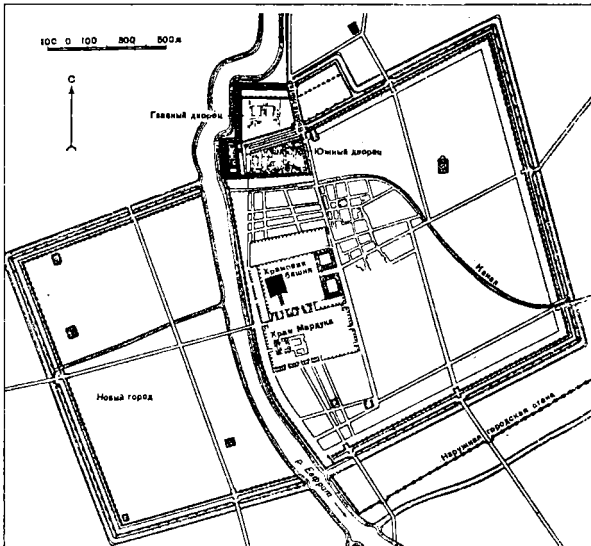

7

БАВИЛОН

8

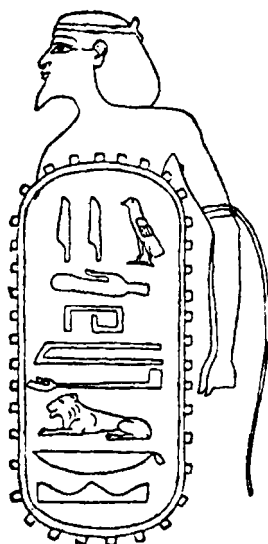
9

1. Царь Хаммурапи.
Голова статуи.
XVIII в. до н. э.
2. Вавилонский
вельможа.
XII в. до н. э.
3. Мифическое
существо.
Стрелок из лука.
XII в. до н. э.
4. Небукаднессар.
Изображение
с вавилонской камен.
9.
5. Кирпич
из построек
Небукаднессара
с шестистрочной
надписью.
6. Зиккурат.
Реконструкция.
7. Ворота богини
Иштар в Вавилоне.
Реконструкция.
VI в. до н. э.
8. Карта Двуречья.
9. План Вавилона.

ИУДЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

1

2

3

ИУДЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

4

5

6

1. Пленные жители Палестины на строительстве дворца в Ассирии. VII в. до н. э.
2. Иуда Малек. Изображение из Карнакского храма.
3. Пленные жители Палестины. VII в. до н. э.
4. Пленные перед палестинским царьком. 2-е тыс. до н. э.
5. Переселение евреев в Египет. Древнеегипетское изображение.
6. Семитский старшина Абиша со своими спутниками. Древнеегипетское изображение.

АССИРИЯ. ПРАВИТЕЛИ

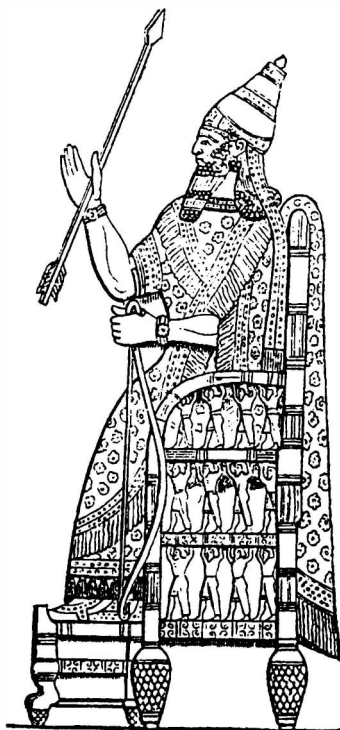
1

2

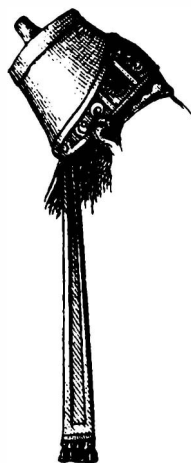
3

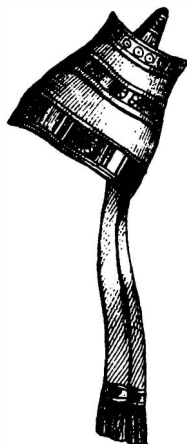
4

АССИРИЯ. ПРАВИТЕЛИ

5

6

7

1. Ассирийский правитель.
Древнеассирийское изображение.
2. Царь Саргон и его визирь.
Древнеассирийское изображение.
3. Царь Саргон.
Древнеассирийское изображение.
4. Санхериб на троне.
Ниневийский рельеф.
5. Царские головные уборы.
Современная прорисовка.
6. Ассирийский правитель.
Древнеассирийское изображение.
7. Ашшурбанипал.
Древнеассирийское изображение.
8. Торжество победы.
Древнеассирийское изображение.

8

АССИРИЯ. ВОЕННОЕ ДЕЛО

1

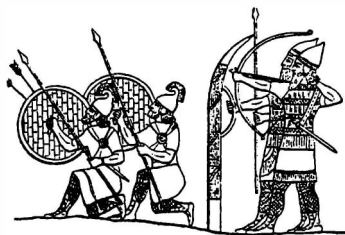
2

3

4

5

1. Конная охота Ашишурбанипала. Древнеассирийский рельеф.
2. Разрушение ассирийцами города. Древнеассирийский рельеф.
3. Ассирийские воины. Древнеассирийский рельеф.
4. Ассирийский воин. Древнеассирийское изображение.
5. Ассирийские воины под стенами осажденного города. Древнеассирийское изображение.

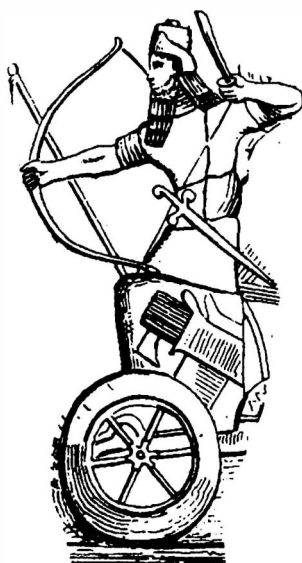
АССИРИЯ. ВОЕННОЕ ДЕЛО

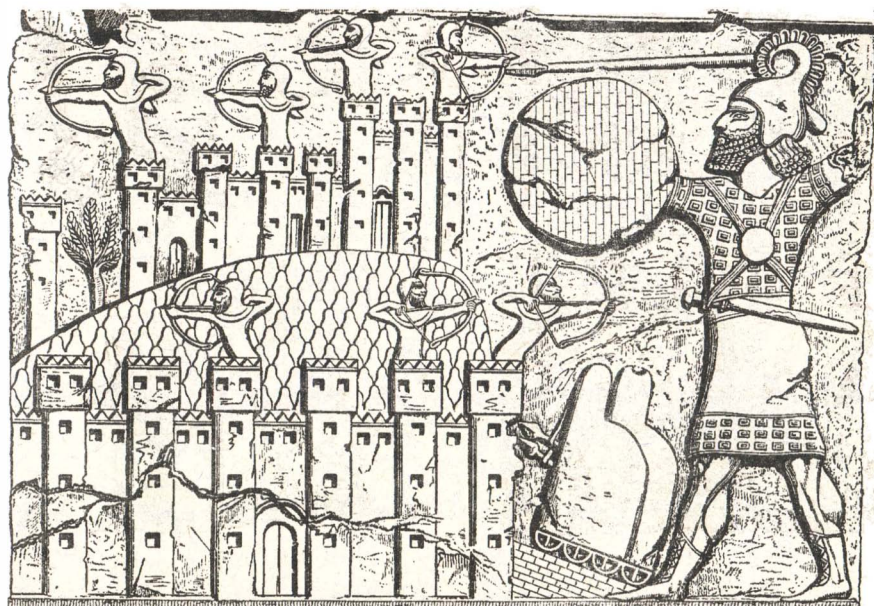
6

7

8

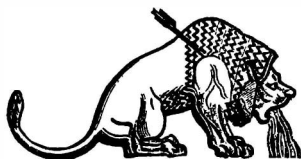

9

6. Ассирийцы считают убитых. Ниневийский барельеф.
7. Ассирийский конник. Рельеф из дворца Ашшурбанипала.
8. Ассирийский лучник на боевой колеснице. Древнеассирийское изображение.
9. Взятие крепости. Древнеассирийский рельеф.

АССИРИЯ. ИСКУССТВО

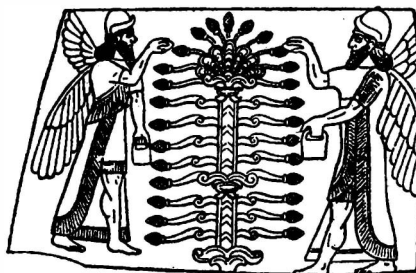
1

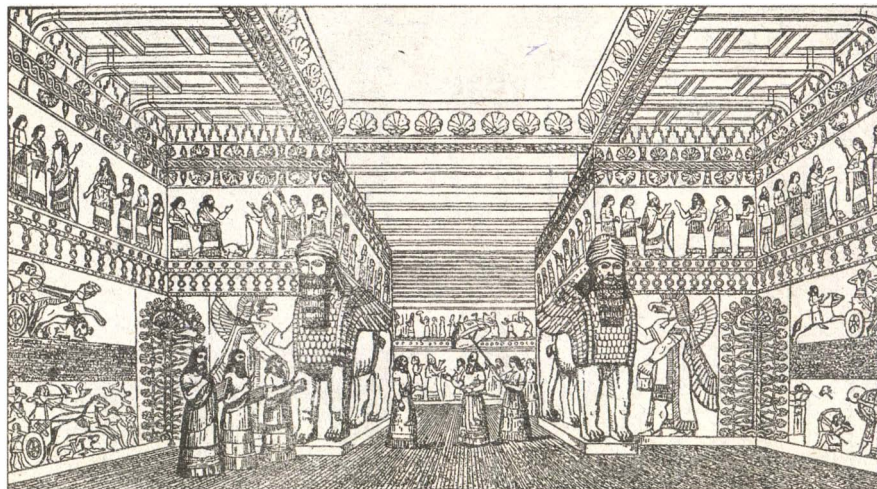
2

3

4

5

1. Умирающий лев. Древнеассирийский рельеф.
2. Ассирийские крылатые кони и священное дерево. Древнеассирийское изображение.
3. Пир ассирийцев. Древнеассирийский рельеф.
4. Древо жизни, охраняемое богами. Древнеассирийское изображение.
5. Реконструкция зала в ассирийском дворце.

АССИРИЯ. ИСКУССТВО

6

7

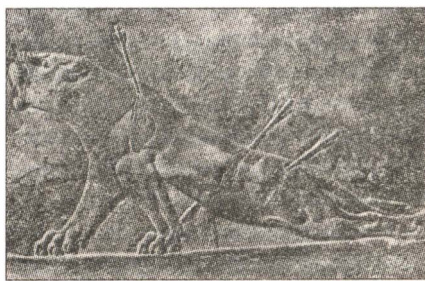
10

8

9

11

6—11. Рельефы из дворцов ассирийских царей.

знанием народа и не всегда были образцами кротости и благочестия. Так, например, Гедеон назывался Иеруваалом (то есть устрашающим Ваала) и соорудил в своем городе идола; Авимелех был тираном худшего сорта, а Иеффай начал свое поприще разбоями на больших дорогах.

Первым судиею был Гофоноил, за ним в числе прочих следовали мужественная жена и пророчица Девора, победитель мадианитян — Гедеон и т.д. Замечательные деяния некоторых судий были записаны. Из них самыми интересными представляются нам деяния Иеффая, Самсона и Самуила.

а) Иеффай

Не успевший еще сплотиться и установить у себя ни общего государственного управления, ни общеобязательных законов, народ израильский скоро сделался добычей аммонитян, в особенности беспокоивших беспрестанными нападениями и грабежами колена по ту сторону Иордана. И не было в Израиле человека, который был бы в состоянии дать отпор разбойникам. Наконец такой человек нашелся: то был Иеффай — муж, полный храбрости и отваги. Братья, чтобы не разделять с ним законного наследства, изгнали его из дома родительского, и Иеффай ушел в Аравию, где, став во главе одной разбойничьей шайки, прославился необыкновенными подвигами. Когда бедствия отечества достигли необычайных размеров, а слава о храбрости Иеффая разнеслась во все стороны, жители Галаада послали к нему послов с просьбой быть их вождем. Он согла-

сился и вернулся на родину. Сначала он послал спросить царя аммонитян, по какому праву тот нападает на землю Израильскую. Царь отвечал, что земля эта принадлежала ему еще ранее, чем дети Израиля завладели ею. Иеффай в пространном объяснении старался оправдать действия Моисея и Иисуса Навина, но аммонитянский царь не соглашался с его доводами. Тогда Иеффай с многочисленным войском пошел на него войной. Перед выступлением в поход он дал обет, если Иегова предаст аммонитян в его руки, принести ему в жертву всесожжения первое, что выйдет к нему навстречу из дома его.

Нападение было совершено неожиданно, и неприятель бежал. Иеффай преследовал его и отнял у врага двадцать пастушеских селений, а когда прогнал его далеко, вернулся к себе в Массифу. Здесь навстречу ему с радостными песнями и плясками вышла дочь его, кроме которой он не имел детей. При виде ее безрассудный отец разорвал на себе одежды и воскликнул: «О, дочь моя! Как сокрушаешь и печалишь ты меня! Я дал обет Господу и не могу не исполнить его». Испуганная дочь отвечала: «Отец мой, если ты дал обет Господу, то поступи со мной по обету твоему, ибо Господь сотворил тебе отмщение над врагом твоим». Исполненная печали, просила она позволения отправиться в горы и пробыть там два месяца, чтобы оплакать с подругами девство свое. Она пошла в горы и, исполняя слово свое, вернулась через два месяца, чтобы умереть позорною смертью на

костре. В честь ее девицы галаадские в продолжение многих лет ежегодно справляли праздник, в который отправлялись в горы оплакивать дочь Иеффая.

6) Самсон

В другой раз несколько колен израильских оказались под властью филистимлян, прошедших вдоль и поперек всю страну их и смотревших на имущество израильтян как на свое собственное. Тогда спасителем явился происходивший из колена Данова знаменитый Самсон, история жизни которого увенчана ореолом народных сказаний. «Хотя его следует рассматривать как личность историческую, — писал один немецкий ученый, — но описание его подвигов и страданий носит на себе печать легендарного характера; самая же смерть его производит сильное впечатление своим необыкновенно глубоким трагизмом».

С самого рождения своего он был посвящен своими родителями Иегове, согласно обычаю, установленному еще Моисеем. Таких людей называли назореями, что означает «обособленный, обрученный Господу». Они были обязаны не есть некоторых кушаний как нечистых, и ножницы не должны были касаться их головы.

Когда Самсон вырос, то получил исполинскую силу. Однажды, желая посетить свою невесту, он отправился в местечко Фамнаф. На дороге встретился ему молодой рыкающий лев. И дух Господень снизошел на Самсона, и он, хотя не имел ничего в руках, растерзал льва, как лев разрывает ягненка. Затем он пришел к своей невесте,

но ни ей, ни родителям своим ничего не сказал про свой геройский подвиг.

Невеста Самсона была филистимлянка, поэтому брак с ней был неприятен его родителям. Они не знали, что на то была воля Господня, желавшего наказать филистимлян. Самсон же не поддавался увещаниям их, и они должны были уступить ему. Несколько дней спустя Самсон снова пошел в Фамнаф и проходил мимо трупа растерзанного льва. И вот видит он рой пчел в пасти львиной с сотами, наполненными медом. Он вынул его, съел дорогой и явился в дом невесты. Брачное пиршество должно было продолжаться семь дней, причем по восточному обычаю филистимляне приставили к нему тридцать юношей — друзей жениха. Самсон, по обычаю же Востока, задал им загадку о своей находке: «Слушайте: если отгадаете, то дам вам тридцать пар верхнего и нижнего платья; не отгадаете — вы должны мне дать столько же». — «Скажи нам свою загадку». Самсон сказал: «От ядущего произошло ядомое, а от сильного — сладкое. Что означает это?»

Прошло шесть дней, а тридцать филистимлян не могли разгадать загадку. Наконец они вышли из себя и тайно сказали молодой жене Самсона: «Уговори своего мужа, чтобы он объяснил свою загадку, а то мы сожжем дом твой и все, что в нем есть. Разве для этого ты пригласила нас, чтобы мы сделали нищими?»

Горько заплакала жена Самсона и стала просить своего мужа объяснить ей, в чем было дело. Он долго не соглашался, но наконец сказал ей. Она

передала это своим единоплеменникам, которые на седьмой день, с восходом солнца, сказали Самсону: «Что слаще меда и сильнее льва?» Он им ответил: «Если бы вы не пахали юницею моею, не отгадать бы вам моей загадки».

Однако все-таки должен был он дать им тридцать пар платья. Тогда снизошел на него дух Господень, и пошел он в Аскалон, убил там собственноручно тридцать филистимлян, снял с них платья и отдал его отгадавшим загадку. Потом, затаив гнев в сердце своем, ушел оттуда и вернулся в дом отца своего. Жена его отдавалась другому.

Через некоторое время, в дни жатвы пшеницы, Самсон вспомнил жену свою, посетил ее и принес ей козленка. Но ее отец не хотел впустить его в дом. «Мы думали, — сказал он, — что ты возненавидел ее, и потому отдали ее другому. Но у нее есть еще младшая сестра, и, если желаешь, возьми ее». Тогда сказал ему Самсон: «Я имею только одно истинное желание — причинить филистимлянам зло». Он вышел из города, поймал триста штук шакалов, которые на востоке бродят большими стаями и легко попадают в руки охотника. Он связал их попарно и привязал к хвостам каждой пары по горящему факелу. Со страшным воюм побежали звери по полям, и огонь охватил снопы и колосья. Вся жатва погибла в огне, истребившем также различные деревья и виноградники.

«Кто сделал это?» — яростно восклицали филистимляне. «Самсон, зато, что у него отняли жену», — было ответом. Тогда филистимляне сожгли

жену Самсона и отца ее. Но Самсон жестоко побил их и удалился. Филистимляне напали на колено Иудино и вторглись в их страну. «Чего вы хотите от нас?» — спрашивали израильтяне. «Самсона!» — последовал ответ. «Он ушел в горы и поселился в пещере». Туда пришло три тысячи человек из колена Иудина и сказали Самсону: «Разве ты не знаешь, что филистимляне напали на нас; зачем сделал ты это?» Он отвечал им: «Как они поступили со мною, так и я поступил с ними». На это они сказали: «Мы пришли связать тебя и предать филистимлянам».

Самсон дал им связать себя по рукам новыми веревками. Тогда вывели они его из пещеры и привели к филистимлянам, возликовавшим привиде его. Но он, подойдя к ним ближе, с такою силой разорвал веревки, что они распались, как нити, опаленные огнем. Тут нашел он челюсть от скелета осла. Он схватил ее и побил ею тысячу человек. Потом бросил челюсть и назвал это место Рамет-Лехи (пещера челюсти).

Но тут он почувствовал страшную жажду и так воззвал к Иегове: «Рукою раба твоего совершил ты такое спасение; не дай умереть мне от жажды или упасть от утомления в руки филистимлян!» И вдруг увидел он, как разверз Иегова язву на челюсти и вода потекла из нее. И когда он утолил жажду, возвратился к нему дух его и он ожил. Поэтому источник этот и поныне зовется источником «призывающим из челюсти».

В другой раз пришел он в город Газу и вошел в дом к одной женщине. Филистимляне, узнав об этом, заперли городские ворота и подстерегали

его, говоря: «До света утреннего пождем и убьем его». Но Самсон не ждал так долго. Он встал в полночь, схватил своими мощными руками ворота, вырвал их с обоими столбами из земли, взвалил себе на плечи и отнес на высокую гору.

Но чем чаще спасался Самсон чудесным образом от случавшихся с ним опасностей, тем более привыкал он полагаться на одну только свою силу, стал забывать Бога, убаюкивать себя ложной самоуверенностью в своей безопасности.

Он позволил себе ступить в связь с хитрой Далилой. Об этом узнали филистимляне и обещали ей тысячу сто сребреников, если она просьбами и лестью выпытает от Самсона, в чем заключается его необыкновенная сила. Далила согласилась и спросила Самсона: «Милый, скажи мне, в чем заключается твоя сила и чем можно связать тебя и смирить».

Самсон сказал ей: «Если меня свяжут семью тетивами из сырого лыка, то я ослабею и буду, как и всякий обыкновенный человек». Принесли филистимляне семь тетив из сырого лыка, и Далила связала ими Самсона. В комнате же были спрятаны люди, подстерегавшие Самсона. Тогда вскричала Далила: «Самсон! Филистимляне идут на тебя!» Но он разорвал тетивы, как простые нитки, и обманутые филистимляне убежали.

«Видишь, ты обманул меня, — сказала ему Далила, — ты говорил мне ложь. Скажи же теперь, чем можно на самом деле связать тебя». Он отвечал ей: «Если свяжут меня веревками новыми, не бывшими еще ни разу в упо-

треблении, то ослабею и буду, как и всякий другой человек». Она сделала это. Пришли филистимляне, но он разорвал узы свои, как простые нитки. «Злой человек, — сказала ему Далила, — еще раз ты солгал мне! Скажи же теперь откровенно и не обмани меня на этот раз». «Хорошо, — сказал он, — если ты сплетишь мои волосы и привозишь их колом к стене, когда я буду спать, то я не в силах буду пошевелиться». Далила сделала и это. Но когда пришли филистимляне, Самсон пробудился и вырвал волосы вместе с колом. Тогда сказала ему Далила: «Как можешь ты говорить, что любишь меня, когда ты со мною неоткровенен? Три раза обманул ты меня. Скажи же наконец мне правду». День и ночь преследовала она его лстивыми речами и мучила тем, что душа ее будет томиться до самой смерти. Наконец раскрыл он ей сердце свое и сказал: «Никогда ножницы не касались головы моей, ибо я с самого детства посвящен Богу. Если я преступлю волю Божию, дам обрезать себе волосы, то отступятся от меня дух Божий и сила моя». Вероломная Далила запомнила это и известила филистимлян, которые тотчас пришли и принесли с собой деньги. Она усыпила его, велела остричь ему волосы, и сила отступила от него. «Самсон! Филистимляне идут на тебя!» — воскликнула она громко. Самсон проснулся и подумал: «Я встану, как прежде, и разгромлю их». Но он не знал, что Иегова отступился от него. Филистимляне схватили его, выкололи ему глаза, отвели в Газу и заковали в цепи. И должен был он в темнице вертеть ручную мельницу.

Но в темнице у него снова отросли волосы. Между тем филистимляне собрались для принесения великой жертвы богу своему и, радуясь, говорили: «Наш бог предал нам в руки величайшего врага нашего, опустошавшего нашу страну и убившего многих из наших единоплеменников. Пусть теперь приведут его, чтобы мы могли насмеяться над ним». И они привели Самсона из темницы и заставили его плясать перед ними.

Слепец сказал мальчику, ведущему его за руку: «Подведи меня к главным двум столбам, поддерживающим дом, чтобы я мог прислониться к ним». Дом же был полон мужчин и женщин. И внутри, и снаружи, и на гладкой крыше все кишело филистимлянами. Самсон в душе своей обратился к Иегове и так воззвал к нему: «Господи, вспомни обо мне, укрепи меня только на этот еще раз, чтобы я мог воздать им одним отмщением за оба глаза мои!» Потом уперся он в средние колонны, в одну правою, а в другую левою рукою, и воскликнул: «Здесь хочу я умереть вместе с филистимлянами!» В одно мгновение потряс он колонны, и все здание рухнуло со всем, что было в нем и на нем. При этом филистимлянин погибло больше, чем он убил их за все время своей жизни. Он был судьей Израиля в продолжение двадцати лет.

в) Самуил

(1109 г. до н. э.)

Наступившие после смерти Моисея времена далеко не соответствовали тому, что предопределял он своему народу. Деятельность описанных вождей являлась в истории

Израиля лишь быстро проносящимися блестящими метеорами, а духа и чувств, заветанных Моисеем, уже больше не было в народе. Идолопоклонство постоянно одерживало верх над истинным служением Иегове. Сознание единства исчезло, и государство ко времени первосвященства Илии пришло в величайший упадок. У народа не было сильного правителя. Сыновья Илии оскверняли скинию завета, продолжавшую по-прежнему, со времени переселения в Ханаан, находиться в Силоме, в колене Ефремовом, и предавались алчности и распутству так, что приходившие туда для принесения жертв благочестивые люди встречали в этом священнейшем месте только оскорбления своим святым чувствам.

С того самого времени, когда из-за общения с местными племенами прекратилось религиозное единство, стало рушиться и единство политическое. Начались междоусобицы, и народ сделался добычей ханаанитян и в особенности филистимлян. Израильяне были разбиты во многих сражениях. Тогда для большего воодушевления войск клятвы завета перенесли в стан и дали еще одно сражение, но и оно было проиграно, причем сама святыня эта попала в руки неприятеля и оставалась у него до тех пор, пока филистимляне не возвратили ее сами. В это время вновь явился муж с духом и мощью Моисея — знаменитый Самуил. Он был посвящен Богу и помещен в Силоме своею благочестивой матерью, так как она

родила его в преклонных годах и потому смотрела на рождение его как на особую милость Божию. Здесь, через божественное откровение, Самуил был призван к служению народу израильскому, чтобы привести его к более счастливой жизни. Он воспользовался возвращением киота завета, чтобы созвать израильтян на всенародное собрание и торжественным обещанием снова обратить их к служению Иегове. При этом Самуил, как достойнейший, был избран народом в судии и впоследствии, во всю свою долгую жизнь, мудростью, энергией и примерным поведением и исполнением своей высокой должности не переставал доказывать, что был вполне достоин такого выбора.

Когда израильтяне соединились между собой, то старинные внешние враги их, филистимляне, составили грозный союз и напали на них. Но Самуил нанес им такое поражение, что с тех пор они не только не отваживались переступить границы израильские, но потеряли даже один за другим все города, отнятые ими у израильтян. Плодом этой победы был почетный мир и с другими соседними народами.

Внутреннего взаимного согласия колен Самуил достиг своим правым судом. Духовному же развитию народа способствовал учреждением так называемых школ пророков. Предметами преподавания в этих школах, без всякого сомнения, прежде всего были закон Моисеев и его толкования; в круг занятий входили также религиозная музыка

и песнопения. Таким образом, школы эти стали рассадниками способных правителей, судий, учителей и разных должностных лиц.

При этом необходимо делать различие между пророками, выходившими из этих школ, и пророками в собственном смысле этого слова, каковыми были Илия, Исаия, Иеремия и другие. Все они, как непосредственно избранные самим Богом, являлись провозвестниками слова Божия, что следует понимать в том смысле, что они пророчествовали не от себя, а их устами вещал сам Бог. Они хранили законы, дополняли заповеди и объясняли народу их сокровенное значение. Они возвещали божественные предопределения, заключавшие в себе как благословение, так и наказание. Блюдя священную неприкосновенность государственных установлений, они напоминали народу о его религиозных и политических обязанностях. Речь их, как излияние вдохновенного чувства, была возвышенна, полна смелых образов и так же цветиста, как речь поэтов.

6. Теократическая монархия. Саул, Давид и Соломон (1055—953 гг. до н. э.)

Когда Самуил состарился, то поставил судиями двух сыновей своих, вероятно, с той целью, чтобы сделать это достоинство наследственным в своем семействе. Но сыновья не пошли по стопам отца, а творили суд неправый. Это обстоятельство, а может быть, и зависть к колену Ефремову,

было причиной того, что израильтяне заставили Самуила по-прежнему принять на себя судейское достоинство. Когда же они убедились на бесчисленных примерах соседних народов, что лучшим средством в общественных бедствиях является самодержавный властитель или царь, то обратились к Самуилу и сказали: «Дай нам царя, который выводил бы нас из затруднений, когда мы ведем войну, и какого имеют все язычники».

Самуил неохотно соглашался на это желание. Он доказывал, что установление царской власти будет равносильно отпадению от Иеговы, и со всем жаром свойственного ему красноречия старался убедить народ остаться при прежнем образе правления. В доводах своих Самуил опирался главным образом на основное положение Моисеева закона, в силу которого народ израильский, будучи избранным народом Божиим, составлял вместе с занимаемой им Ханаанскою землею собственность самого Иеговы и поэтому должен был иметь царем своим только Бога, но никак не человека.

Но доводы Самуила не имели успеха. Народ не отступил от своего намерения, и Самуил должен был согласиться на избрание. Выбор его, конечно, не без благоразумного умысла, пал на одного человека из слабого колена Вениаминова, и притом из самой незначительной семьи этого колена. Он назывался Саулом, был прекрасен собой, «целою головою выше всего народа» и необыкновенной храбрости. Посланный отцом отыскать пропавших ослиц, Саул, не найдя их, пришел к пророку Самуилу, чтобы

спросить его о них. Самуил принял его дружески и помазал священным миром в цари израильские. Затем он велел ему вернуться домой и сказал, что он должен будет предстать пред собранием пророков. Удалившись, Саул поступил так, как приказал ему Самуил. Пророки встретили его и приветствовали своими вдохновенными песнопениями. Дух Божий снизошел на Саула, и он стал пророчествовать пред ними словами древних пророков. Тогда все, знавшие его раньше, восклицали в изумлении: «Разве Саул из числа пророков?» Но изумление это достигло высших пределов, когда Самуил в созванном им вслед за этим всенародном собрании представил этого самого Саула как их будущего царя. Вместе с радостными криками народа: «Да здравствует царь!» многие говорили: «Чем может он помочь нам?» К нему отнеслись с пренебрежением и не принесли ему никаких даров. Однако Саул, о чем и сам прежде не имел никогда в промышленности, благодаря своим подвигам сделался дорогим для своего угнетенного отечества.

Саул вел целый ряд счастливых войн против аммонитян при царе их Наасе, против филистимлян и амалекитян. Но когда он не послушался приказания Самуила — истребить амалекитянского царя Агата со всем его народом и со всеми стадами его, то дух Божий отступился от него, он был отвергнут, и царем, по повелению Иеговы, был тайно помазан Давид. Однако Давиду, прежде чем весь народ признал его царем, пришлось испытать многое: претерпеть несколько

гонений и подвергнуться неоднократным покушениям на свою жизнь, а после самоубийства Саула в битве с филистимлянами вести упорную борьбу с полководцем его Авениром и старшим сыном Саула Иевосфеем.

В правление Давида (1033—993 гг. до н. э.) Иудейское царство достигло своего величайшего блеска. Как храбрый полководец, Давид вел многократные войны, в которых и он, и народ его выказывали необыкновенное мужество. После счастливого похода против сирийцев Иудейское царство приобрело грозное величие, и наступил действительный и продолжительный мир. Давид простер свою власть до устьев Евфрата, и сирийцы из Эмафа, Дамаска и Низибии платили ему дань.

Давид также распространил свое государство и на юг. Моавитяне и эдомитяне, заключившие союз с низибийским правителем и поддержанные им и ассирийцами, напали на израильтян, но были также разбиты Давидом и храбрым полководцем его Иоавом и бесчеловечно истреблены. Государства эти подпали под власть Давида. Завоевав Идумею, он получил даже гавань в Аравийском заливе. Совершенно покорены были и филистимляне. Наконец, Давиду удалось вырвать у иевусеев Иерусалим с крепостью Сион, которыми они до тех пор владели. Эта крепость была укреплена так сильно, что на предложение Давида сдать ее иевусеи насмешливо отвечали: «Даже хромым и слепым для защиты ее достаточно было бы только крикнуть: не смей входить, Давид!» Но Давид тем не менее взял ее, ук-

репил еще больше и сделал Иерусалим и Сион своей резиденцией. Иерусалим стал столицей государства еще и потому, что Давид перенес туда с необыкновенной торжественностью клятву завета, причем сам плясал перед кивотом во время несения его в Сион.

Царь решил еще больше украсить город. С помощью финикийских архитекторов, присланных к нему вместе с кедровым лесом царем тирским, построил в Иерусалиме богатейший и прекраснейший дворец. Он также желал перенести народную святыню из скинии в прочный и роскошный храм, но привести в исполнение это предприятие ему было запрещено пророком Нафаном.

Будучи лишен возможности проявить в сооружении храма свое влечение к красоте и величию, Давид тем с большею свободой мог предаться возвышению народного духа и тесно связанного с ним по своему важному значению богослужения. Оно стало справляться с большей торжественностью и великолепием, сопровождаться музыкой и песнопением, в чем Давид сам был очень искусен и этим придал богослужению более просвещенную форму. Для этой цели было выбрано четыре тысячи левитов, распределенных на классы и хоры во главе с учителями хорового пения; все они были в роскошных одеяниях. Нам известны имена трех знаменитых начальников хоров — Асаф, Еман и Идифун, дошли до нас и нежные, полные чувства песни самого Давида, заключающиеся в Псалтири (книге псалмов).

Эти песни Давида, как и песни других поэтов, исполнялись на общественных празднествах. Собиравшийся пред скинией завета весь народ иудейский испытывал неведомое ему до тех пор воодушевление при совершении вновь введенного богослужения. Но, с другой стороны, роскошь и великолепие, появившиеся благодаря приобретенным различными войнами богатствам, стали развращать народ. Он постепенно привыкал к тем переменам, которые вносил в народный дух и в государственные учреждения этот просвещенный и образованный государь, сочетавший в себе талант лирического поэта с талантом победителя и мудрого правителя.

Поэтому естественно, что характер народа благодаря распространенному Давидом образованию перешел от патриархальной простоты и нетребовательности к подвижности и изменчивости. Равенство и свобода, поддерживаемые древними учреждениями, при новой царской, почти деспотической власти существенно пострадали, а имевшееся до тех пор чувство независимости постепенно притупилось. Азиатский дух правления не замедлил проявиться и здесь со всеми своими последствиями.

При дворе Давида разыгрывались всевозможного рода интриги; от них произошли смуты и раздоры, бросившие мрачную тень на последние годы царствования Давида. И какие тяжкие испытания предстояли этому властолюбивому государю! Об этом можно судить по восстанию сына его Авессалома и по преступлению, совершенному Давидом по отношению к хеттеяни-

ну Урии. Полюбив его жену Вирсавию и желая взять ее себе в жены, Давид погубил Урию. Но воспоминания о слабостях и проступках Давида скоро забылись, и народ видел в нем лишь создателя израильского государства, «человека с божественным сердцем», великого политического деятеля. Кроме того, по мнению даже строгих судей, Давид был прекрасным поэтом.

Преемником на престоле израильском надлежало быть четвертому сыну Давида — Адонии, но Вирсавия и пророк Нафан убедили стареющего царя назначить другого. Еще при жизни своей он приказал всенародно провозгласить царем сына своего Соломона, рожденного от Вирсавии. Адония восстал, но был убит вместе со своим военачальником Иоавом.

При Соломоне возшло в полном блеске то, что посеял Давид благодаря своей храбрости и энергии, и народ наконец мог воспользоваться плодами предыдущих завоеваний. «Иудеи, — как говорит Библия, — жили беспечально, каждый под виноградником своим и под смоковницею своею; они были бесчисленны, как песок морской, ели, пили и веселились».

Поэтому царя Соломона украшали только мирные добродетели: мудрость, поэтическое дарование, полное живых образов, влечение к красоте и великолепию, проявившееся в разнообразных дорогих постройках и сооружениях; забота о безопасности страны, выразившаяся в укреплении городов и в заключении союзов с дружественными соседями, и, наконец, старание о благоденствии народа, возникшем благодаря мирным отношениям с ос-

тальными народами, мореплаванию и торговле. Именно эти дела наполняют главным образом историю царствования Соломона. Одновременно с этим при нем испытал коренное и всестороннее изменение первоначальный, установленный еще Моисеем, государственный строй, до тех пор изменявшийся лишь постепенно.

Одним из замечательных дел Соломона было сооружение храма Иерусалимского, хотя при этом он осуществил лишь волю и план Давида, собравшего для этой постройки неисчислимые сокровища. Храм этот не следует, конечно, рассматривать наравне с художественными образцами греческого зодчества, в сравнении с которыми он покажется мрачным, приземистым и неправильным по форме. Зато по великолепию и прочности постройки он был в высшей степени замечателен. Так как он был построен на горе Мория, то эта гора с одной стороны была скрыта, а с другой расширена. Еще во времена римлян удивлялись огромной стене в четыреста локтей вышиной, которая была сделана из камней, связанных между собой железными креплениями. По образцу египетских построек храм имел множество флигелей, служивших частью для хранения десятины, частью для устройства трапезных зал во время жертвоприношений, частью для помещения священников и т.д.

При сооружении этого храма, продолжавшемся семь лет, Соломон пользовался рабами, которые были потомками неистребленных, оставшихся в стране ханаанитянских народов: гефитян, иевусеев и других. Ар-

хитекторами же, руководившими постройкой, были в основном иностранцы, побольшей части жители могущественного города Тира, славившиеся в то время своим искусством и прилежанием. Тирянином был художник, изготовивший обе громадные металлические колонны и сосуды для храма. Тирский царь Хирам, друг Соломона, в силу договора и в обмен на доставляемые ему Соломоном масло и хлеб, послал в его распоряжение и тех жителей Тира, которые рубили и обдывали в Ливане кедровые деревья и сплавляли их в Яффу.

Тирским было и золото, переданное местными мастерами на украшение для храма. За это золото Соломон уступил тирскому царю двадцать два незначительных города. Легко можно себе представить громадное количество золота, израсходованного Соломоном, если принять во внимание, что храм Иерусалимский был не единственным сооружением, прославившим его царствование. Так, он построил для себя дворец в Иерусалиме и недалеко от города Баальбека, у подошвы Ливана, летний дворец, в котором вся утварь была золотая. Кроме того, он построил судилище и дворец для супруги своей, дочери египетского фараона. Знаменит был также его трон из слоновой кости, покрытый чистым золотом; к нему вели шесть ступеней, по обеим сторонам которых стояло двенадцать львов; трон этот, подобного которому не было ни в одном государстве, являлся, вероятно, тоже произведением чужеземного мастера.

Из всего этого видно, что роскошь не была следствием культурного состояния всего народа, а была потребностью двора и царя, поэтому между правительством и народным духом со временем должно было обнаружиться все большее и большее несоответствие.

Что касается торговли, то ее также вел не народ, а царь, притом на свой собственный счет в союзе с тирским царем, при помощи финикийских моряков, в особенности их Гасион-Гаверской гавани в Аравийском заливе. Торговля эта простиралась до Офира и Тартессуса (в Испании) и доставляла Соломону золото, серебро и другие товары. Он также вел торговлю лошадьми, что было одним из пагубных нововведений царя. До этого времени лошади были чужды израильтянам, и разведение лошадей было запрещено Моисеем, допускавшим в будущем избрание царя, но с непременным условием, чтобы он ни в коем случае не держал конницы. Причины, по которым Моисей запретил разведение лошадей, заключались отчасти в том, что употребление лошадей в земледелии было менее удобно, чем употребление ослов, отчасти же в том, что Ханаан, окруженный пустынями и горами, нуждался для своей защиты в выносивых пехотинцах. Конница могла быть нужной только при дальних, завоевательных войнах, которых Моисей не желал.

Но Соломон, вопреки установлению Моисея, завел регулярную конницу из 12 000 всадников и почти 1500 военных колесниц. Конница эта, для которой Соломон содержал двойное количество лошадей, была распо-

ложена по городам, где для нее были построены конюшни по египетскому образцу. Так как в то время в Аравии еще не разводили лошадей, то их привозили Соломону из Египта, притом в таком количестве, что он перепродавал их соседним правителям по произвольно назначаемой им самим высокой цене.

Эта сухопутная и морская торговля вместе с данью подвластных народов доставляли царю и его придворному штату все необходимое и составляли главный источник значительных доходов царя, про которого говорили, что он сделал кедровое дерево столь же обыкновенным, как смоковница, а серебро — как простые камни.

7. Разделение Иудейского царства

Несмотря на внешний блеск, во всем государственном и общественном строе с каждым днем все более и более проявлялись признаки упадка. На нравственное состояние народа разрушительно действовал пример самого царя, его роскошный образ жизни, в особенности множество иноземных женщин, оказавшихся при его дворе и настолько завладевших сердцем царя, что он даже позволял им воздвигнуть алтари своим богам и сам приносил им жертвы. Патриархальный дух, простота в жилище, одежде, пище и питье начали исчезать, все более распространялась развращенность нравов и имела своим последствием всеобщее расслабление. В скором времени еще обна-

ружилось глубоко вкоренившееся недовольство, а в довершение всего царствовала по-прежнему старинная зависть между коленами. В особенности негодовало колено Ефремова на сооружение храма в Иерусалиме, находившемся в области колена Иудина, на потерю своего значения, которым оно пользовалось, пока китов завета находился в Силоме.

Во главе недовольных еще при жизни Соломона стал Иеровоам из колена Ефремова. После смерти Соломона (953 г. до н. э.) против сына его Ровоама вспыхнуло восстание. В прежней столице, Сихеме, собрался народ, и старейшины возложили на Иеровоама поручение передать новому царю сообщение о тяготах народных. «Твой отец, — обратился он к Ровоаму, — отягчил иго наше; облегчи его нам, и мы будем тебе послушны». Советники Соломона убеждали Ровоама согласиться на это, но новый царь последовал внушениям своих молодых друзей и дал следующий ответ: «Отец мой отягощал иго ваше, я сделаю его еще тяжелее. Он наказывал вас бичами, я буду наказывать вас скорпионами». Эта угроза произвела, как и следовало ожидать, решение полного отпадения. «Какая наша часть, — говорил народ, — в наследии дома Давидова? Итак, оставь колену Иудину его избранников, а кто принадлежит Израилю, да идет с нами». И с этим народ удалился. Ровоам послал вслед за ним посла, но он был побит камнями, и сам царь едва успел скрыться на своей колеснице в Иерусалим. Здесь он был признан царем двумя коленами —

Иудиным и Вениаминовым. Остальные же десять колен, принявших название Израиля, провозгласили своим царем Иеровоама.

Таким образом, государство, только что соединившееся в одно целое, снова разделилось. Это разделение повлекло за собой непрерывные взаимные раздоры и вмешательства жаждавших завоеваний соседей и в конце концов стало причиной его окончательного падения.

8. Израильское и Иудейское царства (953—721 гг. до н. э.)

Когда царство Израильское выделось из состава общего царства Иудейского, первой заботой Иеровоама было доставить своему государству независимое, самостоятельное существование. Но для этого Иеровоаму не было достаточно провозгласить своей столицей город Сихем в области колена Ефремова, как самого могущественного из всех десяти колен, он должен был еще уничтожить значение Иерусалима как хранителя кита завета и центрального пункта, куда стекался весь народ во время главных торжественных праздников. Для того чтобы достигнуть этого, он воздвиг в Вефиле и Дане двух золотых тельцов, которые должны были символически изображать Иегову, выведшего евреев из Египта. Это было необходимо еще и потому, что из-за отдаленности Иерусалима следовало создать для десяти колен нового государства центральный пункт для общенародного богослужения. Для

этих языческих жертвенников был воздвигнут храм, а в жрецы были поставлены лица, выбранные народом. Левитов Иеровоам исключил из числа жрецов, так как они, естественно, воспротивились такому богопротивному делу и находились в слишком тесной и опасной для него связи с царством Иудейским.

Тогда многие из левитов и благочестивых израильтян переселились в Иудею. Сам Ровоам и его преемник Авий терпимо отнеслись к чужим богам и для поклонения им позволяли воздвигать идолов, отводили им священные дубравы, но все-таки государство Иудейское благодаря своему храму и кiotу завета всегда считалось местопребыванием истинного служения Иегове. Бесспорно, обладание укрепленной столицей и сокровищами храма сильно способствовало равнозначности царства Иудейского более обширному и более населенному царству Израильскому.

Но оба государства непрерывно враждовали между собой и для достижения перевеса друг над другом прибегали к иноземной помощи. Такая завистливая политика привела в конце концов к совершенному падению обоих государств и прежде всего сделалась гибелью для царства Израильского как имевшего более опасных соседей.

Государи царства Израильского были большей частью идолопоклонники. Худшим из них был Ахав (875—833 гг. до н. э.) с женою своею Иезавелью, дочерью тирского царя. По ее требованию Ахав приказал построить в Самарии храм тирскому

божеству Ваалу, а другой храм — богине Астарте; при первом из этих храмов состояло 450, а при втором — 400 жрецов. Священников Иеговы и пророка Илию, пришедшего в святое негодование, он преследовал с необыкновенной яростью и принудил бежать в пустыню и скрываться в пещерах. За это Ахав постиг суд Божий. На него напал сирийский царь Венадад I. Хотя Ахав нашел в иудейском царе Иосафате союзника, но в сражении при Рамофе он был смертельно ранен. Воины его бежали, Иосафат спасся вместе с ними.

Сын Ахав Иорам также испытал нападение сирийцев. Войну против него вел Азаил, убивший Венадада и захвативший власть в Сирии. И на этот раз царь иудейский Охозия пришел на помощь царю израильскому. В сражении при Рамофе Иорам был ранен и удался для лечения в Изреель. Через некоторое время страж с башни уведомил его о быстро приближающемся отряде. Это был Ииуй, самый уважаемый военачальник в израильской войске. Иорам выехал ему навстречу с гостем своим Охозией.

«Приносишь ли мир?» — закричал Иорам Ииuyu. «Какой может быть мир, — возразил Ииуй, — когда нечестие твоей матери Иезавели все увеличивается?» Тогда воскликнул Иорам: «Измена, Охозия!» И он велел повернуть колесницу и пустить коней во всю прыть в обратный путь. Но Ииуй поразил Иорама стрелой в спину, острие стрелы пронзило ему сердце, и он, мертвый, опрокинулся в колеснице, а Охозия помчался дальше. Погоня настигла и Охозию; смертель-

но раненный, он умер в Мегиддо. Ииуй овладел бы и Иудейским царством, если бы мать Охозии, Гофолия, не захватила в свои руки бразды правления и не держала их крепко.

Иезавель, по приказу Ииуя, была выброшена из окна, и труп ее был съеден собаками, как предрек о том Илия.

При Ииуе и его преемниках для Израильского царства наступили лучшие времена. Казалось, оно отдохнуло и начало собираться с новыми силами. При четвертом царе из рода Ииуева Иеровоаме II (790—749 гг. до н. э.) удалось даже снова отнять у сирийцев целую область к востоку от Иордана. За этими победами следовал довольно продолжительный период мира и спокойствия. Снова расцвело земледелие, оживилась торговля, а в столице Самарии воцарились, как и прежде, роскошь и великолепие. Но на востоке поднимался враг еще более страшный, чем сирийцы, — новоассирийцы. При новой могущественной династии они возобновили ту завоевательную политику, которую вел великий Туклат-Хабал-Азар I. Ассирийские цари каждый год выступали на войну из новой столицы, Калаха, построенной на левом берегу Тигра. Первым из этих великих завоевателей был Ассур-Назир-Хабал (883—835 гг. до н. э.). Безжалостно все опустошая, он дошел до Средиземного моря. Оказавших сопротивление умерщвляли, пленных распинали на кресте. Когда ассирийцы пришли в Ливан, то нарубили множество кедров, сосен и кипарисов, послали в Ниневию и соорудили из них храм богине Астарте.

Ассур-Назир-Хабалу наследовал сын его Салманассар III. Он покорил Кархемиш и вступил в долину Оронта, где сирийский царь со своими приближенными должен был присягнуть ему в верности.

Если царство Израильское было в состоянии защищаться против сирийцев, то это оказалось невозможным в отношении ассирийцев. Хотя в первой половине VIII века их могущество пало, но пало только на время. Тиглат-Хабал-Азар II (745—727 гг. до н. э.) снова вывел ассирийцев из долголетнего расслабленного состояния, указал им путь к победам за пределами отечества и повел их дальше, чем кто-либо из его предшественников. В Библии он называется сокращенно Фулом, а также Тиглат-Пилезаром.

Примерно в это время сирийский царь Рецин напал на иудейского царя Ахаза. В союз с Рецином вступил израильский царь Факей. Они оба выступили против Ахаза и разбили его в двух сражениях. «Тогда душа царя и душа народа его трепетали, как деревья в дубраве, колеблемые ветром» — так говорится в Библии об этом времени. В этом бедственном положении, вопреки предостережению пророка Исаии, Ахаз обратился за помощью к ассирийцам. Он взял из храма сокровища и послал их в виде дани ассирийскому царю.

Тиглат-Хабал-Азар II с радостью воспользовался этим случаем, чтобы завладеть Палестиной. Северные и восточные колена, еще прежде наполовину разоренные сирийцами, в 734 году были совершенно уничтожены ас-

сирийцами, и большая часть народа была уведена в Ассирию. Затем Тиглат-Хабал-Азар двинулся против Дамаска. После двухлетней осады он был взят, Рецин умерщвлен, 8000 жителей уведено в плен, а Сирия обращена в ассирийскую провинцию.

В числе двадцати пяти царей, вынужденных посылать дань гордому завоевателю, находился и Ахаз, который, кроме того, должен был почитать ассирийского царя как своего издателя.

В 727 году в Калахе умер Тиглат-Хабал-Азар. Сразу же во всех только что завоеванных странах вспыхнуло всеобщее восстание. Израильское царство с царем Осией также попыталось сбросить с себя ассирийское иго. Но когда энергичный преемник Тиглата Салманассар V (726—721 гг. до н. э.) вновь подчинил себе Финикию и Сирию, то и Осия перестал сопротивляться и отказываться платить дань. Но, рассчитывая, что Египет должен с беспокойством смотреть на приближение ассирийцев к его границам, Осия вступил в тайные переговоры с египетским царем Сабакком в надежде встретить у него понимание. И он не ошибся. Царь Сабак обещал ему помочь, причем дал себя убедить, что было бы целесообразным противопоставить полчищам ассирийцев оплот из маленьких государств — финикийского, иудейского и филистимлянского.

Но переговоры с Египтом не укрылись от зоркого взгляда Салманассара V. Он потребовал Осию к себе, приказал бросить его в темницу, где тот и умер. Затем ассирийское войско наводнило царство Израильское и

осадило Самарию. Сабак оставил израильтян на произвол судьбы. Только тирский царь Лулий поднялся против ассирийцев. Оставив у Самарии часть войска, Салманассар с остальной частью направился против него. Но город Тир, находившийся на острове, насмехался над всеми его усилиями. Осада Тира и Самарии продолжалась почти два года. Салманассар умер. Его преемник Сарукин лично явился со свежими войсками в стан под Самарией и принудил город сдаться (721 г.). Город был разграблен, а все жители уведены в неволю в Ассирию. На их место явились новые поселенцы — пленные халдеи и сирийцы. Из оставшихся там израильтян и новых переселенцев образовался смешанный народ — самаритяне.

С падением царства Израильского уничтожилась последняя преграда, разделявшая между собой великие державы того времени, Ассирию и Египет, и неизбежность кровавого столкновения между ними составляла только вопрос времени.

9. Падение Ассирийского царства

Ассирийское царство гигантскими шагами достигло вершины своего могущества. Сарукину наследовал сын его, могущественный Санхериб (704 г.), ему — сын его Ассаргаддон (681 г.), который именовался царем Ассирии и повелителем Вавилона. Столицами его одновременно были Ниневия, Калах и Вавилон. Военные успехи Ассаргаддона превзошли по своему значению даже успехи его

предшественников. Он не только отвоевал потерянную Санхерибом Сирию, но и возобновил войну с Египтом, где в то время в Фивах господствовали эфиопы, а в Дельте (Нижнем Египте) боролись между собой за власть Саисская и Танаисская династии. Постоянно возрастающие успехи эфиопского царя Тиргака (693—666 гг. до н. э.), подчинившего своей власти дельтские династии, беспокоили ассирийского властителя, и он решил сам начать против него наступательную войну. Тиргак, войдя в союз с правителями финикийскими и Иудеей, стал у Аскалона. Здесь напал на него Ассаргаддон и одержал над ним победу (673 г.). В союзе с аравитянами, обязавшимися держать в готовности вдоль всего пути запасы воды, Ассаргаддон так же счастливо перешел Аравийскую пустыню, преследовал эфиопов через перешеек, разбил их еще раз и вступил победителем в Мемфис. Он завладел тамошними сокровищами и направился далее к Фивам, которые также разграбил. Затем, по ассирийскому обычаю, он поставил в качестве своих наместников двадцать второстепенных незначительных правителей, а царя Нехао I из Саиса назначил главою этого союзного государства, обязанного платить ему дань. В воспоминание своей победы Ассаргаддон повелел вырезать на скале рядом с победоносным изображением Рамсеса II пространную надпись. В надписи этой, насколько позволяет разобрать изувеченный вид ее, повествуется о победе его над Тиргаком и о взятии приступом Мемфиса; самого себя он имену-

ет царем Египта, Фив и Эфиопии. По примеру своих предшественников, Саргона и Санхериба, Ассаргаддон также воздвиг в Ниневии и Калахе величественные здания. В то время как он был занят осуществлением своих строительных планов, Тиргак вновь вторгся в Египет и отнял Мемфис. Ассаргаддон передал правление своему сыну Ассур-Бан-Хабалу, который немедленно выступил против Египта (667 г.). Он встретился с египетским войском при Карбаните и обратил его в бегство. Было снова восстановлено введенное Ассаргаддоном государственное устройство, и Ассур-Бан-Хабал вернулся в Ассирию.

Но сын Тиргака, Урд-Амен, вторично овладел Мемфисом и приказал казнить Нехао. Тогда Ассур-Бан-Хабал лично явился в Египет и истребительной войной положил конец завоеваниям эфиопов. Фиванское население было уведено в рабство; золото, серебро, драгоценные ткани как военная добыча были увезены в Ниневию. Урд-Амен спасся бегством и бесследно исчез. Так Египет стал государством, подвластным ассирийцам.

Но едва только спокойствие было восстановлено в одной части государства, как оно было нарушено в других. Уртаки, правитель Элама, находившегося к востоку от Тигра (столицей Элама был город Суза), и родной брат Ассур-Бан-Хабала, Сауд-Массадиукин — наместник вавилонский, восстали против него (650 г.). Тотчас же поднялись и другие подвластные правители: аравитян, сирийцев, лидийцев. Лидийский царь Гигес (680—

645 г. до н. э.) только что перед этим присягнул добровольно ассирийскому царю. «Именно этот самый Гигес, — говорит Ассур-Бан-Хабал в одной клинописной надписи, — послал помощь Псамметиху, царю Египта, сбросившему с себя иго моей власти». Из этой надписи видно, что и Египет при Псамметихе был в числе государств, примкнувших к обширному восстанию против ассирийского царя. Но Ассур-Бан-Хабал разбил соединившихся вавилонян, эламитов и аравитян и разграбил их города. Вавилон после долгой блокады был вынужден к сдаче голодом, жители города ели уже мясо своих детей. Саул-Массад-Иукин попал в руки царя и был сожжен по его приказанию. Один из вавилонских военачальников, Набу-Бель-Суме, чтобы не попасть живым в руки царя, приказал своему вознице умертвить себя. Но труп его был выдан ассирийскому царю. Он велел его обезглавить, голову посолить и повесить на дереве в царском саду в Ниневии. На одном из барельефов, хранящихся в Британском музее, можно видеть Ассур-Бан-Хабала, окруженного своими женами и пирующего в присутствии этого страшного трофея.

Ассирийцы долгое время беспощадно опустошали Элам. В 645 году до н. э. самая Суза, прозванная великим городом и местопребыванием богов, была уничтожена, изображения богов и статуи эламских царей были увезены в Ассирию, а жители Элама расселены по всему государству. Так исчез с исторической сцены Элам — древнейшее государство Передней Азии.

Так как Ассур-Бан-Хабалу не удалось вновь завоевать Египет, то Псамметих благодаря своей энергии мог теперь на развалинах Древнего Египта воскресить новый.

В Ассур-Бан-Хабале отразились как в фокусе все хорошие и дурные качества ассирийских правителей: деятельность и мужество с одной стороны, и жестокость — с другой. Из-за такого сочетания ассирийское государство, вознесшись на недостижимую высоту, круто низринулось в бездну.

В 626 году умер Ассур-Бан-Хабал, и после непродолжительных беспорядков ему наследовал сын его Ассур-Идиль-Или. Против него восстал Киаксар, объединивший в горной стране Иране мидийские племена и освободивший Мидию от вторгнувшихся в нее в то время скифов. Затем Киаксар соединился с вавилонским наместником Набопалассаром и заключил с ним наступательный и оборонительный союз. Вследствие такой измены ассирийский царь вернулся в Ниневию и, не видя более никакого спасения, чтобы не попасть в руки врагов, сжег себя в своем укрепленном замке (625 г. до н. э.).

Ниневия была разрушена, и ассирийское государство прекратило свое существование.

Киаксар взял себе собственно Ассирию, а Набопалассар — Вавилон, Месопотамию, Сирию и Палестину. Таким образом, на развалинах Ассирии возникло одновременно два великих государства: Нововавилонское и Мидийское. Их главными городами были Экбатана, Газа, Фрата и Бактра.

10. Падение Иудейского царства

Царство Иудейское было счастливее царства Израильского тем, что вообще имело более способных правителей. Вследствие этого падение Иудеи задержалось более чем на 130 лет. Среди иудейских царей выделяются: Иосафат (909—884 гг. до н. э.), уничтоживший идолопоклонство, устроивший правильный и справедливый суд и отбивавшийся от нападений со стороны моавитян и аммонитян, а также со стороны сирийцев; и Азария (810—758 гг.), современник Иеровоама II. В свое долгое правление Азария возвел царство Иудейское на такую высокую степень благоденствия, что пророки не могли приискать достаточной хвалы великолепию городов и дворцов, величественным крепостям, изобилию золота и серебра; но в то же время они выражали свое негодование против роскоши в одежде, женских украшений, излишеств в пище и питье, господствовавших в его время.

Но при безбожном Ахазе (742—726 гг. до н. э.), «предавшем огню», то есть принесшем в жертву Молоху, своего собственного сына, началось падение Иудейского царства. Пагубное решение Ахаза призвать себе на помощь ассирийцев привело к тому, что они, подобно бурному потоку или рою пчел, нахлынули на его страну. Он даже радовался, когда ему удалось данью склонить могущественного Тиглат-Хабал-Азара, чтобы тот отпустил его домой.

Его благочестивый сын Езекия равным образом воздерживался от

всякой враждебности по отношению к ассирийцам. Он отнесся с полным равнодушием к продолжительной осаде и падению Самарии. Но едва был убит Сарукин (704 г.), как Езекия немедленно стал на сторону мятежников, восставших в Финикии и рассчитывавших и на этот раз на помощь Египта. Тогда сын Сарукина, Сеннахерим (704—681 гг. до н. э.), послал сильное войско против Иерусалима. Сам он с главными силами направился против египтян. Военачальник Сеннахерима, Рапсак, указывал Езекии, что, понадеявшись на Египет, он уподобился человеку, желающему опереться на надломленный ствол тростника, склоняющийся от первого к нему прикосновения. Однако Езекия по совету пророка Исаии решил сопротивляться. «И в ту же ночь, — говорится в Библии, — совершилось чудо: ангел Господень снизошел с неба и поразил в стане ассирийском 185 000 человек». По другим свидетельствам, ассирийское войско во время похода по Дельте было наполовину истреблено чумой, затем эфиопский царь Тиргак напал на него и обратил в бегство. Сеннахерим возвратился к себе в Ассирию через Иудею, снял осаду Иерусалима и более не показывался в Палестине. Для Иудеи, как в лучшие дни Соломона, наступили времена мира и благоденствия.

Но безбожный сын Езекии Манассия правил так же дурно, как дед его Ахаз. Идолопоклонство, в особенности поклонение Ваалу и Астарте, а также человеческие жертвоприношения были повсюду и в полной силе.

При Иосии (в 640 г.) началось некоторое улучшение. К его величайшей радости, тогдашний первосвященник Хелкия и законник Сафан сделали важную находку: при обновлении храма они нашли «Книгу закона». Когда царь прочел в ней страшные угрозы Иеговы против тех, которые «оставили его и кадили другим богам», то он от ужаса разорвал на себе одежды и со всей энергией принялся за искоренение идолопоклонства и за восстановление истинного богослужения. Но политическая роль Иудеи уже близилась к концу.

Как раз в это время на месте Ассирии при Набопалассаре и сыне его Навуходоносоре начало возвышаться царство Нововавилонское. В то же время Египет при Псамметихе около 650 года до н. э. снова освободился от ассирийского ига, наложенного на него Ассаргаддоном, и достиг выдающегося положения. Поэтому состояние Иудеи стало еще хуже прежнего. Находясь как раз между двумя могущественными державами, она могла быть раздавленной ими.

Сын и приемник Псамметиха фараон Нехао II (670 г.) задумал воспользоваться слабостью нововавилонского государства при составившемся Набопалассаре и, следуя примеру великих фараонов, Сефа I и Рамсесов I и II, перенес военные действия в Сирию. Весной 608 года он оставил Мемфис и двинулся к Евфрату по старой военной дороге. Когда он проходил долину Изреельскую, к нему навстречу вышел царь иудейский Иосия. Сражение произошло

при Мегиддо. Иудеи не могли выдержать натиска многочисленного и хорошо обученного войска египтян. Сам Иосия погиб. Нехао, не заботясь более об Иудее, продолжал свой путь дальше на север и овладел Сирией. На возвратном пути он посадил на иудейский престол второго сына Иосии — Иоакима.

Но владычество Нехао над Сирией и Палестиной продолжалось лишь до тех пор, пока против египтян в 605 году до н. э. не выступил Навуходоносор. Недалеко от Кархемиша, на берегах Евфрата, произошла решительная битва. Нехао потерпел жестокое поражение и отступил в Египет. Навуходоносор не преследовал его, а поспешно направился в Вавилон, где по случаю смерти своего отца Набопалассара опасался, что там в его отсутствие могут возникнуть беспорядки и появиться какой-нибудь претендент на престол. Поэтому он отложил на время подчинение себе Иоакима и других мелких владетелей. Пять лет спустя после битвы при Кархемише Нехао, успевший оправиться от тяжелого поражения и таивший в себе мысль об отмщении, убедил Иоакима отложиться от Навуходоносора. Иоаким вскоре умер, а явившийся опять в эти места Навуходоносор отбросил египтян к их границам и на обратном пути наказал иудейского царя Иехонию, вступившего на престол после Иоакима. В 597 году Иерусалим был окружен со всех сторон и должен был отворить ворота неприятелю. На этот раз Навуходоносор пощадил Иерусалим, но находящиеся еще в нем со-

кровища и храмовые сосуды были разграблены; молодой царь с матерью Некустой и знатнейшими жителями, воины и разного рода мастера и рабочие в числе 7000 человек были уведены пленными в Вавилон. Царем победитель поставил четвертого сына Иосии — Седекию.

Четыре года уже сидел Седекия на престоле иудейском, когда явилось к нему искушение в измене в лице послов царей сидонского и тирского. Явились также послы аммонитян, моавитян и эдомитян. Они надеялись соединенными силами свергнуть ненавистное вавилонское иго. И на этот раз пророк Иеремия ревностно предостерегал от восстания. Но когда египетский фараон Хафра обещал свою помощь, иудеи восстали (589 г.). Египетская помощь пришла слишком поздно. Навуходоносор налетел, подобно урагану, на Иерусалим и осадил его. Попытка египтян освободить город была отбита. Иерусалим был стеснен до невозможности. Иудеи защищались с величайшим упорством и храбростью. Но нужда в городе увеличивалась с каждым днем. К страшным потерям убитыми и ранеными в сражениях присоединилась чума и голод. Однако царь и его советники оставались непреклонны и, не обращая никакого внимания на благоразумные советы Иеремии, решили защищаться до последнего. Наконец после полуторагодичной осады вавилонянам удалось взять приступом северную часть города, а затем оттуда постепенно завладеть и остальными его частями. Седекия бежал, но был настигнут близ Иерихона. Несчастному народу

пришлось вынести ужасное наказание. В присутствии Седекии были казнены его сыновья и высшие иудейские сановники; сам Седекия был ослеплен, в оковах отведен в Вавилон и там заключен в темницу. Город Иерусалим был предан огню и мечу. Первосвященник Сераия и множество именитых граждан также были казнены. Так свершилась судьба Иудейского царства. Все потеряли иудеи, кроме надежды: «на реках вавилонских сидели они» и ожидали времени, когда пробьет последний час и для царства Вавилонского.

Лишь немногие из самых бедных жителей остались в городе. Среди них находился и пророк Иеремия. Победитель отличил его особой милостью и позволил ему самому избрать себе местопребывание. Иеремия решил, что лучше остаться с осиротевшими согражданами в своем отечестве, чем следовать за изгнанниками на чужбину. Но злая судьба его народа не дала ему воспользоваться тем, что дозволил ему победитель. Когда неприятель удалился, то спасшиеся бегством вернулись в Иудею и в городке Массифе умертвили вавилонского наместника, поставленного над оставшимися жителями Навуходоносором, и бывших при нем воинов. Это убийство повергло в ужас несчастный народ и, так как он страшился, что гнев вавилонского царя не пощадит и невинных, то бежал в Египет, несмотря на увещевания Иеремии. Будучи не в силах убедить беглецов, он сам последовал за ними, чтобы не оставлять своих соотечественников.

В Египте, как и в плену вавилонском, Иеремия и другие следовавшие за ним пророки старались удерживать иудеев от принятия иноземного идолопоклонства и поддерживать в них сознание, что они, являясь особенным, избранным народом, должны живо сохранять дух веры и законы Моисеевы. Только при соблюдении этих условий, возвещали пророки, Иегова не вечно будет на них гневаться, снова возвратит их из изгнания в отечество и

из рода Давида, царствование которого являлось высшим идеалом в воспоминаниях иудеев, произойдет новый блистательнейший и могущественнейший владыка мира.

Эта идея, представлявшаяся в народном сознании в образе будущего Мессии, осуществилась гораздо позже и в новом смысле. Надежда же на возвращение на родину исполнилась менее чем через сто лет, благодаря переманам, испытанным Азией при персидском царе Кире.

АРИЙЦЫ

---

1. Общие сведения

От культурных народов семитского происхождения (египтян, евреев, ассирийцев и вавилонян) перейдем теперь к народам арийского племени. Колыбелью их можно считать Центральную Азию — горную страну нынешнего Тибета. Отсюда арийцы (или индоевропейцы) переселились частью в Иран и далее на запад, на Балканский и Италийский полуострова, и дошли до берегов Атлантического океана, Северного и Балтийского морей; частью — в долины Инда и Ганга.

По своей культуре прежде других народов (впрочем, гораздо позже, чем египтяне времен мемфисского периода) выделились племена, занявшие горную страну Иран, и племена, поселившиеся в долине Инда и Ганга. Первые известны под именем арийцев; вторые — индийские арийцы, в наше время называются индусами.

2. Иранские арийцы, или зендский народ

Народ этот, как сказано выше, переселился из Тибета в Иран — плоскогорье между Индом и Тигром, в особенности в его плодородную часть, и основал там жреческое государство. О судьбах этого государства в древнейшие времена до нас не дошло почти ничего, что имело бы историческую достоверность. Гораздо лучше известно его культурное состояние.

Сохранились большие отрывки из собрания священных книг, заключающих в себе систему религиозных, нравственных и правовых понятий. Это собрание книг называется «Авеста» и написано на зендском языке. Составителем «Авесты» считается Заратустра (иначе его называют Зороастр). Учение его возникло приблизительно за 1000 лет до н. э. в стране Бактрии, откуда постепенно и распространило свое господство.

Основные начала воззрений Заратустры заключаются в следующем. Существуют два царства: царство света и царство тьмы. Бог света называется Ормузд; он стоит во главе добрых духов, помогающих ему в управлении вселенной. Ормузд сотворил мир словом своим. Но в самый день сотворения мира против него выступил злой бог тьмы Ариман, чтобы с помощью греха и преступления нарушить гармонию вселенной. Ему служат злые духи. Но стоит только твердо противостоять этим вредным разрушительным демонам, чтобы побеждать их могущество. Происходит это с помощью жертвоприношений, совершаемых жрецами. В конце концов могущество злого духа будет совершенно уничтожено, смерть уступит место жизни, тьма — свету. Ариман вынужден будет признать первенство Ормузда, и после долгой жестокой борьбы между этими противодействующими силами наступит гармония и во вселенной воцарится всесовершенство.

Ормузд не имел ни статуй, ни даже святилищ или алтарей; лишь на вершинах возвышались так называемые пиреи — храмы огня, в которых поддерживалось священное пламя из поколения в поколение жрецами-магами, обязанными не давать погаснуть огню. Главным жертвенным животным был олень; приносили в жертву также и рогатый скот, коз и овец. После того как был приготовлен и роздан присутствующим хаома (род опьяняющего напитка), жрец убивал животное, клал части его перед свя-

щенным огнем, но не в огонь, ибо подобное соприкосновение осквернило бы священное пламя. Церемония заключалась пиршеством, на котором вкушали жертвенное мясо.

Тела людей после смерти не сжигались, не погребались и не бросались в реку, так как при этом осквернялись бы или огонь, или земля, или вода. Было два способа освобождаться от трупов, не нарушая чистоты этих трех элементов. Можно было покрывать труп воском и затем предавать земле; при этом восковая оболочка уничтожала осквернение, которое произошло бы от непосредственного соприкосновения с землей. Можно было также выставлять труп на открытый воздух и оставлять на растерзание птицам или хищным зверям. Для этой цели кладбищами служили большие круглые башни. Пробыв три дня вблизи своей брэнной оболочки, душа на рассвете четвертого дня покидала ее и отправлялась на место Страшного суда. Гений Расну взвешивал на весах ее добрые и дурные дела и, смотря по тому, что перевешивало, объявлял ее свободною или осуждал. Потом душу приводили к мосту Цинват, ведущему в рай, но простиравшемуся над преисподней. Если она была греховной, то не могла перейти мост и низвергалась в бездну, где доставалась в рабство Ариману. Если же она оказывалась непорочно, то при помощи ангела Краосха переходила мост без труда. Там ее принимал ангел Вохумано, который ставил ее перед престолом Ормузда и указывал место, где душа должна была пребывать до воскресения мертвых.

От восточноиранских арийцев все эти религиозные представления и учреждения, в особенности поклонение огню и небесным светилам, перешли к соплеменным им мидянам, а от них — к персам.

3. Индийские арийцы, или индусы

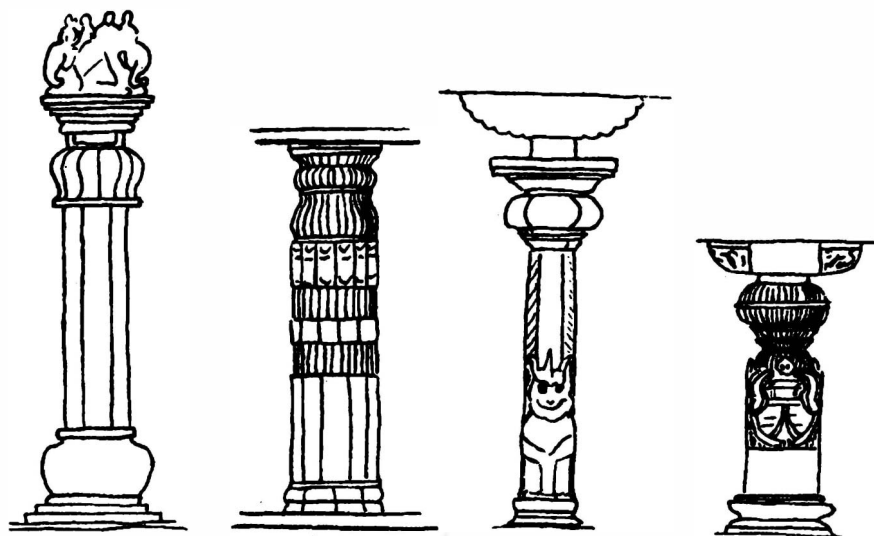
При расселении арийцев по роскошным, богатым всевозможными тропическими плодами равнинам Инда и Ганга часть первобытных жителей, называвшихся «шудра», отступила в южные области полуострова Декан и в дикие, неприступные горы. Другая часть покорилась победителям, и хотя сохранила жизнь и свободу, но должна была терпеть всякого рода унижения. Эта часть первобытных жителей имела темный цвет кожи, поэтому светлокожие пришельцы с самого начала своего переселения стали обращаться с ними не только дурно, но и с презрением. Образовавшиеся вследствие этого два класса народонаселения заняли в отношении друг друга строго определенное, совершенно различное положение: арии, с одной стороны, и шудра — с другой. В свою очередь арии распределились на три сословия: воинов, жрецов и земледельцев. Шудра оказались совершенно исключенными из всякого общения с этими тремя сословиями. Самым высшим сословием были жрецы, их называли браминами. Они ближе всех стояли к Бrame, то есть к душе света, совершенному существу. С помощью священнодействий, жертвоприношений и молитв брамины являются как бы посредниками между не-

бом и землей. По учению браминов из Брамь, безличной души света, произошел личный Брама — высшее божество. Ауже от него произошли другие боги: Индра — бог грозы и бури, Агни — дух огня, Иама — бог ночи и смерти, Баруна — бог океана, Рудра — отец ветра, затем духи воздуха, далее святые и чистые люди и местности в порядке постепенности, в каком они находились близ святости Брамь. За людьми следовали различные породы животных, деревья, растения, камни и т.д.

Такой отвлеченный, добытый философским умозрением бог, конечно, не мог долго удовлетворять народную массу. Поэтому живое воображение индусов, старавшееся представить видимый и осязаемый образ божества и найти объяснение действующих сил природы, создало рядом с Брамой еще двух главных богов: Вишну и Шиву. Вишну считался богом света; он проявляется в солнце, молнии, огне и приносит счастье. От него зависит зарождение и размножение, так как он производит в определенное время дожди и разливы рек. Напротив, Шива воплощает разрушительную силу природы. Поэтому он носится в урагане и опустошительной грозе. После его гнева Вишну посылает оплодотворяющие ливни, которые возвращают к жизни растения и радуют людей после нестерпимой засухи.

Жрецы объясняли, что Брама сначала выпустил из уст своих жрецов; потом из рук его вышли кшатрии (воины, высшие чиновники), из бедер — ваисии (земледельцы) и, наконец, из ног — шудра. Вследствие подобного

ИНДИЙСКИЕ АРИЙЦЫ

1

2

3

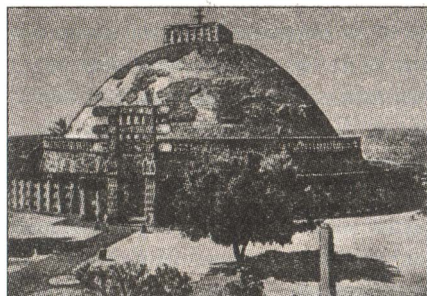
4

ИНДИЙСКИЕ АРИЙЦЫ

5

6

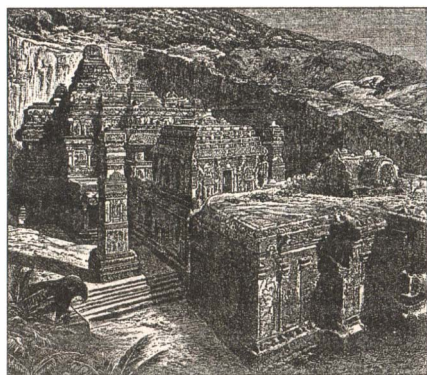
7

8

9

10

1. Типы колонн индийских храмов. Слева направо: Карли — I в., Аджанта — VI в., Махабалипурам — VII в., Элора — X в.
2. Рельефы с изображениями духов мужчины и женщины — Якши и Врикакши. I в. до н. э.
3. Будда. Древнеиндийский барельеф.
4. Индийские народные типы.
5. Фреска из пещерного храма. VI в. до н. э.
6. Ступа для усопших правителей и святых.
7. Индийская пальметта — кипарисовая веточка с наклоненным кончиком. Декоративный мотив каймы сари.
8. Ваза из Мохенджо-Даро.
9. Пальметты, разделенные цветком лотоса. Рельеф Большой ступы.
10. «Каиласа» в Элоре.

толкования всякое сопротивление такому разделению сословий являлось сопротивлением божественному порядку вещей. Поэтому никакой переход из одного сословия в другое и никакое смешение между ними не были возможны. Сословия застыли и превратились в касты. Совершенно отверженными и глубоко презируемыми остались потомки темнокожих первобытных жителей — парии, найденные переселившимися арийцами в диком состоянии. От них, вероятно, происходят и наши цыгане.

Однако жрецам потребовалось много времени, чтобы утвердить свои преимущества над другими двумя кастами. Чтобы достигнуть этой цели, они прибегали к самым страшным угрозам. Жрецы изображали народу в самых ярких красках муки, ожидающие каждого, кто не повинуется их предписаниям. Кроме низвержения в ад и адских мучений, самое глубокое впечатление производила угроза переселения душ и непрерывного воплощения в телах животных и людей. Так, кто совершил незначительный проступок, тот рождался вновь или в слоне, или в льве, тигре, птице или пиявке. Кто совершил страшное злодеяние, тот, в зависимости от степени своей виновности, промучившись сто или тысячу лет в аду, должен был пройти двадцать одно возрождение от разных животных, прежде чем увидеть свет. Пролитый кровью брамина осуждался в аду на растерзание хищными зверями в течение стольких лет, скольких пылинок коснется пролитая кровь. Душа человека, убившего брамина, возрождалась в телах самых презренных животных: собаки, осла, козла.

Около 1350 года до н. э. жрецы собрали постановления религии, общегития и права в книге, которая называется «Веды», то есть «знания». В ней прежде всего излагались богослужебные и жертвенные обряды. В жертву богам главным образом приносились: сома — по-особому приготовленный сок одного горного растения, которому индусы придавали таинственное значение; рис, молоко и масло. Всякое правильно совершаемое жертвоприношение должно было производить магическое действие настолько, насколько приносящий жертву приобретает при этом божественной сущности. Затем следовали подробнейшие предписания относительно чистоты и выбора кушаний и напитков. Все предметы, которых касается человек, могут быть нечистыми, поэтому перед употреблением все должно быть очищено. В особенности были тягостны постановления о кушаньях. Так как в каждом животном могла находиться душа какого-нибудь умершего, даже друга, родственника или предка, то брамины вообще воспрещали мясную пищу. Но так как они не были в состоянии вполне вкоренить это в народном сознании, то ограничились тем, что строго запрещали в пищу мясо рогатого скота, так как почитали корову священным животным и ее молоко и масло должны были приноситься в жертву богам. Брамины рекомендовали есть молочную и растительную пищу, за исключением лука и чеснока. Таким образом, они могут считаться родоначальниками вегетарианства.

Тот, кто осквернялся запрещенным кушаньем или совершал какой-либо

другой проступок, должен был, не ожидая наказания по суду, сам наложить на себя епитимью, соответствовавшую важности проступка и состоявшую или в тысячекратном повторении молитв, или в посте, в самобичевании и даже в добровольной смерти. Например, кто съел запрещенное кушанье, тот должен был в течение тридцати дней есть только рис. Кто умышленно напивался пьян, тот должен был пить столько времени кипящий рисовый отвар, пока он не сожжет ему внутренности, и тогда только грех его будет искуплен. Кто неумышленно убивал корову, тот обязан был обрить себе голову, завернуться, как в плащ, в шкуру убитого животного, пойти на выгон, поклониться там коровам и прислуживать им. Если кшатрий намеренно убивал брамина, то должен был дать себя застрелить стрелой из лука или три раза броситься головой в огонь, пока не умрет.

Для браминов все эти предписания и запрещения были еще усилены. Их обязанности были изложены с такими подробностями, что даже было определено, в каком положении они должны были принимать пищу, какими частями руки и пальцев совершать омовения, как должны были вести себя во всех случаях жизни, в дороге и т. д., чтобы не утратить своей чистоты и святости. Самым похвальным делом для жреца было, когда он вообще удалялся из этого нечистого мира в уединение и там суровым покаянием и самобичеванием очищался от всего земного. Целью такого религиозного отречения от всех чувственных наслаждений, умерщвления плоти, удаления от мира в уединение пустыни яв-

ляется не только внешнее очищение, но и очищение души, так как она, освобожденная от оков чувственности, получает возможность возвратиться к своему божественному источнику — к Бrame, высшему духу.

О человеческом теле брамины говорили: «Это жилище человека, которому костяк служит вместилищем, а мускулы — связками; этот сосуд, наполненный мясом и кровью и покрытый кожей, есть жилище нечистое, подверженное старости, болезни и печали, всякого рода страданиям и страстям; гибель его predetermined уже заранее, и поэтому всякий должен стараться с радостью освобождаться от него». Поэтому, говорили жрецы, тело следует всеми средствами подчинять господству души; чувственная, материальная сторона человеческой сущности должна быть преодолеваема духом, в случае необходимости до полного уничтожения. Люди, благоговевшие перед подобными воззрениями, должны были постепенно потерять самостоятельность суждений, отвагу и энергию; они, собственно говоря, жили не для этого мира, а для будущего, для загробной жизни.

Таким образом, тем, кто захватил власть, уже нетрудно было ее удерживать, так как не было никого настолько смелого, чтобы оспаривать у них эту власть. Вследствие этого в индийских государствах был деспотический образ правления. Цари пользовались божескими почестями, ибо полагали, что в них обитает божество. Цари происходили не из касты жрецов, а из кшатриев, которые были обязаны покровительствовать остальным сосло-

виям. Однако советниками царя в основном являлись брамины. Царь был высшим всеобщим покровителем и судьей, награждающим добрых и наказывающим злых. Он обязан был поддерживать существующий порядок строгим соблюдением его и устрашением преступников соответствующими наказаниями. В трудных случаях, когда невозможно было добраться до истины ни фактами, ни свидетельскими показаниями, ни присягой, царь прибегал к божьему суду. Брамины, женщины и дети, старики и больные испытывались весами, кшатрии — огнем, ваисии — водой, шудры — ядом. Если испытываемый при вторичном взвешивании оказывался легче, чем при первом, если раскаленное железо после пронесения его на расстоянии семи шагов оставляло на нем ожог, если выпитая святая вода причиняла ему вред, а от принятого яда испытываемый заболел — это служило бесспорным доказательством виновности.

Вследствие замкнутого устройства каст, жестокого деспотизма, тяжких наказаний и обетов народонаселение стонало под невыносимым гнетом, а земля представлялась людям юдолью плача. Такое положение вещей неминуемо должно было возбудить в глубокомыслящем человеке вопрос, может ли такая печальная судьба быть непреложным уделом человечества? Человек, поставивший этот вопрос, был Гаутама Будда (то есть «просвещенный»); живший в конце VI — начале V века до н. э. Противопоставляя свое учение догмам браминов, он проповедовал равенство всех людей на земле. Он говорил, что нужно облег-

чить страдания друг друга, помогать переносить неизбежное в мире зло. Это достигается сострадательной, деятельной любовью, непрерывно проявляющейся в делах милосердия. В своей гуманности по отношению к людям и животным он заходит так далеко, что говорит о непозволительности убивать любое живое существо. Совершивший грех нуждается не в мучительных наказаниях, а в чистосердечном, глубоком раскаянии. Одно древнее изречение так выражает сущность нравственного учения Будды: «оставление всего злого, исполнение всего хорошего, укрощение собственных мыслей».

Со своим новым учением Будда обратился непосредственно к народу. Он выступал публично, на открытых площадях, и притом не на священном, непонятном народу санскритском языке, а на том языке, на котором говорил народ. Именно поэтому у него было много последователей. Народ громко выражал свой восторг человеку, так кротко и смиренно выражающему соболезнование и жалость к униженным труженикам и так не похожего на гордых и надменных браминов. Неудивительно, что его считали одним из воплощений Вишну. Но он не избежал преследования даже со стороны своих родных. Положение браминов было слишком прочным, чтобы его мог поколебать буддизм, особенно потому, что они в угоду народу низвергли старого Брахму и провозгласили Шиву высшим божеством. Основы учения браминов еще и поныне незыблемы в Индии. Учение же Будды с помощью кровавых пресле-

дований было вытеснено с родины на тусторону Ганга, далее на остров Цейлон, в Китай и Японию, стало там твердою ногою и в настоящее время насчитывает там много миллионов своих последователей.

В Индии, управляемой не менее депотически, чем Египет, также процветало строительное искусство. До сих пор сохранились высеченные в скалах древние храмы на островах Элефант и Сальсетт близ Бомбея. Близ Эллары в хребте гранитных гор на протяжении целой мили выдолблен полукружием ряд храмов, часто в два яруса, так, что гранитные крыши нижних храмов, поддерживаемые многочисленными столбами, служат обширным основанием для верхних построек. Заслуживают внимания пагоды — храмовые сооружения с великолепными воротами, башнями, колоннадами, галереями, с примыкающими к ним бесчисленными покоями, устроенными для удобства богомольцев. Все эти постройки несут на себе необыкновенное множество украшений, состоящих из фантастических изображений браминской символики.

Индийская литература дала много выдающихся религиозных и светских произведений. Из них в особенности замечательны «Веды» и собрание законов Ману в двенадцати книгах, религиозные эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», а также драма

«Сакунтала» поэта Калидаса. Все эти сочинения написаны на санскрите — одном из древнейших индоевропейских языков.

Насколько богаты и обильны источники о культуре древних индусов, настолько скудны достоверные сведения о древнейшей истории Индии.

Примерно в середине второго тысячелетия до новой эры арийцы переселились на равнины Ганга и основали там два главных государства: Куру со столицей Гастинапуром на Ганге, а позже — Панду. Эти государства, по свидетельству «Махабхараты», вели между собой истребительную войну. В конце концов «сыны Панду» победили и овладели Гастинапуром. Одновременно с ними на равнинах Ганга существовали и другие жреческие государства: царство Магада, на юге царство Пандия, на реке Кришне царство Карната. В Пенджабе, то есть в области индийского Пятиречья, уже во времена Александра Македонского находим два государства — Таксила и Пора. После смерти Александра, в 312 году до н.э., в царстве Магада явился могущественный государь, которого греки называли Сандракоттом, а индусы Кандрагуптою. Однако в конце концов он пал в борьбе с Селевкидами, то есть преемниками Селевка Никатора, захватившего себе из наследства Александра Македонского все земли от берегов Сирии до реки Тигра.

ПЕРСЫ

---

1. Мидийское царство при Астиаге

Основателем мидийского государства, как выше было упомянуто, явился Киаксар. Он распространил свою власть до Малой Азии и напал на Лидийское царство, находившееся под властью одного из преемников Гигеса — Алиатта (625 — 568 гг. до н. э.). Шесть лет продолжалась война без решительного результата. Когда войска сошлись в очередной битве, наступило солнечное затмение, нагнавшее такой ужас на сражавшихся, что они в страхе прекратили битву и, чтобы не вызывать гнева богов, решили заключить мир. Мир был заключен, и границей между мидийским и лидийским государствами стала река Галис. Чтобы еще более упрочить мир, Алиатт выдал свою дочь Ариенис за сына Киаксара — Астиага. Оба государя скрепили свою дружбу тем, что прокололи по тогдашнему обычаю друг у

друга руку и пили вытекшую из раны кровь. Последние годы царствования Киаксара прошли в мире. Он умер в 596 году. Когда Астиаг вступил на престол своего отца, Мидия простиралась от Иранской пустыни до восточного берега Галиса и была одним из крупнейших государств древнего мира.

Астиаг вел восточную, роскошную жизнь. Окруженный многочисленным двором, он не знал другого времяпрепровождения, как только охотиться в лесах, окружавших его дворцы или тянувшихся на границах пустыни. Воинственные наклонности были ему совершенно чужды, и народ его также начал отвыкать от военного дела. Так как Астиаг не имел наследника, то ему нужно было передать престол своей дочери Мандане или ее детям. Эта дочь была выдана замуж за одного из подданных ее отца, персидского князя Камбиза. От этого брака родился Кир, будущий основатель Персидской монархии.

2. Кир — основатель Персидской монархии

О детских и юношеских годах Кира историк Геродот сохранил для нас предание, с помощью которого он старается доказать неизбежность судьбы, predetermined человеку, и непреодолимость гения, предназначенного для великих подвигов.

В первый год супружества Камбиза с Манданою Астиагу приснился сон, что из утробы его дочери вырастет виноградная лоза, осеняющая своей тенью всю Азию. Снотолкователи объяснили этот сон Астиагу в том смысле, что дитя Манданы со временем будет царствовать вместо него. Тогда царь вызвал дочь к себе, чтобы убить дитя, которое она должна была родить. Как только родился Кир, Астиаг позвал к себе Гарпага, верного и необыкновенно дружески расположенного к нему мидянина, и сказал ему: «Дело, которое я поручаю тебе, исполни со всем усердием и не обмани меня! Возьми мальчика, которого только что родила Мандана, в дом свой и убей его. Затем похорони его, как сам пожелаешь». Гарпаг отвечал: «До сих пор ты не мог найти во мне ничего достойного осуждения, и я остерегусь провиниться перед тобой и на будущее время; а так как ты желаешь, чтоб это совершилось, то долг мой — послужить тебе в этом со всем старанием».

Затем Гарпаг получил ребенка и с плачем отправился к себе домой, где и рассказал жене своей все, что говорил ему Астиаг. Тогда жена спросила: «Что же ты предполагаешь делать?» Гарпаг

отвечал: «Не то, что приказал Астиаг. Я не убью ребенка, как потому, что он мне сродни, так и потому, что Астиаг стар и не имеет мужского потомства. Когда со смертью ребенка правление должно будет достаться дочери, сына которой он хочет умертвить моими руками, то чего же останется ждать мне как не величайшей опасности? Однако ребенок ради моей безопасности все-таки должен умереть; поэтому убийцей его должен быть кто-нибудь из людей Астиага, а не моих».

Сказав это, Гарпаг тотчас послал за одним пастухом Астиага, который, как ему было известно, пас свое стадо в горах, изобиловавших зверями. Горы эти лежали к северу от Экбатаны, у Черного или скорее у Каспийского моря; здесь Мидия очень возвышенна и гориста, а остальные части ее ровны и плоски. Когда пастух поспешно явился, как было приказано, Гарпаг сказал ему следующее: «Астиаг приказывает тебе взять этого мальчика и закинуть его в такое место, где горы дики, для того, чтобы он как можно скорее погиб. Сверх того он приказал мне еще сказать, что если ты не убьешь его, а где-либо или каким-либо образом сохранишь, то он поступит с тобою самым жестоким образом. Я сам потом посмотрю, куда ты кинешь ребенка».

Пастух выслушал, взял дитя и возвратился с ним в свою хижину. Между тем жена его была в страшном беспокойстве, так как не знала, зачем Гарпаг посылал за ее мужем. Когда пастух вернулся, жена спросила его, зачем так поспешно призывал его к себе Гарпаг. Он отвечал:

«О жена! Прибыв в город, я увидел и услышал там такие вещи, что не желал бы, чтобы они случились с нашим господином. Весь дом Гарпага был полон горя. Испуганный вошел я туда. Войдя в дом, я увидел лежащего ребенка, барахтающегося, плачущего и разодетого в золото и разноцветное платье. Когда Гарпаг увидел меня, то приказал мне как можно скорее взять дитя, унести его и кинуть в такое место, где горы всего более полны диких зверей, прибавив, что Астиаг жестоко разгневается, если я это гоне исполню. И я взял ребенка и унес его в уверенности, что он принадлежит кому-нибудь из домашних, так как никак не мог сообразить, откуда он родом. Однако я удивлялся, что увидел его одетым в золото и дорогое платье и стоном в доме Гарпага. Дорогою я узнал все дело от слуги, провожавшего меня из города и вручившего мне ребенка, а именно, что это было дитя Манданы, дочери Астиага и Камбиза, что Астиаг приказал умертвить его. Вот он».

С этими словами пастух раскрыл ребенка и показал его. При виде большого и прекрасного дитяти жена пастуха начала плакать и, обнимая мужа колени, просила не губить его. Пастух возразил, что он не может его оставить, что придут шпионы Гарпага посмотреть, исполнил ли он приказание, и когда узнают, что не исполнил, то он сделается несчастным. Когда жене пастуха не удалось упросить мужа, она сказала ему следующее: «Если я не могла убедить тебя не губить его, то сделай так, чтобы действительно оказалось, будто его бросили. Ви-

дишь ли, в отсутствие твое я родила ребенка, но только мертвого. Так возьми его и брось! А мы воспитаем ребенка дочери Астиага как своего. Таким образом, тебя не обвинят в непослушании твоему господину и нам самим не будет дурно. Мертвое дитя получит царское погребение, а живое не потеряет своей жизни».

Рассудив, что жена дает очень хороший совет, пастух тотчас же с нею согласился. Он отдал жене предназначенное к смерти дитя, одел в его платье и положил в ящик, в котором принес его, своего собственного мертвого ребенка, отнес немедленно в горы и оставил там в самом диком месте. На третий день, оставив сторожем вместо себя подпаса, пастух пошел в город и, придя к Гарпагу, сказал ему, что он готов показать труп младенца. Гарпаг послал вернейших своих телохранителей, приказав им удостовериться и похоронить ребенка пастуха; другого же, названного впоследствии Киrom, взяла к себе жена пастуха и дала ему другое имя.

Когда мальчику исполнилось десять лет, то тайна раскрылась следующим образом. В деревне, где находились стада, он играл с мальчиками одного с ним возраста. Мальчики в своей игре выбрали его, этого мнимого пастуха, своим царем. Одним из них он приказал строить дома, другим быть его телохранителями, иным — «очами царя», некоторым поручил докладывать дела. Один из игравших мальчиков, сын знатного мидянина Артембара, не исполнил того, что приказал ему Кир, и, по его приказанию, был схвачен и наказан. Возмущенный

таким недостойным обращением, мальчик поспешил в город и пожаловался своему отцу на то, что он вытерпел от Кира. Он говорил, однако, не о Кире, так как последний не имел еще этого имени, а о сыне пастуха.

Разгневанный Артембар в сопровождении своего сына отправился к Астиагу и, пожаловавшись ему на то, что сын его вытерпел от недостойного, сказал: «О царь! Так осрамлен я сыном пастуха!» и обнажил при этом у мальчика спину. Когда царь увидал это и выслушал рассказ, он приказал дать мальчику удовлетворение, соответствующее положению его отца, и позвать к себе пастуха и его сына.

Когда оба они явились, Астиаг, взглянув на Кира, сказал: «Ты, такой мальчишка! Как смел ты так поступить с сыном моего первого сановника?» Кир отвечал: «О государь! Я поступил с ним по праву. Наши мальчики, между которыми был и он, выбрали меня в игре царем; все другие исполняли то, что им было приказано; этот же был непослушен, за что и был наказан. Если же я виноват, ну так вот я стою здесь».

Когда мальчик сказал это, Астиаг тотчас узнал его. Черты лица показались ему похожими на его собственные, а манеры благородными. Он сообразил также возраст мальчика со временем его подкидывания. Пораженный этим, он долго оставался безмолвным. Придя наконец в себя, он отпустил Артембара, обещав ему всевозможное удовлетворение. Когда он остался один с пастухом, то спросил, кто ему дал мальчика. Пастух отвечал, что это его ребенок и что мать

его еще живет при нем. Астиаг возразил, что он нехорошо делает, добровольно подвергая себя большому наказанию. С этими словами он подал знак своим телохранителям схватить его. Когда пастуха хотели уже вести наказывать, он открыл истину, рассказав, как все было, и просил за это помиловать его.

Как только пастух раскрыл истину, Астиаг более уже не сердился на него. Но, вспыхнув страшным гневом против Гарпага, он приказал своим телохранителям привести его к себе. Когда Гарпаг предстал пред ним, Астиаг спросил: «Каким образом умертвил ты мальчика, ребенка моей дочери, которого я передал тебе?» Гарпаг, увидя пастуха, не пошел путем лжи, на котором мог быть изобличен, а сказал: «О царь! Когда я получил ребенка, то подумал, как должен я исполнить твою волю, чтобы остаться правым перед тобой. Поэтому я так поступил. Я позвал этого пастуха, передал ему ребенка и сказал, что ты приказал умертвить его. И, говоря это, я не лгал, ибо таково было твое приказание. Но я передал ему ребенка и приказал бросить его в самое дикое место в горах и оставить там до тех пор, пока он не умрет. Когда во исполнение твоего приказания ребенок умер, то я послал самых верных из моих служителей удостовериться в смерти ребенка и похоронить его. Вот как происходило дело и как умер мальчик».

Хотя Гарпаг откровенно рассказал всю правду, но Астиаг все-таки остался недоволен его поступком. Затаив в себе неудовольствие, он рассказал

Гарпагу все, что он слышал от пастуха, и в заключение сказал, что мальчик жив и что такой оборот дела он признает совершенно справедливым. «Ибо, — продолжал он далее, — мне было очень прискорбно, что так поступили с мальчиком, и к тому же я не мог оставаться нечувствительным к упрекам моей дочери. Так как, по счастью, все хорошо устроилось, то я желаю, чтобы ты прислал своего сына к вновь отыскавшемуся мальчику. Затем я хочу возблагодарить богов за его спасение и желаю, чтобы ты явился к моему обеду».

Услышав такие речи, Гарпаг бросился к ногам царя, а потом пошел домой, полный восторга, что его недомотр окончился так благополучно и что в заключение счастья он приглашен даже к царскому столу. Вернувшись к себе, он тотчас послал за своим единственным тринадцатилетним сыном и приказал ему отправиться во дворец к Астиагу и делать там все, что тот ему прикажет. Сам же с радостью рассказал жене своей обо всем, что с ним случилось. Но когда сын Гарпага пришел к Астиагу, то царь приказал убить его, разрезать на куски, один из них сварить, а другие зажарить и держать их наготове.

Наступило время обеда, явились приглашенные и с ними Гарпаг. Всем гостям и самому Астиагу подали баранину, а Гарпагу мясо его сына, за исключением головы, ног и рук, которые были положены в закрытую корзину. Когда Астиагу показалось, что Гарпаг насытился, он спросил его, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что оно ему очень понра-

вилось. Тогда ему подали корзину и предложили взять из нее то, что он пожелает. Гарпаг послушался, открыл корзину и увидел в ней останки своего сына. При виде их он не содрогнулся и по возможности сдержал себя. Астиаг спросил его, знает ли он, какого животного ел он мясо. Гарпаг ответил, что знает и что, по его мнению, все, что ни делает царь, — справедливо. Затем он взял останки своего сына и отправился с ними домой, чтобы предать из погребению.

Так отомстил Астиаг Гарпагу. Относительно же Кира он обратился к совету тех же магов, которые известным уже образом объяснили ему его сон. Когда они явились, то Астиаг спросил их, как они объяснили ему сон. Они снова повторили, что мальчик, если жив, будет царствовать. Тогда он сказал им следующее: «Мальчик жив, воспитан в провинции, был выбран в цари мальчиками своей деревни и обзавелся при этом телохранителями, привратниками, послами. Что должно означать это?» Маги отвечали: «Если он жив и был царем неумышленно, то будь покоен и не теряй хорошего расположения духа, потому что он не будет уже вторично царствовать. Многие наши предсказания сбывались часто и в безделицах, а следствия сновидений бывают часто очень ничтожны». Астиаг отвечал магам: «Я сам того же мнения, что если мальчик был уже царем, то не может быть для меня более опасен. Однако посоветуйте мне, что может быть всего безопаснее для дома моего и для вас». На что маги отвечали: «О царь! Для нас самих очень важно, чтобы

власть твоя укреплялась. Ибо если она попадет этому мальчику-персу, то перейдет в чужие руки. Мы, как мидяне, сделаемся рабами, и персы будут смотреть на нас не иначе, как на чужеземцев. Если же ты останешься царем, то и мы будем господствовать вместе с тобой и пользоваться при тебе большим уважением. Поэтому мы обязаны как можно более заботиться о тебе и о твоей власти, и если бы теперь мы видели еще что-либо опасное, то обо всем этом сказали бы тебе. Но так как сон твой окончился ничем, то мы продолжаем надеяться и советуем и тебе делать то же, а мальчика отослать в Персию к родителям его».

Астиаг, услышав это, обрадовался, позвал к себе Кира и сказал ему: «О сын! Ради одного сна я поступил с тобою несправедливо, но твое счастье сохранило тебя. Возвращайся теперь радостный в Персию. Я велю проводить тебя. Там ты найдешь отца и мать, но уже других, а не пастуха и жену его». С этими словами Астиаг отпустил Кира. По возвращении в дом Камбиза Кира встретили его родители. Когда они слышали, что он сын их, то приветствовали его как такого, которого они почитали уже умершим. Они спросили его, каким образом он спасся. Он рассказал им, что об этом сначала сам ничего не знал. Он ничего другого не предполагал, как только то, что был сыном пастуха. Все дело узнал он на обратном пути от своих провожатых. Он рассказал, как воспитала его жена пастуха, и не переставал восхвалять ее. Когда его родители узнали его настоящее имя Кюно, то для того, чтобы спасе-

ние его могло показаться делом богов, они разгласили между персами, будто брошенного Кира вскормила собака, ибо «Кюно» по-персидски означает «собака». Так возникла об этом народная молва.

Когда Кир вырос и сделался храбрейшим и любимейшим между своими товарищами, Гарпаг привлек его к себе подарками и соблазнил страстным желанием отомстить Астиагу. Он очень хорошо понимал, что сам он, как частный человек, никоим образом не мог отомстить Астиагу. Но вначале он сделал еще следующее: так как Астиаг был суров к мидянам, то Гарпаг собрал вокруг себя нескольких знатнейших мидян и внушил им, что следует призвать Кира, а Астиага лишить царского достоинства.

Исполнив это, Гарпаг пожелал сообщить о своем намерении Киру, проживавшему в Персии. Но так как все дороги были охраняемы, то он мог исполнить это благодаря лишь следующей хитрости. Он достал зайца, вырезал ему внутренности и, не снимая шкурки, вложил в него письмо, в котором было изложено то, что он задумал. Зашив снова зайца, он дал его вернейшему своему слуге, как будто тот был охотник, и послал в Персию с словесным поручением — сказать Киру при поднесении зайца, чтобы он разрезал его сам и чтобы при этом никого не было.

Поручение было исполнено. Кир принял зайца и разрезал его. Затем он прочел найденное в нем письмо. Содержание его было следующее: «Сын Камбиза! Тобою руководят боги, ибо в противном случае ты не был бы так

счастлив. Ты жив благодаря богам и мне. Полагаю, что это тебе уже давно известно, равно как и то, что должен был я выстрадать от Астиага за то, что не убил тебя, а отдал пастуху. Если ты захочешь теперь послушаться меня, то будешь царем над всем царством, которым правит Астиаг. Призови персов к восстанию и поведи их против мидян! Когда я, как предводитель, буду послан против тебя Астиагом, то сделается так, как ты пожелаешь. То же самое произойдет и тогда, когда послан будет кто-либо другой из знатных мидян. Ибо они упадут от Астиага, перейдут к тебе и будут стараться свергнуть его. Все это у нас подготовлено, и потому действуй, и действуй скорее».

Прочтя это письмо, Кир задумался о том, как ему поступить, чтобы уговорить персов отделиться, и скоро нашел хорошее средство. Он написал письмо и затем собрал персов. Открыл перед ними письмо и, прочитав его, сказал, что Астиаг назначает его предводителем персов. «В силу этого, — присовокупил он, — приказываю вам, чтобы завтра каждый из вас явился с серпом».

Когда все снабженные серпами явились, Кир приказал им сжать в один день довольно большой участок поля. Персы исполнили заданную им работу. Кир приказал им на другой день явиться в праздничных одеждах. В то же время Кир велел согнать в одно место стада коз, овец и рогатого скота своего отца, заколоть их и приготовить разные кушанья для угощения персидского войска, для чего приказал принести еще вина и другие

дорогие кушанья. Когда на другой день явились персы, он пригласил их расположиться на траве и приняться за пир. Когда они кончили есть, то он спросил их, какой день кажется им лучше: вчерашний или сегодняшний? Они отвечали, что между ними чрезвычайная разница, ибо вчерашний день доставил им явную заботу, а сегодняшний — очевидную радость. Тогда Кир открыл им свой план в следующих словах: «Мужичья Персии! Таково ваше положение. Если послушаетесь меня, то без рабского труда будете наслаждаться этим и другими удовольствиями; если же вы этого не желаете, то вам предстоит тысячи трудов, подобных вчерашнему. Послушайте меня — и будете свободны! Я верю, что волею богов я призван к жизни для того, чтобы доставить вам свободу, и полагаю, что вы ни в чем не хуже мидян, по крайней мере, в отношении воинских доблестей. Поэтому скорее отлагайте от Астиага».

Персы, имея такого предводителя, охотно провозгласили себя независимыми, будучи давно уже недовольны господством мидян. Когда Астиаг узнал о том, что сделал Кир, то отправил к нему посла и потребовал его к себе. Кир через того же посла велел ответить Астиагу, что он прибудет раньше, чем Астиаг того желает. После такого ответа Астиаг вооружил всех мидян и как будто ослепленный богами поставил над ними предводителем Гарпага, забыв совсем, что он ему сделал. Когда мидяне сошлись с персами на поле битвы, то некоторые из них, ничего не зная о заговоре, вступили с ними в бой; другие же пе-

решили на сторону персов; многие представились трусами и бежали.

Как только Астиаг узнал о постыдном бегстве лидийского войска, то в гневе на Кира сказал: «Кир не должен так этому радоваться». После этих слов он приказал распять магов-сно-толкователей, убедивших его оставить Кира в живых. Затем он вооружил в городе остальных мидян, молодых и старых, и вывел их в поле. Но в сражении с персами войско его было разбито, сам Астиаг взят в плен, а мидяне, которых он повел в битву, погибли.

К пленному Астиагу явился Гарпаг, ликующий и издевающийся. Между другими язвительными речами, играя словами о том угощении, которое приготовил ему тот из мяса его ребенка, он спросил его, по вкусу ли ему в сравнении с царской властью рабство, ставшее последствием этого поступка. Астиаг, устремив на него взор, спросил его, не приписывает ли он себе дело Кира. Гарпаг отвечал, что это он побудил к тому Кира и тем отплатил за свою обиду. Тогда Астиаг назвал его безрассуднейшим и несправедливейшим. Безрассуднейшим потому, что, если бы он сам выполнил это дело, то мог сам сделаться царем, а не передавать власти другому; несправедливейшим же потому, что он обратил в рабство мидян ради своей мести. Если он не может оставаться царем и им должен быть другой, то лучше было бы отдать предпочтение мидянину, а не персу. Таким образом, ни в чем не повинные мидяне из господ должны сделаться рабами, а персы, бывшие до тех пор рабами мидян, сделаются их господами.

Так окончилось господство мидян. Но Кир не прекратил своих завоеваний, а выступил против царства Лидийского, процветавшего в Малой Азии.

3. Падение Лидийского царства (540 г. до н. э.)

Обширная, плодородная, богатая и прекрасная область, известная под именем Малой Азии, была населена многими народами различного происхождения. Восточную часть ее занимали киликийцы и каппадокийцы, принадлежавшие по языку и обычаям к сирийскому племени. Западная часть полуострова была занята фригийцами, карийцами, лидийцами и мизерийцами. Они были, вероятно, одного происхождения. Кроме того, вдоль морского берега жило множество переселившихся народов, среди которых особенно выделялись греческие колонии на западе и финикийцы на юге. Другие различные племена жили в горах, преимущественно на северо-востоке полуострова.

Это разнообразие различных племен породило множество отдельных государств, из которых раньше других прославились фригийское и лидийское. Затем в эти места вторглись киммерийцы и на некоторое время сделались повелителями всех этих народов. Однако лидийцы были настолько счастливы, что выгнали чужеземцев (около 564 г.), создали могущественное государство и скоро завладели большей частью Малой Азии. При царе Крезе, завоевавшем

греческие колонии после продолжительной с ними войны его предшественников, власть лидийцев простиралась от берегов Средиземного моря до реки Галиса и до Памфилии и Ликии. Но государство это близилось к падению в то самое время, когда достигло своего высшего положения. Когда после Астиага, бывшего в свойстве с Крезом, власть перешла к Киру и принадлежавшая мидянам Каппадокия также была покорена персами, молодой завоеватель приблизился и к Лидийскому царству. Крезу скоро пришлось отважиться на решительный бой, в котором должна была решиться его участь и в котором лидийский царь нашел свою погибель. Но этому падению предшествовали происшествия такие необыкновенные и столь прославленные преданиями, сохраненными Геродотом, что мы намерены рассказать их здесь, ибо они живо изображают нравы и образ мыслей того времени.

Двор Креза, как богатого, образованного и могущественного государя, был притягательным местом для всех людей, прославившихся в области наук и искусств, а так как он властвовал и над греками, то к нему являлись и знаменитейшие из них. В числе других гостей прибыл однажды к Крезу афинянин Солон, который после составления своих законов, о чем будет изложено ниже, путешествовал по Египту и Малой Азии. Крез принял его весьма радушно и несколько дней спустя приказал своим слугам проводить его по сокровищницам и показать все, что у него было самого лучшего и блестящего.

Когда Солон все осмотрел, Крез спросил: «Афинский пришелец! До нас дошел слух о твоих путешествиях, дошла великая слава о твоей мудрости. Поэтому я желаю спросить, видел ли ты где-либо человека счастливее меня». Солон, не привыкший льстить, а любивший говорить только правду, отвечал: «Да, государь. Афинянина Телла».

Крез удивился такому ответу и спросил с любопытством: «Почему считаешь ты Телла самым счастливым?» Солон отвечал: «Этот Телл во время цветущего положения своего отечества имел, во-первых, прекрасных и добрых детей и от всех их видел внуков, и все они остались в живых. Но и эта, по нашим понятиям, счастливая жизнь заключилась блистательнейшим концом. Когда афиняне вступили в сражение со своими соседями при Элевсине, он помог обратить неприятеля в бегство и умер с величайшею славою. Афиняне похоронили его на общественный счет на том самом месте, где он пал, и почтили его великою честью».

Похвала Телла раздражила Креза, и он сказал: «Кого же ты считаешь счастливейшим после Телла?» Крез был уверен, что именно он займет второе место. Солон отвечал: «Клеобиса и Битона. Они, родом аргивяне, имели достаточное состояние и, сверх того, обладали большой физической силой. Поэтому оба они получали награды на общественных играх. Однажды был у них праздник, и мать их должна была ехать в храм. Но волы ее не вернулись вовремя с поля. А так как нельзя было терять время, то юно-

ши сами запряглись в повозку и привезли мать в храм, проехав сорок пять стадиев. Наградой за такой поступок была прекраснейшая смерть. Аргивские мужи прославили их добродетель, а аргивские жены похвалили их мать за обладание такими сыновьями. Мать, восхищенная поступком своих сыновей и общими похвалами, просила богиню даровать ее сыновьям лучшее благо в мире. По этой молитве, когда кончились жертвоприношения и жертвенная трапеза, юноши заснули в храме и больше не просыпались. Таким образом окончили они свою жизнь. Этим боги хотели показать, что человеку лучше умереть, чем жить. Аргивяне воздвигли юношам статуи и поставили их в Дельфах, чтобы каждый мог почитать их как достойнейших».

Таким образом Солон предоставил Клеобису и Битону второе место благополучия. Недовольный Крез воскликнул: «О афинский пришелец! Неужели ты так мало ценишь мое благополучие, что сравниваешь меня с двумя простыми гражданами?» Солон отвечал: «О Крез! Меня ли, знающего, насколько боги завидуют и противодействуют счастью людей, спрашиваешь ты о делах человеческих? В жизни своей человек должен видеть и переносить многое, чего он не желает. Жизнь человеческую я определяю в семьдесят лет, эти семьдесят лет составляют двадцать пять тысяч двести дней. Ни один из этих дней не похож на другой по своим случаям. Поэтому, о Крез, судьба человека подвержена превратностям. Мне известно, что ты очень богат и

повелеваешь многими людьми. Но о том, о чем ты меня спрашиваешь, я могу сказать только тогда, когда услышу, что ты счастливо окончил свою жизнь. Потому что самый богатый человек не счастливее последнего бедняка, обеспеченного пропитанием лишь на один день, если счастье не остается ему верным до конца его жизни. Во всяком деле, о государь, следует смотреть на конец его. Ибо многим боги дарят сначала благополучие, а под конец жизни лишают всего».

Солон, не только не доставивший своими речами удовольствия царю, но и не оказавший ему никакого предпочтения перед простыми людьми, был отпущен Крезом. Он показался ему весьма незнающим, так как предписывал ожидать окончания каждого дела, не придавая цены настоящему счастью. Однако вскоре после отъезда Солона Крезу пришлось испытать жестокий гнев богов, вероятно, за то, что он считал себя счастливейшим. Из двух сыновей своих, из которых один был немой, он потерял здорового. Этот сын был нечаянно убит дротиком на охоте.

Многолетняя скорбь о потере этого сына заставила его еще сильнее испытать ненадежность своего счастья. Но еще более тягостные испытания готовила ему судьба в лице Кира. Военное счастье этого персидского царя и гибель Мидийского царства от его рук вывели Креза из печали. Он пожелал остановить возраставшее могущество персов.

Для этого он захотел воспользоваться советом оракула и обратился ко

всем оракулам, находящимся в Греции и Ливии. Из них самыми знаменитыми были: оракул в Дельфах, посвященный богу Аполлону, и оракул в оазисе Сивах, на запад от Египта, посвященный Юпитеру Аммонскому. Но прежде он решил испытать оракулов и, если они окажутся правдивыми, тогда спросить их о том, должен ли он воевать с персами или нет. Из столицы Лидии, Сард, выехали послы, которые в двадцатый день со времени выезда должны были спросить всех оракулов, что делает в этот день лидийский царь, записать их ответы и привезти царю. Что ответили другие оракулы, неизвестно; когда же лидийцы прибыли в Дельфийский храм и обратились к божеству с заранее написанным вопросом, то пифия послала отвечала следующее:

*От меня никогда не скрыта
Глубь моря, все песчинки;
Немых слышу я; понимаю
Не меньше глухих.
Обоняю теперь запах я
Черепашьего мяса,
С мясом ягненка варимого
Вместе в медном сосуде
И медью ж покрытом.*

Этот ответ пифии лидийцы записали и отправились с ним в Сарды. Когда возвратились остальные посланцы со своими ответами оракулов, Крез рассмотрел написанное. Большая часть ответов не понравилась ему. Когда же он услышал ответ Дельфийского оракула, то ощутил благоговение и признал его единственно верным, так как тот сказал, что делал Крез. Ведь он, послав людей к оракулам, в назначенный день разрезал че-

репаху и ягненка и сварил их вместе в медном сосуде, покрытом медной же крышкой.

Желая снискать расположение божества, Крез послал в дар Дельфийскому оракулу три тысячи животных и богатые подарки; среди них особенно знаменитыми были сто семнадцать золотых кирпичей, золотой лев, множество золотых и серебряных сосудов, золотая женская статуя в три локтя вышиной и, наконец, ожерелье и золотой пояс его супруги. При этом Крез приказал спросить, должен ли он начать войну против персов. Ответ был таков: «Если Крез выступит против персов, то разрушит большое государство». Вместе с тем оракул советовал ему заключить союз с сильнейшими из эллинских государств.

Услышав это прорицание, Крез очень обрадовался, потому что несколько не сомневался, что он разрушит персидское государство. Он одарил каждого дельфийского жителя золотой монетой — статиром. Так как он убедился в правдивости Дельфийского оракула, то желал узнавать все больше и больше. В третий раз он велел спросить оракула, долго ли будет продолжаться его царствование. Пифия отвечала ему следующее:

*Когда над мидянами
Царствовать будет лошак,
Тогда легконогий лидянин беги
К берегам каменистого Гермоса,
Соппротивление брось
И не стыдися быть робким.*

Этому ответу Крез обрадовался еще больше, чем предыдущему, так

как предполагал, что лошак никогда не будет царствовать над мидянами вместо царя и что не только он, но и преемники его не потеряют своей власти. Затем он усердно стал разузнавать, кто из греков могущественнее. Он узнал, что важнейшими государствами греков были Спарта и Афины и что в это время наиболее могущественным государством была Спарта. Поэтому Крез отправил в Спарту послов с подарками и с предложением вступить с ним в союз.

Послы, прибыв в Спарту, передали слова Креза: «О лакедемоняне! Так как божество посоветовало мне заключить с греками дружбу и так как я узнал, что вы стоите во главе Греции, то во исполнение воли богов призываю вас сделаться моими друзьями и союзниками без обмана и коварства». Лакедемоняне, уже слышавшие о прорицании оракула Крезу и обязанные царю за оказанные им прежде услуги, обрадовались прибытию лидийцев и заключили с ними союз о взаимной помощи.

Крез также заключил союзы с двумя другими могущественными государствами того времени — вавилонским и египетским, которым также угрожало возраставшее могущество персов, но все эти договоры мало могли принести пользы Крезу, ибо быстрота Кира уничтожила все расчеты Креза.

В надежде на ложно понятое прорицание оракула Крез повел свое войско в Каппадокию, чтобы уничтожить власть Кира и персов. Когда он еще был занят приготовлениями к этому походу, один лидиец, славившийся

своей мудростью, дал Крезу следующий разумный совет: «О царь! Ты намерен вести войну против людей, которые одеваются в звериные шкуры и едят не столько, сколько хотят, а сколько дает им их скудная земля. Сверх того, они пьют не вино, а только воду, и не имеют ни фиг, ни других каких лакомств. В случае твоей победы что можешь ты взять у них, когда они сами ничего не имеют? Напротив, если побежден будешь ты, то подумай, сколько потеряешь. Потому что, раз вкусив наших благ, персы так крепко усядутся здесь, что не дадут уже себя отсюда выгнать. Я благодарю богов за то, что они не навели персов на мысль напасть на лидийцев».

Действительно, до покорения Лидии персы не знали никакой изнеженности и удобств жизни. Однако эти речи не изменили образа мыслей Креза. У него по-прежнему осталось желание завоевать Каппадокию и отомстить за Астиага, и он торопился выступить с войском в поход. Придя к Галису, он переплыл эту реку на судах или, как говорит другое предание, по совету известного философа Фалеса Милетского, устроил на реке в виде полукружия идущий назад канал, из-за чего река сделалась возможной для перехода. Затем, опустошая все на своем пути, Крез вступил в Каппадокию. Кир, тщетно стараясь склонить азиатских греков отпасть от Креза, выступил против него со своим войском. В последовавшей затем битве обе стороны сражались без решительного для себя результата, и когда ночь разде-

лила оба войска, то ни одно из них не одержало победы.

Крез сваливал вину на недостаточное число своих войск, так как Кир превосходил его численностью. Поэтому он решил отступить к Сардам, чтобы призвать себе на помощь туда египетских, вавилонских и лакедемонских союзников, а следовательно весной снова напасть на Кира. Служившие ему против персов наемные войска он распустил на зиму. Персидский царь, узнавши об отступлении Креза, хотел было также распустить свое войско, но, по зрелом размышлении, решил как можно скорее идти к Сардам, чтобы явиться туда раньше, чем соберется второе лидийское войско. Кир совершенно внезапно для Креза появился на равнине близ Сард.

Крез, к величайшему своему смущению, убедился, что дела приняли совсем иной оборот, чем он ожидал. Тем не менее он повел своих лидийцев в битву. В то время не было народа сильнее лидийского. Они сражались конные, носили длинные копья и считались лучшими всадниками. Оба войска расположились друг против друга на огромной, открытой, расстилавшейся перед Сардами равнине, по которой протекала река Гермос. Так как Кир опасался лидийской конницы, то по совету Гарпага сделал следующее. Он приказал снять вьюки со всех верблюдов, служивших для перевозки провианта для войска, и посадил на них вооруженных людей. После этих приготовлений он приказал им идти впереди всего остального войска навстречу

лидийской коннице. За верблюдами следовала пехота, а за пехотой — конница.

Это было сделано потому, что лошади боятся верблюдов и не переносят не только их вида, но даже и запаха. Гарпаг и придумал это, чтобы сделать для Креза бесполезной его конницу, которой так гордились лидийцы. И действительно, как только лошади почуяли и увидели верблюдов, они повернули назад. Но лидийцы не были трусливы и, как только заметили эту хитрость, соскочили с коней и вступили в бой пешими. Наконец после больших потерь с обеих сторон лидийцы были обращены в бегство и заперлись в своем городе. Персы осадили Сарды. Крез, надеясь, что осада затянется на долгое время, отправил послов ко всем союзникам с просьбой явиться к нему на помощь ранее договорного срока. Но при всей готовности союзников, в особенности спартанцев, они не могли прийти с такою же быстротою, с какою погибель настигла лидийского царя.

Хотя Сарды мужественно защищались, но один солдат из войска Кира по имени Гироиад нашел на стене место, оставленное без охраны, так как оно казалось неприступным. Он вознамерился взобраться туда. В том, что это было возможно, он убедился, увидев, как один лидиец, у которого упал шлем, спустился за ним и снова взобрался на стену. Гироиад вскарабкался в этом месте на стену, а за ним поднялись и другие персы, и, таким образом, город после сорокадневной осады был взят. Креза Кир приказал ни в коем случае не убивать, а непременно захватить живым.

Однако он чуть-чуть не был убит. Какой-то перс, не знающий Креза, бросился на него и хотел убить. Крез заметил нападающего, но тяжкое горе сделало его равнодушным к смерти. Когда же глухонемой сын Креза увидел перса, устремившегося на отца, он вдруг обрел от страха и горя дар речи и воскликнул: «Человек! Не убивай Креза!» Это были первые слова, сказанные юношей, и затем уже до конца жизни он мог говорить.

Когда царственный пленник был приведен к персидскому царю, тот приказал воздвигнуть большой костер и возвести на него закованного в цепи Креза и с ним четырнадцать лидийских юношей как первенцев своей победы.

Стоя на костре, Крез вспомнил слова Солона, что ни один человек не может считать себя счастливым до самой своей смерти. Когда воспоминание об этом проникло в его душу, он после долгого молчания, прерываемого глубокими вздохами, трижды произнес имя Солона. Кир, услышав это, приказал через переводчиков спросить Креза, чье имя он призывает. Крез сказал: «Имя одного человека, беседа с которым могла бы быть полезной для всех государей». И он передал разговор, который у него когда-то был с Солоном. Тогда Кир подумал, что и он человек и что он также может испытать на себе превратности судьбы человеческой, и приказал потушить огонь, а Креза снять с костра.

При этом Киру пришлось убедить-ся, насколько Крез был добродетельный и любимый богами человек. Ког-

да по приказанию персидского царя старались потушить костер и не могли справиться с разгоревшимся пламенем, Крез, заливаясь слезами, обратился к Аполлону. Тотчас же ясное небо заволось тучами и проливной дождь загасил огонь.

Крез послал в Дельфы свои цепи с вопросом, неужели греческие боги так лживы и неблагодарны. Пифия же указала на неизбежность судьбы, предназначившей Крезу это несчастье, и на собственную беспечность лидийского царя, так как он при первом прорицании оракула не спросил, о каком именно государстве шла речь, а при втором не догадался, что под именем лошака можно было подразумевать Кира, рожденного от родителей не только разного происхождения, но и различного состояния. Тогда Крез понял, что он должен был обвинять себя, а не богов, и стал терпеливее переносить свою судьбу, которую персидский царь облегчил тем, что ради его ума и опытности сделал его своим другом.

Благодаря этой дружбе и своему влиянию Крез в скором времени спас свой народ и в особенности город Сарды от совершенного уничтожения. Кир вместе с Крезом покинул Лидию, оставив в Сардах своего главнокомандующего, а надзор над захваченными лидийскими сокровищами поручил лидийцу по имени Пактиес. Но этот Пактиес, тотчас после отъезда Кира из Сард, поднял восстание, на эти сокровища собрал наемное войско и осадил Сарды. В наказание за это Кир хотел обратить в рабство всех лидийцев.

Тогда Крез сказал ему: «О царь! Не дай гневу всецело овладеть тобой и не разрушай старинный город, насколько не виновный ни в прошлом, ни в настоящем. В прошлом виноват я, что и искуплено мною, а в настоящем — Пактиес, за что он и должен претерпеть наказание. Лидийцев же прости! А для того, чтобы они впредь не восставали и не были опасны, обяжи их следующим. Запрети им носить оружие, прикажи носить исподнее платье и высокие башмаки. Установи, чтобы они учили своих детей играть на цитре, пению и мелочной торговле. Тогда, царь, ты скоро увидишь, что из мужчин они превратятся в женщин, и тебе не придется более опасаться, что они отпадут от тебя».

Крез дал такой совет, потому что считал это более выгодным для лидийцев, чем обращение в рабство. Кир одобрил совет, приказал привести его в исполнение и продолжал свой поход. Гарпага он, однако, оставил, чтобы покорить карийцев и другие мелкие народы, в особенности греческие колонии, за исключением Милета, с которым Кир заключил мирный договор.

Остальные греки также желали этого, но Кир был ими недоволен за то, что они не пожелали покинуть Креза, когда персидский царь предлагал им это раньше. Когда явившиеся к нему послы сказали, что греки желают подчиниться Киру на тех же условиях, на каких только что перед этим подчинились лидийцы, Кир отвечал им следующее: «Один флейтист, увидевший в море рыбу, начал играть на флейте, воображая, что она выйдет на берег. Когда же он увидел, что обманулся в своих ожида-

ниях, то взял сеть, поймал в нее множество рыбы и вытащил ее на берег. Когда он увидел, как запрыгали рыбы, то сказал им: пляшите теперь за то, что не хотели плясать тогда, когда я играл на флейте». Кир так и поступил. Гарпаг захватил в крепкую сеть своего могущества всех азиатских греков. Однако Кир оставил им их учреждения. Над ними он поставил правителей, так называемых тиранов, то есть знатных греков, которые были преданы персам и стали в некотором роде высшими чиновниками. Только два города, Фокея и Теос, избегли рабства тем, что жители выселились из них. Фокейцы отправились сперва на Корсику, а позднее — в Массилию. Теосцы основали город Абдеру во Фракии. Абдера прославилась глупостью своих жителей. Ионийцы не последовали совету мудреца Бианта из Приены (он был одним из семи греческих мудрецов) оставить Ионию. Эта область стала местом, где сталкивались между собой европейские греки и персы. Страшась угроз персов, азиатские греки обратились к Спарте с просьбой о помощи. Спартанцы отправили в Азию послов и велели сказать персидскому царю, чтобы он не захватывал ни одного греческого народа, так как Спарта не будет смотреть на это равнодушно. Но Кир велел им ответить следующее: «Я никогда не боялся людей, имеющих среди своего города место, где они сходятся, чтобы под видом клятв обманывать друг друга. Если я останусь здоров, то им придется сожалеть не о страданиях ионийцев, а о своих собственных». Здесь он смеялся над всеми эллинами, так как они имели базарные площади; у персов же таковых не было.

4. Смерть Кира

Покорив таким образом царство Лидийское и включив его в состав Персидской монархии, Кир возвратился в Малую Азию, чтобы наказать союзников Креза, и из них, прежде других, Набунагида, правителя незадолго перед тем образовавшегося халдейско-вавилонского государства. Соправителем Набунагида был Валтасар.

Столица этого государства, Вавилон, благодаря своему великолепию, громадности, многочисленному населению и богатствам стала целью его наступления, что, однако, было далеко не легко, так как благодаря своим укреплениям этот город мог оказать сильное сопротивление. Крепкие, соединенные цементом из асфальта стены, настолько широкие, что на них могла повернуться повозка, расположены были вокруг города сплошным кругом. Протекавший через город Евфрат разделял его на две равные части; в одной из них стоял великолепный дворец царя, а в другой — роскошный храм Бела, с вершины которого халдеи производили свои астрономические наблюдения. Внутри города по обоим берегам реки возвышались стены, к которым сходились поперечные улицы обеих его частей. Эти стены могли запираться медными воротами так, что обе части города могли быть совершенно разобщены между собою. За городом, между обеими реками, Тигром и Евфратом, пролежала так называемая мидийская стена для удержания вражеских нападений мидян, страшных до персидского нападения.

Но теперь явились новые враги, «которые не ценят ни серебра, ни золота, чьи стрелы пронзают столько юношей, враги, которые остаются безжалостны даже к детям в утробах матерей». На пути к Вавилону Кир подошел к реке Гинд. Один из белых коней, посвященных солнцу, бросился в реку, но был увлечен быстрым течением и погиб в водовороте. Тогда Кир страшно разгневался на реку и повелел сделать ее столь мелкой, чтобы даже женщины могли легко перейти ее, не замочив колена. Разделив свое войско на две части, царь расположил воинов по берегам реки и приказал выкопать 180 прямых как стрела каналов. В эти каналы была спущена вода и ослаблено таким образом течение реки. На эту работу пришлось затратить целое лето. Так покарал Кир реку Гинд. Но при этом он мог иметь и другую цель — сделать реку удобной и безопасной для перехода войска. Такой проницательный и опытный полководец как Кир не потратил бы для этого целого лета и тем самым не дал бы вавилонянам времени увеличить свои оборонительные средства.

Таким образом вавилоняне имели достаточно времени собрать в своем городе столько съестных припасов, что, будучи разбиты Киrom в сражении, они отступили в город и за его стенами могли не обращать внимания на осадившего их Кира. Долго персидский царь стоял перед оборонительными валами города, возведенными Валтасаром, борясь с тысячью затруднений, не достигнув цели. Только благодаря одной хитрости удалось

привести тщетные до тех пор попытки к счастливому окончанию.

Кир приказал лучшим своим войскам занять места по обе стороны города, а именно там, где входит и выходит из него Евфрат, с приказанием ворваться в город тогда, когда они заметят, что река настолько обмелела, что ее можно перейти вброд. Сам же он с остальной частью войска направился к одному озеру, лежавшему недалеко от города и устроенному когда-то царицей Нитокрисой для отвода течения реки. Этим озером воспользовался Кир и при помощи канала отвел в него течение реки, из-за чего она внезапно настолько обмелела в своем старом русле, что его можно было перейти вброд.

Войска тотчас спустились в реку и вошли в город. Вторжение это было произведено так неожиданно, что вавилоняне не успели принять никаких мер к обороне. Они могли бы, заперев ворота, поймать, как в сети, персов, вошедших в русло реки. Однако персидское войско слишком внезапно напало на вавилонян, а Вавилон был столь огромным, что горожане, жившие в центре, не знали, что враги уже заняли окраины, и еще долгое время продолжали беспечно торжествовать какое-то празднество, когда неприятель находился уже в городе.

Вдруг среди праздничного веселья раздался воинственный клич персов, и пораженная толпа дала изрубить себя без сопротивления. Сам Валтасар погиб в суматохе, а царский дворец сгорел в огне. Набунагид сдался и был помилован. Своим благоразумным поведением он приобрел даже

благосклонность персов и был назначен Киrom правителем одной из провинций. Ему пришлось пережить падение великого Вавилонского царства, охватывающего, кроме Халдеи и Ассирии, Сирию и Палестину и перешедшего теперь в руки персов.

Теперь Кир с тревогой смотрел на усиление Египта. Поэтому со стороны Кира было благоразумной мерой позволить евреям после падения Набунагида возвратиться в Палестину. Он желал иметь преданный и энергичный народ на границе с Египтом, столкновение с которым рано или поздно должно было произойти. Этим дозволением воспользовались сорок две тысячи большею частью бедных людей из колен Иудина и Вениамина. Их предводителями были Зерувавел и первосвященник Иесуя (536 г. до н. э.). Они немедленно принялись за восстановление Иерусалимского храма и, несмотря на неприязненные отношения самаритян, в 565 году закончили его.

Безопасность границ прежнего мидо-бактрийского государства и другие какие причины принудили Кира повести свои войска против народов, кочевавших на севере Малой Азии, по обеим сторонам Каспийского моря. Самым многочисленным и богатым из этих народов были массагеты.

Массагетами правила царица Томирис. Кир отправил к ней послов с предложением вступить с ним в брак. Но Томирис, верно угадав, что он помышляет не столько о ней, сколько о том, чтобы захватить власть над массагетами, отклонила его предложение. Тогда Кир подошел к Яксарту (ныне

Сырдарья) на востоке от Каспийского моря с целью напасть на массагетов. Он построил мосты для перехода через реку своих войск и суда для их перевозки.

Когда он был занят этими приготовлениями, Томирис отправила к нему посла и приказала сказать следующее: «Царь мидян! Отступишь от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а будешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если ты так страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Мы отступим от реки на три дня пути, а ты между тем перейди в нашу страну. Если же ты предпочитаешь, чтобы мы пришли к тебе, сделай то же самое со своей стороны». Получив этот ответ, Кир созвал знатнейших персов и изложил положение дел, чтобы рассудить, как ему поступить. Все мнения сошлись на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь, на своей стороне.

Но присутствующий на совете Крез не одобрил это решение и сказал: «О царь! Я уже раньше обещал тебе сколь возможно отвращать всякую беду, грозящую твоему дому. Мои столь тяжкие страдания послужили мне наукой. Если ты мнишь себя бессмертным и во главе бессмертного войска, то мое мнение тебе бесполезно. Если же ты признаешь, что ты только человек и царствуешь

над такими же смертными людьми, то пойми прежде всего вот что: существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы. По предложенному вопросу я имею иное, совершенно противоположное мнение. Если ты допустишь врагов в нашу собственную землю, то вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону, но вторгнутся в твои владения. Если же победа будет на твоей стороне, то ты извлечешь из нее пользы меньше, чем победив их по ту сторону реки и имея возможность преследовать их в бегстве. Разбив неприятеля, ты будешь иметь возможность отнять у Томирис ее царство. Кроме того, было бы постыдно Киру, сыну Камбиза, уступить женщине власть в своем государстве. Так вот, по-моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть в глубь страны насколько враги отступят и постараться одолеть их. Как я узнал, массагетам совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее наслаждения. Поэтому нужно устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов и выставив огромное количество сосудов неразбавленного вина. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Враги при виде такого обилия яств набросятся на них, и нам представится возможность совершить великие подвиги».

ПРАВИТЕЛИ

2

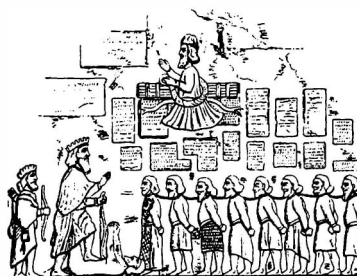
3

4

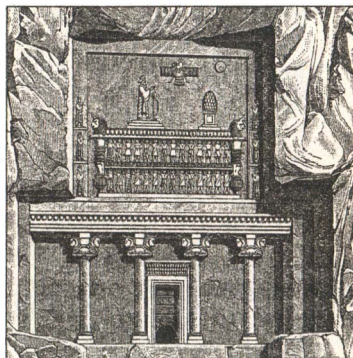
5

6

7

8

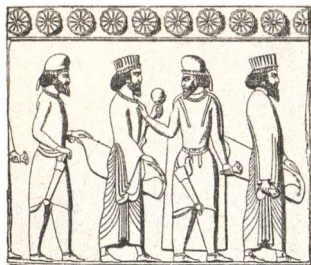
1. Рельеф с изображением Кира в Пасаргадах. VI в. до н. э.
2. Гробница Кира в Пасаргадах. VI в. до н. э.
3. Персидский царь Камбис, берущий в плен фараона Псамметиха III. VI в. до н. э.
4. Дарий I. VI в. до н. э.
5. Дарий I. VI в. до н. э.
6. Изображение Дария I в Бехистуне. VI в. до н. э.
7. Дарий I. VI в. до н. э.
8. Царская гробница в скале близ Накш-и-Рустама.

ПРАВИТЕЛИ

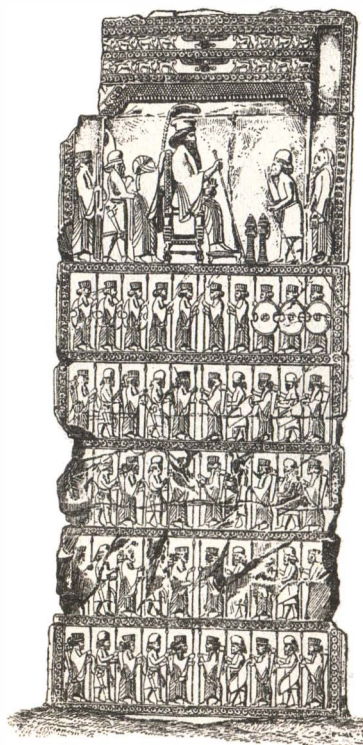
1

3

2

4

5

ПРАВИТЕЛИ

6

7

8

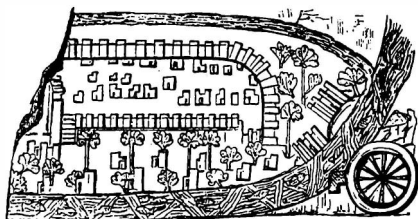

9

1. Оттиск ахеменидской печати с надписью Дария I. VI в. до н. э.
2. Место погребения Дария I у Персеполя. VI в. до н. э.
3. Персидские вельможи на аудиенции у царя. VI в. до н. э.
4. Артаксеркс II на троне в окружении вельмож и магов. Древнеперсидский барельеф.
5. Персидский царь на троне, который поддерживают народы, входящие в его империю. V в. до н. э.
6. Парадный выход персидского царя. Древнеперсидский барельеф.
7. Ариман, поражаемый персидским царем. Древнеперсидский барельеф.
8. Персидский царь сражается с греческими гоплитами.
9. Оттиск с древнеперсидской печати.

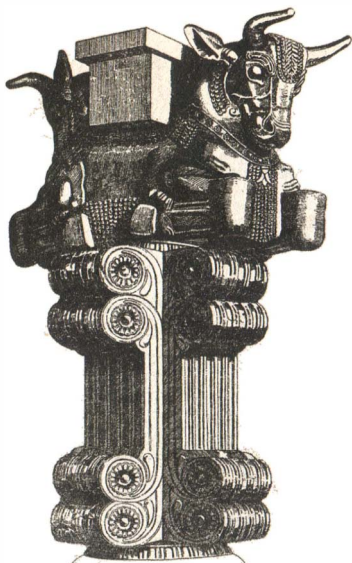
АРХИТЕКТУРА

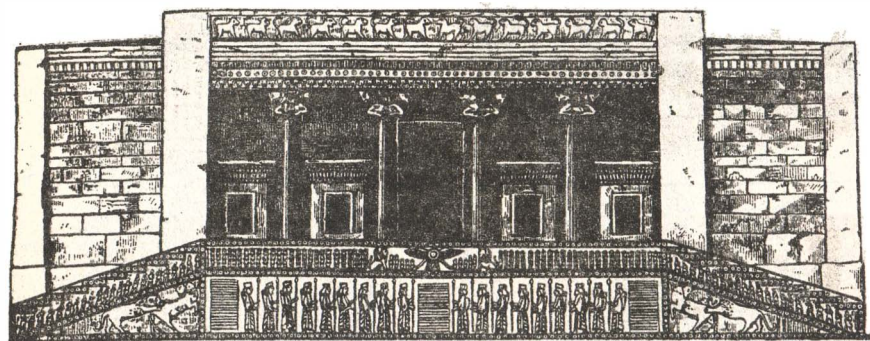
1

2

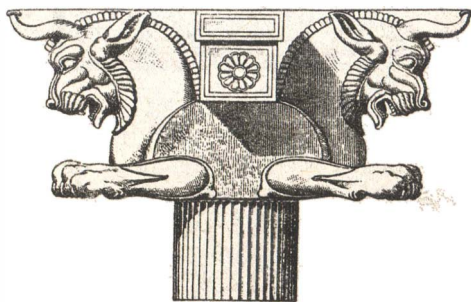

3

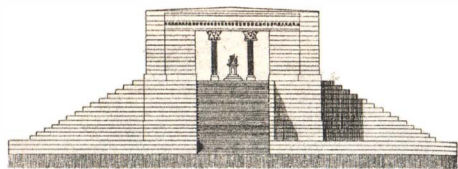
4

1. Сузы, столица Эламского государства. Древнеперсидское изображение.
2. Развалины дворца Дария I в Персеполе. VI в. до н. э.
3. Капитель колонны из дворца Артаксеркса II в Сузах. VI в. до н. э.
4. Реконструкция южного фасада дворца Дария I в Персеполе. VI в. до н. э.
5. Капитель с единорогами. VI в. до н. э.
6. Реконструкция фасада зороастрийского храма.
7. Развалины дворца в Персеполе.
8. Персидская колонна.
9. Развалины Персепольского дворца.

5

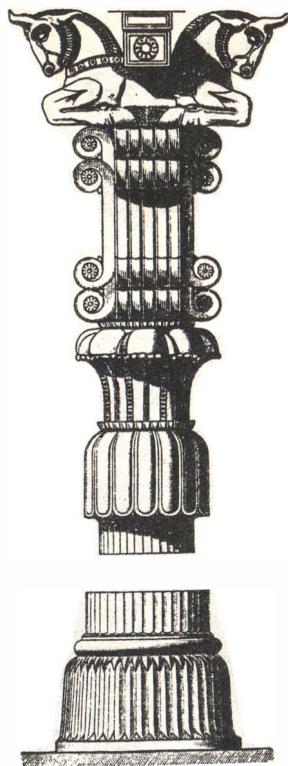
АРХИТЕКТУРА

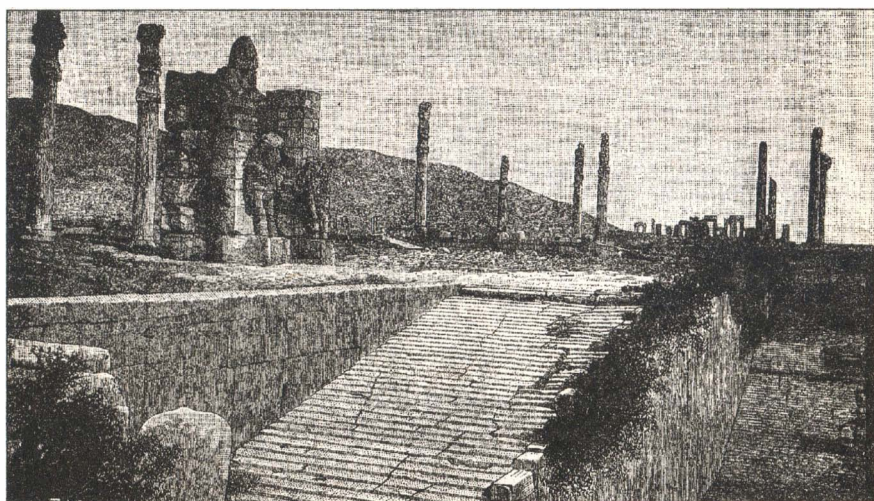
6

7

8

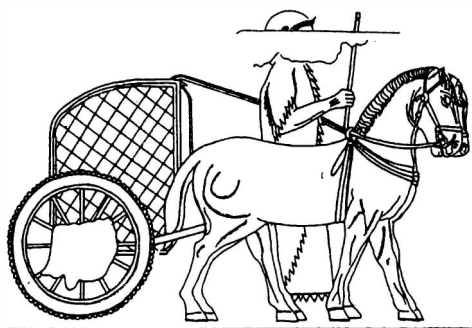
9

ВОЕННОЕ ДЕЛО

1

2

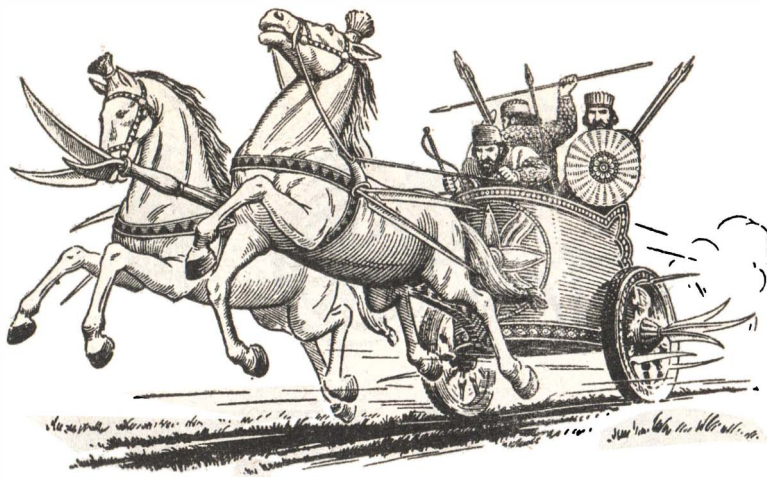
3

1. Мидийский всадник.
VII в. до н. э.
2. Лидийский воин персидской
армии с боевой колесницей.
Древнеперсидское
изображение.
3. Эламские гвардейцы царя
Артахсеркса II. IV в. до н. э.
4. «Бессмертные» персидского
войска. Древнеперсидское
изображение.
5. Персидская боевая
колесница. Современный
рисунок.
6. Лидийские конные воины.
Барельеф. VI в. до н. э.
7. Мидийцы. Древнеперсидское
изображение.
8. Пешие и конные лучники
персов. Современный
рисунок.

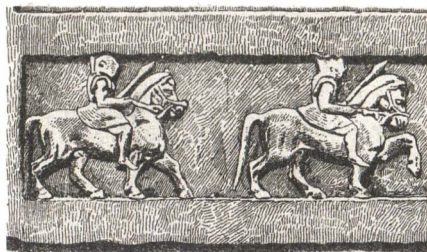

4

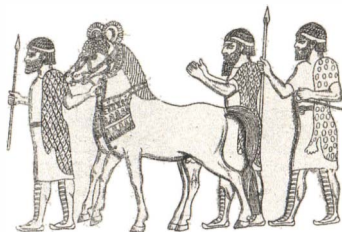
ВОЕННОЕ ДЕЛО

5

6

7

8

ИСКУССТВО

1

2

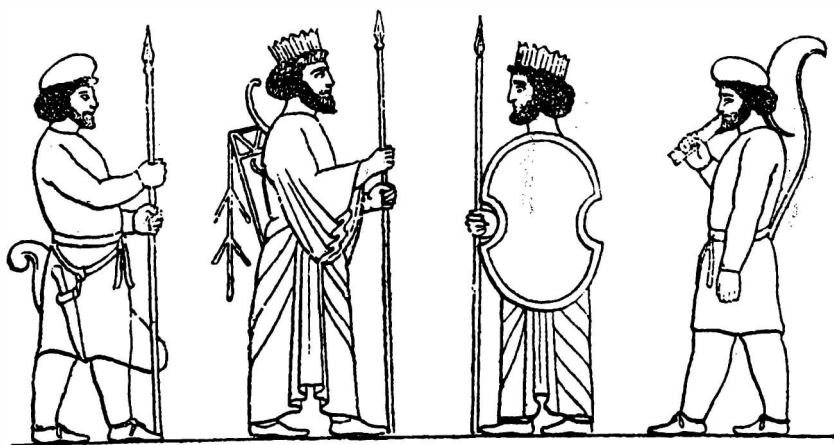

3

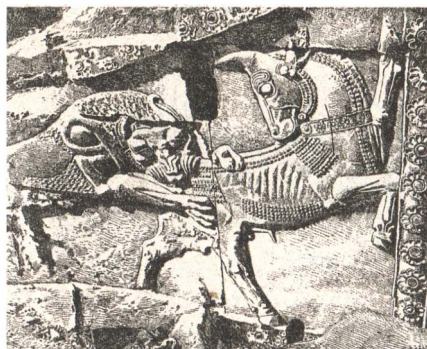

4

1. Выезд на колеснице. VI в. до н. э.
2. Знатные персы. VI в. до н. э.
3. Голова воина. VI в. до н. э.
4. Знатный мидиец. VI в. до н. э.
5. Персидские воины. V в. до н. э.
6. Лев, нападающий на быка. IV в. до н. э.
7. Лев-грифон. Изразцовый рельеф. IV в. до н. э.
8. Авестийское письмо.
9. Церемония поднесения дани персидскому царю. Древнеперсидское изображение.
10. Пальмы и кипарисы. Древнеперсидский рельеф.

5

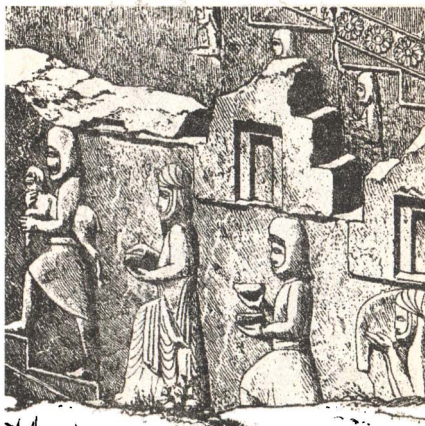
6

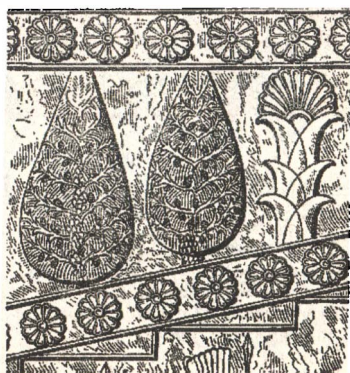
7

۱- در صورتی که در یک سال دو بار بارش اتفاق افتد، بارش دوم را در همان سال به حساب می آورند و در سال بعد به حساب نمی آورند. مثلاً اگر بارش در سال ۱۳۹۰ و ۱۳۹۱ اتفاق افتد، بارش دوم را در سال ۱۳۹۰ به حساب می آورند و در سال ۱۳۹۱ به حساب نمی آورند.

8

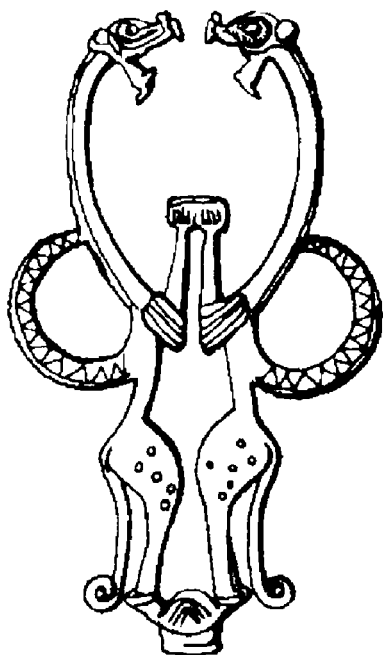
9

10

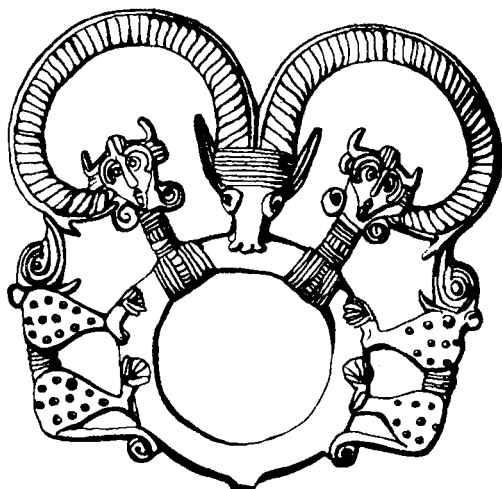
1

2

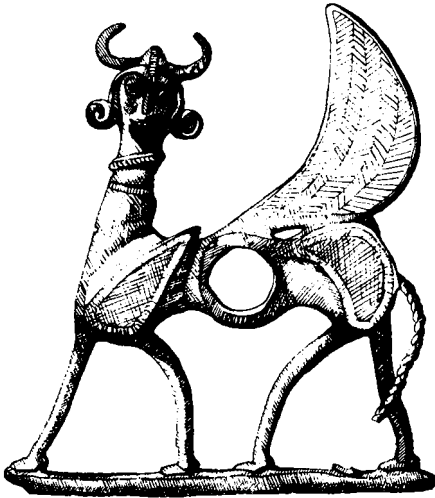

3

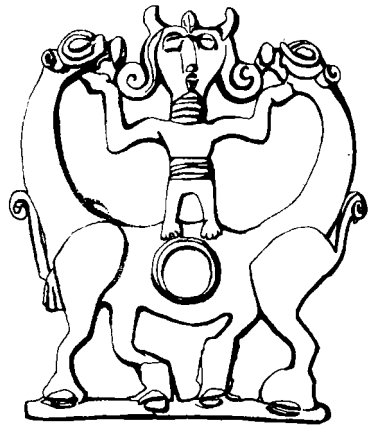

4

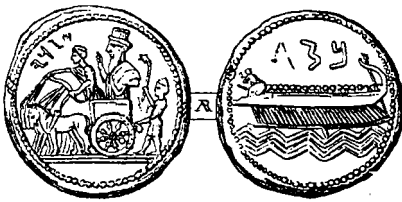

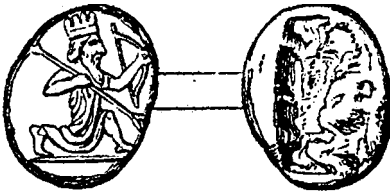
5

6

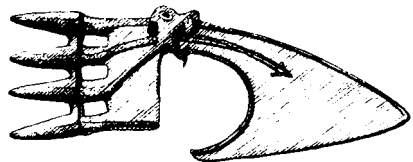
7

8

9

10

1. Рисунок вельможи на древнеперсидском кубке.
2. Погребальный древнеперсидский идол.
3. Рисунок лучника на древнеперсидском кубке.
4. Погребальный древнеперсидский идол.
5. Бронзовая древнеперсидская статуэтка.
6. Погребальный древнеперсидский идол.
7. Серебряный дарик. Древнеперсидская монета.
8. Золотой дарик. Древнеперсидская монета.
9. Головка булавки.
10. Древнеперсидский топор.

Кир отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь известил Томирис, что она должна отступить, так как он намерен переправиться в ее владения. Верная своему прежнему обещанию, Томирис отступила. После этого Кир передал Креза своему сыну Камбизу, назначенному им своим преемником, и настоятельно внушал сыну почитать Креза и обходиться с ним хорошо. Затем он отослал их обоих в Персию, а сам с войском переправился через реку.

Пройдя один день, Кир привел в исполнение план Креза. Для этого он с отборнейшими войсками снова отступил к Араксу, а худшую часть войска оставил на месте. Тогда третья часть войска массагетов напала на оставленных Киром воинов и перебила их. После победы, увидев выставленные яства, массагеты уселись пировать. Наевшись и напившись, они улеглись спать. Вернувшиеся персы убили большую часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

Томирис, узнав об участии своего войска и сына, отправила к Киру посла с такими словами: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Не силой оружия в честном бою, а соком виноградной лозы, который и вас лишает рассудка, когда, напившись, вы начинаете произносить непристойные речи, — вот этим-то зельем ты коварно одолел моего сына. Поэтому прими от меня благой совет. Возврати мне моего сына и оставь эту страну, безнаказанно торжествуя победу

над третьей частью массагетского войска. Если же ты этого не сделаешь, то, клянусь тебе именем Солнца, божеством массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен».

Кир не обратил никакого внимания на слова посла. А сын царицы Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы, понял свое бедственное положение и попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден, он умертвил себя.

Томирис собрала все массагетское войско и напала на персов. Эта битва была самой жестокой из всех битв между варварскими народами. Сначала противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Истощав запас стрел, они бросились в рукопашную, поражая друг друга копьями и мечами. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец массагеты победили. Значительная часть персидского войска осталась на поле сражения, и сам Кир был убит.

Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и велела отыскать среди павших персов труп Кира. Когда тело Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Теперь я напою тебя кровью, как я тебе обещала и угрожала». Так окончил свою жизнь Кир в 529 году до н. э. после почти тридцатилетнего царствования.

Благодаря Киру множество мелких азиатских государств были объедине-

ны в одно огромное персидское государство. После того как к нему присоединился и Египет, это государство сосредоточило в себе всю культуру древнего исторического мира.

5. Псамметих I (655—345 гг. до н. э.)

Псамметихом начинается XXVI династия. Он, при помощи лидийского царя Гигеса, приславшего ему ионийских и карийских наемников, свергнул ассирийское иго, и Египет вернул самостоятельность и стал иметь своих собственных государей. Псамметиху вскоре пришлось защищать свои восточные границы. Произошло это вследствие того, что он расположил постоянным лагерем на пелузийском рукаве Нила ионийцев и карийцев, «медных людей, вышедших из моря», как описал их оракул в городе Бутисе. Принятие на службу чужеземных войск без сомнения повлекло за собой ряд затруднительных последствий. Существовавшая до тех пор замкнутость Египта теперь кончилась. Псамметих открыл для чужеземцев египетские гавани, дозволил им свободу торговли и разрешил селиться внутри страны. Греки воспользовались этим как нельзя лучше. Они явились в значительном числе. Центральным пунктом их торговли стал город Навкратис. Они сумели так понравиться царю, что он заставил молодых египтян, в том числе и своего собственного сына, изучать греческий язык и обычаи. Негодуя на большие преимущества греческих наемников, получивших много земельных участков и поль-

зовавшихся такой заботой со стороны царя, большая часть касты воинов, около 200 000 человек, покинула Египет и переселилась в Эфиопию, вследствие чего Псамметих понес значительную потерю в оборонительных средствах и получил соседство, которое при случае могло оказаться весьма опасным.

Гораздо лучше он поставил себя в отношении жрецов. К удовольствию их, он восстановил богослужение в прежнем блеске. Он окружил священный храм Фта в Мемфисе стеной и прибавил с южной стороны ворота. Напротив их он построил для Аписа окруженный колоннами двор с украшенными резьбой стенами. Его царский дворец в Саисе представлял величественное сооружение. При Псамметихе I вторично пышно расцвело египетское искусство. Постройки этого времени отличаются легкостью, красотой и естественностью. Высокой степени изящества достигает иероглифическое письмо.

После Псамметиха I на египетский престол в 610 году до н. э. вступил его сын Нехаб. Выше было рассказано о его злополучной попытке распространить господство Египта на Сирию, окончившейся жестоким поражением при Кархемише. Подобно отцу, он обратил свое внимание на поднятие мореплавания и торговли. С этой целью он задумал соединить Нил каналом с Красным морем. Но это предприятие по разным причинам осталось невыполненным. Он также принял к себе на службу финикийцев для путешествий с целью открытий.

Кратковременное царствование его преемника Псамметиха II (595—589 гг. до н. э.) не оставило почти никаких следов.

Мало чем замечателен был и внук Нехао Хофра (589—570 гг. до н. э.). Навуходоносор разбил его, когда он хотел пойти на помощь к иудейскому царю Седекии. Но роковым был для него поход против греческой колонии Кирены в Ливии. Так как было бы неблагоразумным послать против киренян греческих наемников, которые при этом должны были бы сражаться со своими соотечественниками, то Хофра отправил в поход против Кирены египетские войска. Египтяне потерпели при местечке Иразе поражение и, обращенные в бегство, понесли такие жестокие потери, что лишь самые ничтожные остатки войска вернулись в свое отечество. Тогда в народе начались смуты, так как думали, что Хофра умышленно пожертвовал египетскими войсками, чтобы избавиться от ненадежных людей. Хофра послал для усмирения возмущившихся бунтовщиков военачальника Амазиса, человека хотя и низкого происхождения, но пользовавшегося всеобщей любовью за ум и открытый характер. Но когда Амазис хотел обратиться к возмущившимся с речью, то один солдат надел ему на голову шлем и громогласно провозгласил его царем, что было охотно принято Амазисом. Хофра, несмотря на то, что его войско численно превосходило войско мятежников, был взят в плен и убит разъяренной чернью.

Едва Амазис вступил на престол, как пошел по стопам Псамметиха,

покровительствуя всему греческому, но при этом он не пренебрегал и египетским. Кроме двух жен гречанок, Лаодикеи и Себасти, он имел женами двух египтянок, из которых одна была дочь Псамметиха II. Ее сыну он дал имя Псамметих, желая показать, что тот является наследником престола. Несмотря на расположение к грекам, Амазис был любим египтянами за свою необыкновенную заботливость об их благосостоянии. Поощрялось земледелие, была увеличена и улучшена сеть каналов, развивалась торговля. Геродот так пишет об этом времени: «Египтяне в его царствование находились в счастливейшем положении, потому что на все было обращено внимание, равно как и на то, какое влияние на землю могла иметь река, а земля на человека, и при этом было двадцать тысяч населенных городов». В особенности процветали Мемфис и города в дельте. Среди них был необыкновенно украшен город Саис. Здесь у храма Нейты Амазис воздвиг пропилеи (портик с колоннами), которые высотой, величиной и доброкачеством материала превосходили все остальное: они были сооружены из камня, добытого в гранитных каменоломнях Мемфиса и острова Элефантина. Эти пропилеи были украшены колоссальными статуями, и к ним вела длинная аллея из сфинксов. Там же находились два больших обелиска и часовня, высеченная из одного куска камня. Три тысячи лощанов в течение трех лет были заняты перевозкой этих колоссов из Элефантины в Саис. Усыпаль-

ницу свою Амазис устроил в Саисе возле усыпальниц Псамметихов, законным преемником которых он хотел считать себя.

В ломке старины Амазис пошел еще дальше Псамметихидов. Он больше не соблюдал в отношении к своему царскому достоинству и при своем царском дворе древнего церемониала, но предавался веселому наслаждению жизнью в греческом духе. Особенно он любил весело пировать со своими приближенными. Но скоро на горизонте этой блестящей жизни показалась тяжелая грозовая туча: могущественно возмставшее при Кире персидское государство. С боязливой тревогой приходилось под конец своей жизни думать Амазису о будущем, когда он увидел, как опасный враг все ближе и ближе придвигался к его восточным границам. Однако он умер прежде, чем сыну Кира, Камбизу, суждено было ступить на египетскую землю в качестве победителя.

Амазис известен также по своим дружеским отношениям к Поликрату, правителю острова Самос. В то именно время, когда острова Хиос и Лесбос подчинились персам, Самос под управлением Поликрата остался независимым (536 г.). Поликрат построил великолепный флот из восьмидесяти тяжелых и ста легких кораблей и при его помощи успешно отстаивал свою независимость от персов до тех пор, пока Камбиз не собрал у берегов Финикии для похода против египтян корабли малоазийских приморских городов, финикийцев и жителей Кипра. Тогда

Поликрат был вынужден также подчиниться Камбизу и послал ему сотню хорошо вооруженных кораблей. (О дальнейшей судьбе Поликрата будет рассказано ниже.)

6. Камбиз

Кир царствовал почти тридцать лет и умер в 529 году до н. э. Он завещал свое государство старшему сыну Камбизу. Младший же сын его Смердис получил в управление восточные области.

С честолюбивым характером своего отца Камбиз соединял в себе наклонность к дикости и жестокости. Он хотел присоединить к завоеваниям отца богатый и цветущий Египет, к тому же он считал себя лично оскорбленным царем Египта Амазисом. Дело в том, что Камбиз попросил у Амазиса руки его дочери, а тот вместо своей дочери отправил ему дочь своего предшественника Хофры — Нитетис, нарядив ее в царское платье. Через некоторое время в дружеском разговоре об отце она сказала Камбизу: «Царь, ты и не подозреваешь обмана. Амазис обманул тебя, выдав меня за свою дочь. В действительности я дочь Хофры, его бывшего повелителя». Этот обман глубоко оскорбил Камбиза и побудил его к войне с Египтом.

Ко времени похода Камбиза в Египет случилось следующее. В войске Амазиса был один ионийский грек по имени Фанет, человек умный и храбрый воин. Рассердившись за что-то на Амазиса, он бежал в Персию и указал Камбизу удобный путь

в Египет через владения арабского царя. Пока Камбиз шел в Египет, Амазис умер, и на египетский престол вступил его сын Псамменит. Он расположился со своим войском в устье Нила, при Пелузии.

Находившиеся в египетском войске ионийские наемники решили жестоко отомстить Фанету за предательство. Они привели в лагерь сыновей Фанета, зарезали их над чашей, влили в ту же чашу вина с водой, напились из этой чаши и после того пошли в сражение. Персы победили в этом сражении, а египтяне обратились в бегство и заперлись в Мемфисе. По свидетельству Геродота, после битвы при Пелузии еще семьдесят лет место сражения было усеяно черепами убитых воинов, и весьма легко было отличить персидские черепа от египетских. Персидские были мягки и хрупки, египетские крепки. Это объясняют тем, что персы с раннего детства носят войлочные шапки; бритые же головы египтян закаляются солнцем.

Затворившиеся в Мемфисе египтяне горели мщением и ненавистью.

Когда Камбиз послал по Нилу на митиленском корабле вестника с предложением городу сдаться, египтяне изрубили в куски весь экипаж и уничтожили корабль. Тогда Камбиз окружил город, принудил его к сдаче и заключил царя и других знатных египтян под стражу в предместье города. Судьи персидского царя решили, что за каждого убитого перса должны быть казнены десять знатнейших египтян. Несчастный Псамменит, процарствовавший всего шесть месяцев, сидел безутешный, окруженный персидской

стражей. Прежде всего он увидел, как провели на казнь во главе 2000 египетских юношей его единственного сына с веревкой на шее и удилами во рту, и не заплакал, в то время как другие отцы громко рыдали. Затем увидел он, как его любимая дочь вместе с другими знатными молодыми египтянками в одежде рабыни, с кувшином на голове шла из неприятельского стана, громко сетуя на то, что ей приходится исполнять непривычную для нее, унижительную работу, — и снова не проронил ни одной слезы среди всеобщего плача. Но вскоре затем взор его упал на одного старого друга и сотрапезника, жившего до тех пор в постоянном довольстве, а теперь хилого старика, который был лишен всего имущества и обходил воинов с униженной просьбой о милостыне. Тут Псамменит разразился горькими рыданиями, стал бить себя по голове и звать друга по имени.

Извещенный об этом Камбиз велел спросить Псамменита о причинах такого поступка. «О сын Кира! — отвечал царь. — О несчастии друга я могу еще плакать, но моя личная скорбь слишком велика и не может быть выражена слезами».

Камбиз не остался нечувствительным к этому ответу: он милостиво обошелся с пленником и послал приказание, чтобы сына его не убивали. Но посланные опоздали, так как царственный юноша был казнен первым.

Псаммениту не пришлось бы испытать дальнейших оскорблений и он сохранил бы свой сан при персидском правлении, потому что персы обычно с почтением относятся к царским де-

тям. Но он сделал попытку возбудить египтян к бунту. Узнав об этом, Камбиз велел напоить его бычьей кровью, от чего Псамменит умер.

Весь Египет оказался под властью персов. Обитавшие на западном морском берегу народы Ливии покорились добровольно, послали Камбизу дары и уплатили дань. Камбиз решил присоединить к своему государству и лежавшую далеко на юге Эфиопию, которая еще в древнейших народных преданиях изображалась как высокообразованная и богатая страна. Сначала он послал туда с подарками лазутчиков, которым было приказано сделать вид, что они имеют поручение уговорить эфиопов вступить с персами в дружественный союз. Но эфиопский повелитель разгадал их хитрость и сказал им: «Удалитесь. Ваш царь человек несправедливый. Если бы он не был таковым, то не искал бы другой земли, кроме своей, и не старался бы поработать себе людей, которые ничем его не обидели. Отнесите ему этот лук и передайте совет, чтобы он тогда только приблизился к эфиопам, когда персы будут в состоянии так же легко, как мы, натягивать этот лук, и скажите ему, что он может возблагодарить богов за то, что они не внушили эфиопам желания завладеть чужой собственностью».

Камбиз, достигший в то время Фив, пришел в ярость от такого ответа и, несмотря на то, что ни один перс не мог натянуть эфиопский лук, тотчас дал приказание выступать в Эфиопию. В Фивах он оставил эллинов, а 50 000 человек послал завоевать оа-

зис, где находился оракул Юпитера Аммона, который был на десятидневном расстоянии к западу от Фив. Но это войско было засыпано в пустыне песчаным ураганом и бесследно исчезло. Не лучше шли дела и в главном войске, с которым сам Камбиз выступил против эфиопов. Очень скоро все взятые с собой припасы были съедены и истреблен даже выючный скот. В пустыне не было ни дерева, ни былинки, и голод вынудил войско, подобно гибнущим мореплавателям, выбирать из своей среды одного из десяти, убивать его и съедать. Это заставило Камбиза отказаться от дальнейшего похода, и он повел войско назад в Мемфис.

Здесь он нашел народ в шумной радости по случаю рождения после долгого ожидания нового Аписа — священного быка. Жрецы были заняты жертвоприношениями и молитвами, а народ с радостными криками следовал за процессиями Аписа по всему городу. Но Камбиз, усмотрев в этом ликовании выражение радости по случаю постигшего оба его войска несчастья, готовил всецелому празднеству ужасный конец. Он приказал привести к себе Аписа и с презрительным смехом воткнул ему в бок свой кинжал. Затем велел бить жрецов плетью, а жителей рубить мечами. В мемфисском храме бога Фта он вступил в его сокровенную часть, доступную только для одних жрецов, и приказал бросить в огонь изображения богов. Он велел вытащить из могилы труп Амазиса и сжечь его после всевозможных поруганий. Деспотизм и ярость его не знали никаких пределов. Когда из всех персов

только его брат Смердис смог натянуть эфиопский лук, Камбиз велел отослать его в Персию, а следом послал своего любимца Прексаспа с приказанием убить Смердиса, что тот и сделал.

Крезу, сопровождавшему Камбиза в походах, иногда удавалось удерживать царя от неправых поступков или высказывать ему правду. Как-то Камбиз спросил своего любимого придворного Прексаспа: «Скажи, что думают обо мне персы?» «Государь, — отвечал тот, — они тебя очень хвалят, но находят, что ты слишком склонен к употреблению вина». «Ах! — воскликнул царь. — Так они думают, что тогда я неспособен владеть собой? Ты должен немедленно убедиться, правы ли они. Если я попаду твоему сыну, который стоит там, на дворе, прямо в сердце, то будет очевидно, что персы говорят неправду». Он натянул лук, и мальчик упал мертвым. Царь приказал вскрыть его тело, и действительно нашли стрелу, пронзившую сердце. «Итак, Прексасп, — воскликнул торжествующий Камбиз, — будут ли персы и теперь утверждать, что я не владею собой? Знаешь ли ты хоть одного человека в мире, который стрелял бы так хорошо, как и я?» Прексасп видя, что царь не в здравом уме и опасаясь за собственную жизнь, отвечал: «Я полагаю, царь, что сами боги не могут стрелять лучше».

В другой раз царь без достаточной причины велел арестовать двенадцать знатнейших персов и закопать их в землю головами вниз.

При виде такого поведения Крез счел своим долгом образумить Камбиза и обратился к нему с такими сло-

вами: «Не следуй во всем увлечению молодости и сердца, но умеряй и сдерживай себя. Ты казнишь своих граждан без достаточных оснований. Берегись, как бы персы не взбунтовались против тебя. Отец твой настойчиво наказывал наставлять тебя и давать тебе благие советы». Камбиз в гневе пустил стрелу в Креза, и тот едва успел отклониться. Тогда царь велел своим слугам убить его. Но те, зная непостоянный нрав царя, скрыли Креза, и, когда на следующий день Камбизу захотелось беседовать с Крезом, слуги, заметивши это, доложили, что тот жив. Хотя это и очень обрадовало деспота, но все-таки он приказал казнить ослушавшихся слуг.

После трехлетнего пребывания в Египте Камбиз решил возвратиться в Сузы, оставив в Египте персидский гарнизон. В Сирии он узнал, что по всем областям разосланы вестники, которые провозглашают царем Смердиса. Угадывая обман, Камбиз вскочил на лошадь, чтобы поспешить в Сузы. Но тут у него выпал из ножен меч и конец его воткнулся ему в бок и прошел до кости. У него сделался антонов огонь. На смертном одре Камбиз просил собравшихся вокруг него знатнейших персов не допускать, чтобы верховная власть снова перешла в руки мидян. Он убеждал, чтобы всякого, кто будет выдавать себя за брата Смердиса, наказывали как обманщика, ибо настоящий Смердис, увы, давно уже убит по его приказанию. Камбиз умер, не оставив после себя детей.

Лже-Смердис был мидийским магом Гауматой, братом мага Патизефа.

Он имел цель восстановить мидийское владычество. Знатные персы сначала держали себя спокойно, так как недоверчиво относились к последним словам Камбиза, полагая, что он распустил слух о смерти брата из зависти к нему. К тому же и Прексасп после смерти Камбиза из страха наказания отрицал справедливость этого слуха. Маги старались щедрыми обещаниями склонить Прексаспа на свою сторону и убедить его всенародно подтвердить, что Смердис жив. Это должно было рассеять сомнения, которые уже начинали проявляться, так как все приказания стали исходить через магов из царского гарема и никто не допускался лицезреть царя. Наконец, шесть главных персидских предводителей собрались на совет, обдумывая, каким образом узнать правду. Если мнимый Смердис был братом Патизефа, то его легко можно было узнать, так как он не имел ушей, которые еще Кир приказал ему отрезать за какой-то проступок. Случилось, что в числе его жен была дочь одного из этих предводителей, которая на вопрос отца сообщила, что у царя Смердиса совсем нет ушей. В то время как шестеро предводителей совещались, как наказать обманщика, в Сузы прибыл Дарий, сын наместника Персиды Гистаспа, молодой и отважный перс из племени Ахеменидов, к которому принадлежал и Кир. Они тотчас приняли Дария в союзники и отправились, вооруженные, под его предводительством в царский дворец. Стража беспрепятственно пропустила их во двор ввиду их высокого положения. Здесь

они встретили сопротивление со стороны слуг, но после непродолжительной схватки одолели их и ворвались в комнату царя. Тут они нашли обоих братьев-магов, убили их, показали их головы персам и рассказали все дело. Народ в это время уже узнал все от Прексаспа, который подтвердил смерть Смердиса и затем бросился с башни. Персы пришли в такую ярость, что перебили всех попавшихся им в руки магов.

7. Дарий, сын Гистаспа (521 — 485 гг. до н. э.)

Для государства было необыкновенным счастьем, что все предводители хотя и не единогласно, но все-таки согласились последовать лучшему совету насчет выбора формы государственного правления. Было сделано несколько предложений. Одни желали ввести олигархию, другие демократию. Однако Дарий настоял на сохранении монархии. Старший из предводителей, Отан, добровольно отказался от всех прав на царский престол. Остальные, признав благородство такого бескорыстного решения, условились между собой, что тот из них, кто станет царем, должен предоставить Отану и его потомкам независимость и каждый год награждать его дорогим подарком. Царскую власть должен был получить тот, чья лошадь первой заржет на общей прогулке. Счастье высказалось за Дария.

Для большего утверждения своей власти новый царь счел полезным взять себе в жены двух дочерей Кира, одну Смердиса и одну Отана.

Твердостью и силой духа Дарий умел укрощать гордость и самонадеянность вельмож, когда они осмеливались нарушать законы и его приказания. Однажды Интаферн — один из шести, имевших право входить к царю без доклада, пожелал воспользоваться этим правом, когда царь находился в женских покоях, в которых даже эти шестеро не могли беспокоить царя. Когда стражи, найдя его у дверей, не хотели пропустить Интаферна, он обнажил свой меч и отрубил им нос и уши. Извещенный о таком наглом поступке, Дарий сначала опасался, не было ли это сделано с общего согласия шестерых и не замыслили ли они возмущения. Он начал выспрашивать по этому поводу каждого из них отдельно. Узнав, что Интаферн действовал без их ведома, он приказал взять его со всеми сыновьями и родственниками под стражу и предать смертной казни. Дарий имел сильное подозрение, что Интаферн со своими приверженцами намеревался восстать против него.

Не менее осторожно и строго поступил Дарий с Оретом. Назначенный еще Киром наместником Лидии, тот во время восстания магов добивался самостоятельной власти и распространял свое наместничество на Фригию и Ионию. Когда Дарий вступил на престол, Орет выказал такую заносчивость, что приказал убить царского посла за то, что тот принес ему неприятное повеление. Дарий не отважился немедленно наказать Орета, так как тот имел у себя на службе 1000 персов-копьеносцев. Дарий послал в Лидию знатного перса, который по-

старался подчинить своему влиянию копьеносцев. Когда копьеносцы стали исполнять все приказания посла, даваемые от имени царя, и даже не захотели более служить Орету, посол предъявил письмо Дария, в котором им предписывалось умертвить Орета. Копьеносцы немедленно выхватили мечи и убили сатрапа. Таким образом Дарий вновь подчинил Лидию, Фригию и Ионию.

Несравненно опаснее этого возмущения было восстание вавилонян. Еще во время слабого правления магов они приготовились к отпадению от персов, в изобилии снабдили город припасами и для того, чтобы их хватило на более продолжительное время, удавили всех излишних женщин. Когда они решительно отказались платить персам дань, Дарий сам выступил во главе войска и осадил Вавилон. Но жители за своими чудовищными стенами насмехались над всеми приступами. Двадцать месяцев длилась безуспешная осада города. Постыдное отступление и потеря важной области казались неизбежными.

В такой обстановке сын одного из предводителей, молодой перс по имени Зопир решился на невероятное самопожертвование. Он обрезал себе нос и уши, обрил голову, как рабу, и дал себя висеть до крови бичами. В таком изувеченном виде явился он к царю, который в испуге вскочил и спросил, кто его так изуродовал. «Я сам, — отвечал Зопир, — из любви к тебе, потому что этим надеюсь завоевать для тебя город. Истекая кровью, я хочу пойти в город и представить, что это ты меня так обесчес-

тил за то, что я подал совет снять осаду города. Я буду грозить тебе страшным мщением и выкажу такую ненависть к тебе, что никто не заподозрит хитрости. Мне поручат отряд, и я сделаю с ним несколько счастливых вылазок. На десятый день пошли против меня тысячу худших твоих воинов, и я разобью их; семь дней спустя — две тысячи, а в двадцать четвертый день — четыре тысячи. Когда вавилоняне увидят меня три раза победителем, то, вероятно, вверят мне все войско и город, а об остальном предоставь уж мне позаботиться».

Зопир пришел к городским воротам. Его лжи поверили, и он действительно так хорошо сыграл свою роль, что возбудил сожаление и негодование в вавилонянах тем более, что имя его и высокое происхождение им были хорошо известны. Ему был доверен отдельный отряд, и он разбил с ним сначала 1000, потом 2000 и, наконец, 4000 персов. Затем его назначили военачальником и защитником города. После этого ему легко было впустить персов в ворота в то время, когда жители сражались с шедшим на приступ неприятелем. Таким образом Вавилон был взят.

Дарий не остался неблагодарным к заслуге Зопира. Он не только сделал его сатрапом в Вавилоне, но и подарил ему на всю жизнь царские доходы с этой обширной области. Но еще более чести принесли ему его слова, что он лучше хотел бы видеть Зопира неизуродованным, чем взять еще двадцать таких городов, как Вавилон. Мятежный город подвергся страшно-

му наказанию. Часть его крепких стен была скрыта, ворота были разрушены и 3000 знатнейших жителей распяты на кресте.

Другое внешнее предприятие Дария было следствием его личного великодушия. Один знакомый грек с острова Самос, Силосон, во время завоевания Камбизом Египта отправился туда в числе многих эллинов, которые стремились в Египет частью для торговли, частью для военной службы, а также из любопытства — посмотреть страну. Случайно он встретил на рынке в Мемфисе Дария, служившего в числе телохранителей Камбиза. Дарий пожелал купить у Силосона его красивый красный плащ, но Силосон отдал ему плащ даром, сказав: «Я его не продаю, но если ты желаешь иметь, то я дарю его тебе».

Когда Силосон узнал о неожиданном возвышении молодого перса, то задумал извлечь из этого пользу. Он прибыл в Сузы, сел у входа в царский дворец и объявил спросившим его стражам, что он благодетель царя. Допущенный к Дарию, он напомнил ему о подаренном на мемфисском рынке красном плаще. «Да, честный человек, — воскликнул Дарий, — я узнаю тебя теперь. Ты сделал мне добро, когда я находился в ничтожестве; теперь тебе не придется раскаиваться в том, что оказал услугу сыну Гистаспа».

Дарий хотел дать ему много серебра и золота, но Силосон отказался от подарков и сказал: «Если ты желаешь вознаградить меня, царь, то освободи мое отечество — Самос, которое с тех пор, как постыдно убит мой брат Поликрат, находится во власти одного из

наших рабов. Сделай для меня это, но без пролития крови и не лишая никого свободы».

Дарий согласился на эту просьбу и послал Силосона с вооруженным флотом под предводительством своего верного Отана в Самос. Вопреки желанию добросердечности Силосона, город пришлось завоевать мечом, притом только после того, как большая часть жителей была перебита; остальные покорились своему новому повелителю.

После взятия Вавилона были покорены и остальные восставшие провинции: Сузиана, Мидия, Армения, Парфия и Гиркания. В самой Персии было подавлено возмущение второго Лже-Смердиса (перса Вахъяздата).

Все эти события утвердили положение царя и только что приобретенного персами могущества. Теперь Дарию следовало предпринять что-нибудь для расширения своих владений. Геродот передает нам следующие слова царицы Атоссы, обращенные к супругу: «Царь, твоя власть так велика, а ты сидишь смирно и не увеличиваешь могущества персов. Тебе, человеку еще молодому и обладающему богатыми сокровищами; следует отличиться каким-нибудь геройским подвигом и тем показать персам, что ими управляет храбрый муж. Заставив персов воевать, ты лишишь их возможности на досуге опять составлять против тебя заговоры. Ты должен сделать это теперь, пока молод. Потому что когда укрепляется тело, то вместе с ним укрепляется и душа; когда же оно становится дряхлым и ни на что уже не годным, то и душа

вместе с ним стареет». Дарий отвечал ей, что он уже сам думал об этом и желает предпринять поход против скифов.

По свидетельству Геродота, Скифия простиралась от устьев Истра (Дуная) до истоков Танаиса (Дона), а на северо-западе — до Карпатских гор. Занятия скифов, которые сами себя называли сколотами, соответствовали условиям занимаемой ими местности. Племена, жившие ближе к Черному морю, занимались земледелием, имели постоянные жилища и вели торговлю хлебом. Народы, населявшие внутренние области страны, были кочевники, то есть пастухи. Они не сеяли, не жали, не имели постоянных жилищ, а кочевали по степям. На восточной границе обитали царские скифы, которые были господствующим племенем, управлялись наследственными царями и считали остальных скифов рабами.

Кроме скифов, Геродот называет еще много различных племен: андрофаги (людоеды), меланхлены (черные плащи). К востоку от Танаиса жили сарматы, схожие по нравам и языку со скифами. К северу от них помещались будины — многочисленный народ с голубыми глазами и светло-русыми волосами, совершенно отличные от скифов по обычаю и образу жизни.

Далее к северу живут два звероловных народа: ирки и тиссагеты. На самом краю известных стран поселились агриппей, похожие на скифов одеждой, но совершенно отличающиеся от них языком. Геродот изображает их с приплюснутыми носами и развитыми

челюстями, живут они в войлочных палатках и кочуют со своими стадами, питаются молоком. По описанию в агриппеях можно признать калмыков, принадлежащих к монгольской расе. На Верхнем Гипанисе (Буг) обитали алазоны и невры, а на запад от них — агатирсы, которые носили золотые украшения и имели общих жен. Геродот заключает свое повествование следующими замечательными словами: «Здесь находится граница известных земель и народов, так как до сих только мест доходят скифские караваны из греческих торговых городов. Далее возвышаются страшные, непроходимые горы. Но агриппеи утверждают, что там живут люди с козьими ногами, а еще далее за ними другие люди, которые спят шесть месяцев в году». Без сомнения, в этом следует видеть намек на продолжительные ночи на Крайнем Севере.

Геродот изображает скифов воинственным, способным, диким народом. В каждом поселении они воздвигали особые святилища богу войны. Из связок хвороста громоздили высокую гору, с трех сторон отлогую, а с четвертой — крутую; наверху устраивали четырехугольную ровную площадку. Здесь ставили древний железный меч, которому ежегодно приносили жертвы как священному изображению бога войны.

Из всех захваченных в плен врагов сотового скифы приносили в жертву богам. Когда скиф убивал первого врага, то пил его кровь, а головы всех убитых им в сражении приносил царю, ибо тот только получал часть добычи, кто приносил голову врага. С этих го-

лов сдирали кожу, выделывали ее и привязывали в виде украшений к поводьям лошадей. Из голов самых заклятых врагов, даже своих родственников, если те вступали с ними во вражду, они делали сосуды для питья, которые у богатых скифов были внутри вызолочены. Раз в год старшина селения prepares вино, которое пьют лишь те скифы, которые убили врагов, хотя бы одного; кто не мог этим похвастаться, не вкушал этого вина и постыдно сидел в стороне. Кто убил многих врагов, пил из двух чаш.

Подобный же дикий нрав обнаруживают и обряды, с которыми скифы заключают союзы и погребают своих царей. При заключении союза они наливали вино в глиняную чашу, надрезали себе кожу и примешивали к вину свою кровь, затем каждый из союзников погружал в чашу свое оружие и после этого, произнося длинные молитвы, все пили из этой чаши.

Когда умирал их царь, тело его бальзамировали, а снаружи покрывали воском. Потом тело возили по всем подвластным племенам, и все, кого посещал царский труп, должны были брить себе голову, раздирать лоб и нос и пронзать левую руку стрелой. После такого объезда предавали тело царя земле и вместе с ним погребали, предварительно задушив, одну из его жен, виночерпия, повара, конюшего и других слуг. По истечении года убивали еще пятьдесят лучших слуг и столько же отборных лошадей. Затем чучела, сделанные из этих слуг, сажались верхом на чучела убитых лошадей, и из них расставлялся на царской могиле круг всадников.

Вот против такого народа предпринимался поход, который нравился далеко не всем персам. Так, брат царя Артабан, указывая Дарию на бедность скифов, не советовал идти на них войной.

Один из знатных персов, Ойобаз, имевший трех сыновей, попросил Дария оставить одного из них дома. Царь со злой усмешкой ответил, что оставит ему всех троих — и приказал убить их.

Один самосский грек построил мост через Босфор, и Дарий перевел в Европу огромное войско, состоявшее из 700 000 человек. Отсюда он пошел по западному берегу Черного моря через Фракию. У Теарского источника царь приказал поставить столб со следующей надписью: «Теарский источник дает лучшую и прекраснейшую воду, и его достиг на походе своем против скифов лучший и прекраснейший из всех людей Дарий, сын Гистаспа, — царь персов и всей земли».

Наконец Дарий достиг реки Истр. Здесь его ожидали ионийские и другие эллины, которые по его приказанию приплыли к устью Истра Черным морем. Там, где река разделяется на несколько рукавов, они построили мост на судах. Переправясь по этому мосту со всем персидским войском, Дарий приказал ионийцам разрушить мост и следовать за ним в полном составе. Но по совету митиленского предводителя Кеса обезопасить себя на всякий случай путь к отступлению он оставил на этом месте греческое войско. Отправляясь дальше, он дал грекам ремень с шестьюдесятью узлами и приказал каждый день развя-

зывать по узлу и до тех пор не возвращаться в свое отечество, пока не будут развязаны все узлы.

Затем Дарий продолжил поход на скифов. Скифы, не рискуя вступать с ним в открытые сражения, избрали верное средство погубить персов. Они отступали перед персами по двум направлениям, опустошая и уничтожая за собою все. Преследуя их, персы дошли до Танаиса, перейдя его, вступили в землю сарматов и будинов и наконец очутились в пустынной степи.

С большими лишениями прошел Дарий земли меланхленов, андрофагов и других народов, но неприятель ни разу не вступал с ним в открытый бой. Напрасно требовал он от скифов или сразиться с ним, или прислать ему земли и воды в знак покорности. Взамен этого они прислали ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Дарий объяснил эти дары как знаки покорности, ибо, по его мнению, мышь значила, что они отдают ему землю, лягушка — воду, птица — лошадь, а стрелы — их искусство. Но его савновник Гобриас дал другое толкование, сказав, что скифы своими дарами желали объяснить: «Если вы не превратитесь в птиц, летающих по воздуху, или в мышей, ползающих по земле, или в лягушек, прыгающих по болотам, то не вернетесь домой, а все погибнете от наших стрел».

И действительно, скифы приняли меры, чтобы отступление персов стало невозможным. Лучше зная дороги, они опередили Дария и явились к стоявшим у моста через реку грекам. «Сломайте мост, — обратились они к ним, — возвращайтесь домой, так

как шестьдесят дней уже прошло, и отложитесь от Дария. А мы постараемся, чтобы у него не осталось ни одного воина».

Это предложение показалось грекам весьма соблазнительным. В особенности афинянин Мильтиад, бывший одновременно властителем в Херсонесе Фракийском, советовал воспользоваться этим обстоятельством и, способствуя гибели персидского войска, освободить от власти персов Ионию. Но Гистией из Милета не соглашался с ним и доказывал, что все они властвуют в своих городах лишь под защитой персидского могущества и как только могущество персов будет уничтожено, эти города немедленно введут у себя прежнее народное правление. Этот довод убедил предводителей отвергнуть мнение Мильтиада и остаться верными царю. Греки только разрушили северную часть моста, чтобы скифы не уничтожили весь мост.

Скифы вновь пошли навстречу Дарию, но разошлись с ним, благодаря чему он достиг моста и перешел Истр. Сам царь отправился обратно в Азию, а в Европе оставил Мегабаза с 80-тысячным войском для покорения южной Фракии.

Фракия была населена многими воинственными племенами, которым, однако, не хватало единства и внутреннего согласия, чтобы быть непобедимыми. Мегабаз покорил их, а также острова Лемнос и Имброс. Персидское государство расширило свои границы и на восток, потому что Дарию с помощью карийского мореплавателя Скилакса удалось подчи-

нить своей власти страны, расположенные по Инду. Но когда персы попытались распространить свои владения и на запад, то они столкнулись с греками, и войны с ними заставили персидских царей больше думать о сохранении своей монархии, чем о ее расширении.

В благодарность за все свои победы Дарий воздвиг памятник в мидийской области Багистане (земля богов). На обращенной к востоку отвесной скале, над бьющим из скалы ключом он приказал вырубить ровную площадку и высечь на ней барельеф. Барельеф изображает фигуру самого царя, которая выше остальных фигур. Одежда на нем ниспадает спереди до колен, а сзади до икр; на руке браслет, волосы длинные и тщательно завитая борода. Правой ногой царь попирает распростертого на земле человека. Перед Дарием с веревкой нашее стоят один за другим в различном одеянии девять царей с обнаженными головами и связанными за спиной руками; только на одном очень высокая, остроконечная шапка. Над серединой всей этой группы парит бог Ормузд с длинными волосами и бородой, строгим лицом, в крылатом кольце. Подпись под этим изображением гласит: «Что я совершил, совершил по милости Ормузда, потому что я не был злонамерен, потому что я не был лжецом и надменен. Ты, который будешь после меня царем, остерегайся лжи. Не уничтожай этой доски, ибо иначе Ормузд может убить тебя, а род твой свести в могилу, и то, что ты совершишь, Ормузд может уничтожить».

8. Государственное устройство

Обширность Персидской монархии и неоднородность ее населения вследствие того, что Дарий оставлял неприкосновенными обычаи, права и религии покоренных народов, привело к особому роду управления, а именно — к назначению наместников в отдельных провинциях. Эти наместники назывались сатрапами, а управляемые ими области — сатрапиями. Такое разделение существовало еще при Кире и Камбизе, но только при Дарии оно получило прочное и правильное устройство. Около 515 года до н. э. он разделил всю монархию на двадцать сатрапий. Например, Малая Азия состояла из четырех сатрапий с главными городами: Милетом, Сардами, Даскилием и Тарсом; Египет был шестой сатрапией с главным городом Мемфисом; Ассирия и Вавилония составляли вместе девятую с главным городом Вавилоном; десятая сатрапия заключала в себе Мидию, а двадцатая — индийские племена на правом берегу Инда. Сатрап был высшим гражданским должностным лицом в своей области. Он должен был заботиться о благосостоянии своей области, надзирать за торговлей, денежными оборотами, путями сообщения, гаванями, каналами и плотинами и имел право чеканить серебряную монету. Вместе с тем он был высшим судьей и имел право над жизнью и смертью жителей. В особенности он обязан был заботиться о распределении налогов и натуральных повинностей между отдельными округами и

городами, равно как и о сборе и доставлении их царю. Одна только родовая область — Персида была освобождена от всех податей и лишь обязана во время приезда туда царя подносить ему дары, состоявшие из местных продуктов: молока, меда, фиников и т.п. Но чтобы иметь противовес такой почти неограниченной власти, Дарий отделил от нее военную область и сосредоточил ее в руках особого должностного лица — военачальника. Он был начальником гарнизонов в укрепленных местах области. Самые значительные гарнизоны были расположены в Сардах, Мемфисе, Вавилоне и Экбатане.

При каждом сатрапе для надзора находился царский писец. Он получал приказания непосредственно от царя и передавал их двум главным должностным лицам; вместе с тем он же доносил царю о всех происшествиях. Подобное устройство было способно если не вполне сделать невозможной, то, по крайней мере, сильно затруднить всякую попытку сатрапа или военачальника превзойти свои полномочия или подготовить восстание.

Для обеспечения быстрого исполнения царских повелений при такой обширности государства были устроены быстрые сообщения между местопребыванием центральной власти и отдаленнейшими местностями монархии. С этой целью Дарий перенес столицу своего государства в Сузы. Этот город находился поблизости от родовой области Персиды и недалеко от Вавилона. От Суз были по всем направлениям проведены большие дороги. Одной из таких дорог была доро-

га от Суз через Сарды в Эфес. На станциях на расстоянии около трех миль одна от другой находились лошади и всадники, единственной обязанностью которых было возможно быстро доставлять царские депеши. Эти курьеры должны были проделывать дорогу из Суз в Сарды не более чем за шесть дней. Для поддержания безопасности сообщений и для устройства надзора над всеми почтовыми и торговыми сношениями подданных в тех местах, где приходилось преодолевать препятствия, то есть у горных проходов или рек, устраивались караульни и крепости.

Высший надзор за наместниками осуществлял главный надзиратель, который от имени царя производил неожиданные ревизии сатрапий и назывался «царским оком». Если поля были хорошо возделаны, страна густо населена, правосудие хорошо устроено, то сатрап удостаивался похвалы и признательности; если же открывалось противоположное, то он строго наказывался и лишался места. Кроме главного надзирателя, были еще тайные посланцы, настоящие шпионы, называвшиеся «ушами царя». Они нередко недостойным образом злоупотребляли оказываемым доверием и своими доносами губили многих достойных людей. Подготовка из молодого поколения способных должностных лиц и полководцев достигалась тем, что молодые люди знатных фамилий воспитывались частью при самом дворе, частью под руководством сатрапов в их местопребываниях. Благородные юноши занимались верховой ездой, стрельбой из лука, ме-

танием копий, приучались к воздержанности, правдивости, храбрости. В соответствии с учением Заратустры они проникались религиозным чувством. Все это имело благотворное влияние и на остальные классы населения. Простота, самообладание и воинственный дух были отличительными добродетелями персов в лучшие времена царствования Кира, Камбиза и Дария. Со свойственной им гордостью персы предпочитали служить в качестве воинов и получать награды от своего государя, чем заниматься торговлей. Значительная часть персов находилась в рядах постоянной армии; остальные, следуя древнему обычаю, занимались скотоводством или возделывали поля. Они крепко придерживались древнеперсидской одежды — узкого и короткого кожаного платья, верхняя одежда доходит до середины колен, а на голове — низкая повязка. Вместе с одеждой и образом жизни своих предков они остались верны их обычаям и религии. Перс считал постыдным нарушить свое слово, пренебрегать родителями, лгать, потворствовать, проявлять алчность. В верховой езде и в стрельбе из лука персы проявляли большое искусство, в походах — выносливость, в боях — мужество и презрение к смерти.

Царь, управлявший из дворца, неограниченный владыка земли и людей, всеми считался высшей и священной особой, земным олицетворением бога Ормузда. Слуга ежедневно будил царя словами: «О царь! Вставай и обдумай дела, которые Ормузд передал тебе на усмотрение». Всякий, кто приближался к царю, должен был

падать ниц, и никто не смел являться перед ним без приношений. Только шесть родовых старейшин имели право входить к нему без доклада. Родственники и сотрапезники, ближе всего стоявшие к царю, входя к нему без доклада, рисковали лишиться за это жизни. Остальные подданные могли проникнуть к нему и лично просить о своих делах с величайшим трудом, пройдя через целую толпу телохранителей и слуг. В качестве советников в духовных и светских делах при нем находились жрецы учения Заратустры, называвшиеся магами. Они не только отправляли богослужение, но занимали и судейские должности. Бесчисленное множество других лиц служили для блеска его двора или для удовлетворения разнообразных ежедневных потребностей его внешней жизни. В отряде телохранителей были 2000 отборных персидских всадников, 2000 пеших копьеносцев и отряд войск из 10 000 пехотинцев, которых греки называли «бессмертными», так как они содержались всегда в полном составе. Большая часть постоянного войска была рассеяна по границам разных областей. Весьма значительно было число царских наложниц. При преемниках Дария их число доходило до 360. Это способствовало всевозможного рода интригам. Влияние гарема с каждым годом становилось могущественнее, нередко в нем решались судьбы государства и в особенности вопрос о престолонаследии. Дальнейшая распушен-

ность нравов привела к тому, что не только царь, но и его сановники брали с собой в походы всех своих жен и слуг. Когда, например, Александр Великий одержал победу при Иссе, он взял в плен 300 женщин, 277 поваров, 13 изготовителей молочных кушаний, 17 изготовителей напитков, 70 служащих при погребях, 40 изготовителей благовонных мазей и 46 плетельщиков венков.

Резиденциями царя были Экбатана, Сузы, Вавилон; в них он жил попеременно, в зависимости от времени года. Жаркое лето он проводил в прохладной Экбатане, зиму же проводил в Сузах и Вавилоне, где был более теплый климат. Четвертым важным городом был Персеполь; только в нем погребали царей. Город этот находился в Персиде, откуда происходил весь царский род и которую персы всегда считали своим истинным отечеством. Только в ее земле мог достойно покоиться прах царя. Могила нередко высекалась в непроходимых каменных утесах. Туда вместе с прахом царя помещали все необходимое для живого человека, даже принадлежавшие покойнику вещи из золота и серебра, для охраны которых назначалась многочисленная стража. Развалины Персеполя, этой царской усыпальницы, с ее мраморными лестницами, террасами, роскошными залами и каменными гробницами принадлежат к величайшим остаткам древнего мира и содержат множество барельефов и надписей.

ГРЕКИ

---

1. Начало греческих государств

Начало греческой истории скрывается во мраке сказочных преданий. Результаты исследований показывают, что обитатели Греции являлись арийскими (индоевропейскими) племенами и переселились в Европу из Азии. Первыми упоминаются пеласги и эллины. Пеласги — мирные земледельцы и скотоводы, они жили в основном на плодородных равнинах Фессалии и Арголиды. Их богослужение было просто, без идолов и храмов. Главным их божеством был Зевс, а главнейшим городом его поклонения Додона с древним оракулом, жрецы которого выводили свои предсказания из шелеста листьев священного дуба или из журчания протекавшего там ручья. Этим древнейшим жителям Балканского полуострова приписывают сооружение колоссальных построек из исполинских каменных глыб, так называемых

«циклопических» построек. В окрестностях Микен немецкий археолог Шлиман в 1876 и 1877 годах обнаружил множество могил, в которых находилось оружие, инструменты, сосуды, золотые украшения и плиты с барельефами. Все это принадлежало, очевидно, еще к доэллинскому периоду искусства.

Эллины, напротив, отличались от пеласгов воинственной предприимчивостью и подвижностью. Благодаря этим качествам они возвысились до положения господствующего племени, и еще до окончания дорических расселений название «эллины» вошло во всеобщее употребление как общее, собирательное для всего народа. У Гомера греки, осаждавшие Трою, называются аргивянами, ахейцами или данайцами.

Эллины по наречиям и обычаям разделялись на четыре племени: эолийцы, дорийцы, ахейцы и ионийцы. Эолийцы обитали преимущественно в южной Фессалии, дорийцы — в на-

званной по их имени области Дориде, ахейцы — в Арголиде, Лаконии и Элиде, и ионийцы — в Аттике и Мегаре (до Истмийского перешейка) и на соседних островах. По преданию, свидетельствующему о связи греческой культуры с восточной, в особенности с финикийской и египетской, к этим первоначальным жителям присоединились многие переселенцы.

Так, в 1550 году до н. э. из Саиса, в Нижнем Египте, переселился в Аттику Кекропс. Он был принят тамошним царем и женился на его дочери. Кекропс привел в порядок богослужение, установил браки и судилища, среди которых находился и знаменитый впоследствии ареопаг, и построил названную по его имени крепость Кекропию. Таким образом, он положил первое основание гражданского устройства и безопасности будущего афинского государства, чем и заслужил название основателя его. Девятому из числа его преемников, Тезею, как о том будет рассказано ниже, удалось еще более сплотить население этого государства и тем самым возвысить его могущество.

Из Финикии в Беотию прибыл Кадм. Он принес с собою письмена, научил обработке руды и другим ремеслам, ввел новое богослужение и основал город Кадмею, на месте которого четвертый из его преемников, Амфион, построил впоследствии город Фивы и переименовал Кадмею в Фивы. Судьбы следовавших за ним правителей Фив послужили впоследствии трагическим поэтам темами для самых разнообразных про-

изведений и повели к многочисленным войнам.

В Аргосе поселился Данай из Хеммиса в Египте и положил там начало новой династии. Этот Данай выдал замуж пятьдесят своих дочерей Данаид за сыновей своего брата Египта. Но так как оракул предсказал ему, что один из них лишит его престола и жизни, то он приказал всем своим дочерям умертвить мужей в одну ночь. Они исполнили это приказание; только одна из них — Гипермнестра пощадила своего мужа Линкея. За такое преступление Данаиды приговорены были нести наказание в загробном мире: бесконечно носить воду в бездонную бочку. Подобно многим другим мифам, этот миф олицетворяет определенное явление природы: Данаиды, вечно наполняющие водой бездонную бочку, — это ежегодно высыхающие реки и ручьи сухой Аргосской области.

Преемники Даная впоследствии основали три государства: в Аргосе, Тиринфе и Микенах. Более поздним переселенцем из Фригии был сын Тантала — Пелопс, от его имени произошло название Пелопоннеса. Его преемники владели тремя областями Пелопоннеса: Элидой, Арголидой и Лаконикой и дали этим древним государствам особых правителей.

Судьба Пелопидов необыкновенно трагична. Уже между двумя сыновьями Пелопа, Атреем и Фиестом, господствовала непримиримая вражда, проявившаяся в ужасных злодеяниях. Однажды Атрей сделал вид, что желает примириться с Фиестом и при-

гласил его к себе на пир. Тот, ничего не подозревая, пришел в дом к Атрею, а Атрей зарезал его сыновей и накопировал отца их мясом. Третий сын Фиеста Эгисф за это убил Атрея. Сыновья Атрея, Агамемнон и Менелай, бежали в Спарту.

2. Героический период греческой истории

Героический период включает в себе мифы о героях. Герои — это полубожественные существа, стоящие на промежуточной ступени между богами и людьми. Чаще всего один из родителей героя был какой-нибудь бог.

а) Главные герои и их подвиги

Геракл, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, был национальным героем дорийцев. Его всю жизнь преследовала ревнивая жена Зевса Гера. Будучи еще младенцем, он задушил двух змей, положенных ему в колыбель Герой. Достигнув юношеского возраста, Геракл в нерешительности остановился на жизненном распутье. Тогда предстали перед ним две женщины: Арета (добродетель), скромная и простодушная, и Какия (порок), бесстыдная и сладострастная. Каждая из них старалась склонить его идти по ее дороге; он последовал за первой. Когда он вполне возмужал, то любимейшими занятиями его сделались охота и война. По приказанию микенского царя Эврисфея Геракл совершил двенадцать подвигов. Из числа их особенно примечательны битва с немейским львом, которого он за-

душил и с тех пор стал носить на плечах львиную шкуру; битва с лернейской гидрой, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые. Затем он в один день очистил Авгиевы конюшни, вмещавшие в себе три тысячи быков; потом завладел поясом Ипполиты, царицы мужеподобных амазонок, и вывел из подземного царства адскую собаку Цербера. Из других походов Геракла можно упомянуть битву его с ливийским великаном Антеем, получавшим при каждом соприкосновении с матерью-землей новую силу; Геракл приподнял его и задушил. Далее следует комическая битва с карликами-пигмеями, напавшими на героя во время сна; он собрал их в свою львиную шкуру и отнес в Микены.

Но и Геракл подвергся гонению рока. Он влюбился в прекрасную Иолу и этим возбудил ревность в своей супруге Деянире. Деянира послала ему праздничную одежду, пропитанную ядом. Лишь только Геракл надел ее, как яд проник в его тело. Мучимый жестокой болью, он старался сорвать с себя одежду и вместе с нею вырвал кусок мяса. В отчаянии Геракл воздвиг костер, чтобы в его пламени окончить свои страдания, но был внезапно подхвачен облаком, на котором, управляя четверкой лошадей, пронеслась Афина-Паллада, и вознесен на Олимп. Там он получил бессмертие и женился на богине вечной юности Гебе.

Тезей, сын царя Эгея в Аттике, был национальным героем ионийцев, в особенности афинян, считавших его творцом их политической самостоя-

тельности. Уроженец Трезена, он очистил дорогу в Афины от разбойников и чудовищ. Прежде всего он убил сосноsgибателя Синида, который соединял две сосны вершинами, привязывал к ним ногами путешественников и таким образом разрывал их на части. Потом уничтожил Прокруста-вытягивателя, названного так за то, что он малорослых вытягивал на своей длинной кровати, высоких же укладывал на короткую и обрубал им ноги. Но величайшую заслугу Тезей получил из-за того, что освободил Афины от постыдной человеческой дани. Каждые семь лет по приказанию критского царя Миноса афиняне должны были посылать семь юношей и семь девушек в жертву чудовищу Минотавру, которое жило в Лабиринте, построенном знаменитым мастером Дедалом.

В третий раз наступило время платить эту ненавистную дань. Отцы и матери рыдали, юноши и девушки воплями оглашали город, и жребий должен был решить, кому из них суждено быть принесенным в жертву. Тогда выступил вперед Тезей и предложил себя добровольно в число четырнадцати молодых людей, надеясь освободить при этом свою родину навсегда от этой дани. Он приказал кормчему вместе с черным парусом, поднимаемым в знак безнадежного траура, взять на корабль и белый парус, чтобы при возвращении поднять его в знак полного освобождения. Когда Тезей прибыл на остров Крит, то влюбившаяся в него дочь Миноса, Ариадна, дала ему клубок, при помощи которого он должен был выбраться из

Лабиринта после того, как убьет Минотавра. Тезей уничтожил это чудовище и таким образом прекратил позорную дань.

Приближаясь на своем корабле к Аттике, Тезей забыл приказать кормчему поднять белый парус. Его отец Эгей, с беспокойством ожидавший возвращения сына, едва заметил вдали черный парус, бросился со скалы в море. У остальных граждан, охваченных на мгновение тем же скорбным чувством, страх сменился восторгом с прибытием Тезея. Герой был встречен громкими радостными восклицаниями и, как избавитель от дани, был единодушно и единогласно провозглашен царем. Корабль, на котором Тезей совершил свою поездку, ежегодно украшали по-праздничному и посылали на остров Делос в честь Аполлона.

Но Тезей задумал совершить еще более великое благодеяние — произвести в своем отечественном законодательстве важные перемены.

Уже Кекропс разделил Аттику на двенадцать небольших областей, постепенно сделавшихся независимыми и часто находившихся между собой, вместо взаимных мирных и дружеских отношений, в ссоре и вражде. Из-за этого власть общего главы государства являлась крайне ограниченной. Для пресечения этого зла Тезей посетил все отдельные области, предложил уничтожить существовавшие в них судейские и правительственные должности и учредить один общий для всех суд в главном городе, которым впоследствии стали Афины. Чтобы вознаградить знатных и силь-

ных, игравших в отдельных областях первенствующую роль, он предоставил им значительное участие в управлении государством, оставив на долю своей царской власти лишь предводительство на войне и наблюдение за исполнением законов.

Предложение это было одобрено, так как опасались выступлений бывшей на стороне Тезея беднейшей части населения, самой ограниченной в своих правах. Так совершилось дело объединения, воспоминание о котором ежегодно отмечалось афинянами торжественным праздником, который назывался «синойкия» (сожительство). Об этом же событии напоминал и другой, справляемый с необыкновенным великолепием, праздник в честь богини Афины, первоначальное название которого «афинеийский» Тезей изменил на «панафинеийский», то есть праздник всех афинян. Сверх того, Тезей заботился об увеличении населения Афин. Для этого он обещал дать права гражданства чужеземцам, которые не замедлили в большом количестве устремиться в Афины.

Для установления правильных взаимных отношений Тезей разделил всех граждан на три основных сословия: эвпатридов (т.е. благородных), занимавших правительственные должности, толковавших законы и наблюдавших за богослужением, земледельцев и ремесленников, не имевших доступа к вышеозначенным должностям.

Такие важные перемены не могли обойтись без многократных волнений, направленных против Тезея. Один из эвпатридов, Менестей, завидуя славе и положению Тезея, старался оз-

лобить знатных граждан, которые с трудом терпели Тезея за то, что он лишил их прежнего могущества в собственных областях. Менестей подстрекал к бунту и простой люд, внушая ему, что его свобода призрачна, что Тезей погубил отечество, лишив его собственных святынь, и теперь вместо многих царей, законных и добрых, народ подчиняется одному владыке, который к тому же пришелец и чужеземец.

Все это привело к тому, что Тезей потерял любовь и уважение народа. Отправившись на некоторое время из Афин для совершения военных подвигов, при возвращении в Афины он встретил вместо прежней покорности всеобщее сопротивление. Отчаявшись в успехе своего дела, он удалился на остров Скирос, где имел право на отцовское наследство и с царем которого, Ликомедом, находился в дружеских отношениях. Но потому ли, что Ликомед считал Тезея для себя опасным или был в тайных сношениях с Менестеем и его партией, только Тезей нашел в нем не друга, а предателя-врага. Под предлогом осмотра местности Ликомед привел Тезея на высокую скалу и столкнул его вниз. Только после смерти Менестея дети Тезея могли вступить в Афинах в свои наследственные права. Впоследствии афиняне воздали должную справедливость и самому Тезею. Они причислили его к героям своей страны, воздвигли ему храмы и алтари и перенесли его прах в Афины.

Минос был царем Крита, сыном Зевса и Европы, дочери финикийско-

го царя Агенора, которую Зевс похитил, приняв на себя образ быка. Знаменитый афинский мастер Дедал построил на острове Крит царю Миносу Лабиринт. Минос не захотел отпустить Дедала с острова, и тогда Дедал сделал искусственные крылья и улетел с Крита со своим сыном Икаром. Икар упал в море и утонул, Дедал же прилетел в Сицилию. Что касается Миноса, то он за свою мудрость после смерти стал судьей в подземном царстве.

Персей, сын Зевса и Данаи, совершил целый ряд подвигов. Он победил трех страшных крылатых молодых дев — трех Горгон. Сопровождаемый Гермесом и Афиной, он нашел их спящими. Взгляд Горгон обращал в камень всякого смертного, поэтому Персей осторожно приблизился к ним, подступая задом, и с помощью зеркального щита Афины и серповидного ножа, данного ему Гермесом, отрубил Горгоне-Медузе голову и с быстротой молнии спрятал ее в мешок. Остальных двух Горгон он победил благодаря доставленной ему Гермесом шапке-невидимке, делавшей его незримым. Персей почитался в Аргосе.

Диоскуры (т.е. сыновья Зевса) Кастор и Полидевк были особенно чтимы в Спарте. Они совершили множество подвигов в качестве превосходных возничих и в качестве замечательных кулачных бойцов. После гибели Кастора с позволения Зевса неразлучные братья стали жить попеременно то в загробном мире, то на Олимпе.

О фракийском певце Орфее предание рассказывает, что очарованные

его пением, за ним следовали дикие лесные звери, двигались деревья и утесы, а реки останавливали свое течение. Когда его жена Эвридика погибла от укуса змеи, Орфей спустился в подземное царство и так тронул душу владыки Аида, что тот позволил ему вывести Эвридику на землю, но Орфей нарушил приказание не оглядываться назад до тех пор, пока не выйдет из мрака, и Эвридика должна была навсегда вернуться в царство мертвых.

б) Общие предприятия героического периода.

Фиванские войны.

Лабдакиды, или Сказание об Эдипе

В то время как афиняне нашли в Тезее основателя и строителя своего политического устройства, соседнее с ними фиванское государство стало ареной больших волнений, начавшихся со времени вступления на престол царя Эдипа, судьба которого стала излюбленным содержанием для греческих трагедий.

Сущность предания об Эдипе состоит в следующем. Лаий, сын фиванского царя Лабдака, узнал от оракула, что будет убит собственным сыном. Поэтому, когда его жена Иокаста родила сына, он приказал бросить ребенка в лесистом месте на съедение диким зверям. Ребенку прокололи ножки и оставили в лесу. Там его нашли пастухи и принесли коринфскому царю Полибу. Бездетный Полиб усыновил и воспитал мальчика, дав ему имя Эдип, что значит «с опухшими ногами». Однажды насмешки товарищей,

намекавшие на таинственность его происхождения, возбудили в Эдипе сомнения. Он отправился к оракулу спросить о своей судьбе. Оракул посоветовал ему не возвращаться в отечество, потому что в противном случае он убьет своего отца и женится на своей матери. Тогда Эдип не вернулся в Коринф, а пошел по дороге в Фивы. На пути в этот город он встретился в одном ущелье с незнакомцем и, поспорив с ним о том, кто кому должен уступить дорогу, вступил с ним в ссору и убил его. То был отец его Лаий. Затем он освободил Фивы от сфинкса — чудовища, состоявшего наполовину из льва и наполовину из женщины и сбрасывавшего с утеса каждого, кто не мог разгадать его загадку. Загадка гласила: «Кто утром ходит на четырех, днем на двух, а вечером на трех ногах?» Эдип разгадал, что это человек в детстве, в зрелом возрасте и в старости с палкой. В награду Эдип получил руку овдовевшей Иокасты и фиванский престол. От этого брака родилось четверо детей: Этеокл, Полиник, Антигона и Исмена.

Страшная тайна открылась благодаря слепому прорицателю Тиресию. Иокаста лишила себя жизни, а Эдип выколол себе глаза. Шурина его Креонт отрекся от Эдипа, и тот, проклинаемый своими жестокосердыми сыновьями, покинул отечество и, сопровождаемый дочерью Антигоной, нашел успокоение в городе Колоне близ Афин.

Проклятие отца перешло на сыновей. Этеокл и Полиник условились между собой занимать фиванский престол попеременно, каждый в течение

года. Первым занял престол Этеокл и до такой степени пристрастился к власти, что по прошествии года не пожелал оставить трон. Обманутый Полиник удалился к аргосскому царю Адрасту, своему тестю, и просил у него помощи.

Семь вождей выступили со своими отрядами против сильно укрепленных Фив. То были: Полиник, Адраст, Тидей, Амфиарай, Капаней, Иппомедон и Партенопей. Прежде чем оставить Пелопоннес, они учредили в Немейской роде игры, остававшиеся у греков долгое время после этого в большом почете.

Этеокл заперся со своим войском в Фивах, и все семеро вождей, осадившие город, не могли выгнать его оттуда, так как они были сильны лишь в открытом бою, а не в осаде укрепленных мест. Уже много храбрых воинов пало с обеих сторон, а Капаней свалился с лестницы, которую он уже приставил к городской стене, когда Этеокл и Полиник решили кончить свою распрю единоборством. Было выбрано время и место поединка. Братья бросились друг на друга, нанесли один другому смертельные раны и оба испустили дух. По обычаю греков, сжигавших своих покойников, обоих братьев положили на один костер. Взаимная ненависть братьев была настолько безграничной, что самое пламя разделилось, как бы боясь смешать даже их пепел.

Царем стал Креонт, брат Иокасты. Под страхом смерти запретил он хоронить прах Полиника. Но Антигона не могла допустить, чтобы тело ее брата осталось непогребенным, и совер-

шила обряд похорон. За это она была замурована в подземелье, а ее жених Гемон, сын Креонта, лишил себя жизни. Это столкновение двух обязанностей: долга повиновения закону с долгом любви и благочестия, очень трогательно изобразил Софокл в трагедии «Антигона».

Креонт продолжал войну против осаждающих городов. При первой же совершенной им кровопролитной вылазке почти все аргосские предводители пали. Из семи вождей в живых остался только Адраст. Он с такой поспешностью обратился в бегство, что не успел даже совершить обычного жертвоприношения в честь убитых в сражении и сжечь их тела. Фиванцы торжествовали победу. Но семеро вождей оставили после себя сыновей, так называемых Эпигонов, оказавшихся достойными мстителями за своих отцов. Десять лет спустя они вторглись в страну своих врагов. На этот раз фиванцы потерпели поражение и покинули город, который был разграблен. Сын Полиника Терсандр хотя и завладел властью в Фивах, но над фиванским государством беспрерывно тяготело удручающее несчастье во все время, пока им управляли преемники Эдипа.

в) Поход аргонавтов

Одновременно с этими событиями, сопутствовавшими образованию отдельных государств, появились новые движения, бывшие началом того общего стремления в Азию, которое проистекало из сознания идеи единства греческого народа. К ним принадлежит и поход аргонавтов.

Этот поход вообще событие историческое, но подробности его, подобно всем рассказанным выше происшествиям, безмерно изукрашены эпическими и трагическими поэтами, черпавшими в происшествиях того далекого времени содержание для своих произведений.

Пелий, царь фессалийский, получил предостережение оракула против «обутого на одну ногу». Однажды на пиршество, куда он пригласил своих друзей, явился один человек, потерявший при переправе через реку обувь с одной ноги и таким образом оказавшийся действительно обутом на одну ногу. Это был Язон, родственник Пелия, имевший право на фессалийский престол. Чтобы сделать Язона для себя безвредным, Пелий приказал ему предпринять опасный поход в отдаленную Колхиду и похитить там золотое руно у свирепых варваров. Это была шкура золотого барана, на котором некогда фиванский царевич Фрикс и его сестра Гелла, спасаясь от преследований мачехи Ино, переправлялись из Греции в Колхиду. По дороге Гелла упала в море, которое с той поры было названо Геллеспонтом, то есть морем Геллы. А Фрикс достиг Колхиды, барана принес в жертву богам, а шкуру его повесил в священной роще бога Ареса, где она охранялась огнедышащим драконом. Позже Фрикс был убит тамошним царем.

Поход аргонавтов, кроме прочего, имеет значение и для истории кораблестроения. Корабль, на котором отправился Язон, называвшийся «Арго», был необыкновенной, невиданной дотоле величины. На призыв к не-

слыханному еще в Греции путешествию откликнулось множество отборнейших героев: в их числе были и знаменитые братья Кастор и Полидевк из Лакедемона, и Геракл, и Тезей, и непревзойденный певец Орфей. Аргонавты вышли из Иолкского залива в Фессалии, направились сперва к острову Лемнос, оттуда проплыли через Геллеспонт и Пропонтиду; потом отправились через новый пролив, названный Боспором Фракийским, и вошли в Черное море. До этих пор оно называлось Аксинским, то есть негостеприимным, морем, а после того, как аргонавтам удалось благополучно совершить свое путешествие, было переименовано в Эвксинский Понт, то есть «гостеприимное море».

Царем Колхиды был дикий варвар Ээт, предложивший им опасные испытания: запрячь в плуг двух огнедышащих быков, вспахать ими твердое поле, посеять в борозды драконовы зубы, победить одетых в медные доспехи исполинов, которые вырастут из этих зубов, и, наконец, убить самого дракона, стерегущего руно. Но все это не представило Язону особых затруднений, так как его полюбила единственная дочь царя Медея, умевшая колдовать; при помощи ее чар Язон оказался неуязвимым для огня и ударов. Она же дала ему усыпляющий напиток против дракона и волшебный камень. Когда он кинул этот камень в посеянные драконовы зубы, то выросшие из них исполины обратили свой гнев против самих себя и растерзали друг друга.

Язон вместе с Медеей и золотым руном сел на «Арго» и бежал из Кол-

хиды. Ээт пустился за ними в погоню, но Медея, заметив возле устья Истра (Дуная) парус отца, прибежала к отчаянному средству. Она убила и разрезала на куски взятого с собою маленького брата Абсирта, выставила его голову и руки на высокой скале, а остальные части тела разбросала по берегу с целью отвлечь внимание отца и заставить его задержаться, чтобы собрать члены любимого сына.

Язон вернулся с Медеей на родину. Но впоследствии, когда он захотел жениться на дочери коринфского царя — Креузе, его постигло мщение покинутой им Меден. С помощью отравленной одежды и венца она умертвила невесту и убила своих собственных детей, рожденных ею от Язона. После этого она спаслась в Афины на колеснице, запряженной крылатыми драконами.

г) Троянская война

Еще более замечательной, чем поход аргонавтов, и еще более прославленной в поэзии является Троянская война. В ней, как в общенародном предприятии, приняли участие не только отдельные герои, но и все греческие государства. Этот поход был вызван различными взаимными оскорблениями, наносимыми с той и с другой стороны. Еще до возникновения великой Персидской монархии, начавшей впоследствии непримиримую борьбу против Греции, на малоазийском берегу существовало троянское государство, старавшееся не столько распространить свое господство на Европу, сколько войти с нею

в сношения. Уже во время похода аргонавтов Геракл и другие герои успешно сражались с тогдашним царем Трои — Лаомедоном. Причиной новой войны стал дерзкий поступок сына троянского царя Приама Александра, обычно называемого Парисом.

Парис приехал в Пелопоннес, остановился у спартанского царя Менелая и, согласно тогдашнему обычаю, был принят им с необыкновенным радушием. Но Парис очень дурно отплатил за такое гостеприимство. Своей красотой он пленил супругу гостеприимного хозяина, знаменитую Елену, и в свою очередь сам пленился ею. В отсутствие Менелая Парис, захватив большую часть его сокровищ и Елену, уехал в Трою. Вся Греция была возбуждена не столько таким поступком, сколько соединенным с ним оскорблением. Поэтому Менелая удалось привлечь на свою сторону много влиятельных мужей, согласившихся объехать всю Грецию, чтобы пригласить всех царей и царских сыновей для участия в общем походе на Азию. Самыми известными из них были: брат Менелая, микенский царь Агамемнон, Одиссей — царь острова Итаки, лежавшего между областью Акарнанией и островом Кефалонией, и Диомед Аргосский. Одиссей прославился своим хитроумием и красноречием, а Диомед — своей неустрашимостью и силой.

Это предприятие сулило такую богатую добычу и такую выгоду от торговли с Понтом Эвксинским, уже открытым и посещенным аргонавтами, что собрало невиданно большое войско, для перевозки которого требова-

лось тысячу двести кораблей. Жители отдаленнейших областей при этом впервые познакомились друг с другом и научились сознавать себя членами одной великой нации.

Агамемнон был выбран верховным вождем всех племен. Но этим правом он не мог пользоваться по своему усмотрению и был весьма ограничен в отношении власти над воинами других предводителей. Перед началом каждого предприятия предводители собирались на общее совещание, сидя в большом кругу на камнях. Всякий желающий говорить приказывал присутствовавшему здесь вестнику подать себе скипетр, который он возвращал после произнесения своей речи. Особенным весом на этих собраниях пользовались мнения Одиссея и престарелого Нестора из Пилоса. В последующих битвах больше всех отличались: аргосский царь Диомед, царь острова Крит Идомей, сыновья Теламона Саламинского Аякс и Тевкр, но больше всех предводитель мирмидонян Ахиллес из Фтии в Фессалии, соединявший в себе силу, отвагу и мужество льва. При них находился и жрец Калхас, заботившийся о необходимых жертвоприношениях, вопрошавший богов и узнававший их веления по внутренностям жертвенных животных.

Все корабли и войска собрались в Беотии, в Авлидской гавани. Противный ветер долго задерживал выход флота, и это показалось признаком неблагоприятия богов. Прорицатель Калхас объявил, что Ифигения должна быть принесена в

жертву богине Артемиде за то, что ее отец Агамемнон убил священную лань. Во время жертвоприношения Ифигении Артемиде спасла ее, унеся на облаке в Тавриду (Крым), где дочь Агамемнона стала жрицей при храме Артемиды..

Ветер переменился, и флот греков счастливо приплыл к троянским берегам.

Но и здесь дела не сразу пошли так, как желали того греки. Троя была укреплена гораздо сильнее, чем Фивы. Город, кроме стен, имел еще валы и башни. Неприятеля были столь же многочисленны, как и греки, так как многие соседние племена поддерживали их и пришли на помощь, а собравшийся за стенами Трои народ имел в «шлемоблещущем» Гекторе, сыне троянского царя Приама, предводителя, не уступающего ни одному греку в силе и ловкости. Вследствие этого взятие города неожиданно замедлилось на долгое время, на десять лет, как утверждает греческий поэт Гомер.

Кроме неприступности городских укреплений, важным затруднением являлся недостаток в съестных припасах. Для удовлетворения своих потребностей греки принуждены были частью заниматься земледелием в Херсонесе Фракийском, частью добывать необходимое мечом. Так, Ахиллес со своими фессалийскими воинами напал на остров Лесбос, разграбил его и увел оттуда множество женщин и девушек, которых разделил между остальными предводителями. В другой раз он побывал с такой же целью на Киликийском берегу. Вообще он завоевал двенадцать при-

морских и одиннадцать внутренних городов.

Последствием этого было то, что греческое войско было редко в полном составе, а потому и не было в состоянии вполне обложить город или принять решительное сражение. При этом военное и осадное искусства находились еще в младенческом состоянии. Оба неприятельских войска сражались между собой не в полном своем составе и не по общему плану. Сражавшиеся герои часто употребляли боевые колесницы; на них впереди стоял возница, а из-за него герой бросал свое копье. Иногда вместо копья применялись тяжелые камни.

Но чем менее было в этой борьбе военного искусства, тем более выказывалось в ней свободы и игры человеческих чувств и страстей. Изображение их мы находим в знаменитой эпической поэме «Илиаде». Героические поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» являются образцом эпического изображения и в этом отношении составляли для греков величайшие национальные творения, в которых они искали и находили зародыши своего образования. Здесь мы представляем из них некоторые сцены, изображающие как нельзя лучше дух того времени.

д) Сцены из «Илиады»

Сонмы греков и троянцев стояли друг против друга. Вдруг из рядов троянцев гордо выступает вперед красавец Парис, покрытый барсовой шкурой, с луком за плечами, с мечом при бедре и с двумя копьями. Громко вызывал он греков оскорбительными

словами. Это услышал смертельный враг его, Менелай, находившийся на своей колеснице. Радуюсь, как лев, почувувавший идущую ему навстречу добычу, бросился он к нему, соскочил на землю и хотел уже вступить с ним в бой. Но при виде его испугался кудрявый юноша, и, как путник, очутившийся на пути своем в опасности наступить на ехидну, поспешно обращается вспять, так и он невольно обращается в бегство и исчезает в толпе прочих троянцев.

Это увидел брат его Гектор, и недостойное поведение Париса привело его в негодование. «Неженка! — кричит он ему, — женолюбивый красавец! Лучше бы ты не родился или умер, прежде чем научился обольщать женщин! Поистине это было бы лучше для тебя, чем стоять теперь здесь к стыду всех троянцев и возбуждать насмешки греков, воображающих при виде того, как ты выступил вперед с такою великолепною и величавою осанкой, что ты один хочешь решить исход битвы. Удивительно, как ты отважился отправиться на корабле в чужую землю и из среды воинственных мужей увезти прекрасную женщину на горе твоему отцу и всем нам и к вечному твоему позору. Не правда ли, Менелай в эту минуту кажется тебе совсем не тем, чем тогда? И если б он подцепил тебя, мало помогли бы тебе твоя кифара, твой стройный стан и богиня любви. Да, если бы троянцы не были сонливым сбродом, то давно бы отплатили тебе как виновнику несчастья за все зло, причиненное им тобою».

«Брат, — отвечал Парис, — ты прав. Я стыжусь самого себя и сам не знаю, почему испугался, увидев Менелая. Со всеми другими я всегда был спокоен. Но я желаю исправить дело, хочу с ним померяться силой и сразиться перед всем народом в открытом, решительном единоборстве».

Обрадованный Гектор тотчас же поспешил в передние ряды, сражавшиеся с греками, простер над ними свое копьё, приказал им остановить сражение. Некоторые из неприятелей направили было на него свои стрелы, но Агамемнон, заметив его намерение, громко воскликнул: «Остановитесь, воины! Не пускайте теперь стрел, ибо он желает говорить!»

«Да, — произнес Гектор, — я хочу возвестить обоим сторонам. Слушайте! Брат мой Парис, главный виновник всех бедствий, желает положить им конец и предлагает Менелая вступить с ним в открытое единоборство за обладание Еленой и всеми сокровищами. Кто победит, получит и Елену, и богатства, и низложением побежденного должна окончиться война. Вы возвратитесь домой, и мы заключим с вами дружественный союз».

Менелай принял предложение, но потребовал, чтобы условие это было скреплено торжественным договором и в исполнении его поручился бы сам царь Приам. Тотчас же послали в город за Приамом и необходимыми жертвенными животными. Предводители соскочили со своих колесниц, а народ расположился на земле, ожидая поединка.

Старый Приам сидел в это время с Еленой и некоторыми из своих дочерей на стене и следил издали за ходом битвы. К нему прискакал сын его Антенор и пригласил сесть к нему в колесницу. Молодые люди помогли старику сойти со стены, другие привели агнцев. Затем они быстро понеслись на поле сражения. Здесь все вожди, как греческие, так и троянские, стали в круг, а вестники обошли кругом и окропили каждому из них руки водой, чтобы никто не приступил к священному действию с нечистыми руками. Затем Агамемнон извлек из ножен большой нож, обстриг головы жертвенным агнцам и подал всем вождям по пряди шерсти, потом, воздев руки к небу, произнес следующую молитву:

«Зевс, достоправный властитель, и ты, Гелиос, всевидящий бог солнца, и вы, реки, и ты, земля, и вы в преисподней, призванные карать души умерших клятвopеcтyпннкoв, бyдьтe cвидетелями наших клятв и этого священного договора! Если Парис низложит Менелая, то удерживает за собою Елену и сокровища, а мы возвратимся домой на своих кораблях. Если же он падет, то троянцы должны возвратить ее и все сокровища и заплатить нам справедливое возмездие, которое да продолжится и на будущее поколение».

Все поклялись, что так и должно быть, и тогда Агамемнон перерезал горло агнцам и положил трепещущих животных на землю, чтобы кровь их смешалась с пылью. Затем каждому была подана чаша вина, из которой первые капли были вылиты на землю

в честь богов, и все пожелали, чтобы Зевс таким же образом пролил кровь того, кто первый нарушит священную клятву.

Тогда круг расширился, чтобы дать место единоборцам. Но тут добродушный Приам сказал дрожащим голосом: «Почтенные мужи, позвольте мне вернуться к себе, чтобы не быть свидетелем смертельной битвы моего возлюбленного сына. Да свершится воля Зевса. Он все устроит к лучшему».

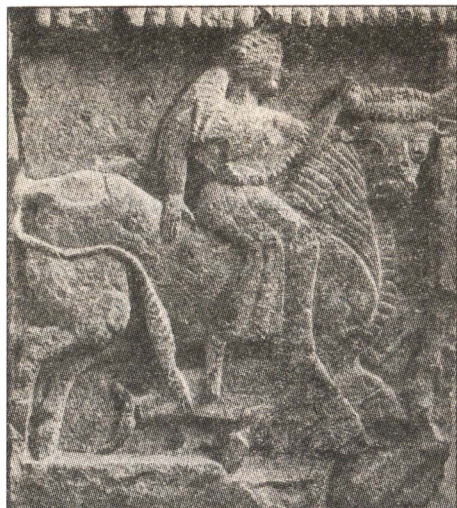
С этими словами Приам сел в колесницу, взял с собой убитых агнцев, и Антенор поспешно повез его назад в город. Гектор и Одиссей, как посредники обоих противников, отмерили место для битвы и бросили в шлем два жребия (камешки) — один для Менелая, другой для Париса, чтобы решить, кто из них первый должен пустить в противника копье. Гектор до тех пор потрясал шлемом, пока не выпал камешек. Жребий достался Парису.

Единоборцы и зрители заняли места. Парис в блестящей броне, в медных поножах и в непроницаемом шлеме, украшенном развевающимся конским хвостом, вооруженный мечом, щитом и копьем, выступил с одной стороны, а Менелай с другой. Они потрясли своим оружием, собрались с духом, и Парис со всей силы бросил копье в противника, но оно ударилось о железную оковку щита, острие согнулось и копье бессильно упало на землю.

«Теперь, всемогущий Зевс, — воскликнул Менелай, — дай мне силу наказать юношу, так жестоко меня ос-

МИФОЛОГИЯ. ЗЕВС

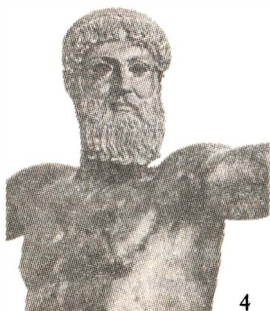
1

2

3

4

5

1. Похищение Европы. VI в. до н. э.
2. Зевс и Ганимед. Скульптурная группа. V в. до н. э.
3. Зевс, мечущий молнию. Древнегреческая статуэтка. V в. до н. э.
4. Посейдон. V в. до н. э.
5. Зевс. Античный мраморный бюст.

МИФОЛОГИЯ. ГЕРА

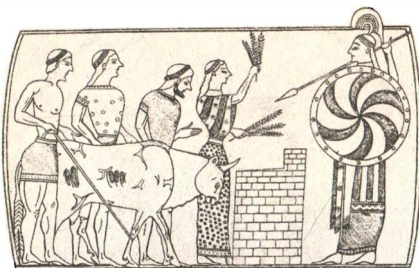

1. Голова Геры. VI в. до н. э.
2. Статуя Геры. VI в. до н. э.
3. Гера. Античная мраморная статуя. Фрагмент.

МИФОЛОГИЯ. АФИНА

1

2

3

4

1. Жертвоприношение. Рисунок на вазе.
V в. до н. э.
2. Голова Афины.
V в. до н. э.
3. Афина.
V в. до н. э.
4. Афина, опирающаяся на копье. V в. до н. э.
5. Афина. Фрагмент.
V в. до н. э.
6. Афина. Древнегреческая статуя.

5

6

МИФОЛОГИЯ. АРТЕМИДА, АПОЛЛОН

1

2

3

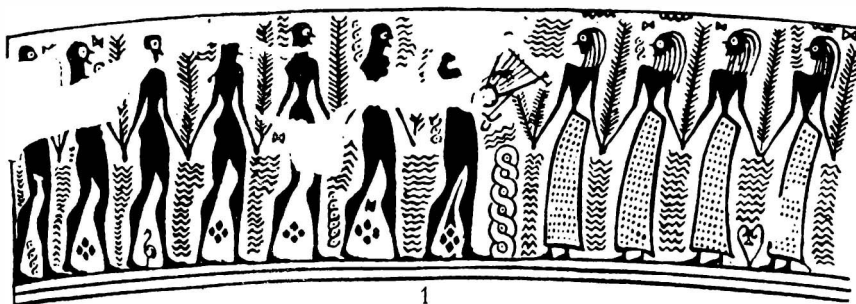
4

5

1. Артемида. Деталь росписи амфоры. VI в. до н. э.
2. Аполлон и муза. Роспись аттического блюда. V в. до н. э.
3. Артемида. Античная мраморная статуя.
4. Аполлон из Тенеи. Древнегреческая статуя. Деталь.
5. Аполлон Бельведерский. Древнегреческая статуя. Деталь.

1

2

1. Праздничный хор в честь бога виноделия Диониса. Изображение с архаической вазы. VIII в. до н. э.
2. Дионис на пантере. Мозаика из дворца в Пелле. IV в. до н. э.
3. Праздник Диониса. Рельеф аттического саркофага.
4. Поход Диониса в Индию. Греко-римский барельеф.

3

4

МИФОЛОГИЯ. АФРОДИТА, ФЕТИДА, АРЕС И ГЕРМЕС

1

2

3

4

5

1. Афродита Книдская. Мраморная статуя. III в. до н. э.
2. Похищение Фетиды Пелеем. Роспись пелики. III в. до н. э.
3. Афродита с лебедем. Роспись лекифа. III в. до н. э.
4. Влюбленный Арес. Античная мраморная статуя.
5. Гермес. Античная мраморная статуя. Фрагмент.

МИФОЛОГИЯ. ГЕРАКЛ

1

2

3

1. Геракл и Несс. Изображение на вазе. VII в. до н. э.
2. Голова Геракла с фронтона храма Афины Алии в Тегее. IV в. до н. э.
3. Геракл Фарнесский. Древнегреческая скульптура.

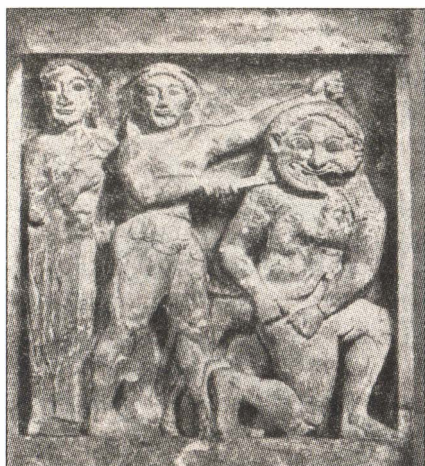
МИФОЛОГИЯ. АНДРОМЕДА, ПЕРСЕЙ И МЕДУЗА ГОРГОНА

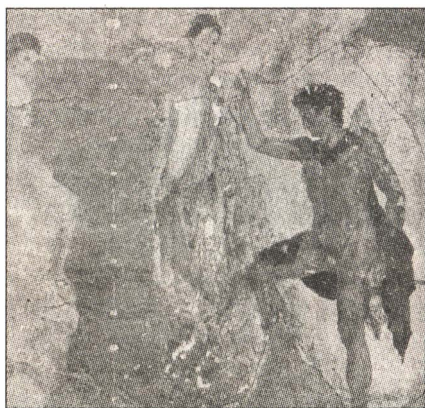
1

2

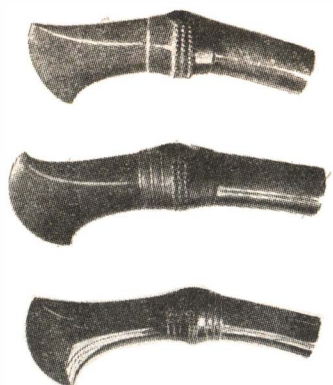
3

4

1. Персей и Медуза. Амфора с рельефным изображением. Фрагмент. VII в. до н. э.
2. Персей и Медуза. Амфора с рельефным изображением. VII в. до н. э.
3. Персей, убивающий Медузу. Рельеф храма в Селинунте. VI в. до н. э.
4. Андромеда и Персей. IV в. до н. э.

ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

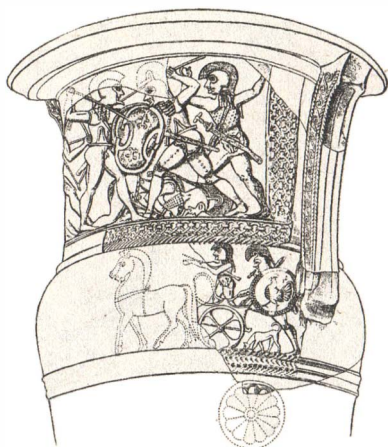
1

2

3

4

1. Топорики из сокровищ Приама. XXII в. до н. э.
2. Крепость в Трое. Восточная стена. XIII в. до н. э.
3. Менелай и Гектор в битве над телом Эвфорба. Роспись блюда. VII в. до н. э.
4. Сцены из Троянской войны. Бронзовый сосуд. VII в. до н. э.
5. Подвеска с головой Ахелоя. VI в. до н. э.

5

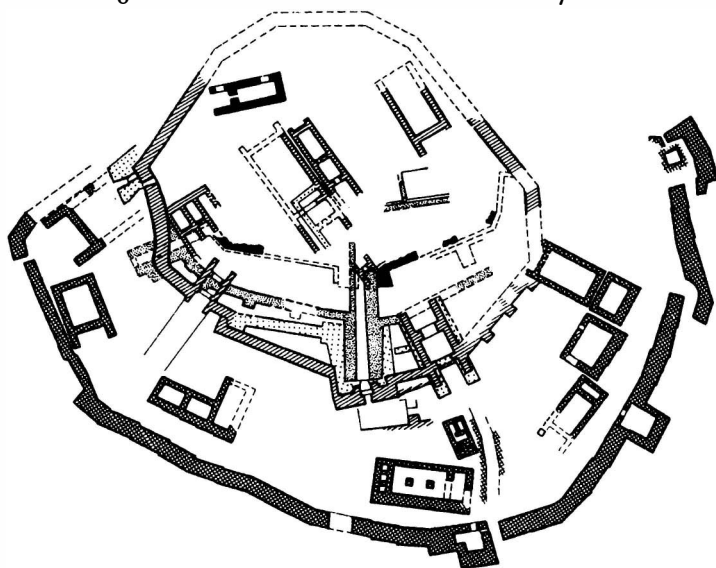
ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА

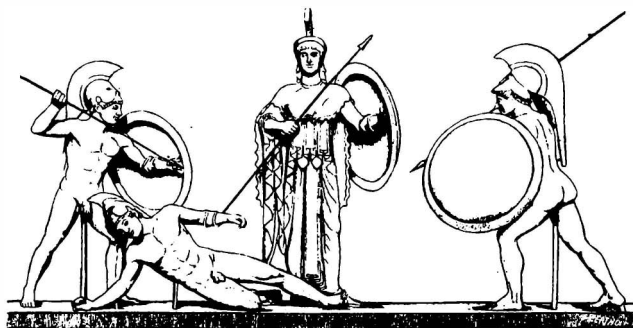
6

7

8

9

6. Ахилл и Аякс за игрой в кости. Роспись амфоры. Деталь. Вазописец Эксекий. VI в. до н. э.
7. Падение Трои. Роспись гидрии. Деталь. V в. до н. э.
8. Троя. План крепостных и жилых сооружений разных строительных эпох.
9. Бой за тело Патрокла. Фрагмент фронтона храма Афины в Эгине.

корбившего, дабы на будущее время никто не дерзал осквернять гостеприимства». Сказав это, он бросил в противника копье с такой силой, что оно пробило щит и наверняка пронзило бы сердце, если бы Парис быстрым поворотом не уклонился в сторону. Но в то самое мгновение, когда смущенный юноша смотрел на свой щит, Менелай выхватил меч, бросился с ним на Париса и нанес ему такой сильный удар по голове, что раскроил бы череп, если бы хрупкий меч не разлетелся в куски, ударясь о твердый шлем. Тогда вскричал он, скрежеща зубами: «Жестокий Зевс! Неужели и на этот раз лишишь ты меня заслуженной за храбрость награды!» И он в третий раз бросился на Париса, схватил рукой за развешавшийся на шлеме конский хвост и хотел повергнуть противника на землю. И ему удалось бы это, если бы не разорвался ремень, которым шлем был прикреплен под подбородком. Пользуясь этим мгновением, Афродита похитила своего любимца Париса от угрожавшей ему неминуемой гибели, скрыв его в облаке, и Менелай остался один.

Все греки воскликнули, что Менелай победил, и Агамемнон громкогласно потребовал исполнения договора. Но в это самое время в Менелая попала неизвестно кем пущенная стрела и слегка его ранила. Поднялся страшный шум, и все греки громко возопили о вероломстве троянцев. Агамемнон же поклялся до тех пор не успокоиться, пока это вероломное и коварное племя не будет истреблено, а город его не погибнет от пламени.

Однажды, когда битва была в полном разгаре, видно было, как Диомед, подобно кровожадному льву, носился на своей колеснице по полю битвы. За ним следовала его дружина, готовая снять доспехи с убитых или отвести в лагерь к кораблям колесницы и коней тех, которых он поразит. Восемь знатнейших троянских юношей уже пали от копья Диомеда. Тогда Эней, один из храбрых троянских мужей, поспешил к юному троянцу Пандару, искусному стрелометателю, и сказал ему: «Пандар! Где твой лук и твои никогда не дающие промаха стрелы? Смотри, теперь ты должен поддержать свою славу, так как вон там свирепствует сильный муж, поразивший уже многих, и никто из наших не может одолеть его».

«Это сын Тидея, Диомед, — ответил Пандар, — с ним, должно быть, сам бессмертный бог, потому что стрела моя уже один раз попала в него, алая кровь брызнула из раны, а он снова на поле битвы и размахивает копьем, как будто с ним ничего не случилось. О нет! В него я не хочу снова метить. Сражение с богами приносит несчастье. К тому же я здесь один; у меня нет колесницы, хотя отец и советовал мне взять ее при отъезде. У нас, говорил он, стоит их одиннадцать, и каждая запряжена превосходными конями; возьми одну из них — она тебе пригодится. Но я пожалел коней, ибо они привыкли дома к обильному корму; в Трое же, подумав я, даже люди будут терпеть недостаток в пище, так как их там много соберется. О! Я желал бы лучше вернуться домой, потому что какую помощь могут мне ока-

зять здесь мой лук и мое прославленное искусство. Я пускаю свои стрелы метко, но они никого не убивают. Я только раздражаю свирепость неприятеля. Как только вернусь домой, тотчас же брошу в огонь все эти ничтожные доспехи!»

«Нет еще, — сказал Эней, — испробуем прежде еще раз наше оружие против страшного убийцы. Садись со мной в мою колесницу; ты должен полюбоваться на моих коней. Возьми вожжи в руки; я же буду ждать, что-бы вступить в бой».

«О нет, Эней! — возразил Пандар. — Правь лучше уж ты сам. Известно, что всякий умеет править своими конями. Когда Диомед станет преследовать нас, а кони не будут меня слушаться, то я погублю нас обоих. Когда же он будет близко, я встречу его остроконечным копьем».

«Как хочешь», — отвечал Эней и взял его на свою колесницу. Затем он пустил коней и помчался прямо навстречу Диомеду, стоявшему как раз в это время на своей колеснице и высматривавшему себе противника. Конями правил его друг Сфенел. «Смотри, — воскликнул Сфенел, — с какой яростью мчатся на нас эти двое. Я сворочу в сторону, потому что они кажутся мне сильны, отважны и храбры; ты же утомился от продолжительной битвы, и тебе мешает ноющая рана».

«Молчи! — воскликнул Диомед. — Не в моем обычае отступать в бою. Мне давно уже наскучило стоять здесь на колеснице без дела. Я соскочу на землю и думаю, что ни один из них не ускользнет от меня. Поез-

жай за мной и, когда я их поражу, проворно соскочи, привяжи вожжи к колеснице и завладей их конями. Посмотри, что за чудные кони! Они прекраснейшие на всем поле».

Подскакав на быстрых конях, Пандар пустил копье; оно попало в щит Диомеда, и медное острие прошло насквозь. Думая, что он убил врага, Пандар с торжеством воскликнул: «Наконец-то я попал как следует! Надеюсь, что теперь конец твой близок». Но Диомед вскричал: «Нет, я еще не убит: ты промахнулся! Посмотрим, как-то ты избежишь смерти!» И страшное копье Диомеда с такой силой полетело в лицо Пандару, что острие его прошло насквозь, и Пандар без чувств упал на землю. Эней щитом и копьем защитил его, заботясь о том, чтобы ахейцы не вырвали у него убитого друга и не предали бы его тела грабежу и позору. Тогда Диомед, не имея уже в руках копья, поднял с земли тяжелый камень и так сильно бросил его Энею в ногу, что тот со стоном опустился на землю. Он бы так и погиб, если бы его мать, богиня Афродита, родившая Энея от Анхиза, не распростерла над ним светло-серебристой одежды своей и тем не защитила бы его от удара врага и не удалила бы его с поля битвы. Но прекрасных коней она не смогла спасти: Сфенел увел их, передал верному слуге, который и привел их в стан.

Менелай и его брат Агамемнон стояли рядом и следили за шумным движением, происходившим на обширной равнине. Со стороны троянцев мчалась к ним колесница, а на ней стоял Адраст, троянский юноша. Но будучи

чи не в состоянии сдержать взбесившихся коней, он был внезапно сброшен ими на землю. Не успел он еще прийти в себя от испуга, как Менелай бросился на него с копьем и готовился пронзить его. Тогда беззащитный обнял его колени и так умолял:

«Возьми меня в плен, сын Атрея, не убивай меня! Послушай! Отец мой богат и наверняка даст тебе богатый выкуп, когда услышит, что я еще жив и нахожусь в твоём стане».

Менелай был тронут. Он уже готов был обратиться к своим спутникам с намерением передать им пленника, как к нему быстро подбежал Агамемнон и сердито закричал своему мягкосердечному брату: «Какая к ним жалость! Они такие злодеи! Подумай, какой позор нанесла Троя продолжительной войной твоему дому и всем нам! Нет, никто из этого вероломного племени не должен уйти от нас! Даже детей в утробе матери не следует щадить! Долой его! Он не должен жить!»

Менелай отвернулся, а жестокосердый брат его вонзил копье в коленопреклоненного так, что Адраст, изгибаясь в предсмертных судорогах, упал навзничь. Тогда Агамемнон наступил ему на грудь и вытащил из нее копье, чтобы пустить его в кого-нибудь другого.

Между тем Диомед, жаждавший новой битвы, оглядывал обширное поле. На него устремился воин, которого он еще ни разу не видел. По великолепному вооружению, высокому росту и величественной осанке он показался ему занимающим первое место между троянцами. То был Главк,

только что прибывший из Ликии. Когда они приблизились друг к другу на расстояние перелета стрелы, то остановили коней и Диомед закричал своему противнику: «Кто ты, именитый муж? Ни разу еще не видал я тебя до настоящего времени на этом многолюдном поле сражения. Ты, наверное, искусный воин, если так отважно идешь навстречу моему мощному оружию, к которому никто еще не приближался безнаказанно. Если ты бог, то я не желаю с тобой сражаться. Если же ты человек, подобно мне, и питаешься плодами земными, то поспеши навстречу смерти!»

Главк отвечал: «Сын Тидеев! Род мой достоуважен. Предки мои были аргивяне и царствовали в Коринфе. От основателя Коринфа, Сизифа, произошел Главк, а от него знаменитый Беллерофонт. Он отправился в Ликию, чтобы поддержать тамошнего царя в его войне с солимиянами. Ликийцы почтили его подарками, а царь отдал за него замуж свою дочь и разделил с ним свое царство. От Беллеронфонта родились два сына: Исандр и Гипполох. Первый из них умер, другой же еще жив, и я с гордостью называю его отцом своим. Он послал меня в Трою помогать Приаму, находящемуся в трудных обстоятельствах, и крепко увещевал меня всегда быть храбрейшим, быть впереди других и никогда не срамить рода предков. Вот почему твой грозный взор не утратил меня и почему я желаю сразиться с тобой».

«Нет, этого не будет! — воскликнул радостно Диомед и воткнул свое копье в землю. — Ты для меня при-

ятный гость. Дед мой двадцать дней угощал в своем доме славного Беллерофонта, и на прощанье они обменялись подарками в воспоминание дружбы. Дед дал ему червленый пояс, а Беллерофонт, уезжая, оставил деду золотой кубок. Я сохраняю его до сих пор и часто рассматриваю. Итак, ты гость мой в Аргосе, а я твой, если когда-нибудь приеду в Ликию. Будем же отныне избегать кровавой встречи между собой. Довольно останется врагов: для меня — троянцев, а для тебя — греков. В знак же взаимного союза обменяемся оружием, пусть все видят, как мы гордимся дружбой наших предков».

Тут они оба соскочили с колесниц, от души пожали друг другу руки и обменялись оружием. Главк потерял при обмене, так как его оружие было золотое и, как говорит Гомер, стоило сто быков, а оружие Диомеда было медное и стоило девять быков. Но Главк не придавал этому никакого значения и совершил обмен с радостью. Затем они еще раз поклялись в дружбе и быстро разъехались в разные стороны.

А тем временем Гектор, все еще негодую на малодушие своего брата и желая смыть с троянцев позор, вызывал из среды греков противника, с которым он бы сразился в единоборстве. Греки, весьма смущенные вызовом столь сильного мужа, по совету Нестора решили назначить единоборца по жребию. Жребий пал на Аякса-старшего с острова Саламин. Аякс хвастливо воскликнул: «Видишь, Гектор! У греков есть еще люди, не боящиеся твоего вызова. Я только один из многих. Итак, в бой!»

«Не думаешь ли ты испытать меня своим упорством, сын Теламона?» — ответил ему Гектор. — Не заблуждайся: я опытен в ратном деле; пеший и на колеснице настигаю я убегающего врага, и мои подвиги подтверждают слова мои. Теперь, храбрый воин, остерегись! Я не хочу напасть на тебя врасплох, но желаю сразиться с тобой открыто».

Сначала они бросили друг в друга дротиками, но те ударились о щиты. Потом они старались пронзить один другого копьями, но щиты снова отразили удары. Тогда они схватились за камни, но и тут щиты явились защитой. Наконец, Гектор хотел вступить в рукопашный бой, в котором его превосходная сила, наверное, одержала бы победу, но наступала ночь, и единонок был прекращен. Гектор сказал Аяксу: «Аякс, ты выказал себя в бою вполне мужественным, и только боги могли наделить тебя такой силой и осмотрительностью. Отдохнем теперь от битвы, а завтра снова возобновим ее. Смотри, уже наступает ночь. Иди к кораблям и садись со своими за трапезу. Я же возвращусь в город, где встревоженные жены молят за меня в храмах богов. Но прежде почтим друга достойными дарами. Пусть греки и троянцы скажут: смотрите, они долго единоборствовали и расстались друзьями».

С этими словами он подал ему свой прекрасной работы меч в ножнах на красивой перевязи, а Аякс, в свою очередь, подарил ему свой червленый пояс. Так расстались они, и каждое войско сопровождало своего героя радостными восклицаниями.

Главной причиной медленного хода войны была ссора между Агамемноном и Ахиллесом из-за обладания захваченной в плен прекрасной Бризеидой. Из-за этой ссоры Ахиллес долгое время не принимал никакого участия в военных действиях. Только тогда, когда Гектор убил его лучшего друга Патрокла, воспрянул этот лев на погибель врагов. Он был ужасен в битве. Одного врага за другим пронзало его медное копье. Он один внушал троянцам больше страха, чем все остальные греки, взятые вместе. До тех пор не мог Ахиллес насытиться кровью убитых врагов, пока не совершил мести над убийцей своего друга. Он искал его по всему обширному полю сражения, но Гектор уклонялся от него целый день. Только вечером, когда колесницы троянцев возвращались в город, собрался он с духом и решил-ся ждать ужасного Ахиллеса.

Наконец появился Ахиллес и, заметив предмет своей ярости, испустил потрясающий крик восторга. Напрасно храбрый Гектор ободрял себя всем, что могли ему внушить разум и чувство чести. Вид разъяренного противника заглушил в нем всякое мужество, и, не сознавая сам, как это могло случиться, он обратился в бегство. Как голубь, преследуемый ястребом, несясь он вокруг городской стены, но Ахиллес, испуская радостные крики, быстро следовал по пятам его. Напрасно бросался Гектор то вправо, то влево, чтобы утомить своего преследователя. Три раза обежал за ним Ахиллес вокруг города. Наконец уставший Гектор остановился и закричал своему противнику:

«Стой, сын Пелея, дальше не побегу от тебя! Я хочу здесь остановиться. Или я убью тебя, или паду сам. Но заключим прежде пред всевидящими богами условие, что победитель не надругается над телом павшего врага».

«Между нами не может быть никаких условий! — воскликнул Ахиллес. — Разве лев вступает в переговоры с людьми, а волк с агнцами? Помышляй лучше о битве. Надеюсь, что теперь ты не уйдешь от меня».

С этими словами он напал на Гектора. Но тот быстро опустился на одно колено и тем избежал страшного копья, упавшего далеко позади него на песок. Вскочив на ноги, он радостно воскликнул: «Мимо, богоподобный Ахиллес! Теперь защити свою грудь, тщеславный болтун!»

С необычайным громом копье Гектора ударило в щит Ахиллеса. Но щит этот был непроницаем, и, в то время, как Гектор готовился схватиться за свой короткий меч, Ахиллес быстро воспользовался копьем, и несчастный Гектор, пораженный в горло, упал к радости всех греков, стоявших кругом и следивших за ужасной битвой.

Умирая, Гектор повторил свою просьбу не надругаться над его телом. Но Ахиллес был недоступен состраданию. Он проколол Гектору ноги между пятками и лодыжками, проткнул сквозь них ремень и привязал его к задней части своей колесницы. Так поволок он тело Гектора мимо городских ворот, к невыразимой скорби его старого отца и прочих троянцев, стоявших на стенах, и понесся с ним по полям и камням в стан, где обезоб-

раженное и забрызганное кровью тело велел выбросить в открытое поле на съедение псам.

Только теперь решился он приступить к торжественному погребению тела своего друга Патрокла. Его он хотел почтить так, как никогда не был почтен ни один друг, для чего и пригласил всех греков на торжество похорон. Был воздвигнут большой костер. Посреди него положили чисто омытый труп Патрокла, а вокруг — трупы двенадцати пленных троянцев, которых взял в плен Ахиллес и теперь собственноручно убил на могиле своего друга. Когда костер сгорел, кости Патрокла были вынуты из золы, перемешаны с жиром, положены в золотую урну и закопаны под высоким могильным холмом. Затем Ахиллес устроил в честь своего друга на его могиле воинские игры и назначил победителям дорогие награды: невольниц, коней, мулов, котлы, чаши, кубки, золотые слитки, латы и т.п. Игры состояли из ристания на колесницах, бега вразпуски, единоборства, бросания камней в цель, метания копья и кулачного боя. Все проходило в порядке и ко всеобщему удовольствию. Но скорбное чувство Ахиллеса нисколько не было этим утишено.

Будучи не в состоянии уснуть ночью, он вышел из своего стана, заложил свою колесницу и обволок труп Гектора еще три раза вокруг могилы друга.

Между тем дом Приама обратился в место плача и стенаний. Наконец, престарелый отец не мог больше переносить мысли, что его славный сын после смерти должен истлевать в по-

ле, как какая-нибудь падаля, и служить добычей птицам и псам. Уже один религиозный обычай того времени требовал почетного погребения мертвых, так как тогда веровали, что иначе душа не найдет успокоения в царстве теней. Приам отважился на отчаянное предприятие: он решил отправиться ночью к Ахиллесу и потребовать у него возвращения тела. Он вынул из сундуков десять талантов золота, четыре золотые чаши, два котла с треножниками, один красивый кубок, двенадцать блестящих праздничных одежд и столько же шерстяных покрывал, сложил все это на свою колесницу и с наступлением ночи отправился вместе со своим верным слугой Идеем в стан греков. Вестник богов Гермес покровительствовал ему в дороге тем, что ослепил врагов, так что они ничего не видели. Приам счастливо прибыл к шатрам мирмидонян. Он нашел Ахиллеса сидящим за вечерней трапезой с опущенной на руку головой и погруженным в горестные размышления. Войдя, он тотчас весь в слезах бросился к ногам героя и заговорил:

«Богopodobный Ахиллес! Подумай о своем отце, который томится у себя дома, подобно мне, старый и немощный. Может быть, и на него нападут соседи и нет никого, кто бы защитил его. Но он знает, что у него жив еще, хотя и далеко, любимый знаменитый сын, с возвращением которого прекратятся все его невзгоды. Надежда эта утешает старца, и сладкую мысль о ней повторяет он себе ежедневно. Я был счастливейшим отцом; я вырастил пятьдесят сыновей, и девят-

надцать из них были от одной матери. Они были моей радостью и гордостью. Но вот вы пришли сюда, и беспощадная война похитила их у меня почти всех, одного за другим. Теперь пал лучший, бывший нам единственной защитой. Ах! Я не могу уже умялять о его жизни, но возврати нам тело его. Подумай, как плачут дома жена, мать и сестры его, а я, отец его, здесь, у твоих ног. Отдай мне его, я принес тебе богатые дары. Побойся богов! Подумай, если твоему старому отцу придется также стоять на коленях пред юношею. А я — о верх злополучия! — я целую руку, поразившую моих детей!»

Против таких слез и речей не устоял Ахиллес. Ласково нагнулся он к старцу, поднял его, выразил сожаление о его бедствии и похвалил мужество Гектора. Затем он вышел из шатра, посмотрел дары и тайно приказал невольникам омыть тело Гектора и завернуть его в чистое полотно. Потом он сам положил его в колесницу на разостланную подстилку, погрузился на несколько минут в тяжелое раздумье и наконец произнес: «Не ропщи на меня, Патрокл, когда, может быть, узнаешь в жилище Аида, что я возвратил горестному отцу тело твоего убийцы! Вот он принес мне достойный выкуп, и должная часть его будет посвящена тебе».

Затем он поймал из своей добычи жирную овцу и вернулся с нею в шатер. «Ну, радуйся, старец, — сказал он, — твой сын выкуплен и лежит уже в колеснице, завернутый в мягкое полотно. Теперь подумаем о трапезе и оживим наши сердца. Я так-

же оплакиваю в душе твоего благородного сына, ибо он достоин слез». Затем он перерезал горло овце, слуги сняли шкуру, разрезали мясо на куски, изжарили его на копьях и положили на стол. Автомедон, возница Ахиллеса, вынул из корзины хлеб, они принялись за трапезу, на время забыв о своем горе. За трапезой они старались ближе познакомиться друг с другом. Старец любовался величественной наружностью страшного воителя, а Ахиллес с удовольствием и глубоким уважением глядел на благородное лицо и важную осанку царя и внимал его разумным речам. Окончив трапезу, старец на несколько часов предался отдыху, так как почти четыре дня не смыкал глаз. Но еще до восхода солнца он поспешно приказал заложить своих коней для того, чтобы в греческом стане никто их не заметил. Ахиллес спросил его, сколько дней понадобится на погребение Гектора, обещая во все это время не делать нападения. «О Ахиллес, — отвечал Приам, — если ты хочешь оказать нам почтение, то дай нам девять дней, чтобы оплакать умершего и приготовиться к его погребению. На десятый день мы предадим тело сожжению, на одиннадцатый соорудим гробницу, а на двенадцатый начинай снова войну, если только война неизбежна».

Ахиллес согласился на все и отпустил старца, который поспешил в город, где и был встречен радостными криками, так как троянцы, и не без оснований, опасались за его жизнь. Девять дней продолжался вопль плачущих жен, на десятый день тело

Гектора было предано сожжению. Пепел и кости его собрали и положили в золотую урну и воздвигли в честь его за городом высокий могильный холм. Ни один грек не нарушил печального торжества, закончившегося пиром во дворце; при этом были принесены установленные жертвы богам.

Но и мощный Ахиллес нашел свою смерть под стенами Трои. При рождении мать Ахиллеса, Фетида, окунула его в воды подземной реки Стикс, чтобы сделать своего сына неуязвимым, но слабым местом его оказалась пятка, за которую держала его мать во время купания. Именно в это место и поразил его стрелой Парис. За вооружение Ахиллеса разгорелся страшный спор между Одиссеем и Аяксом Саламинским. Оружие было присуждено Одиссею, Аякс был страшно оскорблен этим, сошел с ума и лишил себя жизни.

Наконец город был взят благодаря хитрости Одиссея. Подвиг этот он совершил вместе с Диомедом. Они переодетые пробрались в Трою и похитили Палладиум — древнюю статую богини Афины-Паллады, покровительницы города, зная предсказание оракула, что Троя будет благоденствовать до тех пор, пока в ее стенах будет находиться эта статуя. По совету же Одиссея был сооружен деревянный конь. После того как в него спрятались тридцать отборных воинов, конь был оставлен в греческом стане, а греки притворились, что уходят, и отплыли на кораблях за ближайший мыс. Троянский жрец Аполлона, Лаокоон, убеждал их не ввозить в город коня. Но тут из моря появились две

змеи, обвилились вокруг него и двух его сыновей и задушили их. Троянцы восприняли это как божественное знамение и втащили в город «дар данайцев» для посвящения его богам. Ночью воины вышли из коня и отворили городские ворота для того, чтобы впустить туда греков. Началась страшная резня и грабеж. Приам пал у алтаря Зевса. Бесчисленное множество пленных было уведено в рабство, в том числе и неутешная мать Гектора Гекуба с ее дочерьми. Красивейшая из них, прорицательница Кассандра, предсказавшая окончательное падение Трои, была притащена Аяксом Локридским в добычу Агамемнону. Менелай отыскал в Трое Елену и, снова прельщенный и покоренный ее красотой, взял ее к себе. Троянский герой Эней вынес своего отца Анхиза на собственных плечах из пылавшего города и должен был спастись бегством в Италию.

е) Возвращение греков после разорения Трои

Большие бедствия пришлось испытать разрушителям Трои на обратном пути. Уже при самом отправлении между предводителями возник спор о возвратном пути, они разделились и направились в разные стороны. Жестокие бури уничтожили множество кораблей, и большая половина союзного войска погибла. Некоторые же были так далеко отнесены от цели путешествия, что попали в неведомые моря, даже к берегам Африки и Сицилии, блуждали многие годы и должны были вынести невыразимые бедствия. Большая часть их, вместо

радостной встречи, нашла у себя дома беспорядок и несчастье. Так случилось с Агамемноном. Во время его отсутствия его жена Клитемнестра вышла замуж за Эгисфа. Эгисф не пожелал возвратить ни жену, ни власть, и нарушительнице супружеской верности ничего более не оставалось делать, как принять участие в его планах. Они решили, тщательно скрыв свой замысел от Агамемнона, принять его как можно ласковее и убить в самый день прибытия в то время, когда он будет освежать себя теплой баней. Несчастный, ничего не предчувствуя, вступил в желанное жилище, и в ту самую минуту, когда, желая выйти из бани, попросил себе чистую одежду, Клитемнестра накинула ее ему на голову, а скрытый за дверью Эгисф убил Агамемнона топором.

Особенно много бед пришлось перенести на обратном пути Одиссею. Его приключения описал Гомер в поэме «Одиссея». Описание удивительных странствований этого героя может быть признано верной картиной образованности, образа жизни и географических познаний того времени, поэтому и представляет особенно важное значение для историка.

Сперва героя прибило к африканскому берегу, на котором рос лотос, отведав которого люди все забывали и отказывались возвращаться на родину. Потом бури загнали Одиссея в Сицилию к циклопам-людоедам. Отсюда попал он на остров, где жила волшебница Цирцея, превратившая некоторых спутников Одиссея в свиней. Достигнув конца земли, Одиссей спустился в подземное царство и

говорил там с тенями своей матери и друзей. Затем он снова вернулся к Сицилии и в Сицилийском проливе преодолел опасный переход, где жили чудовища Сцилла и Харибда, которые длинными руками хватали спутников Одиссея и бросали их в свои пасти. Далее он проплыл мимо острова сирен. То были наполовину женщины, наполовину птицы, заманивавшие проезжавших сладостным пением к острову, где корабли разбивались о скалы и гибли. Предупрежденный заранее, Одиссей заклеил воском уши своим спутникам, а самого себя приказал привязать к мачте. Так он избежал обольстительного соблазна. В другой раз Зевс разбил его корабль молнией. Все спутники Одиссея утонули в море, а сам он, уцепившись за проплывающее мимо дерево, носился без пищи девять дней, пока не был выброшен волной на остров Огигия, где его ласково приняла прекрасная нимфа Калипсо, обрадовавшись, что наконец дождалась себе супруга, которого так давно желала. Она обещала своему гостю бессмертие и вечную юность, если он останется с нею навсегда. Но Одиссей каждое утро уходил на берег к шумящему морю, садился на землю, погружался в думы о своей верной супруге и сыне и проливал горькие слезы в тоске по ним. Хотя бы издали желал он увидеть еще раз голубые горы своего родного острова, хотя бы полюбоваться дымом, вьющимся над хижинами его, — и затем умереть! Семь лет продержала нимфа Одиссея в скалистой пещере и только по прошествии этого времени

по велению богов отпустила его. Тогда Одиссей построил плот из срубленных им самим сосен, взошел на него и пустился один в неведомые моря на этом ненадежном судне. Семнадцать дней не видел он никакой земли, ничего, кроме неба и моря. Наконец на восемнадцатый день заметил он вдали остров Схерия, где жили феаки. Но прежде, чем добраться до него, ему пришлось выдержать еще одну бурю, разбившую его плот. До берега он добирался вплавь, борясь с неистовыми волнами. Здесь на ложе из сухих листьев отдохнул он от своих непомерных трудов и, получив корабль от царя феаков, отправился на родину.

Вот сухой и краткий перечень приключений Одиссея. Из поэмы мы приводим здесь подробнее те сцены, которые ярко рисуют быт и нравы того времени.

ж) Сцены из «Одиссеи»

Одиссей в царстве теней

Вооружась советами волшебницы Цирцеи, Одиссей нашел последний край земли, где находится вход в подземный мир. Он привязал свой корабль, сошел на берег и вышел на обширную равнину. Здесь вырыл он яму, принес в жертву двух черных овец и дал крови стечь в яму. Тотчас явилась целая толпа воздушных теней, «призрачных образов», по выражению Гомера. Только один слепец Тиресий, бывший некогда мудрым прорицателем в Фивах, сохранил и в подземном мире дар понимания и речи. Он первый выступил вперед со своим золо-

тым прорицательским жезлом, выпил крови из ямы и обратился к Одиссею с предсказанием. За ним теснилось множество других теней старцев и детей, женщин и девиц. Все они хотели также испить крови, но Одиссей, по совету Цирцеи, не позволил им этого. Вдруг он заметил в толпе тень своей матери. «О Тиресий! — воскликнул он, — Ведь это моя мать. Но она, кажется, не узнает меня. Могу ли я беседовать с нею?»

Тиресий отвечал: «Если ты хочешь расспросить кого-нибудь из духов, то дай ему испить крови, и тогда к нему вернется разум и дар слова. Кто же не выпьет крови, тот снова исчезнет, не произнеся ни одного слова».

Одиссей тотчас же подвел свою возлюбленную мать к крови, и она, испив ее, с радостным изумлением узнала своего сына. Он от нее узнал, что отец его, супруга и сын еще живы, но что она сама умерла с горя, ожидая сына. Тут призвал он тени друзей своих: Агамемнона, Ахиллеса, Патрокла и Аякса, дал им испить крови и заставил рассказать их о том, что с ними случилось. Они просили сообщить им о своих, но он не мог этого исполнить. Печально исчезли они после недолгой беседы.

Видел также Одиссей знаменитого героя древности Миноса, который и здесь судил мертвых; и Ориона, продолжавшего заниматься охотой. Видел он и страшные наказания, какие испытывались теми, которые некогда сопротивлялись богам. Данаиды наполняли водой бездонную бочку. Царь Сизиф Коринфский был обречен втащить на гору огромный камень, который, лишь только дотаскивал он

с величайшим трудом до вершины горы, в ту же минуту выскальзывал из рук и стремительно скатывался в самый низ. Тантал стоял по горло в воде, а над головой его свешивались роскошнейшие плоды. Но когда он, мучимый вечной жаждой, наклонялся или хотел протянуть руку к плодам, вода тотчас отступала, а ветви отодвигались, и несчастный тщетно томился. Титий, непобедимый исполин, приблизившийся однажды с преступным желанием к Лето, лежал скованный на земле, и два коршуна постоянно клевали ему печень, которая, как у Прометея, ежедневно вновь вырастала. Вся эта обитель подземного царства имела мрачный и печальный вид, и Одиссей очень обрадовался, когда вышел из нее на землю и снова увидел яркий свет солнца.

Одиссей у феаков

Однажды, как уже было рассказано выше, плот Одиссея был разбит, и он должен был искать спасения вплавь на одном острове. Усталый и совершенно обнаженный — ибо, чтобы легче было плыть, он сбросил свою одежду в море — вышел он на берег. Никого не видя вокруг, он направился к лесу и устроил там себе ложе из листьев. Зарывшись до самого подбородка в опавшие листья, Одиссей заснул. «Так прячет, — говорит Гомер, — живущий одиноко на удаленном от всякого соседства поле земледелец горящую головню в куче пепла для того, чтобы на другой день, когда ему понадобится огонь, не ходить за ним далеко, а найти еще горящие угли под золою».

На следующее утро случай привел сюда Навсикаю — дочь Алкиноя, царя феаков. Она приехала на колеснице со своими рабынями, чтобы выстирать шерстяные одежды своих братьев и длинные женские покрывала. Мать дала ей с собой корзинку со сладким пирожным, мех с вином и благоухающее масло для умащения волос после купанья.

Они приехали к берегу светлой реки, вблизи которой находились небольшие ямки, наполнявшиеся из ручья водою. Там они бросили в ямки платье, вскочили на него и стали мять ногами. Платье было выстирано и разложено для просушки на жарком солнце, на чистых камнях, отпряженные кони паслись поблизости. Девушки выкупались, умастили себе головы и расположились на траве, чтобы приняться за легкий завтрак, привезенный в корзинке. Потом, развеселившись, они сняли с себя покрывала и стали играть в мяч. Навсикая запела при этом песню.

Наконец к вечеру платье высохло, его собрали, сложили в корзину и поставили в колесницу; заложили коней и начали готовиться к отъезду. Но тут Навсикае вздумалось пошутить с одной из девушек. Она бросила в нее мячом, но промахнулась: красивый шерстяной мяч полетел далеко в воду. Девушки громко закричали и разбудили спавшего в листьях Одиссея. Проворно выскочил он из своего убежища, но, чтобы не явиться во всей непристойности своей наготы, сорвал густую ветвь и прикрылся ею. Девушки, увидев незнакомца, покрытого приставшими к нему пожел-

тевшими листьями, с загрязненными морским илом руками и ногами, испуганно убежали. Только одна смелая Навсикая осталась на месте и прислушалась к умоляющим речам, с которыми обратился к ней Одиссей, находясь в почтительном отдалении. Речь его показалась такой разумной, жалобы звучали столь трогательно, просьбы были так скромны и почтительны, что он, несмотря на странную внешность, понравился ей. Одиссей просил ее указать ему дорогу в город и дать что-нибудь для прикрытия тела и заключил свою просьбу следующими словами: «Да ниспослют тебе боги мужа по желанию твоего сердца и да благословят они вас на мир и согласие!»

Навсикая позвала испуганных девушек, приказала им отвести чужеземца к месту купания и дать ему склянку с маслом и одну из самых лучших одежд. Много времени понадобилось Одиссею, чтобы чисто вымыться, но зато, когда, выкупавшись и умастив свои волосы, он явился одетый в чистое платье, то предстал в таком преображенном виде, что молодые девушки залюбовались его благородной наружностью. Они дали ему остатки кушанья и вина, и, когда он вполне подкрепил себя пищей, Навсикая села в колесницу и ему велела следовать вместе с рабынями. Когда они приблизились по цветущим полям к городу, она посоветовала ему идти в город одному и другою дорогой, чтобы не подать повода к нареканию, если бы жители увидели ее идущей по городу с чужеземцем. Затем она описала ему дворец своего отца и дала указания, как вес-

ти себя с ее родителями и другими предводителями. Затем она взмахнула кнутом и быстро поехала в город.

Вскоре вошел в город и Одиссей. Он еще издали заметил много кораблей в гавани и тотчас догадался, что будет иметь дело с мореходным народом. Войдя во дворец Алкиноя, он был поражен невиданным им никогда великолепием. Двери залов, столбы и замки — все блистало золотом и серебром. Вокруг стен стояли кресла, покрытые коврами; на них восседали феакские властители. Пятьдесят женщин прислуживали во дворце, одни из них вертели ручные мельницы, другие пряли и ткали. Сама царица Арета сидела в большой зале у пылающего очага за прялкой. Рядом восседал царь Алкиной. По совету Навсикаи Одиссей обратился к царице. По обычаю просителей, он обнял ей колени и после краткого приветствия просил оказать ему ласковый прием и отправить его на корабле на родину. Затем в ожидании ответа он сел у очага в пепле, как следовало просителю.

Слова и осанка Одиссея понравились феакам и, так как они были ревностными почитателями богов и им хорошо были известны обязанности гостеприимства, то они и приняли его с благосклонностью. Сам царь подошел к нему, протянул руку, помог встать с пепла и подвел к окованному серебром креслу, с которого велел встать собственному своему сыну. Затем вошла рабыня с прекрасным золотым кувшином с водой и серебряным умывальником, полила Одиссею на руки воды и поставила перед ним столик. Степенная ключница по-

ложила на него хлеб, мясо и овощи, и прекрасный страдалец Одиссей мог вполне насытиться. Царь Алкиной приказал виночерпию смешать вино с водой (древние не пили неразбавленное вино) и наполнить чаши присутствующих во славу Зевса — защитника просящих. Все вылили по несколько капель на пол, а остальное выпили. Затем речь зашла о возвращении Одиссея на родину, а потом двенадцать властителей встали и пошли по домам. Остались только Одиссей, царь и царица. Рабыни убрали столы и остатки еды. Царица, уже давно заметившая, что тонкий шерстяной плащ на чужеземце принадлежит ей, спросила его об этом, и он рассказал ей историю своего кораблекрушения и похвалил доброту Навсикаи. Наконец, царица велела рабыням поставить в сенях кровать, положить на нее лучшие подушки, покрыть коврами, а вместо одеяла положить шерстяной плащ. Все это было исполнено. Рабыни проводили чужеземца со светильником в сени. Алкиной же с супругой удалился в опочивальню, находившуюся во внутренних покоях дворца.

Рано утром царь повел своего гостя на площадь, расположенную у гавани, — место собраний у феаков. Здесь уже было бесчисленное множество народа. Гость и царь сели рядом на хорошо обтесанных камнях, и царь произнес речь, в которой предложил пятидесяти двум храбрейшим юношам снарядить большой корабль, чтобы выйти в море. При этом он обещал угостить их перед отправлением в свое дворце и тут же пригласил к себе

двенадцать знатных феаков, чтобы еще раз почтить чужеземца.

Во дворце начался шумный пир. Царь приказал заколоть двенадцать овец, восемь свиней и двух быков. Виночерпий усердно исполнял свою должность. Был призван любимый певец, запевший после окончания трапезы под аккомпанемент арфы сказание о Троянской войне. В песне часто произносилось имя Одиссея, но никто не подозревал, что этот знаменитый муж находится так близко. Только тогда, когда Одиссей во время пения закрыл свое лицо, царь заметил, что он, вероятно, принимал участие в опасной войне. Затем он приказал певцу замолчать и пригласил юношей устроить военные игры. Пирующие снова отправились на площадь, где молодые феаки показывали чужеземцу свое искусство и ловкость в кулачном бою, единоборстве, метании копий, прыжках и беге взапуски. В заключение сын царя Лаудамас вызвал Одиссея на единоборство, но тот отклонил это предложение под предлогом грусти и тоски по родине. Кто-то посмеялся над этой отговоркой и высказал мнение, что он, должно быть, не воин, а просто какой-нибудь хозяин купеческого судна, постоянно путешествующий. Одиссей пристыдил его сильною речью, сказал, что готов принять вызов всякого, и при этом так сильно метнул тяжелый каменный диск, что тот далеко перелетел за цель. Тогда никто уже не отважился больше шутить над ним. Игры прекратились, певец запел веселую песню, под звуки которой некоторые юноши стали танцевать с удивительной ловкостью.

Каждый из двенадцати феакских властителей подарил благородному и умному чужеземцу верхнюю и нижнюю одежду, обе шерстяные и без рукавов. Насмешник смиренно подошел к Одиссею и поднес ему в подарок в знак примирения свой меч с серебряной рукояткой и в ножнах из слоновой кости, сопровождая подарок следующими дружескими словами: «Не сердись! И если между нами случилась какая неприятность, то пусть буря развеет ее. Да помогут тебе боги после столь продолжительных бедствий снова увидеть отечество и супругу».

Одиссей отвечал на такое пожелание также дружески, взяв меч и опоясался им. К вечеру все воротились во дворец, где Одиссей получил все подарки уложенными в дорогой ящик, который он обвязал искусным узлом. Затем ключница проводила его в теплую баню, приготовленную рабынями. Вымывшись и умастив себе волосы, он хотел снова идти в залу, как увидел добрую Навсикаю, стыдливо стоявшую у дверей. В то время не было в обычае, чтобы молодые женщины и девушки участвовали в собраниях мужчин, поэтому Навсикая тайно сошла вниз из своей верхней комнаты, чтобы еще раз пожелать понравившемуся ей чужеземцу доброго пути. «Прощай, чужеземец, — сказала она едва слышно, — и вспоминай иногда обо мне на своей родине». «О Навсикая, — отвечал Одиссей, — ежедневно буду благословлять тебя, как богиню, в сердце моем: ты спасла мне жизнь, милая дева».

Когда он вошел в залу, уже была роздана жареная свинина и подано ви-

но, смешанное с водой. Чтобы почтить гостя, ему подали большой, жирный кусок, вырезанный их хребта. Певец снова запел о Трое, слушатели снова восхищались, один только Одиссей плакал. Царь приказал прекратить пение и только теперь спросил у гостя его имя и откуда он родом. Тогда герой начал рассказывать о своих приключениях, и слушатели были так изумлены, что в один голос просили его остаться у них подольше. Он согласился и за это получил в подарок от каждого властителя еще по золотой чаше и медному котлу с треножником. На следующее утро все подарки были принесены на корабль, и сам Алкиной тщательно уложил их под скамьями гребцов. На прощанье был заколот еще один бык, бедро которого, по тогдашнему обычаю, было сожжено на алтаре в жертву Зевсу. Все присутствующие приносили жертву вином и пили его. Одиссей пожелал своим гостеприимцам всех благ и, выпив вина из чаши, передал ее благородной царице и с чувством сказал: «Будь всегда здорова, царица, пока не настигнут тебя старость и смерть, неизбежный удел каждого человека. Расстаюсь с тобой, преисполненный благодарности. Будь счастлива в этом дворце вместе с милыми твоими детьми, с народом и с Алкиноем, супругом твоим!»

Одиссей вышел, за ним последовали три рабыни с едой, вином и мягкими одеялами, которыми они покрыли подушки в кормовой части корабля, и здесь же поставили кушанья. Герой лег на подушки и заснул; гребцы же, сидя на скамьях, рассекали веслами

море. Была светлая ночь. Корабль тихо скользил по гладкой поверхности моря, и спящий герой быстро приближался к милому отечеству.

Женихи Пенелопы

Отечеством Одиссея был остров Итака, как было сказано выше, находящийся к западу от Акарнании. Здесь, как и у феаков, было несколько родовых вождей, но главою их всех был Одиссей. Так как он уже почти двадцать лет был в отсутствии, на острове воцарился величайший беспорядок, и вожди, в особенности молодые, неистовствовали с наглой дерзостью. Мать Одиссея умерла с горя, а престарелый отец Лаэрт жил вдали от города, возделывая свой виноградник. Благородная супруга Одиссея Пенелопа проводила жизнь в слезах, оплакивая отсутствующего супруга и расхищение своего богатого дома. Она была прекрасна, богата, умна и благонравна, и все это побуждало многих искать ее руки, так как никто уже не верил в возможность возвращения Одиссея. Женихи требовали, чтобы благородная женщина вернулась к своему отцу и вышла замуж за того, кого сама выберет, остальные же уступят. Но Пенелопа продолжала хранить в своем сердце образ благородного Одиссея и отвергала вступление во второй брак. Этим она еще больше раздражала заносчивых искателей ее руки. «Хорошо же, — говорили они упрямо, — мы все-таки принудим тебя к этому. Каждый день мы будем пировать в твоём дворце, пользоваться твоими стадами и плодами и пить

твое вино, пока ты не согласишься выйти замуж за кого-либо из нас». И с этого дня обширный дворец Одиссея всегда был полон дерзкими бражниками, истреблявшими его добро. Когда стало известно, что в этом доме всегда можно было найти веселое общество и свободный доступ в него, то охотников до пиров находилось все больше и больше; и хотя все они величали себя женихами, но не было среди них ни одного, который был бы достоин жениться на Пенелопе. С самого острова Итака женихов было двенадцать, с соседнего острова Дулихий — пятьдесят два, из Сама — двадцать четыре и десять из Закинфа. Всех их сопровождали рабы, повара, вестники и певцы. Эта бесстыдная толпа более чем в сто человек три года хозяйничала в чужом доме и пировала за чужой счет. Они являлись утром; пастухи должны были пригонять быков, свиней и коз, служанки приносить хлеб и кушанья, а слуги вино. Начинался пир, шум и игры, а вечером женихи расходились по домам. Все это должна была переносить бедная Пенелопа, и не было никого, кто мог бы заступиться за нее. Единственный ее сын Телемах был еще слабым юношей, да и если бы он был в полной силе, что мог он сделать один против ста? День и ночь сидела бедная женщина в своей комнате с прислужницами и плакала. Когда же она появлялась в общей зале, то не могла считать себя в безопасности среди дикого буйства бесноватшейся толпы. Чтобы избавиться от притязаний женихов, Пенелопа придумала хитрость. «По-

слушайте, — обратилась она к женихам, — я начну ткать полотно на саван престарелому Лаэрту; работа эта займет много времени. Обещайте оставить меня в покое, пока я ее не кончу, и я исполню ваше желание». И Пенелопа начала ткать, но по ночам распускала всю искусную дневную работу, и таким образом тканье никогда не кончалось. Когда женихи узнали об этом, они стали неистовствовать еще сильнее.

Поездка Телемаха в Пилос и Спарту

Верная супруга и ее сын все еще питали себя надеждой увидеть пропавшего. Они расспрашивали всех путешественников, не слышал ли кто из них чего-нибудь об Одиссее, но все розыски их оставались тщетны. Тогда богиня Афина внушила юному Телемаху мысль посетить героев, бывших с его отцом под стенами Трои. От них он рассчитывал получить наиболее верные сведения о том, по какой дороге отправился Одиссей и можно ли еще надеяться на его возвращение. Он ничего не сказал матери о своем намерении, чтобы не огорчать ее, но открылся только старой домоправительнице, снабдившей его вином и мукой в кожаных и глиняных сосудах. Один приятель уступил ему корабль, а двенадцать ловких юношей тотчас же согласились сопутствовать ему в качестве гребцов. К вечеру все они собрались на берегу, поставили основную мачту, укрепили ее веревками, привязали прочными ремнями парус, сели на скамьи, отвязали корабль и, принеся

в жертву богам вина, радостно пустились в море.

На следующее утро они достигли Пилосской гавани в области Мессении, на западном берегу Пелопоннеса. Здесь жил престарелый Нестор, пользовавшийся среди троянских героев уважением за свои лета и мудрость. В это время он со своими друзьями приносил великую жертву Посейдону, которая называлась «гекатомба», то есть жертва в сто быков. Телемах сошел с корабля со своими спутниками, убравшими парус и крепко привязавшими корабль к берегу.

Телемах нашел пилосских мужей сидевшими на морском берегу девятью длинными рядами и вкушавшими мясо принесенных в жертву быков. В каждом ряду помещалось по пятисот человек. В честь божества были принесены в жертву и сожжены очищенные от кожи ноги, обмазанные толстым слоем жира. Остальное мясо было изжарено на копьях самими присутствовавшими, евшими его прямо руками. Телемах также получил свою часть после того, как он приветствовал собрание. Он сел на разостланной коже и принес жертву вином. По окончании трапезы Нестор спросил у своего гостя, кто он такой. Телемах рассказал ему свое семейное горе и что он собирает сведения об отце. Словоохотливый старик долго рассказывал ему о Трое и о своем возвратном пути, но ничего не знал об Одиссее, так как уехал раньше его. Он посоветовал Телемаху отправиться в Спарту, где жили Менелай и Елена, которые, может быть, могли доставить ему более верные сведения. «Если хочешь, —

сказал Нестор, — ехать туда сухим путем, я дам тебе колесницу, коней и моих сыновей, которые для безопасности будут сопровождать тебя туда и обратно».

Между разговорами наступил вечер. Гости отправились к жертвенной трапезе после того, как слуги полили каждому на руки воды и подали кубок вина для жертвоприношения. Придя во дворец, они сели рядом в обширной зале на великолепных креслах. Старец обнес вином присутствующих. Затем Телемаха отвели в сени, где ему была приготовлена постель рядом с Писистратом, младшим сыном Нестора. Женатые же сыновья и отец спали во внутренних покоях дворца.

Утром старец сидел на гладком камне у ворот дворца; вокруг него собрались любимые сыновья и множество рабов. Он дал обет принести в жертву Афине корову с позлащенными рогами и теперь готовился исполнить свое обещание. Спутники Телемаха тоже явились с корабля по приглашению Нестора. Пришел и кузнец с молотком, наковальней и щипцами и обложил золотом рога молодой коровы. Двое из сыновей царя повели ее к жертвеннику, третий подошел с тазом и корзиной, полной ячменя, четвертый держал в руках острую секиру, а пятый сосуд для принятия крови.

Нестор умыл руки, рассыпал освященный ячмень, обстриг корове на лбу волосы и бросил их в огонь. Затем выступил вперед четвертый сын и нанес удар. Острая секира перерезала стантовую жилу, и животное повалилось. Тогда сыновья совершили жертву: они

разрубили корову, поспешно отрезали ноги, обмазали их жиром и покрыли кусками мяса. Между тем как жертва горела на огне, старец окропил ее немного красным вином, а молодые люди стояли кругом с железными вилами, чтобы поворачивать ее по мере надобности.

Остальное мясо было тут же изжарено на завтрак присутствующим. Пришли Телемах, которого младшая дочь Нестора между тем вымыла в бане, умастила и одела в туннику и плащ. В стоявшем посередине большом медном котле было налито вино с водой, и из него каждый почерпнул себе полную чашу и пил ее с обычными обрядами. Затем стали готовиться к отправлению Телемаха. Была заложена колесница, ключница положила в нее съестные припасы, и затем в нее сели Телемах и младший сын Нестора, Писистрат. Писистрат взял в руки вожжи и пустил лошадей. Вечером прибыли они в Феры и переночевали там. Следующим вечером они приехали в Спарту и безмолвно остановились у ворот дворца знаменитого Менелая.

Менелай в это время праздновал сразу две свадьбы: сына и дочери. Пир, пение и пляски до того наполняли залу, что прибытие колесницы было замечено только тогда, когда раб доложил об этом Менелая. Тот приказал тотчас отпрячь лошадей и привязать их к яслям. Обоих же гостей радушно принял в своем великолепном жилище. Служанки отвели их в баню и умастили; затем они вернулись в залу и сели рядом с Менелаем. Одна из прислужниц пришла с тазом и кувшином, подала им умыть руки, а потом

поставила перед каждым маленький столик, заставленный хлебом, зеленью и мясом. Сам Менелай от себя прибавил почетный жареный кусок жирного хребта, и молодые люди стали есть, дивясь великолепию дворца, ибо Менелай возвратился из-под стен Трои с богатейшей добычей и самыми дорогими дарами. Когда хозяин начал рассказывать о своем путешествии и упомянул имя Одиссея, Телемах закрыл лицо багряным плащом, и Менелай, не спросивший еще его имени, догадался, кто он такой. В это время вошла Елена, виновница бедственной войны, и тотчас узнала по сходству лица Одиссеева сына. Окруженный истинным сочувствием, он рассказал, что делают в его доме искатели руки Пенелопы. Тогда Менелай вскричал: «Как львица терзает детенышей серны, которых, возвратившись к себе, находит в своем логовище, так и Одиссей растерзает нечестивцев, когда вернется в свое отечество!»

Друзья еще долго изъясняли свое сожаление о судьбе благородного героя. Менелай сообщил о нем Телемаху только то, что ему однажды предсказал морской бог Протей, умевший принимать на себя все образы, даже огня и воды: «Одиссей снова увидит свое отечество после десятилетнего странствия и возвратится без спутников».

Юный Телемах удовольствовался этим сведением и собрался возвратиться домой, несмотря на то, что Менелай и Елена старались удержать его при себе. Обрадованный приятным посещением, богатый хозяин подарил Телемаху трех великолепных коней, колесницу и золотую чашу. Юноша

отказался от коней и колесницы, так как лошади не были пригодны для гористой местности Итаки. Взамен их Менелай подарил ему прекрасный серебряный кубок с золотым ободком искусной финикийской работы. По окончании жертвенной трапезы оба чужеземных юноши легли спать в сводчатой галерее перед дворцом, где рабыни приготовили красивые парадные постели с роскошными подушками и мягкими одеялами.

На другой день утром после жертвоприношения Телемах и Писистрат сели в колесницу, а Менелай и Елена проводили их до ворот. Тут поднялся орел с гусем в когтях, и Елена истолковала это как благоприятное предзнаменование гибели женихов. Обрадованные таким предсказанием юноши пустились в обратный путь. Они поехали через Феры в Пилос, где Телемах, не заезжая в дом Нестора, поспешил на корабль к своим спутникам, которые тотчас поставили мачту, подняли парус и отвязали судно от берегового утеса. В тихую ночь поплыли они по гладкой поверхности моря к Итаке, но при этом держали путь в сторону и направлялись к северному берегу, потому что женихи Пенелопы на другом корабле подстерегали Телемаха, чтобы убить его, но покровительница Телемаха Афина предупредила его во сне об опасности.

Одиссей на родине

Одиссей еще крепко спал на корабле феаков, когда гребцы на утренней заре направляли путь к Итаке. Не желая тревожить его сладкого сна, они бережно снесли его на берег, положи-

ли возле него дорогие подарки и, не медля, отправились назад в Схерию. Проснувшись и увидя себя одного между сундуками, кубками и треножниками, Одиссей испустил жалобный стон: несчастный не узнал родины, так как густой туман скрывал окрестность. Тогда на помощь ему явилась богиня Афина. Она предстала в образе прекрасного молодого пастуха, рассказала ему о страданиях его супруги и об отсутствии сына и побудила его истребить надменных женихов сперва хитростью, а потом силой. Она помогла ему спрятать подарки в пещере и, коснувшись его своим посохом, превратила цветущего мужа в грязного старика с плешивой головой, гноящимися глазами и слабыми членами. Его нарядная одежда заменилась оборванным нищенским рубищем из вытертой оленьей шкуры, в руках у него очутился посох, ветхая сума на веревочной перевязи висела через плечо.

В таком наряде пошел великий страдалец Одиссей через лесистые горы и по указанию Афины остановился у жилища старого Эвмея. Этот Эвмей происходил из царского рода и в детстве вместе со своей нянькой был похищен финикийскими морскими разбойниками, продан в рабство в далекие страны и наконец куплен Одиссеем и сделан им надсмотрщиком над свиными стадами. Стада эти имели загоны вдали от города, и возле них стояло жилище свинопаса. Он вместе с работниками охранял и пас стада.

Свинопас Эвмей был человек честный, умный и всей душой преданный своему господину Одиссею. Всякий

раз, когда ему приходилось посылать для женихов в город свиней, он негодовал на такое бесчинство и оплакивал своего господина, считая его давно погибшим. В то самое время, когда он сидел на пороге хижины и вырезывал себе из бычьей кожи пару сандалий, привязывавшихся к ногам ремнями, вдруг залаяли собаки. Он поспешно бросил кожу, заставил собак замолчать и пригласил незнакомца в хижину, затем постлал на свое ложе из листьев козью шкуру и усадил на нее гостя. Потом он заколол пару поросят, посыпал их мукой, зажарил на копье, налил в деревянную чашу вина с водою и все это радушно поставил перед гостем, который, принеся вместе с ним жертву, принялся за трапезу. В беседе Эвмей описал несчастие царского дома на Итаке.

Когда же Одиссею, по обычаю того времени, после трапезы следовало рассказать о себе, он выдал себя за сына критского владыки, сказал, что он недавно видел Одиссея, который, вероятно, находится на пути в Итаку, а может быть, даже и возвратился. Эвмей этому не поверил.

Когда воротились со стадами пастухи, Эвмей убил откормленную свинью, чтобы почтить гостя. После ужина пастухи улеглись спать. Эвмей приготовил Одиссею постель из козьих шкур у очага и покрыл ее своим косматым плащом. Сам же он, вооружившись мечом и копьем, вышел из хижины и лег спать под нависшей скалой вблизи стада.

Одиссей собирался войти в город в образе нищего, пробраться в свой дом, принять должность слуги и та-

ким образом ознакомиться с тем, что там происходит. Но старик не соглашался с этим планом: «Поверь, такие люди, как ты, не могут быть их слугами; им прислуживают молодые люди в красивых одеждах, умащенные благовониями. Хорошты там будешь! Нет, друг, оставайся-ка лучше здесь, пока не вернется Телемах. Он, наверное, снабдит тебя платьем и отправит на корабле, куда просится твое сердце».

И в самом деле, вскоре в хижину пастуха вошел цветущий Телемах. Темные волосы его блистали от умащения, красивая широкая одежда облегла его стан, на ногах были сандалии, а в руке длинный посох. Он только что вернулся из своей поездки, и, прежде чем войти в город, он хотел побеседовать с верным Эвмеем. Собаки ласково бросились к нему, а свинопас обнял царского сына с радостными слезами. Как бы хотелось и отцу обнять сына! Но бедный нищий не смел выказать себя. Напротив, он почтительно встал перед своим сыном и хотел уступить ему свое место. Но юноша удержал его и ласково сказал: «Сиди, старичок, мы найдем себе место, хозяин и меня где-нибудь пристроит».

«Что это за человек?» — спросил он у свинопаса.

«Он с острова Крит, — отвечал пастух, — пришел как проситель и надеется на твое милосердие».

«Мне жаль его, — ответил юноша, — но ты знаешь, что происходит в моем доме. Я не могу приютить его у себя, потому что женихи будут над ним смеяться, а это огорчит ме-

ня. Я лучше пришлю ему кушанья и платье сюда, чтобы он не сделался тебе в тягость. А теперь сходи к моей матери и скажи ей потихоньку, что я благополучно вернулся из Пилоса. Я же останусь здесь, пока ты не вернешься».

Свинопас привязал к ногам сандалии, взял в руки посох и отправился в путь. Дорога в город была длинная, и отец с сыном долго оставались в хижине одни. И тут Одиссей открылся Телемаху. Как забилося сердце восхищенного юноши на груди милого, давно ожидаемого им родителя!

Но теперь не время было предаваться жалобам и восторгам. Одиссей поспешно сообщил своему сыну давно задуманное им намерение собственноручно расправиться со всеми надменными женихами. Юноша испугался столь смелого предприятия, но отец приказал хранить молчание. Никто, кроме их двоих, не должен знать, кто он в действительности, когда на следующий день он явится в виде нищего.

Они обо всем договорились, и благоразумный сын твердо запечатлел в памяти слова родителя. Возвратился свинопас, и Телемах пошел в город и предстал здоровым и невредимым перед женихами, досадовавшими, что посланный ими разбойничий корабль не захватил его. Они бы умертвили его всенародно, если бы не опасались народного мщения.

На следующий день Одиссей, покрытый рубищем, в сопровождении свинопаса отправился в путь. Уже дорогой ему пришлось предвкусить то, что ожидало его дома. Когда они про-

ходили по гористой тропинке мимо ус-троенного в тополевой роще колодца, к которому девушки приходили ежедневно за водой, пристал к ним козопас Мелантий, приятель женихов, и стал осыпать покрытого рубищем царя ругательствами и пинками, пока они не дошли до ворот Одиссеева дворца. Там их встретил запах жареного мяса.

У ворот произошла трогательная сцена верности. На дворе, на навозной куче лежала старая собака Аргос, некогда вскормленная Одиссеем. Дряхлая, всеми брошенная и пожираемая паразитами, она давно уже едва волочила ноги и была теперь при последнем издыхании. Она узнала старого господина, завиляла хвостом и хотела подползти к нему, но силы ей изменили. Она вдохнула в себя еще раз запах своего благодетеля и издохла. Одиссей скрытно отер слезу и вошел в дом.

Здесь вдоль длинных стен на стульях, покрытых кожами, сидели сто женихов; ноги их покоились на деревянных скамеечках, перед каждым стоял столик с хлебом и жареным мясом. Тарелок у них не было. Гонцы и прочие слуги бежали взад и вперед, прислуживая пирующим. Посередине комнаты стоял огромный медный чан, наполненный вином, смешанным с водою, из которого слуги наполняли кубки. Певец пел во время обеда. У столбов, подпирающих стены комнаты, были поставлены стойки для копий, остальное оружие висело по стенам.

Одиссей, как просящий помощи, сел на пороге. Женихи разгневались

на покрытого рубищем пришельца и осыпали ругательствами свинопаса за то, что тот привел его. Злой козопас Мелантий также не переставал издеваться над несчастным. Чужеземец стал обходить всех гостей и просить милостыни, и каждый клал в его жалкую суму кусок хлеба и мяса. Один Антиной, самый гордый из всех, не дал ему ничего. Другой со смехом кинул в него коровьим копытом. Даже прислужницы издевались над ним и провожали его оскорбительными словами.

Все переносил царь с величайшим терпением, но в душе сторал от негодования и ждал приближения минуты мщения. Пенелопа, решившись наконец предложить искателям ее руки окончательное условие, вошла со своими прислужницами в залу и сказала: «Слушайте! В оружейной лежит любимый лук моего супруга Одиссея с колчаном, наполненным стрелами. Он без труда, пустив издали стрелу, попадал в ушки двенадцати железных секир, поставленных одна за другой. Предлагаю вам завтра испытать эту игру, и кто попадет, подарки того я принимаю и соглашусь стать его супругой, чтобы не расхищалось таким постыдным образом имущество моего благородного сына Телемаха».

Это показалось Одиссею удобным предлогом для мщения. В тот же вечер, когда женихи удалились, он вместе с сыном вынес из залы все оружие и запер его в одной из верхних комнат. Только два меча, два копья и два шлема оставили они для себя и спрятали их в зале. Свинопасу Эвмею и еще одному столь же преданному ско-

топасу, узнавшему царя по рубцу на колене, было объяснено все, и они обещали верную помощь.

Когда на следующее утро женихи снова явились, Телемах вбил в пол залы двенадцать секир в ряд и подал лук Антиною. Но сколь ни считал себя сильным этот надменный жених, он не мог натянуть лук. Тогда лук взял Эвримах, после него самый гордый, кинувший скамейкой в Одиссея в первый день его появления. Он намазал лук жиром и стал держать его над огнем, но также не смог натянуть его. Столь же безуспешно пробовали на нем свою силу и остальные. «Оставим пока, — воскликнули они наконец, — завтра мы снова попытаемся. Сегодня же мы хотим пировать». Совет этот понравился всем, и скоро все столы были заставлены жареным мясом.

«Подайте и мне лук», — попросил Одиссей со своего места на пороге. Женихи засмеялись и закричали: «Не хочешь ли и ты искать руки прекрасной Пенелопы?» Но Телемах сказал: «Лук мой, и я могу его дать кому хочу. Возьми его, старик».

Одиссей взял издавна знакомый ему лук, легко натянул его, и стрела, звеня, полетела сквозь ушки. Все пришли в изумление. Царь дал знак свинопасу и другому пастуху и произнес: «Теперь смотрите! Избираю себе цель, в какую не попадал еще ни один стрелок». И в это самое мгновение стрела пронзила горло Антиною; пораженный, он упал и увлек в падении стол, уставленный вином и яствами.

Гости вскочили и бросились к стенам, но на них не висело больше ору-

жия. Они все еще думали, что старик нечаянно убил Антиною, как вдруг Одиссей с яростным взглядом закричал страшным голосом: «Псы! Вы воображали, что я уже не вернусь на родину и потому расхищали мое имущество, принуждали служить себе моих слуг, терзали мою верную супругу брачными предложениями, когда я еще жив! Вы не боялись ни богов, ни людей! Зато теперь настал час вашей смерти!»

Все ужаснулись, потому что грозный герой опять натянул свой лук. Телемах, вооружившись мечом, надев шлем и взяв щит, принес такие же доспехи и отцу, а свинопас и верный скотопас, заперев все двери, вошли также вооруженные. Все женихи стояли безоружные и безмолвные. Один Эвримах произнес: «Справедливо порицаешь ты, господин, их поступки, ибо здесь произошло много беззаконного. Но тот, кто был всему виною, горец, домогавшийся не только твоей супруги, но и власти над Итакой, уже лежит пораженный. Пощади нас, остальных. Мы вознаградим тебя за все убытки и дадим столько скота, меди и золота, сколько потребуешь».

«Нет, Эвримах, — отвечал разгневанный царь, — если бы вы принесли мне все ваше достояние, то и тогда рука моя не отдохнула бы, пока все вы не заплатите мне за вашу дерзость. Готовьтесь к битве со мною! Надеюсь, никто из вас не уйдет от меня!»

Эвримах в отчаянии бросился на него с мечом, но смертоносная стрела Одиссея пронзила ему грудь, и он упал, опрокинув на себя стол и стулья. Тогда Одиссей стал поражать женихов од-

ного за другим, а когда вышли все стрелы, устремился на них с копьем. Телемах и оба пастуха мужественно поддерживали его. Женихи все еще стояли, пораженные внезапным ужасом. Но вот вероломному козопасу Мелантию удалось достать их оружие, и они кинулись на Одиссея со своими острыми копьями. Но Афина защитила его и Телемаха так, что удары женихов не попадали в них, между тем как сам Одиссей с быстротою молнии повергал их на землю одного за другим.

Вероломный козопас еще раз пробрался наверх, чтобы достать новое оружие. Но оба верных пастуха поспешно бросились вслед за ним, скрутили ему руки и ноги и при помощи толстой веревки втащили его на столб, и он повис там, испытывая страшные мучения. Затем они снова сошли вниз, где битва свирепствовала еще ужаснее. Женихи, доведенные до крайнего отчаяния, устремили все копья на мстителя. Один из пастухов убил того жениха, который несколько дней назад бросил в нищего коровьим копытом, а мужественный свинопас поверг другого.

Остальные женихи, чтобы избежать ударов, как испуганные петухи в ужасе бегали по зале, пока не пали, пораженные копьями Одиссея и Телемаха. Пожжены были только двое: певец Фемий, певший за обедом по принуждению, и один верный гонец, по просьбе юного Телемаха. Услышав ходатайство юноши, дрожащий гонец выполз из-под скамьи и сбросил с себя коровью шкуру, под которой он скрывался. Одиссей высрал их обоих за дверь, а Телемаху приказал позвать

старую верную ключницу, державшую до тех пор под замком пятьдесят прислужниц. Старуха обрадовалась при виде залитого кровью пола и груды мертвых тел.

Тогда Одиссей произнес следующие прекрасные слова: «Радуйся, матушка, в душе торжеству правого дела, но остерегись выражать свою радость слишком громко, ибо грешно радоваться смерти».

Затем ключница должна была указать прислужниц, находящихся на стороне женихов. Таких оказалось двенадцать, и Телемах с обоими пастухами приняли на себя гнусную обязанность повесить их всех вместе в одной из отдаленных частей дома. Козопас был постыдно изувечен и умер мучительной смертью.

Одиссей и Телемах, властители Итаки, взяли метлы и лопаты и вместе с обоими пастухами (до такой степени в то время не было еще известно презрение к простому труду) очистили окровавленную залу, после того как из нее вытащили во двор мертвых и свалили их тела в одну кучу. Прислужницы вымыли столы и скамьи, а в заключение царь окурив все помещение серой.

Божество на все это время ниспослало на испуганную Пенелопу благодетельный крепкий сон, так что она, находясь в верхней комнате, ничего не знала о происходившем кровопролитии. Теперь ключница позвала ее вниз и все ей рассказала. Она содрогнулась при мысли, что должна обнять в образе морщинистого нищего своего супруга. Но он в это время сходил в баню, вымылся и умастил себя. Афина

снова коснулась его своим посохом, и Одиссей, прекрасный как бог, с блестящими, длинными локонами, в багряной одежде предстал перед изумленным взором супруги. Тогда узнала его верная Пенелопа и бросилась на грудь любимого супруга, двадцать лет с нею разлученного.

3. Переселение дорян. Колонии (1100 г. до н. э.)

Троянская война, закончившаяся уничтожением Трои, после возвращения победоносных греков на родину несколько не повела к более тесному сближению Азии и Европы. Но стоило грекам один раз ознакомиться с плодородными берегами Азии, и они уже стали сюда стремиться. В скором времени вся приморская полоса Азии покрылась греческими городами, потому что многие эллины вынуждены были покинуть свое отечество и искать себе пристанище на азиатском берегу. Это произошло по причине великого переворота, который сначала коснулся непосредственно только одного Пелопоннеса, но потом распространился и на все греческие племена.

То было знаменитое переселение дорян, известное под именем «возвращения Гераклидов», так как во главе переселенцев стояли мнимые потомки Геракла. В сказании об этом событии, смешанном с мифическими преданиями, были попытки доказать законность овладения Пелопоннесом дорянами. Они считали себя потомками Геракла, а отец Геракла, Амфитрион,

когда-то владел Микенами, но из-за умышленного убийства вынужден был покинуть свое государство и бежать в Фивы. Сын его Геракл, воспитанный в Фивах, ничего не сделал для возвращения отцовского государства, но вместо того долго служил фиванскому царю Эврисфею и по его приказанию совершил двенадцать подвигов.

Сыновья Геракла предъявили свои права к Пелопидам, которые, происходя от упомянутого выше Пелопса, благодаря брачным союзам подчинили своей власти не только микенское государство, но и весь Пелопоннес. После нескольких тщетных попыток правнукам Геракла: Темену, Кресфону и Аристодему, поддержанным этолийцами и другими племенами, через восемьдесят лет после Троянской войны удалось вторгнуться в Пелопоннес. Сначала они пытались сделать это из Коринфа через Истмийский перешеек, но потом, следуя совету Дельфийского оракула, переплыли залив на кораблях, высадились в Ахайе и затем направились дальше. Они подчинили своей власти весь Пелопоннес за исключением Аркадии, сохранившей независимость благодаря гористой местности и благоразумию своего царя.

Победители разделили между собой по жребию покоренную страну и образовали три новых государства: Мессению получил Кресфонт, Аргос достался Темену, а Лакония двум братьям-близнецам, сыновьям умершего в походе Аристодема — Эврисфену и Проклу. Элиду они отдали во владение своему союзнику, этолийцу Оксилу. Аргосские Гераклиды завоевали по-

граничные городские округа: Сикион, Флиус, Трезен, Эпидавр. Один из внуков Геракла Алет с дружиной дорян завоевал Коринф. Только Пелопиду Тизамону, изгнанному из своего государства, удалось снова вытеснить ионян из Ахайи и основать здесь свое государство. Остальные коренные жители Пелопоннеса в скором времени должны были подчиниться на весьма тяжелых условиях власти новых победителей — дорян — или выселиться. Именно так поступили вытесненные из Ахайи ионяне, которые направились в Аттику. Эти беглецы, лишенные своих жилищ, в конце концов покинули свое отечество и основали столь важные для греческой истории греческие колонии в Малой Азии. Эти колонии простирались от мыса Триопийского до мыса Лектонского и распространились на близлежащие острова. Жители колоний отличались деятельным, предприимчивым, торговым духом, ранним развитием научного и художественного образования. Они первыми из греческих областей столкнулись с персами и втянули в это столкновение свою греческую родину. Важнейшими ионийскими колониями были: Милет, Эфес, Смирна, Колофон, Клазомена, Фокея и острова Самос и Хиос. Не менее замечательными были колонии эолийские: Киме, Митилена и Метумна, основанные сыном Ореста, Пенфилом, бежавшим из Микен сперва во Фракию, а оттуда в Азию. Несколько позднее появились дорийские колонии, к которым принадлежали Галикарнас и Книд, а позже — остров Родос (о греческих колониях в южной Италии будет упомянуто ниже).

Различные города этих колоний, принадлежавших к одному племени, имели, по древнему обычаю, общие храмы, в которых праздновались годовые празднества и происходили общие совещания. Эти установления служили сохранению политической связи между отдельными городами.

Для этой цели ионянам служил Панионион на мысе Микале, эолийцам — храм в Киме, дорянам — храм Аполлона Триопийского в Книде. С отечеством своим колонии находились в дружественно-родственных отношениях, подобно тем, какие должны существовать между родителями и детьми. При отъезде переселенцы брали с собой огонь из родного города. В празднествах города-метрополии принимали участие и жители основанного им колониального города. В позднейшее время и спартанцам, и афинянам удалось приобрести власть над своими колониями.

В первые столетия после переселения дорян в политической жизни греческих государств произошла в высшей степени важная перемена: всеобщее уничтожение царской власти и установление власти аристократов, то есть благородных. Аристократы, возвысившись благодаря родству с бывшими царями, военным заслугам, земельной собственности и образованию, ограничили царскую власть, а потом и совсем вытеснили ее. Там, где благородные злоупотребляли властью и старались умалить права остальных граждан, аристократия вырождалась в олигархию, то есть власть нескольких привилегированных фамилий. Из-за этого стали возникать смуты в народе

и недовольство. Во главе недовольных становилась личность, выдававшаяся умом, и объявляла себя единовластием. Подобное лицо, хорошо или дурно оно управляло, называлось тираном. Тиранами в лучшем смысле этого слова были, например, Периандр Коринфский (625 г. до н.э.), Поликрат Самосский, Писистрат Афинский, Питтак Лесбосский, Гиерон I Сиракузский; тиранами в худшем смысле были оба Дионисия Сиракузских, Старший и Младший.

Тирания была только переходной формой к демократии, то есть народовластию при совершенной полноте власти граждан.

Лучшим примером такого государственного устройства служат Афины. Спарта, в которой царская власть сумела удержаться, представляет, напротив, пример неизменности и устойчивости первобытной формы правления.

4. Реформа Ликурга в Спарте (около 800 г. до н.э.)

В Беотии царское достоинство было уничтожено в 1126 году до н.э., в Аргосе в 984 году, в Элиде в 780, в Коринфе в 584 году до н.э. О времени уничтожения царского достоинства в Ахайе точных сведений нет.

Одна Спарта не утратила у себя царского достоинства. Но и она не избежала внутренних смут, господствовавших в прочих греческих государствах. Страсти были возбуждены до такой степени, что один из царей — Эвном — был убит на площади народом во время возмущения. Но как раз

в период этих смут среди спартанских граждан нашелся муж, оказавшийся способным найти противоядие от этого государственного недуга своего отечества. Биография этого государственного человека основывается не на достоверных данных, а на легендарных сказаниях. То был Ликург — младший сын царя Эвнома. Он должен был наследовать своему старшему брату Полидекту, который умер после кратковременного правления. Но на восьмом месяце своего правления он узнал, что вдова брата собирается родить. Тогда он торжественно объявил, что отказывается от престола. Вдова, женщина честолюбивая, велела секретно сообщить ему, что она тайно умертвит ребенка, если Ликург согласится жениться на ней и остаться царем. Гнушаясь подобным предложением и желая спасти жизнь ребенка, Ликург медлил с ответом и в то же время поручил своим слугам тайно наблюдать за матерью и, как только родится ребенок, немедленно принести его к нему. Он сидел за столом со знатными спартамцами, когда ему принесли только что родившегося племянника. В радости Ликург воскликнул: «Спартамцы! У вас родился царь!» Он немедленно объявил себя опекуном новорожденного и назвал его Харилаем, что означает «радость народа». Сам Ликург отказался от престола.

Несмотря на такую благородную скромность и бескорыстие, Ликург не избег клеветы оскорбленной царицы и ее приверженцев. Они распустили слухи, что он хочет уничтожить младенца. Для устранения всяких по-

дозрений Ликург вынужден был покинуть Спарту. Может быть, он уже тогда возымел намерение предпринять путешествие для обогащения себя политическими сведениями и опытностью, чтобы принести потом пользу отечеству. Прежде всего он отправился на остров Крит, славившийся мудростью и строгими законами Миноса.

Здесь, должно быть впервые, Ликург принял решение сделаться законодателем своего народа. Затем он направился в Малую Азию, объехал тамошние греческие колонии и привез оттуда с собой неизвестные до того времени в Греции поэмы Гомера. По некоторым известиям, он посетил и Египет.

Пока Ликург вдали от родины усердно готовился стать законодателем своего отечества, лица, жаждавшие восстановления порядка и прочных основ государства, с нетерпением ожидали его возвращения. Именно на таких лиц мог рассчитывать Ликург, собираясь проводить в жизнь свои законы. Он также не упустил случая на возвратном пути в Спарту посвятить в свою тайну и в свои намерения расположенных в его пользу лиц. Многие из-за личных соображений были против изменения порядка в государстве. Ликург обратился к Дельфийскому оракулу, спросив его, следует ли вводить новые законы. Пифия объявила, что она почитает Ликурга более божеством, чем смертным, а составленные им законы наилучшими.

Подкрепленный божеской помощью, Ликург выступил на площади с торжественным объявлением о своих

преобразованиях. С ним вместе явилось тридцать вооруженных сторонников — для отпора возможным противникам. Преобразования касались взаимных отношений властей и граждан, частной собственности и образа частной жизни. Благодаря этим преобразованиям должна была установиться прочная власть государства над отдельными лицами, взаимное равноправие граждан и свободное слияние их в общее целое. В своем законодательстве Ликург сумел искусным образом соединить старинные обычаи с новыми узаконениями, иноземное с отечественным. Упорная привязанность спартанцев к старинным обычаям и совершенно изменившееся культурное положение остальных эллинов позволяют думать, что нововведения Ликурга действительно нечто новое и преднамеренное, хотя и основанное на древнеисторических законах.

Во главе государства в Спарте издавна стояли два царя. Отношения между властью наследственных царей и правами народного собрания Ликург старался упрочить учреждением герусии, то есть совета старейшин. Он состоял из двадцати восьми геронтов и обоих царей. Геронты были людьми рассудительными и опытными, поэтому каждый геронт должен был иметь шестьдесят лет. Только безукоризненная жизнь могла доставить это достоинство. Выборы нового геронта происходили следующим образом: в день выборов кандидаты, один за другим, являлись перед народным собранием; особые лица, которые находились в отдельном закрытом помещении и не видели кандидатов, решали, кого из кан-

дидатов народ встречал более громкими приветствиями и кто из них оказывался таким образом наиболее достойным занять столь почетную должность. Должность эта была весьма важна: в руках геронтов находилось государственное управление. Они также обсуждали предварительно все предложения, которые рассматривало народное собрание. Это собрание состояло из всех спартиатов, достигших тридцатилетнего возраста. Голосование на нем происходило криком одобрения или неодобрения, без подсчета голосов. Решения народного собрания распространялись на вопросы о войне и мире, о договорах и о выборе новых должностных лиц.

За царями сохранились два чрезвычайно важных преимущества: они предводительствовали войском на войне и были первосвященниками. В этом звании они как в мирное, так и в военное время совершали торжественные жертвоприношения от лица всего народа, вели дипломатические переговоры с иностранными государствами и в наиболее важных случаях приносили окончательные приговоры по судебным делам.

Позднее была введена должность эфора. Пять сменяемых ежегодно эфоров имели высший надзор за совершением правосудия. Они составляли демократический противовес власти царей и геронтов. Значение эфоров впоследствии достигло такой силы, что сами цари должны были подчиняться их приговорам.

Чтобы это новое государственное устройство имело прочное основание, Ликург постарался уничтожить глав-

ную причину недовольства — поразительно неравномерное распределение имущества между гражданами. Он разделил всю Лаконскую область на равные земельные участки; при этом земельная собственность самих спартанцев, то есть дорийских завоевателей, состояла из девяти тысяч, а перизков — покоренных спартанцами людей — из тридцати тысяч частей. Чрезмерно разбогатевшие лица с большим трудом были принуждены к этому разделению. Весьма вероятно, что Ликург возобновил старинное разделение страны, которое существовало после покорения Спарты Гераклидами, и восстановил это разделение на старинных правах, уничтоженных силою, хитростью или случаем.

При этом Ликург позаботился так устроить новое распределение собственности, чтобы возвращение к неравенству в имущественном отношении стало невозможным. Для этого он запретил землевладельцам продавать свои участки и определил, что наследство отца должно всегда переходить к старшему сыну, а если сына не будет, участок переходит к дочери, но эта дочь могла выходить замуж только за человека, не имеющего никакой собственности.

Особое внимание уделяли законы Ликурга воспитанию юношества. Ликург считал детей собственностью государства, а воспитание их правом государства. Поэтому дети тотчас после рождения подвергались осмотру, здоровы ли они, сильны и не увечны ли. В последнем случае дети, как не могущие стать способными орудиями го-

сударства, обрекались на гибель, для чего и сбрасывались в пропасть с Тайгетской скалы. Если же они были здоровы, то возвращались родителям на воспитание. Но родители занимались этим делом только до шести лет. На седьмом году воспитание принимало на себя государство. Все городские мальчики разделялись на разряды и классы и жили вместе под наблюдением особо назначенных государством надзирателей. Надзиратели, в свою очередь, со всеми своими подчиненными находились под начальством главного надзирателя — педонома. Эту должность обычно занимал один из знатнейших и почетнейших граждан. Этим совместным воспитанием достигалось то, что все дети были проникнуты одним общим духом и направлением.

Детей воспитывали в величайшей простоте и умеренности, подвергали всякого рода лишениям. Пища их была дурна и настолько недостаточна, что они должны были сами добывать себе недостающее пропитание, но пойманный при этом подвергался наказанию. Одежда детей состояла из простого плаща, и они всегда ходили босиком. Спали на сене, соломе или тростнике, собираемом ими самими из реки Эврот. Ежегодно в праздник Артемиды мальчиков секли до крови, и некоторые из них падали мертвыми, не произнеся ни одного звука, не издав ни одного жалобного стога. Этим думали достигнуть того, что вышедшие из таких мальчиков мужчины не будут бояться в сражении ни ран, ни смерти.

Законы, касавшиеся частного образа жизни, также были направлены

на уничтожение неравенства. Ни один спартанец не имел права есть у себя дома, а все пользовались общим столом в так называемых общественных фидитиях или сисситиях, обыкновенно по пятнадцать человек за одним столом. На покрытие издержек такого общего стола каждый спартанский гражданин был обязан ежемесячно доставлять какое-то количество съестных припасов: ячменной муки, вина, сыра и фиг. Приправы приобретались на незначительные денежные взносы, составлявшие для каждого десять оболов.

Самые бедные люди, которые были не в состоянии платить эти взносы, освобождались от них. Но от сисситии мог быть освобожден только тот, кто был занят жертвоприношением или чувствовал усталость после охоты. В этом случае, чтобы оправдать свое отсутствие, он должен был послать в сисситию часть принесенной жертвы или убитого им животного. Это исполнялось так строго, что когда впоследствии царь Агис, возвратившись домой после войны с афинянами, пожелал обедать дома, то распорядители непустили из сисситии следовавшей ему порции. Для поддержания этих сисситий служил еще другой закон, по которому ни под каким видом не дозволялось есть до обеда дома, а за общественным столом только делать вид, что ешь. К различного рода невкусным кушаньям принадлежала между прочим и знаменитая «черная похлебка». Это был род супа, сваренного из крови и уксуса. Однажды сиракузский тиран Дионисий попробовал этого нацио-

нального спартанского блюда. На вопрос, как оно ему понравилось, он отвечал, что оно ему пришлось вовсе не по вкусу. Тогда повар заметил: «Охотно верю, потому что в нем недоставало приправы, то есть ни трудов на охоте, ни испарины после купания в Эвроте, которые и составляют приправу, придающую вкус кушанью для спартанцев». В частных жилищах Ликургом был изгнан всякий признак роскоши, для чего им было предписано не употреблять при постройке домов никаких других инструментов, кроме топора и пилы.

Естественным следствием простоты таких отношений и потребностей было то, что деньги в государстве не обращались в большом количестве, и при ограниченности торговли с другими государствами, в особенности в первые времена, легко обходились без золота и серебра. Это обстоятельство приписывается Ликургу, будто бы изгнавшему из государства все золото и серебро и заменившему их железной монетой, которая своей тяжестью и количеством должна была затруднить денежные обороты. Но в столь ранние времена не было ни надобности, ни необходимости отменять золотую монету: у спартанцев никогда не было большого количества благородных металлов, так что они не могли впоследствии даже доставить золота, потребного на позолочение головы Зевса Амикклейского. Поэтому скорее всего можно предположить, что малое количество золота и серебра во времена Ликурга было весьма естественно и только позже, когда в остальных греческих государствах золотая

монета была уже в большом обращении, Спарта стала отличаться тем, что в ней было мало золота.

Таким же образом напрасно приписывают Ликургу и запрещение всякого умственного занятия в то время, как в остальной Греции, сначала в немногих местах, а потом и во всей эллинской нации проявлялись уже признаки научного образования.

При необыкновенной привязанности спартанцев к своим законам и обычаям умственное развитие их задерживалось всею системою древних учреждений, приспособленной к их государственному устройству. И когда в других греческих государствах появлялись ораторы, софисты, философы, историки и драматические поэты, умственная сторона воспитания у спартанцев ограничивалась лишь обучением грамоте и письму, священным и воинственным песням, которые они пели на празднествах и начиная битву. Мальчиков приучали с ранних лет к кратким, ясным ответам. Такая речь называлась лаконической. Речь эта отличалась меткостью и остроумием, а в выражении чувства духовной свободы и независимости возвышалась над речью тех, которые хоть и имели прославленное образование, но утратили силу, ясность речи и душевную чистоту. С такими понятиями, вытекавшими из жизненного опыта, неразрывно было связано свойственное преимущественно спартам и прославившее их почитание старших, так как мудрость приобретается главным образом долгою жизнью. Цицерон рассказывает один показательный случай. Однажды в Афинах один му-

ПРАВИТЕЛИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

1

2

3

ПРАВИТЕЛИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

4

5

1. Агамемнон. Маска из гробницы в Микенах. XVI в. до н. э.
2. Перикл. Мраморный бюст работы Фидия. V в. до н. э.
3. Алкивиад. Античный мраморный бюст. V в. до н. э.
4. Мавсол. Древнегреческая статуя. IV в. до н. э.
5. Демосфен. Античная мраморная статуя.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

2

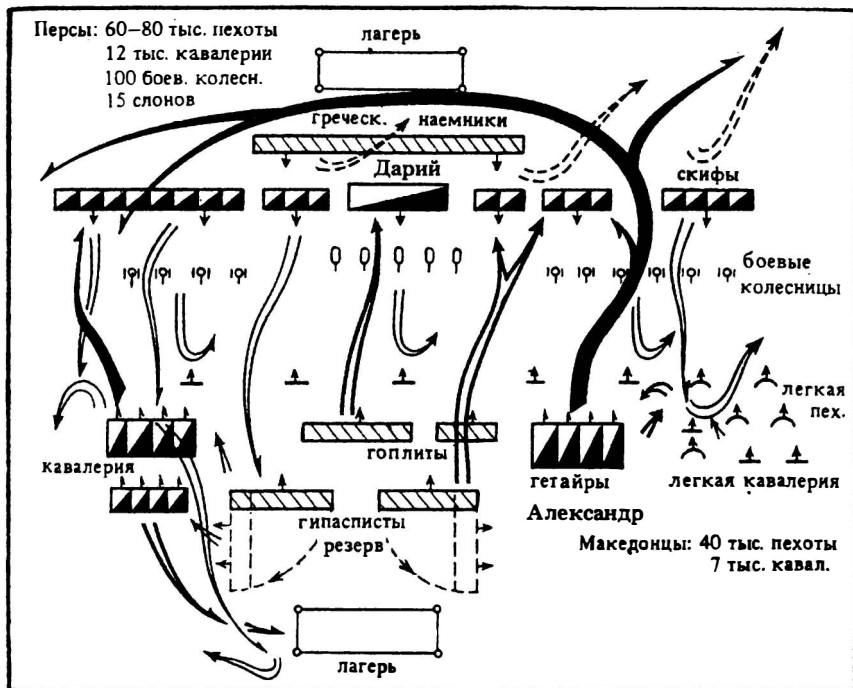
1. Мраморный бюст Александра Македонского.
2. Бронзовая статуэтка Александра Македонского.

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

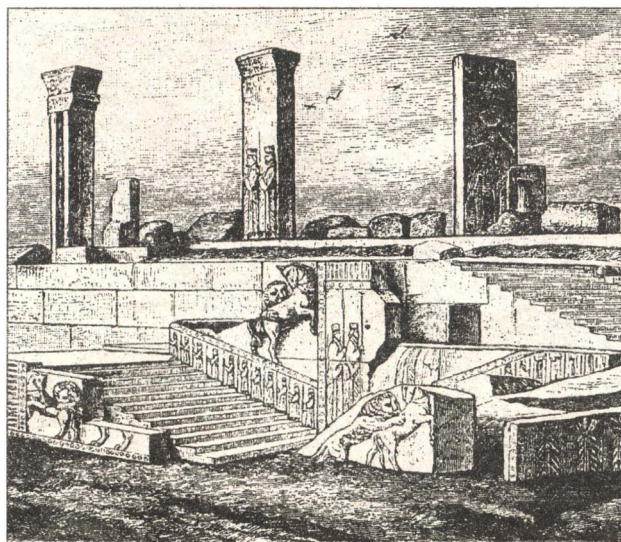

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

2

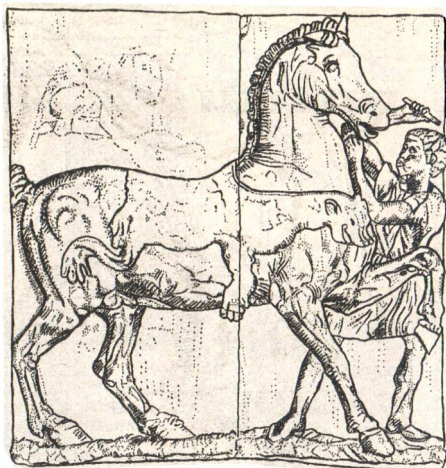
1. Дарий. Фрагмент мозаики. IV в. до н. э.
2. План сражения при Гавгамелах. IV в. до н. э.
3. Развалины Персеполя.

3

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

1

2

3

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

4

1. Александр Македонский. IV в. до н. э.
2. Боевой конь Александра Македонского. Рельеф. IV в. до н. э.
3. Александр Македонский. Фрагмент мозаики. IV в. до н. э.
4. Александр Македонский. Древнегреческий бюст. IV в. до н. э.

дрец вошел в театр, но не нашел себе места между согражданами. Тогда он подошел к местам, занятым случайно находившимися в Афинах спартанскими послами, которые все встали, чтобы дать место мудрецу.

Такая самобытность в нравах и образовании, которую поддерживали законы Ликурга, еще больше усиливала противоположность между спартамцами и всеми остальными эллинами, вела к еще большей отчужденности природного характера спартанско-дорийского племени. Поэтому, хотя и указывают на Ликургов закон, по которому ни один иностранец не мог оставаться в Спарте дольше необходимого времени и ни один спартаец не имел права долго жить вне отечества, очевидно, что это был просто обычай, вытекавший из самой сущности вещей. Природная суровость Спарты уже сама по себе удаляла от нее чужеземца, и если что и могло привлекать его туда, так это только одна любознательность. Для спартамца же чужая сторона не могла иметь никакой заманчивости, так как там он встречал чуждые ему обычаи и условия жизни, к которым он приучался с самого детства относиться не иначе, как с презрением. А так как Ликург постарался как можно теснее слить всех граждан с государством, то каждый из них в отдельности и не стремился удалиться из страны и долго жить в чужих краях, за исключением того случая, когда он шел туда в составе всего государства, то есть войной.

Кроме изложенных выше законов, устанавливающих умеренность, сохранение телесного здоровья, презрение ко всякого рода опасностям, существ-

вовали еще и другие постановления, непосредственно стремившиеся образовать из спартамцев воинов и храбрых мужей.

Пребывание в военном лагере считалось праздником. Здесь строгость домашней жизни получала некоторое облегчение и жилось несколько свободнее, а отнятая у неприятеля добыча доставляла большее разнообразие и изобилие в пище и питье. Багряная одежда, носимая ими на войне, венки, которыми они украшались, вступая в сражение, звуки флейт и песен, сопровождавших их при наступлении на врага, — все это придавало страшной прежде войне веселый торжественный характер.

Храбрые воины, павшие на поле битвы, погребались увенчанные лавровыми венками. Еще почетнее было погребение в багряной одежде; имена указывались только на могилах убитых в сражении. Трус же наказывался оскорбительным позором. Кто бежал с поля битвы или уходил из строя, тот лишался права участвовать в гимнастических играх, в сисситиях, не смел ни покупать, ни продавать, одним словом, во всем выставлялся на всеобщее презрение и поношение.

Ликург запретил окружать город стенами и укреплениями и искать защиту его в чем-либо другом, как только в храбрости его граждан. Спартамцы не любили и не умели осаждать укрепленные города и башни. Сражаться один на один — вот искусство, которое они изучали с детства, и все гимнастические упражнения и звериная охота, составлявшие их ежедневные занятия, основыва-

лись на правилах только подобной войны. Упражняясь в единоборстве, метании диска, военных плясках, плавании, приобретали они ту неустранимость, благодаря которой их короткий, изогнутый меч, длинное, далеко достававшее копье, тесно сплоченная фаланга при наступлении на неприятеля приводили к расстройству противника.

Для того чтобы никакие посторонние влияния не могли помешать этому направлению, спартанские девушки и молодые женщины должны были также участвовать в гимнастических упражнениях, причем, конечно, имели отдельные места для этих занятий, но при некоторых состязаниях и играх молодежь обоего пола присутствовала вместе. Законодатель хотел, чтобы они даже ценой потери женской стыдливости не только рождали стройных и сильных сыновей, но и сами проникались мужественным духом и не уступали мужчинам в любви к отечеству, в презрении к смерти и в перенесении всяких лишений. Поэтому насколько их похвала была поощрением для спартанских юношей, настолько порицание было огорчением и унижением. Нет ничего удивительного в том, что спартанские женщины пользовались в государстве большим уважением.

Женщины в Спарте так же мало, как и мужчины, занимались ручным трудом, но проводили свою жизнь исключительно в занятиях, наиболее соответствовавших их гражданскому призванию.

Такая свобода граждан основывалась на тяжелом труде рабов, подав-

шем повод к известной во всей Греции поговорке, что «нигде свободный человек не свободнее, а раб не подвержен большему притеснению, чем в Спарте».

Уже было сказано, что завоевание Пелопоннеса дорийцами породило два совершенно противоположных по своим правам класса жителей: победителей — дорийцев и побежденных — ахейцев. Только спартиаты считались действительными, полноправными гражданами; побежденные, известные под именем периеков, а также лакедемоняне, жившие внутри страны и в приморских городах, занимались частью торговлей, частью ремеслами или же возделыванием оставленных им полей, от дохода с которых они должны были отдавать часть спартанцам. Они также обязаны были нести военную службу в войсках и во флоте, но, несмотря на это, не имели права принимать участие в государственном управлении и исключались из народных собраний.

Периеки составляли переходную ступень к третьему классу — илотам, или общественным рабам. Илоты были собственностью государства, и оно отдавало их в пользование отдельным спартанцам. Название их, по общему мнению, произошло от имени города Гелоса, жители которого были обращены в рабство. Завоевание многих других городов увеличило число илотов. Им, впрочем, дозволялось вступать в брак.

Илоты были обязаны возделывать государственные земли и поля спартанцев и доставлять определенное количество ячменя, вина и оливкового

масла, исполнять различные мелкие работы: прислуживать при общественных обедах, носить тяжести во время похода, работать в военное время при укреплении лагеря, а в случае нужды сопровождать спартанцев и на войну в качестве легковооруженных. От свободных граждан илотов отличала одинаковая одежда — кожаная шапка и овчина. Они должны были часто напиваться допьяна, чтобы пьянство представлялось молодым спартанцам в отвратительнейшем виде, петь неприличные песни и танцевать непристойные пляски. Но петь песни, сочиненные Терпандром и Алкманом для возбуждения благородных чувств, илотам не дозволялось: такие песни могли петь только спартанцы.

Сурова и бесчеловечна была так называемая криптейя, которую считают также в числе Ликурговых постановлений. То была правильно организованная система шпионства. Молодых спартанцев посылали бродить по стране, подслушивать речи илотов и всех подозрительных из них убивать своими кинжалами. Самых сильных и отважных илотов тайно убивали, а в отношении остальных обращали внимание на то, чтобы число их не превышало полумиллиона, так как в противном случае они могли бы быть опасны для девяти тысяч спартиатских семейств. Таким образом, спартанцы жили, постоянно опасаясь илотов, а илоты всегда были готовы к возмущению и к мятежам, «подстерегали несчастье Спарты», как говорил один писатель. Само собой разумеется, что эти

взаимные отношения становились все враждебнее, так как гнет илотов все увеличивался и делался бесчеловечнее, а после покорения Ликургом Мессении их число значительно увеличилось.

О смерти знаменитого законодателя существуют разные сомнительные сообщения. По одному преданию, Ликург, написав и введя в действие свои законы, предпринял путешествие в Дельфы, чтобы спросить оракула, не следует ли изменить что-либо в его законодательстве, и что перед отъездом он взял со своих соотечественников клятву не предпринимать никаких изменений в законах до его возвращения. Когда же оракул ответил, что при этих законах Спарта возвысится и возвеличится, то он послал этот ответ в Спарту, а для того, чтобы лишить спартанцев возможности освободиться от данной ими клятвы, добровольно уморил себя голодом в Фокиде или в Элиде. По другим же сказаниям, он умер на острове Крит и приказал там же сжечь его тело, а пепел бросить в море, чтобы с перенесением его останков в Спарту граждане не сочли себя освобожденными от данной ими клятвы, а, наоборот, строго бы исполняли его постановления.

Спартанцы исполняли законы Ликурга в течение многих веков. Благодаря духу этого законодательства они окрепли и достигли преобладающего положения не только среди дорийских племен, но на некоторое время, как покажет дальнейший ход истории, возвысились даже над всеми эллинами. Они очень скоро заняли первое место в Пелопоннесе благодаря войне с мес-

сенцами. Счастливый исход войны создал для них внешнюю безопасность в такой же мере, как законодательство Ликурга способствовало благоприятному развитию их внутреннего гражданского быта.

4. Первая и вторая Мессенские войны (730—710 гг. и 645—630 гг.)

Ближе других к Лаконской области лежала Мессения, то есть средняя, или внутренняя, страна. Уступая по площади Лаконии, она была гораздо плодороднее ее. Находясь в неприятельских руках, она могла быть угрозою, а будучи во власти спартанцев, являлась щитом Лаконии. Это и побудило спартанцев полностью упорочить свое положение присоединением Мессенской области к своей территории. Взаимные притязания и опасения обоих государств и некоторые случаи, которые каждая сторона толковала в свою пользу, привели, наконец, к открытой борьбе между ними. Вина в этом отношении была более на стороне спартанцев. Тайно подготовившись к войне и дав торжественную клятву не слагать оружия до тех пор, пока неприятельская сторона не будет завоевана, спартанцы в 730 году до н.э., не известив мессенцев, как то следовало по принятому обычаю, внезапно начали войну. Ими предводительствовал царь Алкамен, отец которого Телекл был убит мессенцами во время жертвоприношения, на котором собрались оба народа. Спартанцы вторглись в Мессенскую область, завладели по-

граничной крепостью Амфеей и убили большинство ее жителей.

Это несправедливое нападение пробудило остальных мессенцев от их безмятежного покоя. Не теряя мужества, хотя и вполне сознавая, что они не могут одержать верх над опытными и искусными в военном деле спартанцами, они удалились в свои укрепленные города, ревностно предались военным упражнениям, отбили неприятеля от своих укреплений и отплатили за грабежи счастливыми набегами на область лакедемонян. Война без решительного перевеса продолжалась четыре года. В одном большом сражении мессенцы бились с таким ожесточением и отвагой, что показали себя вполне достигшими спартанского военного искусства.

Когда военные силы мессенцев ослабели, они решились покинуть свои города, удалиться на крутую гору Итому, укрепить ее и на этом месте сосредоточить защиту своей свободы и независимости. Одновременно они обратились к пользовавшемуся у всех дорийцев величайшим уважением Дельфийскому оракулу с вопросом о своей судьбе и получили ответ, что мессенцы победят, если в жертву подземным богам будет принесена непорочная девушка из царского рода. Их герой Аристокдем добровольно предложил свою дочь и собственноручно умертвил ее. Но спартанцы, поверив в счастье и спасение мессенцев, больше ничего не предпринимали против них.

Однако вскоре спартанцы благодаря счастливым предсказаниям почувствовали себя снова воодушевлен-

ными и достаточно сильными для новых предприятий. В новом большом сражении мессенцы, еще находясь в полном уповании на оракула, сражались так мужественно, что опять не было никакого перевеса той или другой стороны. Но в этом сражении мессенцы потеряли своего царя Эфая и вместо него провозгласили царем Аристодема.

Аристодем в течение шести лет причинял спартамцам большой вред своими опустошительными набегами в их область. Поддержанный аргивянами и аркадянами, он в одном сражении нанес им такое жестокое поражение, что они на некоторое время совершенно присмирели.

Но конечная победа оказалась все-таки на стороне спартанцев. Мессенцы на вопрос к Дельфийскому оракулу, кому будет принадлежать честь победы, получили ответ: «Тому, кто первый поставит вокруг жертвенника Зевса в Итоме сто треножников». Так как мессенцам исполнить это было легче всего, то они и не торопились. Спартанцы же, узнав о таком пророчестве, упредили их. Приготовив поспешно из глины сто треножников, они пронесли их незаметно ночью в святилище.

Эта удавшаяся хитрость и другие дурные предзнаменования породили в мессенцах твердое убеждение в неизбежной собственной гибели. Аристодем лишил себя жизни на могиле напрасно умерщвленной дочери, а прочие мессенцы после упорной попытки отбить от Итомы неприятеля также предались отчаянию. Они покинули Итому из-за голода; часть их

спаслась бегством к союзникам, аргивянам и аркадянам, посвятила себя элевсинским таинствам и переселилась в Элевсин, остальные рассеялись по всей стране.

Беднейшая часть народа осталась на родине и принуждена была жить в зависимости от спартанцев. Обязанные присягою, они должны были предоставлять в их пользу половину сбора со своих полей и, подобно перизкам и илотам, являться в черной одежде на погребение спартанских царей.

Мессенцы еще раз попытались сбросить с себя позорное иго упорной войной. Выросло новое, сильное, молодое поколение, горевшее одним только чувством — желанием отомстить Спарте. Вся сила этой мести и стремления к свободе сосредоточилась в Аристомене — юноше из царского рода. Он стал душой нового восстания; все мессенцы возложили свои упования на ум и мужество этого юноши, который к тому же смог договориться о помощи с аргивянами и аркадянами.

Так началась вторая Мессенская война. В первом же сражении между мессенцами и спартамцами Аристомен настолько доказал свою храбрость и способность, что мессенцы предложили ему сперва царское достоинство, а потом, когда он отказался от этого, неограниченную власть предводителя. Вскоре после этого Аристомен проник ночью в Спарту и положил в храм Афины Халкикийской свой щит с надписью: «Аристомен посвящает его богине после победы над Спартой». Спартанцы должны были противопоставить та-

кому противнику самого выдающегося человека.

Они спросили Дельфийского оракула, и тот посоветовал им обратиться за помощью к афинянам. Афиняне вместо войска прислали поэта Тиртея. Своими пламенными песнопениями и военными песнями он водворил мир и согласие между враждовавшими до тех пор гражданами и вновь воодушевил и оживил их упавшее мужество. Однако мессенцы благодаря храбрости Аристомена и в открытом бою, и в набегах постоянно побеждали спартанцев. В конце концов спартанцы прибегли к самому постыдному средству — предательству. Они подкупили аркадского царя Аристократа, приведшего к мессенцам вспомогательное войско. В самый разгар сражения он ушел со своими войсками и этим привел мессенцев в такое расстройство, что спартанцы одержали над ними полную победу.

Мессенцам не оставалось другого выхода, как тот, к которому они прибегли уже в первую Мессенскую войну. Они оставили за собой только западный берег. Жители остальной страны, в особенности способные сражаться, заняли укрепленную гору Иру. Отсюда Аристомен предпринимал такие успешные набеги, что спартанцы решили не обрабатывать полей в близлежащих областях Мессении и Лаконии, так как Аристомен уничтожал все посевы на них. Такое положение создало голод и повело к возмущению землевладельцев, которых с трудом усмирил Тиртей.

Аристомен становился все смелее и смелее. Он напал даже на город

Амиклы и разграбил его. Но во время этого нападения он вместе со своими пятьюдесятью товарищами был схвачен спартанцами и брошен в пропасть с Тайгетской скалы, откуда сбрасывали осужденных на смерть. Отсюда, казалось, не могло быть никакого спасения, и спартанцы рассчитывали, что со смертью Аристомена будет окончена и война. Но к радости своих и к ужасу врага, случай, изукрашенный в легенде вымыслом, спас Аристомена от верной гибели. Из всех брошенных в пропасть мессенцев одному только Аристомену удалось спастись. Сначала, казалось, счастье совсем покинуло его, и он приготовился к мучительной смерти, но вдруг услышал шорох и увидел лисицу, пожиравшую труп. Появление этого животного доказало ему возможность выхода из пропасти, и он возымел надежду найти для себя этот выход.

Незаметно и проворно схватил он одной рукой хвост лисицы, а другую при помощи плаща защищался от укусов. Следуя за лисцей, он достиг прохода, расширил его, насколько позволили силы, и убежал из пропасти к своим на гору Иру. Ликующие мессенцы собственными глазами убедились в спасении Аристомена, которого они считали умершим. Спартанцы не хотели верить случившемуся, но вскоре им пришлось убедиться в справедливости слухов: Аристомен напал на коринфян, шедших на помощь спартанцам, и рассеял их войско.

Спартанцы не пренебрегали ничем, чтобы обезвредить такого противни-

ка. Послушаю наступления в Амиклах священного праздника Гиацинтий они заключили с мессенцами перемирие. Аристомен, полагаясь на договор, разъезжал по Мессении. Во время этих разъездов он был схвачен находившимися на жалованье у спартанцев критскими стрелками и, связанный, был отправлен в Спарту. Но дорогого во время остановки в доме одной мессенианки он был спасен ее дочерью от неминуемой гибели.

Аристомен и его народ казались непобедимыми. Но боги решили погубить Мессению, что и было возведено оракулом. Для окончательного падения Мессении судьба воспользовалась минутой, когда полученная Аристоменом при одном набеге рана помешала его обычной бдительности и заботливости об охране и защите укрепленной горы Иры. Случилось так, что в одну дождливую и темную ночь в надежде, что спартанцы ничего не предпримут, мессенские часовые покинули свои посты и ушли домой.

Один спартанский беглец случайно спрятался в доме ушедшего со своего поста мессенского часового. Узнав таким образом о совершенной беззащитности крепостных стен, он поспешил в спартанский лагерь, рассчитывая за такую новость получить позволение вернуться в свое отечество. Спартанцы не замедлили воспользоваться этим и ворвались в крепость, прежде чем мессенцы успели их заметить. Пробужденные шумом мессенцы еще три дня и три ночи отчаянно защищались под предводительством Аристомена.

Наконец, когда превосходство прибывавших спартанских войск сделало сопротивление невозможным, Аристомен постарался спасти остаток своего народа. Он собрал его вокруг себя, стал сам во главе, прошел сквозь расступившиеся ряды спартанцев, которые не пожелали купить победу над этой горсткой врагов слишком дорогой, кровавой ценой, и направился в Аркадию. Отсюда спасшиеся бегством мессенцы, соединившись с другой толпой своих соотечественников, населявших западную часть Мессении, отправились в Сицилию. Там они овладели городом Занкле и назвали его Мессаную.

Аристомен отправился на остров Родос к царю Дамагету. Дамагет, повинувшись Дельфийскому оракулу, повелевшему ему жениться на дочери лучшего из греков, вступил в брак с дочерью Аристомена. Мессенский герой умер на этом острове. Оставшиеся в своей области мессенские жители были обращены спартанцами в илотов, а вся земля разделена между спартанцами.

С победой над мессенцами Спарта получила решительный перевес над государствами Пелопоннеса, что и было ими признано. Только один Аргос выражал неудовольствие и впоследствии, завидуя гегемонии Спарты, держался от нее в отдалении.

Даже за пределами своего отечества Спарта как сильнейшее государство Греции пользовалось в VI веке до н.э. большим уважением, что доказывает, например, тот факт, что Крез обратился к Спарте с предложением принять участие в его войне против Кира.

6. Солон — законодатель афинский (638-554 гг. до н.э.)

Гораздо позднее и совсем в ином духе перешло к прочной форме правления афинское государство. Переход этот совершился благодаря деятельности Солона, государственные способности которого, подобно Ликургу в Спарте, были действительно необходимы, чтобы вывести государство из обуревавших его смут. Между царями и благородными родами — эвпатридами — вспыхнула борьба. Царское достоинство было принесено в жертву греческому духу свободы, но при этом по отношению к последнему царю сохранилось чувство признательности и благоговения.

Дорийцы во время своего переселения, овладев всем Пелопоннесом, проникли до области Мегары. Афиняне, желая изгнать из этой важной области чужеземное и враждебное племя, начали войну с дорийцами. Оракул обещал в этой войне победу дорийцам, если они не убьют тогдашнего афинского царя Кодра. Но Кодр, узнав о таком прорицании, принял героическое решение доставить афинянам победу ценой своей жизни. Он переоделся крестьянином, отправился в неприятельский стан и, оскорбив одного дорийца, затеял спор и был убит в драке. Вскоре под рубищем бедняка узнали афинского властителя, и пелопоннесцы, усомнившись в счастливом исходе войны, отступили назад, удовлетвовавшись завоеванием Мегары.

Эвпатриды воспользовались этим обстоятельством, чтобы положить начало правлению благородных — аристократии. Они сумели искусно согласовать чувство признательности к царю со своими собственными государственными и гражданскими интересами. Ни один смертный, говорили они, не достоин быть преемником такого царя, как Кодр, и никто, кроме Зевса, не должен после него царствовать в Афинах. Таким образом отменили царское достоинство, и старший сын Кодра Медонт был поставлен во главе правления с титулом архонта (1068 г. до н.э.). Это новое достоинство, как и предшествующее царское, было пожизненное и наследственное и совмещало в себе те же права, не исключая прав верховного жреца и высшего надзора за религиозными обрядами.

Но достоинство архонта постепенно проникалось все более и более республиканским духом и по истечении трехсот лет, когда от должности архонта был отрешен тринадцатый архонт из рода Кодра — Алкмеон, перестало быть пожизненным и в течение некоторого времени было ограничено десятью годами. Оно по возможности сохранялось в роде Кодра. Брат Алкмеона был избран архонтом на десять лет с обязательством отдавать отчет в своем управлении эвпатридам. Около 683 года до н.э. вместо одного архонта стали выбирать девять и уже не на десять лет, а на один год. Первый архонт назывался «эпоним» (его именем назывался год), второй, базилевс, заведовал религиозными обрядами; военными делами заведовал третий —

полемарх. Остальные шесть назывались фесмофетами и вели судебные и законодательные дела. Таким образом единство царской власти было раздроблено. Многие благородные фамилии достигали этого высшего достоинства, и в Афинах господствовала аристократия.

Однако Афины не остановились на этой перемене; она составила лишь переходную ступень в дальнейшем развитии политической и гражданской жизни, к которому было предназначено афинское государство. Из правления благородных со временем должна была возникнуть демократия, потому что благородные роды, полные честолюбия, враждовали между собой, оспаривая власть над Афинами, и угнетали народ. Ряд смут и междоусобиц наполняет историю Афин того времени.

Потребность в прочном законном порядке и в составлении писаных законов против своевольного правления архонтов-эвпатридов чувствовалась все сильнее и настоятельнее. Но первая попытка в этом роде архонта Дракона в 620 году до н.э. не достигла цели и безотрадное положение дел продолжалось. По законам Дракона за каждый проступок, даже за кражу плодов, полагалась смертная казнь, так что один из позднейших ораторов, Демад, сказал о них, что законы Дракона были написаны кровью.

Следствием жестокости этих законов было кровавое восстание Килона. Его победа на Олимпийских играх увеличила его природную славу как человека знатного происхождения, а брак с дочерью тирана Ме-

гары еще больше увеличил его могущественные фамильные связи. Полагаясь на такие преимущества своего положения, Килон вознамерился присвоить себе в Афинах верховную власть. Воспользовавшись раздорами эвпатридов и склонив на свою сторону народ различными обещаниями, в том числе обещанием передела земли, он овладел Акрополем — крепостью Афин.

Но как только об этом государственном перевороте узнали эвпатриды, они под предводительством Мегакла, принадлежавшего к не менее могущественной фамилии Алкмеонидов из рода афинских царей, поспешили отнять у Килона Акрополь. Сторонники Килона, находившиеся в крепости, из-за недостатка в воде и съестных припасах, были доведены до бедственного положения. Самому Килону удалось спастись бегством; его же приверженцам не оставалось ничего другого, как искать спасения в храмах крепости. Враги выманили их из храмов обещанием даровать жизнь и умертвили их, как и тех, которые искали спасения у жертвенников богинь Эвменид.

Это злодеяние, совершенное против религии, вызвало в афинском народе опасение за благосостояние города. Афиняне опасались, что гнев богов обрушится вместе с преступниками и на их город. Прежде всех отложились эвпатриды. После долголетних смут эвпатриду Солону удалось наконец убедить Алкмеонидов подвергнуть себя третьейскому суду, составленному из граждан одного с ними сословия, и по приговору суда удалиться в изгнание. Затем,

по указанию Солона, нужно было совершить обряд очищения города от поругания святынь. Жертвоприношениями и другими умиловительными обрядами город был очищен, и граждане вновь обрели мужество и надежду.

Но источник бесперывных смут заключался главным образом в отсутствии прочного устройства государственных и гражданских отношений и в различии желаний и стремлений политических партий. Таких партий было три, и они назывались по местностям афинской области, в которых они жили: диакрии, или гиперакрии, — жители гор, педии — жители равнин и паралии — жители побережья. Диакрии — самые бедные и ограниченные в правах, стремились к переделу земельной собственности и главным образом к равноправию всех граждан, то есть к демократии; паралии — граждане среднего сословия, торговцы и мореходы, желали умеренных законов; педии, состоявшие из благородных землевладельцев, желали видеть управление в руках немногих, то есть олигархию. К диакриям примкнула большая часть бедных из других областей, которые сильно задолжали богатым (явление, встречаемое почти во всех государствах того времени) и принуждены были отдать им в залог свои маленькие земельные участки или самих себя. Они жили под постоянным тяжелым гнетом строгих законов, охранявших права займодавцев, и готовы были прибегнуть к самым отчаянным средствам, лишь бы уничтожить мучителей.

Умиротворить с возможною осторожностью так много страстей и удовлетворить по возможности столь различные требования составляло далеко не легкую задачу. Эту задачу выполнил Солон — человек, от проницательного ума которого не ускользнуло, что должно быть истинным средством, чтобы помочь государству в беде. Наделенный мягким характером, обширным умом, он обладал сверх того даром привлекать к себе людей. При этом по своему общественному положению, одинаково далекому и от заносчивой гордости знатных, и от слепого отчаяния угнетенного народа, он был более других способен выступить посредствующим и примиряющим законодателем.

Солон уже успел доказать свои способности и привлечь на свою сторону уважение народа различными делами, направленными на пользу государства. Ему обязаны были возвращением острова Саламин, отнятого у афинян тираном Теагеном из Мегары в отпущение за неудачное предприятие его зятя Килона. После многократных и тщетных попыток возвратить столь необходимый для их торговли остров афиняне, уже отчаявшись в возможности этого дела, издали закон, запрещающий под страхом смертной казни кому бы то ни было даже упоминать об этом острове. Этот закон наносил прямой ущерб городу, и все дело сводилось к тому, чтобы уничтожить его, не подвергая свою жизнь опасности. Солон указал средство для исполнения всеобщего желания. Он заперся у себя дома, распустил слух, что он сошел с

ума, сочинил относившееся к Саламину стихотворение и, выучив его наизусть, выскочил из своего дома на площадь, прокричал это стихотворение и призвал в нем граждан к обратному завоеванию Саламина. Сговорившиеся с ним заранее его друзья, в особенности Писистрат, не замедлили поддержать перед собравшимися это предложение. Когда этот первый, труднейший шаг был сделан, пошли дальше — и закон был отменен. Счастливый исход похода, возвративший Саламин в руки афинян, окончательно возвысил славу и авторитет Солона.

Еще большее значение для него имело благоволение Дельфийского оракула. Он приобрел это расположение тем, что настоял перед судом на строгом наказании фокейского города Кирры за ограбление области дельфийского божества. То была так называемая первая Священная война (600—590 гг.). Кирра была разрушена, принадлежавшая ей земля посвящена Аполлону, а всякий, кто отважился бы снова возделывать ее, предавался проклятию. В благодарность за энергичное заступничество оракул поддержал стремление Солон выступить в качестве законодателя для своих граждан. Ему было прислано следующее изречение оракула:

*Сядь посреди корабля и возьми
Правящее весло в свои руки.*

*Многие афиняне, готовые
Помогать тебе, появляются.*

Солон должен был удовлетворить желания различных партий, и его законы носили примирительный характер. Это доказывается его собственными

словами, что он выбрал для афинян законы лучшие не сами по себе, а лучшие из тех, которыми они могли воспользоваться. Согласно желанию угнетенной и притесненной части народа он мог, по примеру Ликурга, разделить земельные участки поровну между всеми гражданами. Но Солон предпочел прибегнуть к менее насильственному средству, к так называемой сейсахтии, то есть к облегчению тягости долгов. Под этим следует понимать не полное погашение долгов, а, с одной стороны, известное уменьшение накопившихся процентов, с другой же — уменьшение самого капитального долга на 27% через введение новой денежной системы. Например, кто должен был при старой денежной системе сто драхм хотя и платил по новой системе тоже сто драхм, но равнявшихся семидесяти трем старым. Кто должен был старый (эгинский) талант, платил за него только новый (эвбейский), который был дешевле на 27%. К этому Солон присоединил строгое запрещение отдавать в залог свою личную свободу и придал этому закону обратную силу, то есть что все, кто к тому времени находился за долги в рабстве, были объявлены свободными. То обстоятельство, что он, по уверению историков, не вполне удовлетворил этими законами ни бедных, ни богатых, говорит за справедливость и беспристрастие его постановлений.

Подобным же уравнительным образом распределил он право участия в управлении государством между знатными родами, представители ко-

торых управляли до тех пор, и народом, который до этого времени не принимал никакого участия в управлении государством. Он разделил граждан на четыре класса, различавшиеся между собой размерами имущества. Кто из своего имущества или земельного участка получал ежегодно пятьсот мер (медимнов) хлеба или соответствующее количество вина и масла, то есть обладал податным капиталом в шесть тысяч драхм, тот принадлежал к первому классу, члены которого назывались пентакосиомедимнами, получающими пятьсот мер хлеба. Принадлежавшие ко второму классу должны были получать от трехсот до пятисот мер и обладать податным капиталом не менее чем в три тысячи шестьсот драхм. Они назывались всадниками, потому что могли содержать коня, и из них выбирались конные воины. Находившиеся в третьем классе назывались зевгитами, то есть такими, которые были в состоянии содержать для обработки своего поля одну запряжку волов и получали от ста пятидесяти до трехсот мер ежегодного дохода, равнявшегося тысяче восьмистам драхмам капитала. Они должны были иметь полное вооружение гоплитов (тяжеловооруженных воинов), в качестве которых и служили на войне. Феты, то есть работники, поденщики, ремесленники, торговцы, составляли четвертый класс. Они имели годовой доход меньше ста пятидесяти медимнов, составляли в войске легковооруженных и служили матросами на флоте.

Этот самый многочисленный класс был свободен от налогов, имел

право голоса в народных собраниях, но был лишен права занимать государственные должности. Доступ к этим должностям имели только члены трех первых классов; достоинство же архонтов осталось исключительно за членами первого класса. Право голоса в народных собраниях имело, однако, весьма важное значение. Народное собрание решало вопросы о мире и войне, утверждало законы, выбирало должностных лиц и требовало отчета в государственных расходах. Народное собрание составлялось из всех граждан, достигших двадцатилетнего возраста, и утверждало решения большинством голосов (поднятием руки, черепками или камешками). В народном собрании принимали участие только афинские граждане. Ни один иностранец под страхом смертной казни не смел являться в народное собрание. Приобретение же права гражданства Солон весьма затруднил.

Для того чтобы придать осмысленность и благоразумие этой подвижной массе народного собрания, Солон, по его собственному выражению, установил «два якоря». Одним из них был ареопаг, который до Солона был уголовным судом, заседавшим в ночной темноте. Солон устроил ареопаг совершенно по-новому, в соответствии со всем новым законодательством. Членами ареопага назначались ежегодно выбывающие архонты, то есть ареопаг состоял из представителей только первого класса. Круг его действий, кроме разбирательства дел об убийстве и других тяжких преступлениях, состоял в на-

блюденнии за исполнением законов и религиозных обрядов и за правами граждан. Он также имел право высказывать возражение против всякого решения совета или народного собрания, если это решение представляло опасность для благосостояния государства или заключало в себе нарушение существующего государственного устройства. В первые времена без арелопага не принималось ничего сколько-нибудь важного.

Вторым якорем, предназначенным Солоном для укрепления народного собрания, был совет четырехсот, позднее — пятисот, когда число классов в Афинах увеличилось. Хотя в этот совет выбирали все четыре класса, но избираемые должны были принадлежать к лицам только первых трех классов, причем прошлая жизнь их подвергалась строгому разбору, который назывался «докимасия». Докимасия включала проверку наличия полных гражданских прав, фамильного склепа, исполнения воинской обязанности, уплаты налогов и почтения к родителям. Этот совет имел право созывать народное собрание и предварительно рассматривал все вопросы, прежде чем они предлагались народному собранию. То, что он не считал полезным, вовсе исключалось из обсуждения народного собрания. Он имел исключительное право заведовать финансами, в нем сосредоточивались правительственная и административная власть. Совет также заведовал вооружением войска и флота и мог задерживать и сажать в тюрьму государственных преступников. Председатель совета был храни-

телем государственной печати, ключей от казнохранилища и крепости. Однако власть совета была ограничена, и без одобрения народного собрания никакое постановление его о войне или мире не могло иметь само по себе окончательной силы. Совет заседал в особом помещении и в определенное время. В промежутке между заседаниями текущими делами управлял комитет из ста избранных членов совета, которые назывались пританами.

Хотя оба эти учреждения и должны были обуздывать народное собрание, но последующая история покажет нам, как, несмотря на это, народное собрание, ослабляя значение обоих своих противовесов, постоянно расширяло свою власть и давало все больше и больше простора коренившемуся в народе демократическому духу. Составился и народный суд, гелиэя, в который архонты ежегодно назначали по жребию из четырех классов по тысяче граждан. Сначала суд этот был апелляционный, а впоследствии стал высшей судебной инстанцией для уголовных преступлений и важнейших юридических вопросов.

Республиканским духом проникнуты и многие другие узаконения, касавшиеся частных отношений.

Каждый афинский гражданин мог кому угодно завещать свое имущество. До Солона это не было позволено, и имущество должно было оставаться в семье как общая родовая собственность. Теперь же гражданин, не имевший детей, получил право отказывать все свое по своему желанию.

Таким образом имущество впервые перешло в собственность. Далее, всем гражданам было дозволено заниматься ремеслами, и сын не был обязан содержать в старости своего отца, если тот не научил его какому-нибудь мастерству. Эти два постановления поощряли афинян к промышленности и торговле, в которых так нуждалась неплодородная и в то же время столь удобная для мореплавания Аттика.

В высшей степени замечателен выдающийся всю политическую проницательность Солон закон, в силу которого каждый, кто во время народных движений не принимает чьей-либо стороны, должен объявляться бесчестным. Этим законом Солон желал противодействовать вредному равнодушию благомыслящих людей к общественным делам, вследствие чего часто одерживают верх дурные начала.

Воспитание юношества Солон не обратил, как Ликург, в дело государственное, но, напротив, предоставил больше на волю и средства частных лиц. Гимнастика, по общему греческому обычаю, составляла в Афинах, как и в Спарте, главную школу при воспитании юношества, но ею не заставляли заниматься с такой суровой строгостью. Свобода и многосторонность, предоставленная Солоном деятельности афинских граждан, внесли нравственное, умственное и художественное начала в круг их образования и в высшей степени способствовали богатству и разносторонности развития государства. Юношество должно было обучаться музыке, чтению и в совершенстве знать лучшие произведения поэзии,

в особенности религиозного содержания.

Затем Солон заботился об оживлении любви к отечеству. По одному из его постановлений дети павших на поле сражения с оружием в руках воспитывались за счет государства; по другому — убитым в сражении воздавались торжественные похороны, сопровождаемые похвальными речами. И действительно, оба эти постановления способствовали подъему в гражданах воинственного духа на защиту отечества.

Господствовавшая в афинском государстве кротость происходила также и оттого, что Солон отменил кровавые законы Дракона, сохранив их только за убийство и за другие уголовные преступления, а также в отношении тех, кто обижал бедняка, ребенка, женщину или раба. По кроткому обращению с рабами Афины в особенности отличались от Спарты, поэтому говорили, что рабы в Афинах менее стеснены, чем свободные граждане в других государствах. Особого восхваления заслужил также закон Солон, запрещающий дурно говорить об умерших.

Этими и подобными им законами Солон положил основание дальнейшему развитию отличительного афинского духа. Законы его, написанные на деревянных досках, были открыто выставлены в городе. После того как граждане покалялись в течение десяти лет не отменять и не изменять новых законов, Солон отправился путешествовать в Египет, на остров Кипр и в Малую Азию и на пути своем посетил Креза, царя лидийского.

7. Писистрат (560—510 гг. до н.э.)

Но во время путешествия Солона в Афинах произошли события, показавшие, что законы не могут удержаться сами собою, а для своего упрочения нуждаются в поддержке сильного правителя. Уже в то время, когда Солон в качестве законодательного архонта пытался укрепить государство своими новыми установлениями, многие изъявляли желание, чтобы он стал верховным правителем Афин или тираном (в греческом смысле этого слова). Отрывки из стихотворений Солона показывают, что он считал необходимым защищаться от тех, которые упрекали его в том, что он желает господства не себе, а своим законам, и усматривали в этом не скромность, а слабость и малодушие. Подобную скромность считали неблагоразумной. Не думая, что убеждения и законы достаточно сильны сами по себе для изменения государственного устройства, они охотно подчинились бы управлению столь справедливого и благоразумного человека, как Солон.

То, что отверг Солон, удалось получить одному из его родственников, Писистрату. Он отличался властолюбием и воспользовался настроением умов к тирании не только ради своих личных интересов, но и к выгоде государства.

Лишь только удалился Солон, как тотчас же выступили друг против друга три упомянутые выше партии, которые из перемены правления хотели извлечь каждая для себя гораздо

больше пользы, чем предоставлялось им уравнительным Солононовым законодательством. Во главе педиев стал Ликург, паралиев — Мегакл из рода Алкмеонидов, а диакриев — Писистрат. Таким образом к партии Писистрата принадлежала беднейшая часть народа, всецело покоренная его высоким умом и увлекательным красноречием. Она ожидала от своего предводителя расширения политических прав и распределения земельной собственности.

Писистрату легко удалась хитрость, при помощи которой он создал для себя независимую власть. Он сам нанес себе рану и, приказав привезти себя в таком виде на колеснице на городскую площадь, сумел уверить народ, что он пострадал от своих врагов за политические убеждения. Раздраженный народ изъявил готовность сражаться за него и охранять его, а один из друзей Писистрата сделал предложение дать ему для охраны пятьдесят вооруженных телохранителей. Это предложение было одобрено советом четырехсот и утверждено народным собранием. Писистрат в скором времени увеличил число этих телохранителей по своему собственному усмотрению и начал беспрекословно править Афинами.

Между тем Солон вернулся и стал свидетелем всех этих происшествий. Но волнения партий пересилили его влияние, а преклонные лета требовали покоя, поэтому он устранился от общественной жизни и только старался переговорами с предводителями партий внести мир и согласие в их отношения. Но старания его не име-

ли успеха. Так же тщетно старался он убедить народ не поддаваться обману и не предоставлять в распоряжение Писистрата охранной стражи. Наконец, увидав, что одна часть граждан была введена Писистратом в ослепление, а другая от страха не решилась сопротивляться ему, Солон удалился с городской площади, сказав: «Писистрат умнее первых и мужественнее вторых».

Достигнув власти, Писистрат выказал себя благоразумным правителем, продолжая уважать и пользоваться советами престарелого Солона, который не переставал в речах и стихотворениях упрекать граждан в неблагоразумии и малодушии. Когда Солон умер, Писистрат не перестал соблюдать его законы и, как рассказывают, будучи уже тираном, сам явился на суд в ареопаг, когда был обвинен в убийстве. Архонты и члены совета выбирались по-прежнему; при этом заботились только о том, чтобы большинство их состояло из приверженцев Писистрата.

Однако власть Писистрата еще не была настолько прочной, чтобы противостоять каждому сопротивлению. Мегакл и Ликург, бежавшие из Афин в страхе за свою жизнь, возвратились и с помощью своих приверженцев в 554 году изгнали Писистрата из города. Но вскоре они сами вступили в борьбу друг с другом и сильно потесненный Ликуртом Мегакл предложил Писистрату вступить в брак с его дочерью, обещая за это помочь ему снова получить верховную власть. Писистрат принял предложение, и они для достижения своей цели придумали хитрость, которую Геродот считает не-

сколько грубой для эллинов, с давних пор отличавшихся от варваров умом и сметливостью, и в особенности для афинян, которые по уму занимали первое место среди греков.

Они выбрали женщину, отличавшуюся высоким ростом и необыкновенной красотой, поставили ее во всеоружии на колесницу и въехали вместе с ней в город. Впереди шли глашатаи и громко восклицали: «Примите Писистрата с любовью: сама богиня Афина уважает его более других смертных и вводит в свой город!» Слух о том, что женщина эта сама богиня, быстро распространился по городу, и афиняне, убежденные в справедливости этого слуха, приняли Писистрата (в 550 г. до н.э.).

После этого Писистрат разошелся с дочерью Мегакла. Тогда Мегакл, разгневанный и оскорбленный, снова соединился с противниками Писистрата. Узнав об этом, Писистрат покинул Аттику, удалился в Эретрию и старался там добыть себе людей и денег в соседних государствах, которые прежде были с ним в союзе.

Лишь спустя одиннадцать лет, собравшись с силами, Писистрат снова вернулся в Аттику, в 538 году занял Марафон и получил еще значительную поддержку из Афин и из самой области Аттики. Во главе собранного войска он напал на Афины и в битве при Паллене обратил своих противников в бегство. Со свойственным ему благоразумием он тотчас послал своих сыновей за бежавшими и приказал ободрить их и уговорить вернуться домой, обещая, что им ничего дурного не сделают. Когда беглецы вернулись,

Писистрат избавился от дальнейшей борьбы.

Многочисленные враги его или пали в сражении, или, спасая свою жизнь, тотчас бежали.

Чтобы избавиться на будущее от противников, Писистрат распорядился захватывать и отсылать в качестве заложников на покинутый остров Наксос детей знатных граждан, казавшихся ему подозрительными. Он правил Афинами справедливо до самой своей смерти в 527 году и постоянно старался распространять умственное образование.

8. Дельфийский оракул

Рядом со Спартою и Афинами, историю которых мы довели до известной степени развития и которые частью уже в это время, а частью впоследствии вступили между собой в борьбу и неприязненные отношения, в Греции существовало еще множество государств. История их не настолько известна нам, чтобы мы могли так же всесторонне изложить их судьбу и устройство их государственных учреждений. Мы знаем только, что их государственное устройство уподоблялось или афинскому, или спартанскому. Что же касается их политического значения, то они почти всегда примыкали к одному из этих двух государств. Однако, несмотря на то, что общий мир эллинских государств распался на множество отдельных, самостоятельных частей, которые с трудом соединялись в одно целое — и то лишь для отражения общего врага, угрожавшего их обще-

му отечеству, — существовали такие учреждения, благодаря которым все эллины сознавали единство своего происхождения. Таковыми были их общая религия и связанные с нею оракулы, амфиктионии — род религиозных союзов, священные игры, а также их общий язык и излагавшиеся на нем произведения, художественные и научные.

Свойственное всему миру в древности убеждение, что боги непосредственно общаются с людьми, и вера в то, что такое общение отчасти выражается в известных откровениях богов, породили множество явлений, среди которых самыми замечательными являются оракулы.

Оракулов в Греции было несколько, но ни один из них не приобрел такого значения и уважения, как Дельфийский, посвященный богу Аполлону. В Фокиде, в диком ущелье горы Парнас, находится пещера с трещиной в земле. Через эту трещину выходят газообразные испарения, производящие опьяняющее действие. Это место и было избрано жрецами для устройства прорицалища.

Над этой дымящейся трещиной ставили треножник, на который садилась жрица, называемая пифией (сначала в пифии выбиралась молодая женщина, впоследствии — старая). Испарения, поднимавшиеся из трещины, приводили пифию в исступление. В подобном состоянии, считавшемся доказательством того, что она вдохновилась Аполлоном, пифия произносила бессвязные и отрывочные слова. Жрецы из этих слов слогали гекзаметрами предсказания, ко-

торые согласовывались с данными обстоятельствами. Эти предсказания часто заключали в себе двусмысленные ответы на предложенные посетителями вопросы, касавшиеся как отдельных лиц, так и целых государств. В Греции, особенно у дорийских племен, не предпринималось ничего сколько-нибудь важного без предварительного мнения об этом Дельфийского оракула.

Всеобщее уважение, которым пользовался этот оракул и за пределами Греции (доказательством служит пример Креза), выражалось в богатых приношениях звонкой монетой, драгоценностями, произведениями искусства, наполнявшими храм, на котором знаменательная надпись гласила: «Учись познавать самого себя». Охраняли эти священные жертвоприношения жрецы, состоявшие из почетных граждан Дельф. Сечение множества иностранцев, непрестанные празднества и процессии доставляли и занятия, и выгоды всем дельфийским жителям.

Влияние Дельфийского оракула в первые времена было по большей части благотворно. Нередко сила его прорицаний, имевшая величайший авторитет, предотвращала раздоры и кровавые столкновения. Таким образом, этот оракул составлял связующее звено между греческими племенами, разъединенными взаимным соперничеством. Позже, вероятно всего с началом Пелопоннесской войны, этот оракул стал приходить в упадок из-за усиливавшейся продажности жрецов и возраставшего просвещения народа. В конце кон-

цов он стал предметом презрения и насмешки.

В тесной связи с Дельфийским оракулом находилась Дельфийская амфикимония — союз двенадцати соседних государств, первоначально созданный с целью праздновать общие религиозные торжества, а впоследствии служивший для охраны Дельфийского храма, святилища Деметры в Анфеле и надзора за пифийскими праздничными играми. Вскоре эта амфикимония, состоявшая из фокийцев, фессалийцев, беотийцев, а также афинян и спартанцев, приобрела и политическое значение. Она устанавливала основные международные правила, имевшие обязательную силу как во время мира, так и во время войны.

Весною Дельфы служили сборным местом, осенью же собрания происходили в Анфеле, при Фермопилах. Эти собрания состояли из послов государств, имевших право принимать участие в этом союзе. К нему обычно причисляют следующие племена: ионийцы, дорийцы, беотийцы, фессалийцы, локрийцы, фокийцев, перребы, ойтейцы, магнеты, феотийцы и долопы.

Названия этих племен указывают на то, что первоначально союз ограничивался народами Фессалии и ближайших к ней областей. Но когда некоторые из этих народов, как, например, дорийцы и ионийцы, распространились в большей части Греции, то в союзе приняли участие все государства, основанные каким-либо из народов, входящих в Амфикиион союз. Каким образом распреде-

лялись голоса между относящимися к одному племени различными государствами, неизвестно. Послы, отправляемые членами союза, назывались пилагорами и иеромнемонами; пилаторы составляли род постоянного совета для обсуждения политических вопросов; иеромнемоны назначались для решения религиозных дел.

Совсем иного рода, чем амфикистии, но также связующим всю Грецию учреждением были торжественные общественные игры, которые доставляли повод к большим многочисленным собраниям. В Дельфах каждые восемь лет проходили Пифийские игры в честь бога Аполлона, Истмийские бывали каждые два года на Коринфском перешейке в честь Посейдона, и Немейские происходили также каждые два года в честь Зевса в Немее, в Арголиде. Но все эти игры далеко уступали по своему значению играм Олимпийским. Они праздновались в Олимпии, в Элиде, каждые четыре года, и устраивались в честь Зевса Олимпийского.

Считается, что первые Олимпийские игры учредил Гераклес, а возобновил их Ифит, царь Элиды, современник спартанского Ликурга. Дельфийский оракул на вопрос Ифита о возобновлении игр не только одобрил это намерение, но и предписал, чтобы все государства, которые будут принимать участие в этих играх, устраивали перемирия на время игр для того, чтобы они могли проходить как можно спокойнее и чтобы на них могли стекаться все эллины. Жители Элиды, на которых, по

преданию, еще Гераклес наложил заботу об этих играх и жертвоприношениях, были объявлены посвященными служению Зевсу, не имели права вмешиваться в военные дела и были признаны неприкосновенными от всякого нападения.

Эти празднества продолжались пять дней. Начало и окончание их сопровождалось жертвоприношениями Олимпийскому Зевсу на алтаре, который возвышался на двадцать футов. Священные процессии и пение гимнов прославляли Олимпийские игры и возводили их в степень религиозного обряда. Представления всякого рода искусства телесного и духовного характера делали этот праздник средоточием физического и умственного развития эллинского мира. Так как сюда стекалось множество народа из всей Эллады, то победа на этих играх, награждаемая оливковым венком, составляла предмет величайшей славы и счастья. Сами цари — например Гиерон и Дионисий Сиракузские, Филипп Македонский — добивались победы на Олимпийских играх. Когда отдельные лица одерживали победу, эта победа служила к прославлению и их родины, так как имя ее провозглашалось вместе с именем победителя. Поэтому в честь победителя сограждане воздвигали его статую в Олимпии.

При первоначальном основании и восстановлении этих игр они были не состязательны и весьма просты. С течением времени характер и значение этого празднества увеличились. Главным предметом состязаний вначале был только бег взапуски на расстоя-

ние в один стадий (стадий составлял расстояние в 192,28 м). Постепенно к бегу присоединились конные ристания на четверке лошадей, борьба, кулачный бой, метание дисков и прыжки в длину.

Игры обычно начинались с восходом солнца на берегах реки Алфей. Здесь была устроена ровная, длинная дорога, разделившая равнину на две части. Левая сторона, ипподром, предназначалась для конных ристаний, правая, стадиум, служила для бега и борьбы. Увенчание победителей происходило в священной роще при восторженных кликах собравшегося народа. Кроме того, поэты прославляли победителей песнями. Творцом таких торжественных гимнов был, например, Пиндар Фиванский (522—442 гг. до н.э.). Чтобы слава такой победы доставалась одним лишь эллинам, и только достойнейшим из них, было установлено, что правом участвовать в играх могут пользоваться только свободные лица греческого происхождения, рожденные в законном браке и безукоризненной нравственности. Почти тысячелетнее существование этих игр свидетельствует о том, какую приверженность сохраняла к ним Эллада. Так как они в то же время служили к объединению всех эллинов, то впоследствии повторение Олимпийских игр через каждые четыре года послужило основанием для летоисчисления и хронологического определения событий греческой истории, которая и раздвигалась по Олимпиадам. Последняя Олимпиада античности состоялась в 393 году н. э.

9. Духовная жизнь греков

Главными источниками для ознакомления с духовной жизнью, в частности с религией древних греков, являются творения двух поэтов: Гомера (приблизительно VIII в. до н.э.) и Гесиода (около 700 г. до н.э.). По выражению Геродота, «они создали эллинам родословное дерево богов», то есть привели представления о давно почитаемых богах и о деятельности в систему, которая не изменилась существенно и впоследствии. Согласно этой системе народ представлял себе внешний облик, жизнь и взаимные отношения богов такими же, как у людей. По понятиям древних греков, боги не непорочные, нравственно возвышенные существа, а существа, наделенные страстями в значительно большей степени, чем люди, но свободные от всех человеческих скорбей и печалей, привольно живущие, пользующиеся в неиссякаемом избытке юношеских сил чувственными наслаждениями и питающиеся только нектаром и амброзией.

Жилищем бессмертным богам служила гора Олимп. Немаловажный по своему значению намек на понятие о единобожии следует искать в выдающемся положении Зевса. Он — высшее божество, отец богов и людей, тучегонитель, громовержец, эгидодержатель (эгида — щит, сделанный богом Гефестом). Гера — жена и сестра Зевса, ревнивая и своенравная. Она покровительствует браку. Главным местом поклонения Гере был Аргос. Ей посвящены павлин и ворон.

Гефест — бог огня; кузница его была на Этне, ему помогали одноглазые циклопы. Любимейшею дочерью Зевса была Афина-Паллада; она вышла в полном вооружении из головы Зевса. Афина — богиня мудрости, ясности и прозорливости как на войне, так и в мире; она также покровительствовала женским ремеслам. Главным местом ее почитания были Афины. Афине была посвящена сова. Благороднейший сын Зевса Аполлон был богом солнца и света, его прозвище Феб означает «светозарный». Он считался творцом образования и был поэтому богом прорицания, поэзии, а также отвращал людей от болезней и мог насыщать их. Главным местопребыванием его были Дельфы — город знаменитого оракула. Ему сопутствовали девять муз: Каллиопэ — эпическая поэзия, Эвтерпа — лирическая поэзия, Мельпомена — трагедия, Эрата — любовная поэзия и пантомима, Полигимния — хвалебные песни, Талия — комедия, Терпсихора — танцы, Клио — история, Урания — астрономия. Они жили на горе Парнас, откуда берет начало Кастальский источник, вода которого дает дар пророчества.

Сестра Аполлона Артемида была богиней охоты и живой природы. Она была символом девственной чистоты и целомудрия.

Богом войны был Арес. У Гомера он называется истребителем народов, сокрушителем стен.

Афродита — богиня любви, всегда сияет блеском красоты. Ей посвящены мирт, голубь и воробей. Главным местом почитания Афродиты

был остров Кипр, поэтому ее называют Кипридой. Свиту ее составляли хариты — богини прелести и милотворности.

Вестником богов был Гермес, снабженный золотым жезлом и крылатыми сандалиями. В то же время он был богом взаимных отношений между людьми, богом-покровителем торговцев и всякого рода занятий, в котором средством достижения цели служили ловкость, хитрость и лукавство. Он также сопровождает души умерших в подземное царство. Он имел прозвище «Аргусоубийца», так как по приказанию Зевса убил Аргуса, человека необычайной силы, имевшего сто глаз и приставленного Героем стеречь прекрасную Ио.

Богиней домашнего очага и покровительницей всякого государственного сообщества почиталась Гестия.

Главным богом морей, всех источников и вод был брат Зевса — Посейдон, а многочисленную свиту его составляли тритоны и nereиды — мужские и женские насмешливые водяные духи. Ему также был подвластен морской старец Протей, отличавшийся необыкновенной способностью к превращениям.

Из подземных богов самым выдающимся был и Плутон со своей супругой Персефоной. Плутон был богом царства теней Аида, вход в которое стерег трехглавый пес Цербер. Перевозчик Харон перевозил души умерших через реку Ахерон в Аид. Здесь души пьют из реки Леты забвение земного бытия и после этого превращаются в бесплотные тени. Судьями мертвых были Минос, Рада-

мант и Эак. По их приговору души отправлялись в Элизиум — обитель блаженства, или в Тартар — место мучений. Например, в Тартаре Сизиф должен был в наказание катить в гору камень, который каждый раз с громовым шумом скатывался с вершины, и Сизиф вновь бесконечно поднимал его. Данаиды должны были наполнять бездонную бочку. Тантал стоял по горло в воде и не мог достать ее, чтобы напиться, видел перед собой привлекательные плоды и не мог их сорвать, так как ветер каждый раз отодвигал от него ветку с плодами.

Деметра была олицетворением матери-земли. Она была богиней земледелия и плодородия. Для ее поклонения в Элевсине были учреждены мистерии, в таинствах которых скрывался глубокий смысл: правильное умирание и возрождение растительного мира служило прообразом бессмертия души, потому что каждая человеческая жизнь хотя и делается добычей смерти, но только для того, чтобы еще могущественнее и прекраснее выйти из царства тьмы.

Богом веселья и вина был Дионис, которого также называли Вакхом. За Дионисом постоянно следует множество горных и лесных духов, имеющих наполовину человеческий, наполовину звериный облик: козлоногие и рогатые сатиры, силены; менады и вакханки — неистовые женщины, служившие воплощением необузданного веселья, которое было вызвано вином и музыкой. Здесь были и нимфы — женские духи, наяды — духи воды, орады — горные духи и дриады — лесные духи. Отличительны-

ми знаками Диониса были плющ, козел и жезл, увитый виноградом, с соевой шишкой на конце. Из культа Диониса с его хорами и чередовавшимися с ними песнями возникли впоследствии трагедия и комедия.

Олицетворением нравственных идей служили: Фемиды, богиня правосудия с весами и пальмовой ветвью; Немезиды — мстительница за людскую заносчивость; эринии с факелами и змеиными волосами, преследующие преступника, как дикого зверя, даже в подземном мире и олицетворяющие собой угрызения совести; Ата — богиня, олицетворяющая мгновенное помутнение рассудка, приносящее человеку несчастье; Мойры — богини судьбы: первая из них, Клото, прядет нить жизни, вторая, Лахесис, тянет ее в разные стороны и тем определяет участь человека, а третья, Атропос, перерезает жизненную нить.

Греческий язык, отражавший в своей гибкости, правильности, ясности, глубине и благозвучности отличительную особенность духа эллинского народа, был вторым главным элементом, благодаря которому эллины сознавали свое единство. Он состоял из четырех главных диалектов: ионийского, аттического, дорийского и эолийского.

Наличие разных диалектов не мешало характеру общности языка, так как все они были знакомы каждому греку и служили для выражения различных родов поэзии. Например, ионийско-эолийский диалект был основой эпоса, а дорийский — хорового пения.

Древнейшие известия о возникновении греческой образованности и ли-

тературы начинаются с имен баснословных Орфея, Лиана и Мусея. Это, скорее всего, были мудрецы, жрецы и учителя народа, и их религиозным и нравоучительным песням приписывается первоначальное просвещение греческого народа, введение мистерий — таинственных высших учений. Они были родом из Фракии и оттуда распространили свои учения по всей Греции.

Греческая поэзия возникла тогда, когда эллинам после завершения переселений и умиротворения внутренних смут удалось достигнуть прочных форм существования, а отдельные племена, благодаря прекрасному климату и счастливому положению страны, способствовавшему развитию торговли, благосостоянию и развитию искусств, возвысились до более свободного и благоустроенного образа жизни.

Такое счастливое стечение обстоятельств в особенности выпало на долю ионийских колоний на побережье Малой Азии, и в них впервые расцвел гений, который стал образцом для всех времен в области эпической поэзии. Это был Гомер. Место его рождения неизвестно, и впоследствии семь городов оспаривали друг у друга славу именоваться его родиной. Выше было упомянуто, что знаменитый поход на Трою и возвращение героев оттуда составляют содержание знаменитых творений этого поэта, «Илиады» и «Одиссеи». Мы уже приводили некоторые отрывки из этих творений, чтобы дать живое и всестороннее представление об эллинском духе. Известно, что первым принес эти по-

эмы в Элладу Ликург. Писистрат же поручил целому обществу ученых собирать и привести в порядок отдельные разрозненные части этих поэм, и именно в этом виде с тех пор читались и заучивались в школах наизусть песни Гомера.

Песни Гомера были образцовыми творениями, ни одно эпическое произведение, написанное после Гомера, не достигало его высоты. После Гомера появились так называемые циклические поэты, создававшие большие или меньшие циклы песен, описывающих события Троянской войны. В поэмах «Разрушение Илиона» и «Малая Илиада» были изложены события, составлявшие продолжение содержания гомеровской «Илиады».

Потом появились первые исторические повествования, начало которых было также в Ионии. Самыми древними историческими писателями, которых называли логографами, были Кадм из Милета, Дионисий, Гекатей и Гелланик. Отцом истории считается Геродот (484—425 гг. до н.э.), на которого мы не раз ссылались. Он был родом из города Галикарнаса в Кarii, свою историю он написал на ионийском диалекте.

Первым исторически достоверно установленным поэтом был Геспод, родившийся около 700 года до н.э. От него до нас дошло два произведения: «Теогония» и «Труды и дни». Первое повествует о сотворении мира из хаоса и излагает генеалогию богов. Во втором поэт излагает разные правила житейской мудрости, дает советы по ведению домашнего хозяйства и осо-

бенное внимание уделяет описанию сельскохозяйственных работ.

Вот два образца из его поэзии, которые характеризуют и направление самого поэта, и его время:

*«Выше всех тот,
кто находит мудрый совет
и его принимает,*

*ибо совет тот ему же
в грядущем будет полезен.*

*Благоразумен и тот,
кто охотно слушает
более мудрых.*

*Но безрассудно
глухой к учению мудрых
срамит человека*

*и обращает его
в бесполезное бремя земли».*

*«Друга на пир своего
приглашай,
но врага — ни за что.*

*Прежде ж того пригласи,
кто живет по соседству
с тобой;*

*В горе домашнем
неопоясанный сосед
поспешит,*

*тогда как твой кровный друг
еще опояшется прежде.*

*Честный сосед будет
столько ж полезен,
насколько злой вреден.*

*Тот должен считаться
счастливым, у кого есть
честный сосед.*

*Если нет злого соседа,
то даже быка не лишишься.*

*Если сосед твой честно
отмерит, то отмерь ему
тою же мерой,*

*а если ты можешь,
то воздай ему еще большим,*

*ибо найдешь его легче,
когда в нем
будешь нуждаться».*

Примерно в это же самое время процветали и так называемые «семь греческих мудрецов», к которым принадлежали: Солон, Фалес из Милета, Хилон из Спарты, Биант из Приены, Питтак с острова Лесбос, Периандр Коринфский и Клеобул; им принадлежат знаменитые изречения, не утратившие силы и в наше время: «Укажи дорогу заблудшему» и «Никогда не делай через меру» (Солон); «Прощение лучше мщения» и «Не попрекай никого бедою, ибо сам в нее попасть можешь» (Питтак); «На пути от юности к старости запасись мудростью» (Биант); «Не будь заносчив в счастье и малодушен в несчастье» (Клеобул); «Дело мастера боится» (Периандр); «Держи язык за зубами» (Хилон); «Счастлив тот, кто здоров, богат и образован» (Фалес).

Упомянем и знаменитого баснописца Эзопа, жившего в VI веке до н.э. и происходившего из Фригии или Фракии. Сама история его жизни представляется нам баснословною: он был маленького роста, горбат и настолько беден, что вынужден был продаваться в рабство. Басни его, составленные первоначально в прозе, сохранились далеко не в первоначальном своем виде. Существующий и в настоящее время сборник басен Эзопа был составлен поэтом II века н.э.

Бабрием, который их собрал и обработал.

Нежный и спокойный дух созерцания вселенной, проявившийся у выше-названных поэтов, достиг своего наибольшего развития у поэтов лирических, принадлежавших в основном к эолийскому или дорийскому племенам.

Архилох с острова Парос (середина VII в. до н.э.) прославился силою и живостью своих стихотворений, в которых он впервые употребил ямбы. Рассказывают, что в одном сражении Архилох трусливо бросил щит на поле боя и бежал. По этой причине некий Ликамб, обещавший ему руку своей дочери, отказал ему в ней. За этот отказ поэт отомстил такими язвительными стихами, что Ликамб и его дочь решили повеситься. Своими острыми нападениями на знатнейших граждан Архилох возбудил к себе неприязнь и был изгнан с родного острова. Но вскоре после того, как Архилох в состязании с лирическими поэтами на Олимпийских играх заслужил всеобщую похвалу, родной город принял изгнанника со славой и ликованием.

Алкей (около 610 г.) происходил из города Митилены на острове Лесбос, главного местопребывания эолийцев. Он писал любовную лирику и особенно ценился за песни против тиранов.

Остров Лесбос был также родиной пламенной Сапфо (родилась около 650 г. до н.э.), стихотворения которой, выражавшие страстную любовь, пользовались в древности большой славой. Жизнь и смерть Сапфо окутаны легендарными рассказами. Существует предание о том, что она, восплавав пламенной любовью к одному

юноше и будучи им отвергнута, бросилась в море со скалы.

Уроженцем Лесбоса был и Терпандр. Про него рассказывают, что он водворил согласие между спартамцами, погруженными в гражданскую войну и междоусобные распри, и имел большое влияние на развитие музыки в Лакедемонне.

В Спарте же прославился своими хоровыми песнями и Алкман, уроженец лидийского города Сарды, писавший на дорийском диалекте.

О Тиртее и замечательном воздействии его стихотворений на воинственный дух спартацев было рассказано выше, когда речь шла о Пелопоннесской войне.

В Афинах, в доме Писистрата, жил поэт Анакреон. Стихотворения его исполнены чувства веселости, он воспевал вино, любовь и молодых девушек, жалуясь на свою старость. Подобным же содержанием, преисполненным жалобами на непрочность жизненных наслаждений, отличаются элегии Мимнерна из Колофона. Следует упомянуть еще Ивика из Регия (556—468 гг. до н.э.), писавшего гимны для хорового исполнения, и Симонида с острова Кеос, создававшего песни в честь победителей спортивных состязаний.

В это же время зародилось драматическое искусство. Из обрядовых игр на праздниках в честь бога Диониса возникла греческая трагедия. Творцом ее считается современник Солона Феспид. Его произведения до нас не дошли. Сохранились трагедии его последователя Эсхила (525—456 гг.), который ввел второго актера и сделал действие драмы более динамичным.

Так разнообразно проявлялся художественный гений греков.

Все больше начинает развиваться философия. Уже было упомянуто о семи мудрецах, которые отмечали первые наблюдения созерцательного разума, особенно в отношении явлений нравственной и политической жизни. Первые философы появились у ионийских племен.

Таким философом был знаменитый Фалес Милетский (624—546 гг. до н.э.), который прославился своими астрономическими и математическими познаниями. Боги для него не существовали, и он признавал божественную сущностью во вселенной только безличное жизненное начало (души мира). Его последователями были Анаксимандр и Анаксимен, Диоген из Аполлонии, Ферекид из Сиры и Гераклит Эфесский. Другим глубоким мыслителем был Ксенофан из Колофона, для философии которого характерно враждебное отношение к традиционной греческой религии. Изгнанный из своего отечества, он жил и учил в городе Элее, в Сицилии, и в Нижней Италии, усеянной греческими колониями.

Эти колонии были по большей части дорийского происхождения: Тарент, Сиракузы, Агригент, Мессана и прочие; основаны они были в VIII—VII веках до н.э.; Кротон и Сибарис были основаны ахейцами; Катана, Леонтина и Гимёра — ионийцами с острова Эвбея. Все эти колонии были издавна богаты, могущественны и принимали участие в духовной жизни греческого народа. Здесь жило много последователей и сторонников Ксенофана. Нижняя

Италия была также местопребыванием пифагорейцев. Основатель пифагорейской школы — такой необыкновенный человек, что заслуживает более подробного рассказа о себе.

Пифагор (540—500 гг. до н.э.) происходил с острова Самос, главного местопребывания ионийцев. Он отличался необыкновенными физическими и умственными способностями. На восемнадцатом году он одержал победу на Олимпийских играх. Уже на Самосе он занимался математикой, геометрией и музыкой и, должно быть, был посвящен Ферекидом в натуральную философию. Для дальнейшего своего образования Пифагор совершил несколько путешествий, о которых сохранилось много вымышленных рассказов. Достоверно, что, кроме Элеи и Крита, он посетил и Египет. Своеобразное государственное устройство и мудрость Египта в это время привлекали к себе все выдающиеся умы Греции, а цари его начали активно общаться с греками (как, например, Амасис с Поликратом, властителем Самоса). Многие из последующих установлений Пифагора носят на себе следы влияния египетских жрецов.

У Пифагора родилась мысль организовать союз людей, тесно связанных между собой общим учением и образованием и стремящихся к одной общей цели — к управлению государством на основе науки. Быть может, он имел в виду осуществление идеала, выраженного впоследствии Платоном в следующем изречении: «Те государства будут счастливейшими, в которых правящие философствуют или философы управляют».

Возвратившись из путешествия, Пифагор убедился, что отечество его, остров Самос, который находился под властью тирана Поликрата, малопригодно для его цели. Он покинул Самос и избрал полем своей деятельности греческие колонии в Нижней Италии. В первый раз Пифагор выступил публично в Кротоне. Его телесная красота, бросающаяся в глаза, заимствованная, вероятно, у египетских жрецов льняная одежда, добродетель, сохраненная воздержанием от всего чувственного, увлекательная плавность красноречия собирали вокруг него множество слушателей и доставили ему уважение. Благодаря этим обстоятельствам Пифагор получил возможность осуществить идею о своем союзе.

Первые последователи Пифагора, принятые после предварительного испытания в этот союз, составили тесное общество. Их жизнь была подчинена определенным правилам и постановлениям, направленным на то, чтобы сделать тело здоровым, а дух воздержанным. Для этого предписывалась особая диета (им, в частности, были запрещены бобы и мясо), и они были обязаны часто заниматься музыкой как источником всякой гармонии, законы и содержание которой были открыты впервые Пифагором. Отдавая ежедневно отчет в своих деяниях и поступках, они должны были точно соблюдать предписания своего нравственного образования.

Кроме того, они должны были заниматься науками, в особенности математикой. Математика обязана Пифагору замечательными открытиями, например, названной его именем тео-

ремой; открытие этой теоремы доставило Пифагору такую радость, что он принес в благодарность богам гекатомбу — жертву из ста быков. Помимо математики, пифагорейцы занимались нравственными и политическими исследованиями.

При посвящении в цели своего союза и в передаче познаний соблюдались различные степени. Принимаемые в союз подвергались испытанию: они должны были в течение первого года молчать и беспрекословно исполнять определенные обряды и предписания образа жизни. После продолжительного и всестороннего испытания вновь принимаемый посвящался в высшие степени. Пройдя все степени, можно было стать полноправным участником общественной жизни союза и принимать участие в управлении Кротонем наравне с самим Пифагором, который хотя и не занимал никакой определенной должности, но имел большое влияние в общественной жизни этого города. Пифагорейцы и за пределами Кротона сохраняли связь друг с другом. Рассказывают, что один пифагореец умер на чужбине, не имея возможности оплатить расходы на свое содержание. Перед смертью он написал несколько иероглифов на доске и просил своего домохозяина выставить ее на большой дороге. Много времени спустя одному из единомышленников покойного случилось приехать в эту местность; он увидел знак и заплатил хозяину. Сам Пифагор пользовался в своем союзе таким уважением, что одно уверение «он сказал это» считалось неоспоримым доказательством справедливости сказанного.

Союз пифагорейцев, отличительными качествами которого были единство и согласие, в своей первоначальной форме существовал недолго. В скором времени он возбудил против себя недовольство — частью со стороны тех, кому было отказано в приеме, частью со стороны народа, который видел в нем тесно спланивающуюся аристократию.

Есть сведения о том, что в кротонском сенате заседало триста пифагорейцев. Наконец, скрытое сопротивление превратилось в явное восстание против этих пифагорейских братских союзов; многие из членов союза погибли.

Пифагор, по одним известиям, сам лишил себя жизни; по другим, он отправился в Метапонт, на побережье Тарентского залива, где и умер в глубокой старости. Но и после его смерти пифагорейцы продолжали свое существование. Они образовали философскую школу и преимущественными предметами своих занятий избрали нравственно-политические учения и математику. Таким пифагорейцем был, например, философ Архит Тарентский, который прославился в своем отечестве и как полководец, и как государственный деятель.

10. Греция перед Персидской войной

Сравнив громадность великой Персидской монархии с незначительностью Греции, можно ожидать победы Персии в предстоящей войне. Но в громадной массе персидского управления было много неповоротливости и много причин внутреннего разложения. Несмотря на введенный Дарием

в обширном государстве порядок, несмотря на лучшую централизацию управления с помощью быстрого сообщения между царским двором и столицами сатрапов, несмотря на воспитание способных военачальников и должностных лиц и на развитие сухопутных и водных путей, Персидская монархия страдала двумя развешивающими недугами. Один из них заключался в громадном различии между соединенными под одной властью народами, и можно было в любое время ожидать, что они, вспомнив о своей национальности, воспользуются минутной слабостью государства и восстанут. Другой недуг заключался в дворцовом управлении — в господстве женщин при царском дворе, которое имело пагубное, расслабляющее влияние на преемников Дария.

Персия и Греция настолько были несхожи между собой, насколько несходны Азия и Европа в самых существенных своих основаниях. Греция ушла далеко вперед в духовном и умственном отношении, и понятно, почему кажущееся подавляющее превосходство Персии нашло такой противовес в мощи быстро развивающегося греческого гения.

«В Персии все рабы, — говорил фессалиец Язон, — за исключением одного». «Для вас, греки, — говорил перс Артабан Фемистоклу, — всего важнее свобода и равенство».

В Персидской монархии во главе управляемых народов стоял один господствующий народ, а правительство и поданных соединяла не внутренняя, происходящая из равенства национальностей связь, а лишь вынужден-

ВОЕННОЕ ДЕЛО

1

3

2

4

1. Микенские кинжалы. 2-е тыс. до н. э.
2. Чаша с изображением воинов. XVI в. до н. э.
3. Голова воина в шлеме из кабаньих клыков. XIV — XIII вв. до н. э.
4. Щит с головой Ахелоя. VI в. до н. э.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

5

5. Мраморное надгробие критских наемников-лучников. IV в. до н. э.
6. Рисунки на щитах греческих городов-государств (слева направо): Спарта; Сикион; Мантиней в Аркадии; Мессена; Фивы; Фессалия; Фокида; Медуза-Горгона; венок; чаша; звезды и эмблема.
7. Статуя раненого воина. Фрагмент. V в. до н. э.
8. Афинские голифы, снаряжающиеся в поход. V в. до н. э.

6

7

8

ВОЕННОЕ ДЕЛО

1

2

3

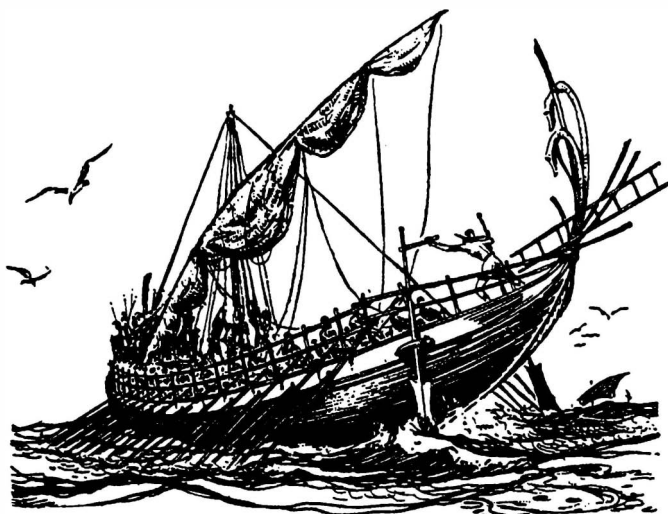
4

1. Военный танец аттических юношей. Античный барельеф.
2. Поединок грека с персом. Прорисовка с греческой вазы.
3. Надгробие воина Аристонa, погибшего в Марафонской битве.
4. Колонна. Дар Аполлону Дельфийскому после победы при Платеях.

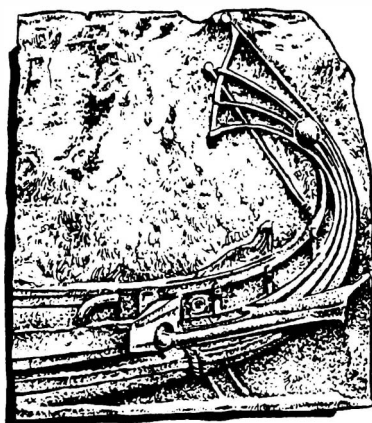
МОРСКОЕ ДЕЛО

1

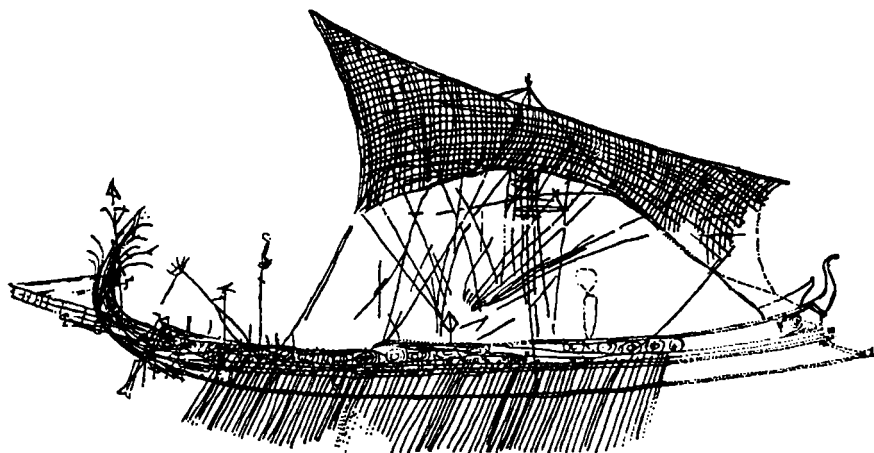

2

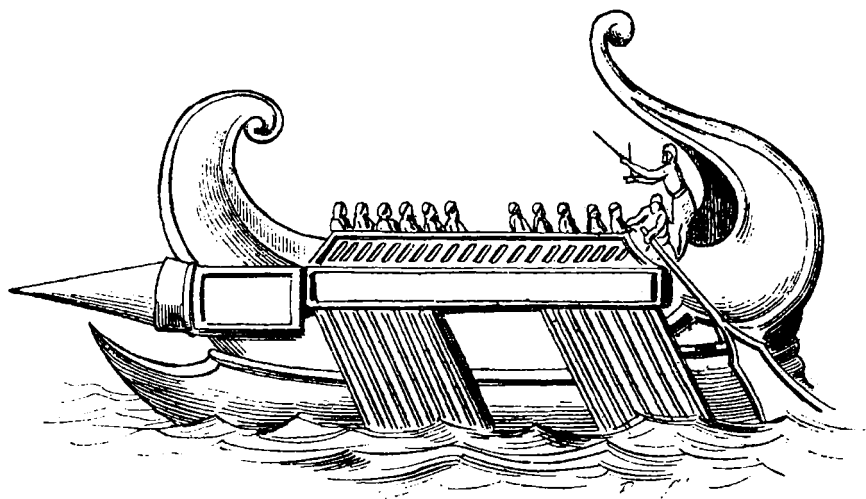

1. Греческая бирема. VI в. до н. э.
2. Современная реконструкция греческой военной биремы. VI в. до н. э.
3. Триера. Кормовые подвесные весла. Барельеф. III в. до н. э.

МОРСКОЕ ДЕЛО

1

2

1. Триера. Рисунок на стене греческой усадьбы.
2. Судно греческих пиратов. Увеличенное изображение с монеты.

АРХИТЕКТУРА

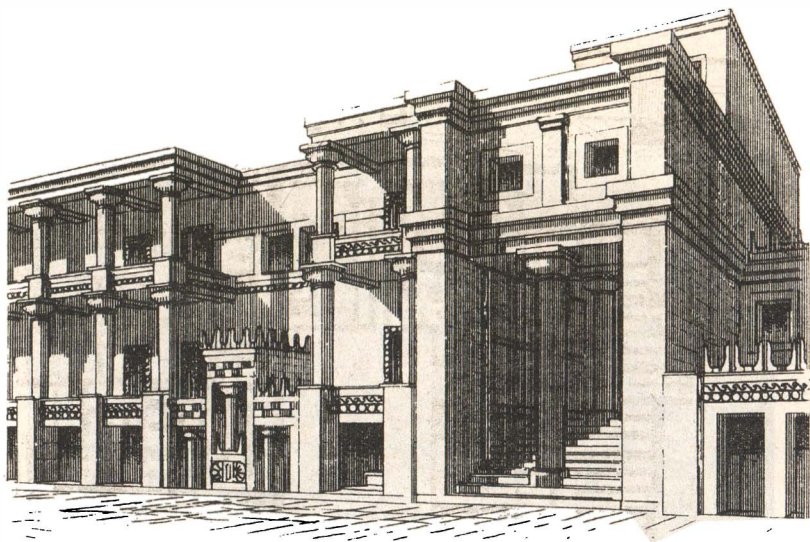
1

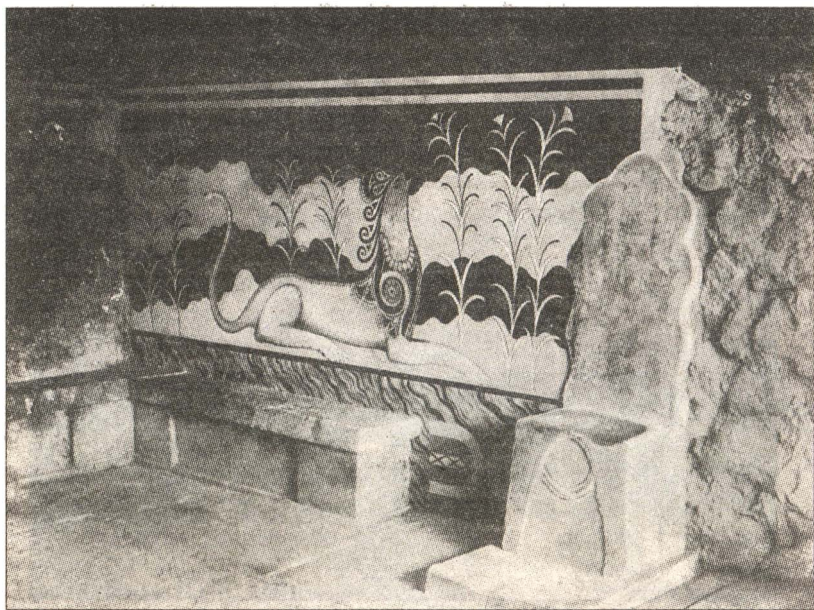
2

1. Кносский дворец. 2-е тыс. до н. э.
2. Колонны Кносского дворца. 2-е тыс. до н. э.

АРХИТЕКТУРА

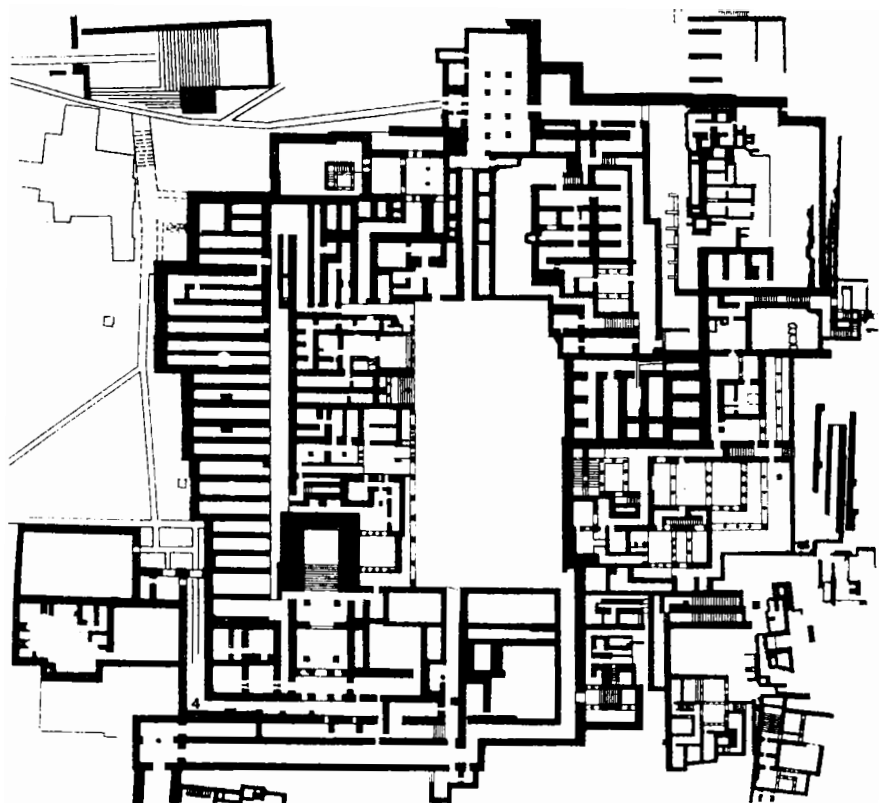
1

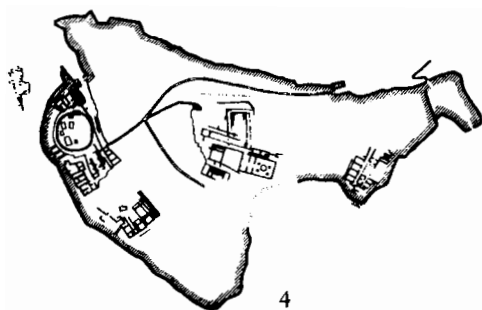
2

1. Реконструкция Кносского дворца, XVI — XV вв. до н. э.
2. Кносский дворец. Тронный зал. XV в. до н. э.

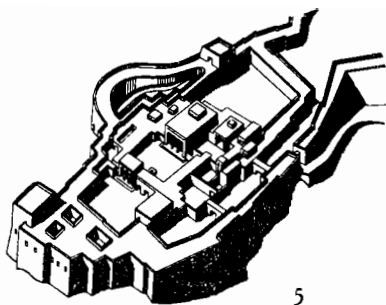
АРХИТЕКТУРА

3

4

5

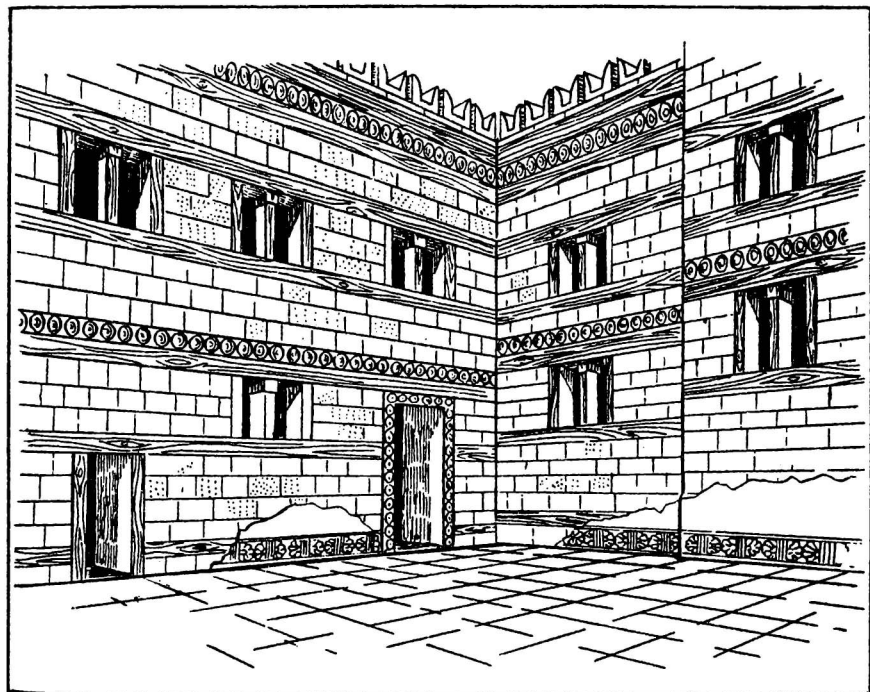
3. План Кносского дворца. XV в. до н. э.

4. План акрополя Микен. Конец XIII в. до н. э.

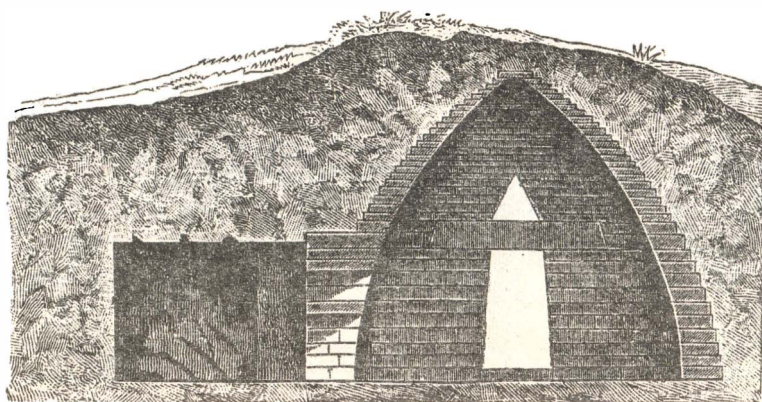
5. Реконструкция акрополя Тиринфа. XII в. до н. э.

АРХИТЕКТУРА

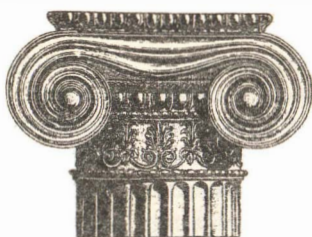
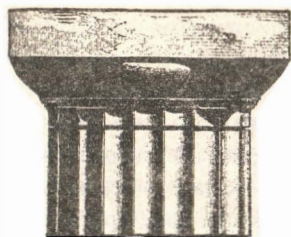

1

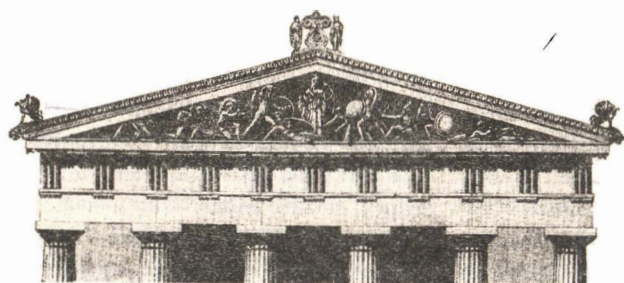

2

АРХИТЕКТУРА

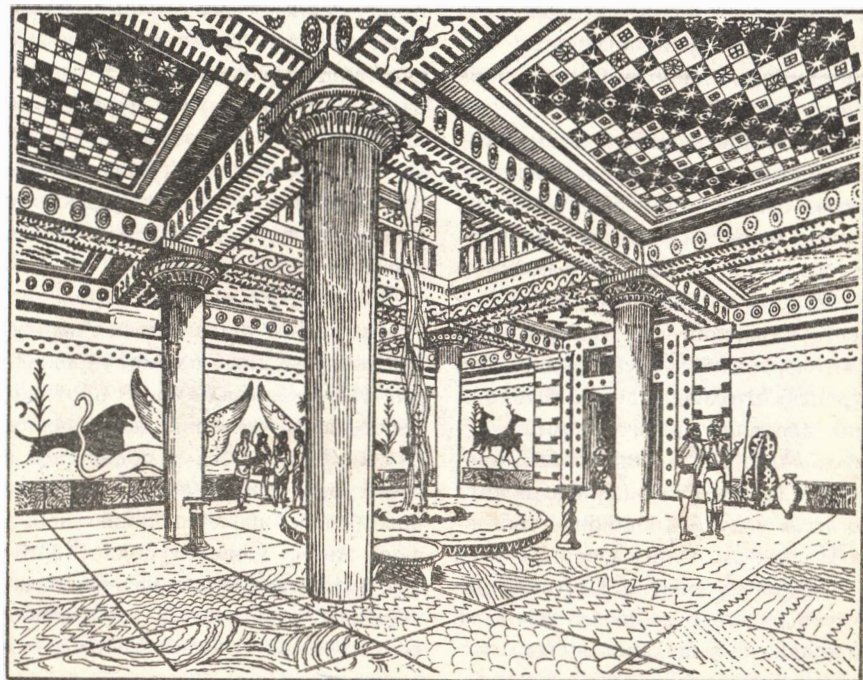

3

4

1. Внутренний двор дворца в Микенах.
2. Куполообразная гробница в Микенах.
3. Капители колонн дорического и ионического типов.
4. Фронтонная группа храма Афины на острове Эгина.
5. Тронный зал дворца в Пилосе.

5

ное повиновение. В Греции же и правители, и народ находились в более тесной связи благодаря живому стремлению к основанному на свободе и равенстве образу правления. Признавалась одна власть, проистекавшая из умственного и нравственного превосходства, а повиновение основывалось на уважении к закону. Слава государства и забота о свободном развитии духовных сил всего народа наполняли сердца греков, в то время как в Персии подвластные народы не могли воодушевляться славой господствующего народа, и этот народ старался извлекать пользу лишь для себя. Поэтому здесь главным и отличительным признаком властителей являлась доведенная до крайних пределов роскошь. В Греции же или противились всеми нравственными силами расслабляющим наслаждениям, или облагораживали их искусством и красотой.

Стремление к свободе и самостоятельности выражалось также и в том, что маленькая Греция разделялась на значительное число отдельных государств. Мы видим миролюбивую Ахайю с ее союзом городов рядом с могущественной, но раздираемой противоречиями Фессалией, дикую и суровую Этолию рядом с блистающим древними поэтическими преданиями Аргосом, Аркадию с ее первобытной пастушеской жизнью рядом с богатым, ведущим обширную торговлю Коринфом. Менее восприимчивая к духовному развитию Беотия существует рядом с незначительной по площади, но выдающейся своим умственным развитием Аттикой; воин-

ственная и честолюбивая Спарта и рядом с ней почитающая священный мир Элида. Нередко это племенное развитие вело к жесточайшим столкновениям, но не могло задерживать надолго развитие греческого духа.

Выше было сказано о стремлении отдельных греческих государств стать руководящими пунктами этих разнородных элементов, другими словами — достигнуть гегемонии. Мы уже проследили, как Спарта распространила свою власть и могущество не только на Пелопоннес, но и за его пределами. Осторожный спартанский дух хотя и не дерзал проникать в будущее, но зато здраво понимал настоящее положение дел. Государственное устройство в Спарте связывало всех граждан суровостью строгого повиновения; воинское воспитание создало мужественную пехоту; к тому же спартанцы принадлежали к далеко распространившемуся дорийскому племени. Все это способствовало тому, что большинство греков готовы были признать за этим государством гегемонию в предстоящей борьбе с персами.

Но к этому времени на первое место начинают выдвигаться Афины. Введенные в них Солоном учреждения уже указывали на то противодействие, которое они намеревались оказать Спарте. Более подвижные в своей внутренней жизни афиняне были способны к созданию новых форм жизни. Они вступили в торговые и культурные отношения с отдаленными странами и выказывали живую восприимчивость к красоте и искусству.

Афины в это время находились под единодержавною властью Писистрата. Он настолько утвердил эту власть, что после его смерти в 527 году она без всякого с чьей-либо стороны сопротивления перешла к его старшему сыну Гиппию, который взял себе в соправители брата Гиппарха. В Афины были приглашены два знаменитых поэта того времени — Анакреонт с острова Теос и Симонид, уроженец острова Кеос.

Гиппарх был убит Гармодием и Аристоклитом за то, что нанес им оскорбление на празднестве Панафинеи. Гармодий тотчас был заколот стражей; Аристоклит бежал, но был схвачен и тоже предан смерти.

С этого времени правление Гиппия сделалось суровым и жестоким.

Гиппий, побуждаемый недоверчивостью, старался уничтожить страх страхом. Множество заподозренных им граждан было предано смерти, а имущество их отобрано. Доверяясь только чужеземным наемникам, он, чтобы уплачивать им жалованье, производил жесточайшие грабительства. Многие благородные граждане бежали из Афин и соединились с Алкмеонидами, которые принадлежали к знатнейшим и богатейшим фамилиям и жили вне Афин, но рассчитывали вернуться в этот город и отомстить Писистратидам. Проживая вблизи Дельф, Алкмеониды расположили оракула в свою пользу. Они приняли на себя постройку храма, уничтоженного пожаром. Храм они выстроили с большой роскошью и красотой и после этого не переставали одаривать его многочисленными приношениями и

денежными взносами. Алкмеониды хотели после смерти Гиппарха возвратиться в Афины, для того чтобы силы их и прочих изгнанников были достаточноными, и оракул оказал им свое содействие. Когда к оракулу обращались спартанцы, пифия убеждала их освободить Афины. Спартанцы послушались веления божества и послали войско в Аттику. Гиппий призвал на помощь фессалийцев и некоторое время мог сопротивляться. Но спартанцы прислали сильное подкрепление под начальством своего царя Клеомена I, войско Гиппия было разбито при Палленах, фессалийцы ушли к себе, а Писистратиды были заперты в Акрополе. После того как дети Гиппия попали в руки неприятеля, он заключил с афинянами договор, по которому обязался покинуть Афины и Аттику при условии возвращения ему детей. Дети были возвращены, и он отправился в Сикион к сводному брату Хегесистрату, надеясь вновь захватить власть в Афинах с помощью персов, так как его зять Гиппоклес, владелец Лампсака, находился в большой милости у Дария.

Благодаря этому перевороту фамилия Писистратидов была свергнута, а Алкмеониды снова очутились во главе управления. Одним из политических деятелей рода Алкмеонидов был Клизфен, человек, который стоял выше сословных предрассудков и полагал, что величие Афин может быть достигнуто не установлением новой тирании, а полнейшим и совершенным уравниванием в правах всех граждан. С этой целью он уничтожил существовавшие с древнейших времен четыре

класса (филы), которые предоставляли власть родовой и денежной аристократии. Клисфен разделил область Аттики согласно ее географическому положению на десять фил (округов) с десятью демами (общинами) в каждой; к филам были присоединены иностранцы и метеки (поселившиеся навсегда иностранцы). Этим была уничтожена в государстве власть родовой аристократии.

Сделавшийся таким образом хозяином собственных судеб народ решал свои дела в народных собраниях, регулярно собиравшихся десять раз в год. Число членов совета было увеличено до пятисот, и в нем также утвердился демократический элемент. Чтобы уничтожить возможность возврата к тирании, Клисфен ввел право изгнания, так называемый остракизм, когда при голосовании имя того, кто должен был отправиться в изгнание, голосовавшие выцарапывали на черепке (остракон). По этому закону гражданин, занимавший угрожающее положение в отношении демократического равенства и свободы, мог быть изгнан из отечества на десять, а впоследствии на пять лет, если за такое постановление высказывалось шесть тысяч голосов.

Во главе аристократической партии в это время стоял Исагор, который желал вернуть власть аристократам. Он призвал на помощь спартанцев, которые не пропустили случая вмешаться во внутренние дела афинян. По предложению Исагора сначала спартанцы послали в Афины вестника, который должен был на площади потребовать изгнания Клисфена за то,

что он был осквернен убийством Килона, которое совершили его предки. Клисфен покинул город, после чего спартанский царь Клеомен с небольшим отрядом вступил в Афины, чтобы устроить там все по желанию Исагора. Он изгнал семьсот семейств, распустил совет пятисот и хотел учредить новый из трехсот человек, исключительно приверженцев Исагора. Но народ не остался равнодушен к этим событиям и, возбужденный советом пятисот, взялся за оружие. Спартанцы были заперты в крепости и из-за недостатка съестных припасов уже на третий день просили отпустить их с миром. Это было им разрешено, и вместе с ними покинул Атику и Исагор. Клисфен и остальные изгнанники возвратились, и новая реформа была приведена в исполнение.

Но так как можно было опасаться возвращения спартанцев, то афиняне решили искать союза с персами. Сатрап в Сардах принял послов во главе с Клисфеном и обещал им помочь, если они согласятся дать царю земли и воды (знак покорности).

Ввиду большой опасности для своего отечества послы изъявили на то свое согласие, но договор этот был отвергнут афинянами, а Клисфен после возвращения стал первой жертвой остракизма и был изгнан из Афин.

Персидская помощь явилась слишком поздно. Клеомен, полный гнева за испытанное оскорбление, уже собрал со всего Пелопоннеса многочисленное войско и склонил беотийцев и город Халкиду на Эвбее вступить с ним в союз, чтобы содействовать возвращению Исагора в качестве тирана

в Афины. Таким образом, в 506 году Аттика одновременно с двух сторон подверглась нападению и погибла бы, если бы неприятельское войско не было составлено из союзников. Это спасло Афины. Коринфяне, считая принятое дело несправедливым, а также сильно опасаясь перевеса Спарты в случае порабощения Афин, неожиданно ушли домой; оба спартанских царя, Клеомен и Демарат, поссорились между собой, после чего Демарат удалился в Спарту. Клеомен, чувствуя себя слишком слабым, вынужден был последовать за ним. Остались одни беотийцы и халкидяне, которых афиняне без особого труда прогнали. Город Халкида попал в руки победителей и получил демократическое устройство.

По поводу этих событий Геродот написал: «Так доказало свое превосходство гражданское равенство. Ибо пока властвовали тираны, афиняне не могли преодолеть на войне ни одного неприятеля; сделавшись же свободными, они показали достаточно рвения и мужества в достижении такой цели».

Такое развитие молодого государства устрало спартанцев. По преданию, Клеомен нашел в афинской крепости пророчество, предвещавшее много бед спартанцам в будущем со стороны Афин. Спартанцы решили вызвать из Малой Азии Гиппия и с помощью союзников восстановить его власть в Афинах.

Свое предложение Спарта представила на усмотрение союзников. В собрании союзников против этого предложения выступил коринфянин Сосикл, который доказывал, что

спартанцам по меньшей мере неприятно уничтожать свободу в тех городах, где она существует, и вводить в них рабство. Он так живо изобразил деспотизм тиранов, властвовавших в прежние времена в Коринфе, что никто не согласился поддержать Спарту, и Гиппий должен был удалиться.

Тогда Гиппий возложил все свои надежды на персов и старался всеми силами побудить Артаферна, бывшего сатрапом в Сардах, покорить афинян. Артаферн с угрозами послал повеление афинянам принять к себе Гиппия. Но афиняне смело отвергли такое предложение и решили скорее вступить с персами в открытую войну. Таким образом, мы видим, что и со стороны персов, и со стороны греков все было подготовлено к войне и недоставало только повода для того, чтобы она вспыхнула.

11. Восстание ионян в Малой Азии (504 г. до н.э.)

Между тем греки, живущие в Малой Азии, процветали под персидским владычеством. Все приморские берега были усеяны городами, которые вели обширную торговлю. Главнейшим из них был Милет, основавший восемьдесят колоний, богатый торговлей, которую он вел преимущественно на Черном море, и уважаемый за имена многих граждан, прославившихся в области наук и искусств.

Правителем Милета был тиран грек Гистией, человек необыкновенно способный. Только ему одному было

обязано спасением все персидское войско в несчастном скифском походе. Он был награжден участком земли во Фракии, на берегу реки Стремон, основал здесь колонию и этим встревожил персов — там находились серебряные рудники. Кроме того, именно это место было самым близким к европейским грекам. Чтобы удалить оттуда Гистия, Дарий вызвал его в Сузы под лестным предложением — иметь при себе столь заслуженного мужа. На место Гистия был назначен его зять — Аристагор. Гистией сильно тосковал при персидском дворе об утраченной свободе. Зятю его новая должность также не принесла счастья. Решив оказать помощь одной из партий на острове Наксос, он выпросил для этого флот у Артаферна, который дал ему двести кораблей под предводительством Мегабата, но на пути Аристагор поссорился с Мегабатом. С досады Мегабат предупредил враждебную партию о грозящей ей опасности и этим дал возможность подготовиться к предстоящему нападению неприятеля. Таким образом, флот должен был вернуться, ничего не сделав. Аристагор опасался, с одной стороны, гнева персов на неудачный исход похода; с другой стороны, ему приходилось взять на себя издержки по содержанию войска, участвовавшего в этом предприятии. Кроме того, он боялся, что его лишат владычества над Милетом. В таком затруднительном положении он получил от Гистия предложение организовать восстание.

К нему в Сузы явился раб Гистия и попросил обрить себе голову. На

коже ее были вытравлены слова, в которых Аристагору предлагалось побудить ионян отложиться от персов. Гистией рассчитывал при этом на то, что Дарий, узнав о восстании, пошлет его в Милет для восстановления порядка. Аристагор тотчас приступил к делу. Эллинские города Малой Азии были весьма склонны к отпадению. Лишь только Аристагор сложил с себя власть в Милете и возвратил народу свободу, как тотчас же восстали все города и острова от Гелеспонта до Карики, изгнали тиранов, вооружили корабли и войска и учредили у себя народное правление. Недоставало только участия европейских греков. Для достижения этого Аристагор сел на корабль и отправился сначала в Спарту. Держа в руке медную доску с вырезанной на ней картой, он доказал, что властителям Греции должно быть близко к сердцу освобождение потомков этой страны от рабства. При этом он показал царю Клеомену на карте персидские провинции и описал их богатства, плодородие их земель, чтобы побудить его к действиям надеждой на прибыль. Но когда на вопрос, как далеко от Ионического моря до персидского царя в Сузах, он ответил, что на поход туда потребуются три месяца, то Клеомен тотчас же прервал переговоры, сказав: «Удались, добрый друг из Милета, и покинь Спарту еще до солнечного заката. Ты совсем не дело говоришь спартамцам, предлагая совершить им столь далекий поход».

Однако Аристагор сделал еще попытку. Он вошел к царю в дом и за-

стал его с девятилетней дочерью его Горго. Он обещал Клеомену десять талантов, если тот переменит свое решение. Тщетно. Аристагор довел свое предложение до пятидесяти талантов. «Отец, — сказала тогда маленькая Горго, — уйди, а то он тебя подкупит». После этих слов царь навсегда отказал милетцу.

Затем Аристагор отправился в Афины, которые, как об этом рассказано выше, только что изгнали от себя тиранов и опасались вражды персидского сатрапа в Сузах, вследствие наговоров находившегося там Гиппия. Они легче склонились на предложение Аристагора, потому что он напомнил им о племенном родстве жителей Милета с афинянами, говорил о богатствах персов и представил войну с ними как общую борьбу за достижение и сохранение свободы. Они обещали ему двадцать кораблей, к которым жители острова Эвбея прибавили еще пять своих. «Эти обещания и корабли были началом всех зол для греков и варваров», — говорит Геродот.

Как только весь этот флот прибыл в Эфес, Аристагор послал войско против Сард. Жители не оказали сопротивления, и город, а затем и крепость, защищаемая Артаферном, были взяты. Большая часть тамошних домов была построена из тростника или покрыта им. Поэтому, когда один греческий воин бросил в ближайший дом горящую головню, весь город вместе с храмом богини Кибелы запылал огнем. Это заставило лидийцев отступить от греков и для борьбы с ними соединиться с

персами и Артаферном. Стоявшие у реки Галиса персы, узнав о случившемся, пришли на помощь к лидийцам, но уже не застали греков и преследовали их вплоть до Эфеса. Здесь произошло сражение, в котором ионийцы были совершенно разбиты. Их союзники, афиняне, удалились, а остальные греки рассеялись.

Но так как борьба была начата, то ионийцам приходилось продолжать ее, и прибытие карийцев и киприотов, также отложившихся от персов, казалось, могло возместить потерю афинской помощи. Однако содействие Кипра продолжалось недолго. Персы тотчас поспешили к Кипру с сухопутными и морскими силами, чтобы завладеть этим важным пунктом. Хотя ионийцы поспешили на помощь и разбили персидско-финикийский флот, но персы успели высадить войско на самый остров, одержали полную победу и принудили восставших к покорности. Карийцы после двух поражений продолжали держаться только благодаря помощи ионян, и главный виновник восстания, Аристагор, начал сомневаться в его счастливом исходе. Потеряв мужество, он недостойно отказался от борьбы и удалился во Фракию, где Гистией хотел основать колонию с целью устроить там убежище для жителей Милета в случае их поражения. Аристагор вскоре был убит тамошними жителями. Еще худшая участь постигла Гистиея. При первом известии о восстании в Сардах он, как и предполагал, был вызван к Дарию. Гистией сумел защитить себя от всяко-

го подозрения в участии в восстании, так что царь послал его в Сарды, чтобы он оказал содействие в подавлении восстания. Но в Сардах Гистией не мог долго играть двойную роль. Персидский наместник Артаферн знал о его участии в восстании и прямо упрекнул его в измене. Гистией поспешил спастись бегством. После долгих скитаний он нашел наконец убежище у жителей острова Лесбос. Получив от них восемь кораблей, он пустился с ними в море, но не принимал участия в большом сражении, решившем судьбу ионян.

Когда персидские полководцы со всеми своими сухопутными и морскими силами направились к Милету, греки решились вступить в сражение с персами не на суше, а на море. У лежащего близ Милета маленького острова Лада собрался флот, в котором было 100 хиосских, 80 милетских, 70 лесбосских и 60 самосских судов. Эта морская сила показалась персам столь значительной, что они попытались сначала ее раздробить. Они предложили изгнанным из греческих городов и находившимся в их стане тиранам войти в тайные переговоры с предводителями греческого флота и склонить их обещанием полного прощения отступить от союза.

Сначала эти предложения не имели успеха. Флотом командовал Дионисий Фокейский, который сделал все необходимые приготовления к битве. Ионяне сначала охотно подчинялись его распоряжениям, но вскоре, вследствие лени и изне-

женности, стали находить их слишком тягостными и утомительными и, наконец, отказались ему повиноваться, потому будто бы, что его родной город выставил только три корабля. Скоро союз греков окончательно распался. Самосцы вступили в переговоры с только что свергнутым прежним своим тираном Эаком, сыном Силосона. Когда в 497 году произошло решительное морское сражение, самосцы, а вслед за ними лесбосцы и другие обратились в бегство, и персы одержали полную победу, несмотря на то, что хиосцы и фокейцы показали чудеса храбрости.

Ближайшим следствием этого поражения было падение Милета. Из жителей большая часть мужчин была перебита, а женщины и дети были уведены в плен в Сузы. Дарий переселил их в один из городов на Тигре. Большая часть островов и все прибрежные города покорились персам, жертвою которых стал в конце концов и Гистией. Он попал в руки персов и был распят Артаферном на кресте; голова его была посолена и отправлена в Сузы. Его не хотели доставить царю живым, так как опасались, что он может снова попасть у него в милость. Дарий приказал обмыть голову, обвязать ее и похоронить с честью.

Такова была печальная участь ионийского восстания. С чувством сознания своей непобедимости надеялись персы на такое же счастье в войне с европейскими греками, к которой Дарий стал теперь готовиться.

12. Походы Дария против греков (493—490 гг. до н.э.)

Ничто не вызвало столь большого раздражения Дария при вышеописанном восстании, как поведение афинян. Бежавший в Сузы Гиппий, само собою разумеется, не только не старался утишить гнев царя, но употреблял все усилия, чтобы раздуть его еще больше. Когда Дарий получил первое известие о сожжении Сард, то приказал одному слуге ежедневно за обедом повторять ему слова: «Государь, помни об афинянах!»

Но не одни они, а вся Греция должна была быть наказана за участие в ионийском восстании. Наказать греков было поручено зятю Дария Мардонию, который был послан в Переднюю Азию. Собрав здесь все военные силы, сменив тиранов во всех греческих городах и установив в них демократическое правление, чтобы привлечь греков на свою сторону, он перевез через Геллеспонт в Европу сухопутное войско на кораблях. По пути были покорены Македония и остров Фазос.

Но этим счастливым успехам вскоре был положен конец. Флот, огибая Афонский мыс, был застигнут такой сильной бурей, что погибло 300 кораблей и около 20 000 человек. К этой потере присоединилось бедствие и сухопутного войска. Персы были разбиты фракийским племенем бригеров, погибло много воинов, и сам Мардоний был ранен. Хотя потом он покорил бригеров и оставил во Фракии свои гарнизоны, но из-за огромных

потерь вынужден был вернуться в Азию.

Приписывая неудачный исход неспособности Мардония, персидский царь не отказался от мысли о войне, а занялся новыми приготовлениями к ней. Узнав о зависти и несогласиях между греческими государствами, он, прежде чем предпринять второй поход, разослал по всей Греции вестников, поручив им требовать земли и воды. Многие жители материковой Греции и большая часть островов исполнили это требование, но афиняне бросили персидских послов в пропасть, куда бросали преступников, а спартанцы утопили их в колодце, насмешливо приговаривая, чтобы они сами достали там себе земли и воды. В Афинах же, по предложению юного патриота Фемистокла, был предан смерти переводчик, злоупотребивший греческим языком, высказав на нем приказ варваров.

В числе островов, которые подчинились персам, находилась Эгина, имевшая значительный флот. Афиняне утверждали, что эгинцы поступили так единственно из ненависти к ним и желая получить возможность напасть на них вместе с персами, а потому и обвинили эгинцев пред спартанцами в измене всей Греции. Спарта тотчас послала на Эгину царя Клеомена и потребовала от эгинцев выдачи предводителей персидской партии. Эгинцы, подстрекаемые другим спартанским царем, Демаратом, не исполнили это требование. Но Клеомен ложно обвинил Демарата в незаконном рождении; Демарат был лишен царского достоинства и бежал в Пер-

сию. Вторым царем был провозглашен Леотихид. Клеомен вторично выступил вместе с ним против Эгины и принудил ее жителей выдать афинянам заложников в доказательство верности всему общему делу Греции.

Вскоре господствовавшее в Спарте мнение об Эгине изменилось, и эгинцы при посредничестве Леотихида потребовали возвращения заложников. Так как Афины в этом отказали, то между ними и Эгиной вспыхнула война, которая велась нерешительно, и афиняне под конец должны были отступить. Клеомен покончил с собой.

Между тем Дарий окончил подготовку к войне. Были назначены два новых полководца — Датис и Артаферн, которых царь считал более способными и благоразумными, чем Мардоний. Чтобы на этот раз миновать опасный Афонский мыс, все войско, состоявшее из 100 000 пехоты и 10 000 всадников, было посажено на 600 военных кораблей и множество транспортных судов. Весь этот флот от острова Самос направился через Эгейское море к Кикладским островам. Сохранившие еще свою независимость острова принуждены были покориться. Такая участь прежде всего постигла Наксос. Жители этого острова не стали дожидаться прибытия персов, но спаслись в горы. Лишь немногие из них были захвачены персами в плен. Город и храм были преданы огню.

На острове Делос жители также искали спасения в бегстве. Однако варвары пощадили здесь жилища и храмы из уважения к месту рождения

Аполлона и Артемиды. При этом Датис в виде жертвоприношения сжег на алтаре триста фунтов ладана. Все остальные близлежащие острова покорились добровольно и выдали заложниками своих знатнейших граждан. Затем флот направился к южной оконечности Эвбеи. С неистовством накинулись персы на ослушников, предали все огню и мечу и не оставили в Эретрии целым ни одного дома. Множество жителей искало спасения в горах, многие были изрублены, остальные обращены в рабство. Затем персы снова сели на корабли и поплыли к Аттике. Гиппий указывал им путь, надеясь с помощью варваров вернуть потерянную власть над Афинами.

Афиняне не без страха узнали о приближении неприятеля. Они поспешно отправили гонца Федиппида к спартамцам с просьбой о помощи. Хотя спартанцы и были согласны, но не могли послать помощь немедленно, так как у них, по древнему обычаю, нельзя было выступать в поход раньше полнолуния в месяце Карнее (соответствующем нашим августу — сентябрю). Только платейцы, жители одного города в Беотии, поспешно отправили к ним на помощь 1000 человек. Афиняне наскоро сделали все, что только было в их силах, но не могли собрать более 10 000 человек. С войском из 11 000 человек выступили они к Марафону навстречу неприятелю, который после высадки расположился здесь лагерем, так как эта местность была удобна для действий персидской конницы.

Из десяти греческих предводителей пятеро находили опасным напа-

дать на столь превосходящие силы противника, тем более что спартанцы еще не пришли на помощь. Мнения разделились, и Каллимах, облеченный властью полемарха, должен был решить спор. Мильтиад, один из десяти предводителей, был убежден, что именно здесь, при Марафоне, необходимо дать сражение. Он обратился к Каллимаху и старался убедить его всей силой своего пламенного красноречия. Мильтиад доказывал Каллимаху, что от него одного зависит повергнуть Афины в рабство или доставить им свободу, а самому себе заслужить славу. Он говорил: «При настоящем положении дел Афины находятся в величайшей опасности. Если ты последуешь моему совету, то отечество наше останется свободным и сделается первым государством в Элладе. Если же согласишься с мнением других, которые отвергают битву, то тебе известно, какая участь постигнет нас с возвращением Гиппия».

Каллимах объявил, что совершенно согласен с Мильтиадом, и было решено сражаться здесь. Договорились, что каждый предводитель будет начальствовать по очереди один день. Но Мильтиад настолько превосходил всех умом, что, по совету Аристиды, остальные девять предводителей добровольно передали ему главное руководство всем делом.

Но Мильтиад дождался дня своей очереди и только в этот день вступил в битву. По приказанию Мильтиада войско быстро устремилось на врага, чтобы меньше пострадать от многочисленных стрелков и предо-

ставить как можно меньше времени для действия неприятельской конницы. Персы смотрели как на безумство на нападение 11 000 греков на свое 100-тысячное войско. Они прорвали слабый центр эллинов, несмотря на то, что здесь храбро сражались Аристид и Фемистокл, но афиняне и платейцы наголову разбили находившееся против них на обоих флангах персидское войско. Затем они тотчас бросились к центру на одолевавших здесь персов. Когда и здесь персы обратились в бегство, афиняне и платейцы преследовали их до морского берега, захватили у них семь кораблей и разграбили весь их лагерь, который персы были вынуждены бросить со всеми хранившимися в нем сокровищами. Вся равнина была покрыта убитыми. Афиняне лишились своего полемарха, двух храбрых предводителей и многих знатных граждан — всего 192 человека. Потеря персов была несравненно значительнее: у них было убито 6400 человек.

Персы, сев на корабли, поспешили обогнуть южную оконечность Аттики и мыс Суний, чтобы напасть на Афины с западной стороны. Но Мильтиад прибыл туда раньше сухим путем и ожидал их у Фалернской гавани. Персидский флот прибыл, бросил было якоря, но не решился сделать высадку и отправился обратно в Азию. На возвратном пути на острове Лемнос умер Гиппий. Персам удалось привезти с собой Дарию лишь одних пленных наксосцев и эретрийцев, с которыми он обошелся милостиво. Дарий назначил им для жительства один го-

род вблизи Суз, где они проживали еще во времена Геродота, сохраняя свой язык и свои старинные обычаи.

Конечно, никогда еще победоносное войско не испытывало такой радости, как афинское при Марафоне. В то время, как оно преследовало бежавших персов, один воин поспешно прибежал в Афины, задыхаясь от усталости, прокричал на улицах и на площади: «Радуйтесь, мы победили!» и тут же пал мертвый. Афиняне еще долгое время спустя праздновали этот блистательный день, совершали процессии на поле сражения и приносили там жертвы. Они поставили на Марафонском поле в виде памятника десять колонн с именами павших воинов, а память десяти предводителей увековечили большой картиной. Имя Мильтиада с восторгом произносилось и старцами, и детьми. Народ принял его, как своего избавителя, торжественными песнями.

В то самое время, когда храбрые афиняне готовились вернуться домой, явилось спартанское войско, которое после полнолуния спешно выступило на помощь афинянам. Опоздав к битве, спартанцы пожелали взглянуть по крайней мере на поле сражения. Они посетили Марафон, посмотрели на пленных, похвалили подвиг афинян и отправились домой.

Победа при Марафоне показала, что в состоянии был сделать незначительный отряд, состоявший из образованных людей, воодушевленных любовью к свободе и отечеству, против громадного, неповоротливого войска, которое действовало по устаревшим правилам, как бездушная машина, и

было сплочено не сознанием своего долга, а лишь слепым повиновением. «Казалось, — говорит один древний историк, — что на одной стороне стояли бараны, а на другой люди!»

13. Мильтиада, Фемистокла и Аристид (489—488 гг. до н.э.)

Афинянам было очень приятно, что они отстояли великое дело Эллады без помощи Спарты. До сих пор спартанцы имели решительный перевес над Афинами; теперь же афинянам представлялся случай добиться полной независимости. Славная победа над персами вдохнула в них необыкновенную смелость. Отразив страшную силу Азии, они, казалось, тем самым получили право быть руководителями тех греческих государств, которые в робости своей предавали честь и свободу греков на произвол варваров. И вот в Афинах воцарился дух завоеваний. Главным сторонником такого направления явился Мильтиад. Прежде всего он постарался направить действия своих граждан на завоевание богатых островов Архипелага, которые покорились персам. Он потребовал у афинян для этого предприятия 70 хорошо вооруженных кораблей и, получив их, направился сначала к Паросу. Но крепкие стены города Пароса представили непреодолимую преграду неопытным еще в осадном искусстве грекам. Храбрые жители этого города отослали назад вестника, который потребовал от них 100 талантов. После двадцатидневной осады

Пароса и совершенного опустошения страны Мильтиад, раненный в ногу неприятельской стрелой, отдал приказ к возвращению.

Между тем в Афинах наряду с духом завоеваний господствовало столь же сильное чувство желания сохранить внутреннюю свободу. За это в особенности стояла партия Алкмеонидов. Мильтиад еще прежде, после своего возвращения из Херсонеса, обвинялся в стремлении к тирании. Теперь, когда он пользовался почетом и влиянием, Алкмеониды видели в нем опасного врага свободы. Эта партия воспользовалась постыдным возвращением героя, обвинила его перед народом в том, что он обманул его своими обещаниями, и требовала его казни. Страдая от раны, Мильтиад велел принести себя в суд на носилках. Защиту Мильтиада приняли на себя его друзья. Тщетно напоминали они о великом дне Марафонской битвы. Они могли отвратить только смертную казнь. Взамен ее Мильтиад должен был заплатить 50 талантов. Так как он вскоре умер от воспаления своей раны, то пеню заплатил его сын Кимон.

В это время, когда народ впервые осознал свои силы, в Афинах не было недостатка в великих людях. На первый план выдвигался Фемистокл, который превосходил умом и красноречием всех своих противников, не затруднялся особенно в выборе средств для осуществления своих планов и был настолько честолюбив, что победа Мильтиада не давала ему покоя. Он сделался первым государственным мужем своего времени.

Фемистокл совершенно верно понимал, что битва при Марафоне была не концом, а лишь началом великой войны и что Афины могли приобрести могущество, лишь сделавшись морской державой.

Война с Эгиной послужила Фемистоклу для того, чтобы он осуществил свои планы. Он предложил доходы с Лаврийских серебряных рудников, которые распределялись до тех пор между гражданами, употребить на постройку 200 новых военных кораблей. Его совет был приведен в исполнение и в будущем послужил главной, основной причиной великой морской победы над Ксерксом и последовавшего усиления афинского государства.

Вначале этот план нравился далеко не всем. По выражению одного древнего историка, «он отнимал у граждан щит и копье и заменял их веслом и рулем».

Аристид, который настолько прославил себя беспристрастием в третейских решениях, что получил прозвище Справедливого, сделался одним из самых решительных противников Фемистокла. Он противился обращению Афин в морскую державу, полагая, что могучий флот послужит Фемистоклу средством для осуществления собственных честолюбивых целей.

Борьба этих двух противников и их мнений не была продолжительной. По предложению Фемистокла Аристид был изгнан остракизмом на десять лет. После этого Фемистокл остался единственным государственным деятелем и с величайшим рвением занялся созданием флота.

14. Поход Ксеркса

а) Поход через Геллеспонт, Фракию и Македонию (489—481 гг. до н.э.)

Дарий не мог перенести позора своего войска в Греции. Он решил с еще большими силами напасть на афинян. С этой целью он разослал воззвания по всему своему государству, приказал строить корабли и собирать запасы. В течение трех лет во всей Азии происходило необыкновенное движение. Египет, который был всегда ненадежным владением, отложился. Между детьми Дария от его первой жены, родившимися еще до вступления его на престол, и от второй, Атоссы, с которой он сочетался браком, будучи уже царем, возник спор за право наследования престола. Спор этот Атосса благодаря своему всемогуществу решила в пользу своего старшего сына Ксеркса. Во время военных приготовлений Дарий в 486 году до н.э. умер.

Ксеркс прежде всего усмирил восстание в Египте, который должен был искупить свое отпадение еще более тягостной зависимостью. Между тем проживавшие в Сузах царь Демарат и сын Гиппия Писистрат, а в Лариссе Алевады, потомки фессалийских царей, и, наконец, зять самого Ксеркса Мардоний, который желал владеть Грецией, подстрекали царя к войне с Элладой.

Начались приготовления. Ксеркс желал выставить такие вооруженные силы, каких не видел еще мир. Все необозримое государство пришло в движение: более пятидесяти племен,

различных по языку, нравам, оружию и одежде, должны были выставить войска. Все приморские народы, от Египта до Геллеспонта, обязаны были снарядить корабли и собрать огромные запасы в прибрежных городах Фракии для прибывшего туда войска. Для безопасности флота перешеек между Афонским мысом и материком был прорыт и сооружен канал, в котором могли разойтись два корабля.

Осенью 481 года многочисленные войска собрались в укрепленном сборном пункте в Криталле, в Каппадокии, а затем были отведены к Сардам. Из Сард, где царь провел зиму, он послал вестников в греческие города, кроме Афин и Спарты, требовать «земли и воды». Решив провести войско в Европу сухим путем, Ксеркс приказал навести через Геллеспонт близ Сеста два моста на судах. Когда же буря разорвала мосты, Ксеркс велел строителя их казнить, а морю дать триста ударов и бросить в него кандалы. Когда мосты были исправлены, царь выступил с войском из Сард и направился к северу-западу от Геллеспонта. В реке Скамандре, к которой подошло войско, не хватило воды, чтобы напоить бесчисленное множество людей и животных. Ксеркс посетил город Пергам к юго-востоку от Трои, чтобы осмотреть местность, где впервые сразилась Греция и Азия.

Через несколько дней войско достигло последнего азиатского города — Абидоса. Здесь Ксеркс пожелал сделать общий смотр. Для этого абидосцы должны были построить

возвышенное место из белых камней, с которого он мог обозревать все свое бесчисленное сухопутное войско и флот, расположившийся в открытом море. По его желанию было дано примерное морское сражение, в котором победу одержали сидоняне.

Вплоть до Геллеспонта весь путь был усеян миртовыми ветвями, а на мосту были сожжены благовония. Ксеркс сам совершил в честь восходящего солнца жертвенное возлияние из золотой чаши, помолился и бросил в море чашу, золотой кубок и персидскую саблю. Затем началась переправа; она продолжалась непрерывно семь дней и семь ночей. Во Фракии, на обширной равнине при Дориксе, у истока реки Гебр (ныне Марица), сделали подсчет всего войска. Отсчитали 10 000 человек, поставили их плотно друг к другу и огородили забором. Потом вывели их из этого огороженного пространства и наполнили его новыми воинами; и так повторяли 170 раз, пока в огороженном месте не перебивали все воины. Таким образом вычислили, что всего в войске было 1 700 000 человек. К ним присоединились еще вспомогательные войска фракийцев и македонян.

Удивительно было смешение различных одежд и оружия отдельных племен. Тут можно было видеть персов в тиграх, цветных узких кафтанах с рукавами, длинных шароварах, с копьями, луками, стрелами и кинжалами; ассирийцев в шлемах, с палицами, окованными железом; индийцев в одежде из бумажной материи, с луками и стрелами из тростника; каспийцев в шубах; сарангов в высоких са-

погах; эфиопов в львиных и барсовых шкурах, с обнаженным телом, расписанным наполовину черной, наполовину белой красками; фракийцев в лисских шапках и т.д. Геродот описывает 56 племен, принимавших участие в походе. Не меньшее разнообразие представляли корабли; финикийцы с сирийцами выставили 300 кораблей, египтяне 200, киприоты 150, киликийцы 100 и т.д. Во главе пяти карийских кораблей находилась царица Артемизия. На каждом корабле экипаж состоял из персов, мидян и саков. Знатные персы предводительствовали отрядами, составленными из отдельных народов.

От Геллеспонта войско направилось через Фракию к Стримону, через который, по приказанию Ксеркса, также был наведен мост. У Аканта сухопутное войско соединилось с флотом, отсюда войско пошло через полуостров Халкидику к городу Фермы. На пути его беспокоили львы и другие хищные животные, которые ночью нападали на верблюдов. Во многих местах приходилось тратить целые дни на вырубку деревьев, чтобы прокладывать войску дорогу. В Фермах войско остановилось и заняло всю страну вплоть до устьев Галиокмона близ границы Фессалии. Флот же был проведен каналом от Афона, вокруг полуостровов Сифония и Паллена в Фермейскую гавань, близко к войску, которое отсюда должно было вторгнуться в Фессалию и начать войну против тех греческих народов, которые не прислали царю земли и воды по его требованию.

6) Фермопилы, Артемизия и Саламин (481 г. до н.э.)

Геродот замечает, что если бы нашествие варваров погубило Афины, то та же участь постигла бы и всю Грецию. Именно афинян нужно признать спасителями Греции. Среди них самой выдающейся личностью был Фемистокл. Его заслуга состояла в сооружении кораблей, которые впоследствии, в сражении при Саламине, явились единственным спасением Эллады. Своей решительностью и мужеством он сумел воодушевить твердых, укрепить слабых и вселить в сограждан единодушие. Не все разделяли смелую надежду Фемистокла спасти греческий народ и его свободу от могущества персов. Даже сами боги через Дельфийского оракула объявили всякое сопротивление безрассудным. Но и после этого афиняне умоляли оракула — до тех пор, пока жрица не объявила, что их могут спасти только деревянные стены. Фемистокл, объяснив, что под деревянными стенами следует понимать корабли, воспользовался изречением оракула для усиления флота.

Хотя благодаря стараниям Фемистокла спартанды и вступили в союз с афинянами, зато остальные греки присоединялись к ним весьма неохотно. Там, где господствовало единовластие или государственное устройство приближалось к монархическому образу правления, как, например, в Беотии и Фессалии, лица, стоящие во главе государств, надеялись при помощи варваров утвердить или распространить свою собственную власть.

Мелкие государства отделились от общего национального дела и перешли на сторону персов в надежде сохранить свою независимость или из чувства политической зависти. Так поступили Аргос из недоброжелательства к Спарте, Фивы из зависти к Афинам, Фессалия и почти вся Беотия.

Тщетно Фемистокл, узнав, что Ксеркс находится еще в Сардах, старался собрать на Истмийском перешейке всю Грецию против общего врага. Ему едва удалось заключить мир между Эгиной и Афинами. Хотя жители острова Керкира обещали прислать 60 кораблей, но умышленно запоздали с ними, желая выждать, чем кончится война. Гелон, тиран сиракузский, хотя и изъявил согласие оказать помощь, но только под тем условием, чтобы ему было предоставлено главное командование. На этом и прервались переговоры. Впрочем, в это самое время Гелону пришлось отражать нападение карфагенского флота.

Таким образом только самая незначительная часть Греции отважилась на сопротивление. Ксеркс так был уверен в победе, что не только освободил греческих лазутчиков, прибывших в Сарды и приговоренных военачальниками к смертной казни, но и приказал провести их по всему лагерю, полагая, что ближайшее знакомство с его силами приведет греков к скорейшей покорности. Он также освободил два греческих корабля, захваченных в плен на пути в Геллеспонт, куда они направлялись для сбора хлеба, — эти корабли везли хлеб именно туда, где он сам рассчитывал быть в скором

времени и где он сам нуждался в этом хлебе.

Так как македоняне и фессалийцы добровольно покорились персам, то войско пелопоннесцев и афинян, состоявшее из 10 000 гоплитов, не могло удержаться в Темпейской долине, где оно первоначально расположилось, и вынуждено было отступить. Ксеркс с сухопутным войском вторгся из Ферм в Пенейскую долину и подошел к горе Эте и к Фермопильскому ущелью. Здесь он впервые наткнулся на войско, готовое к отпору. Греки, покинув проход в Темпейскую долину, по совету Фемистокла решили защищать Фермопильское ущелье, а флот послать к мысу Артемизия, лежащему на восток от Фермопил. Фермопильский проход был очень узок, шестьдесят шагов ширины; в одном месте он настолько суживался, что через него едва могла проехать одна повозка. С западной стороны прохода возвышались крутые, отвесные скалы, а с восточной, вдоль берега моря, дорога пролегла к непроходимым болотам. Спартанцы неохотно согласились на это решение, ибо сначала имели намерение ограничиться защитой Пелопоннеса и с этой целью хотели даже построить стену на Истмийском перешейке.

Войско при Фермопилах состояло из 7200 человек: 4000 пелопоннесцев, около 300 спартанцев, от 700 до 1000 лакедемонских перизков, 400 фиванцев, выставленных по принуждению, 700 феспийцев, затем локрийцы, доряне, фокейцы. Предводителем этого маленького войска, которому предстояло совершить не-

слыханный военный подвиг — преградить дорогу персидскому царю, был бесстрашный спартанский царь Леонид, отличавшийся необыкновенной любовью к отечеству. Флот, для которого Афины, Эгина, Спарта, Мегара, Коринф и другие приморские города составили все вместе 271 корабль, поплыл к Артемизии, северо-восточному мысу Эвбеи, под предводительством спартанца Эврибиада. Так как афиняне выставили для этого флота больше кораблей, чем все остальные греки вместе, то они потребовали для себя главного предводительства на море. Но спартанцы, считавшие себя главными предводителями всей Эллады, настаивали на том, чтобы командовать и флотом, и Фемистокл посоветовал афинянам согласиться ради общей пользы народа.

Вскоре после прибытия к Фермопилам, когда эллинское войско получило более точные сведения о громадном числе неприятеля, пелопоннесцы хотели отступить к Истмийскому перешейку. Но фокейцы и локрийцы воспротивились этому, заботясь о находившемся поблизости своем отечестве. Их поддержал в этом Леонид со своими спартанцами. Спартанцы заплели волосы и устроили военные игры, как они обыкновенно делали перед битвой. В этих занятиях их застал персидский лазутчик и известием об этом привел Ксеркса в величайшее изумление. Когда царь Демарат, сопровождавший Ксеркса в этом походе, уверял его, что спартанцы готовы к бою, Ксеркс принял за безумие сопротивляться его войску со столь слабыми силами. В полной надежде на

превосходство своих войск он ждал четыре дня добровольного отступления греков. Рассказывают, что к Леониду было отправлено посольство требовать от греков оружия; но спартанский царь отвечал с лаконичной краткостью: «Приди и возьми». Наконец, на пятый день, видя, что они упорствуют в своем безрассудстве, Ксеркс дал приказ к нападению.

Боевое расположение греков было чрезвычайно выгодно, так как враг не мог пользоваться ни всею своей массой, ни многочисленной конницей. Мидяне и киссийцы, напавшие первыми, были отброшены эллинами назад. «И царь мог убедиться, — говорит Геродот, — что у него много людей, но мало воинов». Настоящими воинами пришлось показать себя отборному персидскому отряду — 10 000 так называемых «бессмертных». Но как стремительно они нападали, так же поспешно пришлось отступить им пред спартанской храбростью. Ксеркс, сидя на высоком троне и следя издали за сражением, несколько раз вскакивал от негодования. На следующий день по его приказанию происходили новые нападения, но также безуспешно.

Выход из такого затруднительного положения доставила царю алчность одного грека по имени Эфиальт. Он вызвался показать персам тропинку через гору Эту. Ксеркс принял предложение и приказал Гидарну следовать со своими воинами за проводником. Персы выступили ночью, рано утром достигли вершины горы, обратили в бегство стоявших там на страже фокейцев и спустились с горы, что-

бы напасть на воинов Леонида с тыла в то время, как главное персидское войско нападет на них с фронта.

Когда Леонид получил от бежавших часовых известие, что его обошли, он решил остаться на посту до конца, так как оракул объявил, что или Лакедемон будет разрушен, или падет один из его двух царей. Большую часть союзников Леонид уволил от предстоящей битвы; только фивян он вернул назад как заложников за изменнические намерения их государства. Феспийцы с твердостью отказались удалиться. Сверх того остались 300 спартанцев и состоявшие при них периеки и илоты.

Всего собралось 1200 человек, которые решились идти навстречу верной смерти.

На следующее утро Леонид выступил вперед, решив как можно дороже продать жизнь свою и своих воинов. Бесчисленное множество персидских воинов, которых приходилось гнать в бой бичами, погибло или под ударами мечей, или в море. Леонид, сражаясь во главе храбрейших, пал в числе первых. Но его отряд продолжал мужественно сражаться до тех пор, пока пробравшиеся через ущелье персы не показали у него в тылу.

Вероломные беотийцы хотели воспользоваться этим моментом для своего спасения: они с мольбой протягивали руки и уверяли в своей привязанности к персам, что подтвердили и фессалийцы. Несмотря на это, многие из беотийцев погибли в первой свалке; остальных Ксеркс велел пощадить. Остатки спартанцев и феспийцев отступили на один холм и защи-

щались до тех пор, пока не погибли все под ударами мечей.

Двое из спартанцев, Эврит и Аристомед, за несколько дней перед битвой были отправлены Леонидом домой по случаю болезни глаз. Но когда до них дошла весть об измене Эфиальта, Эврит потребовал свое оружие, отправился в Фермопилы и погиб там со своими товарищами. Аристомед же не был проникнут таким патриотизмом, он вернулся в Спарту. Но здесь его встретили позором. Никто не говорил с ним, ни один спартиат не допускал его к своему домашнему очагу, и он получил прозвище Трус Аристомед. Еще один спартанец, по имени Пантит, посланный в Фессалию и не имевший возможности участвовать в сражении, увидев, что к нему относятся в Спарте презрительно, повесился с отчаяния.

В высшей степени завидным представлялся грекам жребий павших защитников отечества. Хвала им еще долгое время была на устах у всех, и Геродот, совершавший свое путешествие почти через тридцать лет после этого, слышал, как называли всех поименно. На холме, где погибла последняя горсть спартанцев, он нашел надгробный памятник Леониду, состоявший из каменного льва, и вокруг множество других с надписями, сооруженных амфикионами и частными лицами.

На памятнике в честь последних 300 спартанцев находилось следующее сочиненное Симонидом двустишие:

*Путник, пойди возвести нашим
гражданам в Лакедемон,
Что, их заветы блюдя,
здесь мы костями легли.*

Ксеркс распалился на Леонида таким гневом, что, совершенно вопреки персидскому обычаю, предписывающему и в неприятелях уважать храбрость, приказал отрубить у трупа Леонида голову и воткнуть ее на кол в знак того, что он ни против кого на свете не был раздражен так, как против него.

Враг, задержанный Леонидом, как яростный поток могучей плотиной, устремился теперь через узкое ущелье с удвоенным неистовством и наводнил Грецию. Ведомые фессалийцами варвары двинулись в Фокиду, которой фессалийцы хотели отомстить за постоянную вражду, а персы желали наказать ее за привязанность к делу греков. Покинутые города были обращены в груды пепла, храмы разграблены. Большинство жителей бежали в Амфиссу, остальные скрылись на вершинах Парнаса.

В Паноппе войско разделилось: главная часть его с Ксерксом пошла в дружественную Беотию, остальная в Дельфы, чтобы разграбить тамошние сокровища. Обстоятельства, послужившие к спасению Дельф, полны таинственности. На вопрос дельфийцев, следует ли скрыть от врагов сокровища храма и как это сделать, пифия отвечала: «Бог достаточно могуществен, чтобы охранить свою собственность».

По рассказу Геродота, в небе заблистала молния и загредел гром, из храма Афины раздался бранный клич, а с вершины Парнаса низринулись громадные глыбы камней и раздавили врагов. Исполненные священного ужаса, варвары обратились в бегство, и дельфийцы преследовали бегущих.

Насколько во всем этом было правды, неизвестно, но боги явили тут свое покровительство и силу, по мнению благочестивых греков.

Греческие корабли под предводительством спартанца Эврибиада расположились у мыса Артемизия. Весть о приближении вражеского флота и о захвате нескольких греческих судов повергла их в такой ужас, что они пустились в обратный путь, пока не достигли Халкиды — самого узкого места в проливе. В то время, когда персидский флот находился у мыса Сепиас, свирепствовавшая три дня буря уничтожила 400 больших персидских кораблей. Греки вновь воодушевились мужеством и вернулись к Артемизии. Однако и тут персидский флот, несмотря на свою потерю, показался таким огромным и могущественным, что пелопоннесцы и сам Эврибиад не отважились на открытое сражение, а предпочли отправиться к берегам Пелопоннеса. Чтобы воспрепятствовать такому намерению, жители Эвбеи, страшившиеся опустошения своего острова, предложили Фемистоклу 30 талантов. Фемистокл послал пять из них Эврибиаду, три начальнику коринфских кораблей и этим убедил их остаться у Артемизии. Остальные деньги Фемистокл оставил у себя для будущих надобностей.

Чтобы отрезать путь к отступлению, персы послали 200 кораблей на южную сторону Эвбеи. По совету Фемистокла греки воспользовались этим разделением вражеских сил, быстро напали на персидский флот и взяли 30 кораблей. В следующую

ночь разразилась новая буря и не только уничтожила множество судов неприятельского флота, но истребила и все корабли, посланные в Эвбею. Известие об этом было получено греками одновременно с подкреплением из 53 кораблей афинян и настолько ободрило их, что они решили вечером следующего дня произвести новое нападение. В результате этого нападения были уничтожены киликийские корабли.

Боязнь подвергнуться гневу Ксеркса побудила на третий день предводителя персидского флота Ахеменса произвести общее нападение на соединенный греческий флот. Обе стороны дрались с большим мужеством, в особенности египтяне со стороны персов и афиняне со стороны греков. Среди афинян больше всех отличался Клиний, отец Алквиада, командовавший кораблем, построенным и вооруженным на его счет. Обе стороны значительно пострадали, и греки стали серьезно помышлять об отступлении. В этом решении они укрепились еще больше, получив известие об исходе сражения при Фермопилах и о дальнейшем вторжении персидского царя.

Фемистокл поспешил с легкими гребными судами вперед и написал на пристанях, где обычно запасались водой, и на скалах воззвание к ионянам перейти на сторону греков, их соотечественников, а если это невозможно, вернуться домой или, по крайней мере, не проявлять в сражении особого рвения.

Затем греческий флот направился обратно к острову Саламин. Благода-

ря вновь подошедшим подкреплениям он возрос до 390 кораблей. Эта морская сила была спасением Греции. Между тем Ксеркс через Беотию, разрушив Фестию и Платею, приближался к беззащитным и опустевшим Афинам, главной цели своего мщения. Единственное спасение для сограждан Фемистокла видел в том, чтобы они, оставив город, перешли на корабли. Однако убедить народ в этом было очень нелегким делом, ибо он крепко держался за свои жилища и храмы, за художественные произведения и за могилы предков.

На помощь красноречию Фемистокла явилась религия. Большая змея, содержавшаяся в крепости как божественная хранительница храма Афины и получавшая ежемесячно жертвенную пищу, на этот раз не приняла ее, как бы в знак того, что сама богиня оставила город. Тогда народ сам стал уходить из города. Печально было смотреть на безутешные семьи, покидающие свою родину. Матери смотрели на своих детей глазами, полными слез, и время от времени оглядывались на знакомые кровли покидаемого города, которому вскоре было суждено стать добычей пожара. Вплоть до самой гавани проводжали своих хозяев оставляемые в городе верные собаки и поднимали жалобный вой, когда корабли отваливали от берега. Собака афинянина Ксантиппа бросилась в море и поплыла за кораблем, но, достигнув берега Саламина, издохла от истощения сил. На этом месте был воздвигнут памятник, долгое время сохранявший воспоминание о верном животном.

Дети, женщины и старики бежали также в Трезены в Арголиде, где их приняли необыкновенно радушно, на Саламин, на Эгину. Неприятелю были оставлены одни камни и стены. Все способные носить оружие, по выражению Фемистокла, «превратили 200 хорошо вооруженных кораблей в величайший город всей Греции». В Афинах остались только казначей храма да несколько старцев.

Теперь Фемистокл видел спасение всей Греции только в морском сражении именно при Саламине, где теснота места предоставляла грекам преимущество над большими, малоподвижными персидскими судами. Но это мнение не разделяли прочие предводители. Когда пришло известие, что персы овладели афинской крепостью, город и крепость преданы пламени, а вся Атика опустошена, то большинство начальников потребовали, чтобы флот вошел в Кенхрейскую гавань в Коринфе и таким образом в случае поражения мог иметь поддержку от войска, расположенного на Истмийском перешейке. Но непреклонный Фемистокл думал не о поражении, а о победе и с глубоким убеждением доказывал на собрании предводителей ее возможность и вероятность, если сражение произойдет именно здесь. Коринфянин Адимант, обратившись к нему, воскликнул с запальчивостью: «На играх бьют тех, которые встают прежде времени». «Да, — отвечал Фемистокл, — но запоздавшие никогда не получают наград». Когда же Адимант возразил ему, что он, как не имеющий более отечества, не имеет права участвовать в их совещании, Фемистокл

произнес следующие слова: «Правда, жалкий человек, мы покинули наши дома и стены потому, что не хотели ради мертвых камней сделаться рабами. Но вот эти наши 200 хорошо вооруженных кораблей составляют наш город, и величайший город во всей Греции, и если вы желаете еще спастись, то теперь он может помочь вам в этом». Обратившись затем к Эврибиаду, он продолжал: «Если пойдешь к Истму, то погубишь Элладу. И тогда мы, афиняне, заберем на корабли жен и детей, уйдем в Италию и выстроим там новый город. Но вы, прежде чем лишиться таких союзников, как мы, обдумайте мои слова».

Речь Фемистокла достигла своей цели. Эврибиад опасался, что афиняне могут навсегда покинуть Грецию, и должен был сознаться, что это была бы большая потеря. Однако вскоре после этого, когда персидский флот прошел Эврип и занял все пространство от Суния до Фалерна, а персидское сухопутное войско приблизилось к Пелопоннесу, то между союзниками вновь воцарилась вражда. По их мнению, на этом месте они должны были сражаться ради Афин, поэтому они потребовали отступить к Истмийскому перешейку. Только афиняне, эгинцы и мегаряне требовали остаться у Саламина. Тогда Фемистокл тайно покинул собрание, задумав одним решительным поступком способствовать исполнению своего плана. Он скрытно отправил на лодке своего верного слугу Сидинна к Ксерксу, который на собранном в это время военном совете решал напасть на следующий день на греков на море.

Фемистокл приказал сказать Ксерксу, что греки не согласны между собой и хотят ускользнуть; что, если царь тотчас нападет на них, то они не окажут никакого сопротивления; что Фемистокл посылает ему этот совет, ибо желает победы персам.

Совет понравился Ксерксу, и он приказал в ту же ночь занять маленький остров Пситталея, лежащий между Саламином и материком, а персидским кораблям — окружить полукругом самый остров Саламин вместе с греческим флотом. Аристид, вызванный по предложению Фемистокла из изгнания и намеревавшийся в ту же ночь отправиться из Эгины к греческому флоту, первый заметил движение неприятеля. Забыв личную вражду, он поспешил к Фемистоклу. «Теперь, — обратился он к нему, — между нами не должно существовать никакого другого спора, кроме того, кто из нас может лучше послужить отечеству». Затем он предложил сообщить военному совету, что греческий флот окружен и что никакое отступление невозможно. Фемистокл поблагодарил Аристида и объяснил, что такое стечение обстоятельств не является случайным, но подготовлено им умышленно, и просил его лично сообщить о том собранию. Но большая часть предводителей не верила до тех пор, пока начальник одного вражеского корабля, перешедшего к грекам, не подтвердил это.

Теперь предложение Фемистокла смело вступить в бой было принято всеми, все бросились на корабли, чтобы идти навстречу приближавшемуся флоту. Он надвигался в виде гро-

мадного полукруга. На одном крыле его находились финикийцы, которые должны были действовать против афинян. Другое крыло занимали ионяне, чтобы они, ввиду недоверия к ним царя, встретились не со своими соплеменниками, а с лакедемонянами, эгинцами и другими. Ксеркс, полагая, что поражение при Артемизии произошло из-за его отсутствия, хотел на этот раз сам следить с высокой горы на берегу за ходом сражения и ободрять войска своим присутствием. На рассвете сошлись оба флота и завязался бой. Вначале персидский флот сражался храбро. Но сама многочисленность их флота в узком пространстве стала для них роковой. Передние корабли, будучи тесными греками, привели в расстройство стоявшие позади их, а те, порываясь вперед, чтобы принять участие в битве, мешали стоящим впереди. Наоборот, греческие и в особенности афинские корабли, более легкие и подвижные, чем громадные персидские, энергично нападали на них. Греческие матросы взбирались на неприятельские суда, опрокидывали экипаж, пускали ко дну и истребляли большую часть защитников. Смятение в персидском флоте вскоре сделалось всеобщим, и сражение окончилось поражением персов.

Между тем Аристид перевез тяжелооруженных афинян на остров Пситтаlea и уничтожил находившийся там персидский отряд. Таким образом персы потеряли много людей и кораблей, из которых лишь немногие могли спастись у Фалерна под защитой сухопутных войск. На одном из

таких кораблей находилась царица Артемизия Галикарнасская, которая не советовала Ксерксу вступать в морское сражение. Греки обещали большую денежную награду тому, кто захватит ее живой в плен. Они считали себя очень оскорбленными, что против них сражалась женщина. Артемизия уже чуть было не оказалась в плену на одном из преследовавших ее афинских кораблей. Но она пустила ко дну плавший перед ней персидский корабль, и преследователь, полагая, что перед ним или афинский, или неприятельский, перешедший к грекам корабль, прекратил преследование. Ксеркс, довольный действиями Артемизии, воскликнул: «Женщины стали мужчинами, а мужчины стали женщинами!»

Сражение окончилось поражением персов. Потеряв при Саламине 200 кораблей, Ксеркс по совету Мардония решил вернуться с большей частью своего войска в Азию, а Мардония с 300 000 воинов оставить в Элладе. К этому Ксеркса побудило главным образом опасение, что греки могут уничтожить мосты через Геллеспонт и возбудить к восстанию малоазиатские колонии. В следующую ночь Ксеркс приказал своим кораблям двинуться к Геллеспонту. Греческий флот следовал за ним до Андроса, где предводители стали совещаться, нужно ли помешать отступлению царя. Было признано более полезным позволить царю отступить. Для того чтобы это наверняка было исполнено, Фемистокл снова послал того же слугу к царю и велел передать ему, что он отговорил греков от преследования

персидского флота и от разрушения моста через Геллеспонт и что Ксеркс может свободно и безопасно продолжать свой обратный путь.

В Фессалии Ксеркс оставил под начальством Мардония большое войско, состоявшее из персов, мидян, бактрийцев и индийцев, чтобы в следующем году возобновить войну. С остальными войсками царь направился через Фракию и Македонию к Геллеспонту. Но недостаток съестных припасов и болезни истребили большую часть войска, и лишь немногие добрались до Геллеспонта. Мосты были уничтожены бурями, но флот стоял наготове, чтобы перевезти царя и войска. Ксеркс поспешил в Сарды, куда следовали и остатки войска. Для отражения нападения со стороны эллинов и на случай восстания ионян царь оставил флот у Самоса, а 60 000 человек расположил в Милете.

Греки радовались своей победе и не боялись вновь подымавшейся грозы. Их флот, отказавшись от преследования неприятеля, наказал острова, принявшие сторону персов. При этом Фемистокл тщетно осаждал Андрос.

По возвращении домой начались совещания о жертвоприношениях, которое следовало принести богам. Все пришли к единодушному решению принести в дар Дельфийскому храму три финикийских военных корабля, взятых при мысе Суний, Саламине и Истме, и поставить в Дельфах колоссальную статую с корабельным носом в руке. На собрании в Истме решали, кому из предводителей следовало присудить первую и вторую награды, и разошлись, ничего не решив, потому

что всякий рассчитывал получить первую награду и только Фемистоклу все соглашались предоставить вторую. Но и этой награды Фемистокл не был удостоен, так как большинство государств было исполнено зависти к Афинам. Только когда Фемистокл прибыл в Спарту, ему воздали там большие почести.

Спартанцы дали одинаковую награду, масличную ветвь, Эврибиаду за храбрость, а Фемистоклу за благоразумие и искусство. Но Фемистоклу они кроме того подарили лучшую колесницу, какую только можно было найти в Спарте, и на возвратном пути его провожали до границы страны триста спартанских мужей, которые назывались всадниками и составляли на войне почетную стражу царей. «Такая почесть, — говорит Геродот, — еще никому до тех пор не оказывалась спартанцами».

Но самую приятную награду получил Фемистокл, по собственному его признанию, несколько лет спустя во время празднования Олимпийских игр. Когда он явился здесь среди греков с масличной ветвью, то возбудил к себе такое внимание, что все, забыв об играх и состязаниях, смотрели и указывали друг другу только на него одного.

в) Платея и Микала (479 г. до н.э.)

Следующий год вызвал греков к новым битвам, ибо Мардоний находился все еще в Фессалии. Чтобы вернее достигнуть своей цели — подчинить Грецию, он больше всего старался склонить на свою сторону афинян. Большая часть после отступ-

ления Ксеркса от Трезена и Саламина возвратилась в прежнее отечество и занялась восстановлением храмов и жилищ. Мардоний послал в Афины македонского царя Александра в качестве посредника. Вследствие изъясненной покорности Ксерксу и родства с одной из знатнейших персидских фамилий, он был совершенно предан интересам персов и в то же время пользовался правом гостеприимства в Афинах. Поэтому именно он оказался как нельзя более подходящим для передачи персидских предложений. Предложения эти заключались в том, что Мардоний от имени Ксеркса обещал афинянам забвение всех их проступков, утверждение прежней свободы, восстановление их разрушенных храмов и, наконец, расширение их владений, если они согласятся заключить союз с персами. Александр не упустил случая вдобавок к этим обещаниям указать на великую силу Персидской монархии, чтобы надеждой и страхом подействовать на афинян и побудить их принять предложения персов.

Возможность такого решения в особенности устрашала спартанцев. При первом же известии о переговорах они тотчас отправили послов, прибывших в Афины как раз в то самое время, когда только что открылось собрание, в котором Александр должен был получить ответ. Афиняне, ожидая прибытия спартанских послов, намеренно затянули переговоры, чтобы дать и им возможность открыто высказать свое мнение. Послы поднялись тотчас же после речи Александра. Они заклинали афинян не

покидать дела Греции, на которую они впервые навлекли гнев варваров, и не верить обещаниям, передаваемым одним тираном (Александром) от имени другого (Ксеркса). Вместе с тем они выразили сожаление о разрушении Афин и о потере двух жатв и обещали афинянам от имени союзных греков заботиться о содержании их жен и детей во время продолжения войны.

После этого афиняне по предложению Аристиды дали Мардонию через Александра следующий ответ: «Пока солнце будет совершать свое обычное течение, до тех пор афиняне никогда не заключат союз с Ксерксом». Александру же они заявили, чтобы он никогда не являлся с подобными предложениями, ибо это может повести с их стороны к невольным оскорблениям его, их гостя и друга. Спартанским же послам выразили свое удивление, что они так мало знают афинян, если могли опасаться такого постыдного поступка с их стороны. Никакое золото, никакие прелести какой бы то ни было страны не изменят их образа мыслей. Афиняне потребовали от спартанцев лишь одной помощи — присылки их войск для того, чтобы действовать общими силами против Мардония в Беотии, откуда тот, вероятно, немедленно откроет военные действия против Аттики, узнав об отходе.

Предложения афинян насчет Мардония действительно оправдались, надежды же их на обещания спартанцев не исполнились. Спартанцы занялись окончанием сооружений оборонительного вала на Истмийском перешейке,

АРХИТЕКТУРА

1

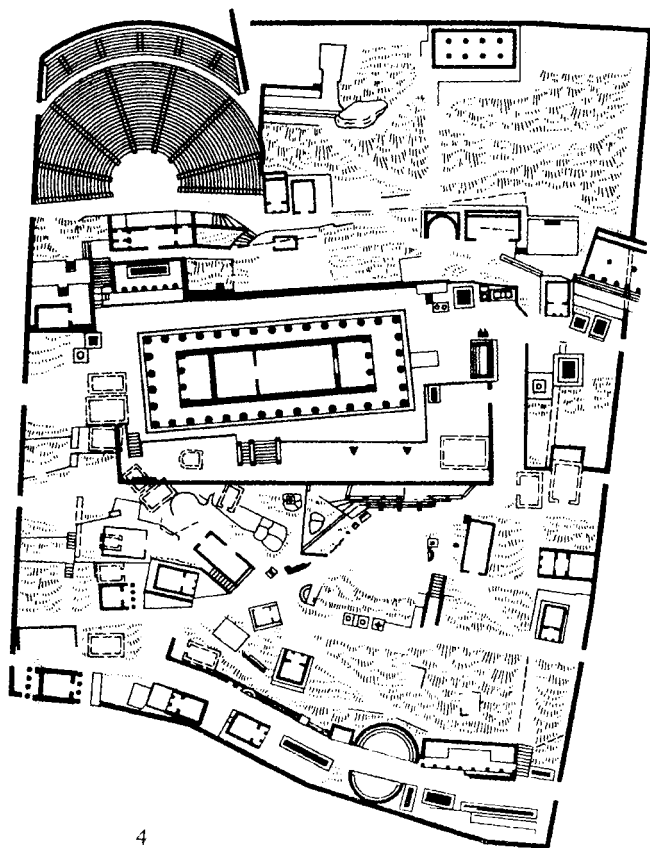
1. Львиные ворота в Микенах.
XIV в. до н. э.
2. Галерея в крепостной стене
Тиринфа.
XIV—XIII вв. до н. э.
3. План дворца в Пилосе. XIII в. до н. э.
4. План святилища Аполлона
в Дельфах. VI—II вв. до н. э.

2

3

4

АРХИТЕКТУРА

1

2

3

1. Руины храма Аполлона в Коринфе. VI в. до н. э.
2. Храм Деметры в Пестуме. VI в. до н. э.
3. Храм «С» в Селинунте. VI в. до н. э.
4. Медуза Горгона. Фрагмент фронтона храма Артемиды на острове Керкира. VI в. до н. э.
5. Храм Афины Афайи на острове Эгина. VI в. до н. э.
6. Храм Посейдона в Пестуме. V в. до н. э.

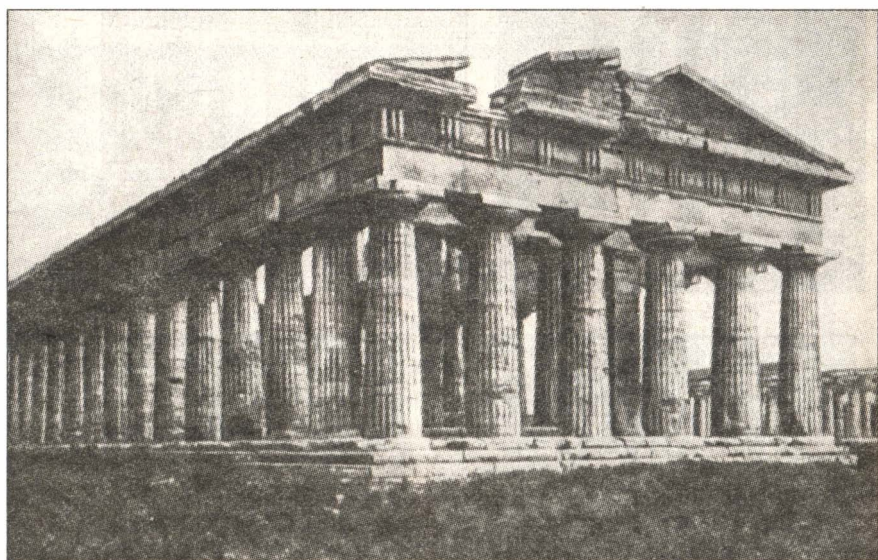
4

АРХИТЕКТУРА

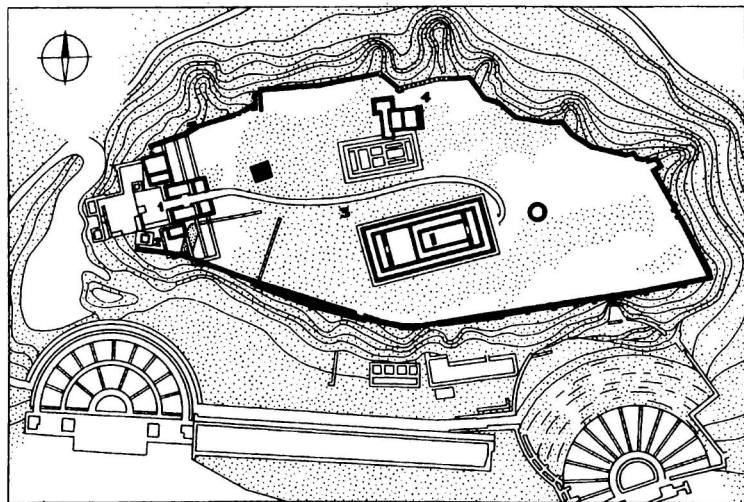
5

6

АРХИТЕКТУРА

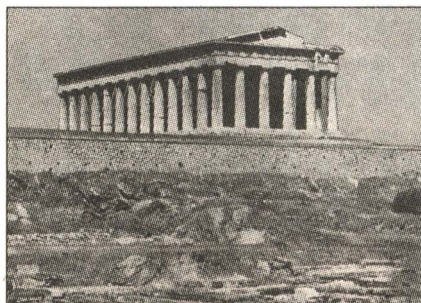
1

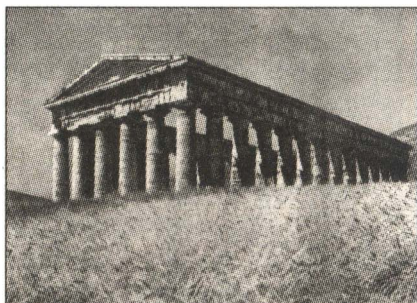
2

3

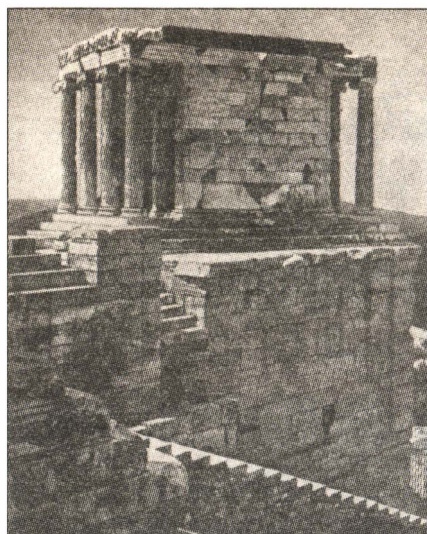

4

5

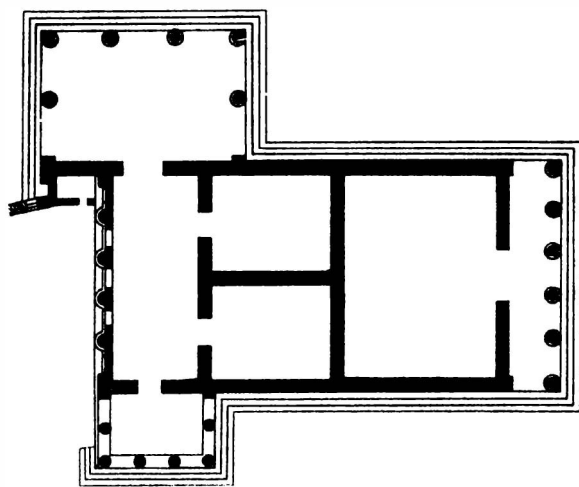
АРХИТЕКТУРА

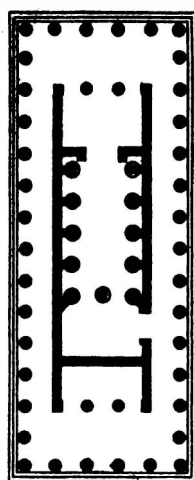
6

7

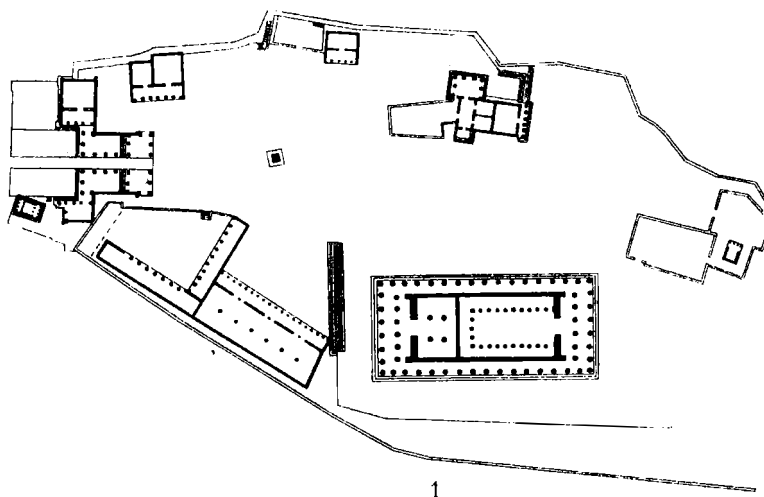
8

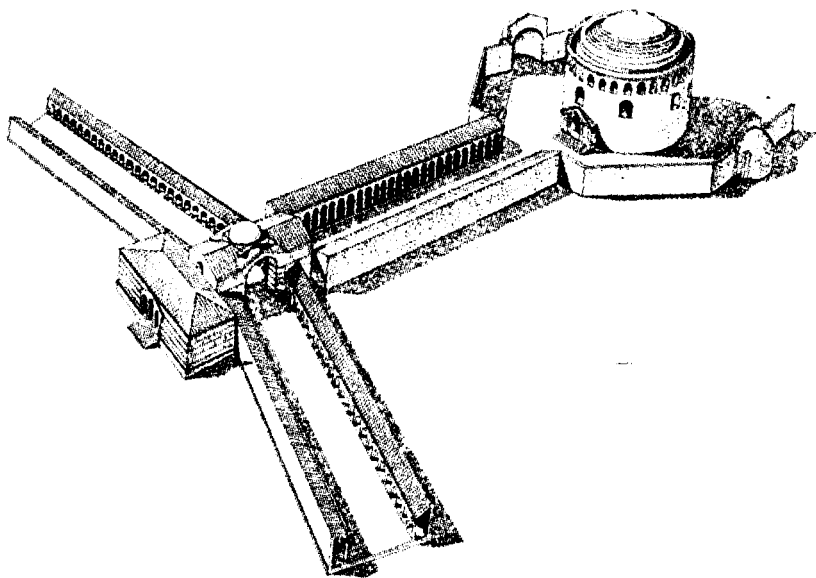
9

1. План афинского Акрополя. V в. до н. э.
2. Руины храма Посейдона на мысе Сунион. V в. до н. э.
3. Храм «F» в Агригенте. V в. до н. э.
4. Храм Гефеста в Афинах. V в. до н. э.
5. Храм в Сегесте. V в. до н. э.
6. Храм Nike Аптерос на афинском Акрополе. Архитектор Калликрат. V в. до н. э.
7. Парфенон на афинском Акрополе. Архитекторы Иктин и Калликрат. V в. до н. э.
8. План храма Эрехтейон на афинском Акрополе. V в. до н. э.
9. План храма Аполлона в Бассах. Архитектор Иктин. V в. до н. э.

АРХИТЕКТУРА

1

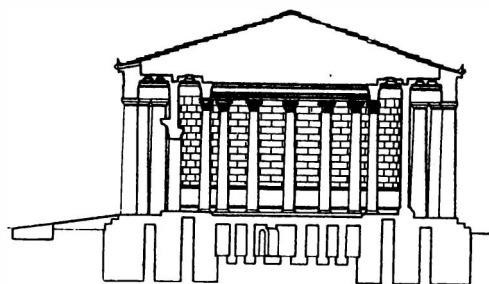

2

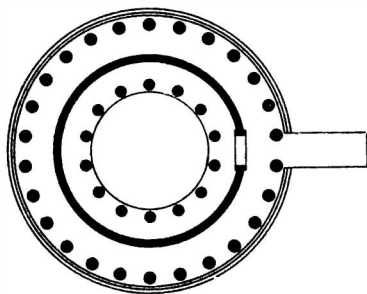
1. План афинского Акрополя. V в. до н. э.
2. Реконструкция арки и мавзолея галереи в Фессалониках. IV в. до н. э.
3. Реконструкция Толоса в Эпидавре. Архитектор Поликлет Младший. IV в. до н. э.
4. План Толоса в Эпидавре. Архитектор Поликлет Младший. IV в. до н. э.
5. Храм Эрехтейон. Южная стена и портик кариатид.
6. Парфенон. Архитекторы Иктин и Калликрат.

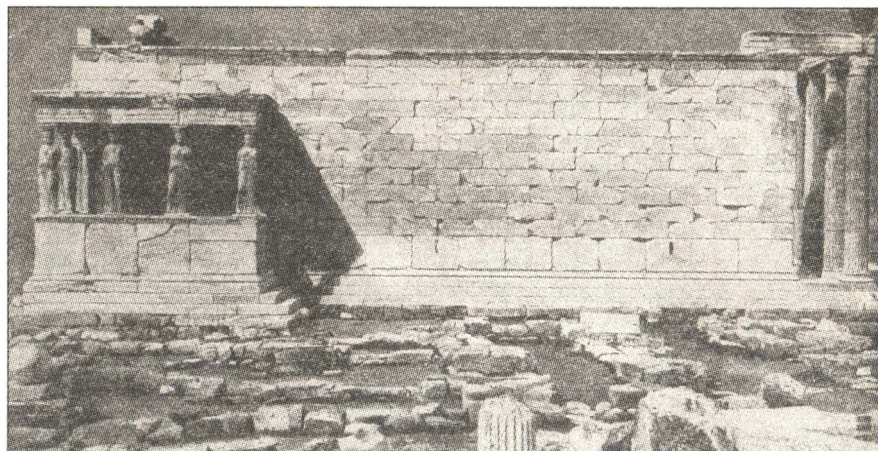
АРХИТЕКТУРА

3

4

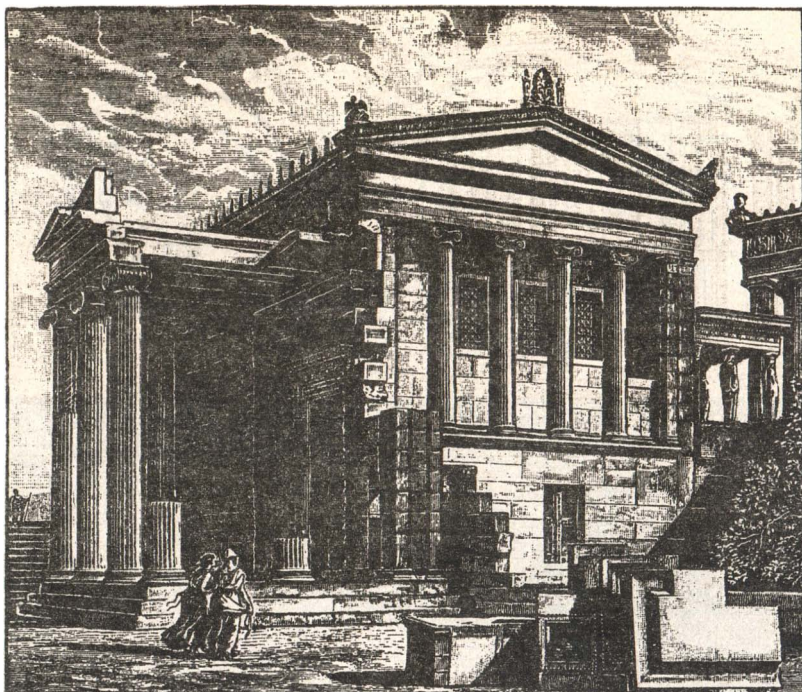

5

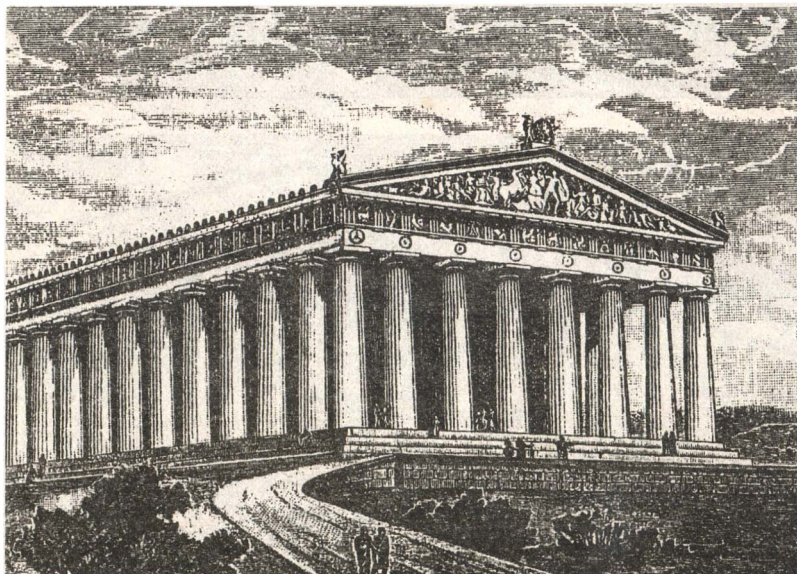

6

АРХИТЕКТУРА

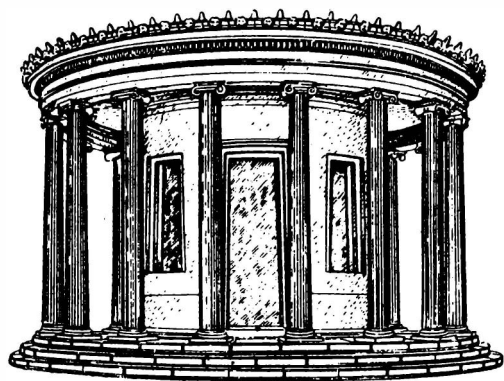
1

2

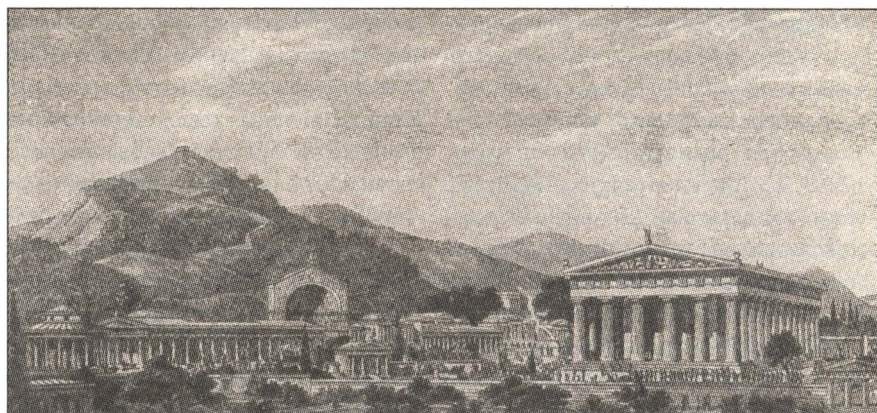
АРХИТЕКТУРА

3

4

5

6

1. Храм Эрехтейон на Акрополе.
2. Парфенон. Вид с запада.
3. Реконструкция Филиппейона.
4. Храм Посейдона на мысе Сунион.
5. Реконструкция археологического ансамбля Дельф.
6. Храм Эрехтейон. Северный портик.

оставили там гарнизон, а остальные войска отправили домой. Мардоний же с войском более чем в 300 000 человек направился в Аттику. Тогда афиняне отправили к спартамцам посольство, которое напомнило им, как искренне действуют Афины и как коварно поступает Спарта по отношению к ним, и потребовало скорейшей присылки войска в Аттику.

Спартамцы десять дней не давали решительного ответа и объяснили такое замедление празднеством Гиацинтий. На это афинские послы сказали: «Спартамцы могут спокойно справлять свое празднество и предавать своих союзников; в таком случае афиняне заключают союз с персами и последуют за ними туда, куда они их поведут, и тогда спартамцы увидят, что из этого произойдет для них». Это подействовало на спартамцев, тем более что один уважаемый гражданин из Тегей обратил их внимание на то, что если афиняне вступят в союз с персами, то всякая стена на Истмийском перешейке будет для спартамцев бесполезна, ибо персы с помощью афинского флота всюду могут высадиться в Пелопоннесе. Тогда спартамцы в ту же ночь отправили 5000 гоплитов и 1000 илотов, а на следующий день объявили послам, что эти войска уже выступили в поход и что вслед за ними будет поелано такое же число пезиков.

Между тем Мардоний подошел к Афинам, и жители вторично покинули их и нашли убежище на острове Саламин. Мардоний отправил послов к афинянам повторить свои предложения. Но афиняне упорствовали в

своем отказе. Только один член совета высказался за заключение союза с персами. Народ побил его камнями, а раздраженные женщины подвергли той же участи его жену и детей. После этого Мардоний вновь превратил Афины в пепел и опустошил Аттику, но когда гонец из Аргоса сообщил ему о наступлении спартамцев, он отступил в Беотию. Обширные равнины этой области предоставляли свободный простор для его конницы, и кроме того в ней были собраны большие запасы для войска. Мардоний расположил свое войско между рекой Азопом и Теймесскою горною цепью и приказал построить на одной высокой горе укрепленный стан для себя и своих военачальников. На противоположном берегу Азоба, на северном склоне гор Киферона расположились греки. Наконец и спартамцы, промешкав так долго на Истмийском перешейке, пройдя через Элевсин, явились в Беотию с 30 000 гоплитов и таким же числом легковооруженных илотов и подкрепили находившихся под началом Аристиды афинских гоплитов и дружину платейцев и феспийцев. Главным начальником всего этого сильного 110-тысячного войска был назначен Павсаний, опекун и дядя малолетнего спартамского царя Плейстарха, сына Леонида.

Обе стороны долго не приступали к решительным действиям, так как каждая из них желала воспользоваться выгодами своего расположения. Перевес сил был на стороне персов, поэтому Мардоний старался утвердиться на обширных равнинах его сто-

роны Азопа. Греки занимали позицию между Азопом и горами Киферона, где они на тесном и гористом пространстве могли выгодно действовать против неприятеля и получать из Пелопоннеса необходимые припасы и новые подкрепления. Может быть, именно поэтому находившиеся в обеих войсках жрецы предсказывали победу той стороне, которая будет защищаться, а не нападать.

Мардоний выставил против греков свою конницу и предпринял несколько удачных вылазок. Сперва их мужественно отражали мегаряне, а под конец 300 отборных афинян, которые одни из всего войска добровольно сменили утомленных и опрокинутых мегарян. Афинянам удалось убить предводителя персидской конницы Масистия и тем привести ее в совершенное расстройство и обратить в бегство.

После этой стычки греки из-за недостатка воды сменили позицию и отошли дальше к Платее. Здесь обе стороны опять простояли долгое время друг против друга. Мардоний все еще не отваживался на решительное нападение и старался лишь так расположить свою позицию, чтобы во время нападения персы сражались с лакедемонянами, а преданные персам греки — с афинянами. По старинному обычаю, спартанцы занимали правое, а афиняне левое крыло.

Наконец через одиннадцать дней Мардонию наскучило бездействие, и он решил вступить с греками в решительное сражение.

Греки немедленно были об этом извещены. В ту же ночь Александр, царь Македонский, прискакал к афи-

ням и объявил им о намерении Мардония. Он убеждал их на всякий случай готовиться к нападению, но, если можно, все-таки отсрочить сражение, потому что у персов оставалось жизненных припасов лишь на несколько дней. Затем Александр просил афинян в случае благоприятного для греков исхода войны не забыть и о нем. Получив это известие, греки сделали соответствующие распоряжения.

Осторожный Павсаний, опасаясь, что греки могут сильно пострадать от нападения, особенно если персы запрудят единственный их источник, решил сменить позицию на новую и отступить еще ближе к Платее. Отступление произошло ночью, но не в совершенном порядке. Все греческое войско, разделившись на три части, находилось уже в движении к своему новому месторасположению, когда Мардоний узнал об отступлении греков. Приняв его за бегство, он немедленно послал конницу в погоню, а сам с пехотой поспешно двинулся через Азоп.

Прежде всего Мардоний напал на лакедемонян и тегейцев. Павсаний послал к афинянам гонца, чтобы они как можно скорее поспешили к нему на помощь. Но афиняне уже вступили в жаркий бой с македонянами, фессалийцами и другими союзными персам греками; лакедемонянам и тегейцам пришлось одним выдерживать сражение с главными персидскими силами. Вначале много воинов пало от персидских стрел. Павсаний, обратив взоры на храм Геры в Платее, в отчаянии взывал к богине о помощи. Но тут тегейцы бросились в

персидские ряды и прорвали их; за ними, получив наконец от жрецов благоприятное предзнаменование, бросился и Павсаний с лакедемонянами. Возгорелась жаркая битва, в которой персы сражались с большим мужеством и энергией, но элины превосходили их силой и ловкостью, а также лучшим вооружением — у них были длинные копья.

Тогда Мардоний во главе своих конных телохранителей бросился на неприятеля. Раненный в голову камнем, брошенным одним из спартанцев, он упал с лошади и погиб в свалке. Вместе с ним пали и его всадники. Не могла держаться больше и пехота. Бегство сделалось всеобщим. Артабаз с 40-тысячным войском отступил в беспорядке в Фокиду, а оттуда пошел к Геллеспонту. Один отряд пелопоннесцев, вышедший из храма Геры на равнину, подвергся нападению фиванской конницы и был ею частью побит, частью рассеян. Часть войска, сражавшегося под начальством Мардония, бежала в укрепленный стан и защищалась против осадивших их спартанцев до тех пор, пока афиняне, которые разбили персидских союзников и преследовали фиванцев до их главного города, не соединились с Павсанием. Афиняне первыми взобрались на укрепления лагеря и затем открыли путь остальным грекам к огромным сокровищам, собранным здесь. Находившиеся в стане неприятельские воины были почти все перебиты. Более 100 000 неприятелей пало в лагере и в сражении. Со стороны греков было убито 1360 гоплитов, в том числе 91

спартанец, 16 тегейцев и 52 афинянина; число павших илотов было значительно больше. Павсаний приказал илотам собрать все сокровища. Илоты многое удержали себе и продали много золота, которое они приняли за дурную медь, эгинцам, вследствие чего те сильно обогатились. Великолепная золотая и серебряная посуда Мардония также досталась в добычу. Павсаний приказал взятым в плен поварам приготовить точно такой же обед, какой приготавливался для Мардония, но вместе с тем велел своим служителям изготовить обед в спартанском духе. Между обоими обедами оказалась, конечно, величайшая разница. Павсаний смеялся над глупостью мидянина, который, пользуясь сам таким роскошным столом, лишил обед своих бедняков.

Добыча была поделена так: одна десятая часть отделена богам, одна назначена в подарок Павсанию; остальное было разделено между прочими государствами пропорционально численности выставленных ими войск. О награде за храбрость едва не возник спор между спартанцами и афинянами, но был прекращен тем, что эта награда была присуждена платейцам за то, что их область стала местом достопамятной битвы за свободу Греции.

После того как храбрые получили почести и награды, приступили к наказанию виновных. Через одиннадцать дней после сражения победоносное войско явилось перед Фивами и потребовало выдачи главных приверженцев персов. Фиванцы отказывали

в этой выдаче до тех пор, пока не были вынуждены к этому опустошением их области и осадой Фив. Выданные были отведены Павсанием в Истм и там казнены.

Случилось замечательное совпадение обстоятельств: в самый день битвы при Платее персидский флот был уничтожен греками при мысе Микала. Произошло именно то, чего опасался Ксеркс. Уже весной греческий флот из 110 гребных судов под начальством спартанского царя Леотихида перешел от Эгины к Делосу и даже здесь не считал себя в безопасности из страха перед численным превосходством персидских кораблей. Флот оставался у Делоса, пока послы с Самоса и беглецы с Хиоса не убедили военачальников его, что они могут освободить малоазийских греков от власти варваров. С этой целью греческий флот отправился к Самосу, где находился персидский флот под управлением Манданта. Мандант не принял морского сражения, а перешел к Микале, где было сухопутное войско, предназначенное для сдерживания ионян; там он вытащил корабли на берег и приказал воздвигнуть вокруг них укрепления. Финикийские же корабли, в верности которых он сомневался, были отосланы домой.

Узнав об этом, греки решились на нападение. Но предварительно, чтобы ослабить и разделить неприятеля, Леотихид прибег к тем же мерам, что и Фемистокл при Артемизии: он прошел на корабле вдоль берега и послал вестника объявить ионянам, чтобы они во время сражения вспомнили о своей свободе. Леотихид до-

стиг своей цели. Персы, узнав об этом, сделались еще недоверчивее к ионянам и обезоружили самосцев, которые и раньше казались им подозрительными; милетцев же они удалили под тем предлогом, что те во время сражения должны занять горный проход.

Между тем греки высадились на берег и подступили к персам, чтобы сразиться с ними за обладание Гелеспонтом и островами. Такая добыча заслуживала всевозможных усилий и напряжения с обеих сторон. Мужество греков еще увеличивали слухи о поражении Мардония в Беотии. А все усилия персов были ослаблены тем, что ионяне в сражении содействовали своим соплеменникам. Поэтому, несмотря на мужественное сопротивление персов, особенно при входе в их укрепление, победа клонилась на сторону греков. Греки нанесли поражение неприятелю, сожгли корабли и оборонительные постройки и захватили значительную добычу. Затем эллинский флот вернулся к Самосу.

Но лучше всякой добычи для греков стало освобождение ионян. Самосцы, лесбосцы, хиосцы и жители других островов были немедленно приняты в союз греков. Пелопоннесцы предложили оставить Азию варварам, а ионян переселить в города Эллады, во владения тех греков, которые помогали персам. Но афиняне отвергли это предложение, не желая оставить во власти персов прекрасные приморские берега с их богатыми городами, столь выгодно расположенными для расширения

торговли и для дальнейших завоеваний. В то время как Леотихид возвращался домой с пелопоннесцами, афиняне завоевали остров Сест, овладели Херсонесом Фракийским, островами Лемнос и Имброс и возвратились в отечество с богатой добычей.

15. Война с карфагенянами (480 г. до н.э.)

В это же самое время, подобно грекам метрополии и греческим поселенцам на прекрасном, плодородном острове Сицилия пришлось вести тяжелую войну за свое существование. Эта война затруднялась внутренними раздорами. Сицилийские города были ареной почти непрерывной междоусобной борьбы партий. Ближайшим следствием такого положения дел была частая и гибельная перемена образа правления: то республика сменяла тиранов, то тираны сменяли республику. В это время почти всеми сицилийскими греческими государствами правили тираны. Среди них отличался своей мудростью Гелон, который был владельцем Гелы. Он постепенно овладел всем восточным берегом, а также частью северного и южного берегов Сицилии, завоевал город Сиракузы и расширил его переселением туда знатнейших жителей из многих других покоренных городов. В то время как эллины вели войну против Ксеркса, Гелон отразил сильное и страшное нападение Карфагена.

Карфагенское государство вместе со многими другими колониями было основано на северном берегу Африки финикийцами еще в древнейшие времена с торговыми целями. Стремясь расширить свои торговые связи и увеличить свое морское могущество, карфагеняне неизбежно должны были столкнуться с сицилийскими греками.

Для успешного начала такой войны карфагенянам показалось как нельзя более благоприятным время, когда Ксеркс напал на Грецию с моря и суши и тем лишил ее возможности оказать какую-либо помощь сицилийским грекам.

Повод к нападению подали карфагенянам сами греки. Тиран Терилл, изгнанный из города Гимеры тираном Агригента Фероном, бежал в Карфаген и нашел там защиту и покровительство. Под предлогом восстановления власти Терилла карфагеняне делали такие огромные приготовления, что было очевидно их намерение вдобавок к своим владениям — Сардинии, Корсике и южной Испании, завоевать всю Сицилию и распространить свое неограниченное владычество на западную часть Средиземного моря. Они увеличили свой флот и, по своему обыкновению, набрали наемное войско в Африке, Испании, Сардинии, Корсике и на Балеарских островах. Численность этого войска доходила до 300 000 человек, хотя, скорее всего, эти сведения и преувеличены.

С этими силами карфагенский полководец Гамилькар прибыл в Гимеру в том же году, в котором Ксеркс

выступил против Греции. Гелон и Ферон выступили против него с 50 000 пехоты и 5000 конницы. Гелону удалось сжечь карфагенский флот. Из-за этого, а также из-за смерти Гамилькара сухопутное войско карфагенян было приведено в полное расстройство, и нападение греков увенчалось успехом. Карфаген был вынужден заключить мир, по которому он заплатил 2000 талантов военных издержек, но удержал свои колонии в Сицилии.

Гелон пользовался большим почетом и доверием среди сограждан, и в этом вскоре сам убедился. Созвав всех вооруженных сиракузян в народное собрание, сам он без оружия взойшел на кафедру, отдал подробный отчет в своем управлении государством во время мира и войны и отдал себя и судьбу своих детей в руки народа. Народ приветствовал его громкими восклицаниями как спасителя и благодетеля страны и требовал, чтобы он продолжал править ими. Он умер в 478 году, и память его еще долго чтити повиновением брату его, знаменитому Гиерону (умер в 467 г.). Гиерон принял в союз с Сиракузами и город Агригент, после того как отнял его у третьего брата, Фрасибула, который своим кратким, восьмимесячным, исполненным жесткости правлением представил разительную противоположность Гелону. Статуя Гелона, воздвигнутая ему как народному герою, сохранялась невредимой даже и тогда, когда вновь пробудившийся всеобщий дух свободы изгнал тиранов не только из Сиракуз, но и из всех городов острова Сицилия.

16. Фемистокл (478—477 гг. до н.э.)

Великая борьба, которая произвела столь сильное движение в греческом народе, должна была неизбежно повлиять на внутреннюю и внешнюю жизнь эллинов и изменить направление их истории. Несметная добыча, доставшаяся правительствам и частным лицам, изменила имущественное положение и прежнюю меру богатства и благосостояния. Явилось стремление придать внешней жизни более прекрасные формы.

Подобно тому, как отдельный человек всегда носит в себе воспоминания о прошедшей жизни, так и греки умели найти средство сохранить в сознании народа воспоминания обо всех достославных делах. Средство это доставила им религия, которая связала воспоминания о подвигах с почитанием богов. Набожные греки, приписывая свое спасение исключительно помощи богов, ежегодно праздновали достопамятные дни священными торжествами. Некоторые из этих дней сохранялись в памяти благодаря всякого рода памятникам. На Марафонском поле греческий путешественник Павсаний в 170 году до н.э. нашел два надгробных памятника: на десяти столбах одного из них можно было прочесть имена павших там афинян, на другом — имена платейцев и рабов; Мильтиад же был почитен особой гробницей. Местность при Фермопилах была украшена памятниками. Прах Леонида был перенесен самим Павсанием в Спарту, где ежегодно произносились речи в память о герое. Платейцы каждый год всенародно пра-

эдовали память павших при Платее и приносили в жертву богам-покровителям и теням усопших героев первые плоды; при этих жертвоприношениях не мог прислуживать ни один раб, так как эти герои пали за свободу. Платейцы же восстановили на 80 талантов серебра, полученных ими при разделе персидской добычи, сожженный храм Афины. Этот храм и украшавшие его картины историк Плутарх видел еще шестьсот лет спустя. Все важные и часто посещаемые места, как храм Олимпийский, Коринфский перешеек и в особенности храм в Дельфах, напоминали о том достославном времени, когда эллины имели право гордиться своим именем. Памятники были по большей части сооружены на вырученные от добычи деньги.

Но больше всего прав на сознание чувства собственного достоинства приобрели Афины. Они самым блестящим образом сумели устоять в борьбе с грозной силой и соблазнами варваров. На долю Афин выпал прекраснейший памятник воспоминания — в них возмещали посеянные в военную грозу, орошенные кровью варваров семена новой жизни и развития, озаменованные блестящими подвигами. Великий творческий дух Фемистокла сумел продолжить начатое дело с той же мудростью, искусством и способностями, которые он показал до и во время Персидской войны. В то время как афиняне возвратились в свой разрушенный город и помышляли только о постройке жилищ, Фемистокл обратил внимание на общее благо и будущность всего государства. Теперь Афины не были защищены в случае

нападения неприятеля. И как легко и скоро могла наступить для Афин опасность со стороны честолюбивой и завистливой Спарты, встретившей теперь соперника в деле старинных притязаний ее на гегемонию! Уяснив себе сущность дела, Фемистокл добился согласия народа на отсрочку постройки каких бы то ни было зданий до тех пор, пока город не будет окружен крепкой и обширной стеной.

Эти приготовления не укрылись от бдительных взоров спартанцев. Они стали доказывать афинянам, что Пелопоннес может служить достаточным убежищем при всяких военных опасностях, что возводимые стены в случае иноземного вторжения послужат неприятелю укрепленным местом для склада запасов и оружия, каким для персов в последнюю войну были Фивы. Вместо возведения стены вокруг своего города афиняне поступили бы благоразумнее, если бы помогли разрушить все стены, которые существуют вне Пелопоннеса.

Афиняне по совету Фемистокла обещали отправить в Спарту послов для рассмотрения этого дела и в то же время ревностно продолжали заниматься постройкой стен. Вместе с рабами работали свободные граждане, их жены и дети. Работники сменялись днем и ночью, кое-как складывали стены из обломков, и вся постройка носила на себе следы поспешности, с которой она возводилась.

Между тем сам Фемистокл отправился в Спарту в качестве посла, а остальные два сотоварища по посольству должны были оставаться в Афинах и не уезжать до тех пор, пока стены

не будут возведены до необходимой высоты. Прибыв в Спарту, Фемистокл сказал, что он не может начать переговоры без остальных членов посольства.

Когда пришло известие об успешной постройке стен, а спартанцы сделались нетерпеливее, Фемистокл дал делу новое направление. Он предложил спартанцам самим отправить послов в Афины для исследования дела на месте. Так и было сделано. Тогда Фемистокл немедленно тайно дал знать афинянам, чтобы они задержали спартанских послов в качестве заложников за него и за прибывших в это время двух других послов: Аристида и Аброниха. Затем Фемистокл смело объявил в спартанском сенате, что город их теперь окружен стеною и в состоянии защищать своих жителей; что спартанцам и их союзникам следует смотреть на афинян как на людей, которые сами могут решать, что полезно для них и для общего блага. Они и без приглашения спартанцев имели довольно решимости покинуть свой город и пойти на корабли, когда сочли это нужным. А теперь они сочли необходимым окружить город стеной для блага всех союзников, потому что без такого равновесия в совещаниях об общих делах не будет ни права, ни справедливости. Поэтому или все союзники должны иметь открытые города, или им должно быть разрешено иметь укрепления. Спартам пришлось скрыть свое неудовольствие; они отпустили послов, но с этой минуты питали непримиримую ненависть к Фемистоклу.

Итак, Афины были обеспечены на случай нападения. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы добиться гегемонии на море. Это была цель, на которую Фемистокл еще со времени битв при Артемизии и Саламине не переставал обращать внимание народа. Для достижения этой цели афиняне устроили неподалеку гавань, воспользовавшись очень удобной Пирейской бухтой. Работа по устройству укрепленной гавани проводилась так поспешно, что спартанцы, прежде чем успели сделать запрос по этому вторично, увидели возвышавшиеся стены, которые были еще крепче городских стен и делали Афины неприступными и с суши, и с моря. Кроме того, Фемистокл убедил народ вынести решение о ежегодном увеличении флота на 20 гребных судов и об освобождении метеков, несущих морскую службу, от всяких налогов; эта мера способствовала также увеличению народонаселения.

В то время как в Спарте не допускалось продолжительное пребывание чужеземцев, а тем более постоянное жительство их, в Афинах они пользовались свободой и довольно большими правами. Каждый чужеземец, пробывший в Афинах определенное время, поступал в разряд метеков («покровительствуемых»). Положение их в этом городе, как средоточии эллинской образованности, было настолько привлекательным, что число метеков к 309 году возросло до 10 000 человек. За государственное покровительство они платили умеренный налог: мужчины по 12, а

вдовы только по 6 драхм. В отношении занятий ремеслами, торговлей и промышленностью их права были неограниченны, и государство благодаря этому извлекало для себя значительные выгоды от скопления в нем больших капиталов и производительных сил.

Предприимчивый дух афинян, проявившийся с такой энергией и решимостью во время Персидской войны и всего ярче выразившийся в Фемистокле, позволил им распространить свое влияние далеко за пределы их отечества. Остальные греки стали признавать, что не спартанцы с их неподвижным государственным устройством и их надменностью, а афиняне призваны быть руководителями великой Греции в борьбе с персами. Это убеждение впервые проникло в души греков, когда они уверились в измене спартанца Павсания, победителя при Платее.

Павсаний во главе союзного флота вместе с афинскими кораблями, находившимися под начальством Аристиды и юного Кимона, сына Мильтиада, отправился для окончательного освобождения островов и берегов Геллеспонта от оставшихся еще там персов. Без особого труда были изгнаны варвары с острова Кипр, из Фракии, был завоеван город Византия. Здесь были взяты в плен многие знатные персы и в числе их даже родственники самого персидского царя. Павсаний без ведома союзников, самовольно, отправил их к Ксерксу в сопровождении эретрийца Гонгила и послал царю письмо, в котором известил, что он готов под-

чинить Грецию власти царя, если тот выдаст за него свою дочь, и просил прислать для дальнейших переговоров надежного человека. Ксеркс обрадовался этому предложению и отправил к Павсанию в качестве посредника сатрапа Артабаза. С этих пор Павсаний не воздерживался и выказывал своим соотечественникам презрение и недоброжелательство. Он облачился в персидскую одежду, завел персидский стол и с гордой надменностью начал сторониться своих единоплеменников. Такие поступки возбуждали всеобщее негодование. Пелопоннесские союзники вернулись домой, жители же островов и ионяне, соплеменники афинян, предложили взять командование флотом Аристиду, сумевшему приобрести их доверие своею кротостью, и отдались под покровительство Афин. Хотя Спарта тотчас же отозвала Павсания и послала на его место Доркиса, союзники отказались ему повиноваться, и спартанцы, вернув все свои войска, предоставили афинянам вести войну с персами. Афиняне заключили с ионийскими островами и городами, а впоследствии с эолийскими и дорийскими государствами большой морской союз, который превосходил своими силами союз пелопоннесский, находившийся под командованием Спарты. Однако Аристид не решился тотчас назначить сборное место для новых союзников. Чтобы отдалить всякую мысль о господстве, он предпочел избрать для этого остров Делос, как потому, что он почитался священным местом всех греков ионийского племени, так и потому, что

он благодаря знаменитому храму Аполлона и своим прославленным празднествам служил обычным местом собрания для греков. Отныне в этом храме должны были происходить общие собрания союзных уполномоченных и храниться деньги, которые требовались для продолжения войны с персами. Распорядители этих денег назывались эллинотамиями, то есть казначеями эллинов. В первом же собрании на Делосе Аристид удостоился со стороны союзников такого высокого доверия, что они предоставили ему почетную должность главного казначея и главного распорядителя ежегодных денежных взносов и постройки кораблей. Эти взносы достигли свыше 406 талантов.

Таким образом, Афины получили в свое распоряжение такие силы, что в скором времени стали страшны грекам и в особенности Спарте.

Между тем жалобы союзников на Павсания были рассмотрены эфорами, и Павсаний был присужден к денежному штрафу. Но доказательства, на основании которых можно было бы обвинить его в главном преступлении — государственной измене, показались недостаточными. Павсаний был освобожден и тотчас же отправился в Византию. Там он вновь вступил в подозрительную связь с Артабазом. Его вторично вызывают в Спарту по доносу одного из илотов, который показал, что Павсаний обещал им свободу и права гражданства, если они примут участие в задуманном им перевороте в Спарте. Павсаний повиновался приказанию, был заключен под стра-

жу, но эфоры в скором времени снова выпустили его на свободу, так как не могли признать показания раба достаточным доказательством виновности столь высокопоставленного лица в таком тяжком преступлении. Эта снисходительность сделала изменника еще более смелым. Он продолжал даже из самой Спарты вести переговоры с Ксерксом. Наконец Павсаний был уличен в своих изменнических связях. Один житель Аргила должен был доставить его письмо к Артабазу. Аргилосцу показалось странным, что ни один из посланных для тайной передачи писем не вернулся. В нем возникло подозрение: он осторожно вскрыл письмо и нашел в нем требование, чтобы податель его был немедленно умышлен. Ожесточенный таким открытием, он передал письмо, содержащее в себе целый ряд указаний на государственную измену, эфорам. Но эфоры все еще не верили; они хотели лично удостовериться в справедливости такого факта. С этой целью было решено устроить Павсанию ловушку. Аргилосец, по приказанию эфоров, удалился во двор храма Посейдона на мысе Тенаре. Здесь он поместился в хижине как просящий защиты. Хижина была разделена перегородкой, за которой спрятались несколько эфоров. Получив известие о бегстве своего слуги, Павсаний нагнал его; тот стал укорять Павсания в том, что он требовал убить его, своего верного слугу. Павсаний раскаялся, просил простить его и как можно скорее исполнить его поручение.

Эфоры все слышали и решили взять Павсания под стражу тотчас по возвращении в город. Но когда они приблизились к нему на улице, он убежал и скрылся в храм Афины. Из такого убежища нельзя было заставить преступника выйти даже силой. Поэтому решено было разобрать крышу и запереть храм, чтобы уморить Павсания голодом. Его мать должна была принести первый камень, чтобы завалить входную дверь. Только перед самой смертью, чтобы труп его не осквернил этого священного места, его, уже умирающего от голода, вынесли из храма. Когда он умер, спартанцы хотели сначала бросить его тело в пропасть, куда бросали осужденных преступников, но по совету оракула похоронили там, где он умер.

Гибель этого изменника оказалась роковой и для Фемистокла. Спартанцы, ненавидевшие Фемистокла за постройку стен, обвинили его в соучастии в измене своего царя. Они могли надеяться на успех своей жалобы, так как у Фемистокла в Афинах были многочисленные и сильные противники.

Совершив такое великое дело как возвышение своего отечества, великий человек сам преступил меру равенства, а этого демократический дух Афин не мог снести ни от одного гражданина. Вскоре он стал предметом страха и недоверчивости народа, постоянно опасавшегося за свою свободу. Чувства эти со времени Персидских войн еще более укоренились в народе, так как после борьбы, веденной общими силами, еще сильнее ощущалась необходи-

мость равномерного и равноправного участия всех в общем деле. Поэтому, когда вскоре после сражений при Саламине и Платее занятие должностей и в особенности должности архонта по всеобщему требованию и при содействии Аристиды стало общедоступным правом, то народ на все напоминания Фемистокла о своих заслугах возражал, что эти заслуги принадлежат не ему одному, а составляют общее достояние. Ко всему этому присоединилось недовольствие многих знатных семейств, которые в смутное военное время лишились своих богатств и недружелюбно относились к другим, в особенности к Фемистоклу, достигшему теперь богатства и блестящего положения. Кроме того, были люди, подобные Кимону, которые смотрели с иной точки зрения на отношения Афин к Персии и Спарте. Фемистокл должен был уступить столь многочисленным соединившимся против него силам. Однако, призванный к суду, он после блестящей защиты от спартанских обвинений был оправдан и снова приобрел полное всеобщее уважение. Но противники Фемистокла, во главе которых стоял Кимон, вскоре настояли на его изгнании остракизмом (470 г. до н.э.). Фемистокл покинул Афины и поселился в Аргосе, откуда посещал многие пелопоннесские города.

Спартанцы, постоянно опасаясь своего противника, тотчас после изобличения Павсания в измене возобновили свои жалобы в Афинах, вследствие чего оба государства послали людей в Аргос арестовать Фемисток-

ла. Узнав об этом, Фемистокл бежал — сначала на остров Керкира, жителям которого он в прежнее время оказал значительные услуги. Страхась гнева Афин и Спарты, те не решились доставить ему у себя убежище, но зато помогли ему скрыться в Эпир. В таком затруднительном положении он решился искать убежища у Адмета, молосского царя, с которым прежде находился в неприязненных отношениях. Фемистокл не застал его дома и в ожидании царя сел по совету царицы с малолетним сыном на пороге как проситель. Тронутый его видом, Адмет обещал изгнаннику свое покровительство и сдержал слово даже тогда, когда афиняне и спартанцы потребовали его выдачи. Затем, отпустив Фемистокла по собственному его желанию к персидскому царю, он отправил его под защитой стражи в македонский город Пидну.

Отсюда Фемистокл отправился на корабле в Ионию. Но буря пригнала его к Наксосу, где был расположен афинский флот. Страхась за свою судьбу, Фемистокл объявил свое имя корабельщику и обещал ему большую награду, если тот спасет его. Корабельщик исполнил желание Фемистокла и благополучно доставил его в Эфес. Отсюда Фемистокл отправился в Сузы и в то же время письменно известил о своей судьбе только что вступившего на престол персидского царя Артаксеркса I. Письмо, посланное Фемистоклом, гласило: «Я, Фемистокл, являюсь к тебе. Из всех греков я причинял всего больше несчастья вашему дому, пока должен

был защищаться от нападения твоего отца; но как только я очутился в безопасности, а он подвергался беспрепятственным опасностям, то я оказывал ему больше всех добра. Теперь, преследуемый эллинами за дружбу к тебе, я являюсь, чтобы оказать тебе величайшую услугу. Но цель моего прибытия открою только лично тебе по прошествии одного года».

Достаточно ознакомившись в течение года с персидским языком и обычаями, он испросил у царя аудиенцию. Царь хорошо его принял и, по персидскому обычаю, назначил ему доходы с трех городов: Магнесия должна была доставлять ему хлеб, Лампсак — вино, а Мий — рыбу и овощи. Владея этими городами, Фемистокл жил и умер в Магнесии в 460 году то ли от болезни, то ли от принятого им самим яда. На последнюю причину указывают те, которые утверждают, что будто бы Фемистокл обещал царю покорить Грецию, но, когда пришлось приступить к делу, нашел это невозможным и непатриотичным. Из того обстоятельства, что родственники Фемистокла, по его завещанию, перенесли останки его в Аттику, можно заключить, что любовь к отечеству никогда в нем не умерла. Да и не может быть сомнения в том, что такой человек, как Фемистокл, о котором Фукидид говорил, что он одною душевною силою, без научного образования, лучше всех умел найтись в минуты крайности и вернее всех предугадывал будущее, и в Азии размышлял и действовал сообразно своей прежней достославной жизни.

17. Правление Кимона (473—469 гг. до н.э.)

Кимон, сын Мильтиада, благодаря своему происхождению и способностям сумел вместе с Фемистоклом и Аристидом рано обратить на себя внимание народа. Когда при вторжении персов Фемистокл старался убедить афинян покинуть город и искать спасения на кораблях, Кимон со своей стороны постарался склонить народ к этому решению. С этой целью он отправился со своими друзьями в храм Афины и повесил там уздечку в знак того, что теперь нет больше надобности в верховой езде. Когда Фемистокл был изгнан, Кимон избавился от соперника своей славы и противника своих политических убеждений и стал самым влиятельным лицом во главе афинского государства. Теперь он получил возможность проводить свои идеи.

Каковы были его политические убеждения, можно заключить уже из того, что Кимон принадлежал к партии Аристида и, пока тот был жив, действовал с ним сообща и совершенно согласно. Затем в стремлениях Кимона проявились два определенных направления. В делах внутреннего государственного управления он старался противодействовать дальнейшему развитию демократических начал и сохранить первоначальное устройство Солона. Это устройство по своей суровости и твердости больше приближалось к спартанским учреждениям, к которым Кимон всегда относился с уважением. Он умел привлечь на свою сторону народ щедро раздаваемыми

подарками. Часто одному из его провожатых приходилось снимать с себя верхнюю одежду, чтобы отдать ее бедному. Он держал для сограждан ежедневно открытый стол и приказал сломать заборы, окружавшие его сады, чтобы каждый мог пользоваться их плодами. Его всегда сопровождали слуги с деньгами, чтобы можно было тотчас подать каждому, просящему милостыню. В делах внешних Кимон постоянно старался продолжать наступательную политику Греции против Персии и с этой целью заботиться о поддержании прочных и мирных отношений между греческими государствами и в особенности между Афинами и Спартой как двумя главными, взаимно друг друга дополнявшими государствами Греции. Война с Персией была основной идеей Кимона, на осуществление которой он отдал все свои силы. Первым подвигом его было завоевание города Эйона на фракийском берегу.

Благодаря этому приобретению Афины завладели плодородной областью, в которой афинские граждане, привлеченные изобилием в стране строевого леса, золотыми и серебряными рудниками, основали впоследствии важную колонию Амфиполь. Потом Кимон покорил разбойничий остров Скирос, поселил там афинских граждан, а оттуда привез в Афины останки царя Тезея. Были завоеваны также город Карист на Эвбее и остров Лемнос. Самым славным подвигом Кимона была его победа над персами при реке Эвримедонте в Памфилии в 466 году до н.э. В это время в Персии среди царствовавшей

фамилии свирепствовали кровавые раздоры. Сам Ксеркс совершенно погряз в роскошной и преисполненной интриг жизни своего двора и не обращал никакого внимания на управление государством. Персы не предпринимали действенных мер, чтобы остановить завоевания греков. Только тогда, когда Кимон необыкновенно счастливо начал наступательную войну в Карии и Ликии, покорил многие города и изгнал оттуда персидские гарнизоны, персы обратили на него свое внимание. Они собрали на реке Эвримедонте сухопутное войско и флот, которые должны были значительно усилиться с прибытием 80 финикийских кораблей. Узнав об этом, Кимон решился, прежде чем персы получат это подкрепление, вступить с ними в морское сражение. Персы, боясь вступить в бой без финикийцев, ввели свои корабли обратно в реку, после непродолжительной схватки отдали значительную часть их в руки греков и соединились с сухопутным войском. Кимон немедленно повел против персов своих воинов, воодушевленных успехом. Произошла упорная битва, и одержанная наконец греками победа была куплена ими потерей многих способных и храбрых мужей. Оставшиеся в живых и в особенности Кимон, кроме богатой добычи, приобрели себе редкую славу, в один день одержав две победы. Кимон совершил свой блистательный подвиг тем, что тотчас же поспешил к Кипру и потопил находившиеся здесь финикийские корабли.

Таким образом персы на долгое время были вытеснены из греческих

морей, а малоазийские греческие города освободились от уплаты дани «великому царю». Однако война продолжалась, даже несмотря на то, что персы, истощив военные средства, вынуждены были приостановить со своей стороны военные действия.

Равноправие в отношениях между Афинами и союзными городами и островами постепенно исчезло, и их отношения стали отношениями господствующих и подвластных. Афиняне находили это совершенно естественным и оправдывали новые отношения своими прежними заслугами. Происходившие до тех пор в Делосе общественные совещания теперь были заменены распоряжениями и приказами из Афин. Денежные взносы и поставка кораблей и войск требовались с беспощадной строгостью. Тем, кто вздумал бы сопротивляться, грозил пример Наксоса и Фасоса: оба эти острова были покорены силой оружия и должны были заплатить большую денежную пеню, выдать свои корабли и скрыть стены.

Стесненное положение союзников стало следствием их собственного неблагоразумия. Из-за лени и привычки к спокойствию они скоро утомились трудной морской службой и согласились на хитрое предложение Кимона заменить поставку кораблей и экипажа денежными взносами. Союзники не замечали, что из-за этого сами они теряли воинственный дух и передавали полную власть над собой афинянам, которые строили на их деньги корабли и вооружали их своими людьми. Союзники заметили это

только тогда, когда они оказались полностью под властью афинян, и всякая попытка освободиться от тяжелого гнета стала невозможной вследствие их собственного бессилия. Теперь им ничего больше не оставалось, как искать спасения в посторонней помощи. Возвышение могущества Афин пробудило с новой силой старинную зависть их соперницы Спарты, и на ее то помощь возложили союзники все свои надежды. Спартанцы были готовы вмешаться в дело еще тогда, когда фасосцы во время своей войны с Афинами предлагали им напасть на Аттику. Но внезапное собственное несчастье — землетрясение и восстание илотов — поставило спартанцев в такое положение, что они сами вынуждены были обратиться за помощью к афинянам.

18. Перикл. Третья Мессенская война (464—461 гг. до н.э.)

Гениальный и творческий дух Фемистокла как будто бы возродился с новой и более совершенной силой в Перикле, сыне Ксантиппа, победителя при Микале. Этот единственный в своем роде человек был наделен всеми правами знатного происхождения и высшими природными дарованиями. Уроки философа Анаксагора развили в Перикле в высочайшей степени способность мышления и необыкновенные благородство и глубину мыслей. В этой же философской школе он приобрел такое увлекательное красноречие, что силу его речи современники сравни-

вали с громом и молнией, а слушатели пленялись им, как произведением расцветавших в Афинах наук и искусств. Завоевав себе славу продолжительным участием в военных предприятиях, Перикл вступил в управление государством, но с совершенно иными политическими убеждениями и взглядами, чем Кимон. Он воспользовался для проведения своих идей частым и продолжительным отсутствием Кимона по случаю военных предприятий.

Первым и важнейшим делом, предпринятым Периклом для большего развития демократии, была попытка ограничить права ареопага. Это учреждение было самой большой и самой прочной опорой аристократической партии, когда во главе ее стоял Кимон. Для того чтобы сделать государственное устройство полностью демократическим, надлежало сокрушить силу ареопага. Но к этому Периклу приходилось приступить со всею осторожностью, так как, добившись успеха, он благодаря силе своего таланта получил бы возможность управлять государством как самодержавный монарх. Поэтому в то время, когда Кимон во главе своего войска находился во Фракии, Перикл поручил Эфиальту (в чем также выразилось благоразумие Перикла — выставляться самому на вид как можно реже) предложить народу отнять у ареопага высший надзор над государственными учреждениями и нравами граждан — то есть лишить его той деятельности, за которую он был прозван «совестью афинского народа»; Перикл также хотел, чтобы аре-

опаг не распоряжался государственной казной и круг его действий ограничивался бы только отправлением правосудия. Народ, к которому вследствие такой перемены переходила высшая неограниченная власть, согласился на предложение — и с этих пор ареопаг стал существовать лишь в качестве судебного учреждения. Этим распоряжением уничтожался благодетельный перевес власти народного собрания, и грозная опасность вырождения демократии в охлократию (владычество черни) не могла больше встретить на своем пути никакой задержки.

Кимон не скрывал своего неудовольствия законодательной реформой, но не мог уже ее остановить. Его собственная звезда начинала склоняться и должна была вскоре совершенно закатиться вследствие внезапных происшествий в Спарте.

Ужасное землетрясение 465 года привело Спарту на край гибели. Почти весь город был разрушен, множество людей погибло. Это неожиданное несчастье произвело всеобщее замешательство, которым как благоприятным случаем воспользовались тысячи илотов, пребывавших в гнетущем рабстве. Они вооружились и готовы были общими силами напасть на Спарту. Опасность была велика, но ее предотвратило благоразумие царя Архидама. Предвидя возможность такого нападения, он призвал спартанцев к оружию и расположил их на городской площади в боевом порядке. Илоты, рассчитывавшие застать Спарту врасплох, скоро отступили, но заняли хорошо укрепленную мессенскую кре-

пость Итому, стены которой при искусстве спартанцев в осадном деле могли служить прочной защитой. Так началась третья Мессенская война (465—455 гг. до н.э.).

В такой опасности спартанцы обратились за помощью ко всем союзникам и в особенности к афинянам, которые считались самыми опытными в осадном искусстве. Перикл и Эфиальт самым решительным образом высказались против посылки вспомогательного войска, так как в унижении Спарты они видели торжество афинян и демократии. Но Кимон, дружески расположенный к спартанцам и их государственным учреждениям, убедил афинян принять противоположное решение. Он утверждал, что «не следует лишать Грецию одной ноги и делать ее хромою, а Афинам допустить погибнуть коню, составляющему с ними одну упряжку». В порыве патриотизма было решено послать на помощь спартанцам 4000 гоплитов под начальством Кимона. Но афиняне обманулись в своих ожиданиях на подобную же патриотическую встречу со стороны спартанцев. Когда осада Итомы, несмотря на афинскую помощь, затянулась, спартанцы сделались подозрительны: они опасались, что предприимчивые, склонные к нововведениям афиняне могут войти в соглашение с неприятелем и стать для них весьма опасными. Удержав при себе остальных союзников, спартанцы отпустили афинян под предлогом, что больше в них не нуждаются.

Это оскорбление, по мнению афинян несколько ими не заслуженное, возбудило в них величайшее неудовольствие, и этот случай можно счи-

тать моментом, с которого началась столь долго сдерживаемая вражда между обоими государствами. Афины немедленно расторгли союз со Спартой, заключенный во время Персидской войны, и заключили новый с Аргосом, наследственным врагом Спарты и соперником ее могущества в Пелопоннесе. Что касается Кимона, то он в насмешку был прозван «другом лакедемонян» и в скором времени изгнан из Афин на десять лет остракизмом разгневанного народа.

Без сомнения, неприятельские действия между Афинами и Спартой начались бы тотчас же, если бы все силы обоих противников не были отвлечены в это время в другую сторону. Спарта была занята осадой хорошо укрепленной и мужественно защищаемой Итомы и поэтому допустила своего смертельного врага, Аргос, покорить и разрушить города Микены и Тиринф. Десять лет держались мессенцы в Итоме. Наконец они сдали крепость спартамцам, выговорив себе свободный выход с женами, детьми и со своим имуществом. Афинский полководец Толмид охотно принял беглецов и отвел им для жительства только что завоеванный перед тем приморский город Навпакт.

Афины еще до этого времени были заняты смелым предприятием в Египте. Желая поддержать восстание против персов ливийского царя Инара, они отправили к нему на помощь 200 трирем. Этим обстоятельством воспользовалась всегда враждебная им Эгина, но совершенно безуспеш-

но. Афиняне победили эгинцев в морском сражении, высадились на их остров и осадили их главный город. Эгинцы были вынуждены покориться, выдать корабли, срыть свои стены и обязались платить афинянам ежегодную дань (456 г. до н.э.).

Но египетский поход закончился несчастливо (457 г.). Артаксеркс I, по прозванию «Маккрохир» (Долгорукый), снова ожививший силы своего государства, послал в Египет сильное войско и скоро одолел египтян. Греки были выгнаны из Мемфиса и заперты на острове Просопитида. Здесь персидский полководец Мегабаз осаждал их полтора года и победил наконец тем, что отвел течение Нила, вытащил корабли на берег и завладел островом. Афиняне потерпели полное поражение; только немногие из них спаслись бегством через Ливию в Кирену. Ливийский царь Инар был распят на кресте, и Египет, кроме некоторых болотистых мест, где еще держался некто Амиртей, снова попал под власть персов.

19. Борьба между Спартой и Афинами (456—449 гг. до н.э.)

Впрочем, в скором времени произошло и непосредственное враждебное столкновение между Спартой и Афинами. Когда возникла вражда между Доридой и Фокидой, спартамцы пошли на помощь к первой из них как своему древнему отечеству и после непродолжительной борьбы вытеснили фокийцев из одного завоеванного ими дорийского города.

Афинянам показалось, что этот поход был предпринят не без задней мысли. Действительно, спартанцы имели в виду возвратить при этом Фивам утраченную ими во время Персидских войн силу, чтобы иметь возможность воспользоваться ею против Афин. Поэтому афиняне преградили спартанцам обратный путь на море и на суше. Афинский флот занял Криссейский залив, а сухопутное войско — перешеек. Сверх того, под начальством Перикла было собрано войско, подкрепленное тысячею аргивян и отрядом фессалийских всадников. Просьба Кимона о разрешении участвовать в предстоявшем сражении в качестве гоплита была отвергнута из подозрения его в пристрастии к лакедемонянам. Битва произошла в 456 году при Танагре в Беотии. Из-за измены фессалийцев, которые во время самого сражения перешли к спартанцам, она была проиграна афинянами. Таким образом, спартанцам был открыт путь к отступлению. Они выступили в обратный путь, не отваживаясь на дальнейшие предприятия и удовольствовавшись опустошением Мегарской области в наказание Мегары за ее союз с Афинами.

Но уже через два месяца после сражения при Танагре Миронид явился в Беотию с новым афинским войском и в сражении при Энофите одержал полную победу над фиванцами. Большая часть городов Беотии вступила в союз с Афинами и упрочила этот союз введением у себя сходного с афинским демократического государственного устройства. Примеру их последовали Фокида и Опунтские Локры, причем

последние, много содействовавшие союзу, в обеспечение своей верности выдали Мирониду сто заложников.

Благородное поведение Кимона и самоотверженное мужество его сторонников в битве при Танагре вполне оправдало его в глазах народа, и сам Перикл в 454 году предложил возвратить его. Тотчас по своем возвращении Кимон, следуя своей политической системе, обратил всю свою деятельность на достижение двух целей: на заключение союза между Афинами и Спартой и на продолжение войны против персов. Но только в 451 году, после трехлетних переговоров, Афины и Спарта заключили между собой пятилетнее перемирие.

Чтобы загладить свою неудачу в Египте, афиняне решились на новый поход против персов. Прежде всего нужно было завоевать остров Кипр, являвшийся главной опорой персидского владычества на море, так как он доставлял все необходимое для снаряжения кораблей. Затем нужно было побудить к восстанию против персов египтян, где еще держался Амиртей. С флотом из 200 трирем начал свой поход Кимон. 60 кораблей были посланы в Египет, а с остальными он осадил Китию на Кипре.

Но здесь в 449 году Кимон умер, по словам одних — от тяжких ран, а по другим сведениям — от болезни. Умирая, Кимон приказал скрыть свою смерть от войска, чтобы оно, думая, что все еще находится под начальством своего победоносного полководца, могло с большей уверенностью противостоять наступающему врагу.

Так и случилось, и победа над флотом, состоявшим из киликийских, финикийских и кипрских кораблей, и над сухопутным войском при Саламине (приморский город на Кипре) была лучшим поминовением славному герою. После этого флот, увозя с собою останки своего предводителя, возвратился в Афины.

20. Величие Афин (450—430 гг. до н.э.)

После смерти Кимона первенствующее положение в политике стало принадлежать Периклу, хотя первое время у него были соперники. Ими были Миронид, Толмид и Фукидид, принадлежавшие к аристократической партии. Несмотря на их нападки, власть и значение Перикла остались непоколебимы. Даже самый значительный противник, Фукидид, родственник Кимона, далеко уступавший ему в военных дарованиях, в 444 году был изгнан остракизмом. Теперь у Перикла не осталось соперников. Он властвовал над переменчивым народным собранием своим могучим красноречием и управлял народом по своему произволу. Бескорыстие Перикла, в котором не превосходил его даже сам Аристид, простиралось до того, что, по словам Плутарха, во все время своего управления он не увеличил своего состояния ни на одну драхму. Эта добродетель проявлялась тем величественнее, чем богаче становилось государство и чем блистательнее было употребление, которое сделал из этого богатства художественный вкус Перикла.

Афины, проявлявшие до сих пор свое величие в военных победах и расширении государства, должны были оставить по себе вечные памятники и в произведениях искусства. Наряду с военным господством должно было существовать и господство мирное, из которых первое, несомненно, служило основанием последнему. С окончательным установлением зависимости союзников от Афин все их богатые сокровища поступили в полное распоряжение афинян. Последний шаг в этом деле был сделан перенесением в Афины общественной казны, которая до тех пор хранилась на острове Делос. Этими сокровищами Перикл воспользовался, чтобы покрыть издержки на новые произведения искусства. Его план состоял в том, чтобы сделать свой город столицей объединенной Греции. Для этого Афины должны были внушать союзникам уважение своей роскошной внешностью. Но не частные дома, а лишь общественные здания должны были предстать во всем художественном великолепии.

Судьба послала Периклу друга и помощника, который помог ему достичь в его предприятии высшего идеала художественной правды и красоты. Этим другом был знаменитый скульптор Фидий, бывший главным руководителем реконструкции Афин; ему помогали другие известные мастера: строители Иктин, Калликрат и Мнесикл, живописцы Полигнот и Панен, ваятель Поликлет из Аргоса. Выдающимся произведением искусства времен Перикла был Одеон — крытое круглое здание, в котором во время празднеств происходили ве-

денные Периклом музыкальные состязания. У подножия Акрополя Мнесикл построил Пропилеи. С правой стороны к этому зданию примыкал небольшой храм богини победы — Ники, а левый флигель заключал в себе картинную галерею Пинаотеку. Посредине, поднимаясь вверх широкими ступенями, шла беломраморная лестница с пятью проходами, поддерживаемыми колоннами. Наверху стоял Парфенон — храм девственной богини Афины. Заднее здание служило хранилищем государственной казны. Там же возвышалась статуя Афины из золота и слоновой кости. Богиня была изображена стоящею в длинной, ниспадающей до земли одежде, с шлемом на голове, в одной руке она держала копье, а в другой — статую богини победы; у ее ног лежал щит. На самом верху крепости находилась другая медная колоссальная статуя той же богини Афины, покровительницы города; эта статуя, как и первая, была работы Фидия. Она держала меч, как бы готовый для защиты. Едущему в Афины уже у мыса Суний были видны позолоченное острие копья и перья, развевавшиеся на шлеме богини. Статуя Зевса Олимпийского также была произведением Фидия. Сооруженная из золота и слоновой кости, в сорок футов вышиною, она возвышалась над всеми другими статуями. Лицо имело выражение всемогущества, величия, спокойствия и доброты.

Противники Перикла упрекали его в расточительности и растрате общественных сокровищ. Сам народ был поражен огромностью издержанных

им сумм. Но когда Перикл заявил, что он готов покрыть все расходы из своего собственного имущества с тем условием, чтобы на всех сооружениях были сделаны надписи о том, что они составляют его дар, то народ, весьма чувствительный к подобного рода славе, решил ничего не жалеть.

Популярность Перикла основывалась не только на том, что под его руководством создавались произведения искусства. Благодаря расцвету художественной деятельности многие тысячи ремесленников и художников нашли выгодные для себя занятия. Вместе с тем возник новый источник богатства — торговля. В Пирейской гавани был построен новый город с самой оживленной торговлей. Сюда приходили корабли с грузами хлеба и других продуктов из плодородных стран Черного моря и со строевым лесом из Фракии. На торговой площади было постоянное оживленное движение. «Кто не нуждался в городе Афинах? — говорит Ксенофонт. — Не все ли страны, богатые хлебом и стадами, маслом и вином? Не все ли, имевшие возможность нажиться по своему уму и своим средствам: ремесленники, софисты, философы, поэты? Все, жадные до всевозможного рода зрелищ и развлечений, все желавшие многое быстро купить или продать — где могли они найти для всего этого место лучшее, чем Афины?»

Благосостояние беднейших классов населения составляло также предмет заботы Перикла. Множество беднейших жителей он поселил во вновь основанных колониях. Для того чтобы успокоить недовольных граждан, он

установил раздачу хлеба. Затем, чтобы дать и бедным людям возможность доставлять себе удовольствие, Перикл установил выдачу им так называемого «теорикона», то есть зрелищных денег для входа в театр. Чтобы бедные граждане могли пользоваться своими общественными правами, не тратя на это время, необходимое для изыскания средств на пропитание, он ввел жалованье судьям и воинам в таком размере, что они при тогдашней дешевизне жизненных припасов могли жить в полном довольстве. Эти установления имели в то же время и политическую цель — заменить опасную щедрость частных лиц, чему пример был подан Кимон, щедростью государства и теснее привязать граждан к демократическим учреждениям.

Пока Перикл благодаря своему личному влиянию управлял народной толпой, введенные им меры не представлялись опасными. Но дела могли принять совсем иной оборот после удаления его с политического поприща. Скоро должны были оправдаться слова, что «Перикл своими денежными подачками сделал афинян ленивыми, трусливыми и падкими к наслаждениям».

Под конец своей жизни Периклу пришлось перенести горькие испытания. Так как враги Перикла, которого слишком любила толпа, не могли повредить ему лично, то они обратили свои нападки на его любимцев, в частности на его подругу, гетеру Аспасию. Гетеры были иностранки, которые в противоположность греческим женщинам, жившим в уединении,

пользовались свободным общением с мужчинами и нередко отличались умом и образованностью. Кроме Аспасии, с которой сам Сократ находился в дружеских отношениях, были замечательны: Таис, Таргелия, Лаиса и Фрина. И вот враги Перикла стали обвинять Аспасию, философа Анаксагора и Фидию в безбожии. Только благодаря защите самого Перикла Аспасия была оправдана. Фидия, кроме того, обвинили и в утайке части золота, предназначенного для статуи Афины. Но Фидий вел свое дело с такой предосторожностью, что во всякое время можно было снять и взвесить все золото, благодаря чему он и очистил себя от всякого подозрения в недобросовестности. Второй обвинительный пункт состоял в том, что на щите Афины Фидий поместил свое собственное изображение и изображение Перикла. На этом щите была представлена битва Тезея с амазонками; одной из прекраснейших мужских сражающихся фигур Фидий действительно придал черты лица Перикла, а себя самого представил обнаженным воином. Он был изгнан и, по преданию, умер в Олимпии. Анаксагор также был вынужден покинуть Афины.

21. Военные действия Афин (450—431 гг. до н.э.)

В то время как Афины под управлением Перикла достигали своего высшего внутреннего процветания, им приходилось вести различные войны. С одной стороны, было необходимо противодействовать завистли-

вой Спарте, с другой — удерживать союзников в верности и зависимости. Осторожный Перикл старался достичь того и другого заботой о сохранении лишь ближайших интересов. Он не стремился к новым завоеваниям, и его не соблазняли рискованные предприятия, каким был, например, египетский поход. Влияние, приобретенное Афинами после победы при Энофите, было потеряно по вине отважного Толмида. Он хотел выгнать бежавших из демократических государств аристократов из захваченных ими городов Орхомена, Херонеи и других беотийских местностей. Но со своей тысячей гоплитов и присоединившимися к ним немногими союзниками он был разбит наголову при Коронее и убит (447 г.). Ободренные этим аристократы снова уничтожили в Беотии демократические учреждения. Афиняне, чтобы спасти жизнь своим согражданам, попавшим в плен, вынуждены были заключить мир и признать как независимость Беотии, так и гегемонию Фив над некоторыми другими городами.

Ближайшим следствием этого поражения стало отпадение Эвбеи и Мегары от Афинского союза. Мегаряне напали на афинский гарнизон, уничтожили его и призвали себе на помощь спартанцев. Периклу пришлось оставить Мегару быстро подоспевшим к ней спартанцам. Но он подкупил спартанского царя Плестоанакса и его советника Клеандрида, и спартанцы, опустошив некоторые местности в Аттике, удалились.

Тогда Перикл поспешил к отпавшей Эвбее. Из города Гистеи он вы-

гнал всех жителей и разделил его земли между афинскими гражданами за то, что при начале неприятельских действий гистейцы умертвили весь экипаж одного афинского корабля. Из города Халкиды Перикл изгнал всех знатных и богатых граждан и передал управление городом в руки местных демократов. В сходстве государственных учреждений Перикл полагал найти более крепкую связь между господствующим государством и подчиненными ему областями. Так как Фокиде и Локриде также удалось достигнуть самостоятельности и на материке оставались верными союзниками только платейцы, то власть Афин была сильно поколеблена. Чтобы иметь время для приобретения новых сил, Перикл заключил со Спартой в 445 году тридцатилетнее перемирие, по которому афиняне должны были очистить занятые ими города Никею, Паги и Трезен, а Мегару признать свободной от союзной зависимости. Афинский морской и Пелопоннеский союзы были признаны двумя самостоятельными государственными группами, причем в каждой из них первенствующие государства — Афины и Спарта — пользовались по отношению к своим союзникам самодержавной властью и наказывали их за всякую попытку к отпадению.

Афинскому господству на море скоро стали угрожать новые опасности. В надежде на персидскую помощь восстал Самос, во главе которого стоял замечательный своим умом Мелисс. Примеру Самоса последовала Византия. Персидско-фи-

никийский флот должен был прибыть на помощь самосцам. Перикл отправлялся к Самосу с шестьюдесятью кораблями, и хотя он отослал шестнадцать из них для наблюдения за финикийскими кораблями и за получением подкрепления с Хиоса и Лесбоса, все-таки отважился вступить в битву с самосским флотом, который состоял из семидесяти судов. Опытность и искусство афинских моряков доставили победу Периклу. Он высадился на остров и приступил к осаде города, обложив его с моря и с суши. Затем с большею частью флота Перикл направился в Карию на розыски финикийских кораблей. Этим воспользовался Мелисс: он напал на оставленный для осады отряд и разбил его. Но Перикл, не найдя финикийян и получив подкрепление кораблями из Афин, Хиоса и Лесбоса, вернулся к Самосу, разбил неприятельский флот и после девятимесячной осады принудил самосцев к выдаче города. Самосцы вынуждены были скрыть стены, выдать корабли и заложников, уплатить военные расходы и ввести у себя демократические учреждения. В то же время была покорена и Византия. Вследствие этого Афины снова стали во главе союза ионийских островов и городов. Спарта, стоявшая во главе Пелопоннесского союза, смотрела теперь с завистью на увеличившееся значение Афин. Между этими двумя союзами было различие в государственном устройстве, в племенном происхождении и в образовании; но в то же время оба они были преисполнены одинаковым влечением к расшире-

нию своей власти и к верховному владычеству над всей объединенной Грецией.

Таким образом, в силу роковой необходимости между Афинами и Спартой должна была произойти борьба для разрешения вопроса, кто будет господствовать в Греции. Эта борьба составляет в истории Греции такую же знаменательную эпоху, какую составила в свое время борьба с персами. То была так называемая Пелопоннесская война.

22. Пелопоннесская война (431—404 гг. до н.э.)

а) Начало войны. Чума в Афинах. Никиев мир (431—421 гг. до н.э.)

Более глубокая причина этой войны заключалась в постоянно возроставших напряжении и зависти между дорийской и ионийской государственными группами. Обе стороны не без тревоги смотрели на приближение решительной борьбы, в которой вся Эллада могла быть поколеблена в своем основании, и поэтому насколько могли старались отдалить ее начало. Но, как это обычно бывает, достаточно было самого незначительного повода для того, чтобы так долго копившийся горячий материал вспыхнул ярким пламенем.

Непосредственным поводом к началу войны было вмешательство Афин в коркиро-коринфскую распрю. Начало этой распри положил греческий колониальный город на иллирийском берегу — Эпидамн. Этот город, основанный коркирянами, достиг цве-

тущего состояния в правление коринфянина Фалия, но, подобно всем греческим государствам, его обуревали внутренние раздоры партий. Как раз в это время народ одержал верх и изгнал из города знатнейших граждан. Они бежали к соседнему варварскому племени, тавлантиям, и стали жестоко теснить жителей Эпидамна с моря и с суши. В таком бедственном положении Эпидамн обратился за помощью к своей метрополии — городу Коркире, но получил отказ, потому что изгнанники происходили из той же Коркиры.

Тогда по совету Дельфийского оракула жители Эпидамна просили защиты у города Коринфа, который в качестве метрополии Коркиры принимал деятельное участие в основании Эпидамна. Коринфяне охотно на это согласились и послали в Эпидамн гарнизон и новых поселенцев. Коркиряне сочли это за нарушение своих прав и потребовали от жителей Эпидамна возвращения изгнанников и удаления как коринфского гарнизона, так и новых поселенцев. Так как Эпидамн воспротивился этому, то коркиряне приступили к осаде города. Коринфяне поспешили на помощь с флотом из семидесяти кораблей, но коркиряне, которые находились в то время в расцвете сил и владели ста двадцатью гребными судами, пошли с восьмьюдесятью кораблями навстречу коринфянам и одержали над ними блестящую победу при мысе Акции в 435 году. С остальными сорока кораблями они направились в тот же день к Эпидамну и принудили его к сдаче.

Пристыженные коринфяне, опасаясь, чтобы коркиряне, получив господство на море, не причинили большого вреда им и их союзникам, приступили к серьезным приготовлениям для продолжения войны. Обеспокоенные коркиряне решили обратиться к афинянам и заключить с ними союз. Афиняне, не приняв их в общий союз, заключили с ними союз оборонительный, по которому оба государства взаимно обязались отражать соединенными силами всякое нападение как на собственные свои области, так и на области своих союзников, и послали на помощь коркирянам на первый раз десять кораблей. Коринфяне со ста пятьюдесятью кораблями приблизились к Коркире, а коркиряне пошли к ним навстречу со ста десятью кораблями, в числе которых находились и десять афинских кораблей, и вступили в упорную битву при Сиботе (в 432 г.). Коркиряне, казалось, должны были быть разбиты, но к ним на помощь явились еще десять афинских кораблей под командованием Лакедемония, сына Кимона. Несмотря на то, что преимущество было на стороне коринфян, они, увидев, что на помощь кроме этих десяти кораблей приближаются еще двадцать, внезапно отступили. Сражения не произошло. Коринфяне возвратились домой, исполненные ненависти к афинянам, которые первыми начали враждебные действия против пелопоннессцев.

В скором времени новое столкновение произошло на фракийском берегу. Чтобы отомстить афинянам, Коринф в союзе с македонским царем

Пердиккой, который находился в состоянии войны с Афинами, старался возмутить афинских союзников на Халкидском полуострове. Эти происки не укрылись от афинян. Они особенно опасались за Потидею, которая хотя и платила им дань, но была коринфской колонией. Поэтому, желая предупредить надвигающуюся грозу, афиняне потребовали, чтобы потидейцы срыли свои стены, дали заложников в залог своей верности и больше не принимали правительственных лиц, присылаемых к ним Коринфом как метрополий. Такие тяжелые требования дали делу решительный оборот. Потидея, ободренная подошедшим в это время вспомогательным коринфским войском, открыто отложились от Афин. Тогда афиняне поспешно увеличили свои морские силы, которые находились у македонских берегов, и двинулись на Потидею. С большим сухопутным войском из трех тысяч тяжеловооруженных воинов и с семьюдесятью кораблями подступили они к городу. Союзники отважились вступить в сражение при входе в гавань, но, проиграв его, укрылись в Потидее, где были окружены и осаждены афинянами.

Тогда коринфяне поспешили превратить войну в общее дело всех пелопоннесцев и в особенности Спарты. Для этого в созванном ими союзном собрании они старались доказать, что Афины своими поступками нарушили перемирие. Наконец и сама Спарта согласилась с этим мнением и начала переговоры. Переговоры эти, хотя и имели еще вид не

существовавшего уже более миролюбия, велись с целью свалить на противника упрек в нападении. Лакедемоняне потребовали, чтобы афиняне изгнали из своего города тех, чьи предки участвовали в злодеянии Килона, при этом они имели в виду главным образом удаление Перикла, который, как и Килон, принадлежал к роду Алкмеонидов. При вторичном посольстве они потребовали, чтобы Афины возвратили свободу всем подвластным им городам, что означало уничтожение Афинского морского союза. Афиняне, сознавая свою силу, по совету Перикла, отвечали, что они никогда не послушаются приказаний и только тогда возвратят самостоятельность своим союзникам, когда Спарта уничтожит Пелопоннесский союз.

На этом переговоры прекратились. Фиванцы внезапно напали на дружественную Афинам Платею (431 г.). Платейцы оказали им достойное сопротивление. Захваченные при этом в плен сто восемьдесят фиванцев были казнены, что вызвало большое ожесточение с противной стороны. Так началась роковая война, которая разделила Грецию на две большие партии. Во главе партий находились Афины и Спарта, обладавшие силами не однородными, но полные надежды на блестящую победу.

На стороне спартанцев, за исключением Аргоса и почти всей Ахайи, находился весь Пелопоннес, имевший возможность выставить в поле 60 000 человек тяжеловооруженного войска, Коринф и Мегара с их флотом, Беотия, Фокида и Опунтские

Локры. Но зато у спартанцев было меньше денег и кораблей, чем у их противников. Афиняне имели союзниками фессалийцев, острова Коркиру, Закинф, Хиос, Лесбос, города Платею, Навпакт и множество покоренных и плативших дань городов и островов, которые в течение всего времени, пока находились под властью Афин, доставляли им войска и деньги. Кроме того, в Акрополе хранились 6000 талантов наличными деньгами. Доходы, налоги и таможенные пошлины доставляли 400 талантов, дань — 600, всего — 1000 талантов ежегодного дохода. На эти средства Афины содержали сухопутное войско из 30 000 тяжеловооруженных воинов и флот из 300 кораблей. Как ни благоприятны были все эти обстоятельства, но они таили в себе большую опасность — недовольство обращенных в подданных союзников. Можно было опасаться, что в случае, если война затянется на долгое время или при неудаче Афин, они сделают попытку сбросить с себя ненавистное иго и вернуть независимость.

Перикл предложил жителям Аттики оставить страну открытой, отвезти свои стада на остров Эвбея, все свое движимое имущество перенести в Афины и принять все меры к оборонительной войне.

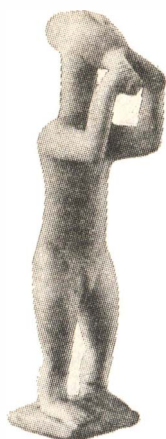
Медленное наступление миролюбивого царя Архидама, который выступил против Афин с войском в 60 000 пелопоннесцев, дало жителям Аттики время последовать советам Перикла. Но когда Архидам вторгся в пределы Аттики, покрытой виноградниками, миндальными, гранато-

выми, лимонными, тутовыми, оливковыми и фиговыми деревьями, и опустошил страну, а со стен Афин увидели зарево пылавших в огне зданий, то большинство граждан потребовало от Перикла, чтобы он вел их в битву. Периклу удалось успокоить волнение, и пелопоннесцы из-за недостатка в съестных припасах вскоре вынуждены были вернуться в свое отечество. Тогда Афины воспользовались правом возмездия. Жители Эгины были выселены со своего острова, а на их место поселены переселенцы из Аттики. Мегара и Локрида подверглись опустошению. Флот из ста двадцати кораблей направился ко многим местам Пелопоннеса и разорил прибрежные области. Осада города Метоны не удалась вследствие мужества спартанского полководца Брасида, но зато остров Кефалония должен был вступить в Афинский союз. К вступлению в этот союз удалось искусными переговорами склонить и фракийского царя Ситалка. Равным образом на сторону афинян перешел и македонский царь Пердикка. Он помог снова покорить те города, отпадению которых сам прежде содействовал.

Весной 430 года Архидам снова явился со своими спартанцами в Аттику, подвергнув ее новому опустошению. На этот раз к нему присоединился самый ужасный враг — чума, вероятно завезенная в Афины кораблями из Азии или из Африки. Она произвела чрезвычайное опустошение среди жителей Афин вследствие летнего зноя, огромного скопления людей и необходимости для большин-

СКУЛЬПТУРА

1

2

3

4

5

6

7

СКУЛЬПТУРА

8

9

10

11

12

1. Игрок на двойной флейте. Статуэтка с острова Керос. XX в. до н. э.
2. Золотая маска из гробницы в Микенах. XVI в. до н. э.
3. Богиня со змеями из Кносса в высоком головном уборе. XVI в. до н. э.
4. Богиня со змеями из Кносса. XVI в. до н. э.
5. Фестский диск со знаками. XVI в. до н. э.
6. Статуэтка сфинкса из Агиа Триады. XVI—XV вв. до н. э.
7. Женская фигурка из Микен. XIII в. до н. э.
8. Богиня с голубями из святилища в Кноссе. XVI—XIII вв. до н. э.
9. Фигурка богини из Кносса с поднятыми руками. XIII—XII вв. до н. э.
10. Фигурка-колокольчик из Фив. VIII в. до н. э.
11. Статуэтка из Гефестии. VII в. до н. э.
12. Всадник. Статуэтка с острова Самос. Деталь. VI в. до н. э.

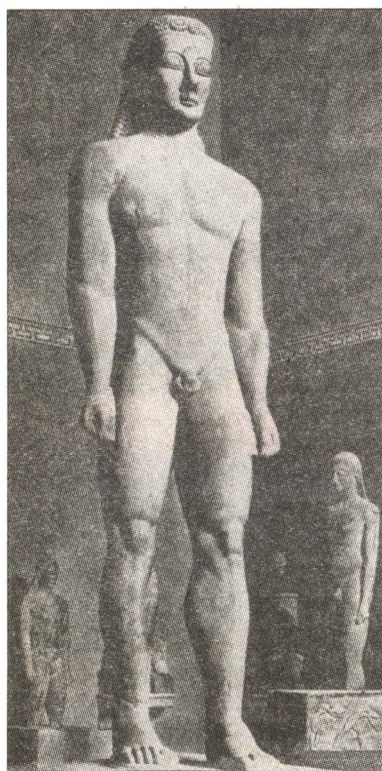
СКУЛЬПТУРА

1

2

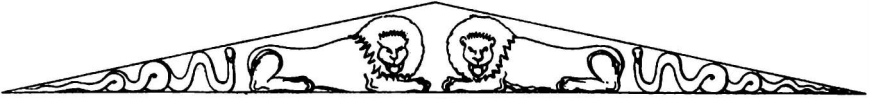

3

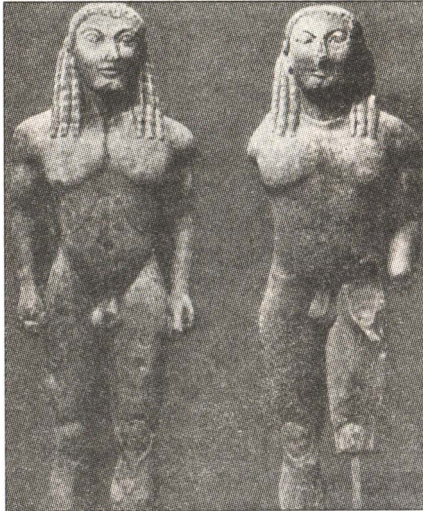

4

СКУЛЬПТУРА

5

6

1. Лев. Скульптура из Аллеи львов на острове Делос. VII в. до н. э.
2. Голова статуи Клеобиса (или Битона). Фрагмент. Скульптор Полимед Аргосский. VII в. до н. э.
3. Курios с мыса Сунцион. VII в. до н. э.
4. Кариатида из храма Афродиты в Книде. VI в. до н. э.
5. Фронтонные композиции на афинском Акрополе. Схема. VI в. до н. э.
6. Статуи Клеобиса и Битона из Дельф. Скульптор Полимед Аргосский. VI в. до н. э.
7. Голова Гериона. Фрагмент скульптуры восточного фронтона на афинском Акрополе. VI в. до н. э.
8. Мосхофор (Тельценосец). Статуя с афинского Акрополя. Деталь. VI в. до н. э.

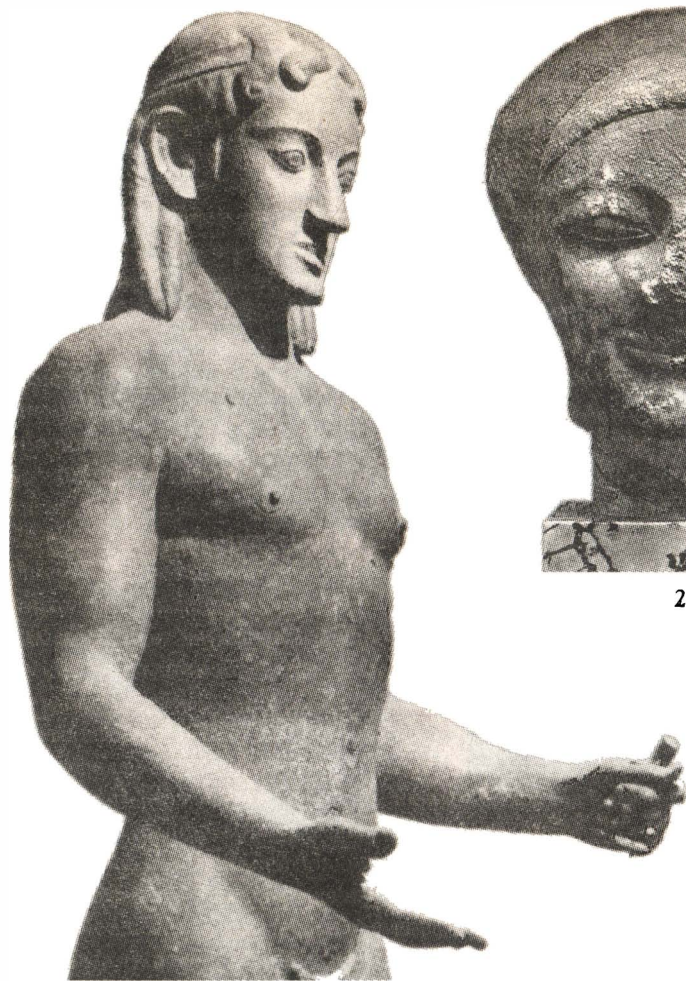
7

8

СКУЛЬПТУРА

1

2

1. Аполлон из Пирея. VI в. до н. э.
2. Девушка из Милета. Голова статуи. VI в. до н. э.
3. Бегущий воин. VI в. до н. э.
4. Богиня с зайцем из Герайона. VI в. до н. э.
5. Кариатида сокровищницы сифнийцев в Дельфах. VI в. до н. э.
6. Мраморная статуя с афинского Акрополя. VI в. до н. э.
7. Борющиеся юноши. Рельеф. VI в. до н. э.

3

4

СКУЛЬПТУРА

5

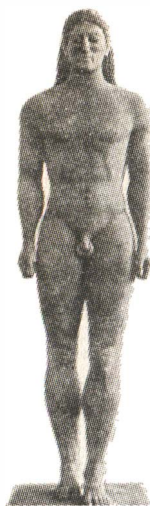
6

7

СКУЛЬПТУРА

1

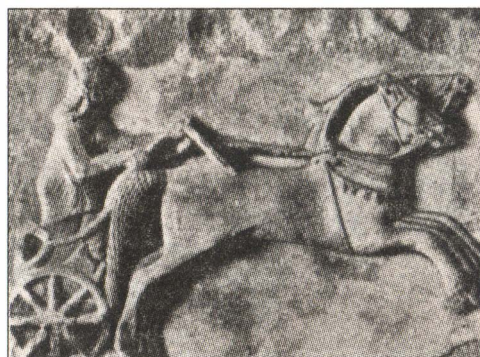
2

3

4

5

6

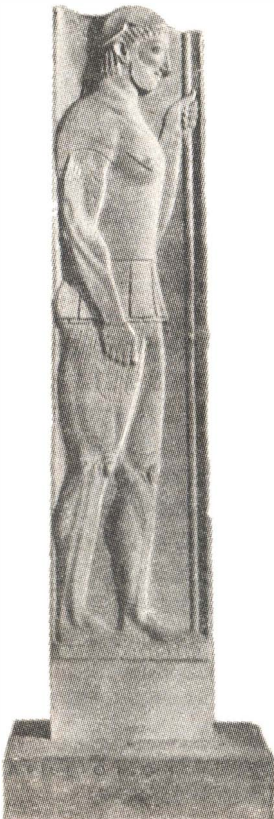
7

СКУЛЬПТУРА

8

9

10

11

1. Кройсос из Анависоса. Мраморная надгробная статуя. VI в. до н. э.
2. Коленопреклоненный юноша. Статуэтка из Герайона. VI в. до н. э.
3. Аполлон Тенейский. VI в. до н. э.
4. Голова куроса из Дельф. VI в. до н. э.
5. Состязание колесниц. Рельеф из Кизика. VI в. до н. э.
6. Голова куроса из Азригента. VI в. до н. э.
7. Статуя женщины с афинского Акрополя. Фрагмент. VI в. до н. э.
8. Гигантомахия. Деталь фриза сокровищницы сифнийцев в Дельфах. VI в. до н. э.
9. Стела Аристиона из Веланидезы. Мастер Аристокл. VI в. до н. э.
10. Бегун. Статуэтка из Олимпии. V в. до н. э.
11. Статуя женщины с афинского Акрополя. V в. до н. э.

СКУЛЬПТУРА

1

3

4

2

СКУЛЬПТУРА

5

6

7

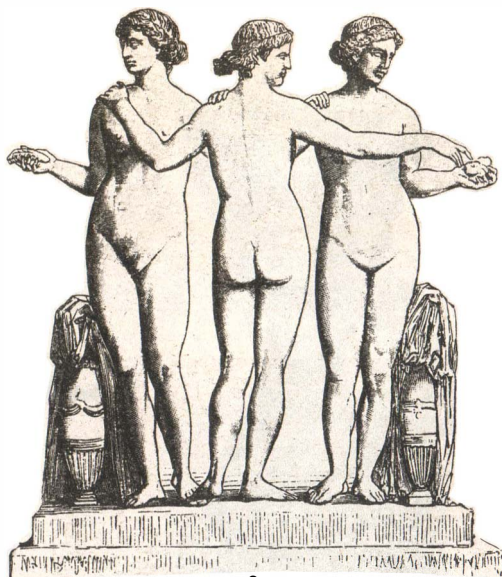
1. Голова эфеба с афинского Акрополя. V в. до н. э.
2. Кариатида южного портика храма Эрехтейон. V в. до н. э.
3. Дискобол. Бронзовая статуэтка. V в. до н. э.
4. Голова девушки. V в. до н. э.
5. Женщина с опахалом. Статуэтка из Танагры. IV в. до н. э.
6. Афина из Пирея. IV в. до н. э.
7. Голова кулачного бойца из Олимпии. Скульптор Лисипп. IV в. до н. э.

СКУЛЬПТУРА

1

2

3

4

СКУЛЬПТУРА

5

6

1. Фрагмент декора храма в Делосе.
2. Три грации. Античная скульптурная группа.
3. Лаокоон. Древнегреческая статуя. IV в. до н. э.
4. Статуэтка, найденная при раскопках Амфиополя.
5. Фрагмент фриза Парфенона. Скульптор Фидий.
6. Голова коня. Фрагмент фриза Парфенона. Скульптор Фидий.
7. Греческие всадники. С барельефов Парфенона.

7

ства из них жить в сырых хижинах. У больных воспалялись глаза, язык и горло; палящая жажда выгоняла несчастных к общественным колодцам, около которых каждое утро можно было видеть множество трупов. Нарывы на внутренностях и на коже увеличивали боль, а убийственное уныние усиливало страдание. Страшно было опустошение, производимое заразой, но еще ужаснее было ее влияние на умы граждан. Они снова обрушились на Перикла с упреками, перестали уважать законы, не помышляли уже больше о чести и величии отечества, а заботились лишь о своем личном спасении.

Перикл действовал по-прежнему. Он настолько успешно противостоял неприятелю своей оборонительной системой и опустошением берегов Пелопоннеса, что Архидам, после сорокадневного пребывания в Аттике вторично должен был ее покинуть.

Что касается недовольных и приходивших в отчаяние городских жителей, то Перикл старался успокоить их словом и собственным примером.

С достойным мужеством и присутствием духа он перенес потерю своих лучших друзей и опустошение почти всего своего дома. Только возлагая по греческому обычаю венок смерти на своего последнего и любимейшего сына Парала, он не устоял против скорби и разразился потоком слез.

Вскоре на Перикла обрушилась ярость его врагов. Он был приговорен к уплате значительной пени и больше не выбирался главным военачальником. Однако неспособность его преемников скоро привела

афинян к заключению, что спасти город может только один Перикл, и они снова предоставили ему главное командование войском с неограниченными полномочиями. Ему довелось пережить еще два утешительных события: во Фракии было задержано спартанское посольство, которое собиралось проехать оттуда в Азию просить денежной помощи у персидского царя (посланники были привезены в Афины и казнены), и сдалась Потидея, вынужденная из-за голода отказаться от своей упорной защиты.

Но в это время Афины поразил самый тяжелый удар, какой только мог поразить их: болезнь унесла самого Перикла. Последние слова его были: «Ни один афинянин не был вынужден по моей вине облечься в одежду печали. В этом моя лучшая слава; мои же блестящие дела составляют лишь дар богов». Государственный корабль потерял своего кормчего. Перикл в своем благоразумии, с общим к нему уважением, при своей неподкупности, держал народную толпу в добровольном повиновении и постоянно руководил ею, не смущаясь ее прихотями. Достигнув власти законными средствами, он не только не имел нужды льстить народу, но в силу уважения, которым пользовался, нередко очень резко противоречил ему. Поэтому, как говорит Фукидид, народ властвовал только по имени, а на деле правил Перикл как первый человек в государстве.

После смерти могущественного Перикла не находилось личности, которая, подобно ему, умела бы направ-

лять противоположные стремления к одной общей цели. На сцену вновь выступили две партии: демократическая под предводительством Клеона, и аристократическая, руководимая Никием. Каждая из них помышляла лишь о том, чтобы вытеснить другую, из-за чего единство в делах государственных, столь необходимое во время такой тяжелой войны, сделалось невозможным. Несколько застенчивый Никий не мог успешно противодействовать дерзкому Клеону, который увлекал народную толпу своим неукротимым красноречием.

Война шла уже третий год и свирепствовала главным образом в отдаленных областях обеих сторон, во Фракии и Аккарнании, но вскоре, вследствие обоюдного истощения, должна была на время прекратиться.

Летом 429 года спартанцы по предложению фиванцев решили вместо ежегодного вторжения в Аттику осадить Платею. Город этот после описанного выше нападения фиванцев был занят афинским гарнизоном. Чтобы надежнее организовать защиту, все старики, дети и женщины были выселены из города в Афины, и в нем остались сто десять женщин, которые приняли на себя заботу о продовольствии гарнизона. Этот гарнизон состоял из четырехсот платейцев и восьмидесяти афинян. Архидам подступил к городу с союзными пелопоннесским и беотийским войсками. После двухлетней осады в 427 году город вынужден был сдаться. Победители, вопреки своему обещанию наказать только виновных, и то не иначе как по суду, убили 200 платейцев и 25 афи-

нян. Женщины были проданы в рабство, Платея и ее округ отданы фиванцам, а все здания, за исключением храмов, сровнены с землей.

Афиняне не могли спасти платейцев. В это время они охраняли свое господство на море. Их полководец Формион с 20 кораблями разбил в Коринфском заливе коринфско-сиконский флот, состоявший из 70 судов, и обеспечил за Афинами обладание важнейшей Навпактской гаванью. На четвертом году войны последовало отпадение от Афин лесбосцев. Один из них по имени Доксандр, будучи преданным афинянам, принес известие, что могущественный остров Лесбос, за исключением города Метимны, намерен отложиться от Афинского союза и соединиться с пелопоннессцами и что стоящая во главе аристократическая партия приняла для этого все нужные меры: усилила укрепления, собрала оружие и припасы и наняла на службу фракийских стрелков. Известие это вполне подтвердилось. Лесбосские посланники уже отправились в Пелопоннес. Им было приказано причиной отпадения выставить то обстоятельство, что жители Митилены, главного города Лесбоса, устали повиноваться афинским демократам и должны постоянно опасаться, что будут обращены в полное подчинение и обложены данью. Лесбосцы были приняты в Пелопоннесский союз, и им была обещана помощь.

Но она явилась поздно. Приняв быстрое решение, афиняне послали сильный флот под командованием Паха, чтобы обложить Митилену с суши и с моря. Скоро город стал стра-

дать от голода и болезней; к этому присоединились внутренние раздоры партий. Жители города, угрожая восстанием, потребовали или всеобщей раздачи съестных припасов, или присоединения к афинянам. Свергнутым аристократам не оставалось ничего другого, как беспрекословно сдаться Паху. Он разрешил им отправить в Афины послов, которые должны были ходатайствовать там за свой город. Послы изложили свое ходатайство в народном собрании. Свирепый Клеон потребовал примерного наказания города Митилены. «Не поддавайтесь состраданию; не допускайте, чтобы красноречием и лестью этих людей вы были вовлечены в гибельную ошибку; накажите их, как они того заслуживают, и покажите остальным союзникам должный пример, что отпадение будет так же жестоко наказываться». Так закончил он свою речь, которая еще больше содействовала ожесточению и без того уже раздраженных умов. Было решено всех мужчин, виновных и невиновных, предать смерти, а женщин и детей продать в рабство. Был отправлен быстроходный корабль, чтобы как можно скорее доставить в Митилену это кровавое повеление. Но уже вечером того же дня произошло более спокойное обсуждение дела. Граждане потребовали созвать новое народное собрание и приняли более снисходительное и более отвечающее народному характеру решение. Первоначальное решение было изменено в том смысле, что смертной казни должны были подлежать только главные руководители аристократичес-

кой партии, которых было около 1000 человек. Стены города Митилены должны быть срыты, корабли отобраны, а земельные участки разделены между афинскими гражданами. Второй корабль был послан вслед за первым, и ему удалось прибыть на место вовремя, чтобы помешать исполнению первого решения.

Война все более и более принимала характер взаимного уничтожения. Повсюду восставали одна против другой аристократическая и демократическая партии и терзали друг друга: аристократическая с помощью пелопоннесцев, а демократическая с помощью афинян. Ужасный пример подобного извращения войны представляют события в городе Коркире на острове того же имени в 427—425 годах. Здесь произошла уличная резня, в которой принимали участие даже женщины, бросая из домов кирпичи на головы неприятелей. Наконец с прибытием сильного флота народная партия одержала верх. Демократы в течение семи дней страшно неистовствовали над аристократами. Многие из аристократов искали спасения в храме Геры, но и это неприкосновенное убежище не могло защитить их: одни были оторваны от алтарей и убиты, другие в отчаянии сами лишили себя жизни. Около пятисот беглецов спаслись и укрепились на горе Истоне. Отсюда они нападали на окрестности города и опустошали их, вследствие чего там настал страшный голод. Тогда против них выступил афинский отряд, окружил их со всех сторон и принудил к сдаче. Сначала они под стражей бы-

ли отвезены на остров Птихия, чтобы оттуда быть отправленными в Афины с условием не делать попытки к бегству. Жители Коркиры, опасаясь, что афиняне могут помиловать пленных, втихомолку угрожающими слухами побудили пленников к побегу, но приняли заранее все меры, чтобы побег не удался. Тогда афинские полководцы выдали несчастных народу, который предал их жестокой мести. Всех пленных заключили в одно большое здание, перед дверьми которого в два ряда были поставлены воины. Пленников выводили по 20 человек, проводили между рядами воинов и убивали. 60 человек уже было убито, когда остальные, узнав, какая судьба ожидает их, решительно отказались выходить. Но народ взобрался на крышу здания и стал бросать в несчастных камни и стрелы. Многие были убиты таким образом; остальные сами себя лишили жизни в продолжение ночи, приостановившей это избиение: одни закололись брошенными в них стрелами, другие удавились.

Описанные явления, где всякое человеческое чувство было подавлено, все узы дружбы и благочестия порваны, были следствием взаимной враждебной деятельности партий, достигших своего высшего развития благодаря основанию и распространению по всей Греции так называемых гетерий (клубов, тайных обществ). Фукидид следующим образом описывает безнравственные последствия гетерий: «Настоящий смысл слов произвольно искажался в гетериях: безрассудную дерзость

называли благоразумным мужеством, благоразумную медлительность — скрытой трусостью, сдержанность — личиной малодушия. Родство уступало дружбе с тем, кто готов был покуситься на все без размышления. Верность укреплялась не святостью данного слова, а сообщничеством в преступлении. Присяге оставались верны лишь до появления посторонней помощи. Кто первый сознавал себя сильнее, тот мстил другому, как только тот, полагаясь на заключенный договор, считал себя в безопасности и забывал об осторожности».

В следующие годы войны блестящую деятельность проявил афинский полководец Демосфен. Он победил войска спартанцев и этолийцев, взял мессенский приморский город Пилос, отбил нападение спартанцев на суше и на море и запер 420 спартанцев и значительное число илотов на лежащем против Пилоса острове Сфактерия (в 425 г.). Для их спасения спартанцы предложили афинянам заключить с ними мир и союз, но Клеон убедил народ поставить такие чудовищные условия, что переговоры были прерваны. После этого Клеон и Демосфен высадились на Сфактерию и напали на находившихся там спартанцев и илотов. Потеряв многих убитыми, остаток отряда, состоявший из 292 человек, в числе которых находилось 120 знатных спартиатов, сдался и был привезен в Афины. В руки афинян также попал и остров Кифера. Был завоеван и пелопоннесский город Фирея, куда в начале войны были переселены изгнанные афи-

нянами эгинцы, и жители его были частью убиты, частью проданы в рабство.

Эти многочисленные неожиданные бедствия сделали спартанцев малодушными. Успехи же афинян сделали их настолько надменными, что, по выражению Фукидида, они думали, что уже ничто не могло противостоять им. При такой преувеличенной самонадеянности афинян рушились все попытки спартанцев завязать какие-либо мирные переговоры. Однако война благодаря одному смелому предприятию приняла другое направление. Мужественный и прямодушный спартанский полководец Брасид повел пелопоннесское войско через Фракию на полуостров Халкида, чтобы заставить отложиться от афинян их тамошних союзников (424 г.). Никто не мог выполнить такого поручения лучше, чем он. Весть о том, что Брасид явился в качестве избавителя от афинского ига, доставила ему всеобщее доверие. Города Аканф и Стагира немедленно присоединились добровольно к Пелопоннесскому союзу; Скион и Торон последовали их примеру; важный по своему местоположению Амфиполь также открыл свои ворота спартанцам. Один только Эйон был удержан Фукидидом за афинянами.

В то же время и афиняне старались отнять у спартанцев их союзников. Но вторжение их в Беотию окончилось неудачей. В 424 году при Делии в Беотии они потерпели чувствительное поражение. Здесь сражались рядом Сократ и его ученик Алкивиад; Сократ получил награду за храбрость как гоплит, а Алкивиад — как всад-

ник, в битве он спас жизнь своему учителю.

Оправившись от поражения, афиняне в марте 422 года послали во Фракию Клеона, к которому со времени победы при Сфактерии питали неограниченное доверие. Он быстро завоевал Торон и Галепс и остановился в Эйоне. Тут между его воинами открылось недовольство, и они требовали, чтобы он вел их к Амфиполю. Там находился Брасид. Клеон появился перед городскими воротами. Все было тихо, и город казался покинутым своими защитниками. Клеон пожалел, что не имел при себе штурмовых лестниц, чтобы взобраться на стены, и дал приказ к отступлению. Но едва он начал отходить от города, как из одних ворот показался Брасид, а с другой стороны с значительным вспомогательным отрядом выступил другой спартанский полководец — Клеарид. Афиняне пришли в замешательство и после непродолжительного сопротивления бросились бежать к Эйону. Клеон был настигнут в бегстве и убит. Но и Брасид был смертельно ранен. Афиняне потеряли 600 человек, у спартанцев же убитых было только 7.

Со смертью Брасида и Клеона главнейшие препятствия к миру были устранены. Как в Спарте, так и в Афинах находилось все больше и больше людей, которые громко требовали прекращения военных действий. В Спарте было неотступное желание освободить пленников, захваченных на Сфактерии. Кроме того, там опасались восстания илотов, которое легко могло случиться при

содействии афинских гарнизонов в Пиосе и на Кифере. В Афинах же боялись, что с дальнейшим отпадением союзников власть государства может быть сильно поколеблена. Самым убедительным ходатаем за мир был комедиограф Аристофан, поставивший в это время в театре свою первую комедию «Мир». При таких обстоятельствах начались переговоры между спартанским царем Плейстонактом и предводителем партии порядка в Афинах Никием. В апреле 421 года был заключен так называемый «Никиев мир» сроком на 50 лет. Постановили, что каждая сторона получает обратно все то, чем владела до войны, и, следовательно, возвращает все завоевания и освобождает всех пленных. Все спорные вопросы, могущие возникнуть впоследствии, должны решаться мирным путем. Скоро выяснилось, что этот мир был только перемирием и что ни одна из сторон не имела никакого намерения соблюдать его.

6) Алкивиад. События до Сицилийской экспедиции (422—415 гг. до н.э.)

В это время в Афинах явился человек, которого судьба предназначила стать злым гением своего народа. Еще ребенком Алкивиад обращал на себя внимание смелостью, энергией и умом. Он родился в 450 году до н.э. и по матери происходил от знатного и богатого рода Алкмеонидов. Отец Алкивиада Клиний умер, когда мальчику было три года, и опекуном его был назначен знаменитый Перикл.

О детстве Алкивиада рассказывают много историй. Одному боровшемуся с ним и готовому уже повалить его мальчику он так укусил руку, что тот выпустил его и вскричал: «Ты кусаешься, как женщина!» «Нет, — возразил Алкивиад, — как лев». В другой раз, когда он играл с мальчиками в кости в тесном переулке и подошла его очередь бросать, подъехала нагруженная телега. Извозчик не обратил внимания на крик Алкивиада, и тот кинулся на землю поперек дороги перед телегой и воскликнул: «Теперь проезжай!» Испуганный извозчик осадил лошадей.

В молодости Алкивиад долгое время пользовался уроками и поучительным знакомством с Сократом, но нравственная строгость этого философа не имела на него глубокого влияния. Напротив, Алкивиад сохранил в себе склонность к беспорядочной, распутной жизни, а его необузданное себялюбие не знало никаких пределов. Тщеславие Алкивиада вошло в пословицу. На улице он появлялся в дорогом пурпурном плаще, волочащемся по земле, а в бою имел обыкновение носить щит с изображением на нем бога любви Эроса, несущего молнию. Он привлекал к себе народ своей прекрасной, благородной наружностью, изящными манерами и красноречием; был очень храбр на войне. Таким образом, он совмещал в себе все качества, чтобы стать любимцем народа. Но свое обаяние Алкивиад употреблял во зло. Увлекаясь опасными предприятиями, находя величайшее наслаждение в смелых похождениях, он не обращал внимания

на то, попираются ли при этом права божеские или человеческие или нет. Народ снисходительно относился к его недостаткам. С расточительной щедростью раздавал Алкивиад подарки. Театральные зрелища и процессии, которые он устраивал по афинскому обычаю за свой счет, превосходили все своим вкусом и великолепием.

Так как Никиев мир служил помехой планам Алкивиада, он решил сделать все возможное, чтобы его нарушить. Положение дел благоприятствовало его намерениям, потому что несогласие между Афинами и Спартой было скорее приглушено на время, но не разрешено. Союзники Спарты больше всего были недовольны потому, что при заключении мира не учитывались их интересы. Коринфяне, мегаряне и фиванцы негодовали за это на главу союза — Спарту. Этим неудовольствием воспользовались аргосцы, чтобы наряду с Пелопоннесским и Афинским союзами создать Аргосский военный союз, в котором приняли участие Элида и Мантиней; по совету Алкивиада к нему примкнули и Афины. Коринфяне также присоединились было к этому союзу, но из-за старинного нерасположения к афинянам скоро снова перешли на сторону Спарты.

Военные действия начались тотчас после избрания Алкивиада полководцем. В 419 году он вступил с войском в Пелопоннес, склонил приморский город Патры присоединиться к Аргосско-Афинскому союзу, переселил мессенцев в Пилос и вторгся в область Эпидавра. Тогда и Спарта решила

взяться за оружие. Царь Агис двинулся в Аргос; но вместо того, чтобы начать военные действия, он из неуместного миролюбия согласился вступить в переговоры и заключил четырехмесячное перемирие. Возмущенные этим спартанцы присудили его к большому денежному штрафу и разрушили его дом. Прибывшее под начальством Алкивиада вспомогательное войско не признало перемирия на том основании, что этот договор, как заключенный без предварительного согласия союзников, не может иметь силы. Союзники заняли Орхомен и стали угрожать Мантинее.

Тогда Агис, которому был прощен штраф, вторично выступил в поход, но на этот раз его сопровождали десять военных советников для надзора за его распоряжениями. Сражение произошло при Мантинее, и Агис одержал блестящую победу.

Это произошло в 418 году. Военная честь Спарты, несколько пострадавшая в глазах греков после сдачи Сфактерии, была восстановлена. «Спартанцы показали, — говорит Фукидид, — что, хотя их счастливая звезда была уже на закате, они не утратили еще своих прежних способностей».

Однако Плутарх справедливо замечает: «Это было такого рода сражение, которое в случае победы спартанцев не принесло бы им никакой пользы; в случае же поражения их могло бы повести к падению Спарты». Вследствие победы при Мантинее аристократическая партия в Аргосе, расположенная к Спарте, получила на некоторое время перевес. Но вскоре демократическая пар-

тия снова захватила правление в свои руки и восстановила свою прежнюю связь с Афинами. Новый поход спартанцев против Аргоса окончился неудачно: 300 аргосцев, приверженцев Спарты, были увезены Алкивиадом на кораблях и размещены под надзор в разных местах. Остров Мелос, жители которого не пожела-ли в прежней войне принять чью-ли-бо сторону и воспротивились требо-ванию афинян вступить в Афинский союз, в 416 году был подвергнут же-стокому наказанию: по предложе-нию Алкивиада все взрослые муж-чины были преданы смерти, женщины и дети проданы в рабство, а на остров Мелос были переселены афинские граждане.

в) Сицилийская защита афинян

(415—413 гг. до н.э.)

Военная партия, главой которой был Алкивиад, одержала в Афинах полный перевес. Лишь немногие роб-ко прислушивались к тем, которые, подобно Никию, предостерегали от насилий и слишком поспешных дей-ствий. Выросло новое поколение, с юношеским увлечением стремившее-ся к военным победным лаврам. Ис-тощенная казна была пополнена, а флот, не уменьшившийся числом, ка-залось, подавал самые смелые на-дежды. Поэтому нет ничего удиви-тельного, что афиняне в своем тщеславии склонились на заманчивое предложение Алкивиада (которое по своей смелости и сумасбродству яв-лялось полным отражением его) — завоевать Сицилию. Афины уже дав-

но обращали свои жадные взоры на этот богатый остров, вели с ним тор-говлю и хотели теперь под предлогом оказания помощи городу Энгесте против Селенунта и союзных с ним Сиракуз послать туда огромные си-лы и при помощи их достигнуть глав-нейшей своей цели — покорения ос-трова.

Плутарх считает, что завоевание Сицилии было только частью широ-ких планов Алкивиада; оно служило только началом дальнейших предпри-ятий против Карфагена и Италии, чтобы утвердить владычество Афин в этой области Средиземного моря. Обогадив себя этим победоносным походом, предполагалось уничтожить последнее препятствие к полному гос-подству над всей Грецией — проти-водействие Спарты и союзного ей Пе-лопоннеса.

В таких сладостных и фантастиче-ских мечтах утопал афинский народ, отуманиваемый речами Алкивиада. Но когда все уже было готово к от-правлению, неожиданно в одну ночь были изуродованы все статуи Гермеса, которые во множестве находились в Афинах и стояли перед домами и храмами, на площадях, улицах и пе-рекрестках. Это кощунство было приписано Алкивиаду и двум его друзьям, так как некоторые рабы и простолюдины свидетельствовали, что он осквернял и элевсинские мис-терии тем, что со своими товарища-ми, дерзко насмехаясь, подражал священным церемониям. При нео-быкновенном благоговении, питае-мом к этим таинствам, напоминав-шим об изобретении Деметрой

искусства земледелия, врагам Алкивиада было легко заставить народ поверить, что в этом поступке скрывается замысел Алкивиада низвергнуть демократию. Алкивиад требовал, чтобы ему было позволено явиться в суд. Но враги его очень хорошо знали, что войско, готовое к походу и преданное своему вождю, и желавший войны народ оправдают Алкивиада при любом обвинении. Поэтому противники Алкивиада прибегли к крайнему средству, принятому народом по причине видимой его справедливости. Они объявили, что не хотят теперь этим судом замедлить отправление войска и откладывают обвинение до возвращения Алкивиада из похода. Алкивиад должен был на это согласиться, хотя и разгадал враждебную цель такого замысла, которая вскоре и обнаружилась.

Афины подготовили самый дорогой и самый красивый флот из 134 трирем с 6000 гоплитов. Поэтому народ, как на театральное зрелище или тщеславную выставку, спешил в Пирей полюбоваться на отплытие этого войска. При виде такой военной громады народ испытывал и страх, и надежду и с участием следил за молитвой воинов и за жертвенными возлияниями, совершаемыми из золотых и серебряных чаш.

Во главе отправлявшегося войска были поставлены три вождя: Никий, все время не одобрявший этого предприятия, Алкивиад, главный зачинщик его, и храбрый Ламах, который должен был служить посредником между ними. Опасения Никия скоро оправдались. Жители Регию в Ниж-

ней Италии, на содействие которых в особенности рассчитывали, выказали полнейшее равнодушие, и с их стороны нигде не было встречено сочувствия. На совете трех полководцев Никий предложил, уладив спор между Селинунтом и Эгестой и продемонстрировав перед сицилийскими государствами страшное могущество Афин, удовольствоваться этим и вернуться домой. Алкивиад, который не желал отказаться от своих блестящих замыслов и надеялся на свою ловкость и искусство в переговорах, советовал возбудить восстание местного племени сикулов против Сиракуз и завязать отношения с эллинскими городами, за исключением Сиракуз и Селинунта. Ламах под влиянием своей личной храбрости требовал немедленного нападения на Сиракузы, чтобы воспользоваться первым замешательством. Верх одержал совет Алкивиада. Но едва приступили к его исполнению, как Алкивиад был отозван в Афины.

Враги Алкивиада во время его отсутствия так сильно сумели подействовать на народ, что он, забыв первое решение, постановил послать почтовое судно «Саламанию» вслед за Алкивиадом, чтобы привезти его в Афины. Алкивиад не решился довериться отечественному правосудию, и хотя и пересел на присланный корабль, но с дороги бежал в Фурии. Он слишком хорошо знал своих сограждан и на вопрос, неужели он не верит своему отечеству, отвечал: «Там, где дело идет о моей жизни, я не верю даже своей матери, ибо и она может бросить по ошибке в урну чер-

ный камень вместо белого». Спасая себя от угрожавшей ему смерти, он в то же время замыслил великое предпринятие. Узнав о своем смертном приговоре, он воскликнул: «Я покажу им, что я еще жив!» Вскоре обстоятельства доставили ему возможность доказать всю справедливость этой угрозы.

Сначала Алкивиад отправился в Элиду, а затем, получив надежную охрану, в Спарту. С удивительной легкостью усвоил он себе строгий спартанский образ жизни. Приобретая благодаря очаровательной любезности расположение женщин, которые имели большую силу в Спарте, Алкивиад вскоре достиг там огромного влияния. В это время в Спарту прибыли из Сиракуз послы просить помощи спартанцев и коринфян против Афин. При изложении их дела в народном собрании присутствовал и Алкивиад. Когда ему предложили высказать свое мнение, он дал спартанцам совет тотчас возобновить войну с Афинами и занять местечко Декелею в нескольких милях от Афин, чтобы иметь возможность чувствительнее вредить афинянам, и оказать сиракузянам просимую ими помощь. Эфоры сначала медлили, несмотря на соблазнительные и выгодные последствия, которые Алкивиад показал им со всем свойственным ему красноречием. Согласившись наконец с его предложением, они послали только два спартанских и два коринфских корабля, но зато под начальством необыкновенно способного полководца — Гилиппа.

Афинским флотом и военными действиями руководил в это время Никий,

как старший и более уважаемый предводитель. Ламах был за решительные действия, Никий же предпочитал осмотрительность и осадил Сиракузы.

В одном из сражений, происходивших перед городом, пал Ламах. В Сиракузах народ уже отчаивался в своем спасении и требовал, чтобы с Никием были начаты переговоры. Но в это время подоспел Гилипп, высадился в Гимере, усилил здесь свой отряд и известил сиракузян о своем прибытии. Затем он подошел к Сиракузам, захватил оставленный Никием незанятым холм Эвриал и, поддержанный присоединившимися к нему жителями города, взял приступом Эпиполейские высоты. В сиракузском войске он ввел спартанскую дисциплину и порядок и внес единство в военные действия, которого до тех пор не было, так как было много начальников.

Никий, и без того сознававший свою слабость, потерял теперь всякую самоуверенность. Он рассчитывал устроить на берегу безопасное место для склада припасов и для флота и укрепил крутой мыс Племирий у входа в обширную гавань. В то же время Никий дал знать в Афины о своем безвыходном положении и просил, чтобы ему прислали новые подкрепления, освободили его от командования, так как болезнь сильно мешает ему управлять военными действиями, а главным образом просил об отозвании всего войска.

Афинянам и без того угрожала большая опасность, так как спартанцы по совету Алкивиада заняли и укрепили город Декелею, находившийся всего в трех милях от Афин. Близость этого укрепления содейст-

вовала побегу от афинских господ целыми толпами рабов; их бежало около 20 000. Был также затруднен подвоз многих необходимых предметов потребления из Эвбеи через Ороп. Несмотря на это, афинский народ решил продолжать войну против Сиракуз и послать в Сицилию значительное подкрепление под начальством двух испытанных полководцев — Демосфена и Эвримедонта. Они еще до наступления зимы поспешно отправились в поход с 10 триремами, но прежде чем Демосфен прибыл к Сиракузам, положение находившихся там афинян значительно ухудшилось. Гилипп произвел неожиданное нападение на Племмирий и овладел этим укреплением и всеми находившимися в нем богатыми запасами.

Вызванная этим успехом радость сиракузян несколько омрачилась, когда Демосфен прибыл со своим внушительным флотом из 73 кораблей и с подкреплением из 8000 человек. Демосфен сознавал, что быстрое и искусное нападение должно решить все; в противном случае следовало оставить все предприятие. Поэтому он решил в первую же лунную ночь попробовать вновь овладеть Племмирием. Однако и эта попытка не удалась вследствие быстроты, с какою подошел Гилипп. В этой ночной битве афиняне потеряли до 2000 человек. Тогда Демосфен потребовал прекратить войну против Сиракуз и вернуться домой, а если нельзя решиться без согласия Афин, то покинуть гавань и расположиться у Тапса и Катаны. Никий отверг первое предложение из боязни гнева афинского народа и согла-

сился занять позицию у Тапса и Катаны, но с тем, чтобы это было исполнено до получения сиракузянами подкрепления из Пелопоннеса. Но отплытию Никия помешал сверхъестественный страх: случилось лунное затмение. По совету гадалей Никий настоял на том, чтобы подождать, пока пройдут трижды девять дней для того, чтобы выждать более благоприятного предзнаменования. Между тем положение афинян с каждым днем ухудшалось.

Сиракузяне видели отчаянное положение афинян и решили тотчас приложить все усилия, чтобы истребить их. Уже на третий день они напали на афинян на море и на суше. В морском сражении сиракузяне победили и захватили 18 кораблей; в числе убитых был и Эвримедонт. Чтобы отрезать афинянам отступление, сиракузяне загородили вход в гавань плотно связанными между собой триремами и транспортными судами.

Никий, сознавая, что дело идет о жизни и смерти, решил дать морское сражение. Возведенные против города укрепления были очищены. Вблизи гавани был занят только один пункт для перенесения в него больных и тяжестей. Гоплиты, пращники и стрелки были размещены на палубах кораблей.

Приготовившись таким образом, Никий произвел нападение. С обеих сторон сражались с величайшим одушевлением и храбростью. Однако победа склонилась на сторону сиракузян, и афиняне после отчаянного сопротивления были вынуждены искать спасения на берегу. Их мужест-

во настолько ослабело, что предложение Демосфена пробиться на следующее утро с 70 кораблями, которые еще оставались у них и давали им перевес над сиракузянами, было отвергнуто. Не доверяя больше стихии, афиняне решили отступить внутрь острова к дружественным им сикулам. Но Гиллипп и сиракузский полководец Гермократ постарались отрезать им этот путь спасения. Чтобы афиняне не ушли в ту же ночь, Гермократ подослал к ним людей, которые под видом дружбы посоветовали Никию не уходить, так как, по их уверению, все дороги были заняты сиракузянами.

Несчастные действительно поддались обману. Когда наконец они выступили, то сиракузяне успели уже выполнить все то, чем они ложно устрашали раньше. Выступление войска представляло раздирающую душу картину. Остающиеся раненые и больные подняли жалобные крики, уцепились за выступающих и следовали за ними, пока не падали от истощения сил. Со слезами на глазах и с болью в сердце храбрые воины должны были расставаться со своими злополучными товарищами и братьями и бросить их на произвол судьбы. На пути своего бегства войско стало терпеть недостаток в съестных припасах. К довершению несчастья аррьергард под начальством Демосфена не мог поспевать за главным войском, был отрезан, окружен и в количестве 6000 человек попал в руки неприятеля. Окончательная катастрофа разыгралась на берегу реки Асинара. Измученные усталостью и жаждой, воины

бросились в реку, чтобы напиться, и были настигнуты неприятельскими стрелками и всадниками и пали частью от стрел, частью под ударами мечей неприятеля. Многие погибли в волнах. Наконец Никий сдался, и Гиллипп прекратил страшную резню. Демосфен и Никий, вопреки данному Гиллиппом слову, были присуждены сиракузянами к смерти и казнены. По другим сведениям, они сами лишили себя жизни. Остальные 7000 пленных были заперты в каменоломни, где, мучимые днем палящим солнцем, а ночью холодом, погибли от голода и жажды. Так плачевно окончилось предприятие, начатое столь смело и горделиво. Афинянам, лишенным своих кораблей, уже представлялась потеря приморских берегов и островов. Потеряв цвет своего юношества, они дрожали за безопасность родного города, так как царь Агис все еще находился в Декее. Народ, полный отчаяния, негодовал на жрецов, возвестивших благоприятные знамения, и на ораторов и руководителей, которые своим красноречием убедили его принять поход на Сицилию.

г) Военные действия Афин и внутренние смуты в них до возвращения Алкивиада (413—408 гг. до н.э.)

Первое известие о понесенном афинянами ужасном поражении было принесено одним чужестранцем, сошедшим на берег в Пирее; затем эту весть распространил один человек из Пирейской гавани. Но так как он не мог найти и назвать имени того, кто передал ему это известие, то народ

предал его пытке как легкомысленно-го распространителя зловредных слухов. Однако вскоре явились беглецы и путешественники, которые вполне подтвердили этот слух. Отчаяние сделалось всеобщим.

Из пожилых и известных своим благоразумием людей был составлен комитет в числе десяти человек. Этот комитет должен был следить за тем, чтобы все излишние расходы в государстве были ограничены, чтобы за Афинами было удержано обладание столь важным для них островом Эвбея и чтобы как можно быстрее было сооружено большое количество военных кораблей для обеспечения господства над союзниками и господства на море. Хитос, Милет и другие города замыслили отпадение, а сатрапы Фарнабаз и Тиссаферн желали при содействии спартанцев снова овладеть греческими городами в Малой Азии. Со своей стороны и Спарта, помимо своего господства в Пелопоннесском союзе, имела все шансы достичь гегемонии на море и таким образом сделаться повелительницей всей Эллады. Хиос, Клазомены, Милет и другие города присоединились к Пелопоннесскому союзу. При посредстве Алкивиада между Спартой и персами было заключено соглашение, по которому признавались права персидского царя над греческими городами Малой Азии; поэтому Милет был передан Тиссаферну. Спартанцы предпочитали видеть эти города во власти персидского сатрапа, чем в руках афинских демократов.

Сам Алкивиад посоветовал спартанцам овладеть господством на мо-

ре, подчинить себе отпавшие ионийские и гелеспонтские города и послать флот к берегам Азии. План Алкивиада состоял в том, чтобы с помощью неприятельских войск заставить почувствовать в Афинах его собственную силу, низвергнуть там демократию и при содействии нового, составленного из самых уважаемых граждан правления настоять на своем возвращении.

Между тем афиняне упрочили свою власть на острове Самос. Затем им удалось удержать Лесбос, напасть на Хиос, опустошить его и дать победоносное сражение у Милета ионянам и пелопоннесцам, бившимся под начальством Алкивиада. Они уже могли надеяться возвратить ионян, так как в это время хорошие отношения между Тиссаферном и спартанцами снова сильно поколебались, и условия заключенного между Спартой и персами соглашения не вполне соответствовали желаниям сатрапа относительно малоазиатских городов.

Этой внезапной перемене содействовал и Алкивиад. Со времени несчастного морского сражения при Милете он стал казаться спартанцам подозрительным, вследствие чего было приказано тайно убить его. Но, вовремя предупрежденный, Алкивиад успел спастись бегством. Он отправился к Тиссаферну и убедил его, что своей односторонней помощью спартанцам он усилит только их могущество.

Тиссаферн начал действовать согласно его желаниям. То было первое благодеяние, оказанное изгнанным Алкивиадом своим согражданам.

При таких обстоятельствах между ним и начальниками стоявшего у Самоса афинского флота начались переговоры. Афинские триерархи и другие значительные лица во флоте ревностно желали уничтожить демократию. Алкивиад обещал афинянам посодействовать получить помощь от персидского царя и сатрапов. Но он обещал эту помощь не раньше, чем в Афинах будет уничтожено не внушающее ему доверия народное господство и власть перейдет в руки «лучших» людей, то есть аристократического меньшинства. Из числа бывших в афинском флоте стратегов один Фриних догадывался о сокровенных намерениях Алкивиада и сомневался в искренности его обещаний. Остальные приняли сторону Алкивиада в надежде на достижение власти и богатства.

Писандр вместе с некоторыми друзьями в 412 году был отправлен из Самоса в Афины объявить и привести в исполнение принятое войском решение. Хотя народ горячо протестовал против возвращения Алкивиада и уничтожения демократии, но убеждение, что это было единственным средством спасти государство, заставило его умолкнуть. Решением народного собрания Фриних как главный противник Алкивиада, был отрешен от должности полководца. Писандр и десять других лиц были посланы в Азию для переговоров с Тиссаферном о заключении союза.

Сатрап предъявил непомерные требования. Он потребовал за персидским царем утверждения верховной власти над ионянами и права отправ-

лять к Аттике и соседним с нею берегам столько кораблей, сколько ему заблагорассудится. Послы не могли согласиться на такие условия, и переговоры были прерваны. Тогда Тиссаферн немедленно снова сблизился со спартанцами.

Несмотря на это, Писандр со своими товарищами по прибытии на Самос, у которого все еще находился флот, продолжал хлопотать о низвержении демократии. Но когда аристократическая партия из 300 лучших людей попробовала напасть на настроенный в пользу демократии экипаж правительственного почтового судна «Парала», то это нападение было отбито с большим уроном. Один из руководителей демократов, Хаирей, поспешил в Афины, чтобы возвестить о победе демократической партии во флоте. Но здесь, к крайнему своему удивлению, он нашел дело в совершенно новом положении. Ораторы Антифон и Ферамен, честолюбивые интриганы, к которым присоединился и бесхарактерный Фриних, хитростью и насилием привели демократию к падению. Возвратившись в Афины, Писандр нашел дело наполовину уже сделанным. Теперь по его предложению прежнее государственное устройство было отменено. Вместо совета пятисот был учрежден избранный в духе олигархии и с неограниченной верховной властью совет четырехсот. Чтобы сохранить для народа видимость участия его в управлении, были избраны пять тысяч граждан, которых новый совет собирал «в случае надобности». Новый порядок вещей прямо поддер-

живался силой страха. Всякий, кто выказывал дух противоречия, был умерщвляем.

Уничтожение государственного устройства, приобретенного афинским народом сто лет назад после изгнания тиранов, объясняется двумя причинами. Во-первых, выдающиеся умы того времени были вполне убеждены в вырождении демократии, вследствие чего неразумная народная толпа слишком часто увлекалась красноречием честолюбивых демагогов. Во-вторых, сами граждане истомились от непрерывных беспокойств, которые им причинял укрепившийся в Декее неприятель. Ожидая облегчения от перемены образа правления, граждане не оказывали никакого сопротивления.

Олигархическая партия, захватившая в свои руки власть в Афинах, не замедлила связаться со своими единомышленниками в Спарте и с персами. Но прежде чем дело дошло до формального союза, в положении дел произошла новая, неожиданная перемена.

Стоявший у Самоса и находившийся под начальством Фрасибула и Фрасилла флот, узнав о насилиях олигархов, открыто высказался в общем собрании против нового правления в Афинах. Затем предложили вновь призвать Алкивиада, так как надеялись с его помощью доставить персидские отряды находившемуся у Самоса афинскому флоту. Войско охотно согласилось на такое предложение. В состоявшемся затем собрании войска Алкивиад распространился о своем сильном влиянии на

Тиссаферна и в доказательство его благосклонного расположения к афинянам обещал, что финикийский флот, который в то время стоял уже у Аспенда в Памфилии, соединится с афинским флотом. Войско предалось самым радостным надеждам, избрало Алкивиада своим вождем и пожелало немедленно отправиться в Пирей, чтобы отомстить олигархам. Но Алкивиад доказал все безрассудство такого требования, говоря, что не следует оставлять ионян, чтобы они не стали добычей народного врага. Убедив в этом воинов, он отправился к Тиссаферну, чтобы переговорить с ним о дальнейших действиях или, по крайней мере, показать войску вид, что он намерен вступить в такие переговоры. Теперь он достиг цели всей своей предшествующей политики. Как предводитель афинян он был страшен Тиссаферну, как его друг он сделался необходимым для афинян, и в то же время он разрушал всякое доверие между Спартой и персидскими сатрапами.

Весть о положении дел у Самоса устрасила афинских олигархов. Они поспешно занялись постройкой новых укреплений на северо-западной оконечности Пирея, чтобы иметь возможность удалиться туда в случае опасности. Они страшились возможности возвращения флота в Афины и предпочитали принять в город спартанцев, чем впустить в Пирейскую гавань свой флот. Для переговоров об этом отправили посольство в Спарту. Но Антифон и Фриних вернулись, не исполнив поручения. Спартанцы, по своей недалекости,

не поняли всей выгоды такого предложения.

Некоторые из олигархов, которые желали умеренной демократии и имели во главе Ферамена, воспользовались этим обстоятельством, чтобы посеять недоверие и ненависть против остальных олигархов. Они распространили слух, что олигархи хотят сдать город спартанцам. Последовало страшное волнение. Фриних был заколот среди бела дня. Убийца скрылся. Соучастник его, подвергнутый пытке, признался, что происходили тайные собрания. Опасаясь увеличения волнений, совет четырехсот отказался от дальнейшего расследования. Ферамен и его единомышленник Аристократ решили, что пришло время действовать. Они явились в Пирей и потребовали, чтобы возводимые там укрепления были разрушены. Предложение это было принято с радостью, и народная толпа, увеличиваясь на своем пути, направилась к зданию совета четырехсот и громко требовала созыва 5000 в народное собрание. Испуганный угрожающим видом народа совет четырехсот исполнил его требование. В то время как в народном собрании было принято постановление о перемене образа правления, спартанский флот под командованием Агесандрида приблизился к городу, чтобы воспользоваться господствовавшим в нем замешательством. При этом известию, забыв все прежние ссоры, все бросились на корабли и на стены. Но Агесандрид неожиданно переменял направление и, обойдя мыс Суний, направился к Эвбее. Чтобы преду-

предить потерю этого острова, афиняне тотчас же послали 36 кораблей под командованием Тимохара. Но этот флот из-за измены эретрийцев и неспособности экипажа потерпел поражение. Эвбея, бывшая для Афин, по выражению Фукидида, «всем», так как афиняне получали оттуда большую часть съестных припасов, была потеряна.

Это был самый большой удар, испытанный Афинами в течение всей войны, и больше не было никакого сомнения в том, что теперь легко завладеть Пиреем и совершенно уничтожить самые Афины. Осторожность спартанцев и на этот раз спасла афинян. Они скоро пришли в себя и проявили необыкновенную деятельность в водворении внутреннего порядка. В народном собрании было принято решение уничтожить совет четырехсот и передать правление в руки 5000 граждан. Из олигархов только Антифону и Архептолеу пришлось искупить смертью и потерей всего имущества свои действия, направленные ко вреду народа. Писандр и Аристарх успели спастись бегством. Теперь была возобновлена порванная было связь между находившимся у Самоса флотом и Афинами. Отправленное из Афин посольство восстановило полное согласие с войском и возвратило его вождю Алкивиаду все его права и почести. Вернувшись, послы объявили о превосходном результате своего посольства и к этому присоединили радостную весть о том, что афинское оружие вновь оказалось победоносным в северных морях.

Казалось, счастье снова обернулось к афинянам. В том же 411 году под предводительством Фрасибула и Фрасилла афиняне выиграли два сражения со спартамцами — при Абидосе и Геллеспонте, где они помогали сатрапу Фарнабазу. Алкивиад, который также принимал участие в сражении при Абидосе, в 410 году одержал блестящую победу над спартанцем Миндаром при Кизике, в Пропонтиде. Сам Миндар пал в этой битве. Этот удар и потеря всех кораблей привели спартанцев в полное отчаяние, выраженное откровенно следующими словами из перехваченного письма к спартанскому правительству: «Счастье отступилось; Миндар убит; люди голодают; не знаем, что делать!» Фарнабаз употреблял все старания, чтобы утешить спартанцев в их поражении. Он снабдил их одеждой, съестными припасами, оружием и деньгами и старался защитить берега Геллеспонта и Пропонтиды. Но Фарнабаз потерпел чувствительное поражение при Абидосе в 408 году. Алкивиад взял Халкедон, Византию и другие города и вновь вернул Афинам господство на море и денежные источники.

Озаренный блеском своих подвигов, Алкивиад после восьмилетнего отсутствия вновь пожелал увидеть свое отечество. Он мог с гордостью поднять голову: ведь Афины были подняты им из такой глубокой бездны и вознесены на такую высоту, что народ мог преисполниться самыми светлыми надеждами на будущее. С многочисленным флотом военных и транспортных кораблей вступил

Алкивиад в Пирей в 407 году. Его ожидал самый пышный прием. Бесчисленная толпа народа, родственники, друзья и приверженцы приветствовали его восторженными криками как своего избавителя. Окруженный друзьями, среди тесной толпы ликовавшего и смотревшего на него народа пришел он сначала в совет, а затем в народное собрание. Здесь он произнес защитительную речь в свое оправдание и был избран народом неограниченным предводителем сухопутных и морских сил. Было решено возратить ему его имущество, а высший жрец должен был снять проклятие, наложенное на него как на осквернителя элевсинских таинств. Чтобы еще решительнее оправдаться в глазах народа в этом последнем обвинении и расположить к себе всех почитателей элевсинских таинств, Алкивиад остался в Афинах до наступления девятидневного торжества их. На шестой день этого праздника в торжественной процессии пронесли статую Диониса по священной дороге — из предместья Афин Керамика в Элевсин. Со времени появления спартанцев в Декелее процессия эта ни разу не могла состояться. Чтобы спартанцы не осмелились воспрепятствовать процессии, Алкивиад прикрывал ее своим войском и этим оказал такую услугу, что в глазах толпы она равнялась одержанной им победе.

Враги Алкивиада были крайне раздражены обожанием его со стороны народа, но ни один из них не отважился возвысить против него голос. Они почувствовали сильное облегче-

ние, когда ненавистный им народный любимец после трехмесячного пребывания на родине в сопровождении Фрасибула покинул Афины и отправился снова к Самосу со 100 хорошо вооруженными триремами, 1500 гоплитами и 150 всадниками. Алкивиад надеялся представить народу новые доказательства своего неизменного счастья. Никто не предчувствовал, с каким искусным противником придется ему иметь дело на театре военных действий.

д) Лисандр; сражение при Эгоспотамах.

Падение Афин

(407—404 гг. до н.э.)

Непрерывные несчастья заставили спартанцев обстоятельно подумать о том, какими средствами они должны предупредить угрожавшие им бедствия. Они нуждались в выдающемся государственном человеке и военном предводителе. Таким был Лисандр. Чисто спартанской суровостью образа жизни и твердостью характера он резко отличался от тщеславного и мягкого Алкивиада, но был похож на него в отношении хитрости, с которой умел составлять дальновидные планы, а также настойчивости и энергии, с какими приводил в исполнение эти планы. Коварство, приписываемое Спарте в отношениях с друзьями и другими государствами, Лисандр довел до бессовестности. Доказательством этого может служить его правило: «Детей должно обманывать игрушками, а взрослых клятвами». Он также говорил: «Там, где недостаточно лвиной шкуры, надобно наде-

вать лисью». Лисандр и Алкивиад сходились между собою и в том, что оба желали не только служить своему отечеству, но и управлять им. Важной ступенью для достижения Лисандром власти послужило учрежденное спартанцами новое достоинство наварха — предводителя флота, которое не могли занимать цари.

Между тем в это время отношения с Персией приняли для Спарты весьма благоприятный оборот. Место Тиссаферна, которого Алкивиад сделал если не полезным, то по крайней мере безвредным для афинян, занял младший сын персидского царя — Кир. Любимец своей матери Парисатиды, управлявшей своим супругом, слабым Дарием II, он был назначен благодаря ее влиянию сатрапом всей Передней Азии. Вероятно, это было сделано Парисатидой с той целью, чтобы Кир мог подготовить здесь средства для вступления на престол, на котором она желала видеть его, а не старшего своего сына Артаксеркса. Едва Кир успел прибыть в Сарды, как Лисандр поспешил туда приветствовать его. Мужественный Кир, издавна чувствовавший влечение к храбрым соотечественникам Лисандра, был необыкновенно польщен таким придворным обращением спартанца. Он не ограничился тем, что выдал матросам уже заслуженное ими жалованье, но дал Лисандру средства заплатить им за месяц вперед. В пылу своего рвения Кир обещал даже в случае нужды расплавить и обратить в монету свой золотой трон.

Лисандр расположился у Эфеса; недалеко оттуда, у мыса Нотия, нахо-

дился со своим флотом и Алкивиад. Алкивиаду стоило больших забот и трудов доставать деньги, и для сбора их он нередко был вынужден прибегать к жестоким мерам в отношении городов. Однажды для сбора денег Алкивиад отправился в Карию. Уезжая, он дал своему помощнику Антиоху решительное приказание не вступать в его отсутствие в битву со спартамцами. Несмотря на это Антиох вызвал на бой спартанский флот, был разбит Лисандром при Нотии, потерял 15 кораблей и сам пал в битве. Получив известие об этой неудаче, Алкивиад поспешно вернулся к Самосу и тщетно вызывал Лисандра на новую битву. Враги Алкивиада воспользовались поражением при Нотии, чтобы погубить его и, приписывая это поражение его небрежности, заговорили даже о его измене. Они добились того, что Алкивиад был лишен звания предводителя. Вместо него были избраны 10 предводителей, и в числе их Конон. Эта мера сделала невозможным единство управления в военных действиях. Алкивиад возвратился в свою крепость Визант при Византионе, чтобы оттуда следить за ходом дела.

Со своей стороны и Спарта сменила наварха. Лисандр по истечении установленного законом годичного срока был отозван и замещен Калликратидом. Представляя совершенную противоположность с Лисандром, Калликратид отличался суровым, но правдивым и мужественным характером и считал, что греку стыдно унижаться перед варваром из-за денег. Кир не принял его в Сардах, и он че-

рез несколько дней покинул этот город. Вначале ему посчастливилось: разбив бывший под начальством Конона и состоявший из 70 кораблей афинский флот, он запер его в Митиленской гавани; при этом афиняне потеряли 30 трирем (406 г.). Но афиняне в скором времени усилили свой флот 150 кораблями и вступили под начальством Конона при Аргинусских островах вблизи Лесбоса в новое сражение, в котором пелопоннесцы лишились 70 кораблей, а сам Калликратид был убит.

В Афинах с помощью происков враждебных группировок победоносные предводители были обвинены в том, что они не спасли обломки 25 разбитых судов и не вытащили из воды мертвых. Эти предводители были тотчас же отрешены от должностей, и какой-то Калликсен даже требовал их казни. Несмотря на мужественную защиту Сократа и на то, что предводители доказывали своим обвинителям Ферамену и Фрасибулу, что ими были даны соответствующие распоряжения и что главной причиной, которая воспрепятствовала спасению погибавших, была буря, противники не приняли во внимание этих объяснений и употребили самые постыдные средства, чтобы погубить их. Для достижения этой цели в народное собрание призвали одного спасшегося при кораблекрушении матроса, который сказал, что потерпевшие крушение поручили ему обвинить предводителей в неподании им помощи. Затем перед народом явилось множество родственников погибших в черных одеждах, с остриженными волосами, чтобы воз-

будить сожаление к себе и жажду мщения к предводителям. Все это настолько подействовало на народ, что предводители были приговорены к смерти и шестеро из них, прибывшие в Афины, должны были выпить чашу с ядом.

Вслед за этим приговором началось последнее действие этой кровавой драмы. В числе новых предводителей самым способным и опытным был Конон; но он лишь с величайшим трудом мог противодействовать зависти соединившихся против него остальных предводителей. К этому присоединилось и то обстоятельство, что каждый способный предводитель мог ожидать для себя такой же печальной участи, какая недавно постигла его предшественников.

У спартанцев главную роль снова занял хитрый Лисандр. Хотя спартанскими законами было запрещено давать одному человеку вторично звание наварха, нашли средство обойти закон, чтобы угодить общему желанию всех союзных городов и самого Кира. Лисандр был назначен помощником нового наварха Арака, в действительности же военачальником сделался Лисандр. Его деятельность тотчас внесла новую жизнь в военные действия. Получив благодаря Киру обильный запас платья и обуви, в чем в особенности нуждалось его войско ввиду приближавшейся зимы, Лисандр собрал у Геллеспонта все корабли и завладел богатым городом Лампсаком. Афиняне со 180 кораблями поспешили за Лисандром у Эгоспотамов. Их положение было невыгодным: вблизи вовсе не было гаваней, а

значительная отдаленность города Сеста, откуда они получали съестные припасы, заставляла воинов покидать корабли и разбегаться по берегу, что было весьма опасно на виду у постоянно и зорко наблюдавшего за ним противника. Алкивиад, все еще преданный своему отечеству, прибыл из своей крепости к стратегам, обратил их внимание на опасность занимаемого ими положения и предлагал им перейти к Сесту. Но стратеги приказали ему удалиться, так как теперь не он, а они начальствовали, и Алкивиад вернулся к себе.

С прибытием афинян Лисандр держал в гавани свой флот и войска постоянно готовыми к бою, но не вступал в сражение, несмотря на то, что афиняне ежедневно вызывали его сразиться с ними. Афиняне каждый вечер разбегались по берегу для закупки съестных припасов и при виде притворной робости неприятеля делали все беспечнее и самонадеяннее. Но именно этого и желал Лисандр, сменивший на этот раз львиную шкуру на лисью. Посылая каждый раз корабль для наблюдения за удалявшимися афинянами, он из получаемых сведений убеждался все в большей и большей их беспечности. Наконец, на пятый день, увидав издали с посланного им корабля условный знак о том, что афинское войско, по своему обыкновению, оставило корабли и рассеялось по окрестностям, Лисандр со своими судами быстро двинулся вперед и без боя овладел неприятельским флотом, оставшимся почти без всякой защиты. Один только Конон с восемью кораблями спасся бегством на

Кипр, к царю Эвагору, а девятый корабль послал в Афины с известием о совершенном истреблении афинского флота.

Весть об этом поражении произвела в Афинах удручающее впечатление. Почтовое судно «Парала» прибыло в Пирей ночью. Крик отчаяния пронесся от гавани до Афин, и никто не мог в эту ночь заснуть спокойно.

Но сильнее этой скорби был страх возмездия за все притеснения со стороны афинян во время господства их на море. Первый акт мщения разыгрался в военном суде в Лампсаке, когда Лисандр появился после сражения. Здесь он казнил 3000 пленных афинян, и первым из них стратега Филокеса. Последней жертвой должны были пасть сами Афины. Сначала Лисандр покорил принадлежавшие Афинам города на Геллеспонте, и среди них Византию и Халкедон. Другая часть его флота в то же время без труда завладела фракийскими городами. Во всех покоренных городах была введена олигархия. Были покорены также и острова, за исключением Самоса, который оказал сопротивление. Всех попадавших в плен афинян и афинские гарнизоны покоренных городов Лисандр отпускал в Афины, рассчитывая, что скопление людей произведет там недостаток в съестных припасах и голод.

Создав новые порядки на Геллеспонте и островах, Лисандр приступил к осаде Афин. Он расположился со 150 кораблями перед Пиреем. Явившийся для той же цели с сухопутным войском Павсаний соединился в Декелее с войском Агиса и обложил го-

род с суши. В городе, переполненном людьми, скоро наступил страшный голод. Решено было вступить в переговоры с Агисом. Он отправил послов с предложением мирных условий в Спарту. Но по прибытии в Селласию, ввиду того, что просьба их о пощаде гавани и стен не была уважена, они были отправлены эфорами назад. Это произвело в Афинах новый ужас и замешательство. Спартапцы соглашались на заключение мира только при условии срытия стен в Афинах на протяжении десяти стадиев. Некто Архестрат высказал в народном собрании мысль, что лучше быть заключенным в темницу, чем согласиться на эти условия. После этого никто из афинян не решался высказаться за принятие предложенных спартапцами условий.

Тогда выступил Ферамен, который хотя и покровительствовал прежде аристократии, но несмотря на частую смену своих политических убеждений все-таки был любим народом. Он обещал заключить почетный мир, если ему дадут полномочия. Они были ему даны. Ферамен отправился к Лисандру и поневоле или с умыслом пробыл у него три месяца. В продолжение этого времени нужда и неистовая борьба партий в злополучном городе достигла высшей степени. Лисандр добился своей цели: афиняне смирились. Когда наконец Ферамен возвратился и объявил, что вопрос о мире может быть решен только в Спарте, народное собрание предоставило ему неограниченные полномочия и отправило его с девятью другими уполномоченными в Спарту.

Здесь собрались все пелопоннесские союзники для решения участи Афин, и некоторые из них, особенно коринфяне и фиванцы, требовали полного их уничтожения. Но спартанцы решительно объявили, что жители эллинского города, которые оказали Греции в минуты величайшей опасности столь огромные услуги, не могут быть обращены в рабство. Затем афинянам были предложены следующие условия мира: они должны скрыть укрепления Пирейской гавани, выдать, кроме двенадцати, все корабли, возвратить всех изгнанников, отказаться от господства над союзниками и помогать спартанцам во всех их войнах на суше и на море.

Против принятия этих условий выступили лишь немногие; большинство же, понуждаемое голодом, изъявило на них свое согласие, и народ решился принять предложенные условия.

Лисандр в сопровождении многих афинских изгнанников вступил в Пирей. Флот был уведен, а стены и укрепления разрушены под звуки музыки. Затем в народное собрание было внесено предложение, принятое по настоянию Лисандра, об избрании 30 мужей, которые должны были устроить вместо демократической новую форму правления и вступить в управление государством. Большинство из этих 30 были аристократы, возвращенные Лисандром из изгнания. Во главе их стояли сварливый Ферамен и честолюбивый Критий. Для устрашения народа в Акрополе был оставлен спартанский гарнизон. Тридцать мужей, избранные для

установления нового государственного устройства, вместо этого занялись утверждением своей собственной власти, поэтому возненавидевший их народ прозвал этих мужей «тридцатью тиранами».

Эти 30 тиранов, равно как и Спарта, не считали свое господство прочным до тех пор, пока не падет последняя опора демократии — Алкивиад. Он покинул свою крепость в Херсонесе Фракийском и, боясь преследования, искал защиты у Фарнабаза — сатрапа Фригии. Отсюда Алкивиад намеревался отправиться в Сузы ко двору нового царя Артаксеркса Мнемона, чтобы сообщить ему о предательских планах его брата Кира и о настоящем положении Греции. Чтобы воспрепятствовать этому, спартанцы и олигархическая партия в Афинах приложили все усилия и довели наконец Фарнабаза до того, что он приказал убить Алкивиادا, который находился в то время в одной фригийской деревне. Были посланы убийцы. Они, боясь приблизиться к Алкивиаду, ночью подожгли его дом. Алкивиад хотел бежать и с обнаженным мечом выскочил из дома. Но убийцы издали поразили его стрелами и копьями. Находившаяся при Алкивиаде его подруга Тимандра воздала трупу последние почести. После покорения Афин Лисандр приплыл к Самосу, овладел этим островом, сверг там демократию и ввел олигархию. В это же время Локрам был возвращен город Навпакт, а поселенные в нем афинянами мессенцы изгнаны. После всех этих действий Лисандр возвратился в Спарту.

23. Гегемония Спарты

Пелопоннесская война имела ближайшим последствием для Афин уничтожение их внешнего могущества и преобразование их государственного устройства из демократического в олигархическое. В Спарту эта война внесла также коренные внутренние перемены. Изменился сам дух Спарты. Будучи прежде лишь сухопутной державой, в результате войны Спарта сделалась и морской. Предназначенная законодательством Ликурга к замкнутости, Спарта теперь вступила в непрерывные связи с другими государствами. Черпая прежде свою силу в отличительных добродетелях народного характера, в простоте и в воздержании, в бедности и презрении ко всякой роскоши, теперь она увлеклась пагубной страстью к богатству. Лисандр привез в Спарту множество золотых венцов и 470 талантов наличными деньгами, полученными им частью в виде подарков и дани от покоренных городов, частью от Кира в виде вспомоществования. Многие возражали против этого, сознавая, что такой наплыв богатств вредно отразится на народном характере. Они опасались, чтобы дух корыстолюбия и продажности, уже неоднократно проявленный частными лицами, не проник бы в управление государством. Но так как без денежных средств Спарте не представлялось возможности утвердить только что приобретенное господство, желание Лисандра и его партии в конце концов восторжествовало. В Спарте была учреждена

общественная казна. С этого момента началась действительно порча нравов, и на протесты сторонников Ликургова законодательства обращали все меньше и меньше внимания.

Между тем в Афинах началось грозное правление 30 тиранов, руководимых Критием. Опираясь на находившийся в городе спартанский гарнизон, они обратили свое неистовство против всех лиц, подозреваемых ими в политическом отношении и имевших достаточное состояние. Многие были казнены, другие изгнаны и лишены имущества. Жертвами кровожадности Крития пали все, которые осмелились возражать ему; в числе их был и один из 30 — Ферамен. Критий обвинил его перед советом в измене олигархии. Для того чтобы никто не осмелился защищать Ферамена, в зале суда были поставлены юноши с короткими мечами, скрытыми под платьем. Ферамен искал спасения у алтаря. Но Критий приказал силой оттащить его, и Ферамен должен был выпить чашу с ядом. Последние капли смертельного напитка Ферамен вылил на землю со словами: «Это для милого Крития».

От таких злодеяний все, кто только мог, спасались бегством в соседние города. Напрасно спартанское правительство под угрозой наказания требовало выдачи беглецов. Сострадание к несчастным и ненависть к властолюбивой Спарте заставляли Аргос, Фивы и другие города давать им у себя убежище.

Тайно поддерживаемый Фивами, Фрасибул решился с несколькими бе-

жавшими с ним афинянами явиться на помощь своим согражданам, жаждавшим спасения. Сначала он овладел горной крепостью Филой, находившейся близ Аттики. Вскоре здесь собралось множество изгнанников. После небольших удачных стычек с войсками 30 изгнанникам удалось наконец овладеть Пиреем. Затем они дали большое сражение на вершине Мунихия. Здесь пал Критий. В Афинах произошло возмущение. Большинство из вооруженных 3000 полноправных граждан — остальные были обезоружены — отказались повиноваться тиранам, и те, за исключением Фейдона и Эратосфена, удалились в Элевсин. Место их в управлении заняли десять мужей, которые и продолжали вести войну с демократами, укрепившимися в Пирее. На помощь олигархам явился с войском Лисандр. Но зависть царя Павсания и эфоров спасла Фрасибула от всемогущего Лисандра. Прибывший на театр военных действий Павсаний решил положить конец злополучной войне. Он вступил в переговоры с демократами в Пирее и склонил наконец обе стороны к примирению. В силу этого соглашения Фрасибул и все изгнанники и беглецы получили право возвратиться, и для обеспечения спокойствия была объявлена полная амнистия, из которой были исключены только 30 тиранов, пришедшие им на смену десять мужей и еще одиннадцать человек, которые требовали казней.

Местом пребывания 30 был назначен Элевсин. Но когда они попытались снова захватить власть в Афи-

нах, Фрасибул осадил Элевсин и большинство их было убито.

В Афинах под наблюдением архонта Эвклида было восстановлено древнее Солоново государственное устройство, из которого было устранено все устаревшее и не соответствовавшее современному развитию. После продолжительных тревожений началась снова свободная жизнь, исполненная новых упований.

24. Умственная жизнь греков

Насколько греки были разъединены на других поприщах, в особенности на политическом, настолько они были единодушны на поприще наук и искусства. Изящные искусства и науки находились у греков в теснейшей связи с их государственной и религиозной жизнью. Великие мастера архитектуры и ваяния, созидавшие величественные храмы, портики, гимназии, статуи и памятники, служили государству и религии. Этому же служили и великие поэты, в особенности трагики. Содержанием своих произведений они избирали сказания о богах и героях, глубокие нравственные и религиозные идеи и своими возвышенными произведениями старались образовать хороших граждан. Изображения богов и героев, сцен из мифологии, которыми греки обычно украшали фронтоны храмов, имели целью возвышение души, воспитание и облагораживание эллинского духа в стремлении к прекрасному. Выше уже было рассказано о процветании творческого искусства во времена Перикла.

В Мнесикле, Иктине и Калликрате архитектура нашла своих самых выразительных представителей. Место дорического и ионийского ордеров колонн с течением времени не только в общественных, но и в частных зданиях занял новый архитектурный ордер — коринфский. Позднее он был особенно любим римлянами.

В скульптуре неподражаемым остался Фидий. Ближе всех к нему стоит его современник Поликлет из Аргоса. За ними следуют Скопас и Мирон, позднее — Пракситель, необыкновенной славой пользовалась его статуя Афродиты в Книде. В живописи особенно выдавался Полигнот с острова Фасос. Позднее творили Зевксид и Паррасий, но только при Александре Великом живопись достигает своего совершенства в лице Протогена и его современника Апеллеса.

Что касается поэзии, то поэзия эпическая уже находилась в цветущем состоянии, между тем как в лирике появляется имя одного только великого фиванца Пиндара.

Афинскому народу принадлежит составляющая отличительную особенность его творческого духа — драма. Она развивалась из хоровых песнопений на празднествах Диониса, бога вина. Поэтому театральное представление оставалось по-прежнему видом богослужебного праздника, который прославлял оба праздника: Дионисии и Панафинеи, справляемые в честь прославления богини Афины, покровительницы города. Около 530 года Феспид на празднествах Диониса в Аттике впервые присоединил к хвалебным

хоровым песням рассказ, сопровождаемый мимикой и аккомпанементом на музыкальных инструментах. Так была создана драма.

Первым дошедшим до нас трагиком является Эсхил (525—455 гг. до н.э.). Он заставил выходить актеров в париках и башмаках — котурнах, вследствие чего они приобретали сверхъестественный, величественный вид. У Эсхила являются уже два актера. Затем следует хор, который состоит из 12 человек, вступающих в роли испытанных, благоразумных мужей, старцев или женщин и молодых девушек. Хор вступает в диалог с действующими лицами и, не принимая непосредственного участия в действии, то дает им свои советы или утешает их, то ободряет или предостерегает.

Из 70 написанных Эсхилом трагедий сохранилось только семь, в их числе «Прометей прикованный», «Семеро против Фив», «Орестея», «Персы». Трагедии Эсхила отличаются благородством и величием, язык их смел и необыкновенно выразителен. По своей форме трагедии Эсхила просты и сохраняют почти прежний характер эпических повествований. Во всех драмах он говорит о власти неумолимой борьбы, которая стоит даже выше богов; из страха перед ней люди должны остерегаться переступать предназначенные им границы.

Полного совершенства трагедия достигает у Софокла (496—406 гг. до н.э.). Освободившись от свойственной Эсхилу эпической многословности, он придал речи персонажей художественность и изящество. Дей-

ствие у него развивается естественно, последовательно и притом так, что внутренние побуждения действующих лиц еще до наступления катастрофы выступают ясно и определенно. Характеристики действующих лиц достигают у него художественной отделки, а внутренние чувства изображаются с психологической тонкостью. Для достижения разнообразия в изображениях характеров Софокл ввел третьего актера. Среди сохранившихся семи трагедий Софокла особенно замечательны «Эдип-царь», «Антигона», «Эдип в Колоне» и «Аякс».

Третье место в ряду великих греческих трагиков занимает Еврипид (480—406 гг. до н.э.). По благородству и смелости он примыкал к Эсхилу, а по изяществу языка и глубине мысли к Софоклу. Еврипид является истинным сыном своего времени. Прежний идеальный характер трагедии он перенес к истинной правде действительной жизни и изображал людей такими, какими они являются на самом деле. При этом в своих трагедиях Еврипид проводил основные положения тогдашней философии и пользовался софическими рассуждениями. Длинные рассказы вместо драматического действия в соединении с частой развязкой в виде неожиданного появления божества показывают, что Еврипид не особенно заботился о естественном и последовательном развитии событий в трагедии. Хоровые песни у него уже не имеют тесной внутренней связи с действием и характером действующих лиц; хор сохраняется лишь по традиции, а не в силу необходимости. Но

зато Еврипид отличается необыкновенным пониманием человеческого сердца и его страстей. Главную целью его было возбуждение сострадания и умиления, он был еще древними назван самым трагичным из всех поэтов. Как последователь Анаксагора, Еврипид часто впадает в противоречия с мифами. От него сохранилось восемнадцать трагедий и одна сатирическая драма; среди них особенно замечательны «Орест», «Ифигения в Авлиде», «Медея».

Еще глубже проникся афинским народным духом комедиограф Аристофан (445—386 гг. до н.э.). Оставшиеся после него одиннадцать комедий отличаются как необыкновенно живым изображением афинской государственной и народной жизни, так и замечательной художественностью. В одной из самых остроумных своих комедий «Всадники» предметом нападок Аристофан избрал тип только что народившегося государственного деятеля, к которому принадлежал Клеон, и так как из страха перед Клеоном ни один мастер не соглашался делать его маску, поэт сам играл его роль, расписав себе лицо. В «Облаках» Аристофан в лице Сократа страшно бичует новую философию софистов и ее опасные последствия. Комедии «Мир» и «Ахарняне», написанные в период Пелопоннесской войны, направлены против ужасов войны. В «Лягушках» Аристофан обвиняет Еврипида в упадке трагического искусства. Таким образом, от внимания и критики поэта не ускользнуло ни одно явление общественной жизни.

Шутка и остроумная насмешка не составляют исключительного содержания комедий Аристофана и не служат одной только забаве, но и имеют цель более возвышенную и благородную. В Афинах был обычай на празднествах Диониса предоставлять безграничную свободу высказываний. Аристофан пользовался этим обычаем, чтобы способствовать политическому и нравственному благополучию своих сограждан. В его произведениях отражается вся общественная и частная жизнь Афин. Аристофан неустанно рисует неблагоразумие и заблуждение своего времени, в особенности необузданные и честолюбивые побуждения демагогов, промахи в политике плохих государственных деятелей, испорченность народного характера и общественной и семейной жизни и ужасающие размеры падения всех религиозных и нравственных начал.

В это же время впервые появляются прозаические повествования. Геродот из Галикарнаса (484—425 гг.), которого называли отцом истории, создает большое историческое произведение. Это сочинение, отличающееся простотой изложения и достоверностью, изображает в девяти книгах, в которых каждая носит название какой-нибудь музыки, борьбу греков и варваров. При этом здесь проводится мысль, что в этой борьбе главным образом проявляется божественное правосудие, которое наказывает человеческую самонадеянность. История Геродота вся проникнута религиозным и патриотическим пафосом.

Когда Геродот читал на Олимпийских играх отдельные части своей истории, среди слушателей находился и его великий преемник Фукидид (460—396 гг.). Вдохновленный Геродотом, он приступил к созданию своего великого исторического творения. «Историей Пелопоннесской войны» Фукидид желал оставить вечное достояние в назидание государственным мужам. На это Фукидиду давали право как строгая правдивость и беспристрастность, которые не допустили его стать приверженцем тогдашней демократии, так и проницательный исторический взгляд, с помощью которого он постигал связь и основные причины событий.

Историком был и ученик Сократа Ксенофонт (430—355 гг.). В своей «Греческой истории» он представил нечто вроде приложения к сочинениям Фукидида. Это историческое сочинение просто и не освещается какою-либо высшей идеей. Несмотря на это, оно еще в древности пользовалось вполне заслуженной громкой славой. Ксенофонта называли «аттической пчелой» за благозвучность речи, плавность, изящество и простоту изложения. Не принадлежа к особенно выдающимся умам древности, он тем не менее является выразителем греческого идеала человеческого совершенства. Из сочинений Ксенофонта замечательны следующие: «Воспоминание о Сократе», представляющее верное изображение этого философа, и «Киропедия», которая рисует воспоминание и характер образцового государя в лице персидского царя. Блестящим памятником деятельности Ксенофонта

как полководца, который обеспечил ему навсегда выдающееся место в военной истории, служит его «Анабасис». В нем он описывает знаменитое отступление 10 000 греков после сражения при Кунаксе.

Философия уже и раньше имела видных представителей. То были ионяне, пролагавшие новые пути своими исследованиями. Ряд таких «натуральных философов» (исследователей природы) перечислен выше: Фалес Милетский, Гераклит Эфесский (554—483 гг.), прозванный «темным» за глубину и загадочность мыслей; Анаксагор из Клазомен (500—428 гг.), Демокрит из Абдеры (460—371 гг.). Они старались проникнуть в таинства природы и отыскивали начало вселенной и законы отдельных частных явлений. С расширением исследований природы неизбежно должна была возвыситься и врачебная наука. Первое научное изложение этой области знания приписывается Гиппократу (470—430 гг.), уроженцу острова Кос. Так как по понятиям греков природа была населена богами, то народ не допускал, чтобы явления природы, которые казались ему происходящими от непосредственной деятельности божества, рассматривались бы как простые действия законов природы, какими они являются, например, у Анаксагора. Поэтому Гиппократ подвергся обвинению и преследованию как разрушитель народной религии.

Во времена Перикла появился род философов, которые видели в философии не путь к отысканию истины, а лишь средство к достижению сво-

их ближайших целей: богатства и чувственных наслаждений. Их называли софистами, то есть учителями мудрости. Главным их занятием была риторика, в которой некоторые из них достигли замечательного совершенства. Софисты поражали слушателей так же, как удивляет зрителей акробат. На каждый вопрос у них был ответ, на каждое возражение — отговорка, для каждого утверждения — основание или, по крайней мере, мнимое основание. В крайнем же случае они опутывали и приводили в замешательство противника целым рядом быстрых и тончайших ложных выводов.

Первым софистом считался Протагор из Абдеры (480—410 гг.). За ним следует Горгий (485—380 гг.), уроженец острова Сицилия. Его современниками были Гиппий из Элиды и Продик из Кеоса. Первые софисты оказали большую услугу формульному развитию литературного греческого языка, но уже их ближайшие ученики и последователи представляют картину глубокого нравственного и научного падения, достаточно объясняемого словами «софизм» (ложный вывод) и «софистика» (остроумное, обманчивое доказательство); слова эти сохранили свое значение и до настоящего времени. С непозволительным легкомыслием употребляли софисты все средства, чтобы давать понятие и объяснение всему видимому и невидимому. За деньги они учили всевозможным уловкам в речи и спорах, учили говорить так, «чтобы самое дурное обращать в хорошее». Таким

образом, они производили самое гибельное влияние на нравственные понятия народа. Когда, наконец, софисты осмелились издеваться над религией, то, конечно, против них выступали люди с возвышенными мыслями, и больше всех — философ Сократ.

25. Сократ и его последователи

Сократ (470—399 гг.) был сыном скульптора Софрониска и повивальной бабки Фенареты, поэтому впоследствии свой метод преподавания он называл в шутку повивальным искусством, так как посредством вопросов и ответов старался развивать самого человека. Он противопоставлял пагубным и соблазнительным основным положениям софистов свою воодушевленную веру в богов, добродетель, истину и справедливость, а их наружной легкомысленности и невнимательности — величайшую задушевную искренность. Побуждаемый внутренним голосом, «даймонионом», Сократ считал своим призванием возвращаться в толпе, вступать в разговоры с людьми всех состояний и рассуждать преимущественно о сущности божества, обо всем разумном, истинном и добром, самому учиться у них или задавать им такие вопросы, которые побуждали бы к самопознанию, к исканию истины и нравственному самоусовершенствованию. В противоположность надменным софистам, воображавшим, что они все знают, он был убежден в недостаточности познания. «Я

знаю, что я ничего не знаю», — часто говорил он и со свойственной ему иронией указывал на неясность многих общепринятых понятий. Люди, по его мнению, должны следовать изречению, начертанному на храме Аполлона в Дельфах: «Познай самого себя». К этому Сократ присоединял свое главное правило: добродетель есть знание. То есть человек должен понять, в чем заключается благочестие, справедливость, мужество и другие добродетели. Когда человек вполне уяснил себе сущность этих добродетелей, он может пользоваться ими. Люди заблуждаются лишь вследствие своего невежества, но, познав истину, справедливость и благо, они не могут не полюбить их. Таким образом, источник зла в мире — это недостаточность мышления и знания. Однако в том, что высшее знание не влечет за собой неизбежно нравственного совершенства, Сократу пришлось убедиться на своих собственных учениках Алкивиаде и Критии.

В то время как софисты стремились к выгоде и чувственным наслаждениям, Сократ бескорыстно отдавал свое время и свой труд на пользу других. Вспыльчивость своей жены Ксантипы он переносил с величайшей покорностью. Свои обязанности гражданина он исполнял как на войне, так и во время мира самым добросовестным образом и всегда был готов жертвовать жизнью за отечество. Он участвовал в походе против Потидеи во Фракии и сражался при Делии. Сократ везде являлся образцом умеренности, воздержания и безропотного

перенесения всяких лишений. Во время похода в Потидею, хотя зима была такая суровая, что никто не решился отправиться в этот поход без теплой одежды, Сократ шел босиком и в своем обычном плаще. Несмотря на почти безобразную внешность — толстый вздернутый нос и плешивая голова, — ученики Сократа испытывали на себе очарование своего учителя. Для того чтобы побывать в обществе Сократа, Антисфен не пугался пути, совершаемого им ежедневно из Пирея в Афины, а Эвклид, уроженец Мегары, не останавливался перед опасностью, которой подвергался, так как во время Пелопоннесской войны ни один мегарянин под страхом суровейшего наказания не смел являться в Афины.

Сократ дожил до семидесяти лет и пал жертвой своих врагов. На его жизнь посягали не столько софисты, сильно ненавидевшие его за славу мудрейшего из смертных, сколько политические противники, которые видели в нем главного врага демократического политического устройства. Три человека: Ликон, Анит и Мелит обвинили Сократа в том, что он проповедует «новых богов и развращает юношество», поэтому он должен быть признан врагом государства. В своей защитительной речи, произнесенной, по греческому обычаю, им самим, Сократ отверг все ораторские и софистические уловки, которыми мог бы склонить судей на свою сторону. Наоборот, он старался убедить их в своей невиновности со спокойствием, всегда сохраняемым им во всех рассуждениях о житейских делах.

За обвинение Сократа высказалось незначительное большинство голосов. Подсудимый имел право просить о назначении ему более легкого наказания, и таким образом между двумя наказаниями выбиралось среднее и более справедливое. Сократ сказал в суде следующее: «Наказанием мне этот человек означает смерть. Хорошо! Какое наказание должен я противопоставить со своей стороны? Чем должен я заплатить за то, что всю свою жизнь не давал себе покоя и пренебрег всем тем, о чем заботится большинство? Речами в народном собрании, участием в управлении я направлял свою деятельность к тому, чтобы оказать каждому величайшее благодеяние, ибо я каждого отдельного человека старался убедить, прежде чем заботиться о своем положении, изучить как можно лучше и беспристрастнее самого себя и, прежде чем вмешиваться в политику, вникнуть в сущность государства. Итак, чего же я заслуживаю за то, что я такой? Такой человек, как я, без сомнения, имеет больше права получать от государства пожизненное содержание в Пританее, чем одержавший на Олимпийских играх победу в скачках; ведь он дает вам мнимое счастье, а я — подлинное, он не нуждается в пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен по справедливости оценить мои заслуги, то вот к чему я присуждаю себя — к обеду в Пританее».

При таком гордом поведении подсудимого судьи почувствовали себя настолько оскорбленными, что при вторичном голосовании 80 голосов,

которые высказались прежде за Сократа, перешли на сторону его противников, и, таким образом, Сократ был приговорен к смерти 361 голосом против 198. Он выслушал приговор с тем же достоинством, с каким держал себя во все время процесса, и выразил сожаление о городе, который опозорил себя таким осуждением. Свою речь Сократ заключил следующими словами: «Если вам будет казаться, что мои сыновья, повзрослев, заботятся о деньгах больше, чем о доблести, воздайте им за это, донимая их тем же самым, чем и я вас донимал; и если они будут много о себе думать, будучи никем, укоряйте их так же, как и я вас укорял, за то, что они не заботятся о должном и много воображают о себе, тогда как сами ничего не стоят. Если станете делать это, то воздадите по заслугам и мне, и моим сыновьям. Но пора нам идти: мне к смерти, вам — к дальнейшей жизни. Чья доля лучше, это никому не ведомо, кроме бога».

После этих слов Сократа увели в темницу. Приговор был бы исполнен на следующий же день, если бы как раз накануне не отправилась на остров Делос на корабле Тезея священная процессия, до возвращения которой в Афинах не исполнялся ни один смертный приговор. Противные ветры задержали корабль дольше обычного, и это обстоятельство позволило ученикам Сократа еще 30 дней наслаждаться его беседами. Они посещали его в темнице ежедневно. Сократ старался добродушными шутками рассеять их печаль. Когда более дружных безутешный Аполлодор однажды

воскликнул в отчаянии: «Нет, неужели ты, невинный, должен умереть!», Сократ возразил, улыбаясь: «Разве тебе больше хотелось, чтобы я умер виновным?»

За день до смерти Сократа Критон сказал ему, что он собрал некую сумму денег и намерен подкупить стражей, чтобы они оставили двери незапертыми. «О Критон! — ответил ему Сократ, — в какой стране мог бы я спастись от смерти?» И Сократ решительно отказался от предложения Критона и доказывал ему, что никакая несправедливость не должна побуждать нас к неповиновению законам отечества.

В последний день ученики сошлись у Сократа раньше обычного. Сократ с полнейшим спокойствием рассуждал с ними о бессмертии души и о смерти, которая представлялась ему переселением из здешнего в иной мир. Когда он выпил чашу с соком цикуты, все залились слезами. Но Сократ сказал: «Я нарочно выслал женщин для того, чтобы они не нарушали спокойствия, ибо я слышал, что умирать следует в благочестивой тишине. Поэтому будьте спокойны и мужественны!» Услышав эти слова, ученики устыдились и воздержались от слез. Между тем Сократ ходил взад и вперед, а когда почувствовал тяжесть, то лег на спину, как советовал ему служитель, принесший яд. Служитель время от времени ощупывал Сократа и осматривал его ноги и бедра; потом он показал ученикам, как тот постепенно холодеет, и сказал, что, когда оцепенение дойдет до сердца, то он скончается.

Живот уже похолодел. Тогда Сократ, открыв закрытое до тех пор лицо, сказал: «Критон, мы должны петуха Асклепию». «Это будет исполнено, — отвечал Критон, — но не имеешь ли ты еще что-нибудь сказать?» На это Сократ уже ничего не отвечал. Своей последней просьбой он дал понять, что переходом от жизни к смерти он избавляется от постоянной болезни и потому хотел принести обычную жертву Асклепию за такое исцеление.

Афиняне скоро рассказали, что обвинили такого человека. Обвинители Сократа были изгнаны, а ему самому была воздвигнута медная статуя. В народном представлении образ Сократа постепенно сделался идеалом высшего человеческого достоинства и добродетели. Его ученики распространили в речах и сочинениях идеи своего учителя.

Среди философов сократовской школы четыре человека основали четыре различные системы: Платон основал академическую школу, Антисфен — киническую, Аристипп — киренейскую, а Эвклид — мегарийскую. Аристипп высшим благом на земле провозглашал блаженство, которое понималось одними больше в духовном, другими больше в чувственном смысле. Основным положением Эвклида было то, что высшее благо дается только истиной, которая называется и другими именами: бог, разум и т.д.

Антисфен ставил выше всего воздержание и довольство лишь необходимым, поэтому его называли киником, то есть «живущим по-собачьи». Его

ученик Диоген из Синопа развил киническое учение до крайних пределов. Днем он ходил без башмаков, без плаща, с палкой в руке и с мешком за плечами. Увидев, как мальчик пьет воду руками из ручья, он выбросил кружку. Ночью он спал под портиком, а по уверению некоторых, в бочке. О Диогене рассказывают много анекдотов. Однажды Антисфен, рассерженный нерадивостью своих учеников, выгнал их от себя. Остался один Диоген. Антисфен и его хотел прогнать палкой. Тогда Диоген воскликнул: «Бей меня, сколько тебе угодно; ты все-таки не найдешь такой твердой палки, чтобы помешать мне жить в соседстве с тобой и пользоваться твоим учением!» Захваченный в плен морскими разбойниками, Диоген был выведен для продажи на базарную площадь. На вопрос, что он умеет, Диоген ответил: «Повелевать людьми». Глашатаю он приказал выкрикивать: «Кто хочет купить господина?» Среди белого дня Диоген вышел на улицу с зажженным фонарем. Когда его спросили, что он делает, он отвечал: «Человека ищу».

Истинным последователем учения Сократа был Платон (427—347 гг. до н.э.). По своим воззрениям на бога, свойство души, ее бессмертие он приближается к христианству. Его сочинения большей частью выполнены в разговорной форме, поэтому названы диалогами. В высшей степени замечательно учение Платона о предсуществовании души. По этому учению всякое представление об истине, знании, справедливости и красоте есть не что иное, как воспоминание о том, что вос-

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

1

2

3

5

4

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

6

7

8

9

1. Ойнохоя с изображением тюльпанов из Филакопи. XVII в. до н. э.
2. Полихромный кувшин из Феста. XVII в. до н. э.
3. Ваза с изображением осьминога из Палекастро. XVI в. до н. э.
4. Кубок с тремя ручками из гробницы в Микенах. XVI в. до н. э.
5. Ваза из Като-Закро. XVI в. до н. э.
6. Ритон с изображением раковин и морских звезд из дворца в Като-Закро. XV в. до н. э.
7. Священный ритон в виде головы быка из Малого дворца в Кноссе. XV в. до н. э.
8. Ойнохоя с морским декором из Египта. XV в. до н. э.
9. Ваза с изображением лабрисов с острова Псира. XV в. до н. э.

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

1

2

3

4

5

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

6

7

8

1. Килик с росписью из Микен. XIII в. до н. э.
2. Ойнохоя из Аттики. XIII в. до н. э.
3. Ритон из Китиона. XIII в. до н. э.
4. Амфора с Дипилонского некрополя в Афинах. IX в. до н. э.
5. Протокоринфская ойнохоя из Кум. VIII в. до н. э.
6. Амфора с Дипилонского некрополя в Афинах. VIII в. до н. э.
7. Кратер из Аттики. VIII в. до н. э.
8. Амфора с изображением богини — покровительницы зверей. VIII в. до н. э.

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

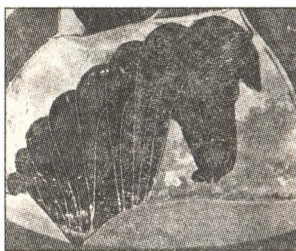
1

2

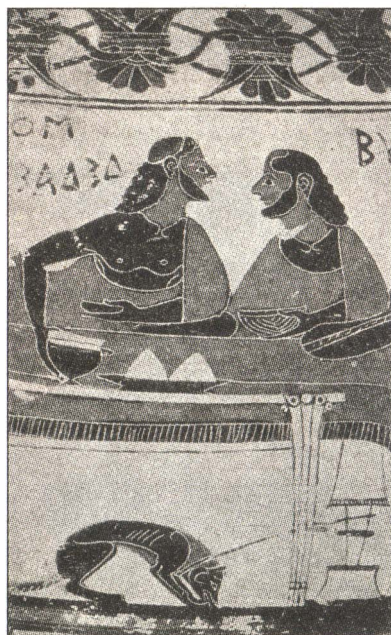
3

4

5

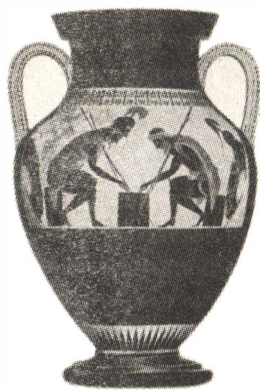
6

1. Кольцеобразная ваза из Кум. VIII—VII вв. до н. э.
2. Коринфский алабастр. VII в. до н. э.
3. Лутрофор из Аттики. VII в. до н. э.
4. Голова коня. Фрагмент амфоры из Веланидезы. VI в. до н. э.
5. Ваза «Франсуа». Вазописцы Клитий и Эрготим. VI в. до н. э.
6. Пирующие. Деталь росписи коринфского кратера. VI в. до н. э.

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

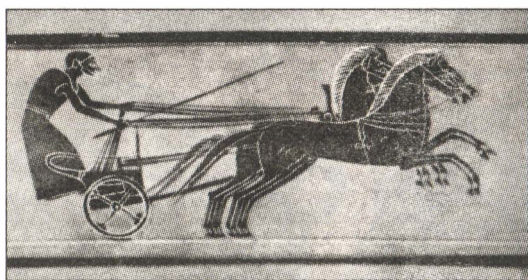
7

8

9

10

7. Эррисфей, прячущийся от Цербера. Роспись гидрии. VI в. до н. э.
 8. Ахилл и Аякс за игрой в кости. Амфора из Вульчи. Вазописец Эксекий. VI в. до н. э.
 9. Дионис в ладье. Килик. Вазописец Эксекий. VI в. до н. э.
 10. Скачки. Деталь росписи килика. Вазописец Ксенокл. VI в. до н. э.

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

1

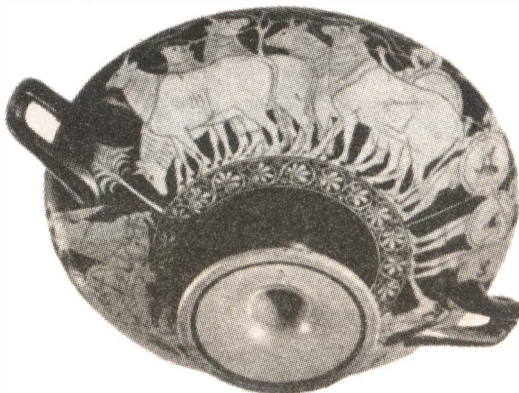
2

3

4

5

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

6

7

8

9

10

1. Музыцирующий юноша. Роспись килика из Аттики. VI в. до н. э.
2. Зевс в борьбе с Тифоном. Роспись гидрии из Вульчи. VI в. до н. э.
3. Прыгуны. Деталь росписи наружной стороны килика. VI в. до н. э.
4. Менада. Деталь росписи амфоры из Вульчи. Вазописец Клеофрада. VI в. до н. э.
5. Прекрасный Леагр. Роспись килика из Вульчи. Вазописец Евфроний. VI в. до н. э.
6. Последствия симпосия. Роспись килика из Вульчи. Вазописец Брига. VI в. до н. э.
7. Эос с телом Мемнона. Роспись килика из Капуи. Вазописец Дурис. V в. до н. э.
8. Изготовление гермы. V в. до н. э.
9. Менада. Вазописец Брига. V в. до н. э.
10. Дионис и Ариадна. Роспись килика из Нолы. IV в. до н. э.

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

ВАЗЫ И ВАЗОПИСЬ

7

8

9

10

11

1. Килик с изображением сатира и менад из Вульчи. Вазописец Брига. V в. до н. э.
2. Ритон в виде головы девушки из Тарквинии. Мастер Харин. V в. до н. э.
3. Сафо и Алкей. Сосуд для вина из Агригента. Вазописец Бриг. V в. до н. э.
4. Прощание воина. Роспись стамноса из Вульчи. Мастер Клеophon. V в. до н. э.
5. Панафинейская амфора из Токры. V в. до н. э.
6. Тезей и греки, борющиеся с амазонками. Роспись лекифа из Кум. Вазописец Эсон. V в. до н. э.
7. Белофонный лекиф из Эретрии. V в. до н. э.
8. Сатур и менады. Роспись кратера из Липари. IV в. до н. э.
9. Пелей и Фетида. Роспись пелики из Камираса. Мастер Марсия. IV в. до н. э.
10. Блюдо с изображением девушки и эротов из Руво. IV в. до н. э.
11. Отправление Триптолема в Элевсин. Роспись кратера из окрестностей Бари. IV в. до н. э.

приняла душа от созерцания богов во время совместной жизни с ними. Таким образом, истина, красота и прочее есть лишь слабое отражение существовавшего когда-то об этом представления — идеи. Свои занятия Платон вел в Академии — прекрасном здании в одном из предместий Афин, посвященном герою Академу.

26. Поход Кира Младшего (401 г. до н.э.)

Насколько Персидская монархия с ее разнородным населением была близка к своему падению, указывают раздоры, которые господствовали в самой царской семье. Младший Кир, по уму, силе характера и нравственным качествам достойный носить имя своего знаменитого предка, полагал, что он больше имеет прав на престол, чем его старший брат Артаксеркс. Для достижения своей цели Кир возлагал большие надежды на помощь греков и в особенности спартанцев, которых он поэтому и поддерживал так ревностно в конце Пелопоннесской войны.

Из спартанцев Киру дороже всех был друг Лисандра — Клеарх, который являлся даровитым военачальником. Кир посвятил его в свои планы. С помощью полученных от Кира денег Клеарх незаметно собрал для него в Херсонесе Фракийском, где он в то время вел войну с фракийцами, прекрасное и опытное войско из греческих наемников. Подобные же отряды явились и из других местностей, прельщенные с одной стороны высокой платой, с другой громкой славой име-

ни Кира, сумевшего приобрести всеобщее расположение своей обходительностью, щедростью и возвышенным образом мыслей.

Спартанский флот под начальством Самия направился к берегам Киликии, а полководец Херисоф с 700 гоплитами присоединился к сухопутному войску. В войске этом было около 13 000 греков и 100 000 азиатов. Сборным местом назначили город Сузы.

Ввиду трудности и опасности предприятия, которые могли напугать многих греков, Кир не решился сразу открыть им настоящую цель своего похода, но распустил слух, что предпринимает его против восставших писидян. Поступая таким образом, он имел в виду скрыть истинные свои замыслы и от властей Суз. Поход начался в марте 401 года. Весело двигались войска по равнинам Лидии и Фригии, направляясь к востоку. Наступление совершалось через города Колоссы, Келены, Иконион — к Тарсу. Здесь, в главном городе — Киликии, Кир произвел блестящий смотр всему войску в честь прекрасной супруги сатрапа Синесия, прибывшего к нему в стан с большой суммой денег. При виде проходивших греков в их медных шлемах, красных плащах, блестящих набедренниках, с устремленными вперед копьями, зрители преисполнились восхищением. Но когда греки по данному знаку сплошной фалангой при бранном клике и звуках труб быстро устремились вперед, то у зрителей и азиатских войск вырвался всеобщий крик ужаса. Киликийская принцесса в

страхе соскочила со своей колесницы и бросилась бежать, торговцы побросали свои товары и тоже разбежались. Вся эта сцена возбудила у греков громкий смех.

Но когда греки заметили, что Писидии остались далеко позади, они стали догадываться о действительной цели похода и отказались идти вперед. Тогда Клеарх в самых мрачных красках изобразил им трудности отступления, а Кир снова привлек их на свою сторону увеличением жалования и ложным заверением, что намерен воевать с враждебным ему сатрапом Сирии. Греки успокоились, и поход продолжался все более на восток до города Тамсака на реке Евфрате.

Когда сделаны были приготовления к переходу и этой реки, то о дальнейшем сокрытии цели предприятия не могло быть более речи. Но теперь было ясно, что, зайдя так далеко, не было уже возможности возвратиться назад без помощи Кира. Фессалиец Менон первым перешел реку со своим отрядом. Его примеру последовали остальные. Теперь направились Месопотамской равниной к Вавилону, чтобы помешать, если возможно, вооружениям Артаксеркса. Но Артаксеркс, получив от Тиссаферна известие о выступлении Кира, успел собрать из областей своего государства огромное войско.

Оба войска сошлись у Кунаксы, милях в десяти к северу от Вавилона. Боевые линии в своем протяжении были так неравны, что центр Артаксеркса далеко заходил за левое крыло Кира. На этом месте стояли Менон и начальник конницы — Арией. Кле-

арх, который командовал правым крылом, бросился на находившийся против него левый фланг неприятеля и обратил его в бегство. В то же время неприятельский центр, где был сам Артаксеркс и Тиссаферн, напал на греков. Чтобы прикрыть их, Кир бросился со своей конницей в ряды неприятеля. Вдруг он увидел перед собой своего брата. С криком: «Я вижу его», он кинулся на брата и, пробив мечом панцирь, нанес Артаксерксу рану в грудь (рану эту впоследствии залечил врач Ктесий). Но в ту же минуту сам Кир, раненный дротиком в глаз, упал с лошади и был убит. Увидав его мертвым, персидские войска обратились в бегство, оставив свой лагерь на разграбление неприятеля. Затем Тиссаферн напал на греков. Но греки дали победоносный отпор, и нападающие обратились в бегство. Клеарх со своим войском спокойно вернулся в лагерь. Только на следующее утро греки узнали о смерти Кира. Положение их было опасным. Только смелость и решительность могли спасти их. Послам царя, потребовавшим сдачи оружия, Клеарх, принявший главное начальство, с гордостью отвечал: «Как друзья царя, греки нуждаются в своем оружии, чтобы иметь возможность служить ему; в качестве же врагов они нуждаются в оружии, чтобы сражаться против него». Вопрос о том, что надлежало теперь делать, был скоро разрешен принятием предложения Аридея, который вызвался провести греков домой другой, немного более дальней, но зато безопасной дорогой. Отступление по другому пути, вследствие недостатка

жизненных припасов, было невозможно, в особенности ввиду приближавшейся зимы. И вот греки снова выступили в поход и направились против неприятеля. Это до такой степени напугало последнего, что Артаксеркс на следующее же утро предложил перемирие. На происходивших по этому случаю переговорах Клеарх решительным и уверенным тоном настолько сумел внушить послам уважение к своей особе, что Артаксеркс подарил грекам богатые запасы пшеницы, пальмового вина и фиников. Тиссаферн лично явился к грекам и уверил их в благоволении к ним царя. Вместе с тем он объявил, что имеет приказание сопровождать греков до самой Ионии, если они обяжутся во время похода по областям воздерживаться от всякого насилия и платить за все наличными деньгами. Клеарх согласился, и договор был торжественно заключен и утвержден обращенными к богам клятвами. Но скоро обнаружилось скрывавшееся за ним коварство. Тиссаферн явился со значительным войском для прикрытия греков. Первым делом его было отделить от них Ариея с его отрядом. Таким образом, три главных отряда Клеарха, Тиссаферна и Ариея выступили в поход, разобщенные друг с другом и не без недоверия один к другому. Пошли далее через Тигр и дошли до реки Цаб. Взаимные несогласия сделались нестерпимы. Тогда Клеарх отправился к Тиссаферну для открытых объяснений. Объяснения эти приняли с обеих сторон мирное направление. Было высказано обоюдное доверие, и Тиссаферн пригласил Кле-

арха приехать к нему снова на другой день со своими главными предводителями и другими начальниками, чтобы разыскать и устранить истинных разрушителей мира. Клеарх совершенно справедливо полагал, что виновником всех несогласий не мог быть никто иной, как коварный фессалиец Менон, и заранее радовался скорому изобличению клеветника. Но едва Клеарх вошел с четырьмя другими военачальниками в шатер Тиссаферна, как они были схвачены и закованы в цепи; оставшиеся перед шатром начальники и около 200 простых воинов были умерщвлены. Затем пленных привели к царю, который приказал казнить их за исключением изменника Менона. Последний был умерщвлен после годичного тюремного заключения.

Ярость греков на вероломство сатрапа была безгранична. К этому присоединилось тревожное опасение вследствие наступившего отчаянного положения. Они находились на расстоянии 300 миль от ионических берегов, окруженные неприятелем, без надежного проводника и опытного военачальника. Но в эту минуту выступил из ряда афинянин Ксенофонт, который участвовал в походе в качестве волонтера, и своей речью к вождям вновь вдохнул в греков упавшее у них мужество. После этого Ксенофонт при воодушевленных восклицаниях был избран главным военачальником. По его совету, чтобы не дать спартамцам повода к зависти, престарелый спартанец Херисоф был назначен начальником авангарда, сам Ксенофонт принял на себя командование арьергардом, а Клеанор

должен был прикрывать фланги. Затем сожгли все повозки, палатки и всю поклажу. Оставив только самое необходимое, чтобы ничто не затрудняло движения, решили во избежание новых обманов не вступать ни в какие переговоры. Наконец составили небольшой отряд всадников и стрелков, в обязанности которого входило держать на почтительном отдалении постоянно тревожившего греков неприятеля.

После перехода через реку Цаб Ксенофонт, непрерывно сражаясь с дикими горными жителями и коварными сатрапами, повел греческие войска через быстрые потоки и снеговые горы, через области кардухов (курдов), армян и халибов и привел их к Черному морю, при виде которого они подняли крик: «Таласса, Таласса!» (море). Победив калхидян, греки в числе 8600 человек из 10 000 достигли первого греческого города Трапезунта, где и выразили свою радость жертвоприношениями и гимнастическими играми.

Но греков ожидали еще многие испытания, которые происходили частью вследствие их собственных несогласий, частью вследствие коварства Фарнабаза и спартанских навархов Анаксибия и Аристарха. Наконец, Ксенофонту удалось найти убежище всеми покинутым и окруженным отовсюду врагами грекам. Они поступили на службу к фракийскому владетелю Севфу, который с их помощью вновь завоевал отцовское наследие. По истечении месяца им было предложено спартанскими посланцами служить в качестве наемников под начальством

Тимброна, предводившего войсками в только что начавшейся войне между Спартой и Персией. За поступление со своим отрядом в спартанскую службу Ксенофонту пришлось заплатить изгнанием из Афин. Мы находим его в Азии у Агесилая, с которым он очень подружился. Когда Агесилай был отозван из Азии, Ксенофонт вернулся с ним в Грецию и сражался в битве при Коронее против фиванцев и афинян. Затем он удалился в Спарту и получил от спартанцев поместье в Скилле, близ Олимпии, в отнятой у элийцев области. Здесь Ксенофонт занимался земледелием, охотой, коневодством и составлением большей части своих исторических сочинений. За испытанную им неблагодарность он был отчасти вознагражден тем, что на Олимпийских играх имя его было провозглашено как имя победителя. Таким образом, правдивый голос всей Греции, возвысившись над крамолами партий и своекорыстными страстями, воздал заслуженную хвалу подвигу, который прославил более чем когда-либо прежде превосходство греческого духа и мужества над Азией. Ксенофонт умер в Коринфе в 354 или 353 году.

27. Борьба Спарты с Персией (400—394 гг. до н.э.)

В Спарте положение дел было не лучше, чем в Афинах. В ней постепенно образовалась олигархия, которая с такой суровостью угнетала неполноправных граждан, что возбудила их к восстанию под предводительством

некоего Кинадона против так называемых гомойев — полноправных. Хотя Агесилай и подавил восстание в самом его зародыше, тем не менее незаглушенная злоба кипела в сердцах периэков и илотов. Они, по выражению Ксенофонта, «не могли думать ни об одном гомое без желания растерзать его собственными зубами».

Такое же неудовольствие внушало господство спартанцев и в других государствах, зависевших от Спарты, ибо господство последней было еще ненавистнее прежнего, афинского. Афины, господствуя над островами и городами, в то же время доставляли им большие выгоды своей торговлей. Дела приняли совсем другой оборот при спартанских гармостах, которые помышляли только об удовлетворении своего корыстолюбия. Вследствие этого власть Спарты в зависевших от нее государствах была сильно поколеблена.

Всемогущая олигархия, главным орудием которой был совет эфоров, постепенно отодвигала на задний план царскую власть. Даже Агесилай вынужден был считаться с желаниями олигархии и заискивать у эфоров и геронтов. Хотя как царь он и стоял по своему положению выше эфоров и геронтов, но для того, чтобы спорами с ними не умалять верховной царской власти, он ничего не делал, не советовался с ними предварительно, и поддерживал подарками дружеские с ними отношения.

Агесилай вступил на престол после устранения своего племянника Леотихида с помощью Лисандра, который

желал воспользоваться хромоногим и, по-видимому, неспособным Агесилаем для своих собственных честолюбивых планов (отмены наследственной царской власти). Отличаясь достоинствами истинного спартанца доброго старого времени, Агесилай правил государством твердой рукой и придал новый блеск царской власти. Но замыслы его далеко не ограничивались господством над одной только Грецией. Ему очень хотелось предпринять поход против Персии во главе спартанского войска.

Как раз в это время Тиссаферн готовился наказать греко-азиатские города за помощь, оказанную ими Киру. Тогда города эти обратились за помощью к Спарте. Просьба их была принята с величайшей готовностью. Сперва Фиброн привел к ним вспомогательное войско, которое состояло из 1000 лакедемонян (спартанцев), 4000 пелопоннесских союзников и 300 афинян. Но после победы в Мизии Фиброн был обвинен хитрым Деркилидом в том, что допустил свои войска разграбить греческие города, и был отрешен от должности в 399 году. Деркилид сумел благоразумно воспользоваться завистью и несогласиями, существовавшими между сатрапами Фарнабазом и Тиссаферном, чтобы обессилить их обоих. Он счастливо продолжал войну и в 8 дней взял 9 городов. Деркилид принудил Фарнабазу заключить с ним перемирие, к которому присоединился и Тиссаферн, помирившийся в это время с Фарнабазом. Тиссаферн, конечно, решился на это с обыкновенным сво-

им коварством, чтобы иметь время как следует вооружиться.

Но прежде чем Тиссаферн успел закончить свои вооружения, в Азию явился с новым войском Агесилай (в 396 г.). Своей главной квартирой Агесилай избрал Эфес. Лисандр, хотя и не был главным военачальником, тем не менее надеялся с помощью своих прежних друзей в среде олигархов снова достигнуть прежней власти, а Агесилая отодвинуть на второй план. Но Агесилай выказал гораздо большую самостоятельность, чем ожидал Лисандр. Увидев, что все стремятся к всецельному Лисандру, Агесилай решительным поведением дал ясно понять своему другу и окружающим лицам, что не намерен играть второстепенную роль. Он оставался без всякого внимания все представления, просьбы и советы, предлагаемые ему Лисандром. Униженный и разочарованный в своих надеждах, Лисандр в скором времени удалился в Геллеспонт.

По окончании перемирия Тиссаферн потребовал, чтобы Агесилай со своими войсками очистил Азию, а сам, заключая из приготовлений Агесилая, что тот хочет напасть на Карию, повел свое войско к Маиандру. Но Агесилай хотел только обмануть Тиссаферна. Внезапно он направился во Фригию против Фарнабаза и вернулся в Эфес с огромной добычей. Недостаток в коннице, оказавшийся весьма чувствительным во время этого похода, задержал дальнейшие действия Агесилая на всю зиму.

Весной 395 года повторился обман предыдущего года. В то время как

Тиссаферн снова ожидал Агесилая в Карию, тот неожиданно вторгся в Лидию и беспрепятственно прошел до Сард. Хорошо подготовленная и тактически обученная конница, поддержанная в решительную минуту пехотой, нанесла полное поражение персидской коннице (персидская пехота находилась еще в Карию). Теперь ничто уже не могло препятствовать спартанскому царю опустошить эту персидскую область. Таким образом, ближайшим следствием победы была богатая добыча в количестве 70 талантов.

Негодование персидского царя Артаксеркса обратилось против Тиссаферна. Мать царя Парисатида, которая поклялась отомстить сатрапу за то, что он был противником ее любимого сына Кира, раздувала, насколько возможно, гнев царя. И Тиссаферну пришлось заплатить за поражение головой. Упомянутый выше Арией захватил его в Колоссах и казнил. Преемник Тиссаферна Тифравст тотчас же обратился к Агесилаю с мирными предложениями, в силу которых все греческие города в Азии должны были получить свободу под условием платить прежнюю дань. Агесилай возразил, что не может решить этого дела, не посоветовавшись предварительно со своим правительством. Но вместе с тем он изъявил готовность заключить перемирие, если Тифравст даст ему 30 талантов для уплаты жалования войскам и не помешает напасть на область Фарнабаза. Тифравст согласился, и Агесилай прошел всю Фригию, предавая все грабежу и опустошению. После безуспешных

переговоров с Фарнабазом Агесилай направился в Троаду, намереваясь отсюда в следующем году двинуться внутрь Азии. Но в это время он получил из Спарты повеление вернуться в Грецию для спасения отечества от угрожавшей ему опасности.

28. Коринфская война (397—396 гг. до н.э.)

Повинуясь призыву отечества, Агесилай не без огорчения покинул Восток, где его военные действия являлись уже предвестием великой победы и великих завоеваний, и обратил свое внимание на Запад, где его народу угрожала большая опасность.

На этот раз гроза надвигалась из Беотии. Гегемония спартанцев и введенное ими олигархическое правление сделали повсеместно ненавистными. По этой причине Фивы, равно как и Коринф, чтобы не содействовать увеличению могущества Спарты, не участвовали в походе Агесилая в Азию. Мужество ожило и в Афинах, в особенности когда афинский гражданин Конон, непримиримый враг Спарты, бежавший после битвы при Эгос-Потамосе на остров Кипр, стал во главе персидского флота у острова Родос, чтобы захватить посланные туда для спартанцев египетские корабли с хлебом.

Да и персидское правительство постаралось везде усилить враждебное настроение против Спарты. Для достижения этой цели воспользовались подкупом. Родоолец Тимократ был послан с 50 талантами в Фивы, Коринф и Аргос, и его «золотая

стрела» проникла в ожесточенные сердца.

В это время между Спартой и Фивами готовилась вспыхнуть война. В одном пограничном споре между Опунтскими Локрами и фокейцами Фивы приняли сторону Локров. Тогда фокейцы обратились за помощью к Спарте. Лисандр, возвратившийся из Азии, с радостью приветствовал этот союз, который открывал ему новое поле деятельности и возможность приобретения новой славы. Он был послан эфорами в Фокиду с приказанием соединиться у города Галиарта с выступившим после него царем Павсанием и оттуда следовать с ним в Фивы. Узнав об этом, фиванцы заключили союз с афинянами и также направились к Галиарту, который после покорения Орхомена и Ливадии был осажден Лисандром. Приступ к Галиарту был отбит. Осажденные сделали вылазку, фиванцы в то же время напали на Лисандра и нанесли ему поражение, причем сам Лисандр был убит (в 395 г.). Павсаний прибыл уже после сражения. Не отваживаясь на новое нападение, он заключил перемирие, по которому получил тела убитых, взамен чего обязался очистить Беотию. В скором времени Павсаний, обвиненный правительством в трусости, а партией Лисандра в измене, вынужден был покинуть свое отечество. Только бегством удалось ему спастись от казни, которой угрожали ему спартанцы, разгневанные поражением.

Напротив того, враги еще более воодушевились победой. Коринф был назначен местопребыванием общего со-

юзного и военного совета и опорным пунктом для нападения на Пелопоннес.

Теснимая таким образом Спарта вызвала Агесилая из Азии. Оставив отряд в 4000 человек для охранения городов, он поспешно двинулся через Геллеспонт в Европу, прошел через Фракию и Македонию, разбил фессалийскую конницу, перешел Фермопильское ущелье и вступил в Фокиду и Беотию. Между тем спартамцам уже удалось разбить медленно двигавшихся союзников при Немее (в 394 г.). Но в том же году Конон, предводительствуя персидским флотом, нанес при Книде жестокое поражение спартанскому флоту, которым командовал зять Агесилая Писандр, причем пал и сам Писандр. Агесилай скрыл это поражение от своих войск, распустив слух о якобы одержанной победе, и воздал богам жертвоприношения.

При Коронее (авг. 394 г.) между Агесилаем и союзниками, в особенности фиванцами, произошло кровопролитнейшее сражение, в котором Агесилай хотя и одержал верх, но потерял столько людей, что не пошел дальше в Беотию, а двинулся в Фокиду, откуда морем вернулся в Пелопоннес.

Гораздо важнее сухопутных сражений были действия на море с тех пор, как им овладел Конон со своим флотом. Вслед за победой при Книде многие приморские города и острова снова отложились от спартанского союза, в особенности когда Конон убедил Фарнабаза, бывшего только по названию начальником персидского флота, объявить, что все греческие го-

рода, которые перейдут на сторону персов, получают свободу и самостоятельность. Затем Фарнабаз и Конон направились в Грецию, покорили Киклады, опустошили берега Лаконии и взяли остров Кифера. Фарнабаз, подкрепив союзников большой денежной суммой, возвратился в Азию. Со своей стороны Конон, также снабженный значительными денежными средствами, поспешил в Афины и восстановил разрушенные стены как в Афинах, так и в Пирее. Города изгнали ненавистных спартанских гармонов, и только Деркиллид удержал за Спартой Сест и Обидос, куда спаслись бегством большая часть изгнанных гармонов.

Положение Спарты сделалось чрезвычайно опасным. Надлежало во что бы то ни стало воспрепятствовать новому возвышению Афин. Для этого спартанская хитрость старалась отыскать в политике место, где бы можно было навредить афинянам. Спартамцы направили к Тирибазу, новому наместнику Сард, послов, и в их числе Анталкида, который отличался своим дипломатическим искусством. Он представил Тирибазу, что деятельность Конона направлена лишь к выгоде Афин, и в то же время предложил сатрапу самые выгодные мирные условия. В силу этих предложений греческие города в Малой Азии предоставлялись персам, а прочие государства, города и острова оставались независимыми. Условия эти настолько прельстили Тирибазу, что он заключил Конона в оковы, дал спартамцам денег на постройку кораблей и отправился к ца-

рю, чтобы склонить его на принятие спартанских предложений.

Но в то самое время как Тирибаз ехал в Сузы с самыми враждебными намерениями против Афин, персидский полководец Стругас напал на предававшегося в Азии грабежу спартанского военачальника Фиброна и разбил его, причем последний был убит (в 392 г.). Афиняне под предводительством Фразибула снова получили перевес в Геллеспонте, Халкедоне и Византии. Фразибул же вновь овладел Лесбосом. В скором времени Фразибул был схвачен и убит в городе Аспенде жителями этого города, возмущенными неистовствами его воинов.

Сухопутная война велась не таким определенным планом, как война на море. Она сосредоточилась в области Коринфа. Хотя союзники и потерпели значительное поражение при Лехее (в 392 г.), но афинянин Ификрат со своим наемным легковооруженным отрядом пельтастов (названных так по их маленьким щитам — пельтам) сумел неутомимой энергией и удивительным искусством не только поддержать «малую войну», но и нанести при Коринфе чувствительное поражение спартанским гоплитам. Так же счастливо сражался он и в Геллеспонте, куда был послан в качестве преемника Фразибула. Он разбил спартанского гармоста Анаксибия в Абидосе и снова доставил афинянам богатую таможенную пошлину. Но за помощь, оказанную отложившемуся от Артаксеркса кипрскому царю Эвагору, афиняне совершенно потеряли благосклонность персидского царя.

Лишив их всякой денежной поддержки, Артаксеркс снова принял сторону спартанцев. Анталкид благодаря сделанному им Тирибазу мирным предложениям получил у персидского царя самый радушный прием. Артаксеркс через Тирибазу разослал во все государства приглашения прислать в Сарды послов для переговоров о мире. Собравшимся здесь послам было прочитано вслух следующее царское послание: «Артаксеркс, царь персов, признает справедливым, чтобы греко-азиатские города и острова Клазомены и Кипр оставались у него в подданстве, а прочие города и все острова, как малые, так и большие, были бы свободны жить по своим собственным законам, за исключением Лемноса, Скироса и Имброса, которые должны оставаться во власти Афин. Кто не примет этих мирных условий, тех принудит принять их царь персов силою оружия». Насчет этих мирных условий у эллинов могло существовать одно лишь мнение, что первый пункт их — предоставление Малой Азии врагу нации — позорит честь греческого имени. Еще большую досаду возбуждало то, что второй пункт совершенно очевидно был составлен к выгоде одной только Спарты. Пелопоннесский союз под гегемонией Спарты не уничтожался, ибо спартанцы удерживали за собой принадлежавшие им города и государства, которые до этого были автономны. Мессения оставалась за спартанцами, между тем как Афины, Фивы и Аргос должны были совершенно или большей частью отказаться от гос-

подства над другими государствами. Но кто мог отважиться не присоединиться к приговору персидского царя? Продолжительная братоубийственная война истощила все силы: поля были опустошены, жители разорены, торговля и мена пали. Повсюду чувствовалось такое страстное желание мира, что при притупленном и без того национальном чувстве было весьма легко побороть в себе такие тягостные размышления.

29. Фиванская гегемония (379—362 гг. до н.э.)

Условия Анталкидова мира были строго приведены в исполнение не только в области Пелопоннесского союза, но и во всей остальной Греции. Союзы государств были уничтожены, и Греция распалась на множество независимых, самоуправляемых, но мелких и поэтому слабых государств. Внешне Греция казалась успокоенной. Но внутри, в отдельных городах, с возвращением множества беглецов раздоры партий возобновились с новым ожесточением. Со своей стороны спартанцы под видом охранения мира хотели иметь предлог вмешиваться во всякие жалобы и ссоры в качестве третейских судей. Как понимали спартанцы в этом отношении свою роль, выказалось тотчас же при первом опыте в обращении с Мантинеей в Аркадии (в 385 г.). Республика эта при всяком удобном случае выказывала к Спарте свое отвращение и в особенности в последнее время не могла скрыть своего злорадства при победе Ификрата над спартанскими гоплитами. Лозунгом

Спарты сделалось теперь мщение. Мантинеянам было предписано срыть свои городские стены, когда же они отказались выполнить это требование, то город был окружен Агесилаем и вынужден был покориться. Стены были срыты, а жители должны были покинуть свой город и поселиться в пяти открытых деревнях. Вследствие этого политическое их значение было уничтожено.

Аргос был истощен последней войной. Коринф находился в полной власти всесильной спартанской партии. Таким образом, всякое сопротивление в Пелопоннесе являлось невозможным, и Спарта обратила уже свои смелые взоры за его пределы. На Халкидском полуострове греческая колония Олинф, усилившаяся торговлей, проявляла смелые стремления, невыносимые для спартанской гордости. Олинф изгнал царя македонского Аминта II из большей части его владений, присвоил себе род гегемонии над греческими городами в тех странах и подружился с соседними храбрыми и воинственными фракийцами. Пользуясь богатыми запасами корабельного леса и золотыми рудниками и рассчитывая на сильное войско вновь образованного Халкидского союза, Олинф намеревался распространить свое господство еще далее. Но город Аканф отказался присоединиться к союзу и отправил в Спарту послов с просьбой о помощи. Спарта с радостью согласилась и выслала войско против Олинфа. Прошло три года, прежде чем удалось принудить этот город к покорности (в 380 г. до н.э.). Хал-

кидский союз был уничтожен, Аминт получил обратно отнятые у него владения, а Олинф и другие завоеванные греческие города должны были присоединиться к Пелопоннесскому союзу.

Во время похода против Олинфа спартанский полководец Фебид, следуя с войском за братом своим Эвдамидом, совершил постыдное нарушение международного права. Когда он во время похода достиг Беотии и расположился на продолжительный отдых перед стенами Фив, в лагерь к нему явился предводитель спартанской партии в городе Леонтиаде и предложил овладеть замком Кадмеей. Нападение на замок врасплох было совершено в жаркий летний день (в 383 г.), когда улицы были безлюдны, мужчины были в народном собрании, а женщины присутствовали на празднестве в Кадмее. Женщины были взяты заложницами, а предводитель демократов Исмений был заключен в оковы. Остальные демократы под предводительством Пелопида успели спастись бегством в Афины. В Фивах было введено олигархическое правление, и во главе его стали Леонтиад и его единомышленник Архий, Филипп и Гипат. Хотя спартанское правительство и сделало вид, что недовольно насильственным поступком своего полководца и государственным переворотом Леонтиада, но легко дало убедить себя, что фиванцы только при олигархическом правлении могут быть надежными друзьями Спарты. С этим согласился и Агесилай, который при этом сослался на часто упо-

треблявшееся старинное правило — что выгодно государству, то и справедливо. Тогда без дальнейшего промедления признали новое правление в Фивах и для охраны его расположили в Кадмее гарнизон в 1500 человек. Для виду Фебид был присужден за свой своевольный поступок к денежному штрафу. Что касается Исмения, то он был обвинен Леонтиадом в государственной измене за то, что в качестве друга варваров (персов) принимал участие в войне против Спарты. Тогда Леонтиад и его партия, подобно бывшим 30 тиранам в Афинах, стали неистовствовать над своими противниками, прибегая к убийству, заточению в тюрьму и лишению имущества. Кто мог бежать, спасался бегством. Афины, хотя и могли предложить беглецам убежище, не были в состоянии оказать какую-либо открытую помощь, так как, лишенные союзников, не отваживались вступать в войну со всемогущей Спартой. Но подвиг Фразибула, спасшего Афины, послужил примером фиванским беглецам, которому они решились последовать.

Почти четыре года продолжалось в Фивах грозное правление тиранов, когда беглецы, воодушевляемые отважным призывом пламенного Пелопида, договорились между собой и приняли великодушное решение пожертвовать своими жизнями для избавления родного города от тирании. С этой целью они вошли в соглашение с единомышленниками в Фивах: с Филлидом, Хароном и Георгидом. Возглавил заговор Филлид, который мог с успехом выполнить эту роль, по-

тому что состоял тайным советником при обоих полемархах — Архии и Филиппе. В тот вечер, когда положено было исполнить замысел, Филлид должен был пригласить к себе на пир обоих полемархов, а Харон назначил свой дом сборным местом заговорщиков. Со своей стороны изгнанники, которые должны были явиться на помощь к своим единомышленникам, условились с ними, что большая часть их (300—400 чел.) соберется на границе Беотии, а двенадцать, в том числе Пелопид и Меллон, поспешат в Фивы, чтобы сначала умертвить ночью фивских тиранов.

Переодевшись крестьянами и взяв с собой собак и охотничьи принадлежности, двенадцать заговорщиков отправились в Фивы. В сумерки разными воротами проникли они в город и поодиночке вошли в дом Харона. Здесь провели они ночь в ожидании следующего дня. Прежде всего должны были быть убиты Архий и Филипп, пировавшие в это время в доме Филлида. В то время как заговорщики ожидали с душевным беспокойством в доме Харона, последний был позван к полемархам, которые обратились к нему с вопросом, правда ли, что в городе находятся заговорщики. Харон успокоил их и обещал обстоятельно исследовать это дело.

Вслед за тем от главного жреца в Афинах к олигарху Архию прибыл голец с письмом, в котором разоблачался план заговора. На замечание посланца, что в письме содержатся чрезвычайно важные известия, пьяный Архий сказал: «Оставим серьезные дела до завтра».

Вскоре в дом Филлида явились Харон, Меллон и прочие заговорщики, переодетые в женское платье. Филлид предложил полемархам пригласить прекрасных женщин. Войдя в залу, заговорщики выхватили мечи и поразили Архия и Филиппа. Вместе с ними пал и смотритель храма Кабэрих, бросившийся с мечом на заговорщиков. Между тем Пелопид и Кефисодор взяли на себя трудное дело справиться с Леонтиадом, человеком сильным и мужественным, в его собственном доме. Когда на их стук отворились двери, они ворвались в дом, повалили слуг и поспешили в спальню Леонтиада. Тот бросился к дверям и поразил Кефисодора. Но Пелопид, несмотря на полученную им рану, повалил Леонтиада на пол и убил его. Гипат пытался спастись бегством, но его также настигли и убили.

Затем заговорщики отправились в темницу, освободили находившихся там 150 узников, отправили гонцов за границу к своим сподвижникам и в Афины и провозгласили на улицах и торговой площади, что тираны убиты, а город свободен. В городе поднялся шум: одни ликовали, другие пришли в смятение. Но Эпаминонд, Горгид и остальные соучастники заговора постарались восстановить в городе порядок и спокойствие.

На следующее утро было созвано народное собрание. Меллон, Харон и Пелопид были назначены союзными начальниками. Они тотчас же собрали войско, осадили крепость и находящийся в ней гарнизон. Им удалось принудить гарнизон к сдаче прежде,

чем спешившее к нему на выручку спартанское войско достигло границ Беотии. Спарта осудила на смерть двух гармостов за то, что они не дождались прибытия посланных им на помощь войск, а третьего наказала денежным штрафом и изгнанием из Пелопоннеса. Став снова свободными и опираясь на Пелопида и Эпаминонда, Фивы устремились к достижению гегемонии не только над Беотией, но и над всей Грецией.

Пелопид был знатного происхождения, владел большим состоянием, был горячим патриотом и ненавидел надменные притязания Спарты. Излюбленным полем его деятельности была палестра (школа гимнастики), воинские упражнения и жизнь на войне. Эпаминонд также происходил из благородного рода, но был беден и никогда не пользовался случаем к обогащению. Он также прилежно посещал палестру, но любимым его занятием были беседы с философами, в особенности с пифагорейцем Лисисом. Высокое образование Эпаминонда, его скромность и воздержание, справедливость и возвышенный характер в соединении со свободой в обращении, патриотизмом, храбростью и военными дарованиями ставят его в ряд с величайшими людьми эллинской истории. Пелопид и Эпаминонд были связаны неразрывными узами дружбы, и единственным предметом их соперничества могло быть величие отечества. В войне со Спартой им представился случай показать это.

Получив известие об освобождении Фив заговорщиками, спартанский

царь Клеомброт поспешил с войском в Беотию, но нашел крепость Кадмею уже занятой. После нескольких незначительных стычек он вернулся в Пелопоннес, оставив в Беотии часть войск под начальством феспийского гармоста Сфодрия. Между тем фиванцы не только занимались оборонительными сооружениями вокруг города, но и старались усилить себя союзами с другими городами и в особенности с Афинами. Но афиняне колебались. Одна партия отвергала всякие враждебные действия против Спарты, другая была готова оказать всякое содействие освобожденным Фивам.

Положение дел быстро изменилось, когда Сфодрий, соблазненный предшествовавшим поступком Фебиды и в подражание ему, выступил ночью из Феспий и вторгся в Афинскую область с намерением напасть на не вполне еще укрепленный Пирей. Но он успел дойти только до Элевсина; здесь его застал рассвет, и он возвратился, опустошив и разорив Аттику. Афиняне пришли в негодование, и старая вражда к Спарте пробудилась с новой силой. Когда же узнали, что в ответ на жалобу афинян последовало полное оправдание Сфодрия, то фиванская партия одержала полнейший перевес. Союз с Фивами был немедленно заключен.

Впрочем, все усилия Афин были направлены главным образом на восстановление своего флота. Они призвали все города и острова к отпадению от Спарты, обещая им взамен полную свободу и равноправие. На это воззвание с величайшей готовностью отозвались хиосцы, византий-

цы, родосцы, митиленцы и все города Эвбеи. Афины, больше всех ненавидевшие господство Спарты, были выбраны сборным местом всех союзников. Каждый из них получил голос в союзном совете, сделал соответствующий взнос, а Афинам было предоставлено ведение всего дела. На призыв отечества явились два искусных полководца: Хабрий и Тимофей, сын Конона. Тимофей с необыкновенным дипломатическим искусством привлек 24 города к новому Афинскому союзу.

Весной 378 года Агесилай принял первый поход в Фивы, но был побежден новой тактикой Хабрия. Хабрий приказал легковооруженным воинам опуститься на одно колено, упереть на него щит и, прикрыв таким образом свое тело, встречать неприятеля наклоненным копьем. Это новое построение привело Агесилая в такое изумление, что он не решился напасть, но с неудовольствием отступил в Феспию, а затем возвратился в Пелопоннес. Занявший его место в Феспии Фебид был заманен фиванцем Горгидом в засаду и разбит им. Безуспешен был и второй поход Агесилая в Беотию в 377 году. И заменивший Агесилая Клеомброт, который попытался взять приступом в 376 году Киферонский горный проход, вынужден был отступить, не достигнув цели. На горьком опыте пришлось убедиться Спарте, что храбрые воины есть не только у них. Теперь все свои надежды она перенесла на морскую войну. Но Хабрий в 376 году одержал блестящую победу при Наксосе над спартанцем Поллидом. Ти-

мофей разбил спартанский флот при Левкаде в Акарнании в 375 году. Когда же в довершение всего Хабрий присоединил к Афинскому союзу и греческие города на фракийском берегу, Ификрат произвел опустошительный набег на берега Пелопоннеса, а Пелопид, командуя «священным отрядом» (состоявшим из 300 соединенных между собой дружбой юношей) при Орхомене, разбил сильное спартанское войско, то Спарта почувствовала утомление от войны. Желание мира сделалось в Спарте всеобщим. Надежда встретить такое же желание в Афинах оправдалась. Вдобавок возникли распри между участниками нового союза. Кроме того, богатые афинские граждане были обременены денежными взносами на военные потребности, и все эти причины увеличили стремление к миру и побудили афинян вновь сблизиться со Спартой. В 371 году был заключен мир. Главным условием этого мира была совершенная независимость всех государств. Спартанцы обязались отозвать отовсюду своих гармостов и гарнизоны. Этому миру воспротивились только Фивы, понимая, что именно у них он отнимет власть над беотийскими городами. В собрании Эпаминонд беспощадно изобличал лицемерие спартанцев, говоря, что они пользуются условиями мира лишь в своих собственных интересах. Он сказал, что только тогда даст свободу городам Беотии, когда спартанцы освободят периеков. Агесилай после этого вычеркнул Фивы из числа союзников. Остальные послы приняли мирные условия и разъехались по домам. Со-

гласно желанию Спарты, все союзники отпали от Фив.

В июле 371 года спартанское войско под предводительством Клеомброта выступило против Фив, имея в своем составе 10 000 гоплитов и 1000 всадников. У Эпаминонда было 6000 пехоты и 400 всадников. Оба войска встретились при Левктрах. Столкновение было ужасно. В самом начале боя фиванская конница опрокинула спартанскую, которая, отступая, натолкнулась на свою пехоту. Произошло замешательство. Этим воспользовался Пелопид и стремительно напал со своим священным отрядом. В то же время Эпаминонд двинул вперед свое левое крыло, построенное глубоким строем по 50 человек в ряду, чтобы нанести решительный удар. Правое крыло Эпаминонда было построено в косом порядке, чтобы иметь возможность в случае надобности направить его вперед или назад. Этот «косой» боевой порядок служил собственной защите. Спартанское войско не выдержало сильного натиска. Мертвые тела рядами громоздились друг на друга. Пали смертельно раненные царь Сфодрий и его сын Клеоним. Мужество покинуло спартанцев, они начали отступать и обратились в бегство. Разбитое войско просило через вестников о выдаче мертвых тел и о заключении перемирия для их погребения, что означало признание своего поражения.

Велико было смущение и горе в Спарте при известии об этом поражении. Но правительство и народ не изменили своему врожденному достоинству, и даже только что начавшееся

гимнастическое празднество не было прервано. Только вечером по домам разослали список убитых с приказанием воздерживаться от громких сетований. Вместо бесполезной скорби немедленно приступили ко всеобщему вооружению. Были вооружены все мужчины до шестидесятилетнего возраста и даже должностные лица, освобожденные ранее от военной службы. Но обстоятельства сложились так, что на некоторое время военные действия приостановились.

На собрании союзных городов при содействии в качестве третейского судьи тирана города Фер Язона было решено предоставить спартанцам возможность спокойно отступить в свое отечество. На этом возвратном пути спартанцы встретили вновь набранные войска под начальством Архидама. Возникло большое затруднение: спартанцы не знали, как при настоящих обстоятельствах соблюсти строгий древний закон, который требовал публичного лишения чести бежавших с поля сражения. Множество лиц подлежало такому наказанию, а между тем воины были чрезвычайно необходимы. Когда за разрешением этого затруднения обратились к Агесилаю, он воскликнул в собрании: «Оставьте на этот раз законы в покое!»

Мирное посредничество Язона только на время прекратило военные действия. Блеск победы при Левктрах придал бодрости всем противникам Спарты. Самым сильным воодушевлением был охвачен Пелопоннес. Многие города, утомленные спартанским игом, стали делать попытки при-

обрести самостоятельность. Жители Мантиней восстановили свой город, окружили его стенами и снова переселились в него из деревень, не обращая внимания на угрозы Агесилая.

Кроме того было решено соединить всю Аркадию в одно государство; столицей и местопребыванием его правительства был назначен вновь построенный город Мегалополь. Здесь должны были происходить все собрания представителей городов и деревень Аркадийского союза и решаться все вопросы, касающиеся управления и правосудия.

Чтобы воспрепятствовать осуществлению этого замысла, Агесилай вторгся со спартанским войском в Аркадию. Но жители Аркадии призвали на помощь Фивы. Эпаминонд и Пелопид повели войско в Пелопоннес. Хотя при своем прибытии они уже не застали здесь Агесилая, желание положить конец владычеству Спарты было так велико, что Эпаминонд и Пелопид с 70 000-тысячным войском перешли окружающие Лаконию горы и вступили в область Спарты. В течение пяти столетий ни одна вражеская нога не ступала на эту землю. Спартанцы преисполнились ужасом при виде поднимавшихся облаков пыли, который обличал приближение неприятеля, опустошавшего все на своем пути огнем и мечом. Агесилай явился спасителем своего родного, лишенного стен города. С мужеством и благоразумием приступил он к организации обороны. Были призваны все свободные мужчины, способные носить оружие. Агесилай также вооружил 6000 илотов, обещав им за

это свободу. Это был рискованный шаг. И действительно, вскоре илоты взбунтовались, и только решительные меры, предпринятые бдительным Агесилаем, позволили подавить бунт в самом его начале. Хотя Эпаминонд и пытался взять приступом высоты, господствовавшие над Спартой, но безуспешно. Узнав о приближении войск, спешивших на помощь из Сикиона, Эпидавра и Коринфа, он отступил и затем ограничился тем, что разорил всю Лаконию и уничтожил даже корабельную верфь в Гифии. Теперь наступило время, когда он получил возможность осуществить давно лелеянный им план восстановления Мессении. Послы его отовсюду спешили призвать к возвращению на родину рассеянных потомков древних мессенцев. Многие из них отозвались на призыв Эпаминонда, собрались в страну своих предков, соединились с массой бежавших из войска илотов и периеков и построили у подошвы горы Итомы новый город Мессению, который сделался местопребыванием правительства самостоятельного государства.

Восстановлением независимого мессенского государства, присоединившегося к враждебным Аркадии и Аргосу, Эпаминонд нанес Спарте смертельный удар.

На обратном пути Эпаминонд столкнулся с афинским отрядом под командованием Ификрата, но искусно обошел его и благополучно вернулся в отечество. Здесь его ожидал неутешительный прием. Низкие завистники, во главе которых находился народный оратор Менеклид, обвини-

ли Эпаминонда и Пелопида в том, что они пробывали в звании виотархов больше установленного законом срока. Эпаминонд принял всю вину на себя, явился в суд и с достоинством сказал: «Закон обвиняет меня. Хорошо, я заслуживаю смерти. Но требую, чтобы на моей могиле вы написали следующее: «Фиванцы казнили Эпаминонда за то, что он при Левктрах повел их на лакедемонян, которым они прежде не смели показаться на глаза, и доставил над ними победу, за то, что спас отечество, осаждал Спарту, которая почла себя счастливой, избегнув своего падения, и за то, что он построил Мессену и окружил ее крепкими стенами». Пристыженные судьи удалились один за другим, даже не попробовав что-либо возразить Эпаминонду.

Против Аркадийского союза и мессенского государства, возникших благодаря победоносным действиям Фив, восстали многочисленные враги. К спартамцам присоединились афиняне, побуждаемые завистью к Фивам, ахейцы, сикионяне и коринфяне. Вследствие этого Эпаминонду пришлось предпринять второй поход в Пелопоннес. С войском из 8000 гоплитов ему удалось прорвать неприятельскую линию на перешейке, состоявшую из 20 000 человек, и восстановить уничтоженную было связь с Аркадией и Мессенией.

Между тем Пелопид перенес фиванское оружие и на север, где он явился решителем всевозможных споров. Так, он играл роль третейского судьи между враждовавшими соискателями македонского престола и в

обеспечение мира взял с собой в Фивы в качестве заложника юного Филиппа, будущего царя Македонии. Вскоре новые замешательства вызвали Пелопида в Фессалию, где Александр, тиран Ферский, свирепствовал с бесчеловечной жестокостью. Призванные на помощь преследуемыми, Пелопид и Исмений отправились в качестве послов ко двору Александра, но были схвачены и заключены в темницу. Для освобождения их фиванцы отправили войско, в котором Эпаминонд, не выбранный более в виотархи по окончании срока занятия им этой должности, служил простым воином. Под предводительством других виотархов войско чуть было не потерпело поражение от Александра. К счастью, воины единогласно избрали Эпаминонда своим начальником. Он спас войско, появился перед воротами Фер и принудил тирана немедленно освободить пленных (367 г.).

Эти внутренние раздоры дали иностранным государствам повод к вмешательству. Сами греческие государства искали благосклонности персидского царя Артаксеркса Мнемона. Афины и Спарта отправили послов в Сузы, туда же поспешил и Пелопид со стороны Фив. Каждое из этих государств домогалось получить от царя выгодное право посредничества. Пелопид поведением и дипломатическим искусством изобразил в самых блестящих красках настоящее могущественное положение Фив и настолько сумел отодвинуть остальных послов, что право посредничества было предоставлено Фивам. Постановление об этом гласило: «Все греческие государ-

ства, в том числе и Мессения, признаются независимыми. Афиняне обязуются отозвать свой флот и отказаться от своего господства на море. Не желающие же подчиняться этому решению должны быть принуждены к этому силой оружия».

Приведение в исполнение этого мирного договора и право решать споры в качестве третейского судьи было предоставлено фиванцам. Весной следующего года для выслушивания условий мирного договора и для клятвенного их утверждения были созданы в Фивы уполномоченные всех греческих городов. Но здесь обнаружилось, как мало еще укрепилось значение Фив, несмотря на недавние их победы. Послы отказались утвердить мирный договор, посол же аркадян Лакомед утверждал, что место собрания должно быть там, где происходила война, а именно в Аркадии. Собрание разошлось, не придя ни к какому соглашению, и война снова возобновилась.

И третьим походом в Пелопоннес, направленным в Ахайю, не удалось Эпаминонду утвердить порядка. Напротив того, внутренние неурядицы в государствах повсюду еще более усилились. Дикие и суровые аркадяне после смерти Лакомеды доказали, что они не способны еще играть столь смело принятой ими на себя важной роли. Вместо того чтобы действовать в общем единодушном согласии, отдельные города союза терзали друг друга в кровавых расприх. Мантиней и Тегея, стремясь каждая завладеть Мегалополем, вступили во вражду между собой.

Между аркадянами и жителями Элии вспыхнула открытая война. В Олимпии во время спортивных игр обе стороны вступили в вооруженную схватку. Между тем Фивы лишились одного из своих великих руководителей — Пелопида. В одном сражении с Александром Ферским, преследуя в азарте обратившегося в бегство тирана, он слишком оторвался от своих и был поражен копьем одним из телохранителей Александра (364 г.). Но еще бодрствовал великий дух Эпаминонда. Для того чтобы уничтожить господство афинян на море, Эпаминонд построил 100 кораблей и убедил Хиос, Родос и Византию отложиться от Афин. Теперь он сознавал необходимость ввести порядок в запутанные отношения Пелопоннеса и упрочить за Фивами положение между тамошними союзниками. Он вступил в Пелопоннес с войском, усиленным фессалийцами и эвбеянами. Аргос, Сикион, Мессена, Мегалополь и Тегея присоединились к нему. Эпаминонд расположился у последнего из этих городов. Противники, подкрепленные афинянами, находились у Мантиней и ожидали прибытия спартанского отряда под начальством Агесилая. Эпаминонд, узнав о выступлении Агесилая, пошел прямо на Спарту. Но Агесилай, получив об этом известие от одного перебежчика, уведомил о том своего сына Архидама, приказав ему укрепить город, а сам поспешил с конницей форсированным маршем к Спарте. Хотя Эпаминонд проник до городской площади, здесь его встретили

находившиеся под начальством Агесилая и его сына готовые на отчаянный бой спартанцы и остановили его. Тогда Эпаминонд выступил в обратный путь и направился к Мантинее, чтобы напасть на стоявшее там неприятельское войско. Победа была необходима, чтобы загладить стыд отступления от Спарты и ободрить воинов. Нападение было совершено с величайшим ожесточением. С самого начала предводимое самим Эпаминондом крыло обратило неприятеля в бегство. Он преследовал его с излишней запальчивостью и был поражен в грудь дротиком. Дерево выпало, но железное острие осталось в груди. Когда Эпаминонда принесли в стан, врачи объяснили, что он умрет тотчас, как вынут железо из раны. Прижимая рану рукой, он попросил принести свой щит. Его просьбу исполнили и объявили о победе фиванцев. «Хорошо, — сказал он, — итак, я довольно прожил. Позовите Диафанта и Иоллида». Ему отвечали, что оба храбрые полководцы убиты. «О, в таком случае посоветуйте фиванцам заключить мир!» После этого Эпаминонд приказал вынуть железо из раны. В эту минуту один из неутешных его друзей воскликнул: «Ты умрешь, Эпаминонд! О, если бы по крайней мере после тебя остались сыновья!» На это восклицание, испуская последний вздох, Эпаминонд отвечал: «Я оставляю после себя двух бессмертных дочерей: победы при Левктрах и Мантинее».

Победа при Мантинее не принесла Фивам ожидаемых плодов. Все осталось в прежнем беспорядке и не-

решительном положении. Хотя и наступило спокойствие, но это было спокойствие изнеможения и следствие персидского посредничества. Но так как мир этот утверждал независимость Мессении, то Спарта не присоединилась к нему. Восьмидесятилетний Агесилай не мог примириться с мыслью мирно окончить дни свои в своем униженном родном городе. Эта мысль подвигла его на новую деятельность. Он надеялся, что милостивая судьба позволит ему сделать еще что-нибудь полезное для отечества. Смятение в Персидской монархии подавали Агесилаю сладкую надежду стяжать новую воинскую славу. Наместники безнаказанно восставали против персидского царя или воевали друг с другом, причем многократно пользовались услугами греческих наемных войск и предводителей.

Самой мятежной областью проявил себя в это время Египет. В то время как персы вели войну на острове Кипр против Эвагора, себенитский князь Нахтхор-Хлеб привел страну в оборонительное положение и набрал в Греции войско и предводителей. Главное начальство вверил он одному из знаменитейших наемных вождей — афинянину Хабрию. Хабрий занял твердую позицию на пелузийском рукаве Нила и укрепил ее окопами. Отсюда он наблюдал за всеми выходами из Сирии и овладевал всем, что приближалось к нему из пустыни. Артаксеркс Мнемон послал Фарнабаза с войском в 200 000 человек, но во главе его также поставил афинянина по имени Ификрат. В то

же время Артаксеркс настоял в Афинах на отозвании Хабрия из Египта. Сначала все шло хорошо. Египетские войска, охранявшие берега, были опрокинуты и открыли дорогу в Мемфис. Но медлительность Фарнабаза испортила все, что было так хорошо сделано Ификратом. Между тем Нахтхор-Хлеб оправился, совершенно разбил при Мендесе персов и принудил их к отступлению. Фарнабаз вновь отправился в Сирию, Ификрат отплыл в Афины, а Египет на четверть столетия освободился от персидского ига.

Нахтхор-Хлеб умер в 364 году. Его преемник Тахо пользовался каждым удобным случаем выказать свою ненависть к Персии. Он соединился с восставшими враждебными сатрапами Передней Азии и с 8000 египетских воинов, 10 000 греческих наемников и 200 кораблями бросился на Финикию. К этому Тахо отправился престарелый Агесилай и поступил к нему на службу, чтобы получить возможность отомстить Персии.

Но вместо того, чтобы назначить Агесилая главным командующим войсками, Тахо доверил ему лишь вспомогательные войска, что весьма оскорбило Агесилая. Едва Тахо высадился в Финикии, как в Египте, в тылу у него, вспыхнуло восстание, возглавленное неким Нахт-Небефом. Агесилай немедленно присоединился к Нахт-Небефу. Он примкнул к нему со своими войсками, помог победить Тахо и упрочил захваченную им власть. В награду за столь счастливую поддержку новый

царь подарил Агесилаю 250 талантов. С этими средствами Агесилай надеялся снова помочь своему отечеству при смутах, которые в это время охватили Пелопоннесе. Но на обратном пути Агесилай был выброшен бурей на ливийский берег. Здесь он умер на восемьдесят четвертом году своей жизни (361 г.), и с ним рушилась надежда Спарты восстановить прежнее свое положение в Пелопоннесе. Но и величие Фив со смертью Эпаминонда тоже пришло в упадок. Что касается Афин, то они, по словам одного современного государственного мужа, представляли только обломки того корабля, которым некогда правил Перикл. Греция лежала теперь бессильная, истекая кровью из тысячи ран, нанесенных неистовством партий и себялюбием. Не менее истощено и потрясено во всех своих основах было государство ее исконного, непримиримого врага — персов. Богатство Персии никого уже более не устрашало, а только привлекало к себе как добыча, но для нового оживления мира судьба уже предназначала царство, которое вмещало в себе спартанскую мощь и усвоило в фивских войнах необыкновенное военное искусство. Вместе с тем оно было достаточно сильно, чтобы покорить Грецию, овладеть персидской добычей и предоставить всем творческим силам более широкое поприще. Этим государством, до тех пор не только не обращавшим на себя внимание, но даже презируемым, была Македония. Ее возвышение связано с именем одного из величайших полковод-

цев всех времен Александра Македонского. С его завоеваний, преобразивших весь тогдашний мир, начинается новый период древней истории..

30. Филипп Македонский. Демосфен (359—336 гг. до н.э.)

Македония уже с давних пор, в особенности со времени Пелопоннесской войны, пришла в соприкосновение с Грецией. И в позднейших раздорах она также принимала участие. Греки считали македонян полуварварами. Македоняне жили большей частью в хижинах и занимались земледелием и скотоводством. Одевались они преимущественно в звериные шкуры и отличались довольно грубыми нравами. Греки презирали их также и за то, что они долгое время признавали над собой власть персов и всегда находились под управлением царей. Царь Архелай (413—399 гг.) первый попытался ввести в своей стране греческую образованность. Он пригласил к себе художников, поэтов, философов. При его дворе долгое время жил живописец Зевксид и поэт Еврипид. Он проложил в своей стране большие хорошие дороги и построил крепости. Войско свое Архелай преобразовал по греческому образцу. Когда Архелай был убит, в Македонии настало время кровавых смут и насильственного захвата власти. После смерти царя Аминта II в споры о престолонаследии вмешались Фивы. Пелопид поставил на престол старшего сына умершего ца-

ря, Пердикку III, младшего же, Филиппа, в качестве заложника взял в Фивы. В скором времени Пердикка III пал в сражении против илирийцев, и на престол вступил Филипп (360—336 гг. до н.э.).

Пребывание в Фивах, бывших средоточием тогдашней эллинской борьбы и родиной военного искусства, доставило царю Филиппу, одаренному необыкновенным умом, случай получить прекрасное образование. Пелопид и Эпаминонд послужили ему примером. В надлежащей же энергии у Филиппа не было недостатка. В выборе средств для достижения своих целей он не был разборчив и не стеснялся прибегать к коварству, нарушению данного слова, измене и подкупу. В отношении подкупа замечательно вошедшее в пословицу его выражение: «Осел, нагруженный золотом, перейдет через самую высокую стену».

Филипп вступил на престол при самых неблагоприятных обстоятельствах. Со всех сторон у него оспаривали все. Но переговорами и подарками он привлек на свою сторону пеониян и фракийцев, дружелюбием и предупредительностью обманул афинян, а блистательной победой над илирийцами распространил свои владения до озера Лихнита.

В этих битвах Филипп образовал тех храбрых воинов, которые впоследствии одержали ему блестящие победы. Введением фаланги он сделал свои войска непобедимыми. Этот знаменитый боевой порядок применялся, хотя и не с таким совершенством, еще Эпаминондом при Левктрах

и Антинее, его вид и действие производили такое ужасное впечатление, что впоследствии один римский полководец утверждал, что никогда в жизни не видал ничего величественнее и страшнее. Из македонской знати Филипп образовал многих способных полководцев.

Таким образом Филипп обладал страной, служившей ему исходным пунктом, и войском, готовым по его приказанию жертвовать своей силой и жизнью. Недоставало у него только денег. Но он получил их, когда ему удалось вновь овладеть берегами своей страны, занятыми греческими колониями, и приобрести богатые рудники в горах Пангейских. Предварительно Филиппу необходимо было завладеть господствовавшим в тех областях Амфиполисом. Он скоро нашел повод к ссоре, напал на этот город и овладел им. Теперь он приобрел твердый опорный пункт для дальнейших завоеваний.

Новоприобретенные рудники Филипп разрабатывал с такой энергией, что по удостоверению некоторых писателей они приносили ему ежегодно до 1000 талантов. Эти суммы, увеличенные еще доходами от налогов и пошлин, употреблял он частью на военные потребности, частью на подкупы, с помощью которых он устроил почти в каждом большом эллинском городе македонскую партию.

Лицемерное дружелюбие царя ввело в обман афинян. Но вскоре, когда Филипп изменой захватил и Пидну, они с ужасом заметили свое ослепление. Афиняне охотно бы обратились теперь против Филиппа, если бы в это

время не были заняты войной с отпавшими от них союзниками: Хиосом, Косом, Родосом и Византией. В этой союзнической войне (358—355 гг.), которая свирепствовала 10 лет и превзошла своими ужасами все предшествовавшие войны, борьба продолжалась с переменным успехом, пока Филомел, который действовал против превосходных сил неприятеля, не потерпел, вследствие собственной неосторожности, тяжелого поражения при Неоне (354 г.). Чтобы не попасть пленником в руки фиванцам, объявившим, что они будут казнить всякого участника в совершенном против богов преступлении, он бросился со скалы и погиб.

Оставшийся после него брат его Ономарх не смутился этим и продолжал войну. Беспощадно ограбил он оставшиеся еще в Дельфийском храме сокровища. Из меди и железа он приказал сделать оружие, а из золота и серебра отчеканить монету. Таким образом Ономарх получил возможность настолько увеличить жалованье своим войскам, что удалцы и искатели приключений, посвятившие себя чужеземной военной службе, стекались к нему толпами из всех греческих племен. Необыкновенная удача благоприятствовала предприятиям Ономарха. Он вторгся в Беотию, разбил фиванцев и отнял у них Коронею. Затем он победоносно вступил в Фессалию, тираны которой Ликофорн и Ферский надеялись с помощью фокийцев восстановить прежнюю свою власть. Притесненные фессалийцы обратились за помощью к Филиппу и вызвали его из северных областей, где он вел вой-

ну против господства Афин на море. В это время Филипп успел завоевать союзный с Афинами приморский город Мефону с целью постепенно проложить дорогу к весьма важному как для него самого, так и для афинян Геллеспонту. Хотя при осаде Мефоны Филипп был ранен стрелой в глаз, тем не менее он поспешил на призыв фессалийцев о помощи. Сначала, не ознакомившись достаточно с силой своего противника, он проиграл два сражения. Тогда он усилил войско до 20 000 пехоты и 3000 конницы и с этими силами одержал решительную победу в южной Фессалии. Войско Ономарха было совершенно уничтожено. 6000 человек было убито, а 3000 взято в плен. Остатки войска частично спаслись на афинском флоте, которым командовал Харес. Сам Ономарх погиб. Тело его, по приказанию Филиппа, было распято на кресте, а пленные, как грабители храма, были брошены в море. К прискорбному изумлению фессалийцев, Филипп выказал к собственным своим интересам не меньшее рвение, чем к оскорбленным богам. Так, он оставил за собой приморский город Пагасею, весьма важный по доходности взимаемых в нем пошлин, для своих дальнейших предприятий. Таким образом Филипп сделался фактическим властелином Фессалии.

Под предлогом нападения на разбитых уже фокийцев в их собственной области Филипп выступил из Фессалии и замышлял овладеть ключом к Греции — Фермопильским проходом. Но по настоянию оратора Демосфена афиняне заняли южный проход отря-

дом гоплитов из 5000 человек и 400 всадников под командованием Навсикла. К ним присоединились еще 1000 спартанцев и 2000 ахейн. Даже со стороны фокейцев явился под командованием Фаилла, брата Ономарха, вспомогательный отряд, радушно принятый афинянами.

Филипп не отважился напасть на такое сильное войско и отступил обратно в Македонию. Афины с недоверчивостью следили за его действиями, и было очевидно, что этот город сделается средоточием противодействия его честолюбивым замыслам. Задача Филиппа сделалась еще труднее с тех пор, как в Афинах выступил муж, который напомнил афинянам о старинном их призвании быть спасителями эллинской свободы, муж, разгадавший планы Филиппа и в своих речах постоянно доказывавший афинянам, что стремления царя направлены на уничтожение эллинской свободы и основание македонского владычества. Этот муж был Демосфен.

Демосфен происходил не из знатной афинской фамилии, как Кимон, Перикл, Фукидид и Алкивиад. Отец его был владельцем большой оружейной мастерской. Рано осиротев, Демосфен посвятил себя изучению красноречия в школе Исея. Впервые он выступил в судебном процессе против своих опекунов, захвативших имущество его отца. При произнесении своей первой речи в народном собрании Демосфен был освистан. Тогда его друг, актер Сатир, дал ему уроки дикции и мимики. С неутомимым прилежанием стал Демосфен изучать искусство красноречия. Имея

короткое дыхание и слабый голос, он решил исправить эти недостатки. Часто ходил он на берег моря, туда, где сильнее всего бывал морской прибой, и старался заглушить его шум своим голосом. Народное собрание, перед которым он должен был выступить, представлялось ему морем, бушующим, бурным и волнующимся вокруг оратора. Чтобы в таких условиях достигнуть своей цели, нужно было обладать необычайной смелостью и мощным голосом. Поэтому Демосфен наполнял рот камешками и старался говорить чисто и ясно. Он также поднимался на крутые горы и там произносил громким голосом длинные речи, чтобы приучить себя как можно дольше не переводить дыхания. Наконец он переселился в подземелье, где, отказавшись от всякого общения с людьми, стал неутомимо изучать перед большим зеркалом различные положения и движения тела и лица. Плутарх рассказывает, что Демосфен даже обрил себе часть головы для того, чтобы лишить себя соблазна покинуть свое уединение, и провел несколько месяцев в своей подземной пещере в неутомимых занятиях и размышлениях об ораторском искусстве.

При исполнении обязанностей народного оратора Демосфен проявил ту же твердость, какую выказал при подготовке к этой должности. Так, в то время, когда один из его главных соперников, сторонник Македонии Демад часто появлялся перед народом в нетрезвом виде и говорил без подготовки, хотя и с большим искусством, Демосфен, напротив того, отличался

строгой воздержанностью и, как некогда Перикл, всегда готовился к своим речам, про которые говорили даже, что они пахнут ночной лампой. Речи Демосфена отличались силой и убедительностью. Презируя всякое излишнее велеречие, он говорил только о сути дела. Предмет речи у него определялся ясно, мысли развивались остроумно, твердостью убеждения была проникнута вся речь, которая, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, была величественна и в то же время проста, серьезна и слушалась легко, сжата и плавна, приятна и убедительна.

При вступлении Демосфена на политическое поприще нравственное состояние народа было далеко не утешительно, все предвещало близкую катастрофу. «Афинские юноши проводили целые дни в домах флейтисток и гетер, пожилые люди предавались только игре в кости и подобным безнравственным занятиям. Для народа же гораздо важнее были общественные обеды и даровая раздача мяса, нежели заботы о государстве». Некоторые благородные граждане, с негодованием замечавшие, что управление всеми государственными делами отдано на произвол партий, а руководители народа стараются только потакать его страстям, отчаиваясь в возможности возрождения своего отечества, заботились лишь о сохранении в чистоте своих собственных добродетелей, а не об улучшении государственного управления. Хотя люди эти и не содействовали умышленно планам Филиппа, как то делали подкупленные изменники Эвбул, Де-

мад, Филократ, Стратокл и др., но они находили невозможным сопротивляться им и полагали, что завоевательная политика Филиппа не воспрепятствует свободному существованию их отечества.

Такого мнения держался и правдивый, но смотревший на все с идеальной точки зрения Фокион. Как человек, отличавшийся при всеобщей развращенности нравов строгой честностью и суровой нравственностью, он без сомнения заслуживает нашего внимания. «Никто, — говорит один древний писатель, — не видал, чтобы он когда-нибудь плакал или смеялся, и никто не встречал его в общественных банях — обычном месте собрания праздных афинян. В поле ходил он босиком и без плаща, когда же отступал от этого правила, то воины заключали, что холод должен быть очень силен. В народном собрании Фокион, известный своей безукоризненностью и благоразумием, был страшен для ораторов, ибо народ часто охотнее склонялся на его краткие решения, чем на длинные и искусные речи людей, подобных Демаду и Демосфену. Поэтому Демосфен, видя, как после произнесения им речи против него выступает со своим кратким возражением Фокион, иногда говорил: «Вот идет палач моих речей». Фокион верил, что он окажет величайшую услугу своему отечеству, если всеми силами будет отстаивать мир. Когда же противники его восторжествовали, а он сам выбран был главным военачальником, то с готовностью принял возложенное на него государством поручение и со всевоз-

можной осторожностью вел начатые против его желания предприятия. Действуя таким образом, он со славой предводительствовал в сорока пяти походах, ни разу сам на то не направляясь.

Другие, подобно Исократу и его приверженцам, заботились о благе всей Греции. Они с величайшей горечью замечали повсюду одни лишь войны, кровопролития, смуты, с прискорбием видели, сколько терпели азиатские греки от варваров и греческих искателей приключений — и Филипп являлся им в еще более привлекательном свете. Ввиду ослабления Афин и унижения Спарты они только на Македонию и на Филиппа возлагали надежду спасти Грецию и получить возможность наказать Персию.

Демосфен не разделял ни одного из этих двух мнений. Поддерживаемый своими друзьями, знаменитыми ораторами того времени Гиперидом, Ликургом, Гегезиппом и другими, он смотрел совсем с другой точки зрения на события своего времени. Исполненный ни в чем не сомневающимся духом, он надеялся вновь вдохнуть в заснувший народ мужественные чувства и воскресить в нем древние добродетели. Подобно Аристиду, Периклу и другим, заботясь более о благе государства, нежели о похвалах своих слушателей, Демосфен то говорил народу тоном ласкового поучения и совета, то действовал на него убедительной силой своих доказательств. Он не щадил ни дружеских увещаний, ни строгих укоров, ни язвительных насмешек. Он напоминал афинянам о достославных деяниях предков,

представлял им в истинном свете современное безотрадное положение, приподнимал завесу мрачного будущего и предсказывал неизбежное бедствие их потомков, если они не станут помышлять о действительных своих интересах и о своем собственном спасении. «Вы радуетесь, — восклицал он, обращаясь к афинянам, — когда прославляют ваших предков, перечисляют их подвиги и победы, но знайте, что предки ваши совершали все это не для того только, чтобы вы удивлялись им, но для того, чтобы вы и подражали их добродетелям». «Вы, афиняне, — говорит он в другом месте, — обессилены и лишены своего достоинства и союзников, вы только слуги и приверженцы ваших руководителей и вполне довольны, когда последние наделяют вас деньгами для присутствия на зрелищах и скудной пищей. Они держат вас запертыми в городе, приучают к себе и делают вас кроткими и послушными. Но разве, живущие в зависимости и нищете, вы сможете сохранить в себе возвышенные и смелые помыслы? Каков образ жизни, таков и образ мыслей».

Замечая все более приближающуюся со стороны Филиппа опасность, Демосфен все настойчивее и настойчивее требовал более энергичной деятельности, пока еще оставалось время. Когда афиняне, узнав о болезни Филиппа, преисполнились радости и надежд, Демосфен сказал им, что они не должны пребывать в праздности и надеяться на скорое спасение. «Потому что, если этот и умрет, то скоро вы наживете себе другого Филип-

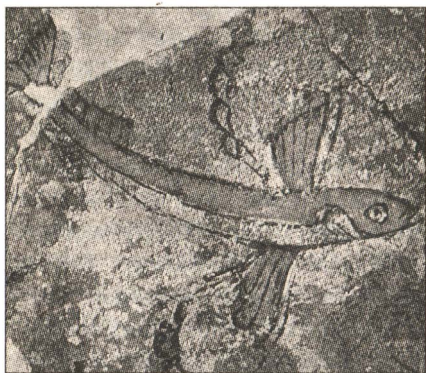
па, если будете вести свои дела по-прежнему». Поэтому афиняне должны отказаться от праздности и, как в былые времена, снова, не щадя жизни, сражаться за отечество и жертвовать своим достоинством на пользу государства. Демосфен осмелился даже предложить народу, чтобы часть государственных доходов, предназначенных на уплату за места граждан на театральные зрелища, была обращена на военные потребности, хотя по закону, принятому народом по предложению демагога Эвбула, всякий, делавший такое предложение, подвергался смертной казни. Не обращая внимания на представления и угрозы богачей, он предложил также законы, которые имели целью уменьшить и уравнивать расходы по вооружению кораблей, составлявшие государственную повинность. Если бы афиняне исполнили все это, то могли бы с успехом сопротивляться Филиппу, которого Демосфен называл варваром.

Из всех государственных повинностей (литургий) самой обременительной была триерархия. Из среды богатейших граждан выбирались триерархи, и каждый из них обязан был снарядить и содержать за свой счет триему (трехъярусную галеру, то есть военный корабль с тремя рядами отверстий для весел и соответственно одна над другой расположенными скамьями для гребцов). Триерарх был главным начальником над кораблем. С 358 года до н.э. 12 000 богатейших граждан были обязаны отбывать триерархию. Но в скором времени обнаружили злоупотребления: многие не

ЖИВОПИСЬ

1

2

3

4

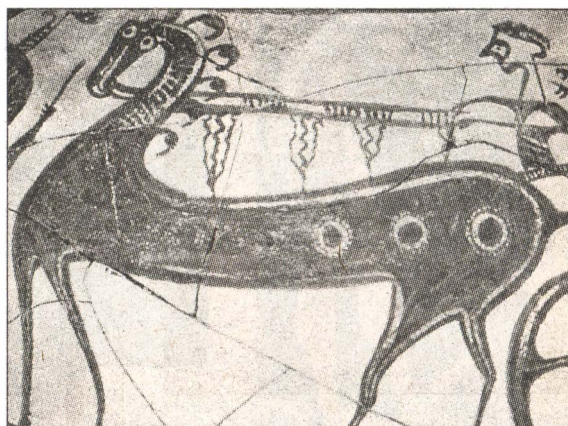
ЖИВОПИСЬ

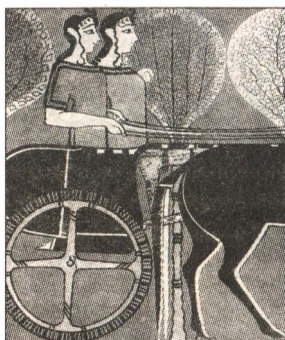
5

6

7

1. Танцовщица. Фрагмент фрески Кносского дворца. XVI в. до н. э.
2. Летящие рыбки. Фрагмент фрески из Филакопи. XV в. до н. э.
3. Девушка, участница торжественной процессии. Фреска. XV в. до н. э.
4. Участник процессии, несущий ритон. Фрагмент фрески Кносского дворца. XVI в. до н. э.
5. Сцена жертвоприношения. Деталь росписи саркофага из Агия Триады. XV в. до н. э.
6. Девушка со шкатулкой. Фреска. XIV в. до н. э.
7. Конь с колёсницей. Фрагмент кратера из Микен. XIII в. до н. э.
8. Выезд на охоту. Фреска из Тиринфа. XIII в. до н. э.

ЖИВОПИСЬ

1. Музыкант. Фрагмент фрески в Пилосе. XIII в. до н. э.
2. Рисунок на архаичном греческом чернофигурном сосуде. VIII в. до н. э.
3. Пахота и сев. Рисунок на вазе из Вульчи. VII в. до н. э.
4. Ловец птиц. Роспись ионийского килика из Этрурии. VI в. до н. э.
5. Жертвоприношение. Живопись по дереву из Питсы. VI в. до н. э.
6. Атлет. Вазописец Евфроний. VI в. до н. э.
7. Юноша-гимнаст. Вазописец Дурис. V в. до н. э.
8. Навьюченный осел из армейского обоза. Изображение с греческого сосуда. IV в. до н. э.
9. Принадлежности античного художника.

1

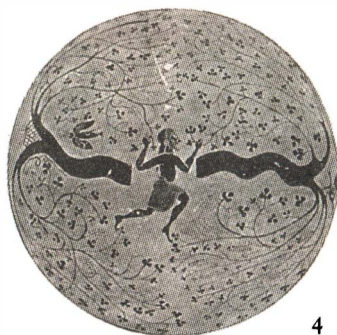
2

ЖИВОПИСЬ

3

4

5

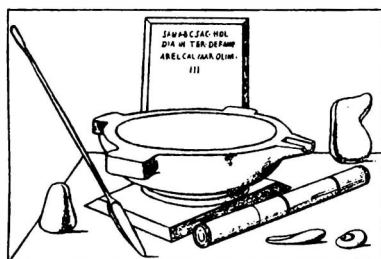
7

6

8

9

НУМИЗМАТИКА

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

1. Серебряный статер. Эгина. VII в. до н. э.
2. Серебряная тетрадрахма. Афины. VI в. до н. э.
3. Тетрадрахма. Реверс.
4. Серебряный статер. Кизик. VI в. до н. э.
5. Серебряная тетрадрахма. Леонтины. V в. до н. э.
6. Серебряный статер. Дикея. V в. до н. э.
7. Серебряный триобол. Аркадия. V в. до н. э.
8. Серебряная тетрадрахма. Сиракузы. V в. до н. э.
9. Серебряная декадрахма. Сиракузы. V в. до н. э.
10. Серебряная тетрадрахма. Селинунт. V в. до н. э.
11. Серебряная тетрадрахма. Энус. V в. до н. э.
12. Статер. Эгина. V в. до н. э.
13. Серебряная тетрадрахма. Наксос. V в. до н. э.
14. Серебряная тетрадрахма. Наксос. V в. до н. э.
15. Серебряная тетрадрахма. Гела. V в. до н. э.
16. Серебряный статер. Гортина. V в. до н. э.
17. Серебряная дидрахма. Турия. V в. до н. э.
18. Серебряный статер. Коринф. V в. до н. э.
19. Серебряный статер. Фивы. V в. до н. э.
20. Серебряная дидрахма. Олимпия.
21. Серебряная тетрадрахма. Милос. V в. до н. э.
22. Серебряная декадрахма. Акрагант. V в. до н. э.
23. Золотая монета. Сиракузы. V в. до н. э.
24. Серебряная декадрахма —
медали Ассинарских игр. Сиракузы. V в. до н. э.

НУМИЗМАТИКА

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

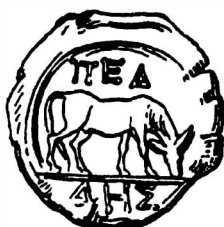
13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

1. Серебряная тетрадрахма. Акрагант. V в. до н. э.
2. Серебряная тетрадрахма. Катана. V в. до н. э.
3. Статер Антиоха III.
4. Серебряная монета Архелая.
5. Монета Филиппа V, царя Македонии.
6. Серебряная монета Спарты с портретом Ликурга.
7. Монета Мильтидата VI Евпатора.
8. Монета Антиоха IV Эпифана, царя Сирии.
9. Тетрадрахма с портретом Эвмена II, царя Пергама.
10. Тетрадрахма Клеонеа III, царя Спарты.
11. Тетрастатер Птолемея IV Филопатора.
12. Золотая тетрадрахма Птолемея V Эпифана.
13. Тетрадрахма Пруссия I, царя Вифинии.
14. Монета Филиппа Македонского.
15. Серебряная монета Александра Македонского.
16. Медная монета города Пеллы.
17. Золотая монета города Пантикпе.
18. Бронзовая монета города Фанагория.
19. Серебряная монета города Орхомена.
20. Монета города Ферсала.
21. Монета города Коринф.
22. Серебряная монета Амфиополя.
23. Тетрадрахма Селинунта.
24. Тетрадрахма Мессении.

НУМИЗМАТИКА

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

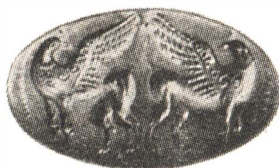

14

15

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ

16

17

18

19

1. Бронзовая спартанская монета.
2. Монета Мегеры.
3. Монета Андроса.
4. Монета Пароса.
5. Монета Самоса.
6. Бронзовая монета Лисимахии.
7. Тетрадрахма Этолийского союза.
8. Тетрадрахма Афин.
9. Тетрадрахма Эфеса.
10. Тетрадрахма Абидоса.
11. Тетрадрахма Аргоса.
12. Драхма Ахейского союза.
13. Дидрахма Этолийского союза.
14. Родосская монета.
15. Монета Кроса.
16. Оттиски золотых перстней-печатей из Микен. XV в. до н. э.
17. Перстень-печать из Тиринфа. XV в. до н. э.
18. Оттиск критской печати с изображением игр с быком. XV в. до н. э.
19. Оттиск печати с изображением коровы и теленка. XV в. до н. э.

сами занимались снаряжением, а отдавали его с подряда по более дешевым ценам другим предпринимателям и тем освобождали себя от известной части издержек. Самые богатые из участвующих в снаряжении кораблей, которые имели большую власть, ссужали деньгами других за большие проценты и почти покрывали свои собственные издержки. Таким образом, те, на которых должна была ложиться большая тяжесть при отбывании повинностей, сумели свалить с себя ее и сверх того были освобождены от других повинностей. Вследствие этого снаряжение кораблей производилось самым неудовлетворительным образом. Около 340 года по предложению Демосфена было постановлено, что каждый сообразно своему имущественному цензу обязан был снаряжать одну, а иногда и несколько трирем, менее же зажиточные соединялись вместе в общества (синтелии) и снаряжали одно судно сообща.

Демосфен не скрывал от своих сограждан всей опасности, исходившей от Филиппа, который имел то преимущество, что, являясь одновременно и государем, и полководцем, и казначеем, сам распоряжался своими тайными и явными действиями и много выигрывал от быстрого и своевременного исполнения своих замыслов. «Подивитесь, — говорил Демосфен, — искусству этого государя: как хорошо умеет он пользоваться каждым обстоятельством! Употребляя то благоразумную снисходительность, то угрозы (а его угрозы несомненно внушительны), пользуясь нашим отсутствием и распуская на нас клевету,

он обращает все обстоятельства к своей пользе».

Но вместе с тем Демосфен снова убеждал афинян не падать духом и умел искусно воспользоваться даже предшествовавшими несчастьями. «Прежде всего, — восклицает он в первой своей речи против Филиппа, — как бы наше настоящее положение ни казалось отчаянным, не следует терять мужества. Ибо именно то, что оно было до сих пор так дурно, позволяет надеяться на лучшее в будущем. В чем же заключается эта надежда? В том, что дела находятся в таком дурном состоянии вследствие беспечного вашего отношения к своим обязанностям. Будь они также дурны и при исполнении вами ваших обязанностей, тогда не было бы уже никакой надежды на их поправление». Далее в той же речи он продолжает: «Вы видите, мужи афинские, до чего человек этот доходит в своей дерзости. Желая лишить вас всякой возможности действовать или оставаться в бездействии по вашему собственному усмотрению, он влияет на вас то угрозами, то своими высокомерными речами. Не довольствуясь сделанными уже завоеваниями, он, в то время как мы пребываем в нерешительности и бездействии, распространяет их все далее и далее, чтобы окружить нас, как тенетами. Когда же, мужи афинские, когда же вы будете делать то, что необходимо делать? Чего вы еще ожидаете? Вероятно, минуты, когда необходимость заставит вас действовать? За что же нужно почитать настоящее положение вещей? Я по крайней мере

полагаю, что для свободных мужей не может быть более сильной необходимости, чем позор их положения. Или желаете вы, спрашиваю я вас, топтаться на одном месте и обращаться друг к другу с вопросом: «Нет ли чего нового?» В таком случае, вам ничего не сообщат новее того, что македонянин побеждает афинян и поражается судьбой эллинов».

К каким же результатам привели все старания Демосфена? Пока было еще время, ничего, за исключением некоторых слабых попыток, не было предпринято, что указывало бы на серьезное сопротивление. Народ по-прежнему коснел в своей беспечности, и хотя иногда, благодаря предостережениям Демосфена, пробуждался и принимал блестящие решения, но все еще не имел достаточно энергии для приведения их в исполнение. Затем, когда уже невозможно было оставаться долее в бездействии и решено было вести борьбу, то решение это оказалось слишком поздним и борьба по этой причине должна была закончиться поражением.

При обозрении хода событий этого времени сам собой возникает вопрос, как могло случиться, что такой здравомыслящий народ, как афиняне, в полном сознании и открытыми глазами стремился навстречу своей гибели? Но эта пагубная бездеятельность и равнодушие сделаются понятными, если представить себе полную перемену, произошедшую в состоянии Афин. Со времен Пелопоннесских войн Афины являлись лишь тенью того, чем они были когда-то. Прошли те времена, когда дух обще-

ственности, имевший лозунгом: «Каждый за всех и все за одного», заставлял жертвовать жизнью и достоянием на благо отечества. Полное отсутствие единодушия и сознания государственных интересов в особенности ярко обнаруживалось в военных делах и управлении. Низкое себялюбие тормозило всякое начинание, хотя бы сколько-нибудь намекавшее на общее дело. Теперь лозунгом сделались — покой и наслаждение. Подвергаться опасности для других или даже для собственной пользы почиталось безумием. Кроме того было достаточное число желающих поступить на военную службу только ради жалованья и наград.

Заставив эллинов притворной бездеятельностью забыть неудачную попытку проникнуть через Фермопильский проход, Филипп обратился против могущественного и цветущего города Олинфа, который стоял во главе Халкидского союза, блистательно состязался за господство со Спартой и часто угрожал македонским царям.

Дружеский прием, оказанный олинфянами двум побочным сыновьям Аминта, действовавшим против Филиппа, послужил царю предлогом для объявления Олинфу войны. Со свойственной ему быстротой Филипп вторгся в округ этого города. Устрашенные олинфяне обратились за помощью к Афинам. Демад был против союза с ними, но Демосфен в трех своих «олинфских» речах настоятельно убеждал оказать просимую помощь. Он верил, что боги оказывают благодетельное, восстанавливая против царя

такого врага. Враг этот граничил с владениями Филиппа, обладал значительной силой и был твердо убежден, что всякий союз с царем является неверным и гибельным.

Афиняне хотя и вступили в соглашение, но не послали к союзникам хорошего вспомогательного войска. Отправленные же ими отряды, сперва под командованием Хареса, а после под предводительством Харимеда, состояли из вольных наемников. Когда, наконец, после третьего посольства олинфян было послано под предводительством Хареса войско, состоявшее из афинских граждан, то город еще до прибытия его попал в руки Филиппа вследствие измены двух подкупленных начальников олинфской конницы — Ласофена и Евфикрата. Все дома были разрушены, а жители проданы в рабство. Таким образом, афиняне вследствие своей беспечности допустили царя завладеть этим важным городом. Они старались побудить пелопоннесцев заключить с ними союз против Филиппа, но когда это не удалось, вступили в переговоры с царем и заключили с ним мир.

Между тем Филипп продолжал свои завоевания во Фракии и по приглашению самих фиванцев и фессалийцев покорить фокейцев быстро перешел через Фермопилы, вступил в Фокиду и принудил ее жителей к покорности. Затем он созвал в Дельфах суд амфиктионов, на котором была решена участь ограбивших храм фокейцев: 22 города их были разрушены, жители расселены по деревням, Фокида была исключена из союза ам-

фиктионов, а принадлежавшие ей до тех пор два голоса были переданы Филиппу и его преемникам. События эти произвели в Афинах сильное смущение. Но им, вследствие изолированного положения их, ничего не оставалось более, как покориться обстоятельствам.

Таким образом Филипп явился теперь увенчанный славой завершителя Священной войны и поборника дельфийского божества, но он смотрел на это лишь как на переходную ступень на пути к господству над всей Грецией. Частью ослепление в отношении угрожавшей опасности, частью равнодушие и бессилие затрудняли все стремления патриотов, старавшихся противодействовать замыслам Филиппа. Кроме Демосфена самыми искренними защитниками национальных интересов явились достойный уважения оратор Ликург, искусный и веселый Гиперид, Гегесипп, Тимарх и некоторые другие. Само собой разумеется, что Демосфен и теперь не приходил в отчаяние, несмотря на то, что Филипп представлялся ему «распространяющим всю власть подобно пожару и горячке». «Доколе судно, — говорил он, — все равно, большое оно или малое, еще на воде, доколе кормчий должен заботиться, чтобы никто не погубил его умышленно или по неосторожности». «Когда же волны поглощают его, — продолжал он далее, — тогда всякие старания бесполезны. Но что же надлежит делать нам, мужи афинские, пока мы находимся еще в безопасности и обладаем столь важным городом с бо-

гатыми вспомогательными источниками и с достославным именем? Вот вопрос, который давно уже у многих из нас вертится на языке. Я дам вам ответ на этот вопрос и представляю вам на рассмотрение свое предложение. Прежде всего нам следует самим стать в оборонительное положение и в то же время снарядить корабли и собрать деньги и войска. Ибо если даже все остальные склоняются под ярмом, то мы все-таки должны сражаться за свободу. Вполне вооружившись сами, мы должны призвать и остальные государства. Было бы глупо выказывать заботливость к чужим интересам и в то же время оставлять свои собственные на произвол судьбы. Итак, я предлагаю вам послать находящемуся в Херсонесе войску деньги и удовлетворить все прочие его требования. Далее, вооружиться самим и призвать остальных эллинов, чтобы соединить их, вразумить и уговорить: так подобает поступать государству, занимающему положение равное нашему. Если же вы будете безучастно выжидать, чтобы Элладу спасли жители Халкиды или Эретрии, то вы заблуждаетесь, ибо они почтут себя довольными и тогда, когда будут в состоянии спасти самих себя. Нет, это ваше дело: предки ваши приобрели это почетное призвание ценой бесчисленных и тяжких битв и оставили вам его в наследство. Но если все мы будем сложа руки в ожидании исполнения нашего желания стараться лишь о том, чтобы самим ничего не делать, то я думаю, во-первых, что вряд ли удастся найти охотника, который бы

согласился заместить нас, а во-вторых, опасаясь, что в конце концов мы будем вынуждены делать все возможное, что противоречит нашим желаниям. Вот то, что я устно и письменно советую вам и верю в то, что если совет мой будет исполнен, то дела наши могут и теперь еще поправиться. Если же кто имеет предложение лучшее, то я предоставляю это на ваше усмотрение, и что будет решено вами, то да обратят боги к вашему благополучию».

Но усилия могучего оратора не были в состоянии вдохнуть в афинян продолжительного воодушевления к интересам общего отечества. Только тогда, когда действия Филиппа стали угрожать Афинам близкой опасностью, Демосфену удалось быстро возбудить в афинянах воинственный боевой дух. Вследствие этого благодаря посылке вспомогательного войска им удалось уничтожить замыслы Филиппа и стать твердой ногой в Мегаре и на острове Эвбея. Еще большей угрозой для Афин было то, что Филипп показал вид, как будто желает закрыть для них торговый путь в Геллеспонт и Херсонес и даже отрезать им всякое с ними сообщение. Однако Филипп не искал еще полного разрыва с Афинами и, колеблясь между войной и миром, считал последний более для себя выгодным. Но замыслы его не могли долее оставаться скрытыми, когда он напал на торговый город Перинф и стал угрожать Византии. До сих пор оба эти города опасались покушений на свою самостоятельность со стороны Афин и отвергали всякие предложения их. Только теперь, ког-

да участь, постигшая Олинф, стала угрожать и этим городам, они с нетерпением ожидали помощи от афинян. Сначала византийцы поспешили на помощь к соседнему городу Перинфу. Персидский царь Артаксеркс Ох также послал им денег и хлеба. Наконец и в Афинах решили начать действовать, несмотря на полученное от Филиппа угрожающее письмо. По предложению Демосфена мирный договор с Филиппом был расторгнут, и сперва под командованием Хареса, а потом Фокиона были отправлены флот и войско. Филипп вынужден был снять осаду с обоих городов, совершил опустошительный поход на Нижний Дунай, в страну скифов, и, подвергнувшись на обратном пути нападению трибаллов, которые отняли у него большую часть добычи, вернулся в Македонию. Еще раз явились Афины в прежнем своем блеске, и спасенные государства выразили им признательность присылкой золотых венков и значительных денежных сумм. Влияние Филиппа во Фракии было потеряно. Ему необходима была новая победоносная война. Поводом к ней послужила так называемая Священная война Амфиссы против локрийцев (339 г.).

По всей вероятности, вследствие происков подкупленных Филиппом изменников, к которым в особенности принадлежал Эсхин, облеченный в то время в звание пилагора (уполномоченного в Дельфах при суде амфиктионов), со стороны Амфиссы была возбуждена жалоба на локрийцев в том, что они вспахали священный округ Кирры. Поднялись все

дельфийцы, способные носить оружие, и под командованием призванных в совет амфиктионов послов вступили в область Кирры, чтобы разорить возделанный округ, но были отражены жителями Амфиссы. Тогда в собрании решено было наказание локрийцев обратить в общее дело всех государств, принадлежавших к союзу амфиктионов. Демосфен, предвидя опасность для Аттики, убедил афинян не принимать никакого участия в этих совещаниях. Прочие государства, в особенности Фессалия, решили объявить локрийцам войну и, чтобы придать более веса бессильным решениям амфиктионов, избрали Филиппа главным вождем священного ополчения. Филипп тотчас же выступил в поход с 30 000 пехоты и 2000 всадников, прошел Фермопилы, разбил локрийцев в Амфиссе, вернулся в Фокиду, внезапно занял пограничный город Элатею, служивший центральным пунктом нескольких стратегических путей, и стал угрожать отсюда Беотии и Аттике. Демосфен сам описывает нам впечатление, произведенное в Афинах известием об этом: «Был уже вечер, когда вестник принес в совет известие о том, что Элатея взята Филиппом. Тотчас же все члены совета поднялись из-за ужина. Некоторые из них вызвали из лавок торговых людей и зажгли сигнальные костры, чтобы призвать в город поселян, другие послали за вождями и подняли тревогу. Весь город пришел в величайшее волнение. На рассвете следующего дня члены совета созвали народное собрание в здании

совета. Граждане собрались на Пниксе (возвышенном месте в юго-западной части Арейского холма). Члены совета привели в народное собрание вестника, и он подтвердил известие. Тогда глашатай собрания спросил: «Кто желает говорить?» Но никто не изъявил такого желания, хотя в собрании и присутствовали военачальники и государственные мужи. Никто не осмеливался подать какой-либо совет. Тогда выступил Демосфен и энергически оспаривал мнение тех, которые надеялись поспешной покорностью снискать себе умеренные условия, равно и мнение тех, которые считали безумным сопротивляться македонскому войску. Он говорил только о защите, старался внушить мужество своим согражданам, побуждал их к сопротивлению и подавал им надежду на успех. Затем он предложил отправить в Элевсин всех молодых людей, способных носить оружие, и пеших и конных, и, доказав этим твердое намерение оказать решительное сопротивление, предлагал пригласить к союзу Фивы. Демосфен полагал, что теперь, при наступлении общей опасности, легко можно будет сделать то, чего прежде нельзя было достигнуть при взаимной ненависти между обоими государствами. Все предложения Демосфена были приняты, и он сам был отправлен во главе посольства в Фивы.

Тут ему пришлось вступить в состязание с посланниками царя, также отправленными в Фивы. Находившийся в числе их Пифон, отличней-

ший оратор, родом из Византии, выступил в народном собрании. Он старался как можно ярче изобразить фиванцам выгоды союза с Филиппом, напомнил о вынесенных ими оскорблениях со стороны Афин и сулил им победу и богатую добычу. Демосфен, напротив того, умолял фиванцев забыть причиненные друг другу неприятности и подумать, что они, как греки, со славой соперничали о гегемонии, а теперь, когда чужеземец хочет господствовать в Греции, должны соединиться против общего врага. Он напомнил им о славе эллинского имени и о мужестве предков, представил, какую сильную помощь готовы оказать им Афины, изобразил стыд рабства, если Филипп восторжествует, и обманчивость всех его обещаний.

Речь Демосфена увлекла колебавшихся еще фиванцев в сторону Афин. Всякая недоверчивость исчезла до такой степени, что фиванцы впустили в свой город афинское войско, шедшее поспешно под командованием Хареса и Лисикла. Затем и фиванцы вооружились такой же энергией и поспешили вместе с афинянами навстречу царю Филиппу в Фокиду. Две первые стычки были счастливы для союзников, а в Афинах назначены были уже по этому случаю празднества и благодарственные жертвоприношения. Решительная битва произошла на развалинах при Херонее (в августе 338 г.). Но союзные войска, собранные поспешно, недостаточно опытные, составленные из различных народностей, хотя и превосходили

своей численностью войска царя, не могли состязаться с ними в привычке к перенесению военных трудностей и в боевой опытности. Сам Филипп далеко превосходил и талантом военачальника, и боевой опытностью греческих полководцев, между которыми лучшими были афинянин Стратокл и фиванец Феаген. Таким образом, от этого самого главного сражения нельзя было ожидать ничего хорошего. Однако союзники сражались с отчаянной храбростью. Блистательнее всех действовал фиванский отряд. В ряду же афинских гоплитов сражался и Демосфен в качестве простого воина. Но сын Филиппа Александр с фессалийской конницей уничтожил фиванский отряд, а сам Филипп стремительным натиском своей фаланги разбил афинян. Скоро все обратились в бегство. Кровавопролитие было ужасное. 1000 афинских граждан было убито, 300 человек священного фиванского отряда, вместе с предводителем их Феагеном, пали все до одного. Впоследствии в честь павших воинов на их могиле была воздвигнута колоссальная фигура льва, опирающегося на передние лапы, с гордо поднятой головой и пристальным взглядом, как бы обращенным на неприятеля.

Последнее сопротивление в открытом поле, которого боялся Филипп, было сломлено. Но самый город Афины еще не был взят. Здесь самым ревностным образом готовились к отчаянной обороне. Освободили даже рабов и поставили их в ряды защитников. Изгнанникам и преступникам было обещано возвращение на роди-

ну и восстановление прав, если они пожелают сражаться за отечество. Жители Трезена, Эпидавра, Коса и Андроса были призваны на помощь. Пирейская гавань была укреплена, стены исправлены, вырыты рвы и возведены валы. Такой решительный образ действий афинян не преминул оказать влияние на Филиппа. Вместо того чтобы предпринять продолжительную осаду, он благоразумно предпочел вступить в мирные переговоры. Вместе с тем он отпустил 2000 пленных афинян без всякого денежного выкупа, а трупы павших воинов отправил на родину. Здесь Демосфену, несмотря на все насмешки сторонников македонской партии, поручено было произнести над павшими надгробную речь.

Умеренность, проявленная Филиппом после одержанной им победы, смягчила горечь поражения. При посредстве Демада, весьма любимого царем, являлась возможность прийти к соглашению, которое удовлетворило бы обе стороны. Афины согласились отказаться от своей гегемонии на море, освободить от обязательств своих союзников и присоединиться самим к вновь образованному Македоно-Эллинскому союзу. Взамен Филипп приносил обязательство не посягать на независимость Афин и не вводить в них своего гарнизона. Зато Фивы испытывали на себе всю строгость победителя. За возвращение пленных и убитых они должны были внести значительный денежный выкуп. Крепость Кадмея была занята македонским гарнизоном. Сами Фивы

были лишены гегемонии над беотийскими городами и обязались дозволить гражданам, изгнанным из их городов Платеи, Орхомена и Феспии, возвратиться на родину, а города эти признать независимыми. Предводители патриотической партии были частично казнены, частично изгнаны, а имущества их отобраны в казну.

Затем Филипп отправился в Пелопоннес и нашел здесь со стороны коринфян, аргеев, аркадян, мессенцев и элейцев самый восторженный прием. Одни спартанцы оказали сопротивление и заплатились за это опустошением своей страны и потерей гегемонии. С этих пор владения Спарты были ограничены обоими берегами реки Эвроты. В самый же славный город Спарту Филипп не вступал. Он даже спокойно отнесся к отказу спартанцев отправить послов в собрание в Коринф, где в скором времени был прочно установлен новый порядок вещей в Греции (в 337 г.). В этом собрании Филипп объяснил, что действительной целью всей предшествовавшей его деятельности было покорение Персии, потребовал от всех эллинских государств людей и корабли в качестве средства для достижения названной цели и залога их верности и вместе с тем заставил провозгласить себя главным вождем всех эллинов. Вслед за тем Филипп целый год готовился к этому великому предприятию и отправил наперед в Малую Азию Пармениона и Атталу с македонским войском, чтобы склонить на свою сторону прибрежные греческие города. Но тут кинжал убийцы положил

неожиданный конец его жизни и планам (336 г.).

Перед отъездом в Азию Филипп праздновал бракосочетание дочери своей Клеопатры с милосским вождем Александром. В Эгее были даны великолепные празднества. В доказательство своей уверенности в личной безопасности Филипп совершенно один отправился из своего дворца в театр. Телохранители же его должны были следовать за ним лишь в отдалении. При входе в театр один из телохранителей знатного рода по имени Павсаний, оскорбленный Атталом и не получивший от Филиппа удовлетворения на свою жалобу, бросился на царя и пронзил его одним ударом. Убийца был настигнут телохранителями Филиппа и изрублен ими в куски.

Данное Дельфийским оракулом изречение: «Видишь, телец увенчан, конец его близок, идет жертвоприношение», получило через это злодеяние совершенно другое толкование, а не то, которое прежде давали ему, относя к Персии.

Внезапная кончина этого великого государя вызвала разнородные волнения. В Афинах господствовала величайшая радость. Демосфен явился в народное собрание в великолепном плаще с венком на голове. Он полагал, что ему нечего опасаться «мальчика» Александра, сына Филиппа. Однако ему скоро пришлось испытать, что дух великого отца перешел в сына и что Фокион был прав, когда говорил, что сила, победившая при Херонее, уменьшилась теперь лишь на одного человека.

31. Александр Македонский (356—323 гг. до н.э.)

а) Юность.

Разрушение Фив

Не будучи эллином по рождению, Александр всецело принадлежал к эллинам по своему образованию. Он был именно тем человеком, которому суждено было выполнить дело национального призвания эллинов — ниспровержение Персидской монархии. Он родился в Пелле, в 356 году до н.э. от Олимпиады. Как на знамение высшего призвания Александра древние указывали на тот факт, что в ночь его рождения некто Герострат, желая из безумного тщеславия обессмертить свое имя, поджег храм Артемиды в Эфесе. Узнав о рождении сына, Филипп тотчас написал философу Аристотелю из Стагир, величайшему мыслителю и ученому древности, письмо следующего содержания: «Знай, что у меня родился сын, я благодарю богов не столько за то, что они дозволили ему родиться, сколько за то, что он родился в твоё время. Надеюсь, что, воспитанный под твоим руководством и в твоей школе, он сделается достойным предназначенного ему трона».

О юности Александра рассказывают множество историй. Он укротил прекрасного, но дикого фессалийского коня Буцефала (что означает «бычья голова» — названного так, как говорят, потому, что у него на лбу было белое пятно, похожее на голову быка). Заметив, что Буцефал боится своей собственной

тени, Александр повел его против солнца, неожиданно вскочил на него и пустил нестись куда ему вздумается. Узнав об одержанной Филиппом победе, Александр воскликнул: «Отец мой не оставит мне никакого дела!» Ум Александра питался творениями эллинского гения, и из них всех он предпочитал поэмы Гомера, этот прообраз всей эллинской жизни. Александр знал почти всего Гомера наизусть, и творения его вместе с мечом всегда лежали у него под изголовьем.

Первым делом Александра после смерти отца был визит в Коринф, где в собрании представителей всех греческих государств он заставил утвердить себя, подобно отцу, в звании главного вождя всех эллинов против персов. Все, за исключением Спарты, согласилось на это. Спартанцы же с упрямством велели ответить ему, что не в их обычаях позволять кому-либо начальствовать над собой, а что, напротив того, они сами привыкли предводительствовать другими.

В то же время повсюду вспыхнули волнения — и среди покоренных отцом Александра варваров, и среди подчинившихся македонскому царю эллинов, которые задумали поколебать основания созданного им государственного устройства. Александр вынужден был силой оружия привести к покорности иллирийцев, трибаллов, фракийцев и другие северо-восточные народы. Между тем в Греции распространился слух о его мнимом поражении и даже смерти и тотчас же произвел в этой стране

сильное волнение. Фивы первые начали войну, напав на македонский гарнизон в Кадмее, и пригласили все остальные греческие государства присоединиться к ним для восстановления свободы. Граждане стали вооружаться в Пелопоннесе, в особенности в Аркадии и Элиде, а также в Этолии. Надежды Демосфена вновь ожили, и он заклинал афинских граждан воспользоваться благоприятным моментом и подняться за свою независимость, причем можно было рассчитывать и на помощь Персии.

Но прежде чем отдельные государства пришли к общему решению, Александр стоял уже под Фивами. Однако фиванцы не хотели добровольно согласиться на мирные условия и решились вступить в отчаянную битву. Они сражались с необыкновенным мужеством, но не могли противостоять не меньшей храбрости и превосходству сил Александра. Им пришлось испытать на себе не только весь его гнев, но еще более старинную ненависть, которой теперь вполне предались находившиеся в союзе с македонским царем беотийские города, фокийцы и др. Фивы совершенно были разрушены. Пощажены были только храмы и дом поэта Пиндара. За исключением потомков этого поэта и граждан, дружелюбно расположенных к Македонии, все жители (30 000) были проданы в рабство.

Такая жестокая кара не только уничтожила средоточие будущих смут, но и послужила устрашающим примером всем элинам. Тем легче

было теперь царю выказать кротость в отношении других греков. Афинским послам, в числе которых находились Фокион и Демад, удалось исходатайствовать прощение своему городу, несмотря на то, что афиняне обнаружили перед тем неприязненные намерения и приютили у себя многих фиванских беглецов. Афинянам не пришлось даже выдать потребованных было сначала Александром десяти мужей, частью ораторов, частью полководцев (Демосфена, Ликурга, Гиперида и др.). Щадя и уважая, подобно своему отцу, знаменитый город, Александр полагал, что этим он лучше всего обеспечит спокойствие Греции.

6) Александр в Малой Азии. Граник и Исс (334—333 гг. до н.э.)

Усмирением восстания в Греции Александр обеспечил себе тыл. Однако на всякий случай он оставил в Македонии Антипатра с войском, сам же с юношеским пылом устремился к задуманной цели: к покорению и подчинению Персии. Во главе 30 000 пехоты и 5000 конницы, окруженный талантливыми полководцами Парменионом, Пердиккой, Кратером, Птолемеем, к которым в качестве царского секретаря присоединился опытный в делах политических грек Эвмен, выступил Александр в поход. Но прежде выступления Александр пожелал узнать мнение Дельфийского оракула. Пифия упорно отказывалась дать ответ, потому что в тот день закон запрещал ей прорицать. Тогда он

схватил пифию, и, несмотря на ее сопротивление, силой затащил ее в святилище. «Ты непобедим, сын мой!» — воскликнула она наконец. Александр тотчас же выпустил ее, с радостью удостоверившись, что ему не добиться более никакого другого предсказания.

Переплыв через Геллеспонт, Александр совершил с корабля из золотой чаши возлияние богам. Он первый сошел на берег Азии, подобно древнему герою Протесилаю, принес пред Илионом жертвы всем эллинским героям, образцам своим, и возложил венок на могилу Ахиллеса, которого провозгласил счастливым, «так как он при жизни нашел себе друга (Патрокла), а по смерти достойного певца своих подвигов (Гомера)». Александр надеялся, что и второе его желание исполнится, так как он взял с собой в поход ораторов, философов и художников всякого рода, например Анаксимена, Каллисфена, Аристобула и других.

Между тем при персидском дворе, который служил отражением беспорядков, господствовавших во всей монархии, произошли события самого печального свойства. Сын и преемник Артаксеркса II — Артаксеркс III Ох для утверждения за собой власти истребил большую часть царского семейства, но был сам отравлен наперсником своим Багоем (338 г.). Багой возвел на престол единственного сына Артаксеркса Ареса, но в 336 году умертвил и его. Затем он провозгласил царем одного дальнего родственника царского дома Дария

Кодомана (336—330 гг.). Дарий Кодоман, заслуживший бедственной судьбой своей, которой ему пришлось искупить злодеяния своих предшественников, снисходительный суд потомства, обладал кротким характером и другими хорошими качествами, но он не имел воинственного духа, чтобы по крайней мере затруднить победоносное шествие Александра.

Смуты, которые ослабляли Грецию, были спасением для Персии, так как устраняли опасность нападения со стороны греков. Лишь против возрастающей силы Филиппа начаты были вооружения. Но в надежде на успех восстаний против молодого Александра, вызванных отчасти благодаря персидскому золоту, вооружения эти снова были приостановлены. Только быстрые успехи царственного юноши и его явные замыслы против Азии обратили на себя должное внимание персидского правительства и побудили его приняться за поспешные приготовления к обороне.

Собранное сатрапами Малой Азии и состоявшее из 20 000 всадников войско, подкрепленное 20 000 греческих наемников, предводительствуемых превосходным полководцем Мемноном, родом из Родоса, ожидало на берегах Граника македонского царя, чтобы преградить ему путь в Переднюю Азию. Мемнон, отличавшийся проникательностью, был того мнения, что следовало, не вступая в решительное сражение, медленно отступать и истреблять запасы, так что Александру при его на-

ступлении пришлось бы встретить одну пустыню. В тылу же флот должен был отрезать путь к отступлению. Таким образом, неприятель в скором времени очутился бы в величайшей опасности. Но сатрапы, не доверяя греку, полагались на численность своих сил, между тем как Александр рассчитывал на превосходство своего войска. На совет Пармениона не переходить реки в виду неприятеля, Александр ответил, что «ему, перешедшему без труда Геллеспонт, было бы стыдно оставаться перед переходом через этот маленький ручей».

Здесь, построив с обычным искусством свои войска, с громким, радостным криком двинулся Александр на неприятеля. Конница овладела переправой, а следовавшие за ней фаланги довершили победу, в особенности над храбрым греческим наемным отрядом. Александр сам участвовал в атаке, сражаясь в передних рядах, но едва не погиб в сражении. В то время, как он сшиб с коней Митридата и Ройсака, пробившего ему шлем, Спитридат замахнулся мечом, чтобы поразить Александра сзади. Но в эту минуту «черный» Клит одним взмахом меча отрубил Спитридату руку — и Александр был спасен. Взятых в плен греческих наемников в наказание за то, что они сражались против него в рядах варваров, Александр отправил в цепях в Македонию. В память двадцати пяти своих всадников, погибших при первом нападении, повелел он Лисиппу воздвигнуть медные статуи, а родст-

венникам прочих убитых даровал свободу от всех податей. В Афины Александр послал в дар богине Афине 300 полных воинских доспехов. Они были повешены на стенах крепости со следующей надписью: «Александр, сын Филиппа, и греки, исключая лакедемонян, отняли сие оружие у варваров Азии».

Последствием этой победы было завоевание всей Малой Азии. Даскилий, главный город фригийской сатрапии, отворил ворота Пармениону, а лидийские Сарды — самому Александру. Большая часть греко-азиатских городов приняли своих соотечественников с радостью. Чтобы обеспечить себе их верность, Александр учредил во всех сдавшихся ему городах народное правление, потому что аристократическая партия большей частью была предана персам.

Два важных города, Милет и Галикарнас, из которых в последнем начальствовал Мемнон, оказали сильнейшее сопротивление, и их пришлось брать приступом. Мемнон, имевший в своем распоряжении многочисленный флот, составил план отрезать Александру всякое сообщение с Европой и возбудить в Греции против Македонии восстание. Но он умер во время осады Митилены. Теперь у Дария не оставалось ни одного сколько-нибудь достойного и искусного полководца. В начале зимы Александр отпустил на родину женатых воинов, приказав им вернуться к нему весной с новыми войсками. Сам же он пошел через Ликию и Памфилию к пограничному греческому городу Сиде, отбросил воин-

ственных писидян в их горную область, обуздал непокорных аспендиев и через город Перге направился к северу, в Великую Фригию. В Гордионе он соединился с Парменионом, который выступил к нему навстречу из Сард с прибывшими к нему из Македонии войсками. В крепости Гордиона с незапамятных времен находилась пользовавшаяся необыкновенным почитанием святыня. Мидас, которому позднейшее предание приписывает «ослиные уши», сын бедного фригийца Гордия, избранный впоследствии фригийцами в цари, принес в дар Зевсу и поставил в городе Гордионе колесницу, на которой отец его Гордий въехал в этот город. Ремни для запряжки коней были привязаны к дышлу таким искусным узлом, что концов этих ремней нельзя было видеть. По народному верованию тот, кто развяжет этот узел, должен был сделаться властителем всей Азии. Александр разрубил узел мечом и сказал при этом, что теперь узел развязан.

Для Александра было особенно важно завладеть узким проходом в Киликию, прежде чем персидский царь успел бы достаточно укрепить его. Достижение этой цели было значительно облегчено добровольным подчинением Пафлагонии. Затем Александр выступил из Фригии со всем своим войском к этому проходу, взял его приступом, после чего овладел Тарсом, главным городом Киликии.

Вследствие трудностей этого похода, а по другим сведениям, оттого, что он выкупался в прозрачной и

холодной реке Кидне, протекающей через Тарс, Александр внезапно заболел. Болезнь была опасной, врачи не надеялись спасти его. Один лишь придворный врач его, Филипп из Акарнании, обещал приготовить питье, которое должно излечить царя. Как раз в это самое время Парменион написал из лагеря Александру, что он не должен доверять Филиппу, так как он, подкупленный Дарием, обещал отравить его. Но Александр не потерял доверия к своему врачу, взял от Филиппа чашу, отдал ему в обмен письмо Пармениона и в то время, как Филипп читал письмо, выпил принесенное питье. Невинность Филиппа подтвердилась быстрым выздоровлением царя. Вскоре Александр при радостных кликах своих воинов выступил из лагеря, чтобы продолжать свой поход против Дария.

Между тем Дарий собрал войско в 600 000 человек, в числе которых находились 30 000 греческих наемников. С этим войском он расположился на гористой позиции по берегу реки Исс в восточной Киликии, весьма невыгодной для его многочисленной конницы (333 г.). Александр двинулся ему навстречу. Напомнив войскам своим их прежние блестящие подвиги, указав, что наградой за победу послужит обладание всей Азией, и вдохнув в них этим величайшее мужество, он отдал распоряжение к выступлению.

Сам Александр напал на центр неприятельского войска, где находился Дарий в своей колеснице. Здесь произошла самая горячая схватка.

Увидев вокруг себя множество павших благородных персов, Дарий в страхе за свою безопасность обратился в бегство. Это послужило сигналом к всеобщему расстройству. Фессалийская конница бросилась преследовать неприятеля. Все лошади и овраги переполнились трупами. Преследуемый по пятам Александром, Дарий бросил свою колесницу. Колесница эта, лук, верхняя одежда царя, весь лагерь с неисчислимыми сокровищами (1000 талантов) и даже царская палатка сделались добычей победителя. Найденная при этом драгоценная шкатулка была назначена Александром для хранения сочинений Гомера, для того чтобы «прекраснейшее творение человеческого гения заключалось в прекрасном хранилище». В числе пленных находилась мать Дария (Сисигамбия), жена его Статира, малолетний сын и две дочери. Успокоив предварительно через Леоната обеих женщин насчет участи Дария, Александр, по словам Арриана, посетил их на другой день после битвы в сопровождении Гепестиона. Сисигамбия преклонила колени перед Гепестионом, приняв его за Александра, так как тот был выше царя ростом. Когда Гепестион указал ей на Александра, то Александр сказал: «Мать, ты не ошиблась, и он также Александр».

Дарий еще до сражения отправил в Дамаск огромные сокровища и много драгоценностей, но вместе с этим городом все попало в руки Пармениона, посланного туда именно с целью захватить их. Александр награждал воинов по-царски. Хотя он

сам был ранен в бедро, на другое же утро он посетил раненых, велел торжественно похоронить убитых, сам присутствовал при погребении их во главе своего победоносного войска и поименно отличил при этом всех, кто каким бы то ни было образом доказал свое мужество и искусство.

Этой победой была сокрушена сила Персидской монархии и уничтожена вера в ее страшное могущество. Дарий, бежавший за Евфрат, писал Александру, жаловался на несправедливое нападение, просил об освобождении своего семейства и предлагал свою дружбу. Но Александр, преисполненный горделивого сознания только что одержанной им победы, отвечал ему, что в звании вождя всех греков он пришел для отмщения за те бедствия, которые персы некогда нанесли Греции, а как сын Филиппа должен отомстить за оскорбления, нанесенные ему царем Артаксерксом, который поддерживал врагов отца его. «Впрочем, — присовокуплял Александр, — Дарий может написать ему как царю Азии и своему повелителю и явиться сам, чтобы получить обратно свое семейство». Однако Дарий не считал себя еще павшим так низко. Он написал вскоре еще раз Александру и предлагал ему за семейство большой выкуп, руку своей дочери и Азию до берегов Евфрата. Но Александр ответил ему в том же духе, что и в первый раз. Таким образом семейство Дария осталось в плену у македонского царя, который, впрочем, обходился с ним с уважением и кротостью.

**в) Александр
в Тире и Египте
(332—331 гг. до н.э.)**

Прежде чем преследовать разбитого Дария в Евфратской равнине, Александр решил покорить Финикию и Египет для того, чтобы при последующих действиях против Востока не оставить на Западе ни одного врага. Последствия вполне оправдали такое решение царя. Когда он пошел вдоль финикийских берегов, то тамошние небольшие государства, более заботившиеся о своей торговле и своих богатствах, чем об интересах Персии, подчинились ему добровольно. Невольно могущественный Сидон также покорился ему. Только один Тир, знаменитый своей морской торговлей и промышленностью, оказал сопротивление и отказал Александру, когда тот потребовал впуска его в город под тем предлогом, что он хочет принести жертву местному национальному божеству, так называемому «тирскому Геркулесу». Тиряне тем более надеялись на успешную оборону, что город их был расположен на острове, отстоявшем от материка на тысячу шагов и был окружен высокими стенами. Александр приказал соорудить через пролив плотину из дерева и камня. Но тиряне сделали вылазку, сожгли плотину и уничтожили осадные машины. Была проведена новая плотина, достигавшая стен города. На плотине были вновь установлены осадные орудия и затем были употреблены средства тогдашнего осадного искусства для овладения городом. Наступательные действия осаждающих были подержаны со стороны моря киликий-

ским и кипрским флотами. После восьмимесячной осады удалось наконец сломить упорство защитников города. Тир был взят приступом и дорого заплатил за свое мужественное сопротивление: 8000 тирян были убиты во время осады и штурма, 2000 человек распяты на крестах, 20 000 проданы в рабство.

На пути в Египет, в то время как Иудея покорилась добровольно, Александра задержала только осада филистимского города Газы, который упорно обороняли наемные арабские войска под командованием Батиса. После падения и этого города Александр без всякого труда покорил Египет. Персидский сатрап не оказал ни малейшего сопротивления, так как опасался взрыва народной ярости, которая при недостаточности имевшихся в его распоряжении войск могла оказаться для него губительной. Александр беспрепятственно достиг Мемфиса и принес здесь жертвы египетским богам, а также и Апису (священному быку — главному божеству египтян). Высказанное им уважение к религии и снисходительность к нравам и обычаям снискали ему доверие египтян. Они приветствовали его как избавителя от ненавистного ига персов, которые относились к их религии лишь с насмешкой и презрением. Управление страной Александр передал частично македонянам, частично эллинам, а частично египтянам, военная же власть была сосредоточена в руках начальников македонских гарнизонов, размещенных в Мемфисе, Пелузии и других городах.

Политические же причины побудили царя совершить трудный поход в оазис Сивах, к знаменитому капищу и оракулу юпитера Аммонского в Ливийской пустыне. Путь пролегал по бесплодной, песчаной пустыне, часто песчаные ураганы настолько заматали дорогу, что войско заблудилось бы, если бы, как рассказывает Арриан, два ворона не указывали ему дорогу. Наконец удалось достигнуть столь пламенно желанной цели, оживить усталые члены в прохладном источнике и отдохнуть от ужасного утомления под сенью пальм и оливковых деревьев. Жрецы очень радушно приняли Александра, а верховный жрец приветствовал его, как «сына Юпитера». Этим Александр достигал своей цели окружить себя в глазах суеверных жителей Востока таинственным ореолом и тем внушить к себе большое уважение. Сам он к своему мнимому божественному происхождению относился шутивно. Так, однажды, когда из полученной им раны брызнула кровь, он, цитируя «Илиаду» Гомера, сказал:

«Это кровь, а не влага, какая струится у жителей неба счастливых».

В Египте Александр основал город, названный им в честь своего имени Александрией. Местом для него он выбрал косу между Средиземным морем и прибрежным Мареотидским озером с такой удивительной прозорливостью, что город этот сделался важнейшим торговым центром и связующим звеном между Востоком и Западом, каковым остался и поныне. Ни в каком другом городе не слился так тесно в последующие времена дух Греции с духом Востока.

г) Битва при Гавгамелах. Вавилон и Персеполь (ноябрь 331 г. до н.э.)

Благодаря завоеванию Египта и Финикии Александр получил в свое распоряжение огромные морские силы, которых теперь не было у Персии. Вследствие этого ему представилась возможность большую их часть отправить на помощь к Антипатру в Пелопоннес для подавления спартанцев, которые под руководством царя своего Агиса постоянно выступали против Александра. Поддержанный греческими наемниками, бежавшими с поля сражения при Иссе, царь Агис II поднял восстание и с 20 000 пехоты и 2000 конницы выступил против дружественного македонянам Мегалополя. Антипатр пошел против него с 40-тысячным войском, освободил Мегалополь и разбил лакедемонян наголову. Агис пал весь покрытый ранами, спартанцы потеряли 5000 человек убитыми.

Получив морем же подкрепления из Греции и Македонии, Александр выступил из Египта и направился через Финикию к берегам Евфрата для отыскания Дария. При Тапсаке он перешел Евфрат, выше города Мосула — Тигр и на равнине этой реки встретился с войском царя Дария. Решительная битва произошла между Гавгамелами и Арбеллами. Под начальством Дария собрались все воинственные племена восточной половины Персидской монархии, от албанцев до индусов, от скифов до обитателей берегов Красного моря. Парменион советовал Александру напасть на неприятеля ночью врасплох, но тот возразил: «Стыд-

но красть победу. Александр должен побеждать открыто и без хитрости». Левое крыло, которым командовал Парменион, долгое время было сильно теснимо начальником персидской конницы Масаем. Сражение решено было на правом крыле Александром. Дарий, увидев, с какой стремительностью совершил Александр нападение во главе своей конницы, а своего возничего повергнутым на землю, — обратился в бегство. Наступило всеобщее замешательство, все пустились бежать. Более 100 000 неприятелей пало, македоняне же потеряли только 500 человек. В то время как Дарий бежал на северо-восток в Экбатану, Александр направился в Вавилон, где был принят с восторгом, а оттуда в главный город Сузы. Здесь нашел он 50 000 талантов, большей частью золотом и серебром в слитках, и увезенные Ксерксом медные статуи Гармония и Аристогитона. Затем Александр прошел горным проходом, разгромив 40-тысячный отряд персов под командованием Ариобарзана и вступил в древнюю столицу Персеполь, где нашел 120 000 талантов серебра. Царский замок с дворцами в этом священном для персов городе и царскими усыпальницами он велел по предложению, как говорят, афинской гетеры Таис предать пламени «в отпущение за злодеяния, совершенные Ксерксом в Греции». Сдался также богатый город Пасаргада. Устроив в завоеванной стране гражданское и военное управления, из которых первое было вверено знатым персам, а второе македонским и эллинским полководцам, Александр выступил из Персеполя для преследования Дария.

д) Смерть Дария.
Александр
в северо-восточной Персии.
Филот и Клит
(330—328 гг. до н.э.)

В Экбатане, столице Мидии, Дарий снова собрал войско. Но, получив известие о наступлении Александра, он с 9-тысячным отрядом и со своими сокровищами бежал далее к северу, чтобы спастись в лежащей на востоке от Каспийского моря Бактриане. Александр оставил все захваченные им сокровища в крепости Экбатаны, назначил Гарпала хранителем их, Пармениона — начальником города, а сам с отрядом благородных всадников и лучшей частью легковооруженной пехоты пустился в погоню за Дарием. Но во время этого преследования до него дошло известие, что между лицами, окружавшими царя, возник заговор, что Бесс, сатрап Бактрии, и другие вельможи взяли Дария в плен и везли его, заключенного в оковы, в колеснице. Вместе с тем он узнал, что Бесс захватил уже главное начальство над войском в свои руки, был признан своими приверженцами царем и что оставшиеся верными Дарию и бывшие под начальством Артабаза греческие наемники и некоторые отряды персов отделились от войска Бесса. Вследствие этих обстоятельств Александр решил со всевозможной поспешностью преследовать заговорщиков. Без отдыха, день и ночь спешил он вперед по непроходимым местностям и, заметив, что пехота не поспевает за ним, приказал 500 всадникам спешиться, отдать

своих коней под начальников пехоты и самых выносливых пехотинцев и с этой конницей всю ночь продолжал преследование. К утру настиг он при Гекатомфиле, в области Гиркании, отступавших в беспорядке варваров. Лишь немногие из них оказали слабое сопротивление, большая же часть обратилась в бегство. В это время Набарцан и Борзоент напали на Дария, нанесли ему несколько смертельных ран, оставили его в колеснице, а сами с Бессом и несколькими сотнями всадников усаkali дальше. Когда македоняне подошли к колеснице, Дарий был уже мертв. Александр снял с себя пурпуровую одежду, покрыл ею труп, отправил его в Персеполь и велел похоронить в царской усыпальнице.

После смерти Дария Александр был признан всеми персидскими вельможами законным государем Персидской империи. Он направился против Бесса через лежавшие в нынешних Персии, Афганистане и Туране области — Гирканию, Парфию, Ариану, Арахозию, перешел через Паропамиз, завоевал сатрапию Бесса Бактриану и, перейдя Оксус (Амударью), преследовал его до Согдианы. Бесс между тем провозгласил себя царем под именем Артаксеркса I и собрал значительное войско. Но изменник сам погиб от измены. Несколько знатных вельмож решились выдачей его снискать благоволение Александра, заключили Бесса в оковы и выдали его людям македонского царя. Александр приказал отвести Бесса в Бактру и собрал там местных вельмож, кото-

рые должны были судить его. Как государственный изменник, он был приговорен к смерти, и после того, как ему по персидскому обычаю отрезали нос и уши, он был распят на кресте. Затем, вступая в многочисленные и часто упорные битвы, Александр дошел до пограничной реки Согдианы — Яксарта (Сырдарья) и перешел через нее, чтобы покорить скифов.

Затем Александру пришлось подавить восстания в Бактриане и Согдиане и взять приступом несколько сильных крепостей. При взятии одной из них он пленился отличавшейся необыкновенной красотой Роксаной, дочерью царя Оксиарта. К величайшему удовольствию местных вельмож, он сочетался с ней браком. Александр сделал это также и из политических видов. Как видно из всех его распоряжений, для него было очень важно не только не казаться персам чуждым царем — притеснителем и завоевателем, но напротив того, убедить их в том, что он не смотрит на них как на поработанный народ. Для этого он окружил себя азиатским дворцом, принял персидские обычаи, приняв в свою свиту знатных персов, доверил им важные должности и приказал обучить 30 000 персидских юношей греческому языку и македонскому военному искусству. Слить Запад с Востоком, открыть и подчинить Западу сокровища последнего, связать их обоим узами эллинской образованности — вот в чем заключались стремления Александра. Но привыкшие к республиканским учреждениям гре-

ки и гордое македонское благородное сословие смотрели с презрением и негодованием на персидский образ жизни Александра. Они называли его неблагодарным за то, что он после того, как они отслужили ему свою службу, предоставил следовавшие им в награду отличия побежденным. Лишь немногие из друзей Александра, как, например, Гепестион и Кратер, не только не сердились на него, но с самоотвержением разделяли его планы, хотя в то же время не могли скрывать от себя, что подобное настроение македонян могло привести к серьезным столкновениям. Александр позволял себе такие поступки, которые бросали значительную тень на его героический образ.

Первым прискорбным поступком подобного рода была казнь Филота — сына престарелого, прославленного Пармениона. Филот, который сам пользовался большим уважением царя и командовал почетным отрядом, был обвинен в том, что, зная о заговоре против царя в стране дрангов, не раскрыл его. По македонскому обычаю, обвиненный царем перед войском, он был признан виновным и пронзен копьями. Смерть его повлекла за собой и смерть Пармениона. Он был действительным главой недовольных. В свое время Парменион советовал Александру согласиться на предложенные Дарием условия, ибо сам желал возвратиться в отечество и сумел возбудить в войске страстное желание окончания тягостного похода. В описываемое время он командовал в Экбатане значительным военным от-

рядом, охранявшим собранные в этом городе сокровища. Александр мог опасаться мятежа этого могущественного полководца, почему и решил отделаться от него. К находившимся на службе у Пармениона двум военачальникам Клеандру и Мениду был послан гонец с приказанием умертвить Пармениона. Они тотчас же исполнили повеление. В то время, когда Парменион, ничего не подозревая, спокойно прогуливался по саду, они приблизились к нему, передали письмо царя, и, когда Парменион стал читать, Клеандр нанес ему смертельный удар. Голова Пармениона была отослана Александру.

Другая не менее ужасная сцена разыгралась в Мараканде (Самарканде). На одном празднестве, когда вино разгорячило головы пирующих, льстецы стали уверять, что деяния Александра превосходят подвиги Геркулеса, Кастора и Поллукса и царя Филиппа. Клит с гневом объявил, что без деяний Филиппа Александр никогда не достиг бы той высоты, на которой находится. Затем, изливая на Александра целый поток бранных слов, он воскликнул: «Эта рука спасла тебя!» Клита увели из комнаты, но он снова вернулся через другую дверь и продолжал браниться. Воспаленный гневом Александр воскликнул, что его постигнет участь Дария, выхватил у одного из телохранителей копье и прежде, чем кто-нибудь успел удержать его, поразил Клита. В то же мгновение гнев и опьянение Александра прошли. Поступок его показался ему вдвойне ужасным, ибо Клит спас ему жизнь при Гранике, а

сестра его была его воспитательницей. Три дня он не хотел ни есть, ни пить и, плача и вздыхая, лежал на одре своем. Только утешения друзей и занятия делами рассеяли его горесть.

Одним из самых низких льстецов царя был софист Анаксарх из Абдеры. На одном веселом пиру он завел речь о том, что Александру за совершенные им подвиги следует при жизни воздать божеские почести, под которыми он понимал боготворение и коленопреклонение. Но против этого предложения сильно восстал философ Каллисфен из Олинфа, ученик и зять Аристотеля. Он доказывал, что этим будет нанесено оскорбление богам и греческой свободе. Македоняне присоединились к его мнению. Но Александр глубоко оскорбился поступком Каллисфена, и скоро ему представился случай отплатить философу жестоким образом. Между македонскими благородными юношами составилась заговор против царя. Заговор был раскрыт, а так как главный руководитель заговорщиков, друг Каллисфена Гермолай, казалось, был возбужден к тому его речами, то и Каллисфен вместе с ним подвергся наказанию. Гермолай был побит насмерть камнями, а Каллисфен, закованный в цепи, следовал за Александром в Индию, где под конец и умер от дурного обращения.

е) Александр в Индии (327—326 гг. до н.э.)

Весной 327 года до н.э. призванный на помощь одним из индийских царей Таксилем, Александр решил совершить поход в Индию. С войском в 120 000 человек выступил он

на юг, перешел Паропамиз, прошел нынешний Кабул и вступил в Пятиречье, ныне Пенджаб. Покорив страну, лежащую между горами Гиндукуша и рекой Индом, и взяв приступом многие горные укрепления, он в 326 году перешел Инд, через который Гефестион, посланный вперед кратчайшей дорогой, построил мост на судах. При вступлении в Таксилу, столицу царя Таксила, Александр получил от последнего богатые подарки. Многие из соседних князей искали его дружбы. Отсюда Александр направился к реке Гидаспу против могущественнейшего из владетелей Пенджаба — Пору, который выступил против него с многочисленным войском, с 300 слонами и таким же числом боевых колесниц и расположился на восточном берегу реки. В виду неприятеля перешел Александр полноводную реку по мосту, устроенному на судах, напал на войско царя Пору и после жаркой битвы разбил его. Сам Пор был взят в плен. «Как ты хочешь, чтобы с тобой обращались?» — спросил его Александр. «Как с царем», — последовал ответ. «Хорошо, я на это согласен, — сказал Александр, — проси, чего ты желаешь». «В словах «как с царем», заключается и все остальное», — отвечал Пор. Александр оставил его владеть царством и прибавил к его владениям большой участок пограничной области.

После этой победы войску был дан тридцатидневный отдых, были совершены блестящие жертвоприношения, убитые погребены с почестями и устроены состязания. Два вновь

построенных города должны были увековечить собой память о совершенных здесь деяниях. Один из них, построенный на самом поле битвы, был назван Никеей (городом победы), другой — Буцефалой в честь царского верного коня, павшего в битве от истощения сил. Затем Александр перешел через реки Агезин и Гидраот, разбил индийское войско при Сангале, овладел этим городом и покорил всю страну до Гифазиса, пограничной реки Пенджаба. Но когда Александр захотел продолжить поход еще далее на Восток и завоевать страны по реке Гангу, то воины, сильно пострадавшие от тропических дождей на реке Гифазисе и изнуренные непрерывными походами, отказались идти далее. Тщетно пытался Александр представить им этот новый поход с самой блестящей стороны. Страстное желание мирной жизни на родине и спокойного пользования полученными сокровищами было так велико, что даже изображенная самыми заманчивыми красками будущность не была в состоянии изменить их решения. Один старый воин и начальник телохранителей — Цен высказал от имени воинов единодушное желание возвратиться на родину. Царь покинул собрание. На следующий день Александр снова собрал воинов и строго объявил им, что он пойдет далее с теми из храбрых, которые согласятся следовать за ним добровольно; остальные же могут отправиться домой и сказать своим соотечественникам, что они оставили своего царя среди врагов. Затем он удалился в свою па-

латку и не показывался три дня в надежде, что воины устыдятся и изменят свое решение. Но и это средство оказалось недейственным. В стане царствовала глубочайшая тишина, воины жалели об огорчении царя, но не обнаруживали желания переменить свое решение. На четвертый день Александр приказал совершить жертвоприношения перед переправой через реку, но так как предзнаменования не были счастливы, то он воспользовался этим и объявил, что, уступая не желанию войска, а лишь воле богов, намерен возвратиться. Всеобщий крик радости раздался по всему стану. Между царем и войском вновь установились добрые отношения.

Перед выступлением в обратный поход, в ознаменование того, как далеко он прошел победоносно, Александр приказал воздвигнуть двенадцать жертвенников. Высотой они были равны величайшим крепостным башням. Тут были принесены жертвы богам и устроены воинские игры. После этого Александр выступил обратно к Гидаспу и спустился по нему вместе с флотом, который находился на этой реке под командованием Непарха. Другая же часть флота, предводимая Гефестионом и Кратером, пошла берегом.

Весьма серьезное сопротивление встретил Александр у столицы маллов — племени, известного своей воинственностью. Город был занят, но расположенную над ним крепость пришлось брать приступом. Александр сам приставил штурмовую лестницу, первый поднялся по ней и с тремя товарищами, в числе которых

были Певкест и Леоннат, вскочил на крепостную стену. Окруженный неприятелем, он был тяжело ранен стрелой в грудь. Оба его друга защищали его до тех пор, пока воинам царя не удалось наконец взобраться на стены, прогнать неприятеля и отнести лишившегося чувств царя в его палатку. По всему войску распространился слух, что царь умер и что смерть его скрывают от воинов. Но уже на седьмой день Александр мог снова предстать перед войском. При дальнейшем следовании вниз по Инду ему покорились все жившие по берегам народы. Во всех этих областях Александр назначил наместников. Из города Патталы, имевшего важное значение по положению своему у начала дельты Инда, он направился к Эритрейскому (Аравийскому) морю, где принес жертвы греческим божествам. Весть о восстаниях в Бактрии и в других областях заставила Александра поспешить со своим обратным походом. Против мятежников он послал вперед, с частью войск, Кратера, сам же решил продолжить поход через Гедрозию (Белуджистан), а Неарх должен был следовать вдоль берегов Персидского залива.

ж) Возвращение и смерть

Александра

(326—323 гг. до н.э.)

Путь, по которому Александр предпринял обратный поход, был затруднителен и опасен, потому что всю южную часть Гедрозии составляла песчаная пустыня, и только изредка, по берегам рек, попадались населенные места. Александр избрал доро-

гу через пустыню с той целью, чтобы быть ближе к выступившему несколько позже сухопутного войска флоту, который должен был собирать необходимые для него запасы. Но на этом пути ему пришлось бороться с трудностями, громадность которых он не предвидел.

Повозки, на которых по приказанию царя везлись для войска и флота съестные припасы, лошадей, большую часть пожитков — все это пришлось бросить в глубоких, едва проходимых песках. Летучий песок, носимый ветром, заметал всякий след, и немало людей, отстав из-за усталости и изнурения, не находили более никакой дороги. Почти всех бывших при войске животных: лошадей, верблюдов и мулов пришлось убить, а больных с повозками оставить на произвол судьбы. Жажда при нестерпимой жаре причиняла огромные мучения. Встречались ли источник или река, все кидались туда, и многие поплатились жизнью за умеренное употребление воды. Наконец после 60-дневного похода, потеряв три четверти людей, Александр достиг Пур, столицы Гедрозии. После восьмидневного отдыха, в изобилии снабженный съестными припасами, царь пошел в Карманию, где соединился с Кратером, который пришел севернее через Арахозию и таким образом обошел Гедрозию. Тогда же прибыл и Неарх, представил царю доклад о своем морском плавании и затем поплыл далее к Персидскому заливу. В то время как Гестифион выступил в Сузы с главным войском, царь с конницей и легково-

оруженными войсками поспешил туда же вдоль берегов, через Персеполь и Пасаргаду. Прибыв в Сузы, царь учинил строгий суд над сатрапами, которые за время пребывания его в Индии — откуда, думали они, он уже не вернется — позволили себе совершить много несправедливостей и нарушить верность. Даже гробница Кира, почитаемая персами как святыня и постоянно охраняемая магами, была разрушена и ограблена. Александр приказал разыскать виновных и восстановить гробницу. Гарпал, чтобы избежать наказания за чрезмерную расточительность, бежал с 5000 талантов в Грецию. Афиняне по совету Демосфена не впустили его в Пирей. Они позволили ему пристать только с одной триремой и, не выдавая Антипатру, несмотря на требования последнего, решили заключить Гарпала в тюрьму, а сокровища его хранить в Акрополе до получения на счет их приказа Александра. На место смещенных сатрапов Александр большей частью назначал местных уроженцев, только наместничество в Персиде передал он Пеквесту, единственному из македонян, который принял персидский образ жизни.

Стараясь теснее слить греков и македонян с персами, Александр устроил между ними множество браков. Сам он женился на Статире (по другим источникам, на Роксане), старшей дочери Дария, а за Гефестиона выдал младшую дочь его Дрипетис. Затем он соединил браком 80 своих сподвижников со знатными персиянками и около 15 000 македонских во-

инов с персидскими женщинами, награжденными при этом богатейшим приданым. Все эти свадьбы были устроены в Сузе и сопровождались празднествами.

Для того чтобы уничтожить всякое различие между победителями и побежденными, Александр собрал вокруг себя 30 000 юношей одного возраста, избранных из различных завоеванных областей, обученных и вооруженных по-македонски. С этой же целью знатные молодые люди и храбрейшие воины из Арии, Парфии и Персиды были включены в отряд македонских всадников, называвшийся дружиной друзей (гетерия), а азиатские князья были приняты в число самых приближенных царя. Так начал Александр осуществлять идею: уничтожить неприязнь, существовавшую с незапамятных времен между Европой и Азией, заполнить разделявшую их пропасть взаимным сближением и таким образом создать великую эллинско-македонско-персидскую всемирную монархию, граждане которой были бы сходны между собой в одежде, вооружении, правах и образовании.

Македоняне не были довольны всеми этими переменами, они опасались, что Александр мало-помалу окружит себя азиатскими войсками, которые таким образом пожнут плоды их трудов. Узнав об этом, Александр стал укорять их в недоверии к себе и при этом сказал, что царь должен действовать всегда откровенно. Затем он велел расставить в различных местах стана столы с деньгами, и каждый воин, не называя своего име-

ни, получал немедленно по предъявлении долгового счета указанную в нем сумму. По показанию Арриана, таким образом было истрачено до 20 000 талантов. Хотя поступок этот и усилил радость и любовь воинов, но не уничтожил ропота и неудовольствия на выказанное царем презрение к древним македонским обычаям. Неудовольствие это в городе Описе перешло в открытое возмущение.

Занятый своими торговыми планами, Александр из Суз отправился на корабле вниз по Тигру, осмотрел море и устье этой реки и затем вновь поднялся вверх по течению к Опису. Сюда же приказал он идти и остальным войскам, находившимся под руководством Гестииона.

Здесь он созвал воинов и объявил им, что намерен отпустить домой всех, кто от старости и от ран сделается неспособным к военной службе. Но македоняне, столь нетерпеливо желавшие в Индии возвращения на родину, теперь не были обрадованы таким предложением, усматривая в нем презрительное к себе отношение. Поднялся общий ропот, и все войско шумно требовало своего увольнения. «В нас уже не нуждаются больше, — кричали некоторые, — пускай же царь с отцом своим Аммоном и новыми солдатами из персов ведет войну».

Это раздражило царя в высшей степени. С выражением сильнейшего гнева указал он собственной рукой телохранителям на главных крикунов и приказал их, в количестве тридцати человек, отвести на казнь. Затем он поднялся на приготовленное для

него возвышение и, обратясь к остальным воинам, произнес сильную и полную достоинства речь. «Не для того, — начал он, — говорю с вами, чтобы удержать вас от возвращения на родину, по мне, вы можете идти куда хотите. Я желаю только напомнить вам, чем вы были прежде и чем стали теперь». Затем он указал на то, что сделал для них отец его Филипп. Как из бедного, одевавшегося в звериные шкуры пастушеского народа, с трудом защищавшего себя от соседних варваров, обратил в граждан хорошо укрепленных городов и, наконец, во владителей Фессалии, Фив и Афин. «И когда мой отец, — продолжал Александр далее, — был признан в Коринфе неограниченным предводителем греков против персов, то он приобрел эту честь не столько для себя самого, сколько для народа македонского». Потом он перечислил собственные свои дела, перенесенные им труды и полученные им раны, изобразил свои победоносные походы и приобретенные для них сокровища, почести и отличия. «Вы сатрапы, вы полководцы и начальники, — присовокупил он, — а мне от всех этих трудов не осталось ничего, кроме этой порфиры и диадемы. Многие из вас украшены золотыми венками, как знаками своей храбрости и моего уважения. Умирал ли кто из вас, тот был с честью погребен. Многим поставлены на родине медные статуи. Ваши родители пользуются особыми почестями и освобождены от всех податей и налогов. А теперь ступайте домой, — заключил он, — и скажите там, что вы оставили царя вашего

Александра после того, как он победил персов, бактриан, перешел Танаис, Оксус и даже самый Инд и вернулся в Сузы через пустыню Гедрозии, — что вы покинули его там и предоставили охранение его побежденным варварам. Этим, без сомнения, приобретете вы славу у людей и сделаете угодное богам. Ступайте!»

Сказав эти слова, Александр быстро сошел с возвышения, отправился во дворец и два дня не показывался. На третий день он велел прийти к себе избранным персам, раздал им места военачальников, разделил войско персидское на отряды по образцу македонскому и выбрал из них по обычаю персидскому, существовавшему при прежнем дворе, несколько человек, которые назывались родственниками царя и имели к нему свободный доступ. Эти нововведения царя произвели полнейшую перемену в настроении македонян. Они толпами осадили ворота дворца, умоляли царя сжалиться над ними и просили его показаться им. Наконец Александр вышел, и зрелище такого множества воинов, с печальным видом стоявших перед ним на коленях, тронуло его до слез.

Тут выступил вперед один из воинов по имени Каллин и сказал Александру: «Македонян огорчает только то, что ты персов сделал своими родственниками и позволяешь им целовать себя, какой чести не удостоивался ни один македонянин». «Так я всех вас признаю своими родственниками, — ответил ему Александр, — и с этих пор буду всегда звать вас этим именем». Затем поце-

ловал его Каллин, а за Каллином все, кто хотел. Воины были в восторге, а царь устроил большое пиршество, в котором участвовали 9000 македонян и персов.

Вeterаны числом до 10 000 согласились вернуться в Македонию. Но они должны были оставить всех детей, прижитых с азиатскими женами, для того чтобы не произошло каких несогласий в их семьях. Александр обещал им позаботиться о том, чтобы дети эти были воспитаны как македоняне. Кроме жалованья, которое выдано было ветеранам по расчету до прибытия их в Македонию, каждый из них получил в подарок по таланту. Сверх того Александр предоставил им то преимущество, что они получили право занимать на всех общественных празднествах и играх почетные места. Руководство отрядом отправлявшихся на родину ветеранов было поручено Кратеру и Полисперхону. Кратер должен был заменить в качестве правителя Македонии Антипатра, который находился в постоянных раздорах с матерью Александра Олимпиадой. Антипатр же получил приказание привести в Азию свежие войска.

Александр послал также повеление и о том, чтобы всем греческим изгнанникам, число которых простиралось до 20 000, было разрешено вернуться в свои государства. Этой мерой он составил почти в каждом городе значительную приверженную к нему партию. Еще многое думал совершить Александр. Под его творческой рукой Восток снова должен был возродиться и стать на высшую сту-

пень цивилизации. Были проложены дороги, основаны города, устроены гавани. Торговля составила предмет особой, всесторонней заботы. Были задуманы отдаленные путешествия с целью новых открытий. Центральным пунктом монархии в умственном и коммерческом отношении был избран Вавилон. Но этой животворной, великой деятельности внезапно был положен предел. Сначала в Экбатане, среди празднеств, устроенных Александром в честь Диониса, смерть похитила любимейшего и вернейшего из друзей царя — Гефестиона. Скорбь царя была так велика, что он три дня не принимал ни пищи, ни питья и отвергал все утешения. Он чувствовал себя осиротевшим в своем огромном государстве.

Беликие планы, как, например, исследование Каспийского моря, замышляемый поход в Аравию, заботы о всемирной торговле, занимали царя в Вавилоне. Но здесь от слишком невоздержанной жизни и в особенности вследствие пристрастия к вину он внезапно занемог. На пиру у одного из своих приближенных, фессалийца Медия, он заболел смертельной лихорадкой. Воины желали еще раз его увидеть. В то время как они поодиночке проходили перед ним, он, уже тяжело больной, прощался с каждым из них взглядом и едва заметным кивком головы. На вопрос, кому он оставляет государство, царь отвечал: «Достойнейшему». Александр скончался в июне 323 года после почти 13-летнего царствования 32 лет и 8 месяцев от роду. История не знает героя более великого, чем он. Только

по прошествии двух лет состоялось его погребение, и прах Александра на роскошной колеснице был перевезен в Александрию, где был погребен наместником Египта Птолемеем в сооруженном для этого храме.

32. Сиракузы.

Два Дионисия

(408—317 гг. до н.э.)

Подобно отдельным государствам Греции и греческие колонии на острове Сицилия, вследствие взаимных междоусобий и внутренних смут, подали повод к внешнему вмешательству и окончательному порабощению. Соседние карфагеняне уже давно выжидали благоприятного случая, чтобы стать твердой ногой на острове. Первая их попытка к тому была пресечена тираном Сиракуз — Гелоном. Но когда поход афинян против Сиракуз потерпел неудачу, то карфагенянам представился удобный случай к вмешательству.

Город Сегеста, притесняемый жителями города Селинунта, обратился за помощью к Карфагену. Предложение это как нельзя соответствовало замыслам карфагенян. Они явились с войском и с намерением утвердить на острове свое владычество. Селинунт стал первой их жертвой. Он был разрушен в 408 году. Ту же участь испытала Гимера. Наконец пал и могущественный, цветущий Агригент. Эти успехи настолько устрашили сиракузцев, что они верили одному своему согражданину Дионисию неограниченную власть над своими войсками. Дионисий злоупо-

требил доверием своих сограждан самым наглым образом. Он составил себе отряд телохранителей из чужеземцев и наемников и овладел важнейшими местами города. Вместо того чтобы действовать против карфагенян, овладевших к этому времени Гелой и Камарином, он заключил с ними мир, по которому они удержали за собой Селинунт, Агригент, Гелу, Камарин и признали Дионисия властителем Сиракуз.

Обезопасив себя таким образом от внешнего врага, Дионисий занялся усмирением внутренних врагов. Он укрепил остров Ортигия при входе в обширный Сиракузский залив, обезоружил сиракузских граждан, усилил сухопутное войско и флот и переселил в Сиракузы жителей завоеванных городов. После долгих приготовлений Дионисий решился наконец уничтожить господство карфагенян в Сицилии. Но несмотря на огромные военные средства, собранные им для этого предприятия, в трех войнах с карфагенянами он не достиг своей цели и при вторичном заключении мира вынужден был оставить за ними области Селинунта и Агригента и всю страну на запад от реки Галика. Гораздо удачливее оказался Дионисий в своих военных походах против нижнеиталийских греков. Жители Кротона были побеждены, Регий после одиннадцатимесячной осады был принужден к сдаче голодом и подвергся жестокому наказанию. За жестокость, безбожие и за недоверчивость к своим окружающим древние считали Дионисия тираном в самом худшем смысле этого

слова. О постоянном страхе Дионисия перед возможностью насильственной смерти Цицерон передал нам много рассказов. Так, он позволял брить себе бороду только дочерям своим, но и то не бритвой, а раскаленной ореховой скорлупой. С народом Дионисий говорил не иначе, как с высокой башни.

Сын Дионисия I (Старшего), Дионисий II Младший, наследовавший ему в 367 году, не мог продолжать войну против карфагенян, так как все его внимание и все его силы были отвлечены внутренними смутами. В самом начале своего правления он поссорился с дядей своим Дионом, другом знаменитого Платона. Дион должен был покинуть Сиракузы и отправился в Грецию, где и проживал в обществе философов.

Десять лет спустя, рассчитывая на раздражение народа против Дионисия, Дион решил силой вернуться в Сиракузы. Попытка увенчалась успехом. По прибытии Диона с небольшим отрядом жители города отворили ворота и передали ему власть. Дионисий удержался с гарнизоном в замке Ортигии, однако вскоре, оставив там своего сына, отправился в Локры. Но при разнузданности сиракузян, которые не могли уже ни подчиняться власти, ни пользоваться свободой, Дион при своей строгой требовательности в отношении исполнения законов не был в состоянии долго удержаться. Народные лестицы, в особенности Гераклид, лишили его расположения народной массы и вынудили оставить город. Дион с оставшимися ему верными наемниками

отступил в Леонтины. Пользуясь замешательством в городе и беспечностью населения, гарнизон замка сделал несколько вылазок, разрушил часть города и убил множество граждан. В этом бедственном положении сиракузяне обратились в Леонтины к Диону и просили его спасти их. Он тотчас же вернулся, оградил город от дальнейших нападений, снова водворил в нем спокойствие и принудил к сдаче гарнизон замка.

Облеченный неограниченной властью, Дион хотел ввести аристократическую форму правления и уничтожить необузданную демократию, влияние которой было столь пагубно для Сиракуз. Но в исполнении этого плана ему помешал прежний друг и поверенный его афинянин Калипп. В надежде захватить власть в свои руки он напал с шайкой убийц на Диона в его собственном доме и умертвил его (в 353 г.).

Правление Калиппа продолжалось лишь 13 месяцев, затем он был изгнан. После этого в течение восьми лет в Сиракузах продолжались ужаснейшие смуты. Сменявшие беспрерывно друг друга партии старались удержать за собой власть нагоняющим страх правлением. Казнь и лишение имущества составляли ежедневное явление при непрерывно сменявшихся правителях, а тот, кто заседал сегодня в совете и произносил смертные приговоры, не был уверен, что не лишится на другой же день своей собственной головы. Эти замешательства оказались благоприятными для находившегося в изгнании Дионисия. Он воспользовался благоприятным

моментом и во главе вновь избранных наемников снова вступил в город, чтобы возобновить прежнюю преступную игру с жизнью и достоянием своих подданных. Однако лучшие граждане утомились его жестокостью и обратились за помощью к метрополии Сиракуз, Коринфу. Здесь жил муж по имени Тимолеон, преисполненный республиканского духа, к тому времени почти уже угасшего. Незадолго до этого Тимолеон отличился тем, что организовал убийство своего родного брата, единовластителя Коринфа, и коринфяне пребывали в сомнении — наказать ли Тимолеона за его преступление или признать верными побуждения, с которыми оно было совершено. Но тут явились сиракузцы с просьбой о помощи. Было решено послать Тимолеона с 1000 гоплитов в Сиракузы, предоставив ему тем самым возможность осуществить там свои свободолобивые идеи и искупить свою тяжкую кровавую вину угодным богам подвигом — освобождением народа от ига и тирана.

Тимолеон прибыл в Сицилию с десятью кораблями и тотчас напал на Сиракузы, в которых властвовал утвердившийся с помощью карфагенского флота тиран города Леонтин — Гикет. Раньше всех сдался замок, куда скрылся было Дионисий. Тимолеон принудил его отказаться от власти и снова вернуться к частной жизни. Дионисий поселился в Коринфе и продолжал там свою беспутную жизнь, пока не обеднел до такой степени, что вынужден был принимать милостыню и зарабатывать на жизнь, обучая детей.

Скоро и Гикет вынужден был покинуть город. Но когда-то столь цветущие и богатые Сиракузы представляли теперь вид величественных развалин. Повсюду виднелись следы продолжительной войны. Город казался вымершим, торговая площадь заросла травой. Тимолеон обратился к Коринфу с просьбой о новых переселенцах для опустевших Сиракуз. Коринфяне сделали публичное объявление, что всякий сицилийский изгнанник, всякий грек, изъявивший желание туда возвратиться, найдут там дружеский прием и поддержку. На это предложение отозвались все изгнанники и стали возвращаться целыми толпами. Дома вновь были отстроены, Тимолеон распределил между изгнанниками земли, установил республиканский способ правления, а страшный замок, местопребывание тирана, со всеми его укреплениями приказал сровнять с землей.

Но Тимолеону приходилось бороться с тиранами Мессены, Катаны, Леонтины и других городов, а также карфагенянами, которые высадили в Сицилии 70-тысячное войско. Только гений Тимолеона и мужество храбрых коринфян могли одолеть столько врагов. Гикет был схвачен своими подданными, выдан и казнен как государственный преступник. Та же участь постигла и тирана Катаны — Мамерка. Гиппон, тиран Мессаны, был умерщвлен собственными подданными в театре. Карфаген после понесенного на реке Кримессе решительного поражения заключил мир (в 340 г.), по которому река Галик была назначена грани-

цей его владений на острове. Таким образом Тимолеон прославился тем, что с незначительными силами менее чем за восемь лет освободил от всех тиранов страну и вновь даровал ей спокойствие и благосостояние. При этом он настолько был лишен самомнения, что говорил иногда, что «благодарит богов за то, что, когда они решили восстановить Сицилию, именно он был избран ими для этого полководцем». Однажды один сиракузец осмелился потребовать у него отчета в управлении. Граждане были так возмущены подобным бесстыдством, что подняли шум, но Тимолеон спокойно сказал: «Оставьте его! Я потому и принял на себя столько трудов и опасностей, чтобы ему и подобным людям было дозволено так поступать».

Сложив с себя звание полководца, Тимолеон еще три года жил простым гражданином в кругу своей семьи в прекрасном имении, подаренном ему сиракузцами. К концу своей жизни он ослеп, и его вынуждены были возить в народное собрание, когда ему приходилось высказывать свое мнение о государственных делах.

После смерти Тимолеона (336 г.) ему был поставлен величественный памятник на торговой площади в Сиракузах, и память о нем отмечалась ежегодными играми.

После Тимолеона возобновились прежние беспорядки. Под конец появился новый тиран Агафокл, сын горшечника Каркина, родом из Регия. Он обучался ремеслу отца, но впоследствии посвятил себя военной службе. Скоро достиг он высших

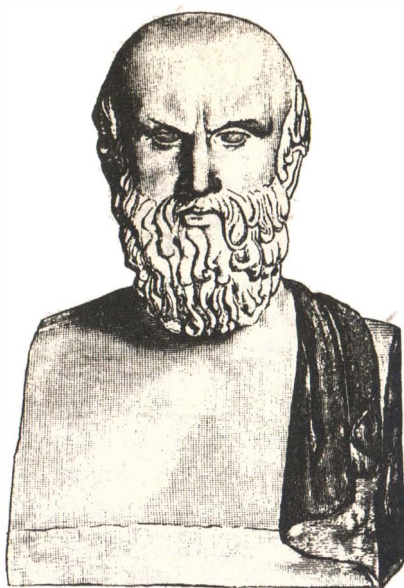
должностей и во главе отряда преданных ему воинов захватил неограниченную власть в Сиракузах, уничтожив при этом до 4000 граждан. Утвердившись в своей власти, он провел несколько победоносных войн против карфагенян, перенес свое оружие в Африку и угрожал даже самой столице своего врага. Но постоянные взаимные раздоры сицилийских городов заставили Агафокла приостано-

новить военные действия и вернуться на родину. То, что Агафокл приобрел в Африке, было потеряно его сыновьями, и он был вынужден войти с карфагенянами в соглашение, по которому уступил за известную денежную сумму многие сицилийские города. Таким образом, грекам не суждено было смирить Карфаген. Покорение его, как мы увидим ниже, судьба предоставила римлянам.

ПИСАТЕЛИ И ИСТОРИКИ

1

2

3

4

ПИСАТЕЛИ И ИСТОРИКИ

5

6

7

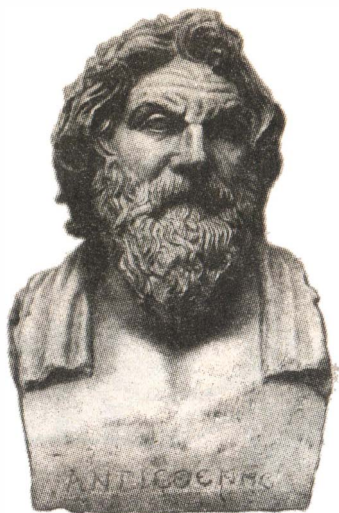
1. Гомер. Позднеантичный бюст.
2. Эсхил. Античный бюст.
3. Софокл. Античная статуя.
4. Геродот. Античный бюст.
5. Эпикур. Античный бюст.
6. Фукидид. Античный бюст.
7. Менандр. Античная статуя.

ФИЛОСОФЫ

1

2

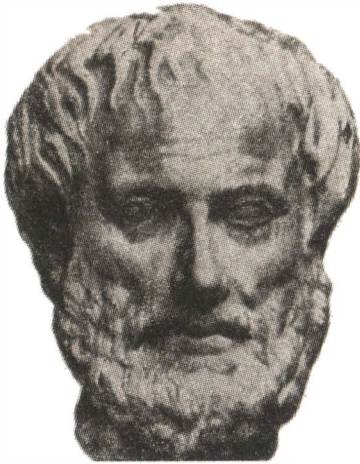

3

4

ФИЛОСОФЫ

5

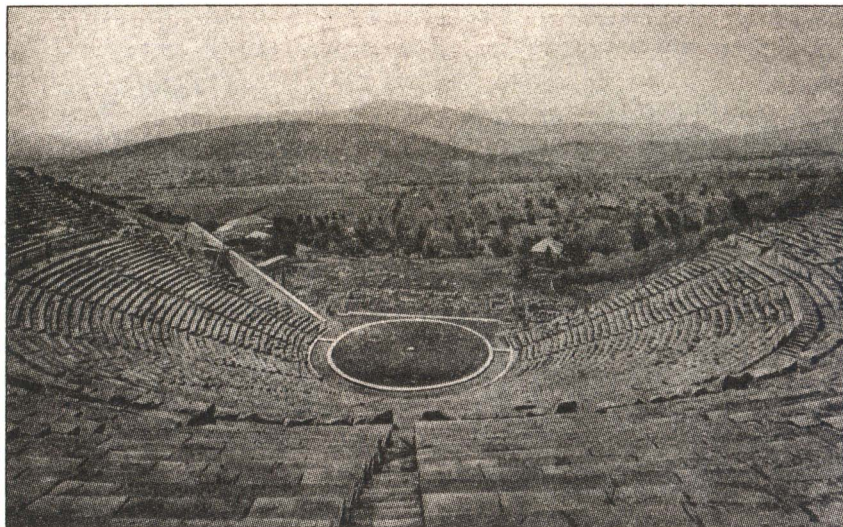
1. Зенон из Китиона. V в. до н. э.
2. Антисфен. V в. до н. э.
3. Платон. V в. до н. э.
4. Платон. V в. до н. э.
5. Аристотель. IV в. до н. э.
6. Аристотель. IV в. до н. э.

6

ТЕАТР

1

2

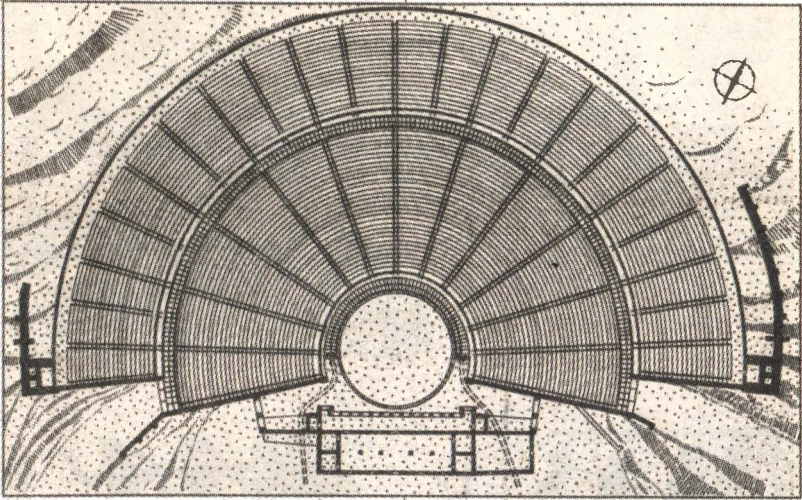

3

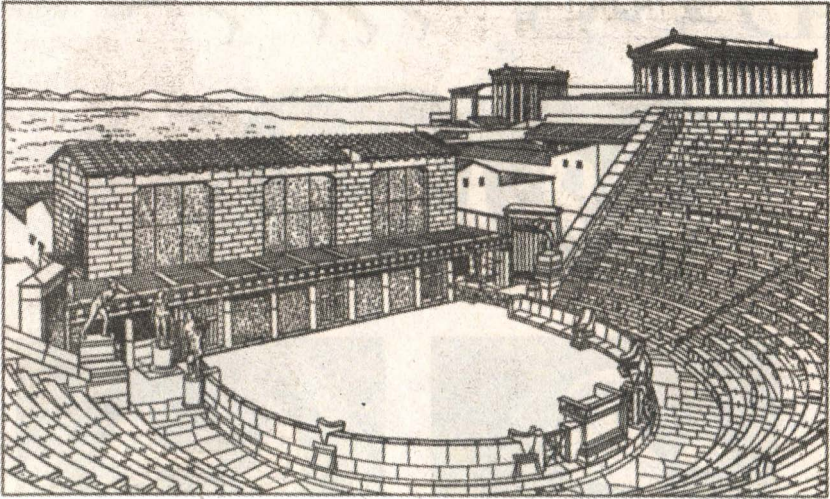

4

ТЕАТР

5

6

1. Театр в Эпидавре. IV в. до н. э.
2. Мимический танец актеров, одетых в маски. Изображение с греческой вазы. IV в. до н. э.
3. Танцовщицы с тамбурином и кимвалами. Рисунок с греческой вазы.
4. Статуэтка, изображающая греческого актера-трагика.
5. План театра в Эпидавре. Вид сверху.
6. Реконструкция театра в Эпидавре.

СПОРТ

1. Борцы. Олимпийские игры. Античная скульптурная группа.
2. Бег. Изображения с древнегреческих амфор.
3. Дискбол. Изображение с древнегреческой амфоры.
4. Победитель получает головную повязку. Изображение с древнегреческой амфоры.

1

2

3

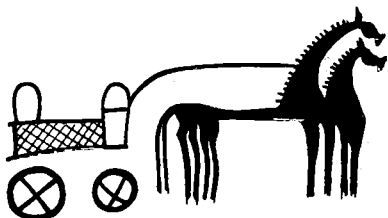
4

1

2

3

4

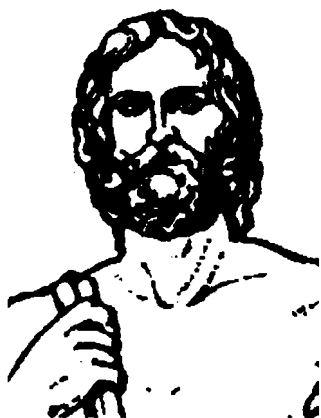

5

6

1. Праздник сбора урожая.
Изображение с чернофигурного сосуда. VII в. до н. э.
2. Греческая соха. Древнегреческое изображение.
3. Греческая повозка.
Древнегреческое изображение.
4. Ткацкие станки. Древнегреческое изображение.
5. Конный эллин. Прорисовка с парфенонского барельефа.
6. Древнегреческая мужская одежда: гиматий (слева), короткий хитон и гиматий (справа).

ДРЕВНИЙ МИР

IV — I вв. до н. э.

---

1. Битва при Кранноне (323—311 гг. до н. э.)

Неожиданная смерть великого царя вызвала всеобщее замешательство. Возникла атмосфера ожидания великих бед. Прямого наследника престола, способного к управлению, не было, так как Александр оставил после себя лишь слабоумного сводного брата Филиппа Аридея, а Роксана уже после смерти Александра родила сына Эга, который был слишком мал. Таким образом открывался простор для авантюры и интриг, для проявления честолюбия и эгоизма. Полководцы заботились только о том, чтобы силой или хитростью закрепить за собой какую-нибудь часть завоеванных земель. Греция ликовала, надеясь возвратить себе свою утраченную свободу. Афиняне преисполнились радостных надежд

и воинственного настроения, но Фокион предостерегал: «Не торжествуйте слишком рано, а дождитесь более верных известий. Если он умер сегодня, значит, он будет мертв и завтра, и поэтому будет время принять надлежащие меры». Несмотря на это афиняне с триумфом вернули из изгнания Демосфена и вступили в союз с этолянами, акарнянами и фессалийцами. Поначалу все шло хорошо. Афинский полководец Леосфен разбил Антипатра и запер в Ламии, почему война эта была названа «ламейской». Из-за наступившего голода Антипатр вынужден был вступить в переговоры, и гордые афиняне потребовали безусловной покорности.

Но в это время случилось несчастье, которое послужило самым недобрим предзнаменованием: погиб Леосфен, пораженный камнем из

праши во время вылазки осажденного гарнизона. Под командованием его преемника Антифила греки отбили нападение Леонната, который привел на помощь осажденным 2000 македонян. В этом сражении Леоннат был убит. Но в это время приближался с ветеранами Кратер. При Кранноне произошла решительная битва (322 г.). Уступавшая в численности эллинская пехота не выдержала натиска македонской фаланги и была разбита. Большая часть побежденных государств тотчас же направила к Антипатру послов, желая окончить возникшую между ними распрю полюбовным соглашением. Хитрый Антипатр отвечал, что не намерен заключать общего мира и что каждое государство должно прислать к нему особого уполномоченного. Некоторое время союзники противились этому. Но когда фессалийские города покорились один за другим, то остальные, охваченные страхом, запросили о мире. Мир был дарован им всем, за исключением афинян и этолян, продолжавших военные действия до последней возможности. Скоро Антипатр стоял в Фивах и угрожал оттуда Афинам. Из Афин были отправлены к Антипатру послы для переговоров о мире. Он потребовал безусловной сдачи города, и афиняне вынуждены были согласиться на это. Афиняне присуждены были к уплате военных издержек и денежной пени, у них было введено олигархическое правление с Фокионом во главе, преданное македонянам. 1200 беднейших жителей были ли-

шены политических прав и переселены во Фракию. Гавань же и укрепление Мунихия были заняты македонским гарнизоном.

Ораторам, и прежде всех Демосфену и Гипериду, пришлось испытать на себе мщение Антипатра.

Чтобы избежать выдачи, они бежали, но были пойманы Архием, бывшим актером, а ныне начальником македонского полицейского отряда. Архий доставил их в Клеонию, в македонский стан, где все они кончили жизнь мучительной смертью. Гипериду был вырезан язык. Демосфен искал спасения в храме Посейдона на острове Калабрия. Там настигли его преследователи. Сначала Архий уговаривал его последовать за ним добровольно, когда же это не подействовало, стал грозить гневом Антипатра. Демосфен произнес: «Теперь только слышу я речь македонского оракула, прежде были слова актера». Затем он высосал скрытый в его стиле (тростниковом перо) яд и упал мертвый у алтаря.

Только Фокиону удалось завоевать уважение Антипатра. Но собственные граждане осудили Фокиона на смерть. Достойный старец был обвинен в государственной измене и вместе со своими друзьями был приговорен выпить чашу с ядом. Судьи были так враждебно настроены к осужденным, что не желали слушать ни о какой защите. Один из осужденных был неутешен и тяжело переживал приговор. И тогда Фокион спокойно сказал: «Разве тебе не приятно, что ты умрешь вместе с Фокионом?» Когда

его спросили в темнице, не имеет ли он что-нибудь передать своему сыну, то он произнес: «Да, я запрещаю ему мстить за меня афинянам».

Пока Пердикка, которому Александр, умирая, передал свой перстень с печатью, занимал должность правителя (323—321 гг.), единство государства кое-как еще поддерживалось. Полководцев удовлетворили на некоторое время раздачей наместничеств. Таким образом получили: Антипатр — Македонию, Кратер — Грецию, Птолемей — Египет и Ливию, Антигон — Памфилию, Кикию и Великую Фригию, Лисимах — Фракию, тайный секретарь и полководец Эвмен — Каппадокию и Пафлагонию. Но скоро Пердикка показался остальным слишком могущественным. Антигон, Птолемей и Антипатр соединились против него, и во время похода в Египет Пердикка был убит подосланными убийцами. Он был умерщвлен в стане под Мемфисом, в своей палатке, несколькими своими всадниками. На следующий день Птолемей явился в стан, дружески приветствовал македонян, извинился за свое поведение и щедро снабдил съестными припасами изголодавшихся воинов. Войско провозгласило его правителем государства. Однако он благоразумно предпочел бесспорное обладание Египтом ненадежному и возбуждавшему сильную зависть званию правителя государства. Сан этот был передан Антипатру (в 321 г.), который пребывал в нем до своей смерти в 315 году. Но назначение Антипат-

ром своим преемником старого полководца Полисперхона привело к полному распаду государственного единства. Собственный сын Антипатра Кассандр восстал против Полисперхона и соединился с Птолемеем и Антигоном. Последовал ряд кровавых сцен, и наступил полнейший беспорядок. По наущению Кассандра все царское семейство было постепенно истреблено. Олимпиада также попала в руки Кассандра. С уцелевшими членами царской семьи она бросилась было искать спасения в хорошо укрепленной Пидне, но Кассандр осадил город и принудил голодом к сдаче. Несмотря на обещанную безопасность, он умертвил ее, подобно тому, как впоследствии умертвил Роксану и ее малолетнего сына Александра. Теперь Кассандр твердой рукой захватил власть в Македонии и прошел Грецию, чтобы уничтожить последние остатки приверженцев Полисперхона. Афины еще до этого заключили мир с ним на следующих умеренных условиях: афиняне сохраняли все свои права и имущество, всякий гражданин, имевший не менее десяти мин, принимал участие в управлении государством, и один из них, которого Кассандр почитал способным к такому управлению, должен был, в качестве представителя города, быть ответственным за все лицом. На эту должность Кассандр избрал некоего Димитрия Фалерийского из города Фалеры.

Что касается союзников Кассандра, то один из них, Птолемей, собирал в это время свои силы, а Анти-

гон начал истребительную войну против царского войска в Азии, последней опоры царского дома. Храбрый предводитель этого войска Эвмен вместе со своими союзниками нанес несколько поражений Антигону, но в новой битве в 316 году был покинут собственными своими воинами. Когда он с ветеранами Александра, вооруженными серебряными щитами, прорвался сквозь неприятельский центр, конница его была отброшена назад, а стан его с женами и детьми ветеранов, сокровищами главного военачальника и войсковым имуществом был захвачен конницей Антигона. Тогда 3000 ветеранов тайно уведомили Антигона, что готовы выдать ему Эвмена, если им будут возвращены их жены и имущество. Антигон согласился на предложение, Эвмен был выдан ветеранами и заключен в темницу. Войско Эвмена большей частью перешло на сторону Антигона, который уже считал себя властителем всей Азии. Из вождей Эвмена он приказал умертвить Эвдема и Пифона. Селевк, которого он тоже собирался уничтожить, бежал в Египет к Птолемею и соединился с ним для борьбы с Антигоном. К ним присоединился Асандр, наместник Кари, Лисимах Фракийский и Кассандр Македонский. Все они к этому времени значительно увеличили свои владения новыми завоеваниями. Эти пять полководцев отправили к Антигону посольство, которое предложило установить соглашение на следующих условиях: Птолемей удерживает за собой Сирию и Финикию, Кассандр — Македонию и

страны, управлявшиеся до того времени Полисперхоном, Асандр — Каппадокию и Ликию, Лисимах — Фригию. Селевк снова восстанавливается в своем вавилонском наместничестве, которого чуть было не лишился, кроме того, Антигон обязывается разделить с ним сокровища, захваченные им в Передней Азии.

Антигон не согласился на эти условия и потребовал, чтобы его признали правителем государства. В то же время он вторгся в Сирию и Финикию, отнял у Птолемея обе эти области и принудил Асандра, наместника карийского, к покорности.

Но поражение, нанесенное Птолемею сыну Антигона — Димитрию в битве при Газе в 312 году, снова вырвало из рук Антигона эти завоевания. Птолемей отнял у него Сирию и Финикию, а Селевк пошел в Вавилон и завоевал все наместничество. Вавилоняне, помня четырехлетнее кроткое управление Селевка, встретили его с любовью. Дальнейшие победы доставили Селевку обладание значительными государствами, Сузианой и Мидией, и этот полководец, который незадолго перед этим искал спасения в бегстве, мог только померяться с Антигоном в силе.

Имея в тылу такого врага, Антигон вынужден был пойти на соглашение с остальными своими противниками. Эти последние предъявили умеренные условия, пожертвовали Асандром и Селевком, признали Антигона властителем Азии и потребовали лишь утверждения за собой своих владений. Лисимах удерж-

жал Фракию, Птолемей — Египет и завоеванные им страны, Кассандр — Македонию до совершеннолетия юного Александра. Греческие же государства должны были оставаться независимыми и свободными от гарнизонов Кассандра. Таким образом в 311 году состоялся мир, но лишь на короткое время. Кассандр, сочетавшийся браком с младшей сестрой Александра Македонского — Фессалоникой, чувствовал себя крайне стесненным, пока был жив сын Александра Македонского. По приказанию Кассандра наместник Амфиполя, которому был поручен надзор за царницей Роксаной и сыном ее, тайно умертвил их обоих и похоронил. Несколько лет спустя Кассандр заключил мир с престарелым Полисперхоном под тайным условием, чтобы Полисперхон устранил с помощью яда и семнадцатилетнего Геркулеса, сына Александра от Барсины. Совершив это злодеяние, Полисперхон сошел с политической сцены и остаток жизни провел в поместьях, предоставленных ему в Этолии и Эпире. Старшая сестра Александра Македонского, вдовствующая царица эпирская, Клеопатра, которая проживала в Сардах и руки которой стал домогаться Птолемей, по приказанию Антигона была умерщвлена собственными служанками. После этого Антигон приказал убить и служанок, а царицу похоронить с необыкновенным великолепием.

Теперь разгорелась борьба между Антигоном и Птолемеем. Ее арена была перенесена в Грецию. Антигон

послал туда с флотом своего сына Димитрия Полиоркета, то есть покорителя городов. Отважный юноша, в котором горел дух Алкивиада, своими новыми изобретениями в постройке кораблей и в устройстве осадных машин вознес военное и кораблестроительное искусство своего времени на невиданную до тех пор высоту. В этом отношении он настолько превзошел остальные народы, что разбил и уничтожил в морском сражении близ берегов Кипра флот Птолемея. Грек Аристодем, посланный с известием об этой победе в Азию, к отцу юного героя, начал свою речь словами: «Поздравляю, царь Антигон!» Это обращение заслужило такое всеобщее одобрение, что с этого времени Антигон требовал его от всех и на первом же письме сыну написал: «Царю Димитрию». Следуя его примеру, Птолемей, Лисимах, Селевк и Кассандр также приняли царский титул.

Димитрий вытеснил из Афин назначенного Кассандром в этот город правителем Димитрия Фалерийского и под видом восстановления демократического правления в Афинах стал укреплять по своему произволу, а вскоре задумал уничтожить Кассандра. Как некогда Филипп и Александр, он созвал греков в Коринф и заставил провозгласить себя их главным предводителем против Македонии. С войском в 56 000 человек выступил он в Фессалию. Кассандр обратился к Азии с мирными предложениями. Но восьмидесятилетний Антигон приказал ему ответить, что пока он сам не сдаст-

ся безусловно и не сдаст своих земель, о мире не может быть и речи.

Остальные цари сочли, что ответ этот должен относиться и к ним. Вследствие этого Птолемей, Селевк и Лисимах заключили союз против Антигона и его сына Димитрия. Лисимах вторгся из Фракии в Малую Азию. Сюда же явился Селевк с более чем 100 боевыми колесницами и с еще неслыханным до тех пор числом слонов — 480. Соединившись, они дали Антигону и Димитрию при Иссе во Фригии сражение, в котором благодаря превосходству в слонах одержали победу. Антигон был убит, а Димитрий с остатками разбитого войска из 4000 всадников и 5000 пехоты спасся на морской берег. Таким образом, самый гордый и могущественный из преемников Александра был уничтожен, сын его, вознесенный в Афинах в ранг божества, стал беглецом, а азиатское царство сделалось добычей обоих победителей, которые поделили его между собой, не заботясь об отсутствующих союзниках. Лисимах удержал за собой всю Малую Азию, а Селевк — все страны по ту сторону Тавра, вплоть до Инда вместе с Сирией и Финикией.

Нечего и говорить, что вражда между образовавшимися теперь пятью царствами не прекращалась. После многих неурядиц остались три могущественных государства: Египет под управлением Птолемея, Македония под властью Антигонов и Сирия под управлением Селевкидов. Рядом с ними образовались второстепенные и третьестепенные

государства: Вифиния, Пергам, Понт, Армения, Каппадокия и т.д., которые вследствие своей незначительности вынуждены были прибегать к покровительству то одной, то другой могущественной державы с тем, чтобы впоследствии сделаться верной добычей всепоглощающих римлян. В таком же зависимом положении находились и греческие города, оставались ли они разъединенными или соединялись в союзы.

2. Димитрий Полиоркет

Дух тогдашнего времени и расстроенное состояние Греции вполне отразились в характере и истории жизни Димитрия Полиоркета. Димитрий Полиоркет был смел до дерзости, пылок до безрассудства, полон самых горделивых замыслов. Вместе с тем он отличался сообразительностью и остроумием, необыкновенной привлекательностью и изысканным образованием и в то же время был человек развратный, капризный, менявший ежеминутно свои решения. История его жизни полна самых невероятных приключений.

Как было упомянуто выше, Димитрий Полиоркет 22-летним юношей в первый раз отцом своим Антигоном был послан с войском против напавшего на Сирию Птолемея египетского. Первый опыт на военном поприще был неудачен, и в сражении при Газе в 312 году Димитрий потерял 13 000 человек и весь обоз, из которого Птолемей возвратил лично принадлежавшее ему имущество и всю захваченную военную казну со

следующим объяснением: он не питает личной вражды ни против него, ни против его отца, но борется лишь за свое право участвовать в добыче, которая составляет общую собственность всех противников Пердикки.

Димитрий был пристыжен, но не потерял мужества. Он упросил отца позволить ему еще раз напасть на неприятеля. Получив разрешение, он напал на одного из полководцев Птолемея, полностью разбил его, захватил весь его стан и взял в плен его самого с 7000 воинов. Теперь Димитрий со своей стороны выказал великодушие перед Птолемеем, возвратив ему его полководца и друзей без выкупа и щедро одарив их при этом подарками.

В это время Греция изнемогала под тяжким игом Кассандра. Димитрий пожелал прославиться освобождением ее. С флотом своего отца он направился к Афинской гавани, овладел городом и принудил македонский гарнизон вместе с Димитрием Фалерийским к отступлению. Афиняне осыпали его необычайными почестями. Они провозгласили Димитрия Полиоркета и его отца «богами-покровителями» своего города, воздвигли им алтари, а скульпторы соперничали между собой в изображении их в виде богов.

Упоенный столь щедро расточаемым фимиамом, юный герой предался всем позволительным и непозволительным наслаждениям. Когда он в 306 году был вызван своим отцом в Малую Азию, Кассандр овладел городом Халкидой на острове Эвбея, чтобы оттуда вновь покорить Гре-

цию. Тогда афиняне вновь призвали на помощь Димитрия. Он явился перед Халкидой, принудил Кассандра к отступлению, а город к сдаче. Затем Димитрий вторично вступил в Афины. Народ постановил предоставить ему для жительства часть храма Афины, ибо никакой дворец не был достоин его божественной особы. Его начали вопрошать о будущем, воздвигли ему алтари и решили, что все, что он будет делать, должно почитаться священным и непреложным. Димитрий вступил в храм и обратил его в жилище невоздержанности и сладострастия.

Затем Димитрий предпринял поход в Пелопоннес, очистил эту область от всех неприятельских войск и вновь даровал городам свободу. За это на Истмийских играх он был провозглашен верховным вождем Греции. Его закружившаяся голова была не в состоянии перенести столько славы. В безумных поступках, в надменности и распутстве он далеко оставил за собой всех своих предшественников.

Но вырваться из омута удовольствий и в случае надобности обратиться в самого закаленного воина не представляло для Димитрия ни малейшего затруднения. Он был хорошим полководцем и воодушевлял своих воинов невероятным рвением. В особенности был он остроумен в изобретении огромных и в то же время подвижных кораблей и осадных машин, которые вызывали удивление даже у его врагов и принесли ему прозвище Полиоркета, то есть покорителя городов.

Быстро поднялся Димитрий, когда союзники Лисимах и Селевк задумали изгнать престарелого Антигона из его царства. Он соединился с войском своего отца, но потерпел поражение в битве при Ипсе во Фригии в 301 году. Тогда Димитрий возложил свои надежды на флот и на афинян. Но афиняне направили навстречу Димитрию послов с извещением, что желают остаться нейтральными и поэтому уже отослали его супругу и двор в Мегару.

Чтобы обеспечить содержание войска, Димитрий отплыл тогда к Херсонесу и опустошил принадлежавшие Лисимаху области. Вскоре после этого новый царь Сирии Селевк, не доверявший больше Птолемию и Лисимаху, стал искать союза с Димитрием. Он сделал предложение его молодой дочери Стратонике и женился на ней в Антиохии, причем оба давних противника во время брачного торжества примирились.

Затем Димитрий отплыл с флотом к Афинам, защищаемым тираном Лахаритом, и после продолжительной осады принудил город голодом к сдаче. Он не только не стал мстить афинянам за неверность, но подарил им много съестных припасов.

Отсюда Димитрий отправился в Спарту, разбил спартанцев и замыслил основать греческое царство. В это время умер Кассандр. Смерть его послужила сигналом к большим замешательствам. Старший сын его Антипатр умертвил мать свою Фессалонику за то, что предпочитала ему брата Александра. Александр призвал к себе на помощь царя эпирско-

го Пирра и Димитрия. Пирр явился первым и убедил братьев мирно разделить царство между собой. Когда прибыл Димитрий со своими войсками, то Александр старался склонить его удалиться и сопровождал его до Лариссы. Но так как из недоверия к Димитрию Александр задумал отделаться от него, то Димитрий приказал изрубить его во время одного пиршества. Македоняне тотчас же провозгласили Димитрия царем на место Александра. После этого Антипатр бежал к тестю своему Лисимаху, а Димитрий был признан всеми царем Македонии.

Утвердив свое господство в Греции и после неудачной войны с Пирром, он сделал громадные приготовления для похода в Азию с целью завоевать ее. Его старинные противники Селевк, Птолемей и Лисимах, узнав об этом, заключили между собой союз, к которому присоединился и Пирр. Лисимах вторгся в Македонию с востока, а Пирр с запада, египетский же флот старался отторгнуть от него Грецию. Димитрий сначала обратился против Лисимаха, а затем против Пирра, своих опаснейших противников. Но македоняне, недовольные образом его жизни, с восточной роскошью и деспотическим правлением, предались Пирру и провозгласили его своим царем. Димитрий бежал с немногими оставшимися ему верными в лагерь своего сына Антигона Гоната. Его царство разделили между собой Пирр и Лисимах. Димитрий никогда более не возвращался в него.

Собрав в Греции войско и флот, Димитрий отправился в Азию. В

Милете он вступил в брак с одной из дочерей Птолемея и затем, опустошая все на пути своем, прошел Карию и Лидию, намереваясь основать для себя царство в Азии. Но сын Лисимаха — Агафокл выступил ему навстречу и, разбив его в нескольких сражениях, преследовал до Тарса в Киликии. Тогда Димитрий обратился с просьбой о помощи к своему зятю. Селевк убедил Агафокла отступить, за что Димитрий заплатил тем, что снова совершил опустошительный поход и произвел ночное нападение на стан Селевка. Но Селевк, вовремя извещенный о таком намерении, успел подготовиться к отпору. Войска Димитрия по приглашению Селевка перешли на его сторону, и Димитрий, бежавший в лесистые горы и окруженный со всех сторон, вынужден был сдаться. Селевк обошелся с ним великодушно: он назначил ему местом жительства город Апамею в Сирии, разрешил пользоваться всеми удовольствиями, но приказал наблюдать за ним строжайшим образом. Димитрий проводил все время на охоте, играх, в пьянстве и умер на третий год своего заточения в возрасте 54 лет, в 284 году.

3. Египет

под властью Птолемеев (328—200 гг. до н. э.)

Через год после Димитрия умер царь египетский Птолемей Лаг, то есть сын Лага. Он носил название Сотера, то есть избавителя. Родосцы даровали ему этот почетный титул в благодарность за защиту горо-

да от Димитрия Полиоркета, который пытался овладеть им с помощью своих осадных машин.

Птолемей возвысил Александрию, сделав ее столицей Египта, построил в квартале Брухейе царский дворец, покровительствовал торговле и ремеслам, создал флот и войско, проложил дороги, соорудил гавани и каналы. Сыну своему Птолемею II Филадельфу он оставил царство в цветущем состоянии.

В царствование Птолемея II Александрия еще более, чем при его отце, возвысилась и обратилась в главный центр греческих наук и искусства. Он завершил начатое его отцом строительство музейона, здания для ученых, где они имели залы для занятий и получали хорошее содержание. Многие талантливые люди, вынужденные покинуть Грецию вследствие непрерывных смут, нашли здесь покровительство и почетный прием. Затем Птолемей II настолько увеличил начатую его отцом и хранившуюся в музейоне публичную библиотеку, что она насчитывала 400 000 томов или свитков, которые заключали в себе все существовавшие в то время литературные сокровища. Надзор за ними он поручил библиотекарям. Своими исследованиями они впервые восстановили в подлинном виде древние греческие творения, например Гомера, отметили чертами недостоверные и сомнительные места, самые выдающиеся — звездочками и снабдили их комментариями. В составленном ими каталоге библиотеки расположили по классам раз-

личные произведения человеческого ума в соответствии с их достоинствами. Так, например, в первый класс трагических поэтов они поместили только троих: Эсхила, Софокла и Еврипида, а в первый класс лириков внесли девятых: Алкмана, Алкея, Сафо, Стесихора, Ивика, Анакреонта, Пиндара, Симонида и Бакхилида. Таким образом, на основании авторитета александрийских ученых, составил законченный канон классических писателей, книги которых впоследствии переписывались, почему и сохранились до нашего времени, между тем как остальные большей частью затерялись. Из числа этих библиотекарей-критиков более всех прославились Аристарх, Зенодот и Зоил. Последний известен также под прозвищем Гомера Мاستикса (бич Гомера) за безжалостное обращение с текстом этого поэта. При дворе Птолемея Филадельфа жили еще дидактический поэт Арат, певец гимнов Каллимах и идиллический поэт Феокрит.

Смерть второго Птолемея последовала в 247 году до н. э. Ему наследовал сын его Птолемей III Эвергет, то есть «благодетель», достойный преемник обоих своих замечательных предшественников. В царствование этих трех царей Египет был богатейшим и счастливейшим государством. Постоянные военные силы, по свидетельству Аппиана, состояли из 200 000 человек пехоты, 40 000 всадников, 2000 боевых колесниц, 15 000 военных кораблей и 300 слонов, а в государственном

казначействе при Птолемее II находилось 740 000 египетских талантов. Александрия была средоточием всемирной торговли, наук, искусств и всевозможной роскоши. Она властвовала на море, а Финикия, Келесирия, Кирена и Кипр составляли внешние провинции египетского государства. Податная система была обременительна для жителей. Все налоги ежегодно сдавались на откуп, и в помощь откупщикам для взимания их предоставлялась военная сила. Понятно, что при этом не обходилось без жестокого грабительства. В особенности подобного рода финансовыми операциями занимались евреи, во множестве переселившиеся в Египет. При Птолемее II налоги Египта, за исключением поставки хлеба, простирались до 14 800 талантов, но при его преемнике Эвергете, который завоевал многие области в Африке и Азии, налоги с Сирии, Финикии и с новых провинций были удвоены. Здесь можно упомянуть, что супругой этого третьего Птолемея была прекрасная Береника. В честь ее красивых блестящих волос, много раз воспетых поэтами, названо одно из созвездий северной части неба.

С четвертого Птолемея начинается упадок государства. Птолемей Филопатор (240—221 гг.) начинает собой ряд дурных правителей. Бессилие, слабоумие, распутство и жестокость, господство любимцев, кровавые распри за обладание престолом составляют содержание этого печальнейшего периода египет-

ской истории. Род Птолемеев, из которых Птолемей Фискон, то есть «толстобрюхий», был настоящим чудовищем, продолжался до Птолемея XIII, ему наследовала сестра его, знаменитая Клеопатра, о которой еще пойдет речь в римской истории.

4. Сирия при Селевкидах (301—64 гг. до н. э.)

В состав Сирийского царства хребро Селевка I Никатора, то есть победителя, в конце его царствования входили страны от Геллеспонта до Евфрата. Последним завоеванием старого воина, который обладал такой силой, что голыми руками мог усмирить быка, было царство Лисимаха, погибшего в битве против Селевка при Корупедии в 282 году. За Лисимахом мстителем явился Птолемей Керавн, сын Птолемея I. После того как отец Керавна передал правление своему младшему сыну от второй жены, Керавн покинул Египет и нашел убежище у Лисимаха. Когда Селевк семь месяцев спустя после своей победы при Корупедии вступил в Европу с целью завоевать свое отечество Македонию, то был коварно убит Керавном.

В мирные годы своего правления Селевк много сделал для устройства своего громадного государства. Он сделал Сирию первенствующей областью, сам же жил в Антиохии на реке Оронте, в Верхней Сирии или в Селевкии на Тигре, которая заняла место приходившего в упадок и оставленного жителями Вавилона.

Все царство Селевкидов было разделено еще Селевком на 72 сатрапии, но при этом не было соблюдено мудрое правило Александра: не была установлена крепкая связь сатрапий с населявшим их туземным населением, а командование войсками было отделено от гражданской правительственной власти. С самого начала Селевк стал опираться на греческо-македонский элемент и не мог при этом решиться на уравнивание в правах победителей и побежденных. Вследствие этого отношения между теми и другими были натянутыми и нередко переходили в кровавые столкновения.

Уже при сыне Селевка, Антиохе I Сотере (281—261 гг.), из части его государств образовалось новое царство, и он не мог этому препятствовать. Филетер, казначей Лисимаха, с помощью щедро оплачиваемых наемных войск, для уплаты жалованья которым он употребил богатые сокровища своего умершего повелителя, провозгласил себя независимым. Он утвердился в Пергаме, хорошо укрепленном городе в Мизии, и положил основание Пергамскому царству, которое приобрело себе почетное имя как средоточие греческих наук и искусств. Аттал I, третий из его преемников, первым принял царский титул (224 г.).

Правление третьего сирийского правителя с царским титулом, Антиоха II, которого милетцы прозвали Феосом, то есть богом, за изгнание тирана их Тимарха, было правлением женщин (264—247 гг.). В это время, когда двор утопал в по-

стыдной роскоши, а удрученный народ изнемогал, отделились две самые могущественные сатрапии и образовали независимые царства — Парфянское и Бактрийское. Основателем Парфянского царства стал храбрый парфянин Арсак. Он убил жестокого наместника Антиоха и прогнал из своей страны сирийцев и македонян. В оборонительной войне против сирийского царя увеличились силы и размеры Парфянского царства. Столицей его стал Кетсифон. Четвертый сирийский царь Селевк II (Калинник) пал в 227 году в сражении с пергамским царем Атталом. Шестой царь Антиох III (222—187 гг.), сын Селевка Калинника, заслужил своими доходившими до самой Индии завоевательными походами прозвание Великого, но очутился под конец в ссоре с римлянами, и ссора эта кончилась значительным ослаблением его могущества.

При преемниках Антиоха Великого Сирийское царство начало быстро клониться к упадку. Антиох IV Эпифан (176—164 гг.) провел удачную войну с Египтом и уже стоял в самом центре завоеванной страны, но в это самое время римский сенат прислал ему повеление остановиться. Об этом будет подробнее изложено в римской истории. Антиох Эпифан замечателен еще своей попыткой заставить евреев отречься от своей веры и ввести в Иудее греческие нравы и религию. В один из субботних дней царский полководец Аполлоний напал на город Иерусалим и повелел от имени царя отме-

нить иудейское богослужение. Непокорных убивали или продавали в рабство. Жертвенник в храме был осквернен принесением на нем в жертву свиней. Тогда среди иудейских беглецов выступил происходивший из благородного рода Гасмонеев Матафия и решился пожертвовать своей жизнью за дело Иеговы. Удалившись с пятью сыновьями в Модин, он разорил там языческое капище и бежал в пустыню, куда призвал всех поборников веры. Множество народа последовало его призыву. С ними Матафия поднял восстание во всей стране и повсюду разорял языческие алтари. Восстание усилилось еще более при третьем сыне Матафии, Иуде Маккавее (что значит «молот»). Он разбил не только Аполлония, но и два других войска, посланных Антиохом в 166 году. Антиох умер в 164 году, но преемники его Антиох V Эвпатор и Димитрий Филопатор продолжали войну. Первые годы война шла с переменным успехом. Сирийскому полководцу Лисию удалось вновь завладеть горой Храма. Тогда многие иудеи отпали от своей религии, и среди них первосвященник Элиаким. Но Иуда и его братья остались непоколебимы, не признали первосвященника и разбили сирийского полководца Никанора в 161 году. Тогда против них выступило новое, превосходившее их числом сирийское войско под командованием Бакхида. Иуда сражался как лев и погиб в неравной битве под Иерусалимом в 160 году. Но смерть его была отомщена младшим братом его

Ионафаном. Он так стеснил Бакхида в одном ущелье, что тот заключил мир и отступил.

При сирийском узурпаторе Александре Баласе Ионафан в благодарность за поддержку, оказанную им Александру в борьбе с соперником его Димитрием Никатором, был признан «полководцем и соправителем». Но впоследствии он попал в плен к Димитрию Никатору и был умерщвлен вместе с двумя своими сыновьями и 1000 единомышленников (144 г.).

Тогда иудеи выбрали своим полководцем единственного оставшегося в живых сына Матафии — Симона. По договору с Димитрием он заставил последнего признать за собой первосвященническую и царскую власть и затем очистить всю Иудею от язычников. Много лет правил он страной мудро и справедливо, повсюду восстановил служение Иегове и всячески заботился о благоденствии народа. Как мала была в то время зависимость Иудеи от Сирии, можно судить по тому, что Симон отчеканил даже собственную монету со своим изображением. Но насколько счастливо было его правление, настолько печален оказался конец: зять Симона Птолемей умертвил его вместе с его сыновьями Матафией и Иудой во время пиршества. Сын Симона — Иоанн, прозванный Гирканом, избежал смерти только благодаря тому, что был предупрежден своими сторонниками о замыслах Птолемея. Таким образом Иоанн получил возможность умертвить подосланных к не-

му убийц, после чего поспешно занял Иерусалим и провозгласил себя первосвященником. Чтобы обезопасить себя на более продолжительное время от сирийцев, Иоанн заключил союз с римлянами. Римляне, привыкнув уже выставлять напоказ мнимое свое великодушие, охотно приняли под защиту маленький иудейский народ и оказывали ему покровительство до тех пор, пока Иудея и угнетавшая ее Сирия не были подготовлены к порабощению.

Во время почти тридцатилетнего управления Иоанна Гиркана иудеи жили в мире и благоденствии. Но с его смертью дом Маккавеев стал быстро клониться к падению. Сын Иоанна Гиркана Аристокбул провозгласил себя царем, но опозорил этот титул бесчеловечными жестокостями. Еще хуже стал править брат его Александр-Иоанн. Свою власть он поддерживал наемным войском и с его помощью кровавым образом усмирил вспыхнувшее против него восстание. Во время роскошных пиршеств, устроенных им в честь своей победы, Александр-Иоанн приказал распять на кресте 800 своих противников и на их глазах умертвить их жен и детей. Удачными походами он настолько увеличил царство Иудейское, что оно стало почти таким же по размерам, как во времена царя Давида. После смерти Александра-Иоанна некоторое время правила его вдова Александра с должным благоразумием и твердостью. Но со смертью ее возникла ссора между ее сыновьями Гирканом и Аристокбулом. Спор этот был раз-

решен римлянином Помпеем, о чем будет рассказано позже.

Последний властитель Сирии из рода Селевка был Антиох XIII. Хотя он был признан римлянами царем, но после двухлетнего правления был свергнут с престола Помпеем. Затем Сирия была включена в состав провинций Римского государства (в 64 г. до н. э.).

5. Македония и Греция (323—168 гг. до н. э.)

Ни одно государство не сменяло так часто своих властителей в период смутного времени, как Македония. За правителем государства Антипатром последовал престарелый Полисперхон, за ним сильный, но жестокий Кассандр, затем искатель приключений Димитрий Полиоркет. Когда Димитрий во время похода против Пирра Эпирского лишился своего войска, то последнее вместо него провозгласило царем Пирра. Но Пирр не смог долго продержаться против Лисимаха Фракийского, который завладел половиной его государства, и в 286 году вынужден был вернуться в Эпир. После смерти Лисимаха победивший его Селевк хотел стать царем Македонии, но погиб в 281 году под ножом убийцы, посланного Птолемеем Керавном. После этого с помощью войск Лисимаха на престол вступил сам главный убийца. Через два года во Фракию, Македонию и Грецию вторглись многочисленные отряды кельтов (или галлов), и в битве с ними Птолемей Керавн был убит. Галлы благодаря

самоотверженной храбрости соединившихся фокейцев, локров и этолян потерпели при Дельфах поражение и были почти полностью истреблены. Остатки галлов спаслись на север, прошли Фракию, перешли через Гелеспонт в Азию и заняли там страну, названную по их имени Галатеей.

В то время как Пирр был занят в Италии, на освободившемся престоле утвердился в 276 году сын покорителя городов Димитрия Полиоркета — Антигон Гонат. Но Пирр, возвратившись из Италии, снова направился в Македонию, вытеснил оттуда Антигона и вторично заставил войско провозгласить себя царем. Однако два года спустя он был убит в Аргосе, после чего Антигон Гонат вторично захватил верховную власть в Македонии и передал ее своим наследникам. Из многих преемников Антигона Гоната нам встретятся в римской истории Филипп III (221—179 гг.) и сын его Персей (179—168 гг.) Поражением македонян при Пидне в 168 году была решена судьба македонского царства, и оно вошло в число провинций Римского государства (в 146 г.).

Положение дел в Греции было так же безотраднo, как и в Македонии. Там господствовал полный беспорядок и распущенность нравов. Об общественной безопасности не было речи. Разбойничьи шайки наводняли страну и налагали контрибуции даже на города. Однако искорка былой доблести и воодушевления еще не совсем угасла в греках.

Когда Антигон Гонат покинул Пелопоннес, где воспрепятствовал

намерению Пирра утвердиться, в них снова пробудилось страстное стремление к свободе. Область Ахайя, 12 городов которой с древнейших времен составляли союз, уничтоженный впоследствии Александром Македонским и его преемниками, положила начало возобновлению прежнего союза. Сначала соединились четыре самых незначительных города: Дима, Патры, Трирея и Фары (в 280 г.). К ним скоро примкнула Огия, прогнавшая македонский гарнизон. Жители Бурры убили тирана, после чего тиран Кирены сам отказался от власти, и город этот также присоединился к союзу.

Явился и руководитель союза. То был Арат, уроженец Сикиона. Во главе разбойничьей шайки он напал на Сикион и без всякого кровопролития прогнал тирана Никокла. Своими распоряжениями Арат приобрел доверие граждан. Он предложил присоединиться к Ахейскому союзу, что и было сделано в 251 году. В 245 году Арата избрали в союзные полководцы, и таким образом из маленьких союзов постепенно образовался могущественный союз государств. В него вошли почти все остальные города Ахайи. Птолемей Филадельф помог союзу деньгами, чтобы через него противодействовать македонянам. В 243 году Арату удалось подкупить македонских наемников, овладеть Коринфом и Мегарой и присоединить к союзу оба эти города.

В первый раз со времен Филиппа Македонского коринфяне полу-

чили обратно ключи от своего родного города.

Теперь Ахейский союз сформировался окончательно. Он представлял собой оборонительный и наступательный союз между отдельными государствами. Были введены общие меры и монетная система, однако отдельные города сохранили независимое управление и собственные учреждения. Два раза в год члены союза собирались в избранном для этого города Эгии. Высший сановник союза назывался стратегом.

Около 284 года этоляне создали подобный же союз, к которому некоторое время принадлежали также локры, фокейцы и южные фессалийцы. Но так как этот Этолийский союз постоянно враждовал с Ахейским, а Спарта по своей зависти старалась ослабить и тот и другой, то план Арата постепенно освободить всю Грецию от македонского ига мог потерпеть неудачу. Чтобы успешно противодействовать завоевательным замыслам спартанцев во время правления энергичного царя Клеомена III, Арат призвал только что изгнанных македонян. Они явились под предводительством своего царя Антигона Досона и помогли разбить спартанцев при Селлазии в 222 году, но снова заняли Коринфскую крепость и под именем союзников сделали властителями греков. После победы при Селлазии македоняне вступили в Спарту и принудили спартанцев примкнуть к Ахейскому союзу. Таким образом, во главе этого союза стали македоняне. Сам Арат скоро стал жертвой

расчетливой македонской политики. Филипп III, для которого Арат становился неудобным, приказал отравить его в 213 году. Преемником его в звании стратега стал благородный Филопомен, прозванный «последним эллином». Он был родом из Мегалополя. Еще юношей Филопомен был отличным всадником и предводителем своих товарищей. В битве при Селлазии он особенно отличился, несмотря на то, что участвовал в ней в качестве простого воина. Обманувшись в своих ожиданиях снова увидеть Грецию свободной, Филопомен отправился на остров Крит, где нашел возможность развить свои военные способности. По возвращении на родину все свои усилия он направил на то, чтобы вновь вдохнуть воинственный дух предков в своих современников. Прежде всего он стал приучать молодежь своего родного города к воинским упражнениям и обнаружил при этом незаурядные тактические способности, сделав нововведения в способе ведения войны изобретением новых боевых порядков и передвижений войск. Он обратил особенное внимание на преобразование конницы сообразно с духом времени. Множество ахейских юношей стекались к нему в Мегалополь, а свободные площади перед этим городом, казалось, были предназначены для воинских упражнений. Мужество Филопомена во время сражения воспламеняло каждого воина. В битве со спартамцами в 208 году он собственноручно заколол их тирана Махинида. Преемник

Махинида, тиран Навис был также разбит им при Гифии и затем убит своими собственными людьми. Таким образом Филопомен вынудил Спарту присоединиться к Ахейскому союзу.

Филопомен отличался и храбростью, и воинскими талантами, и умеренностью, и простотой. Он жил как простой воин и по многим своим чертам вполне справедливо может быть поставлен в ряд с Аристодом и Фокионом. Чтобы выказать ему уважение, спартанские эфоры решили поднести ему в подарок деньги, вырученные от продажи имений, принадлежавших тирану Навису. Послы, которые должны были передать подарок Филопомену, увидев умеренность его в еде, его суровость в обращении и все величие его поведения, не осмелились исполнить поручения и смущенные вернулись домой. Отправленные вторично, они опять не решились исполнить свое поручение. Посланные в третий раз, они собрались с мужеством и открыли ему истинную цель своего посольства. Сначала Филопомен засмеялся, а затем сказал серьезно: «Вам не следует подкупать ваших друзей, ибо плохи те граждане, которых приходится подкупать для того, чтобы они молчали и не мешали плохим».

Однажды Филопомен пришел в Мегару, и один из тамошних гостеприимных друзей его, предупредивший о том, что Филопомен посетит его, и не имея возможности быть в это время дома, поручил своей жене подобающим образом принять

гостя. Бедная женщина была сильно взволнована, узнав, что их посетит глава Ахейского союза: Она занималась приготовлением обеда в тот момент, когда Филопомен вошел в дом один и скромно одетый. Приняв его за одного из воинов, посланного вперед, она в беспокойстве закричала ему: «Ах, друг мой, будь так добр, помоги мне скорее!» Полководец тотчас же снял плащ и принялся колоть дрова. В это время появился хозяин дома и, изумившись, спросил: «Что значит это, Филопомен?» «Ничего, — отвечал Филопомен, — я наказан за мою дурную одежду!»

Такого рода поступки приобрели Филопомену уважение всех греков, а то, что он сделал для Ахейского союза в качестве стратега, доставило ему неоспоримое право на благодарность отечества. И он, подобно Фемистоклу, удостоился почетнейшей награды: явившись однажды на Немейские игры с вновь организованным отрядом благородных воинов, он обратил на себя внимание всей собравшейся там Греции. Когда певец Пилад пропел слова: «Я даю сынам Греции прекрасное украшение — свободу», то все слушатели в порыве восторга повернулись к Филопомену и прервали певца продолжительными рукоплесканиями.

Благодаря Филопомену Ахейский союз достиг величайшего своего значения. Но в это время завистливая политика Рима, ставшего уже твердой ногой в Македонии, обращала свои взоры на юг Греции. В скором времени, в надежде на рим-

скую помощь, от союза отпала Спарта. Хотя Филопомен после этого вновь завоевал Спарту, разрушил стены ее, уничтожил государственное устройство Ликурга, римляне настолько запутали в сетях своих интриг расстроенные в высшей степени греческие государства, что Филопомен не мог надолго сохранить прочность и единство союза. Римляне не стали, однако, нападать прямо, а сумели сначала посеять раздор среди греков. Семью этого раздора прежде всего возжили в Мессене. Один знатный гражданин этого города, Динократ, настоял на открытом отпадении от Ахейского союза. В это время семидесятилетний Филопомен, избранный в восьмой раз стратегом союза, лежал в Аргосе больной. Тем не менее, узнав об этом, он живо поднялся и поспешил в Мегалополь. Там он собрал своих всадников и бросился в Мессену. В первой же схватке его спутники слишком далеко оторвались от него, и Филопомен оказался в опасном положении. Лошадь его споткнулась на скалистой дороге и так ушибла его при падении, что неприятели сочли его мертвым. Когда же они увидели, что Филопомен приподнимает голову, то бросились на него, связали и с торжеством повели в Мессену. Здесь он был брошен в сырую, мрачную темницу, и Динократ поспешил отравить его, прежде чем успели начаться переговоры о его освобождении. Посланный с чашей яда нашел старца лежащим на сырой земле, погруженным в размышление. С трудом припод-

нявшись, Филопомен спросил раба об участии Ликорта и его всадников. Получив ответ: «Они спаслись», Филомен произнес: «Хорошо! В таком случае не все еще погибло», осушил чашу и через несколько минут испустил дух. Он умер в один год с Ганнибалом и его великим противником — П.Сципионом Африканским Старшим в 183 году до н. э.

Ликорт, отец историка Полибия и преемник Филопомена в звании стратега, отомстил за смерть Филопомена. Он вторгся в Мессению, принудил Мессену к сдаче, заставил это государство вновь присоединиться к Ахейскому союзу и торжественно перевез урну с пеплом героя в Мегалополь. Но и Ликорт не в состоянии уже был надолго задержать быстрое разложение Ахейского союза. О подробностях падения этого союза, виновниками которого были римляне, будет изложено в римской истории.

6. Спарта при Агисе III (244—220 гг. до н. э.)

В Спарте, так же как и в Афинах, исчезли прежние порядки. О государственных учреждениях Ликурга с их строгими нравами давным-давно уже не было и помину. Вследствие частых связей с иноземцами нравы спартанцев изменились, и они погрязли в роскоши и невоздержанности. Закон, по которому все полноправные граждане Спарты должны были иметь одинаковые земельные участки, совсем уже не соблюдался. С тех пор как эфор

Эпитадей в правление Агесилая провел закон, разрешавший передавать имущество в виде дара или по духовному завещанию посторонним, а также и дочерям, земельная собственность сосредоточилась в руках немногих семейств. Вместо прежних 9000 таких семейств спартиатов (воинов-землевладельцев, живших за счет доходов от выделенных им земель, которые за них обрабатывали рабы — илоты) теперь оставалось всего лишь 700. Этому злу вознамерился положить конец Агис III, вступивший на престол в 244 году. Он предпринял восстановление древних Ликурговых законов и показал своим согражданам пример древнеспартанской простоты. Он предложил все земельные участки, оставшиеся свободными после нового раздела между 700 семьями, разделить между 15 000 периеками (периеки — порабощенная спартанцами группа лаконского населения, обладавшая личной свободой, но не принимавшая участия в государственных делах) и таким образом увеличить число земельных собственников и затем окончательно погасить все долговые претензии. Агис обещал пожертвовать для этого все свое движимое и недвижимое имущество. Народ с восторгом приветствовал такое предложение, но в своем соправителе Леониде Агис встретил ожесточенного противника. Однако предложение о погашении долгов прошло, и Леонид вместе с эфорами были отрешены от своих должностей. В совет новых эфоров вошел также и дядя Агиса — интриган

Агесилай. Когда Агис выразил решительное намерение приступить к переделу земельных участков, то Агесилай, который счастливо избавился, с погашением всех обязательств, от своих долгов, но не желал уступать своих собственных поместий, старался затормозить приведение в исполнение этого второго распоряжения. В таком положении находились дела, когда Агис выступил на войну против разбойничавших этолян, чтобы наказать их с помощью Ахейского союза. Поход не удался, и при своем возвращении в Спарту Агис нашел положение вещей совершенно изменившимся. Дядя его Агесилай настолько стал ненавистен народу вследствие разного рода жестокостей, что народ, горько обманутый в своих надеждах, не оказал никакого сопротивления Леониду, бежавшему перед этим в Тегею, а теперь возвращавшемуся с войском в Спарту, где он успел войти в соглашение с олигархической партией. Агис искал спасения в храме, но эфоры сумели выманить его оттуда, обещав полную безопасность. Едва Агис вышел из храма, как они арестовали его и задушили.

По стопам Агиса задумал идти Клеомен III (235 г.). Сначала он постарался восстановить силу и значение царской власти и тем ослабить всемогущих эфоров (эфоры — пять высших должностных лиц Спарты, избиравшихся сроком на один год). Благоприятным обстоятельством к тому послужила война с Ахейским союзом. Клеомен разбил ахейан с их вождем Аратом в нескольких сраже-

ниях и возвратился, увенчанный победой и славой. Он вступил в Спарту с наемным отрядом, умертвил четырех эфоров и уничтожил это звание. Тогда предпринято было полное погашение долгов и равномерное распределение земельных участков. Принятием перизков Клеомен увеличил число граждан. Древнеспартанское воспитание, сисситии (совместные трапезы спартиатов) и другие древние обычаи были восстановлены. Но всем этим нововведениям был положен внезапный конец. Новая война против Ахейского союза, принятая с целью восстановления прежней гегемонии и вначале удачная, окончилась поражением в теснине при Селлазии, нанесенным македонским царем Антигоном Досоном, которого Арат призвал на помощь. Клеомен вынужден был искать спасения в бегстве и отправился в Египет, где надеялся расположить в пользу своих замыслов царя Птолемея Эвергета. Но Птолемей Эвергет в скором времени умер, а его преемник Птолемей Филадельф, предавшийся роскоши, не был человеком, способным сочувствовать стремлениям Клеомена. Клеомен попытался произвести среди египтян возмущение против их властителя, но его попытки не нашли никакой поддержки, и, чтобы не попасть в руки царя, он сам умертвил себя. Мать и дети его были казнены, тело его зашито было в шкуру и повешено на виселице. Так окончил жизнь один из благороднейших спартанцев, и со смертью его Спарта навсегда утратила свое блестящее положение в Элладе.

7. Науки и искусства (336—30 гг. до н. э.)

Благодаря завоевательным походам Александра греческий язык стал всемирным. Греческое образование, науки и искусства, в особенности благодаря многообразным колониям, распространялись повсюду. В них возникла потребность при дворах государей — в Александрии, Пергаме и Сиракузах, равно как в Афинах, на острове Родос, в Сикионе, Византии и т.д. Греческие художники, полководцы, купцы, ученые, философы встречались повсеместно.

Период этот называют эллинистическим, или александрийским, веком. В Александрии образовалось особенное наречие. Отличительный признак александрийского века составляет недостаток самобытной творческой силы, мощного полета фантазии, идеального вдохновения. Все было направлено на путь реальных наук, дающих практическую пользу, как, например, естествознание, медицина, строительное и военное искусства, математика, механика. Все было старательно собрано и приведено в порядок, древние писатели объяснены, а бывшие в обращении рукописи тщательно проверены. Но наряду с этим появилось праздное мудрствование, образовалась вычурность слога, пустота и искусственность в содержании, которые никоим образом не могли восполнить указанных выше недостатков.

В области философии имя Аристотеля затмевало все остальные. В

противоположность Платону, который вращался в области догадок и фантазии, в мире идеалов, Аристотель старался объяснить действительность рядом исследований. У него философия является «размышляющим познанием вселенной». Существенное знание заключается для него в понимании начала, основной причины. От Аристотеля остались многочисленные сочинения по логике, пниктике, математике, физике, естественной истории, политике, психологии и этике. Аристотель, исполнив возложенное на него поручение — воспитание юного Александра, отправился в Афины и в течение 13 лет учил там в Лицее, в тенистых аллеях которого (перипатос — крытая аллея) он обыкновенно прохаживался со своими учениками, почему они и получили название перипатетиков. После смерти Александра Аристотель покинул Афины, где он, как некогда Анаксагор, подвергался опасности быть обвиненным в неуважении к государственной религии. Он умер в Халкиде, на острове Эвбея в 322 году до н. э.

Одним из самых выдающихся учеников Аристотеля был Теофраст, уроженец острова Лесбос (372—288 гг. до н. э.). Как Аристотель является основателем научной зоологии, так Теофраста следует считать отцом ботаники. Кроме того Теофраст оставил после себя сочинение «Характеры», в котором даны описания отрицательных характерологических типов. Оно имело успех среди комедиографов поздней античности.

Упадок греческих воззрений в особенности выказывается в философской системе Эпикура, родившегося в Афинах в 342 году. Для Эпикура уже не добродетель и не проистекающее из нее удовлетворяющее чувство самопознания составляют конечную цель нравственной жизни. Для него высшее благополучие заключается в отсутствии всех страданий. Поэтому боги представляются Эпикуру высшими идеалами блаженного существования. По его понятиям, они живут в полной безмятежности, так как земные дела, которые могли бы нарушить и омрачить их блаженство, не причиняют им ни малейших огорчений.

В противоположность эпикурейцам, идеи о божестве и добродетели крепко держались стоики. Бог по их учению есть существо, одаренное высшим разумом, законы же природы являются естественным и разумным его последствием. Вследствие этого высшим, основным правилом стоиков в их нравственных поступках было следующее: человек должен поступать согласно природе, а следовательно, и согласно разуму, в этом состоит добродетель. Основателем стоицизма был Зенон, родом из Китона, живший около 300 года до н. э. Основное требование нравственной жизни у Зенона — известный героизм, который должен был высказываться в презрении к страданиям. Как ни несовершенна была стоическая этика, все-таки она заключала в себе зародыш превосходных житейских правил. Стоики проявляли непобе-

димое мужество в самых затруднительных обстоятельствах жизни, в особенности во время господства деспотизма. Самым восторженным последователем этой философии был император Марк Аврелий Антонин, прозванный Философом. С этим учением римляне впервые познакомились в 155 году до н. э. через стоика Диогена, уроженца Вавилона, ученика Хрисиппа, прибывшего в Рим с афинским посольством.

В такое время, как александрийский век, когда так глубоко были потрясены нравственные и религиозные основы, философы и самых крайних направлений находили многочисленных приверженцев. Так, Пиррон, современник Аристотеля, благодаря его учению о том, что ничто не может быть признано существующим в действительности и что, напротив того, все должно возбуждать сомнение, встретил большое сочувствие и вполне справедливо заслужил название «скептика», то есть сомневающегося. Еще дальше пошел Эхемерон, живший около 300 года до н. э. Он отнял от мифов о богах их чудесный характер и объяснял их как истории выделившихся среди других своими телесными и духовными качествами людей, которым после их смерти воздавали божеские почести и истории которых намеренно облекли в чудесные образы. Эхемерон получил насмешливое прозвище «атеиста», то есть богоотступника, но несмотря на это учение его имело успех, главным образом в Риме.

Поэзия, в особенности драматическая, также пришла в упадок. В области трагедии, несмотря на многократную обработку ее софистами и их учениками, не явилось ни одного имени, достойного упоминания. В александрийский век большей частью довольствовались творениями Еврипида. Только в комедии обнаружилась попытка к дальнейшему развитию, создавшему так называемую «новую комедию», главными представителями которой являются Менандр и Филемон. Но содержание и характер ее совершенно изменились, с этой стороны она значительно понизилась. Политическая жизнь совершенно исчезла со сцены, и место ее занял быт, изображение повседневной жизни. В качестве лиц, ставших предметом осмеяния, теперь выступали не государственные люди и руководители народа, а лица и типы из обыденной жизни: ремесленники, земледельцы, воины, прихлебатели, гетеры.

Выдающееся явление в области лирической представлял Феокрит из Сиракуз, живший около 272 года до н. э. Он был основателем «буколической» поэзии, то есть поэзии пастушеской. Феокрит рисовал жизнь пастухов, рыбаков, сельских жителей и простых горожан в отдельных сценах, «идиллиях», то есть картинках, полных жизни и драматического движения.

Из многочисленных сочинений историков, описывавших деяния Александра в качестве очевидцев, до нас не дошло ни одного, поэтому об

этих утраченных творениях мы знаем лишь из позднейших биографий Александра, составленных Плутархом и Аррианом около 100 года н. э.; а также ритором К. Курцием. Александрийскому веку принадлежат также Бероз, написавший «Вавилонскую историю», и Манефа, составитель «Египетской истории». К ним еще можно прибавить и неизвестного автора так называемой *Marmor Parium*, мраморной стелы, содержавшей запись событий политической жизни острова Парос в Эгейском море.

В области математики блистали александриец Эвклид, живший около 300 года до н. э., автор монументального труда «Элементы» по геометрии и стереометрии, и сиракузянин Архимед, родившийся в 287 году до н. э. и убитый в 212 году во время взятия Сиракуз римским военачальником Марцеллом. Архимед был выдающимся механиком древнего мира. Он открыл центр тяжести тел, удельный вес, силу рычага, составной блок для подъема тяжестей, бесконечный винт (шнекер). Архимеду принадлежат широко известные слова: «Дайте мне точку опоры, и я подниму Землю».

Из изящных искусств в александрийском веке в особенности процветали живопись и ваяние. Живописец Апеллес, уроженец острова Кос (356—308 гг.), соединял в себе преимущества обеих школ живописи: аттической и ионийской, ибо обладал большой творческой силой и умением необыкновенно точно изображать природу. Образцом

прелести и грации считалась в древние времена картина Апеллеса «Афродита Анадиомена» (рождающаяся из морской пены).

Апеллес один пользовался правом писать портреты Александра Македонского. Изображать же его в мраморе или бронзе разрешалось одному только Лисиппу, который изобразил Александра в различных видах: юношей, мужем, в бою, восседающим на троне, на охоте, верхом и т.д. Лисипп умел сочетать в своих творе-

ниях величайшее сходство с самой высокой красотой. Его резцу принадлежит знаменитая бронзовая группа из 25 всадников, установленная в городе Дионе, в Македонии. Она изображала избранных соратников царя Александра, павших во круг него в битве при Гранике, в самых разнообразных позах: сражающимися, ранеными, умирающими. Впоследствии эта группа служила украшением портика в доме Метелла в Риме.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАНИЯ О ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЕНАХ

1. Еврейские предания 5
2. Греческие предания 6

ЕГИПТЯНЕ

1. Общие сведения 9
2. Древнейшая история египтян 12
3. Общественная жизнь египтян 25

СЕМИТСКИЕ НАРОДЫ

1. Моисей 30
2. Ханаан и его соседи 35
3. Вавилоняне и ассирийцы 40
4. Культура халдеев и ассирийцев 41
5. Иисус Навин и судии 44
  - а) Иеффай 58
  - б) Самсон 59
  - в) Самуил 62
6. Теократическая монархия. Саул, Давид и Соломон 63
7. Разделение Иудейского царства 68
8. Израильское и Иудейское царства 69
9. Падение Ассирийского царства 72
10. Падение Иудейского царства 75

АРИЙЦЫ

1. Общие сведения 79
2. Иранские арийцы, или зендский народ 79
3. Индийские арийцы, или индусы 81

ПЕРСЫ

1. Мидийское царство при Астиаге	88
2. Кир — основатель Персидской монархии	89
3. Падение Лидийского царства	95
4. Смерть Кира	103
5. Псамметих I	119
6. Камбиз	121
7. Дарий, сын Гистаспа	125
8. Государственное устройство	132

ГРЕКИ

1. Начало греческих государств	135
2. Героический период греческой истории	137
а) Главные герои и их подвиги	137
б) Общие предприятия героического периода. Фиванские войны, Лабдакиды, или Сказание об Эдипе	140
в) Поход аргонавтов	142
г) Троянская война	143
д) Сцены из «Илиады»	145
е) Возвращение греков после разорения Трои	165
ж) Сцены из «Одиссеи»	167
3. Переселение дорян. Колонии	181
4. Реформа Ликурга в Спарте	183
5. Первая и вторая Мессенские войны	199
6. Солон — законодатель афинский	203
7. Писистрат	210
8. Дельфийский оракул	212
9. Духовная жизнь греков	215
10. Греция перед Персидской войной	223
11. Восстание ионян в Малой Азии	237
12. Походы Дария против греков	241
13. Мильтиад, Фемистокл и Аристид	244
14. Поход Ксеркса	246
а) Поход через Геллеспонт, Фракию и Македонию	246
б) Фермопилы, Артемизия и Саламин	248
в) Платея и Микала	256
15. Война с карфагенянами	272
16. Фемистокл	273
17. Правление Кимона	280
18. Перикл. Третья Мессенская война	282
19. Борьба между Спартой и Афинами	284
20. Величие Афин	286

21. Военные действия Афин	288
22. Пелопоннесская война	290
а) Начало войны. Чума в Афинах. Никиев мир	290
б) Алкивиад. События до Сицилийской экспедиции	311
в) Сицилийская защита афинян	313
г) Военные действия Афин и внутренние смуты в них до возвращения Алкивиада	317
д) Лисандр; сражение при Эгоспотамах. Падение Афин	323
23. Гегемония Спарты	328
24. Умственная жизнь греков	329
25. Сократ и его последователи	334
26. Поход Кира Младшего	348
27. Борьба Спарты с Персией	351
28. Коринфская война	354
29. Фиванская гегемония	357
30. Филипп Македонский. Демосфен	368
31. Александр Македонский	392
а) Юность. Разрушение Фив	392
б) Александр в Малой Азии. Граник и Исс	393
в) Александр в Тире и Египте	398
г) Битва при Гавгамелах. Вавилон и Персеполь	399
д) Смерть Дария. Александр в северо-восточной Персии. Филот и Клит	400
е) Александр в Индии	403
ж) Возвращение и смерть Александра	405
32. Сиракузы. Два Дионисия	409

ДРЕВНИЙ МИР IV — I вв. до н. э.

1. Битва при Кранноне	422
2. Димитрий Полиоркет	427
3. Египет под властью Птолемеев	430
4. Сирия при Селевкидах	440
5. Македония и Греция	435
6. Спарта при Агисе III	439
7. Науки и искусства	441

Карл Фридрих Беккер

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ВОСТОК. ГРЕЦИЯ

Для среднего школьного возраста

Редактор *В. В. Овчинников*

Редактор подписей к иллюстрациям *О. А. Арбузова*

Внешнее оформление *Д. А. Акимов*

Художественный редактор *Э. К. Губская*

Компьютерная верстка *М. Г. Маслова, Р. В. Самохин*

Корректор *Г. И. Киселева*

Налоговая льгота — Общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93,
том 2: 953000 — книги, брошюры

Лицензия № 070099 от 03.09.96

Подписано в печать 09.02.01

Формат 60х90 ¹/₁₆. Гарнитура «Академия». Бумага газетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28. Тираж 5000 экз.

Изд. № 00-2530. Заказ № 4316

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075 Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ВОСТОК·ГРЕЦИЯ

Классический учебник, по которому изучали историю Древнего мира несколько поколений гимназистов в Германии, России и других странах Европы.

ISBN 5-224-02115-4

9 785224 021154 >